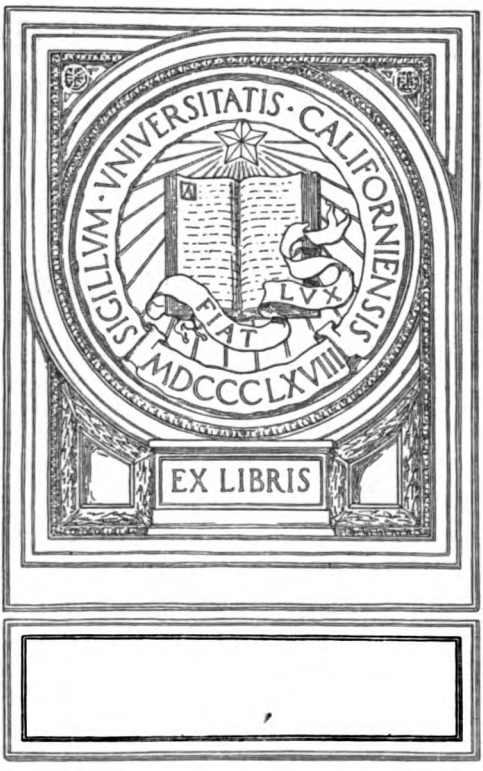

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
LVX
FIAT
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ VIII-й. № 7-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

UNIV. OF CALIFORNIA

ІЮЛЬ

1899 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

		стр.
1.	АГРАРНЫЙ КРИЗИСЪ. Л. Крживицкаго.	1
2.	ВЪ ГОРОДСКОЙ ШКОЛѢ. (Очерки и наблюденія). Н. Манассеиной.	19
3.	ОБЩЕСТВЕННЫЯ УЧЕНІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ТЕОРІИ XVIII И XIX ВѢКОВЪ. Проф. Р. Виппера. (Продолженіе).	41
4.	СТИХОТВОРЕНІЯ ИЗЪ А. МИЦКЕВИЧА. 1) Разговоръ. 2) Первохудожникъ. А. Колтоновскаго.	64
5.	РИШТАУ. Повѣсть. В. Сѣрошевскаго. (Окончаніе)	66
6.	ВЪ СФЕРѢ НЕРѢШЕННЫХЪ ПРОБЛЕМЪ БІОЛОГІИ. (Жизнедѣятельность клѣтки). В. Лункевича.	98
7.	СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ МАРІИ КОНОПНИЦКОЙ. Тана.	114
8.	СТУДЕНТКА. Романъ Грэхэмъ Трэверса. Переводъ съ англійскаго З. Журавской. (Продолженіе)	115
9.	ПОЭЗІЯ И ПРАВДА МІРОВОЙ ЛЮБВИ. Ив. Иванова.	152
10.	РАВНОДУШНЫЕ. Романъ. (Продолженіе). К. Станюковича	187
11.	КАРАНДАШОМЪ СЪ НАТУРЫ. (Изъ путешествія вокругъ свѣта чрезъ Корею и Манджурію). Н. Гарина. (Продолженіе)	217

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

12.	КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Полное собраніе сочиненій И. И. Мельникова».—Оригинальный типъ писателя.—Мельниковъ—чиновникъ-сыщикъ и Мельниковъ-художникъ.—Крѣпкая совѣсть этого писателя.—Ничтожное значеніе его изслѣдованій о расколѣ.—Образчики его «научныхъ» работъ.—Художественныя произведенія Мельникова.—Дѣланность его quasi-народнаго языка. — Невѣрное освѣщеніе бытовой жизни. — Его идеалы и ихъ низменность. — Положительное наслѣдіе, имъ оставленное. — Оригинальные типы раскольничьей среды. — Мельниковъ отнюдь не классическій писатель, какимъ его хотятъ выставить. — Книга г. Якушкина о Пушкинѣ. — Его интересный взглядъ на эволюцію общественныхъ убѣжденій поэта.—Памяти В. Г. Батя. А. Б.	1
13.	ЦЫНГА, ЕЯ ПРИЧИНЫ, ТЕЧЕНІЕ И ЛѢЧЕНІЕ. Врача В. И. Бинштока.	14

Годъ VIII-й. № 7-й.

МІРЪ БОЖІЙ

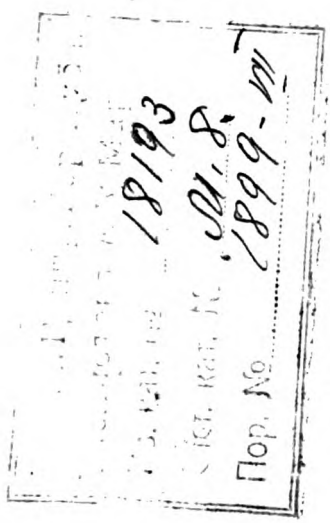
OF CALIFORNIA

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.



ІЮЛЬ

1899 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1899.

Дозволено цензурою. 24-го іюня 1899 г. С.-Петербургъ.

AP50
M47
1897:7
MAIN

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. АГРАРНЫЙ КРИЗИСЪ. Л. Кржевицкаго. 1
2. ВЪ ГОРОДСКОЙ ШКОЛѢ. (Очерки и наблюденія). Н. Манассеиной. 19
3. ОБЩЕСТВЕННЫЯ УЧЕНІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ТЕОРІИ XVIII И XIX ВѢКОВЪ. Проф. Р. Виппера. (Продолженіе). 41
4. СТИХОТВОРЕНІЯ. ИЗЪ А. МИЦКЕВИЧА. 1) Разговоръ. 2) Первохудожникъ. А. Колтоновскаго. 64
5. РИШТАУ. Повѣсть. В. Сѣрошевскаго. (Окончаніе) 66
6. ВЪ СФЕРѢ НЕРѢШЕННЫХЪ ПРОБЛЕМЪ БІОЛОГІИ. (Жизнедѣятельность клѣтки). В. Лункевича. 98
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ МАРІИ КОНОПНИЦКОЙ. Тана. . . 114
8. СТУДЕНТКА. Романъ Грэхэмъ Трэверса. Переводъ съ англійскаго З. Журавской. (Продолженіе) 115
9. ПОЭЗІЯ И ПРАВДА МІРОВОЙ ЛЮБВИ. Ив. Иванова. . . . 152
10. РАВНОДУШНЫЕ. Романъ. (Продолженіе). К. Станюковича . . 187
11. КАРАНДАШОМЪ СЪ НАТУРЫ. (Изъ путешествія вокругъ свѣта чрезъ Корею и Манджурію). Н. Гарина. (Продолженіе) . 217

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

12. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Полное собраніе сочиненій П. И. Мельникова».—Оригинальный типъ писателя.—Мельниковъ—чиновникъ-сыщикъ и Мельниковъ-художникъ.—Крѣпкая совѣсть этого писателя.—Ничтожное значеніе его изслѣдованій о расколѣ.—Образчики его «научныхъ» работъ.—Художественныя произведенія Мельникова.—Дѣланность его quasi-народнаго языка. — Невѣрное освѣщеніе бытовой жизни. — Его идеалы и ихъ низменность. — Положительное наслѣдіе, имъ оставленное. — Оригинальные типы раскольничьей среды. — Мельниковъ отнюдь не классическій писатель, какимъ его хотятъ выставить. — Книга г. Якушкина о Пушкинѣ. — Его интересный взглядъ на эволюцію общественныхъ убѣжденій поэта.—Памяти В. Г. Батя. А. Б. 1
13. ЦЫНГА, ЕЯ ПРИЧИНЫ, ТЕЧЕНІЕ И ЛѢЧЕНІЕ. Врача В. И. Бинштока. 14

стр.

14. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** На голодѣ.—Ожидаемый неурожай этого года.—Неурожай въ Сибири.—Откликъ окраинъ на народную нужду.—Дѣло о безпорядкахъ на фабрикѣ т-ва В. Морозова.—Состояніе народнаго просвѣщенія въ Петербургѣ.—Учрежденія въ память Пушкина.—В. Г. Бать. . . . 25
15. НА ГОЛОДѢ. (Письмо въ редакцію). **Ек. Нелидовой.** 37
16. **За границей.** Негритянскіе выборщики и защитники черной расы въ Соединенныхъ Штатахъ.—Конгрессъ нѣмецкихъ рабочихъ синдикатовъ во Франкфуртѣ.—Европейцы и туземные кустарные ремесленники въ Индіи.—Interview съ Матильдой Серао.—Австрійскій кризисъ.—Бельгійская антарктическая экспедиція.—Сады рабочихъ. 43
17. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** «Revue des Revues».—«Revue Scientifique».—«Wide World Magazine».—«Vita internazionale». 56
18. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. О природѣ антагонизма между токсинами и антитоксинами.—**Зоологія.** 1) Защитительный аппаратъ жука бомбардира. 2) Память рыбъ.—**Медицина.** Болѣзнь и раса.—**Микробіологія.** 1) Дѣйствіе дождя на количество бактерій въ водѣ для питья. 2) Микробы цвѣтовъ.—**Демографія и соціологія.** Количество рожденій въ европейскихъ странахъ.—**Геологія.** Недавнія вулканическія явленія въ Исландіи. **Н. М.**—Астрономическія извѣстія. **К. Покровскаго.** 61
19. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Русскія и переводныя книги: Беллетристика.—Критика и исторія литературы.—Публицистика.—Соціологія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. 73
20. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 98

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

21. ЭКИПАЖЪ ДЛЯ ВСѢХЪ. **Эдмонда де-Амичиса.** Переводъ съ итальянскаго **Ел. Колтоновской.** 1
22. МИКРОКОСМОСЪ, ИЛИ МІРЪ ВЪ МАЛОМЪ ПРОСТРАНСТВѢ, описанный **Морицомъ Вилькомомъ**, покойнымъ профессоромъ пражскаго университета. Переводъ съ нѣмецкаго **Н. М. Могилянскаго** и **Д. Н. Нелюбова.** Съ многочисленными иллюстраціями въ текстѣ. (Продолженіе). 205

Могил. Центр. Гор. Публ.
Библиотека им. К. Маркса
Из. кат. № 18193
Сист. кат. № М. 8.
Пор. № 1899-VII

АГРАРНЫЙ КРИЗИСЪ.

UNIV. OF CALIFORNIA

I.

Международный рынокъ и его природа. — Двѣ эпохи: одна, когда цѣны хлѣба зависѣли отъ издержекъ производства на самыхъ неплодородныхъ земляхъ; вторая, когда производство на самыхъ лучшихъ земляхъ опредѣляетъ уровень рыночныхъ цѣнъ.—«Безплатно» дѣйствующія силы природы.—Условія производства земледѣльческихъ продуктовъ въ колоніяхъ.

Развитіе путей сообщенія соединило все возрастающею зависимостью отдаленнѣйшія мѣста земнаго шара.

Нѣкогда, въ эпоху натуральнаго хозяйства, когда каждая провинція представляла собой автономное экономическое цѣлое, цѣны земледѣльческихъ продуктовъ въ двухъ сравнительно близко расположенныхъ мѣстахъ иногда сильно разнились. Въ одной окрестности, какъ мы видимъ это еще въ наше столѣтіе въ Индіи, неурожай хлѣба свирѣпствовалъ, вызывая голодъ и болѣзни, между тѣмъ какъ по сосѣдству хлѣбъ существовалъ въ изобиліи. Такія условія общественнаго быта нашли для себя прекраснѣйшее выраженіе въ тѣхъ разницахъ цѣнъ, какія мы встрѣчаемъ въ былыя времена въ любой странѣ въ продолженіе того же самаго столѣтія. Въ Англіи въ XIII в. колебанія эти были такъ велики, что уровень цѣнъ въ годъ неурожая въ 56 разъ превышалъ уровень лѣтъ урожая. Въ XIV вѣкѣ самая высокая и самая низкая цѣны относятся какъ 1 къ 40; въ слѣдующемъ столѣтіи, какъ 1 къ 20; въ XV в. самая высокая цѣна еще 8 разъ болѣе самой низкой; въ XVI в. находятся онѣ въ отношеніи 1 : 3,5; въ XVIII, какъ 1 : 4,5. Наконецъ, въ продолженіи нашего столѣтія, самая высокая цѣна въ Англіи, въ 1802, равнялась 126 шиллингамъ, самая низкая въ 1896 упала до уровня 24,1. Разумѣется, войны, изобиліе благородныхъ металловъ и много другихъ причинъ дѣйствовали и вліяніемъ своимъ увеличивали размѣръ колебаній. Но главная причина была трудность въ провозѣ хлѣба изъ далекихъ краевъ — «далекихъ» по тогдашнимъ понятіямъ, такъ какъ теперь мы другимъ аршиномъ мѣримъ разстоянія. Недостатокъ хлѣба вызывалъ громадное повышеніе цѣнъ, урожай пониженіе.

Такое положеніе сдѣлалось невозможнымъ въ наше время.

Отдѣльные рынки соединены теперь на подобіе резервуаровъ воды. Благодаря этому, всякій дефицитъ тотчасъ покрывается притоками изъ болѣе изобилующихъ хлѣбомъ мѣстностей, каждый излишекъ уходитъ въ окрестности, въ которыхъ, подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, уровень цѣнъ повысился. Разумѣется, цѣны на различныхъ рынкахъ неодинаковы: въ экспортирующихъ странахъ онѣ стоятъ ниже, пошлины тоже оказываютъ вліяніе. Но направленіе, въ какомъ изъ года въ годъ онѣ измѣняются, одинаково даже на очень далекихъ рынкахъ, т.-е. существуетъ параллель между колебаніями уровней на отдѣльныхъ пунктахъ международной территоріи. Я пробовалъ изобразить графически послѣдовательные уровни цѣнъ пшеницы на лондонскомъ рынкѣ и на здѣшнихъ, т.-е. въ Варшавѣ за время 1872—1892. Въ результатѣ я получилъ двѣ линіи, которыя въ общемъ поднимаются и падаютъ параллельно. Такой результатъ сразу окажется удивительнымъ. Но хотя здѣшній и лондонскій рынки не находятся въ непосредственной связи, все-таки, давленіе Лондона, одного изъ центровъ спроса на пшеницу, при посредствѣ цѣлаго ряда промежуточныхъ звеньевъ, дѣйствуетъ и на Варшаву. То же самое, хотя и не въ столь сильной степени, мы замѣчаемъ и для остальныхъ земледѣльческихъ продуктовъ. Германія высылала, напр., свинину въ Англію, покрывая собственный дефицитъ при помощи свиней, покупаемыхъ между прочимъ въ Царствѣ Польскомъ. Потеря англійскихъ рынковъ вызвала уменьшеніе вывоза изъ Германіи и уменьшила спросъ на свиней изъ Польши—теоретически, такъ какъ на практикѣ, кромѣ вышеназванныхъ причинъ вліяютъ еще другія, противодѣйствующія указаннымъ.

Суть международнаго рынка заключается въ такомъ взаимномъ давленіи отдѣльныхъ торговъ другъ на друга. Въ его составъ входитъ,—мы въ данномъ случаѣ говоримъ лишь о международной торговлѣ пшеницей,—множество взаимно независимыхъ экспортирующихъ рынковъ, изъ которыхъ потоки хлѣба направляются къ странамъ, требующимъ ввоза, главнымъ же образомъ въ Англію. Каждый избытокъ въ такомъ центрѣ вліяетъ на всѣ источники, изъ которыхъ выходятъ потоки, и понижаетъ тамъ цѣны; каждый дефицитъ дѣйствуетъ въ обратномъ направленіи. Вообще, всякое измѣненіе въ величинѣ котораго-нибудь изъ болѣе важныхъ притоковъ вліяетъ такъ или иначе на уровень цѣнъ въ каждомъ экспортномъ пунктѣ. Въ этомъ механизмѣ взаимной зависимости, биржи исполняютъ задачу учрежденій, регулирующихъ уровень цѣнъ въ соотвѣтственной мѣстности.

Но биржи, повторяемъ еще разъ, дѣйствуютъ лишь регулирующимъ образомъ. Онѣ вызываютъ колебаніе того или другого рода, но не создаютъ цѣнъ, которыя зависятъ отъ условій производства.

Отношенія же, свойственныя сферѣ производства, неодинаковы въ различныхъ эпохахъ экономическаго развитія.

Останавливаясь ближе надъ промежуткомъ въ нѣсколько десятковъ лѣтъ непосредственно передъ появленіемъ заморскаго соперничества на хлѣбномъ рынкѣ, мы найдемъ, что уровень цѣнъ постоянно повышается, разумѣется, мы не беремъ въ счетъ колебаній, происходящихъ отъ разницы урожаевъ. Народонаселеніе возрастало, по крайней мѣрѣ обнаруживало такую тенденцію, скорѣе, чѣмъ средства пропитанія. Земледѣлецъ обращалъ подъ пашни земли, которыхъ до сихъ поръ не воздѣлывалъ по причинѣ ихъ низкаго плодородія, и вкладывалъ капиталы, отъ которыхъ прежде не могъ ожидать надлежащихъ процентовъ. Все это было лишь тогда невозможно, когда цѣны повысились надлежащимъ образомъ. Цѣны зависѣли отъ издержекъ производства на самыхъ злокачественныхъ земляхъ, т. е. такихъ, на которыхъ, для производства даннаго количества хлѣба, нужно было сдѣлать самые большіе вклады. Кромѣ того, такъ какъ рынокъ въ каждой мѣстности былъ обособленъ, то эти цѣны находились въ обратномъ,—впрочемъ, зависимость была болѣе сложная,—отношеніи къ количеству зерна фактически существующаго на рынкѣ. Особенно во времена ремесленнаго режима среднихъ вѣковъ народонаселеніе было въ такой зависимости отъ количества хлѣба, что государство, при помощи спеціальныхъ предписаній, должно было заботиться о производствѣ хлѣба и поощрять земледѣліе.

Такое положеніе, т. е. зависимость уровня цѣнъ отъ самыхъ невыгодныхъ условій производства, продолжалось до тѣхъ поръ, пока колоніальное соперничество не развилось въ достаточной степени.

Мы въ нашихъ прошлогднихъ статьяхъ указали, что въ настоящее время, на протяженіи международной территоріи, всегда въ колоніяхъ существуетъ излишекъ хлѣба. Соединенные Штаты, Австралія и другія заморскія страны играютъ роль резервуаровъ, готовыхъ высылать, то или другое количество хлѣба въ Европу, когда появится соотвѣтственный спросъ и цѣны повысятся до требуемаго уровня. Заморскій хлѣбъ ждетъ лишь призыва, и если не всегда прибываетъ, то все-таки своимъ дальнимъ существованіемъ вліяетъ на рыночныя цѣны, которыя такимъ образомъ зависятъ не только отъ количества зерна на рынкѣ, но то же отъ потенціальныхъ запасовъ, находящихся на очень далекомъ разстояніи. Запасы эти замѣнили общинныя запашки варваровъ и государственныя амбары фараонистическихъ цивилизацій запертыхъ въ долинѣ одной рѣки. Они—осязательное выраженіе того перепроизводства, которое особенно сильно замѣтно по отношенію къ пшеницѣ. Англійскій статистикъ Бирбомъ высчиталъ, что въ теченіи 1886—1894 г. спросъ на пшеницу увеличился на 16 милліоновъ квартеровъ, между тѣмъ какъ самое производство этого хлѣба возросло на 48 милліоновъ. «Производство пшеницы,—пишетъ одна спеціальная газета,—увеличилось слишкомъ скоро, количество этого зерна, существующее на всемірномъ рынкѣ, не соотвѣтствуетъ спросу, который поднимается гораздо медленнѣе, чѣмъ предложеніе».

*

Тоже самое, хотя не въ такой степени, мы могли бы сказать о многихъ другихъ земледѣльческихъ продуктахъ. Спросъ превышаетъ предложеніе. Стремленіе къ перепроизводству обнаруживается въ послѣднее время все сильнѣе. Параллельно съ этимъ явленіемъ и законы, управляющія уровнемъ цѣнъ, подлежатъ измѣненію. Соперничество понижаетъ цѣны, причемъ онѣ начинаютъ тяготѣть по направленію къ самымъ выгоднымъ условіямъ производства, на подобіе цѣнъ въ предѣлахъ переработывающей промышленности, т. е. дешеваго производства. Такія условія существуютъ какъ разъ въ колоніяхъ и состоятъ въ «безплатномъ» пользованіи силами природы. «Безплатныя» силы природы тамъ помогаютъ человѣку и освобождаютъ производство отъ многихъ издержекъ, которыя ложатся на европейское земледѣліе. Терминъ «безплатный» показываетъ, что количество человѣческаго труда, необходимое на дѣвственной почвѣ для производства данной мѣры хлѣба или другого продукта, меньше нежели въ странахъ интенсивнаго земледѣлія. Впрочемъ, какимъ образомъ ни будемъ объяснять фактъ, онъ все-таки останется фактомъ, именно, что условія производства земледѣльческихъ продуктовъ въ колоніяхъ отличаются другимъ характеромъ.

Чтобы выслать на рынокъ извѣстное количество воловьяго мяса, европейскій земледѣлецъ долженъ строить различныя постройки, приготовлять фуражъ, держать сравнительно многочисленную прислугу. Въ Техасѣ или въ Аргентинѣ природа сама собой, безъ помощи человѣческихъ рукъ производитъ травы, скотъ проводитъ лѣто и зиму подъ открытымъ небомъ, содержаніе пастуховъ раздѣленное по количеству головъ рогатаго скота, ниже чѣмъ въ Европѣ.

Для производства извѣстнаго количества шерсти мы должны строить овчарни, сѣять соотвѣтственныя травы, вообще совершить много различныхъ издержекъ. Между тѣмъ всѣ издержки заводчиковъ въ Австраліи сводятся къ проведенію низкихъ заборовъ изъ проволоки. Затраты на рабочихъ, не смотря на высокій уровень заработной платы, очень незначительны, благодаря крайней централизаціи промысловъ.

Для производства пшеницы хорошо веденныя фермы у насъ употребляютъ дорогое искусственное удобреніе, иногда проводятъ дренировку въ поляхъ, однимъ словомъ такъ или иначе тратятъ значительный капиталъ. Фермеръ, воздѣлывающій степь надъ Красной рѣкой, свободенъ отъ этихъ издержекъ, пашетъ дѣвственную почву, не заботясь о возвращеніи ей забранныхъ соковъ. Неистощенная земля въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ будетъ давать жатву, не зная, что такое навозъ. Въ книгахъ Р. Мейера и Зеринга мы можемъ найти разсказы почти о баснословномъ плодородіи почвы, которая въ продолженіи долгихъ вѣковъ собирала запасы для жаждущаго прибыли капиталиста. Вотъ факты, которымъ вульгарная экономія придала кличку «безплатнаго» дѣйствія силъ природы. Къ этимъ условіямъ мы должны прибавить еще другія обстоятельства, «соціальнаго» происхожденія. Европейскій

земледѣлецъ покупетъ землю по высокой цѣнѣ. Территоріи въ колоніяхъ въ первоначальномъ своемъ фазисѣ продавались ниже той суммы, которую нужно отдавать землевладѣльцу въ Европѣ въ качествѣ ренты. Впрочемъ, рабочая сила въ колоніяхъ обходится очень дорого, но широкое приложеніе машинъ ослабляетъ послѣдствія, проистекающія изъ этой дороговизны. Р. Мейеръ сравнивалъ издержки, необходимыя въ Австріи и Сѣверной Америкѣ для приготовленія подъ пшеницу одного гектара земли и для уборки такого пространства хлѣба. Вычисленія доказали, что эти работы стоятъ дешевле по ту сторону Атлантическаго океана. Издержки паханія въ Австріи и въ Америкѣ относятся другъ къ другу какъ 10 : 4; отношеніе это уже менѣе выгодно для Америки, когда мы будемъ разсматривать жатву, именно 375:321. И содержаніе скота американцамъ обходится дешевле; соотвѣтственныя цифры для лошади даютъ 2,00 и 1,47.

Много разъ производили вычисленія, сколько стоитъ производство хлѣба или мяса въ Европѣ и въ колоніяхъ. Но полученныя цифры мало достовѣрны. О нихъ можно было бы повторить то, что нѣкогда сказалъ Левассеръ: «Я не собиралъ данныхъ относительно доходности американскихъ фермъ. Такія указанія очень интересны, но вѣрить имъ нельзя. Фермеръ часто подаетъ цифру для доказательства тезиса. Въ данномъ случаѣ указанія будутъ искренни, но не достовѣрны. Вообще, его показанія не отличаются точностью. Въ случаѣ хорошихъ урожаевъ доходъ иначе представляется, чѣмъ во время неурожая» *).

«Когда хлѣба легли на землю, жатва стоитъ дороже. Эти случайныя обстоятельства вызываютъ колебаніе издержекъ на той же формѣ. Онѣ дѣйствуютъ гораздо сильнѣе на отдаленныхъ фермахъ, разнящихся качествомъ почвы и находящихся въ неодинаковыхъ климатическихъ условіяхъ, особенно же тогда, когда фермеры обладаютъ не одной и той же интеллигенціей и капиталомъ». Всетаки мы приведемъ нѣкоторыя цифры, чтобы показать существующую разницу. Но прежде всего мы должны сдѣлать замѣчаніе, что даже на пространствѣ Соединенныхъ

*) Сравни статью Мейера въ 1895 г. Вотъ нѣкоторыя изъ вычисленія германскаго писателя:

Издержки во время жатвы въ Австріи.

50 мужчинъ по 60 крейцеровъ	3,00 г.
10 женщинъ по 45 »	4,50 »

Они въ теченіе дня убираютъ два гектара, значитъ одинъ гектаръ обойдется 3,75 гульдена.

Въ Америкѣ.

Извозчикъ	1,50 дол.
2 человѣка подбирающихъ снопы	2,00 »
Содержаніе трехъ лошадей и амортизація катала на машины	2,80 »

Они убираютъ 6 гектаровъ, гектаръ стоитъ, слѣдовательно, 1,05 дол. или 2,57 гульд.

Штатовъ издержки совсѣмъ неодинаковы. Сравнивая Новую Англію и штаты, лежащіе на далекомъ западѣ, мы, по офиціальнымъ даннымъ американскаго правительства, получимъ, что издержки веденія хлѣбопашества относятся въ названныхъ частяхъ сѣверо-американскаго союза какъ 13 къ 7. Изъ множества данныхъ, относящихся къ сравнительной дороговизнѣ хлѣбопашества у насъ въ Европѣ и въ колоніяхъ, мы возьмемъ цифры, приведенныя Р. Мейеромъ для Аргентины. Этотъ экономистъ считаетъ возможнымъ что вышеназванное государство можетъ продавать на англійскихъ рынкахъ квартеръ пшеницы по двадцати шиллинговъ—значитъ на нѣсколько шиллинговъ ниже, чѣмъ самыя низкія цѣны. Онъ полагаетъ, что обработка земель надъ рѣкой Ла-Плата можетъ вызвать еще дальнѣйшее пониженіе уровня цѣнъ. Разумѣется, эти цѣны сулятъ совершенное оскудѣніе землевладѣльцамъ Европы, и такъ уже горько жалующимся на дешевизну.

II.

Интенсивность земледѣлія зависитъ отъ уровня цѣнъ.—Совѣтъ нѣкоторыхъ теоретиковъ понизить интенсивную систему.—Упадокъ англійскаго земледѣлія.—На сколько это явленіе присуще другимъ странамъ Европы.—Будущая эпоха интенсивнаго земледѣлія на пространствѣ международной территоріи.—Возможныя измѣненія.

Производительныя силы, развивающіяся такимъ благопріятнымъ образомъ для потребителей, дѣйствуютъ очень отрицательно на благосостояніе землевладѣльцевъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыя производятъ продукты для продажи. Возникаетъ такъ-называемый *аграрный вопросъ*, въ сущности же своей не вопросъ, будущности *земледѣлія*, какъ нѣкоторые готовы представить дѣло,—но преимущественно *землевладѣнія*, т. е. дальнѣйшаго существованія или упадка теперешнихъ землевладѣльцевъ.

Заморское соперничество совсѣмъ измѣнило условія производства. Недостаточно обладать знаніемъ земледѣльческаго дѣла, т.-е. умѣть заводить сѣво-обороты и выучиться всѣмъ принципамъ прогрессивной агрономіи. Необходимо еще умѣть согласовать эти указанія науки съ требованіями рынка и примѣнять на практикѣ принципы такимъ образомъ, какъ позволяютъ рыночныя условія. Иногда даже можетъ оказаться, что выгоднѣе принимать въ разсчетъ требованія рынка, нежели слѣдовать совѣтамъ теоретиковъ агрономіи. Эти послѣдніе стремятся умножать питательныя соки почвы и вообще обращаютъ много вниманія на далекое будущее состояніе земли. Но такое поведеніе, очень похвальное съ точки зрѣнія грядущихъ поколѣній, не всегда бываетъ выгодно для кармана современнаго земледѣльца, который готовъ отдать всѣ блага своихъ внуковъ за лишній рубль въ настоящемъ. Мечтанія, чтобы ферма обладала каменными постройками, чтобы сѣво-

оборотъ согласовался съ требованіями, увеличивающими количество питательныхъ составныхъ соковъ почвы, очень милы и эстетичны, но съ точки зрѣнія капиталиста и вообще практическаго человѣка бываютъ часто безполезны, иногда же просто на просто вредны. Практическіе янки немилосердно шутятъ по поводу такихъ письменныхъ упражненій германскихъ агрономовъ на тему земледѣльческой эстетики и смотрятъ на нѣкоторые изъ этихъ совѣтовъ, какъ на абсурды, поглощающія капиталъ, но не приносящія соотвѣтственныхъ процентовъ, этой сути, на которой зиждется нашъ экономическій строй.

Но переворотъ произведенный американскимъ соперничествомъ, начинаетъ вліять и на умы европейскихъ земледѣльцевъ и убѣждать ихъ, что совѣты, несомнѣнно противодѣйствующіе истощенію питательности почвы и пекущіеся о ея благосостояніи въ далекомъ будущемъ, приносятъ выгоду не при всякомъ общественномъ режимѣ и не при всѣхъ рыночныхъ условіяхъ. Мы уже указали на то, что въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ непосредственно передъ появленіемъ на рынкѣ заморскихъ соперниковъ, цѣны хлѣба зависѣли отъ издержекъ производства на самыхъ худшихъ кускахъ воздѣлываемой почвы. То, что спросъ опережалъ предложеніе, благопріятствовало прогрессу интенсивности системы хозяйства. «Всякая интенсивная система въ земледѣліи возможна лишь тогда, когда продукты поднимутся въ цѣнѣ. Постоянный высокій уровень цѣнъ хлѣба свидѣтельствуетъ о томъ, что экономическое развитіе, разсматриваемое въ своей совокупности, поглощаетъ хлѣбъ въ изобиліи и что оно согласно и даже должно принести всѣ жертвы, необходимые для удовлетворенія этой нужды» (Рошеръ).

Примѣры позволятъ намъ понять теоретическую правду, заключающуюся въ приведенной выше выдержкѣ.

Представимъ себѣ двѣ ступени интенсивности: одну А, при которой получаемъ изъ гектара 20 двойныхъ центнеровъ пшеницы, причемъ издержки производства одного центнера равняются 9 маркамъ; другую В высшую, доставляющую съ того же пространства 30 центнеровъ, но взамѣнъ увеличивающую издержки производства на 12 марокъ за центнеръ. Допустимъ еще, что рыночная цѣна центнера пшеницы равняется 13 маркамъ.

Тогда, при интенсивности А:

Издержки производства	180	марокъ.
Валовой доходъ.	260	»
Чистый доходъ.	80	»

При интенсивности В

Издержки производства	360	»
Валовой доходъ	390	»
Чистый доходъ	30	»

Значитъ при выше приведенныхъ условіяхъ для земледѣльца го-

раздо выгоднѣе слѣдовать методу менѣе интенсивному въ хлѣбопашествѣ.

Допустимъ, что цѣна центнера пшеницы поднялась до 18 марокъ. Тогда наименованныя позиціи представятся слѣдующимъ образомъ:

Издержки производства	180	марокъ.
Валовой доходъ	360	»
Чистый доходъ	180	»

При интенсивности В

Издержки производства	360	»
Валовой доходъ	540	»
Чистый доходъ	180	»

Въ данномъ случаѣ обѣ системы одинаково выгодны. Если же сдѣлаемъ еще одно предположеніе, а именно что цѣны пшеницы поднялись до 20 мар., очевидно, болѣе интенсивное хлѣбопашество будетъ выгоднѣе.

При интенсивности А

Издержки производства	180	марокъ.
Валовой доходъ	400	»
Чистый доходъ	220	»

При интенсивности В

Издержки производства	360	»
Валовой доходъ	600	»
Чистый доходъ	240	»

Нечего доказывать, что ростъ интенсивнаго хлѣбопашества, возможный лишь при постоянномъ возрастаніи цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ, долженъ былъ остановиться, когда на рынкѣ появилось замѣтное стремленіе къ пониженію уровня цѣнъ. Низкія цѣны ставятъ землевладѣльцу требованіе или усовершенствовать методы воздѣлыванія, что дало бы ему возможность бороться съ заморскими соперниками, или перейти къ менѣе интенсивному методу. Нѣкоторые теоретики совѣтуютъ ему приняться за этотъ послѣдній исходъ. Гюббель, наприм. предполагаетъ, что агрономическая наука, можетъ быть, современемъ откроетъ способы пользованія азотомъ, находящимся на воздухѣ. Земледѣліе, опирающееся на воздѣлываніи растеній, поглощающихъ эту составную часть нашей атмосферы, можетъ оказаться болѣе дешевымъ, нежели нынѣшнее, которое нуждается въ удобреніи. Но всѣ эти средства хороши лишь теоретически, такъ какъ на практикѣ этими пріобрѣтеніями агрономической науки могутъ воспользоваться и заморскіе соперники. Въ окончательномъ результатѣ, вслѣдствіе перепроизводства хлѣба, цѣны падутъ еще ниже и испортятъ всѣ ожидаемыя надежды. Значитъ, нѣтъ другаго выхода, кромѣ пониженія интенсивности земледѣлія. «Земледѣльцы слишкомъ злоупотребили интенсивнымъ способомъ хлѣбопашества, пишетъ д-ръ Гюббель. Предѣлы выгодной интенсивности въ каждомъ имѣніи другія, сообразно съ плодородіемъ почвы, качествами климата, легкостью продажи. Какъ общій принципъ,

мы можемъ принять, что производительность почвы не возрастаетъ пропорціонально съ издержками производства. Напротивъ, издержки увеличиваются скорѣе. По этой причинѣ интенсивность можетъ подниматься лишь при стремленіи цѣнъ повышаться». «Отсюда слѣдуетъ,— говоритъ тотъ же агрономъ,—что когда цѣны постоянно падаютъ, интенсивный способъ воздѣлыванія почвы долженъ тоже понизиться. Разумѣется, если мы смотримъ на низкій уровень цѣнъ, свойственный теперешнему рынку какъ на нѣчто временное, тогда нечего помышлять о громадномъ и серьезномъ уменьшеніи интенсивности, такъ какъ будущій возвратъ къ прогрессивному хозяйству не легко осуществится, когда цѣны поднимутся. Но мы можемъ сомнѣваться, поднимутся ли онѣ».

И жизнь сама, хотя совѣты Гюббеля навѣрно на нее не подѣйствовали, идетъ въ томъ же направленіи, т. е. интенсивность падаетъ и менѣе прогрессивные способы земледѣлія распространяются. Р. Мейеръ нѣкогда совѣтовалъ помѣщикамъ въ провинціяхъ, расположенныхъ на правомъ берегу Эльбы, обратить пашни подъ лѣса. Переломъ не заходитъ такъ далеко, но все-таки онъ назвалъ «совершенною перемѣну въ физіономіи англійскаго земледѣлія, въ былыя времена самаго интенсивнаго»: вмѣсто пашень въ Англіи появляются луга и пастбища. Статистическія данныя лучше всего покажутъ этотъ прогрессъ англійскаго земледѣлія. Если возьмемъ процентное отношеніе пашень и пастбищъ, то получимъ для

1) всей В. Британіи.

	Пашень.	Луговъ и пастбищъ.
1875	58%	42%
1895	48%	52%

2) собственной Англіи

1870	58,6	41,3
1895	46,8	53,2

Переходя отъ относительныхъ цифръ къ абсолютнымъ, мы получимъ, что въ собственной Англіи количество пашень уменьшилось на два милліона акровъ, потеряли главнымъ образомъ злаки, за исключеніемъ овса *). Ниже приведенная таблица указываетъ на паденіе отдѣльныхъ злаковъ:

	Пшеница.	Ячмень.	Овесъ.
1870	100	—	—
1875	—	—	—
1880	83	100	—
1890	68	100	—
1895	40	81	123

И количество воздѣлываемаго гороху, картофеля и т. д. сильно уменьшилось (горохъ палъ со 100 на 61, картофель со 100 на 60). Напротивъ,

*) Въ 1896—1898 г. можно замѣтить въ Англіи приростъ производства пшеницы. Но это нельзя считать ни признакомъ перманентнаго улучшенія отношеній, ни доказательствомъ того что производство другихъ хлѣбовъ еще менѣе выгодно?

количество «естественныхъ» луговъ и пастбищъ въ теченіе 1875—1895 увеличилось съ 13,3 мил. акровъ на 16,5. Перемѣна произошла въ слишкомъ незначительный промежутокъ времени чтобы фермеры могли затратить капиталы и совершить переходъ къ способамъ обработки приносящимъ барыши послѣ 20 даже 25 лѣтъ. Обращали пашни подъ луга самымъ незатѣйливымъ способомъ, иногда предоставляя все самопроизвольно дѣйствующимъ силамъ природы. «Какъ объясненіе происхожденія такихъ злокачественныхъ пастбищъ, не заслуживающихъ, названія луговъ,—говоритъ рефератъ парламентарной коммиссіи, недавно изслѣдовавшей положеніе земледѣлія въ Англіи,—указывали на тотъ фактъ, что въ промежутокъ времени 1880—1885 хозяева послѣ нѣсколькихъ лѣтъ убыточнаго производства, небрежно засѣяли худшія земли или даже предоставили ихъ естественному поростанію травой. Между Ралей и Каньюдауномъ вблизи Чельмсфордъ, Мальдономъ и Рочфордомъ находятся крупныя фермы, въ которыхъ двѣ трети и даже три четверти поросли травой самопроизвольно или были обращены въ пастбища такимъ небрежнымъ образомъ», но никакъ не слѣдуетъ думать, чтобы этому увеличенію пастбищъ соотвѣтствовалъ пропорціональный приростъ скотоводства (исключеніе составляетъ выкармливаніе свиней и производство молока). Вообще, «фермеры, занимающіеся производствомъ сѣна, молочныхъ продуктовъ, овощей находятся въ лучшемъ положеніи. Можетъ быть, тотъ или другой изъ ихъ среды сберегъ немножко денегъ, но во всякомъ случаѣ ничего не потерялъ. Но это исключенія, всѣ остальные понесли большой ущербъ» *).

Приведенныя данныя доказываютъ, что въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ произошелъ совершенный переворотъ въ положеніи земледѣлія въ В. Британіи, особенно же въ Англіи. Но отечество Джона Булля на этотъ счетъ, какъ и во многомъ другомъ, представляетъ стремленія, присущія и другимъ странамъ, въ болѣе сильной степени.

Стремленія эти во Франціи выступаютъ уже довольно яркимъ образомъ. (Мы пропускаемъ промежутокъ времени 1862—1882, такъ какъ потеря Эльзаса и Лотарингіи дѣлаетъ невозможнымъ всякое сравненіе).

Упадокъ хлѣбопашества въ Германіи менѣе бросается въ глаза, такъ мало, что приводя соотвѣтственныя цифры, мы не умѣемъ сказать

*) Паденіе скотоводства отчасти происходитъ отъ недостатка корма въ 1892—1893 г. Количество овецъ въ 1875 г. около 29 мил. пало до 28 мил. въ 1892 г. и до 25,5, въ 1894 г. Количество рогатаго скота въ теченіе 1875—1897 увеличилось съ 6.013 тысячъ на 6.915, но по отношеніи къ приросту населенія уменьшилось: въ 1875 г. на тысячу жителей приходилось 213 штукъ, въ 1895 г. лишь 184. Въ томъ числѣ количество коровъ возрасло сильнѣе народонаселенія, что спеціально для воловъ дастъ еще меньшій приростъ; коневодство возрасло, главнымъ образомъ благодаря увеличенію городского спроса на лошадей. Также увеличилось и разведеніе птицъ; но въ общей суммѣ, какъ мы замѣтили въ текстѣ, скотоводство скорѣе уменьшилось, что свидѣтельствуетъ о громадномъ паденіи интенсивности хозяйства.

слѣдуетъ ли смотрѣть на нихъ какъ на проявленіе той же тенденціи, которая такимъ наглядным образомъ выступаетъ въ Англіи. Количество гектаровъ, находящихся подъ пшеницей, въ продолженіе времени 1883 — 1896 уменьшилось тамъ на 56.000; подъ ячменемъ на 78.000, наконецъ, подъ овсомъ увеличилось на 295.000, подъ рожью на 165.000. Одновременно скотоводство въ обѣихъ странахъ возросло, особенно въ Германіи:

Во Франціи находилось.	1882.	1892.
Рогатаго скота	12.997.000	13.705.000
Въ Германіи.	1883.	1897.
Рогатаго скота	15.786.000	18.490.000
Свиней	9.206.000	14.274.000

Приведенныя статистическія данныя показываютъ, что всѣ три названныя государства начинаютъ, вмѣсто хлѣбопашества, заниматься скотоводствомъ, или, прибавимъ, воздѣлываніемъ такихъ плодовъ, какъ свекловица и т. д. Но мы не должны забывать, что колоніи тоже развиваютъ у себя эти промыслы и нѣтъ сомнѣнія, что заморское соперничество современемъ сдѣлается разностороннѣе. Все это, разумѣется, будетъ содѣйствовать пониженію цѣнъ продуктовъ на европейскихъ рынкахъ. Какъ далеко подвинется упадокъ земледѣлія, вызванный и въ нашей части свѣта этими причинами, трудно предсказать въ виду сложности дѣйствующихъ силъ. Это зависитъ отъ многихъ причинъ: отъ изобилія капиталовъ, ищущихъ помѣщенія въ земледѣліи, роста народонаселенія въ колоніяхъ, уровня цѣнъ на рынкѣ, поощряющаго или замедляющаго производство хлѣба на дѣвственной почвѣ заморскихъ территорій. Въ Европѣ разсчитываютъ на то, что хищническій способъ производства, свойственный колоніальному земледѣлію, скоро истощитъ землю и тамошніе фермеры должны будутъ перейти къ болѣе интенсивнымъ методамъ и что, наконецъ, настанутъ тогда лучшія времена для европейскихъ земледѣльцевъ. Нечего говорить, что въ будущемъ и американское земледѣліе должно будетъ приняться за болѣе интенсивныя методы. Но мы должны не забывать и того, что Соединенные Штаты это лишь небольшая часть международной территоріи, что Канада, Аргентина, Южная Африка и Австралія, наконецъ, даже нѣкоторыя части Сибири могутъ занять мѣсто этого опаснаго въ настоящее время соперника. И разумѣется, въ виду безостановочнаго роста народонаселенія и подвигающагося истощенія почвы, настанетъ необходимость обратиться къ болѣе прогрессивнымъ системамъ земледѣлія. Вмѣсто нашей эпохи интенсивнаго земледѣлія, замкнутаго въ предѣлахъ нѣсколькихъ народовъ, появится эпоха интенсивнаго хозяйства на пространствѣ всего земнаго шара, но пока это наступитъ, Европа должна будетъ понизить уровень интенсивности господствующей въ ней.

Да, наступитъ въ будущемъ эпоха всеобщаго интенсивнаго хозяй-

ства, но не будетъ она имѣть характера, свойственнаго нашему земледѣлію.

Вѣдь внѣ сферы настоящаго земледѣлія появляются промыслы, или уменьшающіе спросъ на нѣкоторые земледѣльческіе продукты, или такъ или иначе дѣйствующіе во вредъ его развитію въ духѣ прадѣдовскихъ устоевъ. К. Каутскій, развивая идеи Рудольфа Майера, показываетъ, какъ маргаринъ отодвигаетъ коровье масло. Ввозъ коровьяго масла въ Англію въ 1896 равнялся 2.750 тысячъ центнеровъ, маргарина 922 тысячъ. Лучшія мукомольные пріемы повліяютъ на относительное уменьшеніе воздѣлыванія хлѣбовъ; распространеніе электрическихъ трамваевъ и автоматическихъ возовъ вызоветъ упадокъ коневодства. «Коневодство въ Америкѣ — говоритъ Кенигъ — мало доходно. Конезаводчики разсказывали мнѣ, что по недостатку покупщиковъ, они не могутъ часто продавать выращенныхъ лошадей. Это явленіе меня не удивляетъ, такъ какъ каждый городокъ въ Америкѣ пользуется, вмѣсто конки, электрическимъ или кабельнымъ трамваемъ. Практическій янки давнымъ давно убѣдился, что электричество дешевле дорогого содержанія лошадей. Я былъ удивленъ распространеніемъ электричества даже въ малѣйшихъ поселкахъ». Р. Майеръ полагаетъ, что примѣненіе электричества къ земледѣлію составляетъ великую задачу будущаго: мертвые моторы замѣнятъ тогда вьючную силу домашнихъ животныхъ. Такой переворотъ не только уменьшитъ количество скота въ земледѣліи, но и уничтожитъ воздѣлываніе растеній, служившихъ для фуража, напр., овса, и позволитъ обратить освобожденную изъ подъ нихъ почву подъ хлѣба.

III.

Взаимное отношеніе цѣнъ хлѣба въ Англіи и на материкѣ въ продолженіе нашего столѣтія.—Положеніе Англіи.—Паденіе доходности земли.—Отъ чего зависитъ цѣна земли.—Стремленіе помѣщиковъ увеличить свои общественныя привилегіи, для ихъ позднѣйшей капитализаціи.—Примѣръ Германіи—искусственная цѣнность имѣній.—Аграрный кризисъ.

Паденіе интенсивнаго хозяйства въ Англіи не даетъ еще надлежащаго понятія о переворотѣ, который постигъ земледѣліе въ названной странѣ. Чтобы понять его размѣры, надлежало бы изслѣдовать цифры, показывающія уменьшеніе дохода имѣній. Количество акровъ находящихся подъ пшеницей, въ продолженіе лѣтъ 1874—1891 сократилось съ 3.830 на 1.890 т. е. на 48%; между тѣмъ стоимость добытой пшеницы, несмотря на то, что производительность акра, осталась таже, пала гораздо сильнѣе: съ 41.829 фунт. стер. на 8.263, т. е. на 80%.

Колоніальное соперничество прежде всего и сильнѣе всего повліяло въ Англіи. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если взять во вниманіе всѣ обстоятельства, настолько естественныя, что мы не будемъ даже

надъ ними останавливаться. Вмѣсто того мы приведемъ таблицу цѣнъ пшеницы въ Англіи, Германіи и Франціи въ продолженіе нашего столѣтія. Она въ сокращенномъ видѣ представитъ намъ всю исторію развитія рыночныхъ условій.

Таблица, представляющая цѣны пшеницы (за тонну въ маркахъ).

	Англія.	Франція.	Германія.
1816—1820	364,0	265,5	206,2
1821—1830	166,0	192,4	121,4
1831—1840	257,0	199,2	138,4
1841—1850	240,0	206,6	167,8
1851—1860	250,0	231,4	211,4
1861—1870	248,0	224,6	204,6
1871—1875	246,0	247,8	235,2
1876—1880	206	229,4	211,2
1881—1885	180,4	205,6	189,0
1888	144,6	198,0	168,0
1890	147,8	218,0	187,7
1892	110,3	180,8	176,4

Приведенная таблица очень характеристична. Пока лишь европейскій материкъ доставлялъ хлѣбъ въ Англію, цѣны пшеницы, какъ и слѣдуетъ ожидать, стояли на ея рынкахъ выше чѣмъ въ Германіи и Франціи. Но когда развился импортъ изъ колоній, уровень англійскихъ цѣнъ палъ ниже уровня, свойственнаго странамъ материка (впрочемъ, кромѣ издержекъ транспорта, тутъ вліяютъ также хлѣбныя пошлины въ Германіи и Франціи). Приведенныя цифры тоже свидѣтельствуетъ о томъ, что Англія первая познакомилась съ дѣйствіемъ наплыва заморскаго хлѣба. Аграрный кризисъ на ея территоріи принялъ характеръ болѣе ожесточенный, чѣмъ въ какой-либо другой сторонѣ. Вообще Англію заполонили не только иностранный хлѣбъ, но и самые различные заграничные продукты. Аграрная коммиссія, назначенная парламентомъ въ 1893 г., показала, что въ теченіе двадцати послѣднихъ лѣтъ цѣна всѣхъ земледѣльческихъ продуктовъ на англійскомъ рынкѣ подверглась пониженію: хлѣба пали, особенно же пшеница, послѣдняя теперь дешевле на 50%, воловье и баранье мясо потеряли 24% и 40% прежней стоимости; свинина стала дешевле на 10%, шерсть на 50%, молочныя продукты на 30%, картошка на 20—30%. Комиссія, на основаніи своихъ изслѣдованій, полагаетъ, что въ ближайшемъ будущемъ нѣтъ никакой надежды на окончательное прекращеніе колоніальнаго соперничества.

Положеніе фермъ весьма печальпо. Доходы землевладѣльцевъ пали на 20%, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ даже на 70% въ сравненіи съ уровнемъ ренты въ 1878 г. Есть даже случаи, когда фермы совершенно пусты, т. е. не даютъ никакой ренты. «Доказательства,—мы читаемъ въ рефератѣ названной коммиссіи,—состоянія фермеровъ сразу бросаются въ глаза. Каждый посѣтитель Суффолька видитъ ихъ предъ

собой: оскудѣлыя поля, опрокинутые заборы и плетни, неочищенные рвы, вообще всѣ признаки экономничанія въ трудѣ, къ которому привела нужда. О томъ же свидѣтельствуютъ показанія чиновниковъ, опредѣляющихъ подоходную подать и разсказывающихъ объ увеличенномъ числѣ протестовъ со стороны фермеровъ; равнымъ образомъ и голоса купцовъ и торговцевъ о невозможности взыскать слѣдуемое отъ земледѣльцевъ, жалобы сборщиковъ податей, съ трудомъ отбирающихъ платежи. Доказательствомъ можетъ служить то, что много фермеровъ не въ состояніи купить скотъ для выкармливанія, сотни же должны были оставить свои фермы, расторгая навсегда узы дружбы и родства. Кто, какъ я, посѣтилъ дома многихъ фермеровъ и видалъ тысячи ихъ, тотъ будетъ въ высшей степени огорченъ убитымъ, отчаяннымъ видомъ этихъ людей, повторяющихъ, что теперешнія цѣны (1894 г.) грозятъ совершенною для нихъ гибелью».

На материкѣ Европы, какъ видно изъ приведенной таблицы, цѣны хлѣба выше. Кромѣ того интенсивныя системы земледѣлія нигдѣ тамъ не были проведены такъ повсемѣстно, какъ въ Англіи. Поэтому и послѣдствія колоніальнаго соперничества не достигли на материкѣ такой степени. Но конкуренція и тутъ не замедлила оказать своего давленія. Почти невозможно представить всѣ послѣдствія, возникшія подъ вліяніемъ соперничества, такъ какъ ни одно континентальное государство не произвело въ своихъ предѣлахъ такого изслѣдованія вопроса, какъ Англія. Но жалобы на трудное положеніе слышатся отовсюду, и въ французской, и германской прессѣ мы часто встрѣчаемъ удостовѣренія, что много крупныхъ фермъ, веденныхъ образцовымъ способомъ, кончаютъ годъ дефицитомъ. Такъ какъ жалобы эти мы слышимъ отъ людей заинтересованныхъ, то несомнѣнно, что въ нихъ находимъ много преувеличенія, но все-таки нечего спорить противъ фактовъ, доказывающихъ громадное пониженіе доходности земли въ послѣднее десятилѣтіе. Р. Майеръ въ одной изъ послѣднихъ книгъ привелъ нѣсколько примѣровъ, обнаруживающихъ это явленіе для главнѣйшихъ странъ европейскаго материка. Изъ его сочиненія мы позаимствуемъ лишь одну таблицу, представляющую постепенный ростъ и дальнѣйшій упадокъ дохода въ одномъ имѣніи въ Познани и въ одномъ вблизи Вѣны.

	Въ Познани.	Въ Австріи.
1860—1865	18.000 марокъ.	24.000 марокъ.
1866—1870	21.000 »	26.000 »
1871—1875	21.000 »	51.000 »
1876—1880	25.000 »	30.000 »
1881—1885	27.000 »	51.000 »
1886—1890	38.000 »	42.000 »
1891 голодъ въ Россіи	63.000 »	62.000 »
1892	53.000 »	44.000 »
1893	28.000 »	28.000 »

Обратимся теперь къ послѣдствіямъ, вызваннымъ такими условіями. Представители вульгарной экономіи неоднократно старались дока-

зать, что земля обладаетъ цѣнностью сама по себѣ, и Бастія готовъ былъ сравнивать ее со всякимъ другимъ товаромъ. Мнѣніе это ошибочно. Почва принадлежитъ къ безплатнымъ продуктамъ природы, какъ воздухъ и вода. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, она сильно отличается отъ обыкновенныхъ продуктовъ человѣческой руки, созданныхъ при помощи живого и мертваго (капитала) человѣческаго труда. Мы и въ землю вкладываемъ такой трудъ (навозами, ирригаціей и т. д.), но это обстоятельство мало измѣняетъ основной характеръ поземельнаго богатства. Земледѣлецъ производитъ хлѣбъ и другіе продукты, которые своею цѣной возвращаютъ затраченныя издержки и приносятъ еще извѣстный чистый доходъ. Собственникъ капитализируетъ этотъ доходъ, сообразно съ текущей въ обществѣ высотою процента. Полученная такимъ образомъ сумма представляетъ средній уровень для колебаній стоимости земельнаго участка, причемъ колебанія идутъ то въ одномъ, то въ другомъ направленіи, смотря потому, слѣдуетъ ли въ будущемъ ожидать повышенія или пониженія цѣнъ земли (къ этой суммѣ мы должны прибавить еще капиталы, вложенныя въ постройки). Покупатель, уплатившій извѣстную сумму за данный кусокъ земли, готовъ иначе смотрѣть на дѣло, именно принимать вложенный капиталъ какъ исходную точку всѣхъ своихъ вычисленій. Такое отношеніе затемняетъ природу стоимости, какой обладаетъ земля въ капиталистическомъ обществѣ, но ни въ чемъ не измѣняетъ ея. Цѣны земли поднимаются или падаютъ сообразно съ повышеніемъ или пониженіемъ доходности земли; точно также, какъ дѣло обстоитъ по отношенію къ акціямъ. И землевладѣльцы, и владѣльцы акцій богатѣютъ или теряютъ свой капиталъ, между прочимъ, подъ вліяніемъ факторовъ, возникающихъ и дѣйствующихъ помимо ихъ воли и познанія. Генри Джорджъ, замѣтивъ въ своемъ отечествѣ, что всякій прогрессъ въ обществѣ, напр., ростъ путей сообщенія, приростъ народонаселенія, возникновеніе промышленныхъ центровъ, увеличиваетъ безплатно и безъ участія землевладѣльцевъ земельную ренту и обогощаетъ ихъ, заключилъ, что они единственные хищники роста общественнаго богатства. Нечего говорить, что теорія американскаго физіократа ложна, но ея исходная точка, именно, что землевладѣлецъ обогащается благодаря стихійному ходу общественнаго прогресса, несомнѣнно вѣрна, при чемъ слѣдовало бы сдѣлать одно прибавленіе, именно, что названный факторъ помѣщичьяго благосостоянія можетъ дѣйствовать и въ обратномъ направленіи — можетъ и отбирать богатство. Такая перемѣна произошла отъ появленія американскаго соперничества на хлѣбномъ рынкѣ. Землевладѣлецъ очутился въ присутствіи производительныхъ силъ, которыхъ дѣйствія онъ не понимаетъ или понимаетъ настолько, что онѣ угрожаютъ ему банкротствомъ. Послѣдствія паденія цѣнъ земли принимаютъ характеръ тѣмъ болѣе вредный для него, что спекуляція, видя въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ постоянный ростъ поземельной стоимости, постаралась еще далѣе

подвинуть его повышеніе. Имѣнія покупались но цѣнѣ выше, чѣмъ слѣдовало бы, уплачивалась только незначительная часть стоимости, въ ожиданіи, что общественный прогрессъ будетъ и въ будущемъ увеличивать цѣну земли и дастъ возможность покончить съ долгами. Громадные долги, доходящіе вслѣдствіе паденія цѣнъ земли, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до уровня самой стоимости имѣнія; душевныя качества, свойственныя исчезающей эпохѣ, непониманіе устойчивости рыночныхъ отношеній и плохо уживающіяся съ современной суматохой продажи; невѣжество теорій, неприспособленныхъ къ теперешнему режиму производительныхъ и рыночныхъ условій—такова физіономія землевладѣльцевъ наканунѣ громаднаго производительнаго переворота, благопріятнаго для потребителей, но злополучнаго для представителей земледѣлія. Неудивительно, что слышны голоса, сомнѣвающіеся въ будущемъ—слѣдовало бы сказать современнаго поколѣнія землевладѣльцевъ, но многіе говорятъ: самого земледѣлія.

Въ такомъ способѣ выраженія смѣшались два различныхъ понятія: земледѣльческое сословіе и земледѣліе. Нечего опасаться, чтобы земледѣліе упало совершенно, оно лишь можетъ потерять свой интенсивный характеръ. Аграрный кризисъ состоитъ въ диссонансѣ, проистекающемъ оттого, что земля удерживаетъ еще стоимость, какую имѣла въ восьмидесятыхъ годахъ, между тѣмъ какъ доходность ея понизилась. Тутъ возможенъ одинъ только исходъ: диссонансъ долженъ исчезнуть. Кризисъ кончится медленнымъ упадкомъ теперешнихъ собственниковъ или потерей ими части ихъ имущества. Тѣ, которые купятъ имѣнія по настоящей, т.-е. уравновѣшенной стоимости, пропорціональной къ доходамъ, не будутъ имѣть причинъ жаловаться. Земледѣліе, пройдя трудныя времена, будетъ развиваться нормальнымъ образомъ. Графъ Каприви, бывшій канцлеръ германскаго государства, высказалъ горькую истину прямо въ глаза германскимъ юнкерамъ, исправляя ихъ тезисъ, будто дѣло идетъ о будущемъ самаго земледѣлія. Одновременно прусское правительство, на поземельномъ съѣздѣ въ Берлинѣ 1894 года, при посредствѣ тогдашняго министра земледѣлія фонъ-Гейдена поставило нѣсколько тезисовъ, стоющихъ того, чтобы надъ ними остановиться, такъ какъ они показываютъ, что благодаря измѣненію природы производительныхъ силъ и самое отношеніе государства къ земледѣлію можетъ подвергнуться сильному измѣненію. Земледѣлецъ до сихъ поръ обладалъ неограниченнымъ правомъ надъ своимъ имѣніемъ: онъ могъ его дѣлить, продавать, закладывать. Но прусское правительство, понимая все охранительно консервативное значеніе зажиточнаго земледѣльческаго сословія, предложило отобрать у землевладѣльца право дѣлать долги выше извѣстной нормы. Земскія камеры опредѣляли бы стоимость имѣній и позволяли бы занимать деньги лишь до какой-нибудь нормы, положимъ, 50% стоимости имѣнія. Государство распростерло бы надъ помѣщикомъ опеку, какъ надъ несовершеннолѣтнимъ. Прусское правительство тоже выразило сомнѣніе, должны ли

покупатели, не владѣющіе достаточно большимъ капиталомъ, покупать несоотвѣтственныя имѣнія, такъ какъ сразу становятся должниками. Наконецъ, поднятъ былъ вопросъ о перемѣнѣ обыкновенныхъ долговъ въ ренту, капиталъ же не подлежалъ возвращенію. Все это дѣйствительные coup d'etat въ правовую сторону поземельной неограниченной собственности.

Земледѣльцы, лишенные надежды на повышеніе цѣнъ продуктовъ и ограбленные ходомъ развитія производительныхъ силъ, напираютъ въ Западной Европѣ на политическую сторону. Мы должны помнить, что и рыночныя отношенія, и политическія, вообще общественныя условія, какъ пошлины, податныя привилегіи и т. д., поднимая или уменьшая доходъ земли, оказываютъ вліяніе на ея стоимость. Помѣщики реализуютъ свое положеніе въ обществѣ на извѣстную сумму денегъ, т. е. стоимость земли поднимается, если имъ удастся понизить норму поземельной подати, получить преміи на вывозъ сахару или спирта. Прекрасно объ этомъ свидѣтельствуютъ объявленія о продажѣ имѣній, помѣщаемыя въ германскихъ газетахъ: продавецъ всегда приводитъ количество спирта, подлежащаго въ его винокуренномъ заводѣ, такъ называемому, контингенту (болѣе низкому обложенію налогомъ). При такихъ условіяхъ въ таксу стоимости имѣнія зачисляются также и факторы такого рода. Р. Майеръ развилъ прекрасно эту идею на земледѣльческомъ съѣздѣ въ Буда-Пештѣ въ 1896 году: «Разница между прежней и настоящей цѣной земли это капитализированная рента, получаемая благодаря существованію пошлинъ на хлѣбъ, т. е. капитализація помощи со стороны государства. Нѣкоторые помѣщики не имѣютъ ни гроша собственнаго имѣнія, но владѣютъ только долей такой капитализированной государственной пенсіи, которая стала обыкновеннымъ товаромъ, продаваемымъ и закладываемымъ. Въ классическомъ Римѣ каждый обѣднѣвшій гражданинъ обладалъ правомъ на такую пенсію».

Отъ политическихъ обстоятельствъ зависитъ величина ренты и уровень стоимости земель. Именно благодаря этимъ факторамъ, стоимость помѣстій въ Германіи вѣроятно на одну четверть выше того уровня, на какомъ бы находилась, если бы пошлины не существовали, и о цѣнѣ земли рѣшали бы лишь чисто экономическіе факторы. И въ физіономіи юнкера произошла соотвѣтственная перемѣна въ послѣдній десятокъ лѣтъ. Тридцать лѣтъ тому назадъ германскія земледѣльческія общества занимались на своихъ съѣздахъ агрономическими вопросами. Теперь политика занимаетъ первое мѣсто во время собраній. Земледѣльцы, разсуждая о своихъ дѣлахъ, прежде всего ищутъ способы увеличить количество различныхъ благъ, получаемыхъ отъ государства.

Значитъ во многихъ странахъ, главнымъ же образомъ во Франціи и Германіи, сравнительно высокія цѣны земли держатся лишь благодаря вліянію политическихъ условій. Но такое положеніе не долговѣчно, такъ какъ на историческомъ поприщѣ появляются возрастающія группы

городскихъ рабочихъ и, пріобрѣтая все болѣе вліянія, требуютъ отмѣны помѣщичьяго права жить нуждой народа. Положеніе земледѣльцевъ вообще очень неустойчиво. Лишь въ одной Англіи дисонансъ, на который мы указывали, приближается къ своей развязкѣ, и намъ кажется, что аграрный кризисъ, вызванный возникновеніемъ колоніальныхъ производительныхъ силъ, тамъ скорѣе всего будетъ разрѣшенъ.

«Нѣтъ основанія сомнѣваться,—говоритъ парламентская анкета,—что положеніе съ 1882 г., въ которомъ производилось такое же изслѣдованіе, во многомъ стало хуже. Фермеры должны постоянно бороться съ трудностями и нищетой, претерпѣли значительныя потери капитала, получаютъ уменьшенную прибыль или, пожалуй, совсѣмъ ея не получаютъ. Много обанкротилось, много находится въ самой крайней нуждѣ. Но за исключеніемъ хлѣбныхъ округовъ мы вездѣ замѣчаемъ приспособленіе расходовъ къ уровню уменьшенныхъ доходовъ, отчасти вслѣдствіе ограниченія жизненныхъ требованій, отчасти отъ измѣненія системъ хозяйничанія, уменьшенія размѣровъ ренты, удешевленія навозовъ и фуража, равно какъ всѣхъ предметовъ потребленія, наконецъ, благодаря тоже сокращенію величины оборотнаго капитала. Въ виду всего этого, мы можемъ полагать, что англійская почва, какъ одаренная отъ природы и благодаря своему экономическому положенію, будетъ и въ будущемъ воздѣлываться какъ луга, а можетъ быть какъ пашня. Будетъ она доставлять прибыль, незначительную и трудно зарабатываемую, но не ниже уровня заработковъ въ другихъ отрасляхъ промышленности».

Иначе въ хлѣбныхъ округахъ: «по мѣрѣ паденія цѣнъ хлѣба, наступитъ моментъ, когда и рента, и вообще культура (почвы) исчезнутъ. Это уже отчасти дѣйствительность въ восточно-южныхъ пространствахъ Эссекса и оскудѣніе почвы проявилось бы въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ, если бы землевладѣльцы и фермеры не противодѣйствовали этому съ большими затратами для себя».

Диссонансъ можетъ исчезнуть—относительно, такъ современная производительная сила по природѣ своей неустойчива, но недостатокъ организованнаго общественнаго сознанія не дозволитъ наступить ранновѣсію, пока не будетъ положена преграда индивидуалистическому режиму. Но способы уменьшенія диссонанса могутъ быть различны: они могутъ привести къ дальнѣйшему прогрессу производительныхъ силъ, но могутъ отодвинуть насъ къ образцамъ мелкой рутины и мелкаго хозяйства.

Земледѣліе можетъ подвергнуться процессу сплоченія или децентрализаціи. Передъ нами появляется задача понять взаимное отношеніе крупной и мелкой собственности.

Л. Крживицкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ВЪ ГОРОДСКОЙ ШКОЛѢ.

(Очерки и наблюденія).

«Наконецъ то!» вырвалось у Вѣры Павловны, когда она пробѣжала содержаніе бумаги только что полученной ею въ большомъ сѣромъ пакетѣ подъ нѣсколькими печатями со штемпелемъ городской Думы. Этой бумагой Вѣра Павловна извѣщалась о томъ, что въ одной изъ зарѣчныхъ частей города освободилась вакансія городской учительницы и ей, въ виду наступавшаго пріема дѣтей, предлагалось немедленно отвѣтить, согласна ли она принять это мѣсто.

«Наконецъ то!» повторила она и съ этими словами опустилась на диванъ, не выпуская изъ рукъ бумаги, такъ поразившей ее своимъ содержаніемъ, что даже непривычная краска выступила на ея безкровномъ утомленномъ лицѣ.

Она согласна, конечно согласна и достанься ей эта школа нѣсколько лѣтъ тому назадъ полученіе ея несомнѣнно вызвало бы въ ней приливъ самой бурной радости, но девять лѣтъ тяжелой жизни наложили свой отпечатокъ на Вѣру Павловну. Всѣ ощущенія потеряли свою яркость и въ данную минуту, несмотря на то, что полученіе школы являлось для нея неожиданнымъ благополучіемъ, она была только довольна, и это довольство вытекало главнымъ образомъ изъ сознанія того, что у нея теперь есть свой уголъ и вѣрный обезпеченный кусокъ хлѣба. Она смотрѣла на бумагу глазами человѣка, утомленнаго длинной, а главное страшно скучной поѣздкой. Въ началѣ цѣль поѣздки манила и человѣкъ жадно стремился къ ней, потомъ онъ усталъ, усталъ до такой степени, что дошелъ до полнѣйшаго равнодушія и, наконецъ пріѣхавъ, радуется только возможности отдохнуть.

Такъ было и съ Вѣрой Павловной. Окончивъ педагогическіе курсы, она подала прошеніе о зачисленіи ея кандидаткой на мѣсто городской учительницы. Прошеніе было принято, но ждать пришлось долго, очень долго, если принять въ соображеніе то, какъ проходили эти годы ожиданія.

Вѣрѣ Павловнѣ было тридцать лѣтъ, но на видъ она казалась значительно старше. На лицѣ ея не было морщинъ, на головѣ ни

одного сѣдаго волоса, но вся она смотрѣла какой то сѣрой, точно запылившейся и на всей ея фигурѣ съ выдавшимися плечами и впалой узкой грудью лежала печать утомленія, утомленіе выражали и грустные сильно близорукіе глаза дѣвушки.

Вѣра Павловна встрепенулась. Торопливо вынувъ изъ за пояса черные часы, она заглянула на нихъ своими близорукими глазами. Было два часа.

Присутствіе въ училищной коммиссіи, куда ей предлагалось заявить о своемъ согласіи принять школу, продолжалось ежедневно до пяти часовъ и, слѣдовательно, времени въ запасѣ оставалось болѣе чѣмъ достаточно, но Вѣру Павловну охватилъ вдругъ страхъ что она опоздаетъ, школу отдадутъ слѣдующей кандидаткѣ и ей опять придется ждать долгіе годы.

Она быстро одѣлась и черезъ полъ часа уже стояла въ комнатѣ, уставленной канцелярскими столами.

Комната эта, въ которой помѣщалась канцелярія училищной коммиссіи, была очень большая и, несмотря на громадныя окна мрачная и непривѣтливая. Въ окна смотрѣло сѣрое осеннее небо и бурокрасная крыша гостинаго двора со множествомъ трубъ, вокругъ которыхъ группами размѣстились нахохлившіеся голуби.

За однимъ изъ столовъ работали барышни, за другими сидѣло нѣсколько мужчинъ. За рѣшеткой, отдѣлявшей часть комнаты, наклонившись надъ конторкой, что то писалъ чиновникъ, а около рѣшетки стояло нѣсколько женщинъ въ верхнихъ кофточкахъ и шляпахъ.

Вѣра Павловна подошла къ нимъ и стала терпѣливо ожидать своей очереди, съ любопытствомъ разглядывая своихъ будущихъ товарокъ.

Она видѣла вокругъ себя безцвѣтныхъ, немолодыхъ и, по большей части некрасивыхъ очень скромно одѣтыхъ женщинъ. И въ лицахъ и въ костюмахъ полное отсутствіе красокъ, все какіе то сѣроватые тона, тона, удивительно гармонировавшіе съ сѣрымъ небомъ, бурой крышей и всей обстановкой этой скучной казенной комнаты съ длинными столами, надъ которыми застыли въ неподвижности склоненныя фигуры чиновниковъ. Все кругомъ было сѣро и какъ то томительно скучно и только голоса учительницъ нервные и озабоченные напоминали о жизни, въ которой существуетъ что то помимо отчетныхъ книгъ и печатныхъ бланковъ, грудами сваленныхъ по угламъ комнаты. Рядомъ съ Вѣрой Павловной стояла совсѣмъ молодая дѣвушка, рѣдко выдѣлявшаяся на сѣромъ фонѣ немолодыхъ и некрасивыхъ лицъ.

На видъ ей было двадцать лѣтъ; фигура у нея была высокая и плотная, маленькая голова красиво сидѣла на широкихъ плечахъ, а изъ подъ круглой шляпы съ бѣлымъ перомъ выбивались непокорные вьющіеся волосы.

Въ началѣ она съ видимымъ любопытствомъ относилась ко всему, что происходило вокругъ нея. Она внимательно разглядывала учи-

тельницъ и барышень, сидѣвшихъ за столомъ, но потомъ, не найдя, очевидно, ничего интереснаго, соскучилась и съ замѣтнымъ уже нетерпѣніемъ ожидала, когда же наконецъ чиновникъ обратится къ ней.

— Я съ прошеніемъ. Прошу о зачисленіи меня кандидаткой на мѣсто городской учительницы,—звонкимъ, но сильно дрожавшимъ отъ волненія голосомъ заявила она, когда очередь наконецъ дошла до нея.

При первомъ звукѣ ея молодого голоса въ мрачной непривѣтливой комнатѣ повѣяло вдругъ какой то непривычной жизнерадостностью. Работавшіе за столами невольно подняли склоненныя головы и съ изумленіемъ разсматривали говорившую.

— Я окончила весною педагогическіе курсы, два года занималась въ частной школѣ и зимой давала уроки въ воскресной,—продолжала дѣвушка.

И затѣмъ послѣ небольшой паузы замѣтивъ, что чиновникъ за рѣшеткой какъ будто чего то еще ожидаетъ, значительно тише, но съ большимъ достоинствомъ прибавила:—И гимназію и курсы я окончила съ золотыми медалями.

— Ваши документы?—отрывисто спросилъ чиновникъ.

Она передала ему пакетъ. Онъ отошелъ къ конторкѣ и сталъ перелистывать толстый журналъ.

Дѣвушка стояла совсѣмъ красная. Ей сдѣлалось вдругъ невыносимо жарко и она быстрымъ движеніемъ, не спуская глазъ съ чиновника, растегнула всѣ пуговицы на своей драповой кофточкѣ. Барышни, работавшія за столомъ, о чемъ то шептались, разсматривая просительницу. Неуспѣвшія разойтись учительницы тоже смотрѣли на дѣвушку. Въ эту минуту почти каждой изъ нихъ вспомнилась собственная молодость, вспомнилось и то время, когда, окончивъ курсы, каждая подходила съ такимъ же прошеніемъ о зачисленіи кандидаткой къ этой же самой рѣшеткѣ...

— Вы будете зачислены 320-ой кандидаткой,—вдругъ среди общаго молчанія раздался голосъ чиновника.

Дѣвушка покраснѣла еще больше.

— Которой кандидаткой?—переспросила она, думая, что ослышалась

— 320-й,—точно наслаждаясь ея смущеніемъ, повторилъ чиновникъ.

— Но неужели такъ много желающихъ?.. Когда же я въ такомъ случаѣ получу школу?—почти съ отчаяніемъ спросила дѣвушка, и что то жалкое, растерянное проступило въ выраженіе ея молодого лица.

Барышни за столомъ улыбались. Дѣвушка смѣшила ихъ своей наивностью, она видимо воображала, что ей стоитъ только заявить о своемъ желаніи, чтобы получить школу.

— У насъ соблюдается самая строгая очередь,—между тѣмъ внушительно продолжалъ чиновникъ.—Каждый годъ положено открывать по 25 новыхъ школъ...

— Положимъ, что это одни разговоры, больше 10 уже давно не

открываютъ,—отозвалась одна изъ учительницъ, что то усердно искавшая въ цѣлой грудѣ наваленныхъ на полу книгъ.

Чиновникъ только покосился на говорившую.

— 320 раздѣлить на двадцать пять... Сколько же это будетъ?..— Старалась сосчитать дѣвушка, но волненіе мѣшало ей. Во всякомъ случаѣ выходило что то страшно много. И она безнадежно опустила голову.

А чиновникъ все продолжалъ говорить о самой строгой очереди при назначеніи на мѣста городскихъ учительницъ, и такъ какъ при каждомъ новомъ словѣ дѣвушка все ниже и ниже опускала голову, то онъ съ видимымъ желаньемъ ободрить ее упомянулъ о случайно освобождающихся вакансіяхъ.

— Бываетъ, что учительницы и замужъ выходятъ, но это случается довольно рѣдко, чаще всего уходятъ по болѣзни, работа, въ общемъ довольно таки тяжелая,—лѣниво роняя слова говорилъ онъ.— Вы, если не ошибаюсь, г-жа Иванова, вновь назначенная учительница?— вдругъ обратился онъ къ Вѣрѣ Павловнѣ.—Вотъ скажите, кстати, сколько именно времени вамъ пришлось прождать?»

Вѣра Павловна отвѣтила, что ждала девять лѣтъ, и чиновникъ заговорилъ съ ней. Онъ сообщилъ ей адресъ школы, сказалъ, что пріемъ учениць начинается съ завтрашняго же дня.

Вѣра Павловна уже спускалась по лѣстницѣ, когда ее нагнала высокая полная учительница, которую она замѣтила еще въ канцеляріи.

— Позвольте познакомиться, я Кунина Марья Михайловна. Какъ разъ напротивъ того дома, гдѣ помѣщается ваша школа, живетъ одна моя пріятельница тоже городская учительница. У ней школа для мальчиковъ, и если вамъ встрѣтится что нибудь сомнительное въ новомъ дѣлѣ, то обратитесь къ ней.

Вѣра Павловна поблагодарила. Въ эту минуту ей ясно представились только что выданные ей журналы и бланки, въ которыхъ разобраться безъ посторонней помощи ей казалось положительно немыслимымъ.

Вечеромъ Вѣра Павловна отправилась осмотрѣть свою школу.

Первое, что ей бросилось въ глаза, была громадная синяя вывѣска надъ воротами съ названіемъ школы, въ которую ее назначили.

Сойдя съ пролетки она позвонила у воротъ.

Ждать ей пришлось довольно долго.

Она стояла и смотрѣла на длинную прямую и довольно пустынную улицу, уходившую, какъ ей казалось, благодаря близорукости, въ безконечную даль.

Прямо передъ ней возвышалась красивая сѣрая церковь. На ступенькахъ паперти сидѣла сгорбившись какая то фигура. Напротивъ церкви почти рядомъ съ домомъ, у котораго стояла Вѣра Павловна, помѣщалась больница; громадное желтое зданіе смотрѣло особенно непривѣтливо въ этотъ часъ надвигавшихся сумерекъ.

Вѣра Павловна повернула голову въ противоположную сторону.

Здѣсь улица черезъ нѣсколько домовъ пересѣкалась Невой. На другомъ берегу рѣки темнѣла зелень парка, виднѣлось кирпичное зданіе съ плоской крышей и голубой куполъ дальней церкви.

Вѣра Павловна позвонила во второй разъ.

— Вамъ кого?—раздалось подъ воротами.

Передъ Вѣрой Павловной стояла дѣвочка лѣтъ семи въ красной кофтѣ и въ розовой юбкѣ, высоко подхваченной спереди, а сзади спу скавшейся до самыхъ пятокъ босыхъ ногъ.

— Мнѣ дворника нужно,—сказала та.

— Старшаго то дома нѣтъ, а младшій на чердакъ ушолъ,—объявила дѣвочка.—Да вотъ онъ идетъ никакъ,—быстро обернулась она къ темному проходу подъ воротами, гдѣ вдругъ раздались торопливые мужскіе шаги.

— Тебя спрашиваютъ, тятька,—проговорила дѣвочка и юркнула подъ ворота.

Вѣра Павловна объяснила дворнику, что она новая учительница и просила показать ей квартиру, въ которой помѣщалась школа.

— Пожалуйте за мной, — сказалъ тотъ и они вошли во дворъ.— У меня ключъ отъ черной лѣстницы, я тамъ пройду, а вы по парадной въ четвертый этажъ поднимитесь, я отопру.

Дворникъ скрылся во второмъ дворѣ, а Вѣра Павловна поднялась по лѣстницѣ. Уже отпертая входная дверь была растворена и она вошла въ маленькую и темную переднюю.

— Вотъ это классъ,—услужливо объяснялъ дворникъ, указывая въ раскрытую дверь на длинную, но довольно низкую комнату, уставленную сѣрыми отъ покрывавшей ихъ пыли классными столами.—А вотъ рекреаціонная... А здѣсь уже ваше собственное помѣщеньице,—и, говоря это, онъ провелъ ее въ двѣ крохотныя комнатки, изъ которыхъ одна была полутемная, такъ какъ окно упиралось прямо въ стѣну.

— А здѣсь кухня,—продолжалъ онъ,—и дѣти здѣсь раздѣваются. Нашъ хозяинъ по парадной лѣстницѣ имъ ходить не велитъ. Грязи отъ нихъ много и безпорядковъ не оберешься.

Показавъ квартиру дворникъ замолчалъ; молчала и Вѣра Павловна Помѣщеніе ей даже нравилось; она была неприхотлива и маленькія комнаты ей пришлись по душѣ, но затоптанныя полы и грязныя окна сильно смущали ее... Необходимо было какъ можно скорѣе найти хоть какую-нибудь прислугу, чтобы вычистить квартиру.

— А я къ вамъ съ просьбой, барышня. Совсѣмъ изъ головы вонъ было. Дѣвчонка моя, Лизутка, ужъ очень пристаетъ все въ школу просится. Каждый день мимо дворницкой дѣвочки съ книгами бѣгаютъ. Ну и ей охота.

— Завтра въ девять часовъ принимать буду, тогда и приводите дѣвочку,—сказала Вѣра Павловна. — Сама я къ восьми здѣсь буду.

Только вотъ не знаю, какъ бы почистить здѣсь хоть немного. Ужъ очень здѣсь пыльно.

— Вамъ вѣдь прислуга навѣрное требуется,—сообразилъ дворникъ.— Здѣсь у меня близко одна знакомая живетъ, только сходить кликнуть, можетъ и понравится вамъ. Женщина хорошая.

— Ахъ, пожалуйста, сходите!—попросила Вѣра Павловна.

— Въ одну минуту!—крикнулъ уже на ходу дворникъ.

Вѣра Павловна осталась одна. Ей хотѣлось еще разъ осмотрѣть помѣщеніе и она медленно, не торопясь, стала обходить всѣ комнаты.

Слабый едва слышный звонокъ донесся въ эту минуту до ея слуха и она, вспомнивъ, что дворникъ отправился за прислугой, пошла въ кухню.

— Здѣсь прислуга требуется?—раздался робкій женскій голосъ и, когда Вѣра Павловна отвѣтила утвердительно, высокая женщина, закутанная въ байковый платокъ, надвинутый на самый лобъ, сдѣлала ей настрѣчу нѣсколько нерѣшительныхъ осторожныхъ шаговъ.

Вѣра Павловна разсказала женщинѣ, какая работа отъ нея требуется. Вопросъ о жалованьѣ былъ ей самой не совсѣмъ ясенъ. Сама Вѣра Павловна должна была получать въ мѣсяцъ пятьдесятъ пять рублей съ копѣйками; изъ этихъ денегъ десять рублей полагалось на прислугу и она расчитывала, что больше шести рублей въ мѣсяцъ платить не приходится, принимая въ соображеніе, что содержаніе ея обойдется, конечно, болѣе четырехъ рублей.

Женщина согласилась на все очень быстро и съ видимой охотой, казалось, что и работа, и жалованье представляли что-то второстепенное, главное же, о чемъ нужно было говорить, замалчивалось, и большіе глаза, которые одни были ясно видны Вѣрѣ Павловнѣ, становились все тревожнѣе и все безпокойнѣе перебѣгали съ одного предмета на другой.

— Ну что же, если вы согласны, то перебирайтесь. Я бы просила васъ переѣхать какъ можно скорѣе. Завтра пріемъ дѣтей, а здѣсь все такъ пыльно и грязно,—сказала Вѣра Павловна.

— Хорошо, переберусь,—проговорила женщина и замолчала, нервно теребя бахрому на своемъ байковомъ платкѣ.

— Значитъ, вы согласны на мои условія?—еще разъ переспросила Вѣра Павловна, замѣтивъ какое-то колебаніе и нерѣшительность въ женщинѣ.

— Согласна-то я согласна, ужъ очень согласна. Только вотъ въ чемъ заминка-то моя... заговорила она голосомъ, звенѣвшимъ внутреннимъ волненіемъ. На минуту она остановилась. — Дѣло-то мое такое, барышня, что и сказать вамъ о немъ какъ не знаю...

И видъ, и голосъ женщины въ эту минуту внушили Вѣрѣ Павловнѣ какой-то безотчетный страхъ, и она какъ-то невольно приготовилась услышать что-то ужасное.

— Ребеночекъ вѣдь у меня,—едва слышно прогсворила женщина.

Вѣра Павловна даже улыбнулась. Она ждала чего-то страшнаго, а отъ слова «ребеночекъ» повѣяло чѣмъ-то милымъ, успокоительнымъ. Нѣтъ ничего дурного, если въ этомъ, слишкомъ просторномъ помѣщеніи, гдѣ-нибудь закопошится ребенокъ.

— Сколько же ему времени?—спросила она ласково.

— Годъ два мѣсяца,—отвѣтила женщина.

Въ эту минуту ея глаза смотрѣли на Вѣру Павловну съ тѣмъ выраженіемъ, съ какимъ обыкновенно смотрятъ на людей собаки, притерпѣвшіяся къ побоямъ.

— Приходите съ ребенкомъ. Ребенокъ не помѣшаетъ, а только въ кухню его помѣстить трудно будетъ. Здѣсь дверь, а здѣсь окно,—говорила Вѣра Павловна.

— Ахъ ничего, ничего, ему вездѣ хорошо будетъ. Ужъ я его такъ приткну, что вы, милая барышня, его и не услышите, знать не будете, что въ домѣ ребеночекъ завелся,—суетливо заговорила видимо сильно обрадованная женщина. — Ключъ вы дворнику оставьте, а я завтра чуть свѣтъ сюда прибѣгу, до вашего прихода всю первую грязь и уберу.

На другой день Вѣра Павловна пріѣхала въ школу около восьми часовъ утра.

— Какъ звать-то васъ?—спросила Вѣра Павловна свою новую прислугу, отворившую ей дверь.

— Татьяной,—тихо отвѣтила она.

Голосъ у Татьяны былъ робкій, движенія несмѣлыя и вся она производила болѣзненное впечатлѣніе запуганнаго и забитаго человѣка.

Роста она была довольно высокаго, фигура у нея была плотная и только лицо поражало худобой и желтымъ нездоровымъ оттѣнкомъ, который подъ глазами переходилъ въ темную синеву, и отъ этой синевы глаза казались неестественно глубокими и большими.

Вѣра Павловна обошла квартиру. Татьяна постаралась, ни пыли, ни грязи нигдѣ не было.

Въ кухнѣ уже топилась плита, а въ самомъ темномъ углу, на небольшомъ сундукѣ, стояла бѣльевая корзина, изъ которой торчала дѣтская голова съ пучкомъ волосъ на темени и внимательными, серьезными глазами на блѣдномъ одутловатомъ личикѣ.

— Дочка или сынъ у васъ?—спросила Вѣра Павловна, подходя къ корзинкѣ. Она уже и руку протянула, чтобы приласкать ребенка, но тотъ при ея приближеніи нырнулъ головой внизъ и, когда пальцы Вѣры Павловны слегка коснулись его спинки, она ясно почувствовала, какъ сжалось отъ страха это маленькое тщедушное тѣльце, хотя ребенокъ не издалъ при этомъ ни малѣйшаго звука.

— Какъ зовутъ?»—обратилась она къ Татьянѣ.

Шуркой звать; дѣвчонка у меня, злая да привередливая такая, что упаси Господи—мрачно отвѣтила женщина и въ голосѣ ея послышалась суровость, непріятно поразившая Вѣру Павловну.

— Такая маленькая развѣ можетъ быть злой,—укоризненно сказала она. И это маленькое существо, свернувшееся въ комочекъ, показалось ей вдругъ необыкновенно жалкимъ.

Въ кухнѣ задребезжалъ звонокъ.

Татьяна бросилась отворять.

Въ кухню вошелъ худой, блѣдный и довольно хорошо одѣтый мужчина съ двумя дѣвочками.

— Простите, что явился раньше срока, но въ девять часовъ мнѣ необходимо уже быть на мѣстѣ службы, — заискивающимъ голосомъ обратился онъ къ Вѣрѣ Павловнѣ.

Двѣ дѣвочки,—одна постарше черноволосая и курчавая, другая совсѣмъ маленькая и очень некрасивая, молчали, любопытными глазами изучая учительницу.

— Будьте любезны, примите въ школу вотъ эту, что постарше,— продолжалъ между тѣмъ отецъ, выдвигая за плечи дѣвочку въ потертой драповой кофточкѣ съ оборванными пуговицами и круглой шляпкѣ съ краснымъ крыломъ.

— Пріемъ начнется только въ девять. Если вамъ самимъ некогда, оставьте хоть дѣвочку,—предложила Вѣра Павловна.

— И ей нельзя, она вѣдь тоже... на службѣ,—засмѣялся отецъ.

— Но гдѣ же служитъ ваша дочь?—удивилась Вѣра Павловна.

— Я въ актрисахъ, въ Зоологическомъ саду!—бойко отозвалась сама дѣвочка и надвинула на лобъ шляпу, плохо державшуюся на ея густыхъ курчавыхъ волосахъ.

Своими занятіями она даже слегка гордилась и не понимала, почему отецъ замедлилъ отвѣтомъ на вопросъ учительницы, а теперь съ такимъ смущеніемъ теребилъ свою и безъ того потрепанную шапку.

— Я въ фееріи движущійся тюльпанъ изображаю,—объяснила она, замѣтивъ, что учительница какъ будто плохо поняла ее.—А вотъ маленькая въ лягушкахъ,—и дѣвочка кивнула головой въ сторону некрасиваго курносаго созданья, въ лицѣ и фигурѣ котораго было дѣйствительно что-то напоминавшее лягушку.

Младшая сестра въ отвѣтъ на заявленіе старшей громко фыркнула и уткнулась носомъ въ ея кофточку.

— Я самъ въ саду по декоративной части состою и дѣти можно сказать подъ моимъ постояннымъ надзоромъ тамъ находятся,—заговорилъ наконецъ и самъ отецъ, а дѣвочки, особенно старшая, съ удивленіемъ уставились на него.

Когда они всѣ втроемъ отправлялись въ садъ, мать обыкновенно поручала имъ обѣимъ смотрѣть за отцомъ, но углядѣть за нимъ не было никакой возможности, онъ напивался съ утра, и вечеромъ послѣ представленія онѣ общими усиліями кое-какъ доводили его домой.

Вѣра Павловна была въ большомъ затрудненіи. Ее смущала мысль, что въ числѣ малолѣтнихъ ученицъ будетъ актриса изъ Зоологическаго

сада, но въ тоже время никакихъ причинъ для отказа она не находила, да и отказывать ей сильно не хотѣлось.

Хорошенькая дѣвочка съ большими глазами и длинными загнутыми рѣсницами даже понравилась ей, а въ книжечкѣ, гдѣ были изложены правила пріема, ясно и опредѣленно говорилось, что въ школу принимаются дѣти не моложе семилѣтняго возраста. Дѣвочкѣ было десять лѣтъ и она вполнѣ отвѣчала условіямъ пріема.

— Но какъ же она въ школу ходить будетъ? Вѣдь у насъ ученье съ девяти часовъ начинается?—все еще колеблясь спрашивала она.

Оказалось, что Зоологическій садъ на-дняхъ закрывается, и актриса въ самомъ непродолжительномъ времени получитъ возможность безпрепятственно посѣщать школу.

Не успѣли еще актеры скрыться за дверьми, какъ въ кухнѣ появилась толстая женщина; въ одной рукѣ у нея была корзина съ провизіей, а другой она вела толстую блѣдную дѣвочку въ грязной соломенной шляпѣ, желтомъ ватерпруфѣ и стоптанныхъ желтыхъ же туфляхъ.

— Здѣсь дѣвочекъ принимаютъ? — тяжело отдуваясь и, видимо не замѣчая Вѣры Павловны, обратилась она къ стоявшей у дверей Татьянѣ.

— Да, здѣсь,—отвѣтила за Татьяну Вѣра Павловна.—Теперь еще рано. Пріемъ начнется въ девять и вамъ придется обождать.

Это предложеніе привело женщину въ совершенное отчаяніе.

Ждать ей было некогда. Въ девять ей нужно было отпускать первый завтракъ, баринъ послѣ него сію же минуту уѣзжаетъ въ банкъ. Ее и на мѣсто подъ тѣмъ условіемъ брали, что она ни на одну минуту съ кушаньемъ опаздывать не будетъ...

— Мѣсто ничего хорошее, лучшее съ такой обузой врядъ ли сыщешь, — кивая головой въ сторону потупившейся дѣвочки и вытирая вспотѣвшее лицо концомъ байковаго платка, объясняла кухарка.—Одно плохо, на счетъ аккуратности чистый зарѣзъ. Опоздаешь съ кушаньемъ и безъ всякихъ разговоровъ вонъ. Съ тѣмъ и брали. Оно и понятно, съ дѣвчонкой то не всякій возьметъ, ну и пользуются....

Уступая настойчивымъ просьбамъ кухарки, а главное понявъ всю затруднительность положенія женщины, если она очутится съ дочерью на улицѣ изъ за опоздавшаго завтрака, Вѣра Павловна согласилась записать дѣвочку раньше положеннаго срока.

А въ кухнѣ между тѣмъ одинъ за другимъ появлялись все новыя лица. По большей части это были все женщины. Всѣ онѣ ужасно торопились, рѣшительно всѣмъ было некогда и всѣ упрашивали принять дѣвочекъ какъ можно скорѣе.

— Ежели ждать придется, весь рабочій день прахомъ пойдетъ,— жаловалась работница съ пряничной фабрики.

Вѣра Павловна была уже готова уступить ея просьбѣ, но остальныя

женщины подняли при этомъ такой шумъ, что она даже растерялась. Всѣмъ было одинаково некогда. Всѣхъ безъ исключенія ждала работа.

Вѣра Павловна рѣшительно заявила, что раньше девяти пріема не начнетъ и это заявленіе пришлось какъ разъ кстати: въ дверяхъ показался дворникъ съ Лизуткой, а за нимъ швейцаръ съ дѣвочкой.

Вѣра Павловна поспѣшила скрыться въ классъ.

Ровно въ девять Вѣра Павловна начала пріемъ. Она растворила дверь и нетерпѣливая толпа, тѣсня и давя другъ друга, пробралась въ классъ, стуча сапогами и наполняя комнату специфическимъ запахомъ сырого и тѣснаго жилья. Вѣра Павловна почувствовала смущеніе передъ этой непривычной толпой, а когда, съ трудомъ различая отдѣльныя лица, она поняла что всѣ глаза смотрятъ на нее и что ей необходимо что нибудь сказать этимъ собравшимся людямъ, ее охватило ощущеніе, похожее на то, съ которымъ она когда то стояла на экзаменахъ съ билетомъ въ рукахъ.

«Съ чего начать? Главное съ чего начать то?» растерянно думала она, смущеннымъ и боязливымъ взглядомъ окидывая толпу.

— Ребенка задавите, пропустите пожалуйста! — вдругъ раздался визгливый голосъ и женщина въ черной кружевной косыночкѣ на головѣ, размахивая зонтикомъ, вынырнула изъ толпы, проталкивая передъ собой замѣтно упиравшуюся дѣвочку.

— Дочку потрудитесь записать, — развязно обратилась она къ учительницѣ.

Кругомъ послышались недовольные голоса и Вѣра Павловна заговорила почти неожиданно для себя самой.

«Совсѣмъ какъ на экзаменѣ» мелькнуло у нея въ головѣ.

И голосомъ, зазвучавшимъ неожиданной для нея самой увѣренностью, она объявила, что будетъ записывать дѣвочекъ по очереди.

Но очередь соблюдать никто не хотѣлъ, всѣ разомъ двинулись впередъ, проталкивая передъ собою оторопѣвшихъ дѣвочекъ.

Кругомъ раздавались протестующіе возгласы, говорили, что очередь соблюдать трудно, потому что неизвѣстно, кто когда пришолъ, а всякому хочется опредѣлить дочку.

Запахъ кожи, подваловъ и улицы распространялся все сильнѣе и сильнѣе по комнатѣ. Вѣра Павловна почти задыхалась, голова у нея кружилась.

— Какъ твоя фамилія?—обратилась она къ дѣвочкѣ, прижатой къ самому столу. Лица дѣвочки совсѣмъ не было видно подъ кружевомъ шляпы, украшенной огромнымъ краснымъ бантомъ.

— Разсолова,—пискнула дѣвочка, не поднимая головы.

— Разсолова Анна, такъ и запишите,—затараторила женщина въ кружевной косынкѣ.—Смышленая она у меня,—приподнимая съѣхавшую на самый носъ шляпку дочери, продолжала она.—Ежели въ лавочку или за чѣмъ тамъ придется сдѣлать—мигомъ слетаетъ... Вся въ меня, можно сказать...

Въ толпѣ послышался смѣхъ.

— Чѣмъ вы занимаетесь?—спросила Вѣра Павловна, съ трудомъ удерживая улыбку.

— А всѣмъ, чѣмъ хотите, милая барышня. Мужъ у меня по маркерной части въ трактирѣ работаетъ, а я курсистокъ держу, столуются у меня тоже нѣкоторыя изъ нихъ... Ну, если кофточку какую-нибудь сшить принесутъ, я тоже не отказываюсь.

— Вотъ раззвонилась-то: замѣтилъ кто-то изъ толпы.

— Ну васъ, какъ видно, не переслушаешь! — заявилъ стоявшій позади всѣхъ дворникъ.—Идемъ, Лизутка, записываться,—и, раздвинувъ плечомъ женщинъ, онъ очутился у стола.

Дворника смѣнила прачка.

Она прибѣжала прямо изъ прачешной и пришла позднѣе всѣхъ, но никто не дѣлалъ ни малѣйшей попытки задержать ее, когда она, суетливо работая локтями, протолкалась къ столу.

Ждать ей было невозможно.

— Дѣвочку потрудитесь записать!—обратилась она къ Вѣрѣ Павловнѣ, обдавая ее запахомъ водки и какой-то прѣли, которой было пропитано все существо этой женщины, съ прилипшими ко лбу волосами, краснымъ лоснящимся лицомъ и разстиранными до опухолей руками.

Она урвалась отъ лоханки, наскоро накинула байковый платокъ поверхъ намокшаго платья и, даже не успѣвъ спустить засученныхъ рукавовъ, бросилась въ школу. Дѣвочки она съ собой не привела, думала, что не нужно, да и недосугъ ей было забѣжать за ней.

— Какъ же безъ дѣвочки! Мнѣ бы все-таки ее посмотрѣть хотѣлось,—затруднялась Вѣра Павловна.

— А смотрѣть-то и совсѣмъ нечего. Дѣвочка, какъ дѣвочка, какъ ей и быть полагается. Лѣтъ ей девять, зовутъ Манькой, а фамилія наша Васьковы. Отецъ въ малярахъ, а я по стиркамъ хожу.

И пока Вѣра Павловна вносила въ книгу свѣдѣнія о Маріи Васьковой, прачка, окинувъ быстрымъ взглядомъ выглядывавшихъ изъ толпы дѣвочекъ и обращаясь на этотъ разъ ко всѣмъ находившимся въ комнатѣ, прибавила:

— Въ школу вести, такъ повозиться съ нею тоже немало нужно. И одѣть, и причесать...

Ея замѣчаніе встрѣтило общее сочувствіе. Почти всѣмъ матерямъ пришлось не мало потрудиться, чтобы придать дочерямъ тотъ опрятный видъ, съ которымъ онѣ явились въ школу.

А Вѣра Павловна все записывала и записывала. Прачки, швеи, поденьщицы, кухарки и фабричныя работницы проходили передъ нею, безостановочно смѣняя другъ друга.

Она устала записывать и почти не различала больше отдѣльныхъ лицъ. Всѣ и женщины, и дѣти казались ей удивительно похожими между собой. Всѣ матери смотрѣли на нее одинаково просящими и

тревожными глазами, всѣ дѣвочки имѣли удивительно растерянный и глупый видъ.

— И я къ вамъ мою дочку привела,—раздался надъ ея ухомъ заискивающій жеманный голосъ. Вѣра Павловна невольно заинтересовалась подошедшей. И видомъ и голосомъ та рѣзко отличалась отъ остальныхъ женщинъ въ комнатѣ. На ней была шляпка съ завязками, плюшевая кофточка и разорванныя на пальцахъ перчатки, а худенькая дѣвочка стоявшая рядомъ походила больше на гимназистку, чѣмъ на кандидатку въ ученицы городской школы.

— Она у меня въ пансіонѣ ходила,—показывая на дочку въ коричневомъ платьѣ и черномъ фартучкѣ, съ достоинствомъ объясняла дама.—Взяла же я ее оттуда единственно потому, что тамъ главное вниманіе на музыку обращено, а у нея къ наукамъ больше способностей...

— Только у бѣдныхъ мѣста отбиваютъ,—вырвалось довольно недружелюбно у одной изъ стоявшихъ.

— Читать и писать значитъ умѣешь?—обратилась Вѣра Павловна къ дѣвочкѣ, теребившей руками оборочку у передника.

— Нѣтъ, не умѣю,—тонкимъ голосомъ отвѣтила та.

Дама вспыхнула, въ толпѣ засмѣялись.

— Читаетъ она точно плохо, ну а на счетъ манеръ можете быть покойны. Я сама за этимъ строго слѣжу,—съ прежнимъ достоинствомъ сказала она и даже сдѣлала попытку приласкать дочку, но та, очевидно имѣя свои причины не довѣрять матери, ловко освободила худенькія плечи изъ-подъ цѣпкихъ пальцевъ.

Дама записалась чиновницей, фамилія ея была Александрова.

Большинство записавшихся дѣвочекъ было отъ восьми до девяти лѣтъ.

Блѣдной золотушной дочери швейцара было всего семь лѣтъ и Вѣра Павловна, записавшая уже 50 кандидатокъ, сразу объявила, что дѣвочку она принять ни въ какомъ случаѣ не можетъ.

— Сдѣлайте милость, позвольте ей хотя на подоконникѣ посидѣть. Много ли для такого ребенка, посудите сами, мѣста требуется,—говорилъ швейцаръ и все его испитое лицо и тщедушная фигура, на которой какъ на вѣшалкѣ болтался форменный кафтанъ съ позументомъ, выразили одну настойчивую мольбу. Острое болѣзненное ощущеніе жалости вызвалъ этотъ проситель въ Вѣрѣ Павловнѣ и это ощущеніе жалости стало почти невыносимымъ, когда она перевела глаза на маленькое подслѣповатое золотушное созданіе, стоявшее рядомъ со швейцаромъ.

Отказать было необходимо, брать семилѣтокъ она по инструкціи не имѣла никакого права, но ей мучительно захотѣлось, чтобы стоявшій передъ нею человѣкъ не ушелъ отъ нея съ чувствомъ одной горькой обиды отказа.

— Видите ли, мнѣ самой очень жалко, но я, увѣряю васъ, ничѣмъ не могу помочь,—говорили ея добрые близорукіе глаза.

Швейцаръ видѣлъ выраженіе глазъ. Барышня по виду была такая добрая, что онъ не терялъ надежды. Ему казалось, что все зависитъ отъ того, насколько хорошо удастся ему объяснить ей свое положеніе. Ему очень трудно и добрый человѣкъ, понявъ эту трудность, не можетъ отказать.

— За ученьемъ, барышня, мы не особенно гонимся. Больше изъ-за свѣта и въ школу-то посылать надумали,—вкрадчиво и просительно говорилъ онъ, весь охваченный желаніемъ быть понятымъ доброй барышней.—Докторъ говоритъ, что подъ лѣстницей она совсѣмъ сохнетъ, а комната у насъ маленькая, да и темная къ тому же... Мнѣ самому, разогнувшись, ни за что не взойти. Пускай она здѣсь хотя на подоконникѣ у васъ посидитъ...

— И у насъ въ квартирахъ не лучше. Темнота вездѣ, всѣ такъ-то живемъ...—грубо и намѣренно громко оборвала говорившаго женщина въ заплатанной драповой кофтѣ и дырявомъ вязаномъ платкѣ на головѣ. Она ужасно боялась, что ея дочка, которой едва исполнилось восемь лѣтъ, останется непристроенной, и глаза ея смотрѣли на тщедушнаго швейцара съ выраженіемъ голодной собаки, которая боится, что кусокъ достанется не ей.

На Вѣру Павловну вся эта сцена производила тяжелое, томительное впечатлѣніе. Съ этимъ швейцаромъ и его жалкой дѣвочкой нужно было покончить какъ можно скорѣй, и она, глядя куда-то вбокъ и испытывая почти презрѣніе къ себѣ самой, опять заговорила о недостаткѣ вакансій.

Когда она замолчала, швейцаръ, не говоря ни слова, нервнымъ движеніемъ нахлобучилъ шапку на голову и, почти грубо подтолкнувъ дѣвочку, направился къ выходу.

Вѣра Павловна видѣла его рѣзко измѣнившееся лицо, на которое разомъ проступило желчное озлобленное выраженіе, видѣла его узкую жалкую спину съ выдавшимися лопатками и чувство неловкости вмѣстѣ съ желаніемъ во что бы то ни стало вернуть его охватило ее, но въ эту минуту ея глаза встрѣтились съ тревожными злобными глазами женщины только что заявившей, что «всѣ такъ живутъ», и она молча низко-низко нагнулась надъ своимъ журналомъ, и опять къ ней подходили женщины съ дѣвочками, и опять она записывала ихъ фамиліи на разграфленной страницѣ.

Послѣднимъ подошелъ лавочникъ. Не говоря ни слова и, придвинувшись почти вплотную къ столу, онъ проворно сунулъ что-то подъ бумагу, лежавшую предъ Вѣрой Павловной.

— Это что такое?—удивилась Вѣра Павловна, и не получая отвѣта, она заглянула подъ листъ.

Тамъ лежала новенькая аккуратно сложенная рублевка.

— Плату за ученье я еще не принимаю, да и дѣвочки вашей не вижу. Очень возможно, что она и не подойдетъ къ условіямъ пріема,

и вы напрасно торопитесь съ деньгами,—сказала она, протягивая бумажку тонко ухмылявшемуся рыжебородому лавочнику.

Тотъ легкимъ движеніемъ отстранилъ деньги.

— За ученье—это статья особая. А это прошу оставить въ залогъ нашего къ вамъ почтенія и, можно сказать, глубокаго уваженія.

Вѣрѣ Павловнѣ стало смѣшно и досадно.

— Деньги возьмите, а дѣвочку вашу я не приму, потому что въ глаза ея не видала,—сухо и отрывисто сказала она.

— А прачкину дочку записали?—удивился и обидѣлся лавочникъ.

— А вашу не запишу,—совсѣмъ разсердилась Вѣра Павловна.

— Не примете? Вотъ какъ!—пряча рублевку въ карманъ, насмѣшливо протянулъ лавочникъ.—Ну, при деньгахъ мы нашей дочкѣ помѣщенье вездѣ найдемъ, а ужъ на васъ безотлагательно въ Думу пожалуемся...

Записавшихся было больше шестидесяти.

Когда Вѣра Павловна прочла наконецъ фамиліи принятыхъ дѣвочекъ, въ комнатѣ снова поднялся невообразимый шумъ. Благодарности, просьбы и жалобы все слилось въ одинъ общій гулъ.

Радостныхъ лицъ почти не было видно. Матери принятыхъ дѣвочекъ отступили назадъ, уступая мѣсто тѣмъ, которыя, не теряя надежды, все еще продолжали умолять измученную Вѣру Павловну.

— Не могу я, понимаете, не могу! Ничего не могу!—вдругъ громко и рѣзко вырвалось у нея. И въ эту минуту въ ея измученномъ лицѣ и нервномъ голосѣ было что-то такое, что подѣйствовало на толпу сильнѣе всякихъ убѣжденій.

Женщины какъ-то разомъ поняли, что она дѣйствительно ничего не можетъ, эта худенькая и слабая дѣвушка съ блѣднымъ лицомъ и печальными глазами.

Пріемъ произвелъ на Вѣру Павловну тяжелое удручающее впечатлѣніе. Ей захотѣлось на чемъ-нибудь отдохнуть и она старалась вызвать въ памяти нѣкоторыя симпатичныя и смѣшныя дѣтскія рожицы, но безуспѣшно. Передъ ея глазами стояла понурая фигура тщедушнаго швейцара, мелькали опечаленныя женскія лица. Никогда ей не приходилось выслушивать столько просьбъ! Конечно, она не виновата въ томъ, что пришлось отказать многимъ, но все-таки, въ душѣ копошилось смутное сознаніе какой-то виновности передъ людьми, унесшими обиду въ подвалы и чердаки.

И она нервными торопливыми шагами долго ходила по классу...

— Тамъ на кухнѣ васъ, барышня, еще три женщины дожидаются,—сказала, входя въ классъ Татьяна.—Говорила я имъ, что мѣстовъ больше нѣтъ, не слушаютъ. Васъ самихъ повидать желаютъ.

Вѣра Павловна вышла въ кухню.

— Вотъ на счетъ дѣвочекъ,—тихимъ голосомъ и съ заискивающей улыбкой проговорила женщина въ красномъ платкѣ на головѣ. Она

сидѣла у окна и при входѣ Вѣры Павловны сдѣлала нѣсколько шаговъ ей на встрѣчу. Голосъ у женщины былъ слабый и сама она производила впечатлѣніе чего-то въ высшей степени слабаго, кроткаго и удивительно скромнаго. На видъ ей казалось за сорокъ, но на самомъ дѣлѣ не было и тридцати лѣтъ. Глубокія морщины около рта придавали лицу что-то невыразимо скорбное, и это выраженіе скорби еще подчеркивалось краснотой вѣчно слезившихся глазъ.

Рядомъ съ женщиной стояла бѣлокурая голубоглазая дѣвочка съ страннымъ блуждающимъ выраженіемъ во взглядѣ.

И мать и дочь одѣты были очень бѣдно, но очень опрятно. Старая коричневая кофта на дѣвочкѣ была вся въ заплатахъ, но изъ подъ нея виднѣлось тщательно выглаженное и даже подкрахмаленное ситцевое платье.

Другая пара, стоявшая почти у самыхъ дверей, не походила на первую.

Мать въ первую минуту поразила Вѣру Павловну своей худобой и красивыми черными глазами, смотрѣвшими далеко недружелюбно изъ подъ густыхъ нахмуренныхъ бровей. Дѣвочка была въ одномъ ситцевомъ платьѣ и съ босыми ногами.

На ларькѣ подъ вѣшалкой сидѣла еще третья женщина. Вѣра Павловна даже не сразу замѣтила ее, такъ она вся сгорбилась и съёжилась. Сѣрая фигурка рядомъ съ ней была совсѣмъ маленькая и какая то незамѣтная.

— Вотъ на счетъ дѣвочекъ,—повторила вслѣдъ за женщиной въ красномъ платкѣ та, которая сидѣла на ларькѣ и тяжело поднялась со скамейки, замѣтивъ что Вѣра Павловна обернулась къ ней.

Женщина сильно хромала, одна ея нога была настолько короче другой, что, стоя, она съ трудомъ сохраняла равновѣсіе. Она стояла опираясь одной рукой на спинку скамьи, другая рука машинально теребила болтавшуюся на вырванномъ клочкѣ единственную пуговицу кое-какъ уцѣлѣвшую на ея обтрепанномъ драповомъ пальто.

Когда Вѣра Павловна ближе всмотрѣлась въ женщину, то замѣтила, что и глаза у нея были косые, а пальцы имѣли какой-то странный желтый оттѣнокъ. Дѣвочку разсмотрѣть не удалось. Изъ подъ низко спущеннаго платка ея лица совсѣмъ не было видно, изъ подъ длиннаго сѣраго пальто торчали тонкія ноги въ огромныхъ башмакахъ.

— У меня нѣтъ больше мѣстъ. Все занято,—проговорила Вѣра Павловна.

— Пойдемъ, Зинка,—на всю кухню раздался рѣзкій непріятный голосъ черноглазой женщины и она быстро повернула къ дверямъ. За ней, перебирая босыми ногами, заторопилась и дѣвочка.

— Подождите!—остановила Вѣра Павловна уходящихъ.

Женщина остановилась какъ-то нехотя. Ея лицо выражало одно раздраженіе, а глаза вопросительно смотрѣли на Вѣру Павловну, кото-

рая тщетно старалась придумать, что ей дѣлать съ этими женщинами и съ ихъ непристроенными дѣвочками.

Женщина въ красномъ платкѣ, не спускавшая съ дѣвушки внимательныхъ глазъ, вдругъ неожиданно повалилась ей въ ноги.

— Что вы? Что вы? Какъ вамъ не стыдно?!—совсѣмъ растерялась Вѣра Павловна.

— Ужъ до стыда ли тутъ, матушка-барышня!—поднимаясь и всхлипывая заговорила женщина.—Вѣдь мы съ Манюшкой три цѣлыхъ годика ждали, когда глазки у ней для ученья откроются. Слѣпенькая вѣдь она у меня была. Теперь вотъ недавно видѣть стала и въ школу сама запросилась.. Туда сюда метнулась, нигдѣ не берутъ, вездѣ все полно...

— Что же она такъ и родилась слѣпой?—съ участіемъ спросила Вѣра Павловна.

— Нѣтъ, родилась то она зрячей и глаза у нея никогда не болѣли. Отъ одного испуга видѣть перестали.

— Испугалась я сильно,—въ видѣ поясненія вставила сама дѣвочка.

— Съ перепуга, точно что съ перепуга ослѣпла дѣвочка,—подхватила опять мать и, поглаживая распухшими отъ постоянной стирки пальцами пушистые волосы дочери, она пѣвучимъ вкрадчивымъ голосомъ принялась разсказывать, какъ три года тому назадъ одинъ изъ жильцовъ въ ихъ квартирѣ пырнулъ другого ножомъ и какъ кровь брызнула на подвернувшуюся въ эту минуту Манюшку.—Прямо въ глазки ей попало,—объяснила она, проводя ладонью руки по глазамъ дѣвочки.

— И у васъ, кажется, тоже глаза болятъ?—спросила Вѣра Павловна, когда она наконецъ, замолчала.

— Нѣтъ не болятъ!—даже какъ будто удивилась и немного обидѣлась женщина.—А слеза точно что бѣжитъ, да это ни съ чего другого какъ съ прачешной, воздухъ тамъ ѣдкій, ну глаза и объѣдаетъ,—и она скатанной въ комочекъ тряпочкой вытерла набѣгавшія слезы,

— Чѣмъ же вы занимаетесь?

— А по стиркамъ хожу. День на стиркѣ, а вечеромъ въ квартирѣ убираюсь. Я угловыхъ жильцовъ держу. Мужъ у меня чахоточный, въ земской больницѣ вотъ ужъ два года лежитъ и каждый мѣсяцъ я за него три рубля посылаю. Одной квартирой не проживешь...

Хромая и черноглазая работали на табачной фабрикѣ.

— Въ щипалкахъ вотъ съ нею сижу,—кивнувъ головою въ сторону стоявшей въ открытыхъ дверяхъ женщины, отвѣтила хромая на вопросъ Вѣры Павловны, чѣмъ она занимается.

— Ну это ты точно что тамъ присохла. А я еще вчера въ другое отдѣленіе перешла,—рѣзко оборвала ее черноглазая.

Вѣру Павловну поразило непонятное слово. Ей очень хотѣлось разспросить, что значитъ быть въ щипалкахъ, но она почему-то не рѣшилась.

Позднѣе она узнала, что щипалки занимаются разборкой слежавшагося табака. Работа эта очень несложная, но и оплачивается плохо: въ день такая работница болѣе тридцати копѣекъ не получаетъ, и потому на ней останавливаются только лѣнивыя и ни къ чему уже болѣе неспособныя женщины.

— Ну что же? Примите или нѣтъ?—рѣзко и почти грубо спросила Богданова.

Вѣра Павловна молчала.

«Отказать необходимо», рѣшила Вѣра Павловна.

И вдругъ ей вспомнилась фигура уходившаго швейцара и то чувство жалости, которое она испытывала, когда онъ уходилъ отъ нея со своей жалкой золотушной дѣвочкой. Такого невыносимаго состоянія она испытать больше положительно не могла.

— Я приму всѣхъ трехъ дѣвочекъ,—тихо, но рѣшительно сказала она.

Пріемъ продолжался нѣсколько дней и на второй день она опять приняла двухъ дѣвочекъ, хотя съ утра твердо рѣшила быть стойкой и отказывать рѣшительно всѣмъ.

Одну изъ дѣвочекъ опредѣляла чахоточная мать. Она такъ волновалась, упрашивая принять дочку, что Вѣра Павловна испугалась, какъ бы она не умерла на мѣстѣ.

— Осень подходитъ, опять въ больницу слечь придется. Все-таки сердце спокойнѣе будетъ, если ее въ школу удастся пристроить,—между приступами кашля объясняла женщина.

Когда-то она была портнихой, а теперь существовала тѣмъ, что шила на рынокъ мужскія рубахи. Дѣвочкѣ ея, хорошенькому, но сильно заморенному созданію, очень хотѣлось учиться.

— Возьмите меня, тетенька, я стараться буду,—вся всплихнувъ попросила она.

Всѣмъ, кто уходилъ съ отказомъ, Вѣра Павловна была обязана по думскимъ правиламъ выдавать билетики съ объясненіемъ причины, почему дѣвочка не принята въ школу.

— По этому самому билетику ее, значитъ, въ другой школѣ и примутъ?—добивалась у Вѣры Павловны толстая неграмотная женщина торговавшая туфлями и башмаками въ сосѣднемъ рынкѣ.

Но примутъ ли дѣвочку въ другую школу Вѣра Павловна и сама не знала.

— Если мѣсто есть—примутъ, а если всѣ вакансіи заняты—откажутъ,—объясняла она торговкѣ.

— А билетикъ-то показать тамъ?—не унималась женщина.—Ну, а какъ откажутъ, что тогда дѣлать-то?

Но что дѣлать въ случаѣ отказа Вѣра Павловна не знала, а предложить ждать до слѣдующаго года не рѣшалась.

Женщина, одѣтая по деревенски и служившая въ рабочей артели кухаркой, даже плюнула, когда Вѣра Павловна остановила ее, чтобы выдать отказной билетъ.

Съ трудомъ урвавшись отъ плиты и, подгоняемая тревожной мыслью о томъ, что мужики явятся къ обѣду, а у нея ничего не готово, она обѣгала всѣ ближнія школы, вездѣ получая отказъ и билетикъ.

Что тамъ написано она понять не могла, потому что читать не умѣла и эти непонятныя безполезныя бумажки просто раздражали ее.

У Вѣры Павловны она билета не взяла.

— Есть мнѣ время бумажки собирать,—объявила она.

По мѣрѣ того какъ приближалось начало занятій, Вѣра Павловна волновалась все сильнѣе и сильнѣе. Минутами на нее нападалъ даже страхъ передъ неизвѣстнымъ предстоящимъ ей дѣломъ. Она начала бояться, что не справится съ этими дѣтьми, такъ не похожими на тѣхъ, съ которыми ей приходилось имѣть дѣло раньше. Журналы и всевозможныя квитанціонныя книги тоже не мало смущали Вѣру Павловну. Она чувствовала необходимость съ кѣмъ нибудь поговорить, чтобы разобраться во всѣхъ этихъ печатныхъ правилахъ относительно своей дальнѣйшей дѣятельности, и рѣшила отправиться къ своей ближайшей сосѣдкѣ учительницѣ въ школѣ для мальчиковъ, о которой ей говорила Кунина.

Темнѣло, когда Вѣра Павловна поднималась по узкой, но довольно чистой лѣстницѣ, оглядываясь на площадкахъ, нѣтъ ли гдѣ на дверяхъ знакомой дощечки съ надписью «школа».

Пришлось подняться на самый верхъ.

Въ отвѣтъ на ея звонокъ послышались чьи-то легкіе торопливые шаги и чьи-то неумѣлыя руки тщетно задергали ключомъ, пытаясь отомкнуть замокъ. Потомъ, откуда-то издали донесся женскій голосъ рѣзкій и непріятный. Кто-то, тяжело ступая, приблизился къ дверямъ. Замокъ щелкнулъ и въ раскрытыхъ дверяхъ показалась женщина, закутанная въ большой сѣрый платокъ.

— Вамъ кого?—довольно непривѣтливо спросила она.

— Мнѣ хотѣлось бы повидать учительницу. Я новая учительница изъ школы для дѣвочекъ,—смущенно объясняла Вѣра Павловна, стараясь въ полутьмѣ разглядѣть женщину, чтобы понять, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло.

— Очень рада познакомиться,—торопливо проговорила та.—Войдите, пожалуйста! Я сейчасъ...—и съ этими словами она поспѣшно скрылась въ сосѣдней комнатѣ. Дверь она плотно притворила за собой и Вѣра Павловна очутилась въ совершенной темнотѣ.

«Кажется, что попала не во время»,—соображала она, прислушиваясь къ вознѣ за дверью.

— Ахъ, извините пожалуйста. Я васъ въ темнотѣ оставила,—проговорила учительница, сконфуженно возвращаясь назадъ въ переднюю. Въ одной рукѣ она держала небольшую лампу, а другой поддерживала на груди концы байковаго платка.

— Мы въ классъ съ вами пройдемъ,—предложила она Вѣрѣ Пав-

ловнѣ, употребляя всѣ усилія, чтобы быть любезной относительно своей неожиданной гостьи.

— У меня какъ разъ хозяйственная неурядица приключилась,— усаживая Вѣру Павловну на одинъ изъ плетенныхъ стульевъ и придвигая себѣ другой, говорила хозяйка голосомъ, которому она безуспѣшно старалась придать шутливый оттѣнокъ.—Съ этой прислугой чистое мученье. Жалованье хотятъ получать большое, а работы боятся.

— Дѣтей у меня трое, ну, конечно, сидѣть сложа руки не приходится. Вотъ и не живутъ. Два дня уже безъ прислуги...—И, дѣлая надъ собой усиліе, чтобы войти въ интересы гостьи, которая пришла, конечно, не затѣмъ, чтобы слушать о ея невзгодахъ, она спросила уже другимъ тономъ:

— Вы вѣдь недавно назначены?

— Да, всего нѣсколько дней. Дѣло для меня новое и я пришла къ вамъ, чтобы разъяснить кое-какія возникшія у меня недоразумѣнія...

— Ахъ, пожалуйста, пожалуйста! — и хозяйка изобразила напряженное вниманіе на своемъ нервномъ и истомленномъ лицѣ. Ея глаза смотрѣли на гостью, но все ея существо было тамъ за дверями комнаты, откуда доносился топотъ дѣтскихъ ногъ и сдержанный шопотъ. Вѣра Павловна сознавала, что пришла не во время, но уйти сію же минуту было тоже неловко и она продолжала сидѣть, разсказывая о своихъ затрудненіяхъ.

— Вездѣ одно и тоже,—сказала хозяйка въ отвѣтъ на ея жалобы о томъ, что вакансій не хватаетъ и многимъ приходится отказывать.— Школъ мало. Я уже десять лѣтъ учительствую и отношусь теперь ко всему гораздо спокойнѣе, чѣмъ въ первые годы. Помню, на первыхъ порахъ, и я всегда лишнихъ набирала. Теперь ужъ этого не дѣлаю. Съ классомъ въ пятьдесятъ человѣкъ, при трехъ отдѣленіяхъ, не легко справиться даже и тогда, когда каждый на своемъ мѣстѣ сидитъ... Вы на высшихъ курсахъ были?

— Нѣтъ, на педагогическихъ.

— А долго ждать школу пришлось?

— Мама, Петя молока проситъ,—раздался вдругъ дѣтскій голосъ и растрепанная черноволосая головка показалась въ полураскрыхъ дверяхъ.

— Сейчасъ, Любочка! Простите!—И хозяйка бросилась къ дѣтямъ

— Думала я въ этомъ году мою старшую дѣвочку къ вамъ въ школу посылать, да опять, видно, не придется, — сказала она усаживаясь на прежнее мѣсто и запахивая плотнѣе сѣрый платокъ. Безъ Любы я какъ безъ рукъ. Пока я занимаюсь, она младшихъ няньчитъ.

Рѣзкій звонокъ въ передней прервалъ говорившую. Она вздрогнула и насторожилась. Красныя пятна выступили на ея желтоватомъ лицѣ.

Вѣра Павловна заторопилась уходить. Хозяйка ее не удерживала.

Торопясь на прощаніе подать руку, она сдѣлала неловкое движеніе, и платокъ скрывавшій ея фигуру, соскользнулъ внизъ. Она поспѣшила его поднять и Вѣру Павловну поразила ея фигура. Не было никакого

сомнѣнія, что въ недалекомъ будущемъ маленькой Любѣ предстояло нянчить еще новаго брата или сестру.

— Вы дома, Ольга Ивановна?—раздалось изъ прихожей.

— Дома, дома!—радостно отозвалась хозяйка и, отстраняя протянутую руку Вѣры Павловны, стала упрашивать ее остаться.

— Я васъ съ товаркой познакомлю,—говорила она.

Но знакомить ей не пришлось. Съ Марьей Михайловной Куниной Вѣра Павловна познакомилась еще въ Думѣ.

— Какъ поживаете дорогая?—улыбаясь и, по обыкновенію показывая бѣлые зубы, спрашивала Кунина хозяйку.—Что дѣти? Жалко, что лѣтомъ вамъ не пришлось пожить въ деревнѣ. Блѣдны вы очень.

Съ Вѣрой Павловной Кунина обращалась какъ со старой знакомой.

Все въ этой доброй и здоровой дѣвушкѣ казалось симпатичнымъ Вѣрѣ Павловнѣ. Даже манера ея говорить, страшно быстро и немного захлебываясь, казалась ей необыкновенно привлекательной.

—Да, я вполнѣ понимаю васъ.—говорила Кунина, отказывать ужасно тяжело. Я за двѣнадцать лѣтъ все еще не могу привыкнуть къ этому. У меня тоже школа для дѣвочекъ, и мнѣ какъ и вамъ, приходится главнымъ образомъ имѣть дѣло съ женщинами. Почти каждой изъ нихъ страшно трудно отрываться отъ работы, рабочій день имъ дорого стоитъ, а здѣсь все, и работу, и грудныхъ дѣтей побросаютъ—бѣгутъ дочерей въ школу опредѣлять. Тѣ уже помощницами по дому становятся, отпускать ихъ просто невыгодно и объ этомъ забываютъ... Она замолчала.

Грустная тѣнь набѣжала на лицо Маріи Михайловны, но это продолжалось недолго. Ея добрая, здоровая натура не любила давать воли безплоднымъ сожалѣніямъ и она спѣшила перейти къ чему нибудь болѣе свѣтлому и радостному.

— Въ этихъ подвалахъ и чердакахъ цѣлыя залежи добрыхъ силъ таятся,—съ увлеченіемъ опять заговорила она.—Такъ съ перваго взгляда этого нельзя разсмотрѣть, въ глаза прежде всего грязь, развратъ и пьянство бросаются, но за то впослѣдствіи, когда присмотришься къ этой тяжелой невозможной жизни, то невольно начинаешь удивляться, почему эти люди такіе, а не хуже, гораздо хуже. Они имѣютъ всѣ права быть худшими, увѣряю васъ...

— У меня въ школѣ дѣвочки,—послѣ небольшой паузы продолжала она,—и я утѣшаюсь мыслью, что онѣ несомнѣнно будутъ нѣсколько иными, чѣмъ ихъ неграмотныя или полуграмотныя матери и жизнь ихъ въ силу этого сложится другая не съ внѣшней, конечно, а чисто съ внутренней стороны. Школа разовьетъ данныя имъ природой добрыя задерживающія силы, и имъ будетъ на что опереться, чтобы не дойти до полнаго отупѣнія среди ихъ чисто каторжной жизни.

Ольга Ивановна, воспользовавшись тѣмъ, что обѣ гостьи увлеклись разговоромъ, незамѣтно вышла изъ класса, чтобы уложить дѣтей.

Когда она вернулась и тихо присѣла на стулъ возлѣ стараго клас-

снаго рояля, Марья Михайловна все еще продолжала говорить съ тѣмъ же увлеченіемъ и Вѣра Павловна внимательно слушала ее.

— Все прежняя, совсѣмъ не мѣняется,—вглядываясь въ разгоряченное лицо, думала съ какой-то тихой грустью Ольга Ивановна, и что-то похожее на зависть къ этой дѣвушкѣ, всецѣло захваченной своимъ дѣломъ, шевельнулось въ ея измученной душѣ. Марью Михайловну она давно не слушала. Глубоко задумавшись, она перенеслась мыслями въ прошлое и, по мѣрѣ того какъ она вспоминала, ея фигура принимала все болѣе жалкій и приниженный видъ. Ольга Ивановна была на курсахъ вмѣстѣ съ Куниной, онѣ и въ школу поступили въ одно время, и увлеченіе новымъ дѣломъ еще тѣснѣе сблизило ихъ. Прошло три года и Ольга Ивановна вдругъ затосковала, стала жаловаться на одиночество и, пока Марья Михайловна, у которой кромѣ школы была еще мать и три сестры, одна за другой кончавшія гимназію, старалась понять что такое приключилось съ ея другомъ,—Ольга Ивановна неожиданно для всѣхъ вышла замужъ за телеграфнаго чиновника.

Между друзьями произошелъ разрывъ. Марья Михайловна почувствовала презрѣніе къ своему другу: чиновникъ былъ на семь лѣтъ моложе Ольги Ивановны и видъ у него былъ преглупый. На робкое признаніе Ольги Ивановны въ томъ, что ей вдругъ неудержимо захотѣлось счастья, Марья Михайловна отвѣтила какой-то жестокостью, но потомъ черезъ нѣсколько времени, когда до нея дошли слухи о томъ, что счастье не удалось, она сама явилась къ бывшему другу. «Будемъ друзьями попрежнему. Теперь я все поняла» съ виноватой улыбкой сказала она. Ольга Ивановна только заплакала. Уже тогда она чувствовала себя такой несчастной, а потомъ съ каждымъ годомъ все пошло хуже и хуже. Ольгѣ Ивановнѣ пришлось дорого расплачиваться за свою неудачную попытку устроить личное счастье...

А Марья Михайловна между тѣмъ увлекалась все больше и больше. Она разсказывала о томъ, какія иногда славныя дѣвочки встрѣчаются въ этихъ подвалахъ и чердакахъ.

— Была у меня одна, поступила она въ школу совсѣмъ маленькой, и вы представить себѣ не можете, какое это было кроткое, тихое и нѣжное созданіе. Отецъ ея былъ сторожемъ у воротъ въ одномъ изъ казенныхъ зданій, мать по стиркамъ ходила и въ большую перемѣну нерѣдко приходилось отпускать дѣвочку посмотрѣть, что дѣлаютъ дома «маленькіе». Заботилась она объ этихъ маленькихъ ужасно и они видимо сильно любили ее. Почти каждый день взявшись за руки въ школу за ней приходили. Выучилась она читать очень быстро и принялась подучивать маленькихъ. Уходя въ школу, она имъ задавала по нѣсколько буквъ. Когда я объ этомъ узнала, то много смѣялась надъ этой забавной системой обученія, но маленькая женщина почти убѣдила меня, что это превосходно, если дѣти понимаютъ не сразу,—времени на балство меньше остается. Грамотѣ она ихъ, въ концѣ концовъ, все-таки выучила. Потомъ уже она у меня все книжекъ для нихъ

просила, все горевала, что для такихъ маленькихъ пишутъ мало. Брала она у меня книжки и для отца съ матерью. Тѣ были неграмотные, такъ она имъ по вечерамъ вслухъ читала. И, знаете, я слѣдила за этой семьей, пока дѣвочка была у меня въ школѣ, да и потомъ изъ вида не теряла: было любопытно видѣть, какъ вмѣстѣ съ дѣвочкой повышалась цѣлая семья. Особенно это сказалось на матери. Въ ея глазахъ постепенно пропадало выраженіе загнанной клячи, въ нихъ проступало что то осмысленное. Чтобы дать возможность дочери учиться дальше, она работала еще больше, но эта усиленная работа вмѣсто того, чтобы отнимать у нея послѣднія силы, только бодрила ее. Прежде отъ нея нельзя было добиться ни слова, а потомъ она даже разговаривать со мной приходила, планы на счетъ будущаго строила и при словахъ: «вотъ кончитъ Маня»—все лицо ея становилось неузнаваемымъ.

— Что же сталось въ концѣ концовъ съ дѣвочкой? — спросила Вѣра Павловна.

— Она была исключительно способная и мнѣ удалось пристроить ее на казенный счетъ въ профессіональную школу. Теперь у нея уже своя маленькая бѣлошвейная, и я ей ученицъ изъ своей же школы поставляю. Хорошая она дѣвушка! — тепло и задушевно вырвалось у Марьи Михайловны.

— Да не мало и вамъ пришлось повозиться съ нею,—вмѣшалась въ разговоръ Ольга Ивановна.—Вы лучше разскажите, какъ вы деньги на открытіе этой бѣлошвейной доставали...

Марья Михайловна вспыхнула и даже разсердилась. — Ну ужъ оставьте это, Ольга Ивановна. Деньги я ей взаймы давала, и она ихъ теперь почти всѣ уже выплатила. Я же каждый годъ къ ней двухъ дѣвочекъ изъ тѣхъ, которыя побѣднѣе, пристраиваю и душа у меня покойна, знаю, что бить не будутъ и дѣлу научатъ. Вотъ что. Обыкновенныя мастерскія это чистая язва. Онѣ отнимаютъ все, что даетъ дѣвочкамъ школа, и пускаютъ въ жизнь дѣвочекъ уже изломанныхъ въ физическомъ и нравственномъ смыслѣ.

Марьи Михайловна была неистощима, когда нападала на свою любимую тему, а Вѣра Павловна была хорошей слушательницей. Хозяйка участія въ разговорѣ почти не принимала. Она сидѣла блѣдная, усталая и разсѣянная.

— Дорогая моя, простите, кажется, что я васъ совсѣмъ заговорила, — спохватилась Марья Михайловна. — Вамъ давно уже спать пора.

— Желаю вамъ успѣха въ новомъ дѣлѣ. Дѣло ужъ очень хорошее,— сказала на прощанье Вѣрѣ Павловнѣ Кунина.

Н. Манассеина.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Общественныя ученія и историческія теоріи XVIII и XIX вѣковъ.

Проф. **Р. Виппера.**

(*Продолженіе* *).

IX. Органическія теоріи.

Для той соціальной доктрины, которая господствовала въ концѣ прошлаго вѣка и въ дѣлѣ революціи видѣла осуществленіе главныхъ своихъ задачъ, магическое слово было—«свобода личности». Въ личности она предполагала здоровую самостоятельную основу для безконечнаго совершенствованія жизни. Для школы реакціонной, которая поднялась въ убѣжденіи, что ей предстоитъ вывести человѣчество изъ анархіи понятій, магическимъ словомъ стало «всемогущее общество»; общественный организмъ, какъ великое, святое, повелительное цѣлое, она противопоставляла личности, въ ея глазахъ жалкой, невѣжественной, безсильной; творческое начало она хотѣла видѣть лишь въ этомъ цѣломъ: личность—органъ, клѣточка организма, которая сама по себѣ не имѣетъ ни цѣны, ни самобытной жизни и жива лишь тѣмъ, что исполняетъ функцію въ великомъ сложномъ органическомъ процессѣ, смысла и плана котораго она даже не можетъ схватить.

Но когда къ людямъ, которые такъ тепло и краснорѣчиво опредѣляли общественный долгъ и общественныя связи, обращались съ запросомъ показать образецъ строенія правильнаго общества, они могли только сослаться на существующія отношенія власти и владѣнія, при чемъ симпатіи заставляли ихъ произвольно выбирать въ фактахъ дѣйствительности извѣстныя традиціи и привилегіи. Реакція умѣла указать лишь на очень общую идеальную цѣль; но она совершенно терялась при анализѣ дѣйствующихъ общественныхъ отношеній; она твердила, что для спасенія блуждающей во тьмѣ личности нуженъ безаппеляціонный авторитетъ, но она не умѣла сказать, чѣмъ займется этотъ авторитетъ, въ чемъ будетъ состоять спасительная организація, которую онъ декретируетъ.

---

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь.

Главная причина, почему реакціонная школа безсильна была сказать что-нибудь по этому поводу, заключалась въ ея нежеланіи или неспособности понять значеніе для культуры и для общественнаго строя, во-первыхъ, огромнаго промышленнаго переворота и, во-вторыхъ, великаго научнаго движенія. Она игнорировала или презирала индустрію, она бо́ялась разрушающаго анализа науки. Крупнѣйшій противникъ Наполеона, великій министръ возрождающейся Пруссіи, Штейнъ, человѣкъ старозавѣтный въ экономическихъ взглядахъ, говорилъ гнѣвно по адресу учениковъ Адама Смита и поклонниковъ свободной конкурренціи: «для государства не важно, сколько паръ сапогъ или сколько шляпъ приготовляется въ странѣ, важно моральное воспитаніе гражданъ». Если даже допустить, что Штейнъ былъ правъ по существу, что онъ вѣрно опредѣлялъ задачу государства, можно ли было государству стать въ сторонѣ, не замѣчать огромнаго движенія въ производствѣ товаровъ? Не заключалось ли въ этомъ движеніи, въ новыхъ формахъ труда и новыхъ условій для самой общественной морали, которую единственно цѣнилъ реорганизаторъ?

Въ тѣхъ ученіяхъ, къ которымъ мы переходимъ, главная черта—вниманіе къ индустріальному перевороту и къ научному прогрессу. Ихъ представители берутъ у реакціонеровъ мысль объ органическомъ характерѣ общества, но вкладываютъ въ нее новое современное содержаніе. Они видятъ, что общество стало инымъ, что въ немъ господствуютъ интересы новой промышленности, что оно зависитъ отъ новой всесвѣтной организаціи индустріи, что наука въ немъ стала могучей направляющей силой, и они пытаются найти регулирующія начала именно для этого общества, движимаго новыми мотивами, разбитаго по новымъ группамъ; изъ интересовъ самой индустріи, изъ общихъ принциповъ самой науки пытаются они извлечь новое связующее, культурное и даже религіозное начало. Самый любопытный выразитель этого направленія въ началѣ вѣка—С.-Симонъ. Говоря о его взглядахъ, невозможно пройти мимо его оригинальной личности.

Жизнь и характеръ С.-Симона—совершенный романъ, и въ этомъ романѣ отражаются самыя причудливыя сцѣпленія новой культуры. Графъ Сенъ-Симонъ принадлежалъ къ старинному роду Франціи, который выводилъ себя отъ Карла Великаго. Изъ того же дома былъ знаменитый составитель мемуаровъ эпохи Людовика XIV, суровый закоренѣлый аристократъ-спартанецъ, герцогъ С.-Симонъ. Нашъ Сенъ-Симонъ попалъ въ самый водоворотъ просвѣтительнаго вѣка: его обучалъ д'Аламберъ, онъ совершалъ богомолье въ Эрмитажъ къ Руссо.

Девятнадцати лѣтъ ушелъ онъ туда, куда влекло молодую Францію семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ XVIII в., въ Америку, на войну за освобожденіе. Онъ увѣрялъ потомъ, что сражаясь за «промышленную свободу», онъ уже тогда возъимѣлъ впервые желаніе перенести на родину это чужестранное растеніе. Можно повѣрить С.-Симону: къ увле-

ченію демократіей, у него уже тогда присоединялось прожектерство: онъ предложилъ мексиканскому намѣстнику проектъ соединенія Атлантическаго и Великаго океановъ; въ сущности это была мысль о Панамскомъ каналѣ. Эта идея океаническихъ каналовъ занимала потомъ всю его школу вплоть до нашихъ дней: Фердинандъ Лессепсъ, прорывшій Суэцъ и сокрушившійся на Панамѣ, былъ фантазеръ-сектантъ и ученикъ С.-Симона.

Въ эпоху революціи С.-Симонъ горячо отдался демократіи: въ одномъ собраніи онъ сложилъ титулъ графа и объявилъ; «нѣтъ болѣе сеньёровъ, господа!» Хорошо понялъ С.-Симонъ и другую сторону революціи. Масса имущества старыхъ владѣтелей, короля, духовенства, дворянства была выброшена на рынокъ. Демократическій графъ вмѣстѣ съ интернаціональнымъ аферистомъ и иллюминатомъ, саксонскимъ аристократомъ на прусской службѣ въ Парижѣ и Лондонѣ, графомъ Редерномъ, пустился въ скупку и продажу конфискованныхъ національныхъ имуществъ и нажилъ быстро невѣроятное состояніе. Онъ чуть не погибъ въ страшную эпоху террора; цѣлый годъ просидѣлъ онъ въ тюрьмѣ, но богатства вернулись къ нему.

Его домъ сталъ теперь однимъ изъ первыхъ салоновъ республики: ученые, банкиры, артисты, техники встрѣчались у радушнаго мецената; новые планы и аферы смѣняли другъ друга, сорилась куча денегъ, ажіотажъ совершался съ грансеньёрскимъ легкомысліемъ, но въ то же время графъ былъ филантропъ, онъ отыскивалъ даровитыхъ юношей на чердакахъ, медиковъ и техниковъ, и щедро помогалъ имъ. Его постоянно окружали ученики новосозданной въ эпоху революціи Политехнической школы, эта своеобразная, какъ бы соціальная секта въ новой Франціи, въ которой культъ точныхъ наукъ соединился съ горячимъ направленіемъ къ общественной реформѣ. С.-Симонъ умѣлъ воодушевлять и собирать около себя предпріимчивыхъ, стремящихся впередъ людей; онъ бросалъ кругомъ множество счастливыхъ идей, самъ пускался въ сотни дѣлъ. Среди бѣшеной жажды жизни у него работала упорная мысль, что богатство—великій соціальный факторъ, что ему лично оно нужно для широкихъ общественныхъ проектовъ, для научныхъ опытовъ, для общеполезныхъ изобрѣтеній, которыя поведутъ къ благоденствію массъ. Однажды онъ созываетъ близкихъ ему капиталистовъ и доказываетъ имъ необходимость возродить мораль; съ этою цѣлью должно учредить гигантскій банкъ, доходы съ котораго пойдутъ на исполненіе полезныхъ для человѣчества сооруженій.

Лѣтъ черезъ 10 эта геніально-безпутная жизнь кончилась: С.-Симонъ совершенно разорился. Послѣдніе 20 лѣтъ его жизни († 1825 г.) прошли въ борьбѣ съ нищетой: онъ просилъ подаянія у старыхъ кліентовъ своихъ, которыхъ когда-то по царски кормилъ. Онъ вынужденъ былъ спасаться отъ голода перомъ. Но теперь, 45 лѣтъ отъ роду, онъ и началъ только писать свои замѣчательныя книжки, полныя съума-

сшествія и глубины, шарлатанства и истинно-пророческаго духа. И опять въ нихъ сказался безпечный и капризный баринъ XVIII вѣка: ничего систематическаго, короткія брошюры, безсвязныя статьи, полныя повтореній и въ то же время неожиданностей, все это спѣшно, какъ придется, брошенное на бумагу.

Опять сыплются проекты безъ конца. Тутъ есть и планъ всесвѣтной научной академіи, и программа всеевропейскаго замиренія съ одною парламентской конституціей для всей Европы, есть катехизисъ промышленниковъ и контуры «Новаго христіанства»; проектъ, какъ принудить англичанъ уважать свободу флаговъ на моряхъ, быстро превращающійся въ трактатъ о всемірномъ тяготѣніи; есть какіе угодно совѣты для правительствъ, для ученыхъ и артистовъ, есть предполагаемые манифесты для папы, ордонансы для короля и т. п. Все это—какія-то генеральныя, властныя рѣшенія міровыхъ, научныхъ и соціальныхъ вопросовъ, откровенія и открытія, «окончательныя» опредѣленія будущихъ путей философіи или будущихъ линій общественнаго развитія.

Опять—призывъ къ союзу науки и богатства; опять около страннаго фантазера собираются горячіе начинающіе таланты и искатели, будущій историкъ Тьерри, который объявилъ себя восторженно пріемнымъ сыномъ С.-Симона, философъ Контъ, оба послѣдовательно бывшіе его секретарями. Опять около него какіе-то охваченные мистикой банкиры, въ родѣ вѣрнаго его апостола, Оленда Родрига, португальскаго еврея, изъ той группы возрождающагося еврейства, которая подъ впечатлѣніемъ французской революціи, освободившей народность эту отъ вѣковаго угнетенія, бросилась на ученье о предстоящей великой эмансипаціи всего человѣчества. Все это—какіе-то самопроизвольно возникающіе кружки энтузіастовъ, которые точно видятъ и чуютъ другъ друга въ толпѣ. С.-Симонъ сближается съ Руже де Лилемъ, композиторомъ марсельезы, и увлекается идеей соціальнаго воспитанія массъ посредствомъ музыки.

Полная превратностей, горькая и интересная приключеніями жизнь его слагается у него въ цѣлую теорію: чтобы быть истиннымъ мыслителемъ, надо все испробовать, жить какъ можно оригинальнѣе, пробѣжать всѣ общественные слои, стать лично во всевозможныя положенія, создать себѣ такія отношенія, которыхъ никогда еще не существовало. Смѣсь цинизма и благородства, страстной убѣжденности и фокусничества въ натурѣ С.-Симона удивительно подходила къ теоріи «экспериментальной» жизни; нищій прожектеръ, въ глазахъ котораго даже революція остановилась на полдорогѣ, вдругъ вспоминалъ свой древній родъ, трактовалъ Бурбоновъ, какъ мелкихъ дворянъ, и видѣлъ по ночамъ своего предка Карла Великаго, который говорилъ ему: «мой сынъ, твои успѣхи, въ качествѣ философа сравняются съ моими военными и государственными подвигами!» Ему рисовались воздушные

замки торжества индустріи, онъ мечталъ о великой ученой лабораторіи, какъ Кондорсе, гдѣ онъ самъ будетъ диктаторомъ. А остались отъ него обрывки, разсѣянныя мысли, которыя трудно читать.

«Я пишу,—заявляетъ онъ,—потому что у меня есть новыя идеи. Я выражаю ихъ въ томъ видѣ, какъ онѣ сложились въ моемъ умѣ. Предоставляю профессіональнымъ писателямъ шлифовать ихъ. Я пишу, какъ дворянинъ, какъ потомокъ графа Вермандуа, какъ наслѣдникъ пэра, герцога С.-Симона. Все, что было сдѣлано и сказано великаго, сдѣлали и сказали дворяне: Коперникъ, Галилей, Бэконъ, Декартъ, Ньютонъ и Лейбницъ были дворяне. Наполеонъ также сталъ бы выражать въ письменной формѣ тѣ проекты, которые онъ теперь выполняетъ на дѣлѣ, если бы случайно не очистился для него тронъ».

Знаній у С.-Симона было немного; большая часть фактовъ схватывалась на лету, со слуха; стройной философіи у него невозможно искать. Но не въ этомъ была его сила: это былъ авантюристъ мысли и изобрѣтатель идей; онъ былъ великій направитель людей и, какъ человѣкъ необыкновенной чуткости къ новому, человѣкъ счастливой откровенности, онъ далъ толчекъ крупнымъ научнымъ, соціальнымъ техническимъ движеніямъ.

Въ первыхъ сочиненіяхъ своихъ С.-Симонъ занятъ вопросомъ о преобразованіи жизненнаго строя и понятій силою и принципами науки и въ связи съ этимъ вопросомъ о грандіозной реформѣ самой науки. Онъ какъ бы продолжаетъ намѣченную у Кондорсе идею Новой Атлантиды, идею великой центральной лабораторіи и вмѣстѣ великаго и единственнаго административнаго центра человѣчества. Увлеченіе организующей силой науки, прогрессомъ, совершающимся въ ея «мастерской», доходитъ у С.-Симона до какого-то головокруженія. Это первическое состояніе, это непосредственное ожиданіе научно-техническихъ чудесъ, имѣющихъ создать совершенно новый міръ человѣческихъ отношеній, характерно для цѣлаго направленія. «Новая научная концепція—хорошая фортуна для того человѣка, въ головѣ котораго она сложилась», «званіе автора надо бы давать лишь тому, въ сочиненіяхъ кого развита новая концепція», говоритъ С.-Симонъ, какъ будто дѣло идетъ о какой-то научно-строительной горячкѣ. Онъ прибавляетъ, однако, характерное замѣчаніе, сознавая огромную роль современной демократизаціи знаній: «въ настоящее время авторы новыхъ идей менѣе отличаются отъ своихъ читателей, чѣмъ раньше, когда наука дѣлала еще свои первые шаги».

Уже въ первой своей статьѣ, написанной въ 1802 г., С.-Симонъ рекомендуетъ чистое учено-артистическое правительство. Прямо въ лицо Бонапарту, который носился со всемірно-завоевательными планами, С.-Симонъ рѣшается сказать: «довольно почета Александрамъ Македонскимъ. Да здравствуютъ Архимеды!» Онъ рекомендуетъ всей Европѣ выбрать «совѣтъ Ньютона» изъ 12 знаменитыхъ ученыхъ и 9 лучшихъ арти-

стовъ. Большая сумма, собираемая ежегодно по всеобщей подпискѣ, дастъ имъ совершенно независимое существованіе. Они привлекутъ къ себѣ крупныхъ собственниковъ и покажутъ имъ, что господство надъ остальнымъ народомъ должно обосновать на силѣ знаній, и что должно завоевать въ свою пользу всѣхъ неимущихъ людей съ талантомъ. С.-Симонъ обѣщаетъ владѣющему классу заманчивый титулъ «регуляторовъ хода развитія человѣческаго ума». Рабочимъ ученые правители докажутъ, что научный прогрессъ влечетъ за собой и соціальный, что онъ неотдѣлимъ отъ общаго благополучія.

Въ статьѣ пробивается еще своеобразная мысль, которая по капризу автора выражена въ курьёзной формѣ фантасмагоріи шарлатанствующаго прорицателя. С.-Симону кажется, что его посѣтило видѣніе: Богъ поручилъ Ньютону направлять обитателей планетъ; вездѣ должны подняться новые храмы въ честь Ньютона, къ которымъ всякій долженъ разъ въ годъ ходить на богомолье. Ученые, эти жрецы новой религіи, будутъ объяснять всѣмъ законъ тяготѣнія, всеобщій міровой законъ. На главномъ мавзолеѣ Ньютона, гдѣ будетъ погребенъ великій жрецъ, должно находиться нѣчто въ родѣ изображенія ада, въ который повергнутся во вѣкъ всѣ, кто будетъ вредить успѣху наукъ и искусствъ.

Странная эта фантазія намѣчаетъ настойчивую идею у С.-Симона. Суть ея въ томъ, что наступаетъ эпоха великаго органическаго объединенія знанія, когда совокупность науки, проникнутая единымъ принципомъ, станетъ новой религіей человѣчества. Наукѣ, конечно, долженъ быть данъ полный просторъ, ея свободы нечего бояться. Но въ то же время С.-Симонъ энергически рекомендуетъ ввести ея работу въ стройную систему.

Намѣтился, такъ думаетъ онъ, великій поворотъ въ ея методахъ, и ему надо дать исходъ. Ньютонъ, которому только что предлагалось воздавать чуть не божескія почести, вызываетъ противъ себя «гнѣвъ» С.-Симона, и онъ «кричитъ о томъ изо всѣхъ силъ всѣмъ современникамъ». Вліяніе Ньютона и другихъ представителей научнаго метода, состоявшаго въ наблюденіи и классификаціи фактовъ, метода, когда-то необходимаго, теперь вредно для прогресса науки. Та наука, которая осторожно накопляетъ матеріалъ и дѣлаетъ на основаніи его ограниченныя заключенія, вызываетъ нетерпѣніе С.-Симона. Онъ думаетъ что теперь наступила эпоха широкихъ обобщеній. Нужно вернуться къ великому французскому генію, Декарту, «который вырвалъ міроправящій скипетръ изъ рукъ воображенія, чтобы передать его разуму», нужно «опять подняться на высоту общаго пониманія». С.-Симонъ привѣтствуетъ поэтому нѣмецкую философію за то, что она заявила протестъ противъ «маніи наполнять кладовую дичью и никогда не садиться за столъ». Пора покинуть ползущій несмѣлый методъ a posteriori, и пойти по пути истинно царскаго, творческаго апріорнаго метода.

Здѣсь, рядомъ съ вѣрой въ науку, одушевлявшей ясныя головы такихъ ученыхъ, какъ Кондорсе, чувствуется уже жажда авторитета, горячившая воображеніе реакціонеровъ. Наукѣ, полагаетъ С.-Симонъ, нуженъ не только подъемъ и полетъ въ изобрѣтеніи и предсказаніи. Ей нужна властная дисциплина.

Провозглашая наступленіе новой эры апріорнаго метода, С.-Симонъ исполненъ сознанія особеннаго, единственнаго характера переживаемаго момента. Человѣчество, кажется ему, вступило въ самый счастливый возрастъ, которому въ жизни отдѣльнаго человѣка отвѣчаютъ годы отъ 35 до 45 лѣтъ. Это—возрастъ, когда еще неисчезнувшее воображеніе соединяется съ вступившимъ уже въ свои права разумомъ. Возрастъ этотъ для человѣчества скоро пройдетъ: у нашихъ дѣтей, вмѣсто воображенія, будутъ только воспоминанія. Напротивъ, у нашихъ отцовъ, которые злоупотребляли увѣренностью, будто они обладаютъ огромной силою разсужденія, идеи не стояли въ раціональной связи; они въ сущности основывали свою научную систему на недозрѣлыхъ продуктахъ воображенія.

Итакъ для знанія и мысли открывается новая, небывалая и неимѣющая повториться организаціонная эпоха. При этомъ С.-Симонъ примыкаетъ еще къ культу естественныхъ наукъ, къ матеріалистическому взгляду на міръ и человѣческую природу, къ отрицанію необходимости религіи для образованныхъ классовъ, какъ Кондорсе и другіе продолжатели просвѣщенія XVIII вѣка. Единственный катехизисъ, какой можетъ быть допущенъ въ настоящее время, это—очень краткій экстрактъ изъ энциклопедіи, въ которой получатъ организацію современныя физическія науки, «физицизмъ», какъ говоритъ С.-Симонъ. По необходимости должно быть теперь два ученія: физицизмъ для образованныхъ людей, деизмъ для невѣжественныхъ. Психическая жизнь человѣка сводится на химическія соединенія и реакціи органическихъ элементовъ, входящихъ въ его тѣло. «Мы отдаемся воображенію, когда въ нашемъ мозгу преобладаетъ дѣятельность жидкихъ элементовъ; мы разсуждаемъ, когда перевѣшиваетъ дѣятельность твердыхъ». Въ самыхъ важныхъ вопросахъ политики рѣшенія должны быть теперь выводимы прямо изъ данныхъ естественныхъ наукъ. «Если бы физіологи и философы согласились смѣло соединить свои усилія, они свели бы всѣ политическіе вопросы къ соображеніямъ гигіены».

Однако уже теперь пробиваются у С.-Симона мысли и выраженія, сближающія его съ той философіей исторіи, которую подъ вліяніемъ революціонной катастрофы выставила реакція. Онъ начинаетъ клонить къ идеѣ «палингенезіи общества», какъ гласитъ названіе одного изъ сочиненій реакціонной школы, къ идеѣ возрожденія общества въ новой вѣрѣ. «Я вѣрю,—говоритъ С.-Симонъ,—въ необходимость религіи для поддержанія соціальнаго порядка, я вѣрю, что деизмъ устарѣлъ, а физицизмъ еще не достаточно укрѣпился, чтобы стать основой религіи».

Но наука должна сложиться скоро въ стройную догматическую и повелительную систему.

«Религія есть совокупность примѣненій общей науки, при посредствѣ которыхъ просвѣщенные люди управляютъ невѣжественными... Религія старѣется совершенно такъ же, какъ другія учрежденія, и такъ же, какъ они, религія по необходимости должна по прошествіи извѣстнаго времени возрождаться». Духовенство, это—руководящій ученый классъ, соотвѣтствующій всякій разъ опредѣленной фазѣ въ развитіи знанія. «Всякая религія при своемъ возникновеніи благодѣтельна. Священники начинаютъ ею злоупотреблять, когда ихъ болѣе не сдерживаетъ узда оппозиціи, когда имъ не остается болѣе дѣлать никакихъ новыхъ открытій въ научномъ направленіи, данномъ основателемъ религіи; тогда она становится тираннической; тогда она вызываетъ презрѣніе, а ея служители утрачиваютъ пріобрѣтенное ими раньше вліяніе и богатство». Согласно этому представленію, С.-Симонъ превращаетъ въ прошломъ основателей католической церкви въ «корпорацію профессоровъ деизма», а для будущаго строя онъ требуетъ передачи духовной власти въ руки папы и духовенства, которые должны быть выбраны изъ среды ученыхъ-натуралистовъ. Для «перваго папы новой научной теоріи» онъ придумываетъ даже прокламацію къ европейскому обществу.

Черта приближенія С.-Симона къ реакціонерамъ, къ «теократамъ», все усиливается. С. Симонъ называетъ сочиненія Бональда «поразительными, полными жизни, способными вызвать энтузіазмъ въ ученыхъ и литераторахъ». Во всей реакціонной школѣ онъ одобряетъ систематическую концепцію, то единство, съ точки зрѣнія котораго ея представители разсматриваютъ возрожденіе общества.

Поиски новой религіи, новой авторитарной организаціи становятся господствующимъ мотивомъ у С.-Симона во вторую половину его литературной дѣятельности, которая начинается, приблизительно, со времени паденія Наполеона I. Въ его планы возрожденія общества, теперь, вмѣстѣ съ тѣмъ, вступаетъ новый элементъ, экономическій.

Мы видѣли, какъ сильно сказались на соціальной мысли и воображеніи англійскаго общества успѣхи промышленности въ концѣ XVIII в. Французское индустріальное общество въ началѣ нашего столѣтія охвачено тѣмъ же настроеніемъ, что англійское уже за четверть вѣка до того. Между тѣмъ какъ Наполеонъ хочетъ сокрушить Англію флотами, войсками и торговыми стѣсненіями на материкѣ, французскіе промышленники пытаются конкуррировать съ великой обладательницей машинъ.

С.-Симонъ со своей впечатлительностью схватываетъ все значеніе этого момента и этихъ усилій. Онъ объявляетъ себя ученикомъ Адама Смита. Главная цѣль въ народной жизни—производство богатства. Его идеалъ—полная противоположность спартанской полуаскетической республикѣ, о которой мечтали ученики Руссо во время революціи; это—

богатое, даже роскошествующее общество, трудовое и блестящее, гдѣ первые люди—самые крупные производители, дѣятельные, окруженные почетомъ и изобиліемъ.

Въ книжкѣ подъ заглавіемъ «Реорганизація европейскаго общества» (1814 г.) С.-Симонъ проектируетъ великую европейскую федерацію, которая откроетъ собою мирную эру человѣчества. Вѣчный миръ начнется съ возсоединенія и сліянія Англіи и Франціи, двухъ передовыхъ націй, бывшихъ до сихъ поръ во враждѣ. Создастся общеевропейскій патріотизмъ. Общеевропейскій парламентъ освободитъ широкіе пути для индустріи, займется соединеніемъ посредствомъ каналовъ Рейна, Дуная, Балтійскаго моря, направитъ излишекъ населенія въ другіе материки и т. д. Въ редактированномъ С.-Симономъ сборникѣ подъ заглавіемъ «Индустрія» (1817 г.) двадцатидвухлѣтній Тьерри, будущій историкъ и творецъ эпопеи промышленнаго третьяго сословія, нападалъ на духъ войны и называлъ Наполеона и его солдатъ—разбойниками. «Братство народовъ,—говорилъ онъ,—чтобы быть прочнымъ, требуетъ присоединенія интереса къ чувству. Ваше оружіе, граждане,—искусства и торговля; ваши побѣды—ихъ прогрессъ; вашъ патріотизмъ—въ благожелательности, а не въ ненависти».

«Ученикъ Адама Смита» однако далеко не сталъ сторонникомъ свободной игры силъ въ обществѣ. С.-Симонъ—большой почитатель порядка и управленія. «Прогрессъ,—говорилъ онъ какъ-то,—совершается только двумя средствами: революціями и диктатурой; диктатура—гораздо лучше. Новое общество должно быть приведено въ систему, въ немъ надо установить крѣпкое руководящее начало. «Организація» общества, организація труда, знанія—вотъ волшебное слово, которое пустилъ С.-Симонъ. Не даромъ одинъ изъ тѣхъ сборниковъ, гдѣ С.-Симонъ и окружавшая его мастерская ученыхъ пропагандировали свои идеи, назывался «Организаторъ».

Выступая съ авторитарно-организаціонными идеями, С.-Симонъ близко подходилъ къ историческимъ картинамъ и формуламъ реакціонной школы, прославлявшей Средніе вѣка, какъ эпоху покорности человѣка святому общеспасительному порядку. С.-Симонъ вполнѣ согласенъ съ де-Местромъ въ восхваленіи папства за то, что оно служило могучимъ связующимъ началомъ для человѣчества, для культуры. Рѣзко расходится онъ съ просвѣтительной философіей и въ оцѣнкѣ среднихъ вѣковъ. Эпоха эта выше древности. Она видѣла замѣну рабства, гдѣ человѣкъ цѣликомъ принадлежалъ другому, крѣпостнымъ состояніемъ, когда работникъ опять получилъ свою жизнь, свои глаза и уши. Духовенство въ это время совершило великіе подвиги: оно расчистило необработанныя земли въ Европѣ, создало школы, сохранило древніе памятники, установило Божій миръ.

Что такое были римляне? спрашиваетъ С.-Симонъ. Небольшая группа въ 100.000 человѣкъ, которые могли предложить варварамъ

лишь оковы или смерть. Напротивъ, въ Средніе вѣка, составилось политическое общество въ 60 милліоновъ человѣкъ слишкомъ, которое совершало завоеванія, обращало чужихъ въ свою вѣру и говорило: всѣ люди должны считать себя братьями. Напрасно философы такъ кричали противъ крестовыхъ походовъ; это была великая организація Европы, несравненно болѣе крѣпкая, чѣмъ римская республика и имперія. Конечно, древніе были великими мастерами въ искусствахъ, въ работѣ «воображенія, непосредственно дѣйствующаго на чувства». Но они ничего не сдѣлали въ наукахъ естественныхъ, въ морали и политикѣ,

Здѣсь Средніе вѣка несравненно выше. Въ рукахъ правительства у древнихъ грековъ и римлянъ соединялась духовная и свѣтская власть и смѣшеніе властей создавало тиранію небольшого класса. Въ Средніе вѣка эти двѣ сферы раздѣлены: выразительница идей, духовная власть, объединявшая Европу, преобладаетъ надъ свѣтской, раздробленной по территоріямъ. Вмѣсто господства патриціевъ—вліяніе духовенства изъ плебеевъ; въ Средніе вѣка простолюдины стояли во главѣ общества. Въ то же время, христіанская вѣра, по существу демократическая, была введена въ строгую католико-монархическую форму: была придумана непогрѣшимость церкви и папы, ложныя декреталіи, свѣтская власть духовенства и «множество другихъ изобрѣтеній, изумительно хорошихъ, потому что они придали прочность европейскому обществу, ставшему славой и надеждой рода человѣческаго». «Теперь стоитъ внѣ сомнѣнія для философовъ,—внезапно открываетъ намъ Сенъ-Симонъ,—что матеріальная сила, т. е. богатства въ рукахъ духовенства и особенно папъ въ теченіе Среднихъ вѣковъ, была необходима для того, чтобы подчинить воинственное направленіе общества научному, дикія страсти европейцевъ—ихъ умственнымъ дарованіямъ». На вершинѣ этой великой эпохи находятся такія фигуры, какъ Григорій VII и Людовикъ Святой, этотъ «философъ, чудесный человѣкъ для своего времени, составившій планъ энциклопеціи». Глубоко привлекательна цѣльность этого общества, благодѣтельна повелительная сила его организаціи, указывавшая отдѣльной личности пути и задачи.

Картина прогресса получается такимъ образомъ весьма непохожая на ту, какую давали Вольтеръ и Кондорсе. Теперь для С.-Симона просвѣтительная философія и революція, отразившая ея идеи—пережитыя точки зрѣнія. Работа революціонныхъ принциповъ, просвѣтительной философіи была чисто отрицательнымъ, разрушительнымъ дѣломъ. Она убрала съ дороги отжившія формы. С.-Симонъ отдѣляется здѣсь въ оцѣнкѣ революціи отъ реакціонеровъ: не шагъ назадъ видитъ онъ въ ней, не глубокое паденіе человѣчества, а необходимую переходную ступень, ведущую его къ новому торжеству, къ новой организаторской философіи XIX вѣка.

Революція была вызвана подъемомъ низшихъ классовъ, но сама по себѣ представляла лишь приступъ къ великой соціальной реформѣ. Ее

сдѣлали люди отвлеченнаго склада, юристы и метафизики. Они были сильны своимъ рѣжущимъ орудіемъ критики и уничтоженія стараго, но ничего положительнаго создать не могли. Ихъ догматы, верховенство народа, свобода, не имѣютъ сами по себѣ никакой цѣны; это—голыя формулы, родившіяся въ борьбѣ съ идеей божественности власти и представляющія крайность въ отвѣтъ на крайность; по окончаніи борьбы они уже не нужны. Демократія и свобода—пустыя слова; въ нихъ вовсе нѣтъ блага для низшихъ классовъ. Свобода не можетъ быть ни цѣлью, ни средствомъ; она ничто иное, какъ результатъ достигнутаго положенія.

Отсюда получается для С.-Симона и мѣра оцѣнки современныхъ политическихъ направленій. Либералы XIX вѣка, добивающіеся проведенія этихъ началъ въ жизнь, сторонники метафизической «конституціи», сохранили односторонній критическій, т. е. революціонный характеръ XVIII вѣка. Вопросъ о формахъ политическаго строя, изъ-за котораго столько бились,—вопросъ второстепенный. Законъ, устанавливающій отношеніе властей, не такъ важенъ, не въ такой мѣрѣ вліяетъ на благоденствіе народовъ, какъ тотъ законъ, который создаетъ отношенія собственности и владѣнія и регулируетъ ихъ. Англійскій народъ болѣе 150 лѣтъ работаетъ надъ установленіемъ у себя свободы, народы континента стремятся къ тому же самому вотъ уже около 30 лѣтъ, а самое естественное средство, преобразованіе собственности, никому изъ нихъ не пришло на умъ.

Либерализмъ, т. е., по опредѣленію С.-Симона политическая игра, долженъ теперь уступить мѣсто индустріализму, съ которымъ на первое мѣсто выступитъ новая партія, лучше сказать, новая масса, истинный народъ.

«Подъячіе (avocasserie) и бумагомаратели (ecrivassiers),—говоритъ презрительно С.-Симонъ,—торжествовавшіе побѣду въ революціи, все еще принадлежали къ старымъ общественнымъ слоямъ. Дѣятели революціи вышли изъ той группы буржуазіи, которая была близка къ привилегированнымъ, которая служила и занимала профессіи, считавшіяся «почетными». Настоящее промышленное мѣщанство, работу котораго считали прежде презрѣнной, все еще пассивно и стоитъ въ сторонѣ. Оно претерпѣло и господство адвокатовъ, и санкюлотство республики, и военную деспотію Бонапарта. Теперь ему пришелъ чередъ взять въ руки общество, гдѣ оно—главная дѣятельная сила. Эту новую «партію производителей», или индустріаловъ, С.-Симонъ прямо противополагаетъ буржуазіи. Совершенно такъ же, какъ въ свое время Сійэсъ вычислялъ, что такое по количеству—третье сословіе, и приходилъ къ заключенію, что оно заполняетъ собою все тѣло націи, С.-Симонъ опредѣляетъ теперь массу «промышленниковъ» равной $\frac{24}{25}$ націи. Въ этомъ истинномъ обществѣ, обществѣ грядущаго, высшей добродѣтелью будетъ трудъ.

С.-Симонъ проводитъ рѣзкую черту между трудящейся массой (tra-

vailleurs) и праздными классами (oisifs). Въ знаменитой параллели своей, перечисляя множество разрядовъ, онъ говоритъ: «Предположимъ, что Франція вдругъ теряетъ 50 лучшихъ физиковъ, 50 химиковъ, 50 математиковъ, 50 лучшихъ поэтовъ, живописцевъ, 50 музыкантовъ... 50 первыхъ механиковъ, 50 инженеровъ, 50 архитекторовъ... 50 первыхъ банкировъ, 200 первыхъ негоціантовъ, 600 лучшихъ земледѣльцевъ, 50 первыхъ хлопчатобумажныхъ фабрикантовъ, 50 лучшихъ плотниковъ и т. д.—въ цѣломъ до 3.000 первыхъ ученыхъ, артистовъ и промышленныхъ работниковъ... Потеря этого цвѣта французскаго общества, этихъ наиболѣе полезныхъ людей для страны, болѣе всего ускоряющихъ ростъ ея цивилизаціи и благоденствія, обратитъ націю въ тѣло безъ души. Понадобится, по крайней мѣрѣ, жизнь цѣлаго поколѣнія, чтобы поправить это несчастье. Предположимъ, напротивъ, что сохраняя людей таланта, Франція теряетъ... носителей большихъ придворныхъ чиновъ, министровъ, маршаловъ, кардиналовъ, префектовъ, судей, всѣхъ чиновниковъ въ министерствахъ... и 10.000 богатѣйшихъ землевладѣльцевъ, живущихъ по дворянски. Случай этотъ огорчитъ французовъ, потому что они благодушны и не могутъ равнодушно отнестись къ внезапной гибели столькихъ соотечественниковъ. Но отъ потери 30.000 человѣкъ, считающихся самыми важными въ государствѣ, не получится никакого вреда для страны. Функціи эти, не требующія знаній и талантовъ, можетъ исполнить всякій. Это—безполезная часть общества, которая распоряжается надъ первой, работящей, и беретъ себѣ изъ бюджета триста или четыреста милліоновъ». С.-Симонъ заключаетъ, что современное общество есть опрокинутый вверхъ ногами міръ, что современный строй, служа несправедливымъ и нелѣпымъ началамъ, держитъ родъ человѣческій глубоко погруженнымъ въ безнравственность.

Совершенно ясно, что у С.-Симона черта дѣленія проходитъ не между капиталистами и рабочими; она разрѣзываетъ и классъ богатыхъ, и интеллигентныя профессіи. Въ противоположность землевладѣльцамъ, пассивному элементу, онъ очень цѣнитъ активную группу фабрикантовъ, купцовъ, банкировъ. Съ этими производителями, къ которымъ примыкаетъ масса рабочихъ, тѣсно соединены по своему общественному значенію техники, ученые и художники, такъ какъ С.-Симонъ глубоко убѣжденъ въ производительной силѣ артистическаго творчества, научнаго анализа и изобрѣтенія.

Великая несправедливость и неразумѣніе современнаго строя и управленія есть результатъ противорѣчія между содержаніемъ общественной жизни и формами, въ которыя она включена. Гармонія и законченность Среднихъ вѣковъ именно зависѣли отъ полнаго согласія тенденцій общества и характера его управленія. Воинственныя наклонности его направлялись по указанію непогрѣшимаго авторитета религіозной власти. Съ теченіемъ времени основы этого феодально-теократи-

ческаго строя стали разрушаться. Выдвинулись съ одной стороны, промышленные интересы, съ другой, сила науки. Современное направленіе общества по существу своему индустріально-научное. Между тѣмъ администрація его далеко отстаетъ отъ достигнутаго состоянія культуры и просвѣщенія: она все еще проникнута феодальными началами. Революція и была вызвана этимъ противорѣчіемъ: пока не устранится оно, общественная жизнь неизбѣжно должна оставаться неустойчивой.

Несоотвѣтствіе современной политической и административной системы съ требованіями культуры особенно рѣзко выражается въ огромной непроизводительной тратѣ человѣческихъ силъ. Все вниманіе обращено на поддержаніе порядка, а между тѣмъ люди работаютъ изолированно. Надобно, чтобы люди перестали командовать другъ надъ другомъ, и чтобы, напротивъ, они соединились для совмѣстной эксплуатаціи силъ природы.

С.-Симонъ старается показать на примѣрѣ Политехнической школы «образовательнаго учрежденія наивысшаго порядка. который когда-либо былъ организованъ», въ чемъ идеалъ и куда ведетъ извращеніе. Основатели этой школы составили планъ обученія и привлекли самыхъ способныхъ людей. Они полагали, что ихъ задача этимъ окончена: учрежденіе создано. Но замѣтивъ, что его жизнь вызываетъ нѣкоторыя административныя дѣла, они распредѣлили эту «второстепенную» обязанность между самими профессорами, которые по временамъ соединялись въ административный совѣтъ; наблюденіе же за дисциплиной было поручено лицу, неспособному занять профессуру, которое вслѣдствіе этого и сознавало себя подчиненнымъ. Но вотъ появился Бонапартъ, который нашелъ, что организація эта слишкомъ проста, что ей не хватаетъ достоинства и важности. Поэтому онъ поставилъ надъ учрежденіемъ управителя изъ числа придворныхъ, полковника, вице-управителя, директора, при каждомъ изъ нихъ еще помощниковъ. Вся эта коллекція безполезныхъ и неспособныхъ людей получила значеніе какъ бы души учрежденія и затмила собою профессоровъ. Первоначальный и естественный порядокъ совершенно извратился, второстепенныя роли и дѣла учрежденія выдвинулись на первый планъ, истинно важныя сошли на подчиненное положеніе. Говорить нечего, насколько это новое управленіе стало дороже.

Каково же должно быть общественное устройство, отвѣчающее требованіямъ современной культуры? Такъ какъ все дѣлается чрезъ посредство индустріи, все и должно дѣлаться для нея. Индустріальный классъ—основной питающій классъ общества. Промышленное общество будетъ имѣть задачей лишь ростъ общаго благоденствія, его управленіе будетъ руководиться не отношеніями людей, а исключительно принципами, его вожди будутъ крупнѣйшіе производители, ихъ вдохновители художники—и ученые спеціалисты.

Королевской власти нечего бояться переворота; С.-Симонъ предла-

гаетъ королю лишь статъ во главѣ движенія: новая монархія станетъ индустріальной, а единственно возможный и почетнѣйшій титулъ короля будетъ заключаться въ названіи «первый промышленникъ королевства». Преобразуясь въ идеальнаго вождя промышленности, король властнымъ манифестомъ призоветъ народъ къ новой дѣятельности. Откроется обширный просторъ для громадныхъ общественныхъ работъ, для эксплуатаціи и приспособленія всѣхъ пустующихъ земель, для проведенія дорогъ, каналовъ и т. д. Великолѣпная культура покроетъ всю территорію Франціи. Нація будетъ собираться въ грандіозныхъ праздненствахъ. Роскошь станетъ полезной и нравственной, когда ею будетъ пользоваться весь народъ. Нынѣшніе министры, собственно только «любители администраціи», должны уступить мѣсто представителямъ индустріи, этимъ единственнымъ «профессорамъ администраціи».

То, что до сихъ поръ называлось политикой, за ненужностью, исчезнетъ. Излишними становятся конституція и парламентъ. «Истинная реальная конституція не можетъ быть придумана, она можетъ быть лишь наблюдаема, изучаема». Отнынѣ наука должна рѣшать всѣ вопросы. «Править долженъ философъ, который изучаетъ ходъ цивилизаціи и соединяетъ всѣ наблюденія въ общій законъ; этотъ законъ становится руководящимъ конститутивнымъ политическимъ правиломъ, если онъ провѣренъ массой просвѣщенныхъ людей. Развѣ кто-нибудь скажетъ, что всякій французъ, платящій 100 франковъ прямого налога (это—тогдашній цензъ) способенъ производить химическіе опыты? А между тѣмъ раціональная политика гораздо труднѣе химіи, и она—дѣло науки, а не прирожденныхъ правъ человѣка. Высшая политика должна быть поручена группѣ ученыхъ спеціалистовъ, которые прикажутъ молчать «парламентской болтовнѣ». Какъ въ эпоху гармоніи стараго средневѣковаго порядка, такъ и въ новомъ обществѣ установится раздѣленіе духовной и свѣтской власти, сложится параллельная работа вдохновляющаго своими идеями духовнаго класса и могучей исполнительной руки практическихъ дѣятелей.

Въ одномъ изъ многочисленныхъ и пестрыхъ проектовъ С.-Симона правительство представляется въ видѣ трехъ камеръ: 1) камеры изобрѣтеній, гдѣ сидятъ инженеры, поэты и художники и вырабатываютъ планы общественныхъ работъ и общественныхъ празднествъ: «артисты въ обществѣ будущаго найдутъ средство пробуждать въ душѣ промышленниковъ идеи славы и великодушныя чувства»; 2) камеры изслѣдованія изъ ученыхъ математиковъ и естественниковъ, которые будутъ провѣрять планы первыхъ и направлять воспитаніе; 3) камеры исполненія, составленной изъ богатыхъ промышленниковъ, которая собственно и замѣнитъ парламентъ. Направляя широко свои капиталы на общеполезныя цѣли, крупные предприниматели будутъ выполнять настоящую общественную службу; они и представители науки и искусства будутъ въ истинномъ смыслѣ чиновниками, министрами соціальнаго цѣлаго.

Вовсе не демократическимъ, вовсе не нивеллированнымъ представляетъ себѣ С.-Симонъ новое общество. Основанное на преобладаніи таланта, дѣятельности, знанія, оно построится и на новомъ «законномъ» іерархическомъ порядкѣ. С.-Симонъ ищетъ среди промышленниковъ людей съ наиболѣе широкими взглядами: это—банкиры, и они-то, призванные вожди общества. «Зачѣмъ они даются въ обманъ адвокатамъ и бонапартистамъ? Пусть выгонятъ они изъ своихъ салоновъ людей фразы! пусть войдутъ въ тѣсныя сношенія съ купечествомъ, съ фабрикантами предмѣстій, и они станутъ истинными господами». С.-Симонъ обращается съ воззваніемъ и къ рабочимъ; онъ подсказываетъ имъ, какія рѣчи должны они вести къ предпринимателямъ: «вы богаты, а мы бѣдны; вы работаете головой, а мы руками; изъ этого основного различія слѣдуетъ, что мы должны вамъ подчиняться».

Въ этихъ планахъ крайне любопытно отмѣтить, что для новой «положительной», организаторской эпохи С.-Симонъ предполагаетъ и новый патріархальный строй, своего рода индустріальный феодализмъ. Въ свое время онъ начиналъ съ прославленія свободной иниціативы, съ осужденія всякихъ сдержекъ промышленнаго оборота. Теперь это кажется ему лишь первой ступенью, за которой должны выдвинуться прирожденные геніи индустріи, финансовые сеньеры, вдохновляемые артистами и руководимые учеными, а подъ ихъ патронатомъ, по указанію ихъ благожелательныхъ и просвѣщенныхъ рѣшеній, организуется все трудящееся человѣчество. Когда укрѣпятся устои новаго общества, оно будетъ увѣнчано и новой религіей, которая, въ свою очередь, будетъ резюмировать основные принципы знанія и морали. Подъ конецъ у С.-Симона все сильнѣе развивается эта религіозно-авторитарная утопія. Сначала сторонникъ всеобщаго европейскаго парламента, онъ начинаетъ позднѣе смотрѣть съ упованіемъ на священный союзъ, называетъ его величайшимъ изъ соціальныхъ благъ Европы и признаетъ его лучшей переходной ступенью отъ стараго феодальнаго общества къ новому индустріальному.

Въ послѣднемъ своемъ, неоконченномъ сочиненіи, подъ заглавіемъ «Новое Христіанство», С.-Симонъ говоритъ о всемірной религіи, которая должна распространиться въ XIX вѣкѣ вмѣстѣ съ образованіемъ универсальной ассоціаціи людей. Объединеніе вѣрованій въ положительномъ вѣкѣ выразится въ запрещеніи разныхъ толкованій, въ исчезновеніи свободы совѣсти, т. е., какъ теперь думаетъ С.-Симонъ, анархіи понятій. Аксіомы, выдвинутыя наукой, составятъ содержаніе новаго догматическаго кодекса. Этой религіи предстоитъ вмѣстѣ съ тѣмъ великая общественная миссія—именно улучшеніе участи нуждающагося класса.

Богатый запасъ идей, брошенныхъ у С.-Симона, обыкновенно крайне спутанно, нерѣдко въ видѣ какъ бы случайныхъ проблесковъ, иногда въ формѣ почти апокалиптическихъ видѣній, оказалъ крупное вліяніе на

развитіе соціальной и исторической мысли. Изъ сентиментализма и священнаго ужаса реакціонеровъ теперь точно начинаютъ выступать очертанія разумной новой научной теоріи, готовой опереться на только что пережитой опытъ.

На ученіяхъ С.-Симона и его школы видно, какой итогъ для историческаго и общественнаго сознанія получался у поколѣнія, пережившаго крупный переворотъ конца XVIII вѣка и реакцію противъ него; ученія эти показываютъ также, въ какой мѣрѣ философія реакціи давала толчокъ къ анализу явленій общественнаго развитія.

Бональдъ, Галлеръ, де-Местръ и другіе гремѣли противъ дерзкаго человѣка, который подъ сатанинскимъ навожденіемъ святотатственной рукой осмѣлился перестраивать нерукотворенное дѣлое общественнаго организма. Они возмущались «искусственными» писанными конституціями и ссылались на то, что истинный законъ, которымъ держится общество, не сочиняется, а указанъ божественной силой и подобенъ жизненному началу органическаго существа. Это былъ странный способъ выраженія, но на лицо дѣйствительно былъ фактъ непоколебимости извѣстныхъ общественныхъ устоевъ. Конституціи, продуктъ политическихъ вычисленій, рушились во Франціи одна за другою. Измѣнялся-ли, опрокидывался-ли при этомъ общественный строй? Нѣтъ; государственныя перемѣны не создавали новыхъ общественныхъ отношеній; напротивъ общественный укладъ какъ-бы заставлялъ приспособляться къ себѣ политическія формы.

Но реакціонная школа только побуждала поставить вопросъ. Она сама не могла выйти изъ формулы, въ которой «безсильная личность» противопоставлялась «всемогущему обществу». Кто подъ ея вліяніемъ проникалъ глубже и дальше, приходилъ къ такому заключенію: общественный и политическій союзъ — двѣ разныя вещи, и между ними первый представляетъ организацію болѣе глубокую, основную и первоначальную, второй напротивъ образуетъ явленіе производное. Въ первой изъ этихъ организацій именно замкнуты личности для каждой опредѣленной эпохи, она опредѣляетъ моральныя чувства, культурныя понятія, государственную форму и т. д. Признавая общество такимъ основнымъ организмомъ, перерождающимся лишь медленными полосами, которыя соотвѣтствуютъ возрастамъ жизни личности, ученики реакціонеровъ остались при томъ взглядѣ, что не разумъ развивающейся личности творитъ перемѣны и двигаетъ успѣхи въ общественномъ развитіи. Эти успѣхи—дѣло великаго естественнаго процесса, въ которомъ личность выполняетъ свою органическую функцію.

Реакціонеры, наставники С.-Симона, находили революціонный переворотъ уродливымъ отклоненіемъ отъ предписаній природы и взрывомъ злой, ненормальной культуры. С.-Симонъ считалъ, напротивъ, революцію необходимымъ шагомъ къ высшей ступени развитія. Критика XVIII в. и самый переворотъ—не отклоненія, а кризисъ возраста, это

даже не благодѣтельная операція, это—страданія роста. Есть фазы жизни, которыя даются труднѣе, но они необходимы, чтобы создать условія будущаго, и они могутъ быть предусмотрѣны.

Историкъ долженъ ко всѣмъ трансформаціямъ подступать, какъ спокойный натуралистъ. С.-Симонъ считаетъ поэтому свой научный методъ физико-политическимъ. Ученіе объ обществѣ есть своего рода физика. Процессъ общественнаго развитія идетъ по неуклоннымъ законамъ, подъ давленіемъ безошибочно цѣлящихъ естественныхъ факторовъ. Эти законы мы читаемъ отчетливо и ясно въ исторіи прошлаго. По нимъ можно непогрѣшимо опредѣлять будущее. Изъ шести фазъ англійской революціи, во французской уже повторилось пять, шестая необходимо предстоитъ. Истинная цѣль человѣческой работы, это—приблизить человѣческое сознаніе въ результатѣ безконечнаго прогресса къ божественному предвидѣнью.

Исходя изъ новаго понятія объ основномъ характерѣ общественнаго строенія, С.-Симонъ не одобрялъ предшествующихъ пріемовъ исторической науки. До сихъ поръ, по его мнѣнію, писалась только біографія власти, т. е. онъ хочетъ сказать, исторія политическихъ перемѣнъ въ ея лицахъ; между тѣмъ, государственныя конституціи составляютъ лишь формы, внѣшность, поверхностныя явленія исторической жизни; существо общественнаго строенія—въ распредѣленіи собственности, въ организаціи хозяйства, въ раздѣленіи классовъ.

Въ этомъ отношеніи новый методъ существенно отдѣлялся отъ точки зрѣнія, на которой стояла соціальная наука въ эпоху Монтескьё, и С.-Симонъ ясно сознавалъ это отличіе. Теперь стали чувствовать явный скачокъ, огромный пробѣлъ въ старомъ соціологическомъ толкованіи. Объясняя возникновеніе, развитіе и гибель большихъ человѣческихъ группъ, націй, государствъ, Монтескьё переходилъ прямо отъ элементарныхъ внѣшнихъ условій, климатическихъ и расовыхъ, къ послѣднимъ продуктамъ человѣческаго развитія, политическимъ формамъ, моральнымъ идеямъ и т. д.; онъ какъ бы не замѣчалъ вовсе общественной среды, какъ самостоятельнаго момента, какъ важной промежуточной формаціи. Необходимъ былъ опытъ для того, чтобы обратить вниманіе на этотъ, незамѣчавшійся раньше элементъ; такой соціально историческій опытъ создала революціонная катастрофа; самый фактъ, подлежавшій въ опытѣ выдѣленію, указали реакціонеры, но указали, какъ загадочную силу, какъ таинственный ключъ явленій.

У С.-Симона мистическій покровъ снятъ. Онъ указывалъ на необходимость обработать исторію Франціи въ видѣ борьбы и смѣны классовъ. По его привычнымъ категоріямъ, это была бы борьба дворянства, стараго, господствующаго военнаго класса, нынѣ ставшаго «праздными», утратившаго руководящую роль, и новаго промышленнаго, въ началѣ крѣпостного и подчиненнаго, пробившагося къ эмансипаціи, а въ настоящее время образующаго истинное общество изъ совокупности обладателей капитала и знаній, и представителей труда.

С.-Симонъ намѣтилъ еще двѣ важныя историческія формулы, вліяніе которыхъ обнаруживается на каждомъ шагу въ группировкѣ и истолкованіи фактовъ у историковъ XIX в. Первая изъ нихъ состоитъ въ томъ, что всякой общественной формѣ отвѣчаетъ опредѣленный умственный укладъ, что всякій крупный общественный переворотъ совпадаетъ съ революціей въ философіи, въ вѣрованіяхъ и научныхъ понятіяхъ.

Другая заключаетъ въ себѣ положеніе, которое въ наше время многіе, можетъ быть, склонны приписывать болѣе позднему вліянію экономическаго матеріализма. С.-Симонъ настаиваетъ на различеніи содержанія общественной жизни, ея хозяйственнаго строя, ея классовыхъ отношеній и ея формы, выражающейся въ правительственномъ строѣ, въ правовой и административной организаціи. Въ эпохи положительныя—каковъ былъ феодальный вѣкъ, каковымъ будетъ открывающійся впереди индустріальный, между содержаніемъ и формой общественной жизни существуетъ полное соотвѣтствіе и гармонія; но съ теченіемъ времени содержаніе общественной жизни измѣняется и оно становится въ противорѣчіе со старой формой. Въ этомъ противорѣчіи заключается могущественный толчокъ для переворота, который долженъ повести къ слѣдующей ступени прогрессивнаго развитія; наступаетъ эпоха разрушительной работы, прежде всего выражающейся въ критикѣ унаслѣдованныхъ формъ, въ горячемъ нападеніи на систему управленія и систему понятій; съ устраненіемъ пережитыхъ формъ и традиціонныхъ идей, сложившееся новое общество вступаетъ въ новую организаціонную эру.

Религіозно-утопическое направленіе, намѣтившееся въ послѣднихъ работахъ С.-Симона, получило особенное развитіе въ кружкѣ его друзей и его учениковъ и поклонниковъ, главнымъ образомъ посмертныхъ. Составилась настоящая церковь, которая видѣла въ С.-Симонѣ своего основателя и пророка, «величайшаго изъ философовъ, законодателей и пророковъ», новаго Сократа, Моисея или даже подобіе Христа. «Верховный отецъ» общины, Анфантенъ, какъ калифъ, присоединилъ къ писаному закону, т. е. сочиненіямъ С.-Симона, устное толкованіе откровеннаго ученія.

Исторія сенсимонистской секты была много разъ разсказана; ея экономическая программа, которая требовала простора для развитія капитала и вмѣстѣ съ тѣмъ организованнаго его примѣненія, настаивала на торжествѣ индустріи и обращеніи промышленной работы въ общественную службу, на общемъ обезпеченіи трудящихся и вознагражденіи каждаго сообразно способностямъ и общественнымъ заслугамъ, эта программа выходитъ за предѣлы нашего изложенія. Но необходимо указать на ея общую соціальную и историческую концепцію, поскольку она развиваетъ дальше идеи С.-Симона или сгущаетъ и закрѣпляетъ его формулы.

Секта была полна религіознаго энтузіазма: она часто безсознательно

воспроизводила тѣ формы и символы, какіе окружаютъ обыкновенно зарождающуюся религію, частью подражала имъ, искала ихъ, старалась на нихъ разгорячить себя. У нея были или ожидались апостолы, святые, мученичества, пророческія, предсмертныя бесѣды основателя, внезапныя откровенія, невидимое для другихъ и уже сіяющее для посвященныхъ божье царство. «Великій Боже!—читаемъ мы въ статьѣ «о жизни и характерѣ С.-Симона», написанной (въ 1830 г.) черезъ пять лѣтъ по смерти его — Ты восхотѣлъ, чтобы люди въ началѣ взаимно пожирали другъ друга, жили въ ненависти, невѣжествѣ и лѣности; теперь люди видятъ другъ въ другѣ братьевъ, живутъ въ мирѣ, отдаются наукамъ и искусствамъ; они достойны услышать новое слово: человѣчество свято въ Твоихъ глазахъ... С.-Симонъ, возлюбленный сынъ Твой, съ самаго начала былъ поставленъ очень высоко на той лѣстницѣ, ступени которой въ безконечномъ рядѣ ведутъ къ Тебѣ; онъ могъ, однако, подняться еще выше, онъ могъ перешагнуть огромную бездну и затѣмъ протянуть дѣтямъ своимъ руку помощи, чтобы перенести ихъ черезъ ту же пропасть и помѣстить рядомъ съ собою. С.-Симонъ окончилъ жизнь свою въ тысячу разъ болѣе великимъ, чѣмъ началъ; С.-Симонъ святъ въ Твоихъ глазахъ»!.. «Царство Божіе наступило на землѣ, всѣ пророчества исполнились... С.-Симонъ, ты можешь умереть теперь, потому что вѣрный ученикъ, наслѣдникъ обѣта твоего, рядомъ съ тобою!.. Нѣтъ мы не ученики мертваго, мы ученики живого!..»

Говоря о «предразсудкахъ атеизма», о религіозномъ будущемъ человѣчества, о томъ, что «человѣкъ—существо соціальное и религіозное», что современный научный языкъ, языкъ, созданный анархической, раздробленной и безсильной наукой, не способенъ направлять людей къ обращенію въ вѣру, что для этого нуженъ особый проникновенный пророческій языкъ, котораго Богъ еще не далъ людямъ,—говоря все это, секта вѣрила, что именно она открываетъ новую эру. «Наша доктрина будетъ дольше господствовать надъ міромъ, чѣмъ католицизмъ».

Въ то же время въ католичествѣ она видѣла свой прообразъ, первую манифестацію того великаго органическаго строенія, къ которому идетъ человѣчество; католическое духовенство Среднихъ вѣковъ было первой формаціей мирнаго общества, идущаго окончательно смѣнить воинственное.

Между средневѣковой теократіей и открывающейся эрой всесвѣтной мирной ассоціаціи произошелъ огромный кризисъ, разрывъ, и вотъ сенсимонисты развиваютъ намѣченное уже у С.-Симона представленіе объ «органическихъ» и «критическихъ» эпохахъ.

Первыя—эпохи порядка, системы въ идеяхъ и начала власти въ обществѣ, вторыя—безпорядка, розни понятій и анархіи. Первыя характеризуются началомъ ассоціаціи, вторыя—антагонизма. Въ состояніи органическомъ господствуетъ іерархія, экономія силъ, энтузіазмъ; обще-

ственная цѣль ясно обозначена, и люди стройно направлены къ ней воспитаніемъ и законодательствомъ: всѣ явленія человѣческой дѣятельности классифицированы, предусмотрѣны, предписаны на основаніи всеохватывающей теоріи. Въ состояніи критическомъ всякая общность мысли, всякое совмѣстное дѣйствіе, всякаго рода согласованность прекращается, и общество представляетъ собою лишь безформенное скопленіе обособленныхъ другъ отъ друга индивидовъ, ведущихъ между собою борьбу.

Въ исторіи каждое изъ этихъ состояній занимало два періода. Первое органическое состояніе предшествовало критическому вѣку греческой философіи. Затѣмъ установилось новое ученіе (христіанство), которое прошло разныя фазы развитія и совершенствованія и постепенно укрѣпило политическое господство свое на Западѣ. Органическая эпоха преобладанія церкви идетъ до XV в., момента, когда реформаторы дали первый толчокъ критикѣ, продолжающейся до нашихъ дней. Сенсимонисты повторяютъ, такимъ образомъ, историческія построенія реакціи.

Органическія эпохи рѣшали, хотя бы неполно и временно, великія соціальныя проблемы. Эпохи критическія, моменты спора, протеста, ожиданія, перехода, наполняли промежутки между этими рѣшеніями сомнѣніемъ, равнодушіемъ къ великимъ проблемамъ и эгоизмомъ, необходимымъ послѣдствіемъ этого сомнѣнія и равнодушія. Въ органическія эпохи «цѣль, къ которой стремится общество, открыта для всѣхъ сердецъ, для всѣхъ умовъ». Власть принадлежитъ поистинѣ первымъ, выдающимся людямъ. «Человѣкъ сознаетъ, что совокупность явленій управляется Провидѣніемъ, благодѣтельной волей; самый принципъ человѣческихъ обществъ, законъ, которому они повинуются, представляется человѣку какъ бы выраженіемъ этой воли, и эта общая вѣра обнаруживается въ культѣ, который привязываетъ слабаго къ сильному, а сильнаго къ слабому». Въ органическія эпохи, наконецъ, «спеціальныя науки составляютъ какъ бы группу подраздѣленій общей концепціи основного догмата».

Критическія эпохи начинаются коллективной дѣятельностью, исходящей первоначально отъ людей наиболѣе симпатичныхъ и направленной къ разрушенію устарѣлыхъ формъ; но второй ихъ періодъ, проходящій между гибелью стараго и построеніемъ новаго, обнаруживаетъ глубокій разладъ между чувствами, разсужденіями и актами. «Человѣкъ утрачиваетъ пониманіе своей связи съ другими и связи своего назначенія съ общей судьбой. Онъ переходитъ отъ вѣры къ сомнѣнью, отъ сомнѣнія къ невѣрію или, лучше сказать, къ отрицанію старой вѣры, потому что это отрицаніе само есть новая вѣра: онъ вѣритъ въ фатальность, какъ раньше вѣрилъ въ Провидѣніе; онъ любитъ, онъ воспѣваетъ безпорядокъ, какъ раньше обожалъ и прославлялъ гармонію. Науки не составляютъ болѣе энциклопедіи; онѣ раздроблены, въ ихъ средѣ нѣтъ интеллектуальной іерархіи; какъ бы ни было велико со-

браніе ихъ данныхъ, это лишь—скопище безъ всякаго внутренняго сцѣпленія.

Въ такія эпохи, когда всѣ соціальныя связи разбиты, массы лишь отчасти чувствуютъ огромный пробѣлъ, открывающійся въ моральной сферѣ; пробѣлъ этотъ заполненъ для нихъ чрезмѣрнымъ напряженіемъ умственной или матеріальной дѣятельности, лишенной, однако, симпатической цѣли, не возвышаемой любовью. Но высшіе умы съ ужасомъ созерцаютъ бездну: моральная пустота то влагаетъ имъ въ уста горькую и кровавую сатиру, то внушаетъ имъ пѣсни печали и отчаянія. Въ такія то эпохи появляются Ювеналы, Персіи, Гёте и Байроны».

Характеристики эти воспроизводятъ во многомъ картины, созданныя воображеніемъ реакціи. Мы встрѣчаемъ знакомое исканіе элементовъ вѣры среди невѣрія, встрѣчаемъ ту же нелюбовь къ кризисамъ и почитаніе авторитета. Сенсимонисты также спѣшили опять къ властной организаціи, опять къ «гармоническому» спокойствію. Но при этомъ они были убѣждены, что человѣчество двигается огромными шагами впередъ: они искали «закона прогресса».

Они видѣли этотъ законъ въ постепенномъ высвобожденіи личности, въ ослабленіи эксплуатаціи человѣка человѣкомъ и въ ростѣ объединяющей людей мирной ассоціаціи, направленной къ пользованію всѣми богатствами и матеріальными данными земного шара. Въ этомъ процессѣ они отмѣчали рядъ стадій и послѣдовательныхъ противоположностей, проходящихъ въ исторіи: господа и рабы; патриціи и плебеи; сеньёры и крѣпостные; землевладѣльцы, арендаторы; праздные и рабочіе. Они указывали далѣе восходящій рядъ соціальныхъ группъ, семью, городскую общину, націю, церковь, въ сферѣ которыхъ вращалась жизнь личности въ восходящемъ историческомъ теченіи. Сначала между этими группами и внутри нихъ идетъ непрерывная борьба, но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе объединеніе растетъ, группы становятся шире, пока изолированное состояніе людей не замѣнится тѣсною связью всѣхъ во всемъ мірѣ.

На этой высотѣ не надо будетъ оплакивать исчезновеніе любви къ отечеству, потому что это не что иное, какъ эгоизмъ націй. Водворится единая религія, выраженіе коллективной мысли человѣчества. Революція совершила великое преступленіе тѣмъ, что допустила «осквернение алтаря скандальной равноправностью культовъ». Не нужна будетъ и уродливая незаконнорожденная система гарантій нынѣшнихъ конституцій, основанная на недовѣріи къ власти. Она годилась только для критической эпохи революціи. Пришло время, когда на землѣ опять можетъ господствовать законная власть. Исчезнетъ и промышленная конкурренція народовъ съ ея неизбѣжными кризисами, и принципъ безграничной свободы экономическихъ отношеній, потому что въ глазахъ сенсимонистовъ, это—также остатки стараго состоянія взаимной борьбы, истребленія и эксплуатаціи человѣка человѣкомъ.

Въ «Изложеніи доктрины С.-Симона» (1829), т. е. въ позднѣйшихъ толкованіяхъ секты, можно найти любопытное возраженіе противъ оптимистической теоріи самопроизвольнаго прогресса, развивающагося при помощи роста техники и на основѣ безграничной личной инціативы, той теоріи, которая слагалась подъ непосредственными впечатлѣніями промышленнаго переворота. Безконечное число примѣровъ,—говорится здѣсь—опровергаетъ убѣжденіе, будто личный интересъ всегда находится въ гармоніи съ интересомъ общимъ... «Не очевидно ли, что если общество видитъ свой интересъ въ устройствѣ паровыхъ машинъ, то рабочій, живущій трудомъ рукъ своихъ, не можетъ присоединить своего голоса къ мнѣнію общества? Обыкновенно, указываютъ на примѣръ типографіи, занимающей въ настоящее время больше людей, чѣмъ было переписчиковъ до ея изобрѣтенія, и отсюда дѣлаютъ тотъ выводъ, что подъ конецъ все уравняется». «Удивительное заключеніе! А до полнаго завершенія этой нивеллировки, что же будемъ мы дѣлать съ этими милліонами заморенныхъ голодомъ людей? Утѣшатъ ли ихъ наши разсужденія? Потерпятъ ли они со своей нищетой, потому что статистическія вычисленія доказываютъ, что по прошествіи извѣстнаго числа лѣтъ у нихъ будетъ хлѣбъ? Несомнѣнно, здѣсь механика ничего не понимаетъ... но соціальное предвидѣніе должно слѣдить, чтобы завоеванія индустріи не были похожи на захваты войны; погребальныя пѣсни не должны болѣе примѣшиваться къ пѣснямъ радости».

Сенсимонисты видѣли ясный и безусловный выходъ въ новой систематизаціи общества, въ томъ, что одинъ изъ нихъ назвалъ «туго стянутой централизаціей». Но можно ли въ дальнѣйшемъ предполагать новую смѣну органическаго состоянія критическимъ, можно ли думать, что прогрессъ будетъ вѣчно волнообразнымъ? Сенсимонисты выставляли въ отвѣтъ на это формулу «окончательнаго христіанства», «окончательнаго состоянія, къ которому идетъ человѣчество». Значитъ ли это, что прогрессъ остановится? Нѣтъ, онъ будетъ итти скорѣе, чѣмъ когда либо, но неизмѣнно и навсегда сложится та политическая или соціальная комбинація, которая наиболѣе благопріятствуетъ прогрессу. Общество устроится для того, чтобы прямо, исключительно служить прогрессу, и въ этомъ смыслѣ организація будущаго есть строй окончательный. Весь міръ движется къ единству ученія и дѣятельности. Девятнадцатый вѣкъ увидитъ наступленіе Божьяго царства на землѣ.

Послѣ того, какъ прошумѣли драматическіе эпизоды первыхъ лѣтъ жизни сенсимонистской общины, послѣ того, какъ поблекли ея много разъ повторенныя формулы мірового обновленія, а сами бывшіе мистики, люди видѣній, вѣры въ таинственные голоса и наитія, стали въ свои зрѣлые годы во главѣ банковъ, желѣзнодорожныхъ предпріятій, сооруженій каналовъ и т. д., въ остаткѣ и для адептовъ секты, и для окружающихъ получилось весьма отчетливое и реальное сознаніе, что подъ громкой фразеологіей крылась дѣйствительная религія, но религія...

индустріализма и капитализма. Не царомъ, въ самомъ началѣ секта видѣла, среди современной анархіи единственный многообѣщающій шагъ къ порядку именно въ развитіи банковыхъ, кредитныхъ учрежденій и мечтала о великомъ, единомъ, направляющемъ, всемірномъ банкѣ.

Въ этомъ смыслѣ она хваталась за новый общественный элементъ, она идеализировала фактъ, быстро развивавшійся впередъ. Но общій соціальный принципъ она брала у реакціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ она, такъ же какъ реакція, стояла подъ очарованіемъ великой катастрофы революціи, точно заколдовавшей въ неподвижности соціально-историческую мысль. Нѣчто совершенно единственное видѣлось многимъ въ этомъ переворотѣ, какая-то грань двухъ міровыхъ періодовъ, точно Ветхаго и Новаго Завѣта. Революцію не съ чѣмъ было сравнить въ прошломъ, невозможно было представить что либо аналогичное ей въ будущемъ. Она уже не казалась французскимъ или европейскимъ только событіемъ; ее не могли свести на мѣстныя рамки и условія, отрѣзать для нея въ прошломъ опредѣленные подготовительные моменты, два или три вѣка; къ революціи точно готовило все предшествующее развитіе рода человѣческаго на землѣ; это точно былъ земной катаклизмъ, общій потопъ или второе пришествіе. Революція стояла серединой между возникновеніемъ человѣчества и его отдаленными будущими цѣлями; она давала отгадку всего движенія, которое уже осуществилось, освѣщала сразу всю его господствующую линію.

Поэтому для сенсимонистовъ народы, отдѣльныя общества совершенно тонули въ рамкахъ человѣчества; поэтому они говорили о разъ случившихся неповторяемыхъ событіяхъ; поэтому и въ прошломъ, и въ перспективѣ будущаго они знали только то, что было, есть и совершится одинъ разъ.

Р. Випперъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Примѣчаніе. Въ прошлой книгѣ вслѣдствіе перестановки столбцовъ получился искажающій смыслъ порядокъ изложенія. Отрывокъ, начинающійся на стр. 115 со словъ «Вождемъ новѣйшихъ заблужденій реакціонной школы», и т. д. и кончающіяся на стр. 117 словами: «несокрушимымъ твореніемъ природы?»—должно помѣстить на стр. 120 послѣ словъ: «нѣмецкому публицисту Адаму Мюллеру» и передъ словами: «Удивительно интересна въ этомъ превращеніи» и т. д.

Слѣд. продолженіемъ къ словамъ на 115 стр. «Необъятная таинственная сила»—служатъ на стр. 117 слова: «Въ своихъ мечтаніяхъ о предстоящемъ наступленіи».

ИЗЪ А. МИЦКЕВИЧА.

I. Разговоръ.

Ахъ, милая моя! Что̀ пользы въ разговорахъ?
Когда съ тобой порывъ я жажду раздѣлить,
Зачѣмъ нельзя души мнѣ въ душу перелить?
Къ чему дробить ее на тѣ слова, въ которыхъ
Исчезнетъ страсти жаръ и нѣги ароматъ,
Пока они, сквозь слухъ, до сердца долетятъ?..

Люблю... о, какъ люблю! Въ мечтахъ зову, лелѣю...
А ты печалишься, ты недовольна мной,
Что высказать тебѣ любви я не умѣю,
Что предъ тобой стою съ безмолвною тоской:
Какъ въ летаргіи я, и у меня нѣтъ силы
Встряхнуться, закричать, чтобъ избѣжать могилы..

Попыткой тщетною къ чему себя томить?—
Теперь къ устамъ твоимъ хочу прильнуть своими,
Чтобъ сердца трепетомъ, да вздохами нѣмыми,
Да поцѣлуями съ тобою говорить,—
И такъ проговорить часы, и дни, и лѣта,
И до скончанія, и по скончаньи свѣта.

II. Первохудожникъ.

Онъ создалъ музыку: созвавши хоръ духовъ,
Онъ съ нимъ въ гармонію привелъ сердца людскія,
Какъ струны гулкія напрягъ онъ всѣ стихіи
И, потрясая ихъ ударами громовъ,
Играетъ и поетъ Онъ пѣснь одну отъ вѣка,
Но мысль, въ ней скрытая, темна для человѣка...

Онъ создалъ пластику: Онъ начерталъ узоръ
На небѣ и волнѣ велѣлъ, чтобъ отражала,
Титановъ образы изсѣкъ на гребняхъ горъ
И въ глубинѣ земли отлилъ ихъ изъ металла.
Но шелъ за вѣкомъ вѣкъ,—въ твореньи міръ земной
Изъ думъ Создателя не понялъ ни одной...

Онъ создалъ рѣчи звукъ: Онъ свой завѣтъ словами
Передъ людьми открылъ, чтобъ, слыша, міръ прозрѣлъ,
И книгу тайную предвѣчныхъ думъ и дѣлъ
Онъ самъ истолковалъ примѣромъ, чудесами...
И что жъ? Онъ былъ великъ, одѣтый въ мракъ и громъ,
Но міръ Имъ пренебрегъ, познавши брата въ Нёмъ...

Земной художникъ, что жъ предъ Нимъ твои творенья:
Картины, статуи, мелодіи, слова?
Но жалуешься ты, что дѣлъ твоихъ значенья
Не поняла толпа, что ихъ чернитъ молва...
Взирай же на Творца и въ Немъ учись терпѣнью,
Непонятый людьми иль преданный глумленью!..

А. Колтоновскій.

РИШТАУ.

Повѣсть.

(*Окончаніе* *).

IX.

Выѣхать рѣшили завтра утромъ. Необходимо было остановиться по пути въ городѣ, разспросить подробности относительно дороги и мѣста, сдѣлать кой-какія покупки. По счастливой случайности, сейчасъ же у въѣзда въ городъ они встрѣтили „коллегу-естественника", который собирался къ нимъ и обо всемъ зналъ изъ первыхъ рукъ.

— Совсѣмъ засыпало! Нѣтъ надежды. Становой уже туда уѣхалъ. Я хотѣлъ было къ нему присоединиться и коня досталъ, да опоздалъ... А вы куда?

— Мы тоже туда.

— И Елена Ивановна?

— Какъ видите!

Студентъ удивленнымъ взглядомъ скользнулъ по фигурѣ дѣвушки, ловко и свободно сидѣвшей въ мужскомъ сѣдлѣ. Она печально глядѣла въ даль на горы и, повидимому, не замѣчала, что они говорятъ...

— И такъ, вы подождете! Я сію минуту, у меня все готово...

— Да вѣдь мы, пожалуй, поѣдемъ туда, дальше...

— Къ нему? Чудесно... это мнѣ нравится... Конечно, я съ вами. Ружье взять, сухарей взять и что еще?..

— Хорошо! Мы возьмемъ васъ... — отвѣтилъ, неторопясь Юрій.—Мы васъ возьмемъ... Ничего не берите кромѣ ружья и бурки; у насъ все есть. Да кстати: мѣшокъ возьмите.

Юрій не особенно долюбливалъ этого юношу, но соображеніе, что, пожалуй, Елену гдѣ-нибудь придется оставить въ дорогѣ или аулѣ и что тогда онъ будетъ для нея подходящій товарищъ, за-

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь.

ставило принять предложеніе студента. Часъ спустя, они выѣхали на морской берегъ и песками двинули въ обходъ залива.

Солнце уже припекало и путь былъ крайне тяжелъ. Копыта лошадей съ глухимъ шипѣніемъ мѣсили крупно-зернистый, морской песокъ. Животныя часто спотыкались и подскакивали, натыкаясь на укрытые въ наносахъ валуны. Небо было знойное, ярко-голубое; въ воздухѣ царила тишина. Тѣмъ не менѣе, море подъ ударами далекой, невидимой бури бушевало яростно и бросалось на берегъ. Мѣрный гулъ волнъ и ихъ мощное движеніе, кажущееся произвольнымъ въ тихомъ воздухѣ, пріобрѣтало удивительный характеръ. Море казалось живымъ великаномъ. Измученныя мысли уходили по его гребнямъ далеко, въ безконечность, какъ бы отыскивая причину его гнѣва. Ропотъ замирающаго прибоя и плавно наростающій шумъ новыхъ валовъ мѣрно смѣнялись, точно страхъ и надежда въ взволнованной душѣ.

Елена съ неослабѣвающимъ интересомъ слѣдила за каждымъ новымъ всплескомъ, смотрѣла, какъ волна зарождается на пучинѣ, затѣмъ приближается со стономъ къ землѣ, наростаетъ, вскипаетъ, завивается, втягиваетъ внутрь, подъ себя свои жилистые стекловидные плёсы, и какъ туда, въ разскрытую до дна ея пасть, катятся съ ревотомъ раковины и прибрежные камни; какъ затѣмъ волна назадъ выбрасываетъ ихъ, когда съ воемъ и грохотомъ упадетъ, наконецъ, на берегъ и поглотитъ его на мгновеніе, точно гигантская пѣнистая челюсть. Дѣвушкѣ было удивительно пріятно, когда та же мощная волна, вслѣдъ за тѣмъ тонко разливалась и длинными жемчужными языками робко лизала дорожку подъ копытами ея коня. Часто приходилось ѣхать въ водѣ, до того дорожка была узка, а дальше вздымались утесы. Такъ всю дорогу обдавало ихъ брызгами море, и, казалось, достаточно чуть-чуть дунуть вѣтру, и море смоетъ ихъ совсѣмъ. Въ сравненіи съ этой холодной, неумолимой стихіей, куда привѣтливѣе казались имъ ожидающія ихъ зеленыя, позлащенныя солнцемъ волны горъ съ теплыми фіолетовыми тѣнями въ ущельяхъ и долинахъ.

Юрій частенько поглядывалъ на море, но его больше занимали сѣдыя, курчавыя тучи, нѣтъ-нѣтъ проплывавшія мимо солнца. Всѣ они направлялись къ горамъ и охотникъ ждалъ дождя и вѣтра. Вскорѣ тучи заполнили все небо. Море потемнѣло и на немъ густо засверкала желтая пѣна. Вѣтра, впрочемъ, все еще не было и горячій, удушливый воздухъ давилъ, какъ свинецъ. Стороною вдали проходили сѣрыя ленты ненастья и нѣмыя, блѣдныя молніи чертили небо. Море черное, какъ смола, ревѣло все яростнѣе. Наконецъ, вѣтеръ вдругъ хлынулъ къ берегу. Подхваченные имъ песокъ и камни ударили въ лица ѣздоковъ, лошади повернули головы въ сторону и захрапѣли. Къ стону моря при-

соединился жалобный вой задѣтыхъ лѣсовъ, гудѣніе скалъ и рѣзкій свистъ вѣтра, разбитаго о грани утесовъ. Вдругъ все покрылъ ослѣпительный блескъ молніи и ужасный трескъ грома.

Путники были чрезвычайно рады, что близко уже высокій мысъ, за которымъ дорога сворачивала въ долину рѣки Чемчири, которой притокомъ былъ Урухъ. „Коллега-естественникъ“ полагалъ даже, что они спрячутся подъ дерево, такъ какъ дождь поливалъ изрядно. По дорогѣ мчались бурные потоки воды, лошади скользили, вода заливала глаза, а по бокамъ лѣсъ гудѣлъ подъ ливнемъ, точно огромный складъ пустыхъ бочекъ. Между тѣмъ они все ѣхали. Тогда только юноша понялъ, что это „не шутки“, и сталъ чрезвычайно веселъ. Онъ подпѣвалъ, посвистывалъ и ни за что не хотѣлъ надѣть бурки, подражая Юрію, который свою отдалъ Еленѣ и ѣхалъ подъ дождемъ ничѣмъ незащищенный, въ тонкой, прилипшей къ тѣлу рубахѣ, какъ бронзовая статуя всадника, покрытая мокрымъ холстомъ. Вскорѣ вода лилась струями съ каждаго угла вьюковъ, съ платья всадниковъ, съ каждаго волосочка лошадей. Къ счастію, дождь былъ теплый и вѣтеръ теплый, хотя порывистый. Пугали ихъ только частые, неожиданные удары грома и молніи. Багряное зарево ихъ сразу освѣщало темное, взволнованное небо и трепещущую долину, отъ горъ къ горамъ. Въ ихъ пронзительномъ свѣтѣ всплывали на мгновеніе даже мелкіе камешки на дорогѣ, струи бѣгущей воды, даже былинки и листочки растеній, лихорадочно бьющихся въ порывахъ бури. Затѣмъ гудѣлъ адскій громъ, тысячное эхо подхватывало, перекатывало, повторяло несчетное число разъ, и опять опускалась на все до слѣдующаго взрыва сѣрая завѣса дождя и тьмы. Такимъ образомъ, отъ молніи до молніи, больше руководясь инстинктомъ, чѣмъ зрѣніемъ, путники проѣхали нѣсколько часовъ по широкой, слабо-поросшей долинѣ. Затѣмъ, горы впереди стали сходиться и въ ихъ туманной стѣнѣ ясно прорѣзался до самаго дна проходъ. Это были извѣстныя ворота „Чертова ущелья“, одного изъ тѣхъ, которыя столько крови и жертвъ поглотили въ многочисленныхъ войнахъ Кавказа. Два зубчатые, темные утеса съ верхушками въ тучахъ, стерегли ихъ. Между этихъ стражей быстро проносились клубы грязно-желтыхъ облаковъ, какъ-будто тамъ горѣлъ огромный смоляной костеръ. Тучи тѣснились, сбивались въ воротахъ; по стремительному ихъ водовороту замѣтно было, какъ бѣшенно тамъ сталкивались вѣтры. Иногда молнія все разбивала своей кровавой лентой и освѣщала въ глубинѣ ущелья острыя уступы и нагіе утесы.

Передъ воротами путники остановились отдохнуть въ жалкомъ грязномъ „духанѣ“. Они приказали подать себѣ бутылку краснаго вина и осетинскаго сыру, а лошадямъ сѣна. Юрій вытеръ

животныхъ соломою и ввелъ подъ навѣсъ. Стоящій за прилавкомъ горецъ, съ обязательнымъ кинжаломъ за поясомъ, сказалъ имъ, что догадывается, кто они и куда ѣдутъ. Зная нѣсколько испорченныхъ русскихъ словъ, онъ выражалъ большое имъ сочувствіе, особенно Вихлицкому, про котораго рѣшительно говорилъ: „померъ садысь“.

Юрій, какъ только дождь пріутихъ, поторопилъ ихъ въ дорогу. „Чертово ущелье“ представляло рядъ голыхъ камней и утесовъ и еслибы тамъ застигла ихъ ночь, нечѣмъ было бы даже растопить костеръ. Еленѣ и студенту стало положительно холодно, когда они въѣхали въ это ущелье, гдѣ по чернымъ отвѣснымъ скаламъ свѣшивались и ползали сѣдые, какъ плесень, туманы. Моросилъ дождь холодный и мелкій. Вездѣ плескалась и струилась вода, но было относительно тихо въ воздухѣ. Громъ замолкъ, вѣтеръ ослабѣлъ и гулъ рѣки, бѣшено льющейся серединой ущелья, успѣшно боролся съ гуломъ уходящей за дальнія вершины грозы. Рѣка называлась Чемчири. Казалось что она состоитъ не изъ воды, а изъ какой-то рыжей, бѣлесоватой пряжи водяного пуху, взбитаго, встрепаннаго о бока и грани выполняющихъ дно рѣки валуновъ. Эти чудовищные клуба пѣны прыгали, перекатывались, кувыркались, крутились воронкообразно на одномъ мѣстѣ, точно грызли другъ друга, ловили за лапы и хвостъ и страшно при этомъ ревѣли. Вой, взвизгиваніе, стонъ—всѣ голоса отчаянія, бѣшенства, смерти и угрозы—звучали въ адской пѣснѣ этого водоворота, несмотря на эхо. Слышно было, какъ въ своихъ нѣдрахъ рѣка катитъ по дну огромные камни. Все дрожало въ ея руслѣ отъ бѣга волнъ: и воздухъ, и вода, и прибрежныя скалы. Путники чувствовали эту дрожь свозь ноги своихъ лошадей, осторожно, какъ по стеклу, перебиравшихся по влажнымъ, безпорядочно разбросанымъ плитамъ и горному мусору. Иногда тропинка подходила къ самому краю подмытаго рѣкою утеса, и тогда Елена съ ужасомъ отворачивала лицо, чтобы не смотрѣть внизъ. Голова у нея кружилась и, точно въ упоеніи, казалось ей, что ее тянетъ, чаруетъ и гложетъ этотъ ревущій змѣиный хаосъ, что еще немного и она бросится туда съ лошадью и утихнутъ навсегда мучительно бьющеся въ ея душѣ вопросы. Тогда ея умная горная лошадка, какъ бы угадывая опасныя мысли всадницы, взмахами головы брала у нея изъ рукъ поводья и, обнюхивая тропинку, шла осторожно по утесамъ. Дорога была невозможная, между тѣмъ здѣсь ѣздили даже на колесахъ. Мѣстами попадались обломки „арбъ“,—оси, дроги... Путники даже встрѣтили такую скрипучую туземную повозку, запряженную парой черныхъ буйволовъ, мокрыхъ, какъ только что вылѣзшія изъ воды крысы. Горецъ, въ порыжѣлой буркѣ и

грязной папахѣ, сидѣлъ на дышлѣ ярма, почти на крупахъ животныхъ и колотилъ ихъ сердито короткимъ, толстымъ прутомъ. Въ самой „арбѣ“ лежали мѣшки и сидѣли подъ большимъ полотнянымъ зонтикомъ женщины въ „чадрахъ“. Встрѣча случилась на уступѣ до того узкомъ, что всадникамъ для разъѣзда пришлось вернуться назадъ. Горцы, должно быть, знали, кто они такіе, потому что возница кивнулъ имъ головою, а женщины все время не спускали съ нихъ черныхъ глазъ, сверкавшихъ, какъ уголья, сквозь щели покрывалъ. Одна даже обернулась и неожиданно отдернула ткань съ лица. „Коллега-естественникъ“, который ѣхалъ послѣднимъ, съ восхищеніемъ замѣтилъ смуглое хорошенькое личико, бархатные глаза, прелестную и кокетливую, улыбку.

Продолжалось это не больше мгновенія, затѣмъ „чадра“ опустилась, и у поворота чернаго утеса на грузной „арбѣ“ опять скромно сидѣли бѣлыя, безличныя женскія фигуры подъ огромнымъ зонтикомъ и виднѣлись темныя, широкія, самоувѣренныя плечи мущины.

Дождь пересталъ. Облака поднялись вверхъ. Сквозь не видимыя пролеты межъ туманами и утесами проскользнули въ ущелье красные лучи заката и окрасили зазубрины и карнизы скалъ.

Рѣка, всадники, весь низъ долины, уже утопали въ густомъ, туманномъ сумракѣ, когда, наконецъ, каменный корридоръ расширился, образовалось нѣчто вродѣ котловины; вправо ушла узкая щель, а влѣво, за рѣкою, гдѣ горы подымались не такъ круто, на поросшемъ травою и рѣдкими кустами откосѣ блеснули огни.

— Аулъ! Мы на мѣстѣ!..

Они переѣхали рѣку по мостику, состоящему изъ нѣсколькихъ дюжихъ бревенъ, положенныхъ прямо на края обрыва. Мостъ гнулся и шевелился даже подъ однимъ ѣздокомъ. Оттуда по тропинкѣ путешественники поднялись на гору, гдѣ, точно ласточкины гнѣзда, лѣпились убогія „сакли“. „Сакли“ представляли низенькія, длинныя, каменныя строенія, съ плоскими крышами. Красное зарево огня било сквозь квадратныя отверстія оконъ и открытыя двери. Въ аулѣ путешественниковъ уже замѣтили. Нѣсколько горцевъ вышло наружу, женщины и дѣти робко высовывали головы изъ укромныхъ угловъ. Юрій подъѣхалъ прямо къ той избушкѣ, гдѣ среди другихъ мужчинъ, стояли два „чапара“ пристава, съ красными погонами на черныхъ черкескахъ.

— Да! Это вы господа!—привѣтствовалъ ихъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ становой приставъ, когда они вошли въ саклю.—И вы?— обратился онъ къ Еленѣ. — Рѣшились?!. Въ такую погоду? Сознаюсь, я не настолько отважень и вотъ страдаю... до завтра! Садитесь, барышня... виноватъ, не знаю отчества!.. Вотъ здѣсь... Садитесь, господа!

Онъ привѣтливо посторонился, уступая Еленѣ мѣсто у стола на низенькой, покрытой пестрымъ ковромъ „тахтѣ".

— Вотъ это хозяинъ дома, а этотъ — князь изъ сосѣдняго аула!—представилъ онъ двоихъ туземцевъ, которые протянули имъ въ привѣтствіе руки.

— А что?.. Свѣжій „шашлычокъ" бы хозяинъ! Конечно будетъ! У кавказцевъ безъ этого нельзя... Очень гостепріимный народъ... Уберите это!—Онъ кивнулъ головою на бутылки съ виномъ, рюмки и тарелку съ крохами сыра, стоящія на столѣ. Изъ толпы выскочилъ подручный, взялъ бутылки за шейки въ одну руку, тарелку временно поставилъ на полу и вытеръ столъ полою бешмета. Другіе изъ присутствующихъ подбросили хворосту на огонь, горѣвшій въ углу въ углубленіи глинянаго пола. „Сакля" наполнилась дымомъ и краснымъ свѣтомъ. Изъ мрака вдругъ выступили стройныя фигуры горцевъ, исключительно мужчинъ, столпившихся живописно у огня. Были тамъ и достаточные, хорошо одѣтые, и бѣдняки въ заплатаныхъ, даже порванныхъ бешметахъ и „чохахъ". Всѣ были вооружены и блескъ огня красиво сверкалъ на серебряныхъ окладахъ ноженъ и рукояткахъ кинжаловъ. На груди блестѣли у многихъ „газыри", и у всѣхъ блестѣли глаза, съ любопытствомъ обращенные на блѣдное лицо и русые волосы пріѣзжей красавицы.

— Хорошо, что пріѣхали... Случай, а мнѣ удобно... Нужно писать рапортъ, между тѣмъ я имя и отчество Вихлицкаго забылъ... Вотъ вы мнѣ и скажете... Вѣдь вы съ нимъ кажется, состояли въ дружбѣ... Вѣдь онъ у васъ лѣчился... Охъ, охъ!.. Знаемъ мы все!.. Потеряете вы жизнь когда-нибудь на этихъ охотахъ, Юрій Эдуардовичъ! — погрозилъ онъ съ улыбкой Страсевичу.—А, можно спросить, зачѣмъ вы собственно пріѣхали?!. Вещи, оставшіяся послѣ него, мы должны отправить въ Общество.. Онъ вамъ что-нибудь долженъ?

— Конечно, мы не за этимъ: мы хотимъ пробраться къ нему!

Чиновникъ помолчалъ, затѣмъ пожалъ плечами.

— Развѣ ангелъ на крыльяхъ пролетитъ къ нему!.. Былъ я тамъ сегодня. Ущелье завалено до верху. Скалы прямо отвѣсныя, а высокія—взглянешь, шапка летитъ! Обломки все еще сыплются,— подойти нельзя! Еслибъ была малѣйшая возможность, повѣрьте господа, я не сидѣлъ бы здѣсь! Хотятъ идти туда! — обратился онъ насмѣшливо къ князю, который сидѣлъ поодаль, опираясь на шашку.

— Про-палъ! — кратко отвѣтилъ тотъ и погладилъ сѣдую бороду.

Вскорѣ былъ поданъ шашлыкъ, изжаренный тутъ же у огня, и красное вино. Юрій не позволилъ ошеломить себя отчаяннымъ

разсказомъ пристава и исподволь, за ужиномъ, сталъ выспрашивать то черезъ немного знающаго по-русски князя, то черезъ переводчика „чапара“, у присутствующихъ о томъ, какъ случился обвалъ, о длинѣ и направленіи ущелья. Горцы охотно отвѣчали ему, удивленные и подкупленные его знаніемъ нѣкоторыхъ хребтовъ и общаго характера ихъ родныхъ горъ. Въ концѣ-концовъ оказалось, что существуетъ еще одинъ путь въ закрытое ущелье, хребтами черезъ ледники Риштау. Для этого необходимо было обогнуть гору и взойти на нее съ другой стороны, затѣмъ краемъ пропасти, по вѣчнымъ снѣгамъ, миновать два ущелья и спуститься внизъ въ третье. Но эта дорога была настолько трудна, что никто изъ присутствующихъ не соглашался идти въ проводники.

— Даю сто рублей, если найдемъ живого или тѣло, а половину, если... совѣмъ не удастся!—предлагалъ Юрій. Никто не подалъ знака.

— Что же!?. Соглашайтесь кто!.. Хорошая плата: сто рублей за три дня труда...—подзадоривалъ ихъ полицейскій чиновникъ, тоже подкупленный отвагой и знаніемъ Юрія.

— А вы, барышня, пойдете?..

— Да, я пойду!

— Вотъ видите: барышня идти хочетъ, а вы неужели боитесь?.. Неужели никто не найдется?!.

Толпа колыхнулась, но никто не отозвался.

— Пойдемъ одни. Только ты, Юрій, хорошенько разспроси дорогу!—рѣшительно сказала Елена.

— Вотъ молодцы! Прямо герои!.. Люблю! А теперь совѣтую вамъ, а особенно барышнѣ отправится на отдыхъ. Пятьдесятъ верстъ верхомъ не шутка. Устали небось! Хозяинъ давно уже ждетъ... Здѣсь „кунацкая“, здѣсь мы, мужчины, размѣстимся, а вы туда пойдете!..

Елена отправилась съ хозяиномъ въ сосѣднюю клѣть, куда ходъ былъ со двора. Тамъ ее окружили женщины. Онѣ мягко ей о чемъ-то щебетали, ласкали ее золотистую косу, ощупывали незнакомое платье.

— Гдѣ... гдѣ это?—спрашивала ихъ дѣвушка, поясняя жестами. Туземки повели ее къ дверямъ и показали огромный снѣговой колпакъ Риштау, покоившійся, точно на престолѣ, на грудѣ безпорядочно наваленныхъ другъ на друга вершинъ. Тонкое удлиненное облако перерѣзало въ половинѣ бѣлую громаду: вверху мерцали звѣзды съ прояснившагося неба и, точно вздохи, неслись оттуда по временамъ ледяныя струи вѣтра.

— Какъ холодно, какъ страшно холодно должно быть теперь тамъ!..—прошептала, содрогаясь и сдерживая слезы, дѣвушка. Она долго стояла, прислушиваясь къ однообразному шуму водопадовъ.

Наконецъ, хозяйка—молодая, стройная женщина—робко коснулась ея плеча и съ привѣтливой улыбкой, показала на скамью, застланную ковромъ и подушками.

Огонь догорѣлъ. Въ „кунацкой“ и сосѣднихъ „сакляхъ“ давно уже исчезъ свѣтъ, умолкли голоса; только ревѣла бѣгущая рѣка да отпущенныя на пастбище лошади дрались и визжали.

X.

— Дашь сто! А если найдемъ живого, добавишь по своей щедрости... А если самъ откажешься идти дальше, то... тоже дашь сто! — говорилъ Юрію молодой сванетъ, а „чапаръ“ переводилъ слово за словомъ. Горецъ, предлагающій себя въ проводники, былъ невысокъ, но жилистъ и плотенъ, точно узелъ каната скрученный изъ мышцъ и костей. Голову его покрывала плохая „папаха“—вѣрнѣе кусокъ грязной овечьей кожи руномъ вверхъ, на спинѣ — кафтанъ „безрукавка“, тоже шерстью наружу, на ногахъ — лоснящіяся отъ жиру порты, подвязанные у щиколки крестъ на крестъ ремнями „чевякъ“. Обнаженныя, загорѣлыя, темныя какъ бронза, его узловатыя руки небрежно покоились на длинномъ пастушескомъ посохѣ, обращенномъ кривизною къ землѣ. За спиною у него висѣла винтовка. Смѣлые, голубые глаза и русые волосы странно сочетались съ татарскими чертами мѣднаго юнаго лица, а вся фигура сильнымъ, сочнымъ, красивымъ пятномъ ложилась на радужномъ фонѣ Риштау, который, какъ громадная птица, казалось, взлеталъ на тучахъ, туманахъ и лучахъ бьющаго на него снизу жара.

— Пища твоя и лошадь твоя! Мы оттуда тридцать верстъ поѣдемъ въ сторону и опять спустимся въ долину!.. — добавилъ сванетъ.

Юрій, послѣ краткихъ соображеній, согласился и сейчасъ же нанялъ лошадей. Пока ихъ поймали, засѣдлали, пока новый проводникъ собирался въ путь, Юрій попросилъ одного изъ туземцевъ сводить его показать обвалъ.

Дѣйствительно, разсказчики были правы: здѣсь надолго, возможно—навсегда проходъ для людей сталъ невозможенъ. Высокая, вровень съ прилегающими утесами стѣна осыпи отрѣзала долину отъ остального міра. Камни, неустойчивые и острые, уничтожали возможность взобраться по нимъ на запруду. Какъ послѣдняя вѣсточка съ той стороны, сочился только изъ подъ упавшихъ глыбъ маленькій, тихій ручеекъ—наслѣдникъ бѣшенаго нѣкогда Уруха. Юрій внимательно все осматривалъ, ходилъ, опять возвращался и впервые въ жизни понялъ, что такое ужасъ.

Двинулись путешественники въ дорогу, провожаемые съ признаками глубокаго уваженія властями и всѣми жителями „аула“, напутствуемые всякими совѣтами и пожеланіями. Опять переѣхали они жалкій мостикъ и свернули дальше вверхъ къ истокамъ Чемчири. Но не больше, какъ за десять верстъ отъ деревушки, они оставили дно ущелья и по отчаянной тропинкѣ, вьющейся зигзагами по крутому откосу, стали подыматься на перевалъ. „Коллега-естественникъ“ сначала не повѣрилъ, что лошади взойдутъ по этой „лѣстницѣ“ и думалъ, что ихъ будутъ втаскивать вверхъ на веревкахъ, о чемъ слыхалъ не разъ. Онъ уже радовался эффекту, который произведетъ это въ Петербургѣ, но разочаровался: лошади прыгали по скаламъ, какъ кузнечики, шли, поворачивались, останавливались совершенно свободно по уступамъ иногда не больше обычнаго стола. Онъ такъ увлекся наблюденіемъ за лошадьми товарищей, что не замѣчалъ движеній своего коня, точь-въ-точь продѣлывающаго то же. За переваломъ путешественники поѣхали узкой, глухой, совершенно голой щелью. Вывела она ихъ надъ головокружительной бездной, блѣдной и нѣмой, какъ сама смерть. Тишина царила здѣсь невозмутимая и только по временамъ проносился хриплый крикъ проводника-сванета, многократно повторяемый отголосками. Такимъ образомъ онъ предостерегалъ отъ возможнаго столкновенія ѣдущихъ съ той стороны, когда ихъ поѣздъ вступалъ на карнизы скалъ до того узкія, что о поворотѣ или разъѣздѣ не могло быть рѣчи. Даже съ коня сойти мѣстами было немыслимо и одному изъ путниковъ въ случаѣ встрѣчи угрожала неминуемо гибель.

Дорога частенько шла по такимъ карнизамъ, то естественнымъ, то вытесаннымъ человѣческой рукою. Мѣстами тропинка была настолько узка, что вьюки цѣпляли за стѣну отвѣсно вздымающихся надъ нею скалъ. Лошади, насторожа уши, широко раздувая ноздри, шли все время чутко, нервно, точно канатные танцовщицы, и жались къ утесамъ подальше отъ опаснаго края. Это тоже имѣло свои неудобства, потому что недостаточно осторожный ѣздокъ могъ задѣть ежеминутно плечомъ или головою за неровность, нависавшаго надъ нимъ полусвода, а этого было совершенно достаточно, чтобы сбросить и себя, и коня въ сѣдую бездну, гдѣ далеко внизу кружились орлы, кажущіеся отсюда не болѣе комаровъ и мухъ.

Наконецъ, затѣняющіе видъ утесы оборвались и передъ путниками открылась безпредѣльная панорама на изгибы, хребты и горбы горъ, уступами опускающихся къ морю. Всѣ гребни были темные, курчавые отъ лѣсовъ, изсиня туманные отъ воздушной дали. Въ ущельяхъ сверкали ниши рѣкъ. Блѣдныя, квадратныя плѣши воздѣланныхъ полей виднѣлись кой-гдѣ на скатахъ; кой-гдѣ бѣлѣли аулы, а далеко на краю горизонта, какъ горчичное

зерно, горѣло въ лучахъ солнца мѣстечко. Еще дальше—голубое море и голубое небо сливались въ одно.

Надъ собою путники чувствовали холодную верхушку Риштау, но не видѣли ее, такъ какъ имъ мѣшали высокіе ближайшіе утесы.

Отсюда дорога пошла еще круче внизъ, но не показалась имъ очень непріятной, потому что шла не по обрыву, а по откосу, поросшему кустами и буковымъ лѣсомъ. Было на чемъ остановиться взорамъ—и въ случаѣ чего—ногѣ. Къ букамъ вскорѣ присоединились грабы, тисъ, дубы, и въ подлѣскѣ къ орѣшнику подмѣшался кизиль. Знойный, насыщенный знакомымъ ароматомъ воздухъ долинъ обвѣялъ ихъ и имъ, привыкшимъ уже къ живительному воздуху вершинъ, стало душно. Ліяны, виноградная лоза, воздушный хмѣль, темный, курчавый плющъ опять густой сѣтью оплели деревья, опутали ихъ мощныя пни и вѣтви. Рощи грецкихъ орѣховъ, сладкихъ каштановъ, тутовыхъ деревьевъ, разнообразныхъ плодоносныхъ растеній смутили и украсили суровую простоту и однообразіе нагорныхъ лѣсовъ, ниспадающихъ сюда концами своихъ складокъ. На тропинкѣ, которая постепенно выровнялась и расширилась, показались признаки аула: слѣды копытъ, пни срубленныхъ деревьевъ. Вскорѣ они услышали лай собакъ, а затѣмъ неожиданно выѣхали на маленькую среди лѣса полянку. Посерединѣ, на бугоркѣ, скрытая среди ярко зеленыхъ кистей высоко уже выросшей кукурузы, стояла низенькая сакля, сложенная изъ бѣлаго камня. Проводникъ остановился у изгороди, слѣзъ съ лошади и крикнулъ. На зовъ вышла высокая, молодая женщина въ бѣломъ. При видѣ незнакомцевъ, она поспѣшно надвинула на ротъ и подбородокъ, край повязаннаго на головѣ платка и попятилась назадъ. Она отвѣтила нѣсколько словъ, и проводникъ сейчасъ же сѣлъ спокойно подъ заборомъ.

— Мужикъ нѣ-ту!.. Мы си-ды — она хо-ды! — сказалъ онъ Еленѣ.

Дѣвушка сейчасъ же направилась въ домъ, а мужчины долго сидѣли, въ ожиданіи хозяина, не снимая вьюковъ изъ сѣделъ. Когда горецъ явился, то, послѣ краткаго разговора съ проводникомъ, онъ пригласилъ ихъ немедленно съ обычной у туземцевъ вѣжливостью, угостилъ, чѣмъ могъ, и согласился принять на сохраненіе лошадей и вещи, такъ какъ отсюда начинался уже для нихъ пѣшій путь.

На другой день они тронулись съ разсвѣтомъ. У мужчинъ были за плечами тяжелые дорожные мѣшки, а въ рукахъ берданки. Елена тоже несла небольшой грузъ, а вмѣсто ружья — крѣпкій посохъ съ желѣзнымъ наконечникомъ. Они вступали въ части горъ мало извѣстныя, дикія и совершенно безлюдныя. Про-

водникъ утверждалъ, что былъ здѣсь нѣсколько разъ; Юрій тоже заходилъ какъ-то разъ за „джеранами“. Но оба они въ поискахъ дороги болѣе разсчитывали на общее представленіе о характерѣ мѣстности и свой горный инстинктъ, чѣмъ на свои прежнія воспоминанія. Сначала нѣкоторыя указанія представляли для нихъ сломанныя или надрубленныя вѣтви у чуть-чуть обозначавшихся тропъ; затѣмъ они искали старыя, заросшія „залѣсины“ на матёрыхъ деревьяхъ, но вскорѣ все это исчезло. Все чаще путники брели безъ дороги, пробирались по исполинскому лѣсу, перевитому лianами, колючкой, ежевикой, всякими кустами, въ которыхъ проходы пришлось прорубать кинжалами. И вездѣ встрѣчались имъ камни, неровности, скользкіе скаты — казалось не могло быть хуже. Между тѣмъ только когда они остановились у подошвы перваго подъема, вздымавшагося передъ ними исполинской, щетинистой дугою, Юрій сказалъ мягко:

— Это здѣсь. Мы хорошо прошли. Я узнаю мѣстность. Посмотри Лёля, какъ труденъ будетъ подъемъ! Не лучше ли тебѣ вернуться и подождать насъ въ саклѣ?

Дѣвушка рѣшительно закачала головой.

— Нѣтъ!

Послѣ короткаго отдыха началось восхожденіе. Мѣстами было до того круто, что они шли почти на четверенькахъ, придерживаясь за острую, крѣпкую траву, какая обыкновенно растетъ на каменистой почвѣ. Громадные выступы вывѣтрившихся породъ частенько пересѣкали имъ дорогу. Тогда имъ приходилось двигаться осторожно, ввиду хрупкости и узости этихъ скалистыхъ гребней, обыкновенно сильно сжатыхъ съ обѣихъ сторонъ, пропастями. Иногда имъ казалось, что они не взбираются, а ползутъ подъ огромной наваливающейся на нихъ громадой, между тѣмъ какъ подъ ними — бездна. Сванетъ постоянно опережалъ ихъ. Юрій вѣрно не отсталъ бы отъ горца, если бы рѣшился покинуть Елену, за которой онъ шелъ и слѣдилъ напряженно за каждымъ ея шагомъ, оберегалъ, чтобы она не поскользнулась или, чего Боже сохрани, не покатилась внизъ. Больше всего страдалъ и отставалъ студентъ.

— Да накажетъ васъ Господь Богъ за меня! Что вы со мной дѣлаете? Куда бѣжите, какъ сумасшедшіе! Гора какъ печка, а они все прутъ безъ отдыха, точно по Невскому!..—кричалъ онъ. Онъ запыхался и немедленно садился, какъ только они останавливались хоть на мгновеніе.

Сванетъ смотрѣлъ на него и сомнительно качалъ головою.

— Чай скоро ли будетъ? Эти веревки отъ мѣшка ужасно рѣжутъ мнѣ тѣло... Уже понатеръ я себѣ раны... Необходимо перевязать!..

— У всѣхъ рѣжутъ! — утѣшалъ его Юрій. — А чай будетъ не скоро. Мы должны пройти три горы. Ближе нѣтъ воды. Вы вернитесь лучше...

— Вернусь съ Еленой Ивановной, но не иначе! Иначе мнѣ... стыдно! Вѣдь и взятъ-то я въ качествѣ пажа... — шутилъ студентъ, опять веселый, лишь только отдышался. Юрій былъ увѣренъ, что они рано или поздно отстанутъ, что ему удастся уговорить Елену въ подходящій моментъ. Поэтому онъ въ началѣ не особенно настаивалъ. Дѣвушка, однако, несмотря на блѣдность лица и затрудненное дыханіе, не жаловалась и держалась вообще молодцомъ.

Солнце высоко поднялось на небо; пропасти, долины и горные хребты въ нихъ, потеряли тѣни, приплюснулись; голубоватая, знойная мгла покрыла ихъ; воздухъ задрожалъ надъ безднами и медленно поплылъ кверху. Несмотря на то, что путники шли большею частью лѣсомъ, жара надоѣдала имъ; потѣли они до того сильно, что потъ на груди и спинѣ, просачиваясь сквозь рубаху и блузу, образовалъ большія темныя пятна. Губы и языкъ ихъ трескались отъ жажды, а утолить ее было нечѣмъ, потому что здѣсь рѣдки источники на высотахъ. „Коллега-естественникъ“ до того истомился, что пилъ противную рыжую воду, съ массой насѣкомыхъ, которую сохраняли въ странныхъ углубленіяхъ корней, безобразно выгнутые на крутизнахъ буки и дубы.

Когда добрались до первой остановки, Елена и студентъ, окончательно истощенные, легли сейчасъ же на голой землѣ и мгновенно уснули. Юрій развелъ огонь, а сванетъ съ котелкомъ и чайникомъ спустился внизъ за водою.

Оттуда дорога стала менѣе утомительной. Правда, приходилось все взбираться и спускаться по огромнымъ зубцамъ гребня, но не встрѣчались уже подъемы и крутизны, какъ раньше. Проводникъ поторапливалъ, объясняя, что воды нѣтъ нигдѣ по пути до самой ночевки. Облако, плывущее отъ Риштау, задѣло ихъ своимъ крыломъ, прогремѣлъ громъ, дождь проливной и мелкій промочилъ ихъ мгновенно насквозь. Впрочемъ, это ихъ не задержало. Юрій утѣшалъ ихъ, что это обычный горный дождь, который падаетъ ежедневно послѣ обѣда и скоро проходитъ. Его предсказаніе оправдалось, и раньше, чѣмъ пришли въ котловину, гдѣ предполагалось ночевать, вѣтеръ сухой и теплый высушилъ ихъ одежду.

Остановились отдыхать не особенно поздно. Красные лучи заката еще блуждали въ коронахъ высокихъ пепельныхъ буковъ, которые образовали здѣсь могучую сплошную рощу. Сванетъ отправился на скалы, посмотрѣть нѣтъ ли козъ. Остальные развели огонь и распаковали вещи. Елена собралась за водой къ ключу

въ маленькій „ёрекъ“ *), но Юрій не отпустилъ ее одну. Они пошли вмѣстѣ. На поросшемъ папоротникомъ болотцѣ охотникъ показалъ ей многочисленные оттиски лапъ хищныхъ животныхъ и большія „пролежни“ кабановъ.

— Нѣтъ близко другого водопоя. Тутъ даже рысь и барсы заходятъ. А вотъ совсѣмъ свѣжій медвѣжій слѣдъ!..

Сванета, который вернулся ни съ чѣмъ, сильно заинтересовало извѣстіе о свѣжихъ медвѣжьихъ слѣдахъ, но по незнанію языка они не могли толкомъ разговориться.

Ночь наступила быстрая, южная, очень тихая и очень темная. Ихъ крошечный огонечекъ, чуть мерцающій среди мощной колонады деревьевъ, производилъ впечатлѣніе маленькой свѣтильни, горящей въ исполинскомъ ассирійскомъ храмѣ. Фигуры охотниковъ, крѣпкія, характерныя, частью скрытыя въ темнотѣ, частью багрово-красныя отъ свѣта костра, походили на бронзовыя статуи боговъ или воиновъ тѣхъ отдаленныхъ временъ. Вскорѣ мракъ до того сгустился, что кромѣ предметовъ, задѣтыхъ свѣтомъ огня, ничего въ лѣсу не было видно. Студентъ впервые сталъ постигать дѣвственные лѣса, пустыню — огромныя пространства, гдѣ живутъ и умираютъ въ глубокомъ молчаніи толпы деревьевъ, гдѣ шныряетъ безчисленное населеніе неизвѣстныхъ, невиданныхъ человѣкомъ твореній, гдѣ живетъ, помимо человѣка, по своимъ вѣковѣчнымъ законамъ мощная, самодовлѣющая жизнь. Несмотря на утомленіе, юноша не могъ уснуть и чутко вслушивался въ шопотъ деревьевъ, плывущій гдѣ-то верхами, среди утопающихъ въ темнотѣ буковыхъ вершинъ. Вдругъ необычная возня, писк и трескъ въ кустахъ, заставили его вскочить и схватиться за ружье, но Юрій, который тоже поднялъ голову, успокоилъ его:

— Летяги грызутся... Векши... Спите... Завтра опять двинемся до разсвѣта.

Студентъ послушался и почти уже спалъ, когда странное протяжное жужжаніе и осторожное движеніе товарищей вблизи снова разбудили его. Онъ присѣлъ и сейчасъ же замѣтилъ, что сванетъ и Юрій тоже сидятъ и, внимательно прислушиваясь, подтягиваютъ къ себѣ штуцера и патронташи. Тогда и онъ жадно схватился за свое ружье, но они пріостановили его порывистыя движенія гнѣвнымъ шопотомъ. Затѣмъ сванетъ принялся торопливо разбрасывать огонь а Юрій коснулся руки спящей Елены:

— Встань! Будемъ стрѣлять...

Бормотаніе, похожее на бормотаніе идущаго по дорогѣ одиноко быка, постепенно приближалось. Звѣрь шелъ прямо къ нимъ, обычною тропинкой на водопой. Вдругъ онъ умолкъ. По всей

*) Маленькое ущеліе.

вѣроятности замѣтилъ свѣтлыя клубы дыма, струящіяся изъ дурно затушенныхъ головней костра. Но онъ не остановился. Слышно было все ближе мѣрное шлепанье его лапъ и лёгкій стукъ когтей. Онъ сопѣлъ, и былъ такъ близко, что несмотря на мракъ, болѣе темное пятно, крупнаго его тѣла обрисовывалось довольно отчетливо во тьмѣ. Наконецъ, въ блѣдномъ заревѣ дальше всего отброшенной головни замелькала бурая, косматая морда. Въ тоже мгновеніе рѣзкій, кровавый блескъ прорѣзалъ мракъ и громъ выстрѣла смѣшался съ оглушительнымъ ревомъ медвѣдя. Еленѣ показалось, что земля дрожитъ подъ нею, и она безсознательно ухватила Юрія за рукавъ.

— Пусти! Что ты?!—прошипѣлъ тотъ, выдергивая поспѣшно свѣжій патронъ изъ патронташа.

Тамъ, гдѣ недавно горѣлъ костеръ, теперь черный кубарь ревѣлъ, щелкалъ зубами и кувыркался. Песокъ, полѣнья, искры, горящія уголья летѣли во всѣ стороны.

— Огонь... Зажгите огонь!—кричалъ Юрій.

Онъ боялся отойти на шагъ отъ Елены. Ему казалось, что раненный звѣрь катится именно къ ней. Минуту спустя одна изъ головешекъ поднялась на воздухъ, описала большую огненную ленту и зажглась желтымъ смолистымъ пламенемъ въ рукахъ сванета. Юрій немедленно прицѣлился съ колѣна и выстрѣлилъ. Звѣрь покатился и упалъ такъ близко отъ нихъ, что струя черной крови, брызнувшая ему изъ пасти, облила ботинки Елены. Онъ дышалъ, храпѣлъ, царапалъ когтями землю, но больше не всталъ.

XI.

Всѣ они согласно рѣшили, что „коллега-естественникъ“ останется на мѣстѣ сушить въ запасъ медвѣжье мясо и ждать ихъ возвращенія. Сванетъ рѣшительно утверждалъ, что юноша не взойдетъ на вершину, а дальше уже нѣтъ мѣстъ столь удобныхъ для стоянки. Юрій опять пробовалъ склонить къ тому же Елену.

— Клянусь тебѣ, что сдѣлаю все доступное для человѣческихъ силъ! Твое присутствіе будетъ только мѣшать намъ!

Ему показалось, что дѣвушка заколебалась, онъ настаивалъ долго и неотвязно. Она между тѣмъ молча раздумывала про себя. Допустимъ, что ея физическая неподготовленность задержитъ немного походъ, зато, она въ этомъ была увѣрена, вопреки всякимъ доказательствамъ, она это прекрасно чувствовала, что многое, кажущееся невозможнымъ, станетъ возможнымъ отъ одного ея присутствія. Юрій—хорошій, благородный юноша, искренно къ ней привязанъ. Тѣмъ не менѣе... „нашъ разумъ почти всегда

является слугою нашихъ желаній", вспомнила она фразу, сказанную когда-то Вихлицкимъ. Она смутно угадывала, что Юрій увѣренъ въ гибели Станислава. Она же сама все еще не разувѣрилась, все еще лелѣяла въ душѣ неопредѣленную надежду.

— Проводникъ говоритъ то же, что и я!—настаивалъ Юрій.

— Хорошо, будь увѣренъ, если замѣчу, что мѣшаю вамъ—прыгну въ пропасть!

Охотникъ посмотрѣлъ на нее тоскливо: пожалуй готова это сдѣлать!

— Послушайте,—серьезно сказалъ онъ передъ уходомъ студенту,—я вездѣ, гдѣ могъ, дѣлалъ по дорогѣ надрѣзы, затёсины на пняхъ, рубилъ вѣтки. По нимъ вамъ легко можно будетъ вернуться въ случаѣ чего назадъ въ саклю. Только будьте внимательны. Увѣряю васъ: разъ упущенныхъ слѣдовъ вы не найдете. Вернуться отсюда труднѣе, чѣмъ взойти. Всѣ развилки хребтовъ къ горѣ сходятся, а отъ горы расходятся. Возвращаясь вы наткнетесь на массу сомнительныхъ мѣстъ: и тутъ „шиханъ", и тамъ „шиханъ", и всѣ они очень похожи другъ на друга и часто самый, повидимому, подходящій будетъ не настоящій. Теперь вы даже не замѣтили ихъ, тогда всѣ они всплывутъ. Не довѣряйте вашему разсужденію. Ищите мѣтокъ, иначе заблудитесь и придется искать и васъ. Можете здѣсь поохотиться. На скалахъ встрѣчаются козы и всякій звѣрь ходитъ къ ключу. Но будьте осторожны. Кабана не стрѣляйте спереди, а медвѣдя не стрѣляйте ни вечеромъ, ни ночью... Не совѣтую: вы не умѣете, и онъ еще бросится на васъ. Рысей и барсовъ не трогайте... Мясо на ночь вѣшайте высоко на вѣтви, иначе вамъ его растащутъ шакалы. Смотрите также, чтобы не поѣли у васъ муравьи. Будьте осторожны... далеко не уходите, не спускайтесь въ пропасти... Держитесь знаковъ, повторяю: держитесь знаковъ! Говорю все это на случай, если... не вернемся!.. Ну, прощайте!

Слезы навернулись на глаза милаго „коллеги". Онъ разцѣловалъ многократно Юрія, хотѣлъ поцѣловать Елену, хотѣлъ поцѣловать даже сванета, но тотъ равнодушно курилъ свою трубочку, не проявляя ни малѣйшей къ тому охоты. Долго махалъ онъ отходящимъ шляпою, и кричалъ, и трубилъ вмѣсто рога въ дуло своего ружья. Въ глубинѣ души онъ былъ чрезвычайно радъ, что они не потащали его съ собой дальше и, весело посвистывая, принялся строить коптилку. Только когда совершенно затихли звуки удаляющихся товарищей, когда лѣсъ властно и ненарушимо затянулъ свою однообразную пѣсенку, юношу охватила тревога безусловнаго, никогда еще не испытаннаго имъ одиночества. Первый день онъ боялся даже далеко уходить отъ огня и все посматривалъ выжидательно въ мрачные пролеты среди исполин-

скихъ пней, гдѣ царствовалъ зеленоватый сумракъ и вѣчно дрожали неясныя тѣни, раздавались голоса и шопотъ. Впослѣдствіи онъ привыкъ и съ гордостью называлъ себя „совсѣмъ лѣснымъ человѣкомъ".

Между тѣмъ три остальные путника взбирались все выше и выше. Скалистый подъемъ, зубчатый какъ пила, заступилъ имъ дорогу. Это былъ тотъ второй трудный перевалъ, про который говорилъ сванетъ. Еслибъ не густые заросли рододендроновъ и кустовидной черники, за вѣтви которыхъ можно было хвататься и втягиваться вверхъ точно по канату, еслибы не навыкъ, пріобрѣтенный вчера, еслибъ, наконецъ, не холодный, замѣчательно бодрящій воздухъ горныхъ высотъ, Елена не взошла бы на этотъ валъ. Временами она отъ утомленія чувствовала себя близкой къ обмороку, и Юрій, хотя она по гордости избѣгала его помощи, часто ставилъ прикладъ своего ружья на пласты отвѣсныхъ почти скалъ, чтобы создать опору для ея заплетающихся ногъ.

Когда они взошли на вершину перевала, ледники Риштау засверкали такъ близко отъ нихъ, что отраженіе снѣговъ окрасило имъ лица, платье и весь кругомъ лѣсъ въ блѣдные и нѣжные цвѣта. Все показалось имъ чрезвычайно прозрачно, воздушно... Только луга на покатостяхъ горѣли необычно пышной зеленью. Лѣса порѣдѣли и измельчали. Сквозь вѣтви ихъ вездѣ просвѣчивало голубое небо и бѣлѣли снѣговые конусы конечныхъ вершинъ. На все чаще встрѣчающихся безлѣсныхъ плѣшинахъ густые и высокіе папоротники затрудняли путникамъ дорогу. Папоротники эти подымались выше ихъ роста, мѣшали слѣдить за направленіемъ, а обильная роса, каплющая съ широкихъ ихъ лопастей, смачивала имъ платье и ружья не хуже дождя. Къ тому же почва на такихъ лужайкахъ всегда была влажна и скользка. Облака все чаще проходили мимо путниковъ, оставляя по лѣсамъ и кустамъ обрывки и клубочки холодныхъ тумановъ. Наконецъ, стало настолько холодно, что несмотря на постоянное напряженіе и усиленное движеніе, идущіе больше уже не потѣли. Наоборотъ, частенько, когда дулъ вѣтеръ, ихъ прохватывала дрожь. На краю высокоствольнаго лѣса, когда, чтобы обогнуть очень трудный и опасный гребень, они спустились немного внизъ, проводникъ ошибся и спуталъ. Убѣдившись въ этомъ, онъ оставилъ имъ свой мѣшокъ и пошелъ налегкѣ отыскивать дорогу. Юрій и Елена сидѣли безмолвно во мглѣ, на камняхъ, грустные и усталые.

— Чѣмъ все это кончится?—раздумывалъ онъ, со страхомъ наблюдая за движеніями дѣвушки склонившейся надъ пропастью. Свистъ сверху увѣдомилъ ихъ, что сванетъ розыскалъ дорогу.

Они стали къ нему взбираться, но оказалось до того круто, скользко, папоротники представляли до того ненадежную опору, что Юрій съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ крикнулъ на горца, чтобы онъ помогъ имъ. Тотъ вынырнулъ изъ тумана неожиданно близко отъ нихъ, взялъ узлы и сказалъ съ веселой улыкой:

— Риштау!

Немного спустя они очутились на высокомъ каменномъ мысу. Напротивъ нихъ дремалъ на солнцѣ холодный, бѣлый великанъ. Исполинской ледяной грудью онъ навалился на кучу сѣрыхъ утесовъ, распустилъ во всѣ стороны свои каменныя лапы, усы и щупальцы съ острыми, зубчатыми гребнями, съ боками изрытыми безчисленнымъ количествомъ трещинъ, щелей, враговъ; этой гигантской чудовищной сѣтью онъ охватилъ, опуталъ, подчинилъ толпу сосѣднихъ горъ, покоился на нихъ и величаво властвовалъ надъ ними. Между прожилками и гребнями его главы, по бахромѣ размочаленныхъ скалъ, по узкимъ щелямъ, по крутымъ извилистымъ ложбинамъ, далеко внизъ сползали блѣдные глетчеры. Изъ подъ нихъ лились водопады и съ бѣшенствомъ низвергались внизъ, гдѣ зеленѣли прелестные луга, гдѣ виднѣлись лѣса мельче мховъ. Изрѣдка облако, плывущее въ синевѣ, налетало на дивно-спокойную вершину великана, орошало ее дождемъ или обсыпало снѣгомъ и летѣло дальше, отбрасывая на горы, долины, воды и лѣса внизу прозрачную голубую тѣнь.

— Близко... близко!.. — повторяла въ упоеніи Елена. Она рвала цвѣты желтыхъ азалій, ростущихъ здѣсь въ изобиліи, и погружала въ ихъ холодныя, пахучія грозди лихарадочно горѣвшее лицо. Рядомъ сванетъ, опираясь на дуло ружья, смотрѣлъ хищно на горы и неукротимое лицо его полно было неукротимаго восторга. Печаленъ былъ одинъ Юрій.

Чтобы попасть на центральный узелъ, имъ необходимо было спуститься внизъ, пройти глубокую котловину, затѣмъ опять взобраться по узенькому гребню, покрытому только мхами да лишайниками. Гребень этотъ, точно ребро въ позвоночникѣ, проникалъ подъ снѣга главнаго массива и даже тамъ чуть отмѣчался нѣкоторой вздутостью ледяной толщи.

По этой грани, за тѣмъ краемъ ледника, они должны были обойти прилежащее ущелье и спуститься въ слѣдующее къ истокамъ Уруха. Все это разсказалъ имъ, больше пальцами, чѣмъ словами, проводникъ. Онъ торопилъ ихъ. Въ котловинѣ предполагалось пообѣдать, а ночевать уже слѣдовало у ледниковъ. Спускъ былъ очень труденъ и утѣшалъ ихъ только видъ долины выстланной, точно ковромъ, сочной живой муравою и массой цвѣтовъ. Поляны вѣчныхъ снѣговъ островками бѣлѣли въ „падушкахъ“ и чистый, какъ слеза, ручей струился изъ подъ нихъ

по лугу. Въ котловинѣ путники вспугнули стадо пасущихся „джерановъ“. Не торопясь отошли красивые животные на снѣга, посматривая съ любопытствомъ на невиданныхъ никогда гостей. Юрій выстрѣлилъ и убилъ одного. Тогда козы вдругъ поняли, бросились въ разсыпную и замелькали по скаламъ быстро, какъ вспышки рыжихъ зарницъ.

До сихъ поръ погода благопріятствовала имъ. Они привыкли къ яснымъ, ведреннымъ днямъ. Поэтому, когда они взошли на послѣдній гребень, Елена вскрикнула отъ неожиданности. Всю пропасть сѣверной стороны заполняли облака. Они тихо клубились, вздымались и падали, но въ ихъ сонномъ движеніи чувствовались зародыши недалекой бури.

Гребень скалы все уже, путь—все труднѣе. Мужчины, которые кромѣ прежнихъ узловъ несли теперь еще связки дровъ и куски убитаго „джерана“, двигались очень тихо. Шли они по неровному скату, точно по вершинѣ черепичатой крыши. Елена постоянно боролась съ неодолимымъ желаніемъ сѣсть и двигаться на колѣняхъ. Она радовалась всякой остановкѣ, даже препятствію, когда, перелѣзая зубцы, могла цѣпляться руками за тощія травы, за ненадежные рыхлые выступы. Тутъ было несомнѣнно опаснѣе, но дѣвушка, занятая переходомъ, не видѣла зіяющихъ проваловъ, не ощущала головокружительной высоты, не испытывала страха, что неожиданное дуновеніе вѣтерка лишитъ ее равновѣсія и она полетитъ, точно пылинка, точно одинъ изъ этихъ листочковъ, которые бросалъ небрежно въ пропасть безпечный сванетъ. Двигались они очень тихо и путь, несмотря на незначительность разстоянія, обѣщалъ быть дологъ. Между тѣмъ солнце склонялось къ западу. Пропасть съ подсолнечной стороны покрылась длинными рѣзкими тѣнями. Туманы сѣверной стороны вспучились, задвигались точно перебродившее тѣсто и стали тонкими ручьями переливаться сквозь выемки гребня. Вскорѣ путники шли въ туманѣ, какъ въ водѣ, по щиколку. Облака переливались подъ ними и падали внизъ, въ другую пропасть быстрымъ каскадомъ.

— Юрій!.. Я не могу идти... Я нечего не вижу... Я чувствую, что меня смоетъ этотъ бѣгущій туманъ! Это ужасно!

— Только бы не вѣтеръ... Только бы не вѣтеръ! — шепталъ охотникъ, подавая ей руку.—Держись за мое плечо и ощупывай впереди себя палкой... Вотъ такъ, какъ я ружьемъ... Скоро, вѣрно, гдѣ-нибудь остановимся...

Туманъ густѣлъ, поднимался густой и холодный. Скоро бѣлая пелена залила путешественниковъ по горло. Чтобы разглядѣть подъ ногами препятствія, они принуждены были нырять туда съ головою. Они еле-еле двигались, все ощупывая впереди почву прикладами ружей. Наконецъ, проводникъ весело вскрикнулъ и

нырнулъ окончательно внизъ. Недалеко отъ гребня, на южномъ его склонѣ, еще свѣтлѣвшемъ въ послѣднихъ лучахъ заката, виднѣлось небольшое мелко-гальчатое углубленіе, запертое со стороны пропасти большимъ выступомъ скалы. Раньше здѣсь, по всей вѣроятности проходилъ ледникъ, потому что поверхность утеса была гладко отшлифована и углы его спилены. Въ скалѣ главнаго гребня, сохранилось немного глины и на ней выросли буйно сорныя травы, да каменная осока. Охотники быстро выкосили траву кинжалами, выстлали ею землю подъ утесомъ; надъ этимъ изъ ружья и палокъ они устроили маленькій сводикъ, покрыли его бурками, заставили подъ ихъ защиту сѣсть Елену и всунули туда вещи. Сдѣлано это было очень своевременно, потому что вѣтры уже взвыли и принялись кидать на нихъ яростно водопады мглы и дождя. Охотники даже боялись, что ливень не позволитъ имъ развести огня. Когда же, послѣ многихъ попытокъ, они добились своего, то пришлось въ защиту отъ сѣкущихъ съ верху потоковъ тщательно прикрыть костеръ листьями лопушника. Стало тепло и уютно въ ихъ орлиномъ гнѣздышкѣ. Вѣтеръ не доходилъ туда. Сизый дымокъ, веселыя вспышки огня, запахъ „шашлыка“, жарящагося на веретелѣ, чайникъ, который шипѣлъ и бурлилъ совсѣмъ по-домашнему, заставляли забыть о непогодѣ, бѣснующейся надъ ними и подъ ними, и зіяющей со всѣхъ сторонъ безднѣ подъ пеленой тучъ. Сванетъ пришелъ въ хорошее расположеніе духа, потрепалъ Юрія по колѣну и сказалъ:

— Завтра карошъ... Утре солнце...

— Завтра будемъ на той сторонѣ. Слышишь, что говоритъ проводникъ. Онъ обѣщаетъ на завтра хорошій день... Улыбнись, Лёля! Это обычный „горный“ дождь... Пройдетъ къ ночи... А если не пройдетъ, то спустимся на долину, станемъ стрѣлять „джерановъ“ и ждать удобнаго времени...

Дѣвушка не знала, чѣмъ и выразить ему свою благодарность за эти слова, за все что дѣлалъ онъ. Она все видѣла, все замѣчала, какъ онъ неусыпно лелѣетъ ее, какъ старается заткнуть малѣйшую скважину, малѣйшее отверстіе, сквозь которыя дождь или вѣтеръ могли бы ее обдать.

Они съѣли котелокъ горячей „мамалыги“ изъ кукурузной муки съ осетинскимъ сыромъ да четверть „джерана“, выпили безконечное число чайниковъ чаю, а дождь все лилъ да лилъ. Тогда, по совѣту проводника, натянули на ноги дорожные мѣшки и легли спать; одну бурку положили вмѣсто постели, а другою укрылись съ головой. Имъ было тепло, хотя дождь все лилъ, и они потушили огонь, чтобы сберечь на завтра дрова.

Разбудилъ Елену холодъ. Влажная бурка отвердѣла, края ея оттопырились и студеный воздухъ проникалъ къ спящимъ. Елена

высунула осторожно голову наружу и увидѣла звѣзды. Ночь, безконечно тихая и безконечно неподвижная, рѣяла надъ ними. Дѣвушкѣ показалось еще очень рано и она попробовала уснуть вторично. Тщетно. Все, что случилось, что привело ее сюда, встало передъ ней съ ясностью видѣнія и дрожь холода увеличилась дрожью страданія. Было не до сна. У нея постоянно являлся порывъ встать, глядѣть на свѣтъ, двигаться, чтобы отогнать прочь эти тяжелыя мысли, но глубокое дыханіе спящихъ мужчинъ удерживало ее.

— Пусть спятъ, пусть отдыхаютъ!.. — думала она съ нѣжностью и опять размышляла о Юріи, о Семенѣ, о пани Страсевичъ, о родинѣ „плоской и сѣрой“, о томъ, что будетъ, что ждетъ ее и что можетъ случиться... Нѣтъ ея орла, ея рыцаря... Онъ погибъ или, можетъ быть, умираетъ именно теперь... А если онъ найдется, то будутъ страдать другіе. Гдѣ предѣлъ, гдѣ конецъ? И зачѣмъ все это такъ?.. Зачѣмъ нѣтъ у каждаго опредѣленной своей доли, а всѣ бродятъ въ поискахъ счастія, точно во тьмѣ?!.

Несмотря на эти терзанія, она коснулась плеча Юрія не раньше разсвѣта. Мужчины быстро вскочили и, стуча зубами отъ холода, принялись разводить огонь.

Звѣзды еще ярко мерцали надъ пустынными ледниками Риштау. Внизу, надъ землею, стлались туманы, и ничего тамъ не было видно кромѣ мутныхъ, неопредѣленныхъ привидѣній, закутанныхъ мглою горъ. Вдругъ среди этого мертваго царства вспыхнулъ весело огонекъ костра, освѣтилъ лица путниковъ, протянутыя къ пламени руки и отбросилъ на скалы увеличенныя, подвижныя тѣни.

Неуспѣли напиться чаю, а уже дневной свѣтъ сталъ пробиваться къ нимъ снизу сквозь облака; воздухъ свѣтлѣлъ, серебрился; покрытыя инеемъ карнизы скалъ засверкали какъ перламутръ. На этой волнѣ свѣта изъ дальнихъ безднъ взлетали вверхъ и одѣвались въ золото и багряницу вершины горъ, а выше всѣхъ поднялся, взмахнувъ сѣдыми облаками какъ крыльями, ихъ ледяной владыка. Только когда солнце во всемъ блескѣ поднялось надъ землею, горы вдругъ опустились и даже Риштау длинными, испещренный рѣзкими тѣнями, опять сталъ явственнѣе и меньше.

Путешественники были въ это время недалеко уже отъ его ледниковъ. Шли они, какъ вчера, — гусемъ, другъ за другомъ, только сегодня связались къ тому же веревками. Елену они помѣстили посерединѣ. Къ обуви они подвязали желѣзные шипы, которыми запасся сванетъ. Когда они взошли на снѣговую покатость, проводникъ сталъ прикладомъ ружья долбить шагъ за шагомъ ступени для ногъ. Они должны были по снѣгамъ окружить пропасть и спуститься по другой сторонѣ ущелья внизъ по узкому

ледяному мысу, конецъ котораго утопалъ въ тучахъ. На эти тучи и солнце частенько съ нѣкоторымъ безпокойствомъ посматривалъ проводникъ. Его безпокойство естественно отразилось на Еленѣ и Юріи. Имъ ничуть не улыбалась возможность провести ночь среди снѣговъ, безъ огня и теплой пищи. Въ полдень солнце изрядно припекало и влажный снѣгъ превратился въ кашицевидное тѣсто, что сильно затрудняло путь. Ноги ихъ тонули по щиколку, скользили; обувь ихъ размокла. У поворота, откуда путешественники должны были свернуть на ледяной гребень, они присѣли отдохнуть и поѣсть. Погода стояла хорошая и все шло какъ нельзя лучше, тѣмъ не менѣе съ лица сванета исчезла беззаботная отвага. Его все усиливающееся безпокойство удручающе дѣйствовало на остальныхъ. Медленное соскальзываніе внизъ къ неизвѣстнымъ, покрытымъ тучами пропастямъ, которое теперь пришлось имъ продѣлывать, вдругъ стало ихъ пугать. Страхъ, правда, исчезъ въ пути, но только потому, что вниманіе ихъ всецѣло поглощено было трудностью дороги. Большую часть они ползли полулежа. Уже недалеко отъ тучъ сванетъ повернулъ къ нимъ мрачное лицо и махнулъ назадъ рукою:

— Назадъ!.. Буде пропалъ!..

Но цѣль была черезъ-чуръ близка, черезъ-чуръ было много принесено жертъ, чтобы Юрій и Елена согласились. Нѣкоторое время еще шли они по блестящей спинкѣ ледника, освѣщенной солнцемъ. Затѣмъ опять, какъ вчера, съ обѣихъ сторонъ заклубились бѣлыя, пронизанныя солнцемъ тучи и вѣтры, укрытые въ нихъ, брызнули подъ ноги смѣльчаковъ молочной пѣной тумана. Постепенно они, какъ вчера, совершенно утонули въ влажномъ холодномъ облачномъ пуху. Буря еще не тронулась, но каждая частичка воздуха кругомъ, каждая порошинка снѣга взмытая одиночными ударами вѣтра уже дрожали лихарадочной дрожью и можно было ждать ежеминутно, что блуждающія неопредѣленно струи вдругъ сольются въ страшный, неожиданный ударъ метели. Проводникъ нагнулся и принялся быстро рыть кинжаломъ яму въ снѣгу. Юрій и Елена усиленно ему помогали.

Въ этой ямѣ, прикрытые бурками, они провели страшную, невѣроятную ночь. Имъ казалось, что вѣтры дерутся надъ ними, топчутъ по нимъ, что вотъ-вотъ они сорвутся и вмѣстѣ съ ледяной верхушкой, въ которой они были включены, они скатятся внизъ. Къ счастью, ихъ вскорѣ занесло снѣгомъ, прибило ихъ и стало имъ тепло и безопасно. Пищи у нихъ было вдоволь. Къ утру метель прошла. Они вышли изъ своей норы и увидѣли, что находятся почти на краю ледниковаго поля. Сквозь рѣдкій туманъ просвѣчивала недалеко внизу темная долина. Не дожидая восхода солнца, они пошли внизъ. Когда солнце засіяло и легкій

вѣтерокъ окончательно разогналъ облака, путешественники увидѣли подъ собою зеленыя пятна полузатопленныхъ луговъ и стройныя ряды черныхъ отвѣсныхъ скалъ, отражающихся въ длинномъ какъ рѣка и какъ небо голубомъ озерѣ.

— Утонулъ!—воскликнулъ невольно Юрій.

Елена съ плачемъ упала на камни.

XII.

Съ того момента, когда землетрясеніе разбудило Вихлицкаго, и Селима, а неожиданная волна наводненія заставила ихъ бѣжать на скалы, начался для нихъ рядъ неудачъ и горькихъ испытаній. Сразу они, безъ всякаго соображенія, бросились прочь отъ воды, которая съ грознымъ шумомъ гналась за ними по пятамъ. Но поднявшись выше, когда по затихшему шуму они заключили, что приливъ далеко, они стали окликать другъ друга. Первый подалъ голосъ Вихлицкій, черкесъ отвѣтилъ, что онъ недалеко, но боится двинуться, потому что ничего не видитъ и не понимаетъ, гдѣ находится. Онъ совѣтовалъ подождать до разсвѣта. Ждали они долго въ непроницаемой тьмѣ, а хлухіе удары, содраганіе горъ и отчаянные всплески рѣки долго говорили, что еще не конецъ приключенію. Только, когда блѣдный разсвѣтъ отразился въ огромномъ зеркалѣ сѣрой грязной воды, наполнявшей высоко ущелье, они поняли все значеніе постигшаго ихъ бѣдствія. Вода казалась спокойною, но при болѣе тщательномъ наблюденіи не трудно было замѣтить, что вся ея масса дрожитъ мощнымъ внутреннимъ движеніемъ, подобно тому, какъ дрожитъ бассейнъ воды, которую питаетъ непрерывный, обильный притокъ. Края озера, вздутые и пѣнистые, съ легкимъ шипѣніемъ медленно поглощали все новыя полосы песка и камней. Разливъ ослабъ, но не прекратился. Необходимо было торопится возможно скоро уйти изъ этихъ мѣстъ, отъ этихъ отвѣсныхъ стѣнъ, похожихъ на западню. Селимъ согласился въ этомъ съ Вихлицкимъ, но настаивалъ, чтобы итти не внизъ, а вверхъ рѣки. Вихлицкій, который хорошо помнилъ, что утесы тамъ круче, спорилъ съ нимъ.

— Внизу упадутъ на насъ камни. Тамъ воды много... Тамъ никогда не выйдемъ. Надо итти къ Риштау!—упрямо повторялъ горецъ. Вихлицкій подумалъ подумалъ и уступилъ.

До ухода они хорошенько обыскали берега въ расчетѣ, что вода выбросила хоть что-нибудь изъ ихъ вещей. Тщетно: дорогоцѣнныя коллекціи, пища, платье, оружіе, даже вьючный мулъ—все исчезло безслѣдно. Осталось только ружье, патронташъ и кинжалъ, который по привычкѣ стараго воина захватилъ-таки

съ собою Селимъ, да еще небольшой узелокъ всякой дребедени, который въ смятеніи унесъ съ собою Вихлицкій. Находились тамъ: мыло, зубная щеточка, иглы, нитки, пуговицы, нашлась, къ счастью, и коробка спичекъ.

Немедленно они отправились незалитымъ краемъ покатистаго вверхъ Уруха. На одной изъ лужаекъ они застигли стадо запертыхъ разливомъ „джерановъ“ и Селимъ убилъ двоихъ. Здѣсь же они и заночевали. Развели огонь, устроили коптилку и, тонко изрѣзавши мясо козъ, всю ночь вялили и сушили его. Грохотъ падающихъ утесовъ и землетрясеніе уже не возобновлялись; только разливъ не пріостанавливался нисколько. Поутру вода подошла къ самой ихъ стоянкѣ. Отвѣсные выступы и острые зубчатые гребни, совершенно недоступные, непролазные все чаще перерѣзывали имъ путь. Вода уже омывала ихъ подножья и охотникамъ приходилось часто бродить по поясъ въ водѣ, а иногда даже и плыть. Все время они жадно высматривали лазейку, по которой могли бы взобраться наверхъ, и тѣ переходы, что часъ тому назадъ казались имъ невозможны, впослѣдствіи мучили ихъ, какъ пропущенный, потерянный случай. Нѣсколько разъ они пробовали взбираться, но подошли къ такимъ крутизнамъ, гдѣ не за что было уцѣпиться ни рукѣ, ни ногѣ. Между тѣмъ у воды внизу мѣста, годныя для прохода, быстро уменьшались. Вкорѣ сплошная почти колоннада отвѣсныхъ скалъ окружала озеро. Думать переплыть этотъ мрачный корридоръ съ грузомъ пищи и оружіемъ на спинѣ въ ледяной водѣ—было безуміемъ. Гдѣ кончался этотъ корридоръ—трудно было предвидѣть! Вихлицкій настаивалъ, чтобы дальше не итти вверхъ, чтобы вернуться къ тѣмъ возможнымъ подъемамъ, мимо которыхъ они прошли недавно. Селимъ былъ мраченъ, не перечилъ. Онъ только причмокивалъ и тоскливо посматривалъ на вершины.

Они вернулись. Но сзади путь былъ уже отрѣзанъ. Съ неимовѣрными усиліями и страданіемъ, дрожащіе отъ холода, раздѣтые, съ платьемъ, грузомъ и оружьемъ, привязанными на головахъ, они перебрались на другую сторону озера. Но противоположный берегъ оказался такимъ же. Буквально прижатые водою къ стѣнѣ, они отыскали больше другихъ потрескавшійся, неровный утесъ и стали по нему взбираться, точно по карнизамъ готической церкви. Сдерживая дыханіе, прильнувши къ скалѣ, они незамѣтно ползли, похожіе на маленькихъ ящерицъ, карабкающихся по отвѣснымъ утесамъ. Хорошо еще, что положеніе мѣшало имъ глядѣть внизъ подъ ноги, гдѣ ослѣпительно блестѣло стальное зеркало озера. Уже добрались они до половины утеса, когда Вихлицкій, который считалъ для себя обязательнымъ ползти впереди оборвался и полетѣлъ съ камнемъ въ ру-

кахъ. Селимъ увидѣлъ, какъ тѣнь охотника мелькнула мимо него и затѣмъ разслышалъ, какъ всплеснула однозвучно волна. Обернуться онъ не могъ. Осторожно онъ принялся ползти обратно, что заняло много времени. Когда онъ очутился у подножія утеса, Вихлицкій уже сидѣлъ на берегу и мокрый, блѣдный, тщательно искалъ что-то въ подмоченной котомкѣ.

— Не подмокли... почти совсѣмъ неподмокли...—сказалъ онъ съ блѣдной, торжествующей улыбкой, съ усильемъ подавляя выраженіе сдержанной боли. Селимъ замѣтилъ, что лѣвая рука „барина“ свисаетъ и кровь течетъ изъ нея ручьемъ.

— Богъ великъ!—сказалъ онъ важно, повѣсилъ ружье на выступъ скалы и сѣлъ около раненаго.

Глубина воды спасла Вихлицкаго. Рука была только ушиблена. Черкесъ ловко обмылъ ее, перевязалъ, затѣмъ посовѣтывалъ немедленно перебраться выше. Тамъ скалы сходились подъ угломъ и образовали небольшой плоскій гротъ. Селимъ прежде всего воткнулъ въ щель кинжалъ, повѣсилъ на немъ бережно патронташъ, ружье, затѣмъ принялся устраивать стоянку. Онъ выровнялъ немного камни, нарвалъ травы, соорудилъ нѣчто вродѣ постели, собралъ дровъ для костра. Вихлицкій между тѣмъ отмѣчалъ знаки на утесѣ для опредѣленія скорости прилива. Все это, впрочемъ, заняло немного времени: откосъ былъ скалистъ и то количество, мховъ и травы, которое прозябало въ щеляхъ, черкесъ быстро собралъ. Хуже было съ топливомъ: имъ приходилось выжидать у воды, когда наводненіе по временамъ приносило щепки. Остальное время они сидѣли молча у костра и глядѣли на ровную гладь воды, ужасную въ своемъ кажущемся мертвенномъ спокойствіи. Даже рябь не бѣжала по ней, только изрѣдка пузыри тамъ и сямъ всплывали и лопались, да пѣна, мусоръ и горная пыль спокойно, сонно скатывались съ середины къ краямъ. Значило это, что прежній водоемъ малъ, что вода все прибываетъ и она все, какъ говорятъ хохлы, „съ чубомъ“. Разсѣянный свѣтъ солнца, скрытаго за утесами, тускло отражался въ мутной водѣ.

— Полъ стопы... Двѣ съ половиною стопы приблизительно въ сутки... Значитъ запасъ земли у насъ всего на пять дней...— сказалъ, наконецъ, Вихлицкій, внимательно осмотрѣвши свои знаки. — Какъ думаешь, Селимъ, изъ аула скоро могли дать знать въ городъ?

— Думаю, господинъ, что не торопились!..

Вихлицкій отвернулъ лицо и опять они на долго замолкли.

Скоро потемнѣли сѣрые утесы, потемнѣло надъ ними небо, заря заполнила багрянымъ свѣтомъ и окрасила въ кровавый цвѣтъ воду. Мусульманинъ снялъ свой бешметъ, разложилъ его на берегу вмѣсто коврика, разулся и сталъ босой на молитву лицомъ на

востокъ. Долго онъ билъ поклоны, шепталъ священныя слова, падалъ ницъ, опять поднимался и поднималъ вверхъ загорѣлое лицо съ нѣмою мольбою. Вихлицкій прилегъ на кучу мха и все время глядѣлъ вверхъ на слабо мерцающія надъ утесами звѣзды, на темнѣющее прозрачное небо, лишь бы не видѣть этого обреченнаго и несомнѣнно готовящагося къ смерти человѣка.

Послѣ заката солнца близость ледниковъ дала себя чувствовать. Повѣяло сыростью, холодомъ; туманы заструились вдругъ по поверхности воды, выползли изъ щелей и трещинъ горъ, скатывались съ ихъ вершинъ въ видѣ завитушекъ и клубочковъ, тихо скользящихъ по камнямъ. Вскорѣ бѣлая занавѣсь мглы покрыла дно ущелья, смягчила очертанія утесовъ и только небо вверху осталось все такимъ же звѣзднымъ и прозрачнымъ. Узники ближе придвинулись къ огню.

— У тебя, Селимъ, есть кто-нибудь въ горахъ?

— Нѣтъ никакой, господинъ. Братовья моя погибла на войнѣ. Мой родъ Турція пошелъ, за море... Остался я одинъ, какъ волкъ, и никто меня не думаетъ. Скорѣй тебѣ думаетъ, твой другъ съ хутора...

Лицо Вихлицкаго покрылось неожиданной краской.

— Ты, Селимъ, не понялъ меня. Я спрашивалъ не о тѣхъ, что помогутъ, а о тѣхъ, что будутъ плакать по тебѣ.

— О, да!.. Меня есть жена и дѣти...

— Знаешь, Селимъ, ты брось меня здѣсь. Я не ловокъ, я выросъ въ городѣ, я мѣшаю тебѣ... Ты, пожалуй, выйдешь отсюда... Тогда пойдешь и скажешь...

— Не кончай, господинъ! Не слѣдуетъ слушать... Черкесъ не броситъ товарищъ... Ты хорошъ дѣлалъ для меня въ дорогѣ, хорошъ ты товарищъ... Выходить нельзя... Богъ хочетъ, мы вмѣстѣ погибай... Богъ не хочетъ, мы не погибай!..

— Зачѣмъ погибать?! Рано еще говорить объ этомъ... Впереди у насъ пять дней... Есть у насъ пища, оружіе, огонь... Еще вода можетъ пойти на убыль... Я сказалъ на всякій случай. Я думалъ, что ты захочешь вмѣсто того, чтобы сидѣть здѣсь... А для меня все равно... А погибать—такъ даже лучше одному... Между тѣмъ, ты, можетъ быть, людей привелъ бы...

— Дорога туда шесть день! Пища мало, платье худой... Ходить по снѣгу надо... Одинъ человѣкъ нельзя ходить. Рукамъ держать надо, ногамъ другъ дружка подставка дѣлать надо... Ты сказалъ, баринъ, что вода пять день... Выходить нельзя... Что Богъ сказалъ, то будетъ!.. Пусть будетъ...

— Я привыкъ разсчитывать только на людей, Селимъ!

Они смолкли.

— Богъ показалъ своя сердитость. Люди далеко, не услы-

шатъ!—проворчалъ мрачно черкесъ...—Никто не смѣетъ ходить, развѣ одна Юріи смѣетъ ходить... Очень трудно!

— Юрій не придетъ!

— Вотъ видишь, господинъ. Надо Богу покориться, чтобы онъ насъ похоронилъ хорошо... Твой большой господинъ изъ Россеи тебя искать будетъ?..

Вихлицкій не отвѣтилъ. Что случится впослѣдствіи, когда ихъ затопитъ вода, ничуть не занимало его. Сомнѣвался онъ, чтобы „большіе господа“ стали его особенно сильно искать... Онъ не сказалъ этого, конечно, Селиму и, чтобы прекратить разговоръ, вступающій на опасный путь, притворился, что хочетъ заснуть. Это ему впрочемъ не удалось; вскорѣ онъ всталъ и пошелъ посмотрѣть прибыль воды. Черкесъ тоже не спалъ и слѣдилъ за нимъ блестящими глазами:

— Прибываетъ?!— спросилъ онъ тихо.

Вихлицкій молча кивнулъ головою и прилегъ около него.

Пасмурное, сѣрое утро заглянуло, наконецъ, въ ущелье. Тѣ же утесы, та же вода, только береговъ осталось меньше, чѣмъ вчера. Низко плывущія облака часто задѣвали за грани скалъ и обрывки ихъ, въ видѣ разсыпчатыхъ струекъ падали медленно внизъ. Мягкая, сѣрая зыбь лизала камни съ тихимъ шептаніемъ. Селимъ все больше лежалъ на спинѣ съ руками подъ головой, Вихлицкій на боку и оба глядѣли, глядѣли неустанно на эти мелкіе зубчики волнъ, на искристую ихъ чешую, разползающуюся все шире, подступающую незамѣтно къ нимъ и отнимающую незамѣтно дюймъ за дюймомъ землю.

„Вѣдь такъ всегда. Вѣдь въ сущности время дѣлаетъ съ нами то же самое... Вѣдь съ каждой прожитой секундой приближаемся къ смерти... Почему это не страшно. а теперь страшно?“—раздумывалъ Вихлицкій. Иногда онъ представлялъ себѣ, что будетъ дальше и видѣлъ свое тѣло и тѣло Селима мертвыми, холодными, вздутыми; видѣлъ какъ ихъ лижутъ точь въ точь такія же мелкія, сѣрыя волны и они стукаются мѣрно головами о сѣрые утесы... Онъ не приходилъ въ отчаяніе, не возмущался; онъ ясно видѣлъ, что гибель *неизбѣжна*, и эта неизбѣжность, точно острая холодная сталь, пересѣкала всякій разъ подымающіяся въ немъ размышленія. Онъ не хотѣлъ думать объ этомъ: онъ боялся ужаса, который жилъ, спрятанный на днѣ его сознанія, и даваль о себѣ знать минутными вспышками. Вынужденное бездѣйствіе мучило Вихлицкаго все сильнѣе. Онъ милліонъ разъ предпочелъ бы какую ни на есть, даже нелѣпую, тяжелую, изнурительную борьбу этому медленному тлѣнію. Конечно, въ борьбѣ должна была быть хоть крошечная искра надежды!..

— Когда увижу, что дѣйствительно нѣтъ уже надежды, бро-

шусь и поплыву... Пока еще не время!.. — раздумывалъ онъ. — Селимъ, разскажи что-нибудь!.. Разскажи, какъ ты былъ на войнѣ... Разскажи, откуда ты, гдѣ ты жилъ и кто такіе твои близкіе. Вѣдь я не знаю всего этого: ты не говорилъ мнѣ никогда.

— Ты не спрашивалъ, господинъ. Хорошо я тебѣ разскажу... Никто не знаетъ, но я тебѣ разскажу. Помирать скоро будемъ, поэтому тебѣ разскажу. Я старикъ и старое разскажу тебѣ время. Ты въ городѣ видѣлъ, туда, къ турецкой землѣ, большія горы съ большимъ на верху снѣгомъ! Оттуда я. Жили мы вначалѣ подъ горою въ долинахъ, гдѣ растетъ орѣхъ, сладкій каштанъ, айва и виноградъ... Тамъ стоялъ нашъ аулъ... Мой отецъ былъ „уздень“; много земли держалъ, много баранъ, много коровъ и лошадь въ горахъ держалъ. Старшіе братья ходили туда караулить. Четыре сына старикъ держалъ и три дочери. Я былъ предпослѣдній; одинъ братъ былъ меньшой. О войнѣ я слышалъ совсѣмъ маленькій, но онъ долго не приходилъ, далеко былъ. Вдругъ въ одинъ день корабль плыветъ, тамъ гдѣ городъ садысь. Пушки на земля таскай, солдаты выходи, крѣпость дѣлаютъ. Стали ходить туды сюды, стала война. Моя два старшій братъ былъ большой „абрекъ“. Ихъ бралъ, крѣпость сажалъ. Потомъ отецъ бралъ. Я да маленькій братъ баранъ въ горахъ караулилъ. Всѣ плакали, мать плакала, я плакалъ—отца жалко нѣту! Посылалъ мать выкупъ: много денегъ и старшую дочь. Сестра шибко красива была. Много плакала дѣвушка, убить себя хотѣла и мы плакали. Большой человѣкъ продать совсѣмъ другой, чѣмъ маленькій ребенокъ продать! Отецъ вернулся, насъ взялъ, вещи взялъ, въ горы ушелъ. „Помирать лучше, чѣмъ „урусъ“ слушаться“,—сказывалъ онъ. Въ горахъ было худо, холодно и лѣсъ плохой. Не долго тамъ сидѣли мы. Пришла святой война. Старикъ взялъ всѣхъ сыновей, взялъ лошадей и пошелъ. Дома осталась мать да сестра... Я такъ и не увидѣлъ мать. Мой старикъ коранъ читалъ, умный былъ, святой старикъ былъ, „мюридъ“. Шибко хорошо насъ война водилъ, всегда „урусовъ“ билъ. Одинъ братъ пропалъ, другой братъ пропалъ, я пуля въ бокъ получалъ. Тогда мы въ горы ушли. Такой гора былъ, никакой сторона ходить нѣту. Никто не зналъ дороги. Тамъ мы сидѣли, войной низъ какъ орлы летали; добычу таскали, женщинъ таскали... Хорошо жили. Много аулъ сожженъ, много „урусъ“, много измѣнникъ побили. Былъ одинъ дурной человѣкъ, дурной товарищъ—мы его прогнали. Онъ „урусъ“ пошелъ, и „урусъ“ къ намъ таскалъ. Туманъ большой былъ, мы даже караулъ не ставилъ: никто не придетъ—думалъ. Вдругъ бренчитъ, сабля бренчитъ. Мы оружье схватили. Солдаты въ лицо стрѣляли, штыками кололи. Мой старикъ на солдатъ бросался, солдаты его убили. Пришло много. Весь майданъ полный солдатъ. Мы край пропасть стояли. Мой

маленькая братишка, глупый ребенокъ испугался, когда солдатъ близко стрѣлилъ, на колѣни упалъ братъ, „пардонъ“ кричалъ. Я его кинжалъ вонзалъ. Черкесъ „пардонъ“ не кричитъ; солдатъ „братъ“ не знаетъ! Тогда каждый черкесъ одинъ солдатъ поймалъ и внизъ пригалъ. Мы знаемъ съ горъ кататься. Все-таки много померъ. Я руку сломалъ. Долго ходилъ въ горахъ. Не искали,—померъ думали. Въ Турцію пошелъ. Въ Меккѣ былъ, „хаджи“ сталъ. Въ гвардіи султана служилъ. Не долго сидѣлъ. Тосковалъ за горами, шибко я тосковалъ. Глазами посмотрѣть я хотѣлъ. Пришелъ. „Аулъ“ — нѣту, большой лѣсъ тамъ растетъ. Вода высохла, дорожка нѣту, „сакли“ совсѣмъ мусоръ сталъ. Гдѣ человѣкъ хоронилъ мы, медвѣдь ходитъ, кабанъ ходитъ. Сердце у меня болѣло, Селимъ „абрекъ“ не ходилъ, не мстилъ. Можетъ теперь за то въ водѣ помираетъ! Шибко хотѣлъ я здѣшняя воздухъ дышать, здѣшняя лѣсъ нюхать. За „чапара“ въ полиціи служилъ, только бы позволили жить. Деньги мало-мало собиралъ я, землю купилъ... въ горахъ. Коровъ купилъ, коня купилъ, жена бралъ, три дѣтей родилъ... Не хватаетъ достатокъ. Сталъ господа въ горы на охоту водить. Брали Селима. Селимъ по русски знаетъ, Селимъ все знаетъ, никакой худой дѣло съ Селимомъ не бываетъ... Хорошо господа платили. Никто въ горахъ не скажетъ: Селимъ худой, Селимъ неправда говоритъ, Селимъ обманетъ... Селимъ никогда не обманетъ. Селимъ только на война обманетъ. Теперь Селима Богъ наказалъ не за обманъ, а за то, что Селимъ душа продалъ за Кавказъ, за сладкій вѣтеръ, за лѣсъ, гдѣ растетъ каштанъ и орѣхъ, гдѣ померли братъ и отецъ. Селимъ не боится смерти...

Вихлицкій хотѣлъ отвѣтить, ободрить старика, но въ суровомъ, враждебномъ почти взглядѣ послѣдняго было что-то, что остановило его. Этотъ человѣкъ видимо былъ выше теперь такихъ мелочей. Вихлицкій почувствовалъ, что онъ ему не нуженъ, и отвелъ глаза въ глубь долины. Тамъ тяжелыя дождевыя облака заложили всѣ выхода, всѣ щели. Мелкій дождикъ начипалъ моросить въ ихъ сырой каменный ящикъ. Стороною глухо гремѣлъ громъ. Порывы вѣтра то и дѣло врывались подъ крышу тучъ въ скалистые корридоры и съ воемъ, съ свистомъ крутили туманомъ и вздымали ржавыя волны на озерѣ. Затѣмъ полилъ дождь; ручьи грязной воды заструились съ уступовъ скалъ. Необходимо было поскорѣе уберечь отъ потопленія огонь и спрятаться поукромнѣе самимъ. Это ихъ заняло на столько, что на время забыли о пѣнистыхъ волнахъ, все ближе налетающихъ на берегъ изъ подъ сѣдой мглы.

Ночью вызвѣздило и туманы осѣли на дно, на воду. Когда волненіе на озерѣ утихло, Вихлицкій отправился посмотрѣть знаки и пришелъ въ ужасъ. Этотъ дождь отнялъ у нихъ, ни меньше—

ни больше, какъ день жизни. И такъ, не хватало дня до срока, когда прибытіе самой торопливой и энергичной помощи было возможно. Теперь же не хватало уже двухъ дней. Вихлицкій рѣшилъ, что все потеряно, что нечего надѣяться и нужно ждать спокойно конца, какъ Селимъ. „Неужели этотъ дикарь мужественнѣе его“? — спрашивалъ онъ себя, вглядываясь въ безучастное лицо черкеса. Дровъ они въ бурю не успѣли собрать, да и волны не приносили ихъ больше. Огонь чуть тлѣлъ крошечный, убогій. Мохъ и вѣтви постели, которыми пришлось его поддерживать, плохо горѣли. Вихлицкій заставлялъ себя уснуть во чтобы то ни стало, считалъ мысленно, закрывалъ глаза, корчился, ежился, собиралъ въ кучу одеревенѣлыя члены, замиралъ, но засыпалъ только на короткія мгновенія. Во снѣ преслѣдовали его видѣнія. Просыпался онъ не отдохнувшимъ, а измученнымъ и ждалъ съ тоскою восхода. Ночь между тѣмъ тянулась безконечно. Все неодолимѣе осаждали его разныя непріятныя мысли, которыхъ раньше онъ не зналъ и которыхъ знать не хотѣлъ.

То видѣлъ онъ то, „чего не будетъ“: видѣлъ Елену, плачущую, тоскующую и мать въ неописанномъ горѣ. Елена молодая,—разсуждалъ онъ,—Елена утѣшится. Хотя возможно, что не выведетъ ее никто уже въ свѣтъ широкій, что „товарищемъ бойца“ уже она не будетъ. Жаль ее: славный она матеріалъ на человѣка, но она не разъ еще улыбнется въ жизни. Другое дѣло—мать. Мысль о матери поражала Вихлицкаго мучительно, до судороги. У ней все будетъ отнято, исчезнетъ онъ, выращенный съ трудомъ, съ болью, съ тревогами. Вся жизнь ея вмѣстѣ съ нимъ меркнула, умирала. Ея лицо съ темными глазами, полными слезъ, ни на минуту не исчезало въ воображеніи Вихлицкаго. И по временамъ онъ нѣжно говорилъ ей, подчасъ забывая, что ея нѣтъ. „Милая! Развѣ не все равно?.. Развѣ человѣческая волна не затопила бы насъ, не залила? Поэтому-то я пошелъ сюда... Ты меня отпустила, вѣдь ты согласилась!.. Вѣдь ты согласилась? ...Теперь я погибну, но ты не будешь терпѣть недостатка... Люблю тебя, родимая, за твою твердость, за святость твою, за твои жертвы... Вѣдь отца моего ты тоже потеряла рано, а я не слышалъ отъ тебя жалобы!?. Не плачь! Увѣряю тебя: не жаль мнѣ жизни, не жаль мнѣ ничего, кромѣ... тебя! Не плачь дорогая, тогда и я буду спокоенъ!.. Я мечталъ сдѣлать многое и погибаю на первыхъ шагахъ, но вѣдь крупная удача всегда ходитъ рядомъ съ гибелью! Не сдѣлалъ я, правда, добра, но не сдѣлалъ и зла... Какая тоска! Умремъ и ничего не останется послѣ насъ... Ахъ, зачѣмъ я не могу вѣрить, зачѣмъ не могу вѣрить!..“

Этотъ взрывъ успокоилъ его и когда взошедшее солнце согрѣло немного воздухъ, онъ уснулъ глубоко и крѣпко. Спокой-

ствіе и бодрость, которыя вернулись къ нему съ силами, не оставили его даже тогда, когда онъ, открывши глаза, увидѣлъ волны почти-что у своихъ ногъ.

— Эге!—воскликнулъ онъ.—Вижу что для вещей придется строить башню!

Его вдругъ осѣнила мысль, что не дурно бы при помощи искусственной насыпи отдалить минуту гибели. Онъ принялся немедленно за работу и только жалѣлъ, что проектъ этотъ не пришелъ ему раньше въ голову. Теперь пришлось камни добывать изъ воды, сохраняя не залитую еще площадку, какъ пьедесталъ. Весь день онъ проработалъ, очень утомился, промокъ, но былъ веселъ.

— Посмотри, Селимъ, какая башня?—обратился онъ къ черкесу, который мрачно сидѣлъ, не принимая участья въ работѣ.— А что? Если бы мы раньше догадались, вѣдь могли бы выстроить повыше... Немного нехватаетъ!..—разсмѣялся онъ.

Мусульманинъ пробормоталъ что-то себѣ подъ носъ, но тоже повеселѣлъ, кинжалъ, ружье, оставшуюся часть пищи подвѣсилъ выше и самъ пересѣлъ выше.

Вода все прибывала. Уже тонкій блестящій ея слой покрылъ ихъ прежнюю стоянку. Ночь они продремали на устроенной вновь кучѣ, прислонившись къ скалѣ. Сильнѣе всего мучило ихъ отсутствіе огня; они привыкли къ нему; вмѣстѣ съ огнемъ какъ будто что-то уже умерло въ нихъ. А дровъ у нихъ не было и не было даже мѣста для костра. Несчастные дрожали, страшно, невѣроятно дрожали отъ холода, душевнаго волненія и усталости. Съ истощеніемъ пришло опять уныніе. Они почти не разговаривали между собою... Селимъ все шепталъ что-то, должно быть молился, а Вихлицкій при помощи разныхъ ухищреній старался развлечься. Напрасно. Видѣнія, какъ стая коршуновъ, кружились надъ нимъ. Онъ понималъ, что все это вздорныя мысли, плодъ усталости и страданія; онъ пробовалъ стать выше ихъ, но не могъ. Нѣчто мощное, внѣ его лежащее, клонило его, гнуло какъ былинку.

„Въ сущности... все вздоръ! Все не стоитъ понюшки табаку!— разсуждалъ онъ.—Каждый существуетъ, потому что хочетъ, а теперь вотъ... я не хочу... брошусь и поплыву! Все ждать!.. Чего ждать?.. Душа вытянулась въ ниточку... Умѣть ждать,—это умѣть побѣдить, говорятъ... Фу!.. какой вздоръ и какая мука! Все это напрасно, мы умремъ и не останется отъ насъ ничего. Все умретъ и все вздоръ: и мужество, и добродѣтель, и самая жизнь. Кинусь въ волны... и конецъ, а то день еще, по крайней мѣрѣ, будетъ насъ глотать это чудовище“...

Онъ наклонился жадно къ водѣ, закрывъ глаза; голова его кружилась, но чуть онъ коснулся воды, какъ немедленно отшатнулся.

...Нѣтъ! Ни за что!.. Погибну, какъ солдатъ на посту!.. Пусть она убьетъ меня, но безъ моего согласія!

Онъ выпрямился, открылъ глаза и жадно искалъ, на чемъ бы остановить вниманіе. Кругомъ высились все тѣ же сѣрые утесы, простиралась сѣрая гладь воды и темная, покорно согбенная фигура Селима чернѣла надъ ней. Видъ этого человѣка повергалъ Вихлицкаго въ полное отчаяніе.

— Сманилъ я его сюда и теперь онъ умираетъ, Богъ знаетъ за что: за деньги, за жалкую сумму, за меня... а все-таки не жалуется... Селимъ, сядь выше, здѣсь будетъ тебѣ лучше!..

Черкесъ поднялъ медленно опущенныя внизъ вѣки и пристально взглянулъ на Вихлицкаго.

— Знай, гяуръ!—сказалъ онъ высокомѣрно,—Селимъ сидитъ, гдѣ хочетъ!

Слѣдующая ночь показалась имъ прямо адской. Темная, сырая отъ моросящаго съ верху дождика, она давила ихъ сверху, а снизу поглощала ихъ дюймъ за дюймомъ вода. Она залила ихъ уже по колѣни. Утопающіе потеряли всякую охоту двигаться и сидѣли въ оцѣпенѣніи въ плещущей водѣ.

Только утро вернуло Вихлицкому немного сознанія: онъ встряхнулся, вползъ выше, гдѣ еще была незалита площадка. Здѣсь онъ выпрямился и, прислонившись къ скалѣ, смотрѣлъ, дрожащій отъ холода, на синѣющія въ блескѣ разсвѣта воздухъ и воду. Затѣмъ Вихлицкій вынулъ изъ мѣшечка нѣсколько кусковъ заплесневѣлаго мяса и жадно сталъ ѣсть. Пища согрѣла его, онъ взглянулъ на все продолжающаго сидѣть въ водѣ черкеса.

— Селимъ, иди сюда, на мяса, поѣшь! Здѣсь хватитъ мѣста на двоихъ. Иди, товарищъ!.. иди!—проговорилъ онъ мягко.

Селимъ не двинулся. Плечи его вздрагивали, каждый волосокъ дрожалъ въ бородѣ, онъ щелкалъ зубами, какъ пойманный волкъ, но поникшей головы не поднималъ. Тогда Вихлицкій нагнулся, схватилъ его подъ мышки и поднялъ. Онъ успѣлъ посадить его выше, но самъ зато оборвался вмѣстѣ съ камнями и погрузился въ воду по поясъ. Вода была до того холодна, паденіе до того неожиданно, что боль, какъ пламя, хлынула ему въ голову. Онъ порывался выскочить, но камни опять скользнули у него изъ подъ ногъ. Тогда онъ понялъ, что дальнѣйшія усилія невозможны, что все возвышеніе подмытое, непрочное можетъ рухнуть. Онъ посмотрѣлъ на безумное, отупѣлое отъ страха и боли лицо Селима; спокойствіе и воля вернулись вдругъ къ нему. Онъ закрылъ глаза, стиснулъ губы, плечами уперся въ скалу и ждалъ пытки.

Она тихо шла къ нему снизу; члены его коченѣли, ломило въ костяхъ, сверлило въ мозгу, въ каждой живой косточкѣ тѣла,

затѣмъ наступило общее каменное безчувствіе и только сердце мѣталось безпокойно, въ груди, по мѣрѣ того, какъ вода подходила къ нему.

И опять окружили его видѣнія... Онъ видѣлъ мать, Елену, горы... теплую лунную ночь... Что-то хотѣлъ сказать, но не могъ... и вдругъ... сорвался и полетѣлъ въ пропасть съ камнемъ въ рукахъ... Вѣрно смерть! подумалъ онъ и широко раскрылъ глаза. Такъ вотъ она какая! Только зачѣмъ такъ близко отъ него этотъ безмѣрный, холодный блескъ воды?!. Онъ уже не думалъ, не соображалъ, а наблюдалъ за водой и за собой какъ за чѣмъ то постороннимъ. Онъ окаменѣлъ. Что то мощное уже сковало на вѣки его руки и ноги, жива еще только голова. Точно сквозь туманъ онъ запомнилъ, что Селимъ въ этотъ мигъ сошелъ съ ума, что онъ прыгалъ и кричалъ ему: „гяуръ! гяуръ!. не помирай! люди!.. стрѣляютъ!..“ И самъ черкесъ стрѣлялъ и трубилъ въ дуло ружья и эти металическіе, мощные звуки, точно побѣдная пѣснь смерти, неслись по долинѣ, по водѣ, расходились по всему свѣту, и эхо многократно повторяло ихъ...

Вихлицкому было все равно: онъ чувствовалъ, что умираетъ, и поддался смерти. Онъ не видѣлъ, что дѣйствительно на утесахъ противоположнаго берега появились люди, что они тамъ отчаянно бѣгали и кричали, смотрѣли внизъ, что затѣмъ они успокоились, одинъ изъ нихъ исчезъ, а другіе сошли по уступамъ скалъ и сбросили внизъ веревки. Послѣ долгаго для Селима, какъ самая вѣчность, ожиданія, изъ-за высокаго каменнаго мыса появился на озерѣ маленькій, тощій плотикъ, а на немъ плылъ полу-погруженный въ воду Юрій. Селимъ сейчасъ же узналъ его, смѣялся и повторялъ Вихлицкому безконечное число разъ:

— Юрій! Твой товарищъ... Юрій!.. Юрій!.. Пришелъ твой товарищъ!..

Но Вихлицкій его уже не слышалъ; ноги подогнулись подъ нимъ, тѣло его всплыло. Омертвѣлую его голову держалъ крѣпко на колѣняхъ мусульманинъ, охраняя отъ окончательнаго потопленія.

— Живъ, живъ!—вскричалъ Юрій, обращаясь къ товарищамъ, когда принялъ, наконецъ, юношу изъ рукъ черкеса.

Вацлавъ Сѣрошевскій

ВЪ СФЕРѢ НЕРѢШЕННЫХЪ ПРОБЛЕМЪ БІОЛОГІИ.

(Жизнедѣятельность клѣтки).

I.

Біологія, истолковательница многообразнаго міра жизненныхъ явленій, имѣетъ въ виду не только нарисовать картину жизни животныхъ и растеній, но и пытается раскрыть содержаніе жизненныхъ процессовъ, уловить ихъ сокровенный смыслъ, связать явленія жизни въ нѣчто стройное, гармоничное и нераздѣльное съ цѣлымъ рядомъ другихъ явленій природы.

Задача въ высшей степени интересная, хотя и очень смѣлая, а подчасъ и дерзкая.

Правда, представители естествознанія прекрасно понимаютъ, насколько трудно рѣшеніе основныхъ проблемъ науки о жизни; однако, это обстоятельство не только не ослабляетъ научнаго ихъ рвенія, но, наоборотъ, заставляетъ всячески измѣнять и совершенствовать методы изслѣдованія. Неизмѣннымъ спутникомъ и надежнѣйшимъ другомъ ихъ въ этихъ поискахъ за истиной служитъ микроскопъ,—современный микроскопъ, дающій громаднѣйшія увеличенія,—со всѣми относящимися къ нему приспособленіями. Микроскопъ значительно измѣнилъ существовавшую до послѣдняго времени постановку основныхъ вопросовъ біологіи. Посмотримъ, что же далъ онъ намъ новаго?

Прежде всего микроскопъ открылъ намъ цѣлый міръ крохотныхъ созданій—растеній и животныхъ,—созданій, отличающихся замѣчательно простымъ сложеніемъ и, не смотря на это, обнаруживающихъ въ своей дѣятельности все то, что мы привыкли называть жизнью; онъ показалъ намъ, что эти микроскопическія существа—жалкіе, ничтожные паріи вселенной, кишащіе милліонами въ какой-нибудь каплѣ гнилой воды и гибнущіе также милліонами отъ дѣйствія капли крѣпкаго спирта, что они принимаютъ пищу, перерабатываютъ ее, обмѣниваютъ вещества, растутъ, размножаются, способны двигаться, воспринимать впечатлѣнія и отвѣчать такъ или иначе на внѣшнія раздраженія; онъ убѣдилъ насъ въ томъ, что и въ сферѣ одноклѣтныхъ, невидимыхъ простымъ гла-

змъ, организмовъ идетъ неустанная борьба за элементарныя блага жизни, за свѣтъ, тепло, воздухъ, пищу, за право плодиться и размножаться—борьба, создающая цѣлый рядъ роковыхъ схватокъ, побѣдъ и пораженій, и кончающаяся торжествомъ избранныхъ, какъ болѣе приспособленныхъ, и гибелью менѣе приспособленныхъ, негодныхъ для преходящаго момента жизни. Микроскопъ показалъ, наконецъ, что одноклѣтныя животныя и растенія точно такъ же, какъ и наиболѣе совершенные изъ организмовъ, трансформируются подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, борьбы за существованіе и естественнаго подбора и передаютъ по наслѣдству въ ряды быстро мѣняющихъ другъ друга поколѣній характерныя особенности своего строенія и своей жизненной дѣятельности.

Благодаря все тому же микроскопу мы узнали нѣчто въ высшей степени важное для уразумѣнія основныхъ явленій жизни: мы узнали, что каждое растеніе или животное представляетъ собою цѣлое скопище разнообразныхъ по формѣ и роду дѣятельности клѣтокъ; говорю «скопище», а не «общество» или «государство» для того только, чтобы не вводить читателя въ заблужденіе употребленіемъ, правда, фигуральнаго, но совершенно неправильнаго сравненія: нѣтъ никакихъ основаній отождествлять сложный организмъ съ человѣческимъ обществомъ, и наоборотъ—общество съ организмомъ, хотя аналогія получается на первый взглядъ полная и въ высшей степени соблазнительная.

Каждая клѣтка сложнаго организма живетъ сама и въ то же время поддерживаетъ до извѣстной степени жизнь этого организма своею спеціальною дѣятельностью. Однородныя клѣтки образуютъ нѣчто вродѣ товариществъ или ассоціацій, которые несутъ ту или иную службу въ жизни многоклѣтнаго животнаго или растенія. Напримѣръ, многочисленныя группы особенныхъ клѣтокъ (железистыхъ), расположившихся отдѣльными кучками подъ вѣчно темными сводами кишечника, приготовляютъ все нужное для переработки пищевыхъ веществъ, поступающихъ въ кишечникъ; тутъ же, въ кишечникѣ, другого рода клѣтки—эпителіальныя—выстроились правильными колоннами въ ожиданіи богатой питательными веществами и уже совершенно переваренной пищи, которую онѣ съ большимъ самоотверженіемъ передаютъ по принадлежности всѣмъ остальнымъ ассоціаціямъ клѣтокъ, оставляя себѣ лишь самое необходимое. Въ одномъ мѣстѣ идетъ дружная, напряженная и безостановочная работа мускульныхъ клѣтокъ—онѣ мощные атлеты среди своихъ остальныхъ товарищей, которые выпроваживаютъ изъ сердца и гонятъ по цѣлой сѣти оригинальныхъ путей сообщенія кровь; въ этомъ животворномъ кровяномъ потокѣ, несутся милліоны свободныхъ клѣточекъ *), изъ которыхъ одни (красные кровя-

*) Оскаръ Гертвигъ пытается, впрочемъ, доказать, что кровяные шарики млекопитающихъ вовсе не клѣтки, какъ это принято думать, а всего лишь «продукты превращенія или образованія бывшихъ клѣтокъ».

ные шарики), нагружаясь кислородомъ, подвозятъ его ко всѣмъ тканямъ и органамъ тѣла, а другія (бѣлые кровяные шарики—лейкоциты), какъ только почувствуютъ, что организму грозитъ опасность со стороны зловредныхъ бактерій, собираются въ тѣсно сплоченную рать, отважно защищая организмъ отъ враговъ и вступая съ ними въ открытый, нерѣдко рискованный бой. Въ другомъ мѣстѣ сгруппировался цѣлый легіонъ клѣтокъ «интеллигентовъ» (нервныя клѣтки), очень чувствительныхъ и впечатлительныхъ, легко раздражающихся, вѣчно рефлектирующихъ, а иногда и просто-таки нервноразстроенныхъ; на нихъ лежитъ тяжелая, отвѣтственная работа: нужно все время вести сношенія съ внѣшнимъ міромъ, получать извѣщенія отъ различныхъ органовъ, отдавать имъ приказанія, дѣлать распоряженія, чутко слѣдить за недугами и разстройствами организма, руководить работой всѣхъ остальныхъ клѣточныхъ группъ, входящихъ въ составъ многоклѣтнаго организма. На ряду со всѣми этими клѣтками въ томъ же организмѣ встрѣчается много другихъ, также имѣющихъ свое опредѣленное назначеніе, несущихъ весьма разнородныя, нерѣдко очень оригинальныя обязанности.

Итакъ, съ одной стороны передъ нами на лицо цѣлый міръ *одноклѣтныхъ*, простѣйшихъ по устройству организмовъ, которые обнаруживаютъ всѣ главныя явленія жизни, съ другой стороны—несравненно болѣе богатый и многообразный міръ организмовъ многоклѣтныхъ, жизнедѣятельность которыхъ сводится къ жизнедѣятельности отдѣльныхъ, составляющихъ ихъ клѣтокъ. Какой же выводъ можно сдѣлать изъ всего этого? Только тотъ, который сдѣлалъ Брюкке, назвавшій клѣтку «элементарнымъ организмомъ», или Оскаръ Гертвигъ, сказавшій, что «всѣ тайны жизни заключены уже въ зародышѣ въ простой клѣткѣ», или же Максъ Ферворнъ, доказывающій, что «клѣтка служитъ очагомъ жизненныхъ явленій, мѣстомъ, гдѣ протекаетъ жизненный процессъ». Въ мускульной клѣткѣ,—говоритъ Ферворнъ,—лежитъ «загадка движенія сердца и сокращенія мускуловъ; въ железистой клѣткѣ находится причина выдѣленія; въ эпителіальной, въ бѣлой кровяной клѣткѣ лежитъ проблема принятія пищи и въ гонгліозной клѣткѣ покоятся тайны души»... Словомъ, жизнь—въ жизни клѣтки, и тотъ, кому интересно рѣшеніе главнѣйшихъ проблемъ біологіи, долженъ обратиться къ клѣткѣ.

На первый взглядъ жизнь клѣтки не представляетъ ничего особенно загадочнаго и протекаетъ довольно однообразно. Питаться, расти, измѣнять форму, иногда обнаруживать признаки поступательнаго движенія, отвѣчать очень несложно на впечатлѣнія внѣшняго міра и размножаться—вотъ и все, что выпало на долю клѣтки, вотъ тотъ, видимо тѣсный и ограниченный, циклъ, въ которомъ протекаетъ жизнь ея.

Но въ этомъ и заключается содержаніе всякой жизни: *питаніе*, *ростъ*, *движеніе*, *раздражимость* и *размноженіе* на самомъ дѣлѣ, при

болѣе внимательномъ и серьезномъ разсмотрѣніи, представляютъ нѣчто въ высшей степени сложное и неподдающееся *пока* вполнѣ удовлетворительному объясненію. Жизнь ставитъ здѣсь біологіи не мало загадокъ, на которыя наука о жизни отвѣчаетъ *пока* однѣми лишь догадками, несмѣлымъ и невнятнымъ лепетомъ. Само собою разумѣется, что тутъ рѣчь идетъ не о фактическомъ матеріалѣ: фактическій матеріалъ, касающійся жизнедѣятельности клѣтки, и сейчасъ уже очень богатъ, разнообразенъ и полонъ глубокаго интереса.

Начнемъ съ *питанія* клѣтокъ. Сколько любопытныхъ явленій и наблюденій связано съ этимъ, видимо очень простымъ процессомъ! Чтобы питаться, надо прежде всего знать, чѣмъ питаться, а не бросаться безъ разбору на все, что попадается на пути. И вотъ тутъ-то какъ различныя клѣтки сложнаго организма, такъ и различныя одноклѣтныя животныя и растенія обнаруживаютъ иногда просто поразительную *избирательную способность*, очень прихотливую разборчивость, которая, однако, безусловно, необходима для поддержанія ихъ жизни.

Всѣмъ разнообразнымъ клѣткамъ организма человѣка пищу доставляетъ жидкая плазма крови, состоящая изъ смѣси самыхъ разнородныхъ органическихъ и неорганическихъ веществъ. Между тѣмъ, клѣтки печени берутъ себѣ главнымъ образомъ то, что нужно для приготовленія желчи, клѣтки слюнныхъ желѣзъ съ жадностью извлекаютъ изъ питательной плазмы строительный матеріалъ слюны, мускульныя и нервныя овладѣваютъ веществами, придающими первымъ физическую мощь, а послѣднимъ исключительную чувствительность, и т. д.

Простѣйшія одноклѣтныя организмы обнаруживаютъ не меньшую способность *выбирать* себѣ подходящую пищу.

Нѣкоторыя микроскопическія животныя, напр., корненожки, строятъ себѣ раковины—одни изъ кремнезема, другіе изъ углекислой извести. Живя въ такой водѣ, въ которой всегда есть небольшое количество и углекислой извести, и кремнезема въ растворенномъ видѣ, эти микроскопическія существа имѣютъ полную возможность пользоваться *безъ разбора* строительнымъ матеріаломъ для своихъ раковинокъ; но, нѣтъ: одни изъ нихъ всегда извлекаютъ изъ воды частички углекислой извести, другія—такъ же корректно пользуются частичками кремнезема.

Въ выборѣ пищи микроорганизмы въ общемъ не особенно разборчивы, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, надо отдать имъ справедливость, прихотливы и въ этомъ отношеніи иногда просто до смѣшного. Такъ, напр., проф. Ценковскій разсказываетъ про одну голую (безъ оболочки) корненожку, которая съ особеннымъ, повидимому, удовольствіемъ питается хлорофильными зернами микроскопическихъ водорослей, а другая корненожка, тоже очень простая по устройству, разыскиваетъ обыкновенно въ водѣ особенную породу нитчатыхъ водорослей (спирогира) и, нашедши подходящій экземпляръ, присасывается къ одной изъ клѣтокъ водоросли, пробуравливаетъ оболочку и втягиваетъ въ

себя все содержимое клѣтки. «Кажется,—говоритъ Ценковскій,—что Vampyrella Spirogirae (такъ называется эта своенравная корненожка) можетъ утолить свой голодъ только на спирогирѣ».

Ничто, однако, не можетъ сравниться съ избирательною дѣятельностью лейкоцитовъ, бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ. Роль и значеніе бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ до знаменитыхъ работъ и изслѣдованій проф. Мечникова были совершенно почти неизвѣстны. Что они? Зачѣмъ они? Никто не могъ отвѣтить. Теперь же жизненная работа лейкоцитовъ выяснена во многихъ отношеніяхъ вполнѣ: имъ приходится вести не легкое, въ нѣкоторыхъ случаяхъ очень отвѣтственное, да къ тому же и не безопасное дѣло. Мечниковъ окрестилъ лейкоциты именемъ *фагоцитовъ*, что значитъ приблизительно—«клѣтки-обжоры». Эта, нелестная съ перваго взгляда для лейкоцитовъ, кличка тѣмъ не менѣе вполнѣ ими заслужена и не только не дискредитируетъ ихъ въ глазахъ остальныхъ клѣтокъ живого организма, но наоборотъ, составляетъ ихъ славу и гордость. Какъ преданные защитники животнаго организма, они денно и нощно стоятъ на стражѣ, выжидая, не покажутся ли гдѣ какіе-нибудь вредные или просто негодные, посторонніе элементы, которые немедленно нужно удалить изъ организма. Но какъ удалить? Самое лучшее—пожрать ихъ, конечно. И они пожираютъ. Погибнутъ ли въ тѣлѣ животнаго какія-нибудь клѣтки, завершившія уже кругъ своей дѣятельности *),—фагоциты собираются дружно вокругъ мертвыхъ клѣтокъ и начинаютъ пожирать и переваривать ихъ, чтобы освободить организмъ отъ лишняго, быть можетъ, вреднаго балласта; попадетъ ли въ ткань кожи заноза,—фагоциты обступаютъ со всѣхъ сторонъ занозу и стараются разрушить и проглотить ее частями; образуется ли гдѣ-нибудь въ ткани кровоизліяніе, при которомъ кровяные шарики гибнутъ цѣлыми тысячами, клѣтки-обжоры принимаются опять за свою всегдашнюю работу. Когда же въ тѣло животнаго попадаютъ зловредныя бактеріи — носительницы заразныхъ болѣзней,—тогда фагоциты оказываются на высотѣ своего призванія: съ жаромъ набрасываются они на коварныхъ пришлецовъ, и между тѣми и другими завязывается отчаянная схватка не на жизнь, а на смерть: выбора нѣтъ—либо бактеріи должны погибнуть, проглоченныя живьемъ и немедленно переваренныя фагоцитами; либо изможденные въ неравной борьбѣ, фагоциты умираютъ вмѣстѣ со смертью животнаго, въ тѣло котораго пробрались болѣзнетворныя бактеріи.

Все это, вмѣстѣ взятое, еще разъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что клѣтки дѣйствительно надѣлены избирательною способностью, что они неодинаково относятся къ различнымъ пищевымъ веществамъ и останавливаются предпочтительно на той или иной пищѣ, смотря по роду

*) Такъ, напр., «красные кровяные шарики разрушаются послѣ того, какъ они нѣкоторое время обращались въ крови» (Оск. Гертвигъ).

ея и по характеру своей дѣятельности, что клѣтки, наконецъ, очень рѣшительно отказываются отъ нѣкоторыхъ—почти всегда вредныхъ—сортовъ пищи. Но почему это такъ, въ силу какихъ причинъ протоплазма и ядро какъ бы рѣшаютъ, «войдетъ ли извѣстное вещество внутрь клѣтки или нѣтъ» *), каковы условія создающія, регулирующія и направляющія «избирательную способность» клѣтокъ? Тутъ передъ нами одна изъ нерѣшенныхъ проблемъ біологіи. Для однихъ «избирательная способность» клѣтокъ результатъ обыкновенныхъ физико-химическихъ процессовъ—притяженія и отталкиванія различныхъ группъ атомовъ; для другихъ она—нѣчто болѣе сложное, нѣчто такое, что выходитъ за предѣлы обыкновенныхъ физико-химическихъ явленій, и и потому не можетъ быть втиснуто въ рамки механическихъ обобщеній.

II.

Лишь только клѣтка получила необходимыя для ея жизни и спеціальной дѣятельности пищевые продукты, протоплазмѣ и ядру приходится приниматься за дѣло: надо переработать полученную пищу, превратить ее въ плоть и кровь свою. Задача нелегкая. Для самой клѣтки работа эта, повидимому, не особенно трудна, такъ какъ иногда она совершается очень быстро; но для ученыхъ, пытающихся постичь суть этой работы, прослѣдить различныя моменты ея, вопросъ этотъ крайне труденъ. Растеніе получаетъ изъ воздуха угольную кислоту, а изъ почвы растворы различныхъ солей; и вотъ эти обыкновеннѣйшія химическія вещества клѣтка должна обработать такимъ образомъ, чтобы изъ нихъ въ конечномъ результатѣ получилось сложнѣйшее, по признанію всѣхъ ученыхъ, химическое соединеніе—бѣлокъ, не одинъ, а нѣсколько разныхъ бѣлковъ, и само собою разумѣется живыхъ, а не мертвыхъ. Но вотъ живые бѣлки готовы. Однако, это еще не протоплазма, не ядро. Частицы бѣлковъ образуютъ, *по всей вѣроятности*, какія-то своеобразныя, очень оригинальныя и, должно быть, различныя по формѣ и строенію группы, а изъ послѣднихъ, въ концѣ концовъ, слагаются всѣ тѣ «ниточки», «сѣточки», «ячейки» и «зернышки», изъ которыхъ, по мнѣнію различныхъ ученыхъ, состоятъ протоплазма и ядро. Говоря короче, протоплазма и ядро какими-то непознанными еще путями воспроизводятъ самихъ себя.

Впрочемъ, и это еще не все. Клѣтки растеній (нерѣдко и животныхъ), какъ извѣстно, одѣты въ оболочку, очень часто замѣчательно изящную, со всевозможными точно скульптурными украшеніями; въ различныхъ клѣткахъ млекопитающаго содержится то желчь, то слизь, то пепсинъ, то кишечный сокъ, то слюна, то иное какое-нибудь специфи-

*) Оск. Гертвигъ.

ческое вещество, играющее, быть можетъ, очень важную роль въ жизни животнаго; наконецъ, многія изъ одноклѣтныхъ животныхъ, какъ уже говорилось выше, скрываютъ свое нѣжное тѣло въ микроскопическихъ раковинкахъ, отличающихся иногда замѣчательнымъ изяществомъ, тонкостью и красотою отдѣлки. И кто же является во всѣхъ такихъ случаяхъ въ роли механика, химика, искусснаго архитектора и зодчаго? Сама клѣтка, конечно, — протоплазма и ядро ея. А что служитъ ей строительнымъ матеріаломъ? У растеній—угольная кислота, кислородъ, вода и минеральныя вещества, у животныхъ — правда нѣчто болѣе сложное въ структурно-молекулярномъ отношеніи, однако, очень мало похожее на конечные продукты *творческой дѣятельности* клѣтки. Но какъ все это совершается?

Несомнѣнно, что процессъ переработки пищевыхъ веществъ у растеній значительно сложнѣе, чѣмъ у животныхъ; вѣдь растеніе (*зеленое*) должно само приготовить изъ неорганическихъ соединеній—углекислоты, воды и солей—такія органическія вещества, какъ углеводы (крахмалъ, сахаръ, клѣтчатка-древесина), жиры и бѣлки, тогда какъ животныя получаютъ все это уже *въ готовомъ видѣ* или отъ растеній, или отъ другихъ животныхъ, употребляемыхъ ими въ пищу. Правда, и животныя, получая готовые бѣлки, жиры и углеводы, должны не только ихъ *усвоить*, т. е. подвергнуть весьма сложной переработкѣ, сдѣлать похожими на бѣлки, жиры и углеводы своего собственнаго тѣла, но и *оживить*, т. е. превратить *мертвые бѣлки* пищи въ *живые бѣлки* протоплазмы и ядра. Однако, повторяемъ, процессъ превращенія питательныхъ веществъ (прогрессивный метаморфозъ) у животныхъ проще, или вѣрнѣе—*короче*, чѣмъ у растеній.

Первое, что образуется въ растеніяхъ изъ принятой ими пищи, это крахмалъ (Ванъ-Тигемъ, впрочемъ, думаетъ, что не крахмалъ, а сахаристое вещество-глюкоза). Крахмалъ, какъ извѣстно, состоитъ изъ кислорода, водорода и углерода и создается подъ вліяніемъ свѣта и благодаря дѣятельности хлорофилла изъ поступающихъ въ листья воды и углекислоты. Однако, какъ образуется«—это еще совершенно невыяснено» (О. Гертвигъ). Извѣстно, лишь, что угольная кислота, поглощенная листьями, распадается на углеродъ и кислородъ, и что этотъ именно углеродъ идетъ на образованіе крахмала; но какимъ образомъ это происходитъ—прямо ли углеродъ соединяется съ водою, или же сначала строится цѣлый рядъ промежуточныхъ соединеній, и только въ концѣ длинной химической процедуры получается крахмалъ,—неизвѣстно. Такъ, напримѣръ, говоря объ усвоеніи листьями угольной кислоты, Оскаръ Гертвигъ рѣшительно заявляетъ: «Каковы химическіе процессы, разыгрывающіеся въ зеленой протоплазмѣ при поглощеніи углекислоты и воды и отщепленіи кислорода съ использованіемъ живой силы солнца, этого мы еще не знаемъ».

Точно также однѣми лишь догадками, болѣе или менѣе остроум

ными, приходится отвѣчать на вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ крахмала въ растительныхъ клѣткахъ. Теоретически возможно допустить, что изъ крахмала и другихъ углеводовъ *) путемъ длинной цѣпи смѣняющихъ другъ друга превращеній строится бѣлокъ. Дѣйствительно, въ бѣлкахъ, какъ извѣстно, кромѣ углерода, водорода и кислорода,—все это есть уже въ углеводахъ,—содержатся еще *азотъ* и *сѣра* (въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр., въ ядерномъ веществѣ, и *фосфоръ*); а азотъ и сѣра приносятся въ листья изъ почвы въ видѣ азотно-кислыхъ (селитра) и сѣрно-кислыхъ (глауберова соль) солей. Можно предположить что частицы этихъ солей сначала сами претерпѣваютъ какія-то измѣненія, затѣмъ вступаютъ въ соединеніе съ частицами углеводовъ, которые, быть можетъ, предварительно распадаются на составляющія ихъ элементы, и въ результатѣ этой сложной, запутанной и совершенно невыясненной игры химическихъ дѣйствій и взаимодѣйствій получаются частицы бѣлка. Все это весьма и весьма возможно, тѣмъ болѣе, что иначе и быть не можетъ: что-то съ чѣмъ-то какъ-то соединяется и образуетъ молекулу бѣлка! Есть, впрочемъ, одно предположеніе, до извѣстной степени подтвержденное фактами, согласно которому бѣлки въ нѣкоторыхъ случаяхъ образуются въ растеніяхъ изъ особеннаго азотистаго соединенія, изъ такъ-называемаго *аспарагина* (Гартвигъ, Пфефферъ). При этомъ остается совершенно невыясненнымъ, откуда въ клѣткахъ берется аспарагинъ, и какія онъ претерпѣваетъ измѣненія прежде, чѣмъ преобразуется въ бѣлокъ: ухвачена лишь одна изъ промежуточныхъ стадій совершающагося въ зеленой клѣткѣ *синтетическаго* процесса, тогда какъ всѣ остальные моменты его, какъ предшествующіе, такъ и послѣдующіе, не изслѣдованы даже въ общихъ чертахъ. «Неоднократныя попытки выяснить синтезъ углеводовъ въ зеленыхъ частяхъ растеній не увѣнчался пока желаемымъ успѣхомъ... О постепенномъ ходѣ реакцій синтеза органическихъ соединеній въ настоящее время ничего положительнаго мы не знаемъ и должны довольствоваться только одними предположеніями безъ опредѣленной фактической подкладки... При посредствѣ минеральныхъ солей и углеводовъ (а можетъ быть, и болѣе простыхъ продуктовъ синтеза) въ хлорофиллоносныхъ растеніяхъ образуются всѣ остальныя болѣе раскисленныя и сложнѣйшія органическія соединенія. *Относительно хода синтеза послѣднихъ ровно неизвѣстно ничего*»,—такъ говоритъ проф. Фаминцынъ въ своемъ учебникѣ по физіологіи растеній еще лѣтъ десять-двѣнадцать тому назадъ. Достойно вниманія, что и новѣйшія произведенія, напр., О. Гертвига, утверждаютъ почти тоже самое. Такъ Гертвигъ говоритъ: «Химическіе процессы въ клѣткахъ большею частью остаются совершенно темными... Отдѣльныя фазы синтетическаго про-

*) Доказано, что нѣкоторые углеводы и даже жиры сравнительно легко получаются изъ крахмала.

цесса, совершающагося въ растительной клѣткѣ при ассимиляціи углекислоты, *еще совершенно не выяснены*».

Словомъ, тутъ передъ нами самая трудная, запутанная и темная область физіологіи и физіологической химіи. То же самое приходится пока сказать и на вопросъ о томъ, какъ строится изъ молекулъ бѣлка живая матерія. Сошлюсь на слова такого серьезнаго авторитета, какъ Максъ Ферворнъ. «Что касается того, какимъ образомъ бѣлковая молекула употребляется далѣе на образованіе живой матеріи, то объ этомъ,—говоритъ Ферворнъ,—при нашихъ крайне недостаточныхъ свѣдѣніяхъ о химическомъ строеніи бѣлковыхъ тѣлъ, мы ничего не можемъ сказать».

Пойдемъ, однако, дальше. Пищевыя вещества, заготовленныя растеніями, претерпѣваютъ цѣлый рядъ превращеній при поступленіи *въ клѣтки животныхъ*. Подчеркиваемъ слово «въ клѣтки», ибо эта сторона совершающихся въ животномъ организмѣ явленій особенно интересна и, къ сожалѣнію, особенно загадочна. Физіологія прекрасно знаетъ, что дѣлается съ пищей въ *органахъ пищеваренія* подъ вліяніемъ различныхъ пищеварительныхъ соковъ (ферментовъ); знаетъ она, между прочимъ, и то, что бѣлки пищи отъ дѣйствія соляной кислоты и пепсина переходятъ въ растворимое состояніе (пептонизируются), т. е. получаютъ способность просачиваться сквозь органическія перепонки. Очутившись въ клѣткахъ кишечника, пептоны — раств. бѣлки — *уже здѣсь* измѣняются, пропадаютъ, какъ таковые, преобразуются, очевидно, въ другіе бѣлки (Гофмейстеръ). Нѣтъ, однако, никакой пока возможности услѣдить за всѣми метаморфозами бѣлковъ въ клѣткахъ сложнаго организма, нѣтъ силъ показать, какъ изъ нихъ строится живая матерія, какъ возсоздаются протоплазма и ядро.

Интересно знать, конечно, какую роль играетъ сама протоплазма въ этой переработкѣ пищевыхъ веществъ. Многіе изъ ученыхъ глубоко убѣждены въ томъ, что протоплазма пользуется очень цѣлесообразно сырымъ матеріаломъ, который доставляется ей извнѣ въ видѣ пищи: изъ этого матеріала она создаетъ весьма разнообразныя и удивительныя по своей структурѣ вещества, изъ которыхъ каждое несетъ какую-нибудь службу въ жизни клѣтки. Однако, такого рода «формирующая» дѣятельность протоплазмы — дѣятельность, при которой она выступаетъ уже въ роли «зодчаго» или, какъ говоритъ Геккель, «образовательницы»—толкуется весьма различно, хотя и не отрицается. Оскаръ Гертвигъ, напримѣръ, очень рѣшительно заявляетъ, что «одна изъ наиболѣе темныхъ сторонъ вопроса о превращеніи веществъ въ клѣткѣ—это роль, играемая въ данномъ случаѣ протоплазмою». Извѣстно, вѣдь, что до сихъ поръ ботаники никакъ не придутъ къ соглашенію относительно того, какъ образуется оболочка растительной клѣтки: однимъ кажется, что часть самой протоплазмы превращается въ клѣточную оболочку, тогда какъ другіе настаиваютъ на томъ, что веще-

ство протоплазмы тутъ не причемъ, что протоплазма въ данномъ случаѣ пользуется лишь доставляемымъ ей извнѣ пластическимъ матеріаломъ, измѣняетъ и направляетъ его въ видѣ *клѣтчатки*—такъ называется вещество, изъ котораго состоитъ клѣточная оболочка — къ поверхности клѣтки, т. е. туда, гдѣ ему и быть надлежитъ. Въ первомъ случаѣ протоплазма играетъ пассивную роль, роль строительнаго матеріала; во второмъ—она несетъ миссію зодчаго, она—главное дѣйствующее лицо въ жизненномъ процессѣ клѣтокъ, организаторъ, отличающійся рѣдкимъ архитектурнымъ талантомъ. Разница громадная, хотя—кто правъ, кто заблуждается, рѣшить довольно трудно, такъ какъ и здѣсь, какъ всегда, спорящія стороны имѣютъ въ распоряженіи аргументы и pro, и contra.

Живое вещество, пока оно живетъ, медленно разрушается, тратится и не умираетъ всецѣло потому только, что постоянно возстановляется, снова строится изъ притекающаго въ клѣтку питательнаго матеріала. Разрушеніе и обновленіе—таковъ удѣлъ живой матеріи, таковъ заколдованный кругъ, въ которомъ вращается она, пока жива. И только тогда, когда живое вещество умретъ, творческая дѣятельность его кончается, уступая мѣсто однимъ лишь разрушительнымъ процессамъ, которыя постепенно возвращаютъ конечные продукты разложенія живого вещества въ круговоротъ природы. Къ сожалѣнію, біологія до сихъ поръ еще очень плохо знаетъ, въ какомъ послѣдовательномъ порядкѣ идетъ разрушеніе живого вещества въ клѣткѣ. Оказывается, что вопросъ о превращеніи живыхъ бѣлковъ въ простыя химическія соединенія не менѣе сложенъ, чѣмъ вопросъ объ образованіи живого вещества изъ неорганическаго матеріала: тайна смерти ничуть не доступнѣе тайны жизни.

Итакъ, въ нѣдрахъ живого вещества, параллельно съ творческою дѣятельностью, идетъ разрушительная работа, безъ которой, повидимому, немыслимо ни одно изъ проявленій жизни, и продукты разрушенія непрерывно, всю жизнь, такъ или иначе удаляются изъ тѣла клѣтки то въ видѣ газообразныхъ, то въ видѣ жидкихъ и даже твердыхъ веществъ. Угольная кислота, водяные пары, мочевина — вотъ главнѣйшія продукты выдѣленій, послѣднія, конечныя члены длиннаго процесса разрушеній, испытываемыхъ живою протоплазмой и ядромъ.

Передъ нами на лицо живое вещество и то, что изъ него въ концѣ-концовъ получается въ водоворотѣ жизненныхъ отправленій клѣтки, первыя и послѣднія звенья въ длинной цѣпи превращеній: промежуточныя стадіи разрушительнаго процесса, этапные пункты, чрезъ которые проходитъ живая матерія на пути своей гибели и смерти,—совершенно неизвѣстны; о нихъ лишь можно съ большею или меньшею вѣроятностью догадываться, какъ это мы дѣлаемъ, напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда хотимъ узнать, какими путями неорганическія составныя части почвы, воды и воздуха преобразуются въ нѣчто, одаренное способностью расти, двигаться, питаться и т. д., словомъ, жить.

Клѣтка, какъ мы уже знаемъ, съ большимъ нерѣдко расчетомъ выбираетъ себѣ изъ пищи все нужное для жизни и спеціальной дѣятельности, если, конечно, таковая имѣется у нея. Такъ же заботливо относится клѣтка и къ тому, чтобы внутри ея тѣла не залеживались остатки пищи и ненужныя, почти всегда вредныя продукты разрушенія живого вещества или, какъ говорятъ иначе, продукты регрессивнаго метаморфоза. Одноклѣтные организмы, вродѣ амебъ, довольно энергично выталкиваютъ изъ своего тѣла обломки раковинокъ и песчинки, попавшіе вмѣстѣ съ пищею въ ихъ протоплазму; инфузоріи, снабженныя бьющимися вакуолями, удаляютъ жидкіе продукты разрушенія съ помощью этихъ оригинальныхъ «органовъ выдѣленія»: ненужныя для инфузоріи жидкости собираются въ пульсирующихъ пузырькахъ и затѣмъ уже отсюда выбрасываются наружу *); наконецъ, всякая клѣтка сложнаго организма стремится такъ или иначе удалить изъ своего тѣла и газообразные, и жидкіе продукты распада бѣлковъ, жировъ и углеводовъ. Во всемъ этомъ, опять-таки сказывается, по мнѣнію однихъ ученыхъ, жизнедѣятельность клѣтки, прямое, непосредственное участіе различныхъ частей ея, до нѣкоторой степени *активная* работа протоплазмы и ядра; другіе же ученые думаютъ, что и тутъ, какъ и во всей вообще дѣятельности клѣтки, мы имѣемъ дѣло лишь съ причудливо-сложною, пока еще мало изслѣдованною игрою химическихъ и механическихъ агентовъ...

Итакъ, въ клѣткахъ совершается одинъ изъ важнѣйшихъ жизненныхъ процессовъ—обмѣнъ веществъ, т. е. *поглощеніе, переработка и выдѣленіе ихъ*. Питательный матеріалъ, поступающій въ лабораторію клѣтки, пробѣгаетъ цѣлый рядъ пока еще мало извѣстныхъ измѣненій и превращеній; въ результатѣ этой работы получаются бѣлки, идущіе на построеніе живой матеріи. Но дальше, только что созданное живое вещество вступаетъ въ кругъ жизненной дѣятельности клѣтки, и тутъ снова, такъ же постепенно, какъ оно создавалось, разрушается, переходя отъ сложнаго-загадочнаго къ простому-ординарному. Наука прекрасно изучила какъ тотъ матеріалъ, изъ котораго получается, въ концѣ-концовъ, живое вещество такъ и конечные продукты его разрушенія; но она плохо освѣдомлена относительно строенія и функцій одухотворенной матеріи и ничего почти не знаетъ о той цѣпи смѣняющихъ другъ друга измѣненій, которыя ведутъ отъ мертвой матеріи къ сложно-организованному живому веществу и отъ этого послѣдняго обратно къ безжизненнымъ продуктамъ разрушенія. Безконечно-разнообразныя, дивно-построенныя и необыкновенно-красивыя формы, которыя принимаетъ живое вещество въ различныхъ клѣткахъ остаются пока совершенно недоступными для біологіи: ихъ описываютъ, но не объясняютъ.

---

*) Значеніе и работа вакуолъ, впрочемъ, не вполнѣ еще выяснена.

III.

«Клѣтка живетъ»—это значитъ, что она не только принимаетъ и перерабатываетъ пищу, но и запасается энергіей, которая очень часто проявляется въ видѣ движенія.

У многоклѣтныхъ животныхъ и растеній живое вещество клѣтокъ обнаруживаетъ способность двигаться, повидимому, совершенно самопроизвольно; а среди нѣкоторыхъ одноклѣтныхъ организмовъ эта способность выражена замѣчательно ярко и интенсивно.

Много любопытныхъ страницъ можно было бы посвятить одному лишь описанію всевозможныхъ способовъ движенія живого вещества. Интересное и поучительное зрѣлище представляетъ эта сторона жизни клѣтокъ: интересна она богатствомъ и разнообразіемъ формъ движенія, а особенно поучительна для тѣхъ, кто слѣдитъ за споромъ между сторонниками витализма и механическаго міровоззрѣнія. Движеніе живого вещества составляетъ одинъ изъ краеугольныхъ камней въ аргументаціи сторонниковъ витализма и потому на этотъ пунктъ направлено особенное вниманіе антивиталистовъ (Квинке, Бючли, Ферворнъ).

Остановимся въ самомъ дѣлѣ хоть слегка на той чудной картинѣ, которую подъ микроскопомъ представляетъ движущееся живое вещество.

Вотъ *амёба*—простѣйшее изъ живыхъ созданій, медленно и неуклюже переползающая съ одной песчинки на другую при помощи небольшихъ отростковъ, псевдоподій, которые время отъ времени то тамъ, то здѣсь появляются и исчезаютъ на ея тѣлѣ. Вотъ и знаменитая корненожка *громія*: ея протоплазматическое тѣло одѣто оболочкой, сквозь которую въ различныхъ мѣстахъ выступаетъ часть протоплазмы, образуя множество тоненькихъ и толстыхъ, длинныхъ и короткихъ нитевидныхъ отростковъ; присмотрѣвшись къ этимъ нитямъ повнимательнѣе, не трудно замѣтить, что протоплазма ихъ движется: мелкія зернышки ея (микрозомы) скользятъ, передвигаются и текутъ, догоняя и обгоняя или задерживая другъ друга, то впередъ къ концамъ нитей, то обратно къ тѣлу корненожки, то быстро, то медленно, то едва-едва замѣтно; иногда зернышки эти текутъ навстрѣчу другъ другу—одни впередъ, другія назадъ, и если встрѣчаются, то или стараются обойти другъ друга, или же на нѣсколько мгновеній останавливаются, кружатся на одномъ мѣстѣ и снова пускаются вплавь каждый по избранной дорожкѣ, при чемъ можетъ случиться и такъ, что одно изъ нихъ увлекаетъ за собою другое (Максъ Шульце). Но вотъ не менѣе знаменитыя жгутиковыя инфузоріи, снабженныя однимъ или нѣсколькими подвижными жгутами: не въ примѣръ флегматичнымъ амёбамъ и не особенно подвижнымъ микрозомамъ въ протоплазмѣ громіи, энергично и ловко ударяютъ онѣ своими бичами, юрко шныряя въ родной имъ водной стихіи и нерѣдко отдѣльно проносясь черезъ все поле зрѣнія микроскопа. Не хуже ихъ работаютъ своими изящными волосками и рѣснитчатыя инфузоріи: подобно ловкимъ гребцамъ, мѣрно и дружно ударяющимъ своими веслами,

инфузоріи эти ритмично и плавно двигаютъ своими рѣсничками, разсѣкая ими микроскопическія волны водяной капли и быстро, порою стремительно, налетая на добычу...

Остановимся подробнѣе на нѣкоторыхъ формахъ движенія живого вещества.

Прежде всего особенный интересъ должно вызывать движеніе протоплазмы *внутри* клѣтокъ. Такого рода «внутриклѣточное» движеніе, главнымъ образомъ, и даже преимущественно наблюдается въ клѣткахъ растеній; въ клѣткахъ животныхъ оно встрѣчается сравнительно рѣдко. Однако, и въ клѣткахъ растеній движеніе это сказывается неодинаково. Поэтому нѣкоторые ученые вполнѣ резонно различаютъ три вида движенія протоплазмы внутри клѣтокъ: вращательное, фонтановидное и струйчатое.

У нѣкоторыхъ водорослей протоплазма располагается довольно толстымъ слоемъ сейчасъ же подъ клѣточной оболочкой, тогда какъ остальная часть клѣтки вся сплошь заполнена клѣточнымъ сокомъ съ растворенными въ немъ различными веществами. Вотъ въ такой-то «стѣнкоположной» (ужасно неуклюжее слово!) протоплазмѣ и замѣчается вращательное движеніе: она поднимается вверхъ по одной продольной стѣнкѣ клѣтки, переходитъ на поперечную, спускается по другой продольной и снова, по нижней поперечной стѣнкѣ, направляется къ тому мѣсту, откуда начаюсь ея движеніе, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать новый туръ, затѣмъ другой, третій и т. д., пока какая-нибудь внѣшняя причина не положитъ конецъ ея вращенію, умертвивши и разрушивши живое вещество.

Совсѣмъ иное зрѣлище представляетъ движеніе протоплазмы въ клѣткахъ листового черешка обыкновенной клещевины. Тутъ протоплазма подымается толстою струей съ нижней перегородки и течетъ вверхъ посерединѣ клѣтки; дойдя до верхней перегородки она фонтаномъ разсыпается на множество мелкихъ струекъ, которыя, спустившись внизъ, сливаются вмѣстѣ и снова подымаются вверхъ въ видѣ толстой центральной струи.

Если же мы возьмемъ, напр., молодые волоски крапивы или тыквы и разсмотримъ ихъ подъ микроскопомъ, то картина движенія протоплазмы опять получится совершенно новая. Протоплазма молодыхъ волосковъ крапивы имѣетъ видъ сѣти. Это довольно грубая и прекрасно видимая въ микроскопъ сѣть, которая образовалась оттого, что клѣточный сокъ собрался въ довольно крупныя капли и разбилъ протоплазму на отдѣльные нитевидные участки, связанные между собою еще болѣе тонкими нитями. Въ тонкихъ нитяхъ движутся маленькія зернышки (микрозомы) гуськомъ, изрѣдка наталкиваясь одно на другое и переползая впередъ; въ толстыхъ нитяхъ тѣ же зернышки плывутъ въ два, а иногда и въ нѣсколько рядовъ, то въ одну сторону, то навстрѣчу другъ другу. Зрѣлище становится особенно интереснымъ и эффектнымъ, когда вмѣстѣ съ микрозомами пускаются въ движеніе

крахмальныя и хлорофильныя зерна, а также и ядро. Быстро несутся тогда мелкія зернышки впередъ, расчищая путь и увлекая вмѣстѣ съ собою болѣе грузныя и неповоротливыя крахмальныя и хлорофильныя зерна, которыя толкаются и съ трудомъ протискиваются сквозь тѣсную толпу микрозомъ, а за всею этою клѣточною челядью медленно, чинно и точно нехотя ползетъ «царственное» ядро. Теперь собственно задвигалось все, безконечно мѣняя и разнообразя форму содержимаго клѣтки: какъ планеты любой изъ солнечныхъ системъ описываютъ свои собственныя пути движенія и вмѣстѣ со всѣми членами своей семьи вихремъ несутся въ безконечномъ пространствѣ по направленію къ опредѣленной точкѣ его, такъ и здѣсь различныя части живого вещества—микрозомы, хлорофильныя и крахмальныя зерна, ядро—двигаясь самостоятельно, движутся въ то же время вмѣстѣ со всѣмъ содержимымъ клѣтки въ замкнутыхъ предѣлахъ послѣдней.

Можно ли сомнѣваться въ томъ, что всѣ эти движенія имѣютъ какое-нибудь значеніе въ жизни клѣтки? Быть можетъ, они способствуютъ *равномѣрному смѣшенію* питательныхъ веществъ? Быть можетъ, на нихъ до извѣстной степени зиждется *обмѣнъ и правильное распредѣленіе* веществъ? Быть можетъ, безъ движенія протоплазмы внутри клѣтокъ немыслима была бы *выдѣлительная* дѣятельность послѣднихъ? Догадокъ и предположеній въ этомъ смыслѣ дѣлается очень много, но положительнаго, несомнѣннаго пока никто ничего не знаетъ. Одно доподлинно извѣстно, что хлорофилловыя зерна въ клѣткахъ растеній размѣщаются наивыгоднѣйшимъ образомъ въ интересахъ своей исключительной дѣятельности; они, какъ извѣстно, ведутъ дѣло разложенія угольной кислоты на ея составныя части и дѣлаютъ это съ помощью свѣта; поэтому очень естественно, что имъ приходится, смотря по силѣ солнечнаго свѣта, занимать въ клѣткѣ различное положеніе, чтобы всегда имѣть въ распоряженіи достаточное количество солнечной энергіи.

Теперь поговоримъ о тѣхъ, также чрезвычайно любопытныхъ случаяхъ движенія, когда живое вещество движется цѣликомъ въ качествѣ самостоятельнаго до извѣстной степени существа.

Минуя всѣ простыя формы такого движенія (напр., амёбъ, лейкоцитовъ и т. п.), мы остановимся на движеніяхъ жгутиковыхъ и рѣснитчатыхъ инфузорій, сѣмянныхъ тѣлецъ различныхъ животныхъ и зооспоръ нѣкоторыхъ грибовъ и водорослей. Всѣ онѣ—и инфузоріи, и сперматоизоиды, и зооспоры микроскопически малы, но, несмотря на это, полны жизни и движенія: онѣ самыя безпокойныя и неугомонныя среди микроскопическихъ созданій и, если корненожки страдаютъ нѣкоторою флегматичностью, то и инфузоріи и зооспоры надѣлены съ избыткомъ сангвиническимъ темпераментомъ.

Жгутами снабжены не только нѣкоторые виды инфузорій, но и сперматозоиды (см. тѣльца), и зооспоры. Жгутъ можетъ быть одинъ, можетъ быть ихъ и нѣсколько (у сперматозоидовъ всегда одинъ). За-

тѣмъ жгутъ можетъ прикрѣпляться или къ переднему концу тѣла инфузоріи и зооспоры, или къ заднему. Если жгутъ спереди, то, двигаясь, онъ *волочитъ за собою* тѣло; если же сзади, то при движеніи онъ *толкаетъ* тѣло впередъ. Ученые, особенно интересовавшіеся движеніемъ сперматозоидовъ, жгутиковыхъ инфузорій и зооспоръ, напр., Брюнъ, Платнеръ, Ла Валлетъ, Эймеръ, Френцель, Негели, Бючли и друг.— описывали очень подробно все то, что они наблюдали, и оказывается, что движеніе клѣтокъ, снабженныхъ жгутиками, вовсе не такъ просто, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Здѣсь, конечно, не мѣсто останавливаться подробно на результатахъ изслѣдованій всѣхъ только что упомянутыхъ ученыхъ: два-три рельефныхъ факта изъ интересовавшей ихъ области представятъ съ достаточной ясностью справедливость моихъ словъ.

Ла Валлетъ, напр., утверждаетъ, что хвостикъ сперматозоида при движеніи послѣдняго, «изгибается, вращается, качается, ундулируетъ», и всѣ эти выраженія указываютъ прежде всего на то, что движеніе сперматозоидовъ отличается большимъ разнообразіемъ. Эймеръ же стоитъ не столько за разнообразіе этихъ движеній, сколько за сложность ихъ. По его мнѣнію, жгутъ сперматозоидовъ не просто двигается вправо, влѣво, вверхъ и внизъ, а продѣлываетъ вращательныя, вѣрнѣе, винтообразныя, буравящія движенія, причемъ передній конецъ жгута описываетъ маленькій конусъ, а задній конецъ тоже конусъ, но значительно бо̀льшихъ размѣровъ. Нѣчто подобное наблюдалъ и Негели на зооспорахъ. Онъ находитъ, что «однѣ изъ зооспоръ плывутъ впередъ безъ всякихъ колебаній, другія ясно описываютъ прямую или слегка винтовую линію, у третьихъ передній конецъ движется по винтовой линіи, задній же по прямой или винтовой меньшаго діаметра». Если къ этому прибавить, что жгуты сѣмянныхъ тѣлецъ нѣкоторыхъ животныхъ, напр., саламандры, снабжены мерцательною перепонкой, которая при движеніи сперматозоида играетъ такую же роль, какъ плавникъ у рыбъ, то станетъ яснымъ, что движеніе жгутиковъ дѣйствительно отличается большимъ разнообразіемъ и сложностью.

Отъ движенія жгутиковъ не трудно перейти къ движенію волосковъ на тѣлѣ рѣснитчатыхъ инфузорій и на клѣткахъ мерцательнаго эпителія. Что особенно интересно въ движеніи инфузорій, такъ это то, что они при помощи своихъ рѣсничекъ не только подвигаются впередъ, но и вертятся «колесомъ» или, вѣрнѣе, какъ хорошо заведенный волчокъ вокругъ длинной оси своего тѣла. Эффектное зрѣлище представляетъ движеніе самихъ рѣсничекъ, которыя цѣлыми сотнями покрываютъ микроскопическое тѣло инфузоріи. Они колеблются ритмично, одинаково быстро, дѣлая равные размахи. Этотъ чудный живой механизмъ движенія лучше всего наблюдается на клѣткахъ мерцательнаго эпителія, гдѣ отдѣльныя рѣснички движутся съ извѣстной послѣдовательностью другъ за другомъ, такъ что за взмахомъ одной рѣснички слѣдуетъ взмахъ слѣдующей за нею, дальше—третьей, четвертой и т. д.

Есть, наконецъ, еще особенный родъ движенія, который, встрѣчается, повидимому, только среди животныхъ *). Такое движеніе принято называть сокращеніемъ, и оно всегда связано съ дѣятельностью особенныхъ организованныхъ элементовъ, которые называются мышечными *волокнами и волоконцами*. Способность мышцъ быстро сокращаться подъ вліяніемъ какого-нибудь импульса всецѣло зависитъ отъ такой же способности мускульныхъ волоконъ, цѣлые пучки которыхъ образуютъ обыкновенно любой мускулъ. У одноклѣтныхъ животныхъ, конечно, не можетъ быть мускульныхъ *волоконъ*, такъ какъ само волокно представляетъ собою всего лишь видоизмѣненную клѣтку; но зато въ тѣлѣ такихъ животныхъ иногда встрѣчаются *волоконца* или, какъ называютъ ихъ иначе, *фибриллы*. Есть, напр., инфузорія, которую называютъ *трубачомъ*, потому что она по формѣ походитъ нѣсколько на прямую трубу. Трубачъ (Stentor) движется въ водѣ съ помощью рѣсничекъ, но кромѣ того онъ можетъ еще и сокращаться, съеживаться и принимать шарообразную форму подъ давленіемъ какого-нибудь раздраженія. Дѣло въ томъ, что въ протоплазмѣ трубача заложено довольно много волоконецъ-фибриллъ, которые тянутся вдоль его тѣла, отъ раструба къ ножкѣ, почти параллельно: сокращаясь, т. е. укорачиваясь подъ вліяніемъ раздраженія, эти фибриллы заставляютъ трубача съеживаться въ круглый комочекъ; зато, когда фибриллы возвращаются къ своимъ первоначальнымъ размѣрамъ, то и трубачъ принимаетъ снова свой настоящій, оправдывающій данное ему названіе видъ. Есть и другая инфузорія, не менѣе любопытная въ этомъ отношеніи. Называется она сувойкой (Vorticella). Отъ всѣхъ прочихъ инфузорій сувойки отличаются тѣмъ, во-первыхъ, что живутъ по большей части колоніями, а, во-вторыхъ, и это самое главное—онѣ не плаваютъ свободно въ водѣ, а сидятъ на тоненькихъ ножкахъ, точно микроскопическіе цвѣточки на длинныхъ стебелькахъ. Каждый такой стебелекъ состоитъ изъ цѣлаго пучка мускульныхъ волоконецъ; при раздраженіи всѣ волоконца, а значитъ и стебелекъ, быстро сокращаются, сворачиваясь въ спираль, и, стоявшая почти вертикально, сувойка опускается глубоко, увлекаемая своею укоротившеюся ножкой...

Нахожу излишнимъ дальнѣйшее перечисленіе различныхъ формъ движенія живого вещества; надо полагать, что и приведенныхъ вполнѣ достаточно, чтобы составить себѣ болѣе или менѣе ясное понятіе объ одномъ изъ характернѣйшихъ проявленій жизни въ клѣткѣ.

В. Лункевичъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

*) Сюда, быть можетъ, примыкаютъ и движенія, свойственныя листьямъ нѣкоторыхъ насѣкомоядныхъ растеній, напр., мухоловки.

ИЗЪ МАРІИ КОНОПНИЦКОЙ.

Зачѣмъ же та бездна обиды и горя,
Что слабыхъ отъ сильныхъ отрѣзала прочь,
Безмолвнѣе смерти, безбрежнѣе моря,
Зіяетъ какъ рана, какъ черная ночь?
Мрачнѣе и глубже открытаго гроба,
Страшнѣе заразы, чернѣе тюрьмы...
И тщетно стремится страданье и злоба
Наполнить пожаромъ пучину той тьмы.
Народы не могутъ залить ее кровью,
Въ угрюмую пропасть летятъ, что ни день,
И доблесть, и зависть, и дружба съ любовью,
И слезы, и клятвы,—и гибнутъ, какъ тѣнь.
И время бросаетъ несчетныя силы,
Безмѣрныя страсти въ утробу ея,
Живыя рожденья, нѣмыя могилы,
Но сблизить не можетъ края.
Мудрецъ отдаетъ ей свой разумъ пытливый,
Пророкъ вдохновенный—кипучую рѣчь,
И нищій-работникъ—свой трудъ терпѣливый,
И воинъ даетъ ей свой мечъ;
Герой—свою славу и жажду свободы,
И творческій геній—могучую страсть,
Душа—свои муки и вѣчность—народы;
Самъ Богъ свои громы бросаетъ ей въ пасть,
Но тѣмъ же проклятьемъ и казнью природы
Надъ міромъ виситъ ея власть.
О, кто же дастъ силу тѣмъ зернамъ посѣва,
Что бездна пожрала въ зіяющей мглѣ,
Чтобъ выросли всходы изъ мрачнаго зѣва
На жатву благую голодной землѣ?
О ясное солнце, зачѣмъ такъ несмѣло
Ты всходишь въ туманѣ надъ бездной нѣмой?
Спѣши же, чтобъ утро нашъ холодъ согрѣло,
Чтобъ свѣтъ воцарился надъ тьмой!..

Танъ.

СТУДЕНТКА.

Романъ Грэхэмъ Трэверса.

Переводъ съ англійскаго З. Журавской.

(*Продолженіе* *).

Глава XXXVIII.

Бабочка съ обожженными крылышками.

Къ новому году жизнь въ маленькомъ домикѣ уже опять шла по старому. Мона украсила гостиную гирляндами изъ остролистника, по сто разъ на день бѣгала въ кухню, наблюдая за приготовленіемъ праздничныхъ тортовъ,—вообще, дѣлала все, что могла, чтобы привести себя и другихъ въ праздничное настроеніе. Нельзя, однако, сказать, чтобы попытки ея увѣнчались успѣхомъ; Рэчель была совершенно неспособна искать, или находить поэзію въ домашней жизни, а смутныя мечты Моны устроить угощеніе для своихъ маленькихъ *protegées*, или ёлку для дѣтей изъ воскресной школы разбились о необходимость держаться въ границахъ принятой на себя роли. Для себя она не искала и не желала развлеченій. Изъ всѣхъ сосѣдей тетя Белль была единственнымъ существомъ, съ которымъ ей было бы пріятно повидаться,—тетя Белль и, пожалуй, еще одинъ человѣкъ: за эти дни Мона часто видала докторскую бричку, но самого доктора не встрѣтила ни разу.

Новогодній обѣдъ—не очень-то веселая штука, когда въ вынужденномъ одиночествѣ вдвоемъ сходятся люди, мало подходящіе другъ къ другу, и Мона обрадовалась, когда Рэчель получила отъ одной своей старинной пріятельницы приглашеніе на чай. Ее тоже звали, но она отговорилась и не пошла, да и сама Рэчель не очень настаивала. Мона въ общемъ была довольно популярна среди пріятельницъ своей кузины, но всѣ говорили въ одинъ голосъ, что для дружеской болтовни у камелька она не годится—скучна. Салли была отпущена на весь вечеръ,

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь.

и Рэчель нѣсколько стѣснялась оставить кузину одну, но Мона, смѣясь, сказала ей:

— Полноте, такъ будетъ удобнѣе и для васъ, и для меня. Я снесу кусокъ пирога старой Дженни, и она, навѣрное, угоститъ меня чаемъ. У меня давно уже лежитъ на совѣсти этотъ визитъ. Погода самая подходящая для прогулки, а ночью мнѣ будетъ свѣтить луна.

Дѣйствительно, погода была прелестная.

Солнце медленно скрывалось за линіей горизонта; серпъ мѣсяца выступалъ все яснѣе; когда Мона вошла въ лѣсъ, мистическая, неземная красота окружающей природы такъ захватила ее, что у нея выступили на глазахъ слезы. Тишина прерывалась только шепотомъ лѣса; при свѣтѣ мѣсяца граціозно изогнутыя вѣтви и тонкія вершины казались кристаллами.

Мона сама не знала, сколько времени она простояла у калитки. Ее вывелъ изъ забытья стукъ колесъ. Кто это? Ужъ не полковникъ ли вернулся? Или можетъ быть Дженни больна? Она вдругъ догадалась, кого ей предстоитъ увидѣть.

Это былъ докторъ Дудлей; онъ шелъ, ведя лошадь въ поводу; лицо у него было усталое и озабоченное. При видѣ женской фигуры у калитки онъ обрадовался и ускорилъ шаги, но, узнавъ, кто это, остановился, какъ вкопанный, и чуть не застоналъ отъ досады. Минуту тому назадъ онъ дорого бы далъ за встрѣчу съ женщиной, но теперь, когда желаніе его исполнилось, горько жалѣлъ, что изъ всѣхъ женщинъ судьба послала ему на встрѣчу именно эту.

Однако выбора не было, и онъ сразу приступилъ къ дѣлу; губы у него побѣлѣли, но голосъ звучалъ твердо.

— Я нахожусь въ очень тягостномъ положеніи, миссъ Маклинъ. За мной прислали спасать отравившагося мышьякомъ, а, проѣзжая мимо этого коттэджа, я узналъ, что здѣсь женщина мучается родами. Кстати, эта несчастная—ваша маленькая Магги. Бѣдняжка! Вотъ когда она дѣйствительно можетъ спросить себя: стоитъ ли жить! Разумѣется, мнѣ пришлось сначала съѣздить къ больному, но я оставилъ его, не дождавшись конца, и теперь долженъ спѣшить назадъ. Ребенокъ только что родился.

— Дженни здѣсь?—глухо спросила Мона. Она едва могла говорить подъ наплывомъ охватившей ее горечи и жалости.

— Дженни уѣхала въ Лейхъ повидать брата-шкипера, который только что возвратился изъ плаванія. Дѣвушка вернулась домой нежданно-негаданно. Всѣ сосѣди въ городѣ празднуютъ Новый годъ; въ коттэджѣ остались только дѣти, да больной старикъ-сторожъ. Онъ замѣтилъ, что бѣдняжкѣ плохо приходится, и позвалъ меня, когда я проѣзжалъ мимо. Можетъ быть вы зайдете туда? Тамъ нѣтъ даже огня, а бѣдное дитя нуждается въ уходѣ. Конечно, это—работа не для васъ...

Мона посмотрѣла на него съ какимъ-то страннымъ блескомъ въ глазахъ.

— Не можетъ быть, чтобъ вы говорили серьезно. Еслибъ вы встрѣтили герцогиню—и то эта работа не была бы низка для нея. Я думаю, въ коттэджѣ можно достать молока? Магги должно быть весь день ничего не ѣла.

У него дрожали губы, но онъ вздохнулъ съ облегченіемъ, видя, какъ просто она все это приняла.

— Благослови васъ Боже!—сказалъ онъ, беря въ руки возжи.— Я думаю, съ Магги все обойдется благополучно. Я постараюсь вернуться какъ можно скорѣе и первую женщину, какая мнѣ попадется, пришлю вамъ на смѣну.

— Не дѣлайте этого. Лучше мнѣ просидѣть здѣсь всю ночь, чѣмъ пустить сюда чужую, неизвѣстную мнѣ женщину. Поѣзжайте. Помоги вамъ Боже!

Она добыла молока и стрѣлой помчалась къ дому полковника. Онъ и въ хорошую погоду смотрѣлъ угрюмо, а теперь казался совсѣмъ чернымъ, мрачнымъ и страшнымъ—самый подходящій пріютъ для бѣдной обжегшей крылышки бабочки, прилетѣвшей сюда въ часъ смертельной тоски и муки.

Работы предстояло много, и Мона была рада этому: такое негодованіе закипало въ ея душѣ при видѣ измученнаго, осунувшагося лица прежней толстушки Магги. Воздадимъ должное скромнымъ, благороднымъ женщинамъ, строго блюдущимъ цѣломудріе и достоинство своего пола; но поблагодаримъ и тѣхъ, которыя, подобно Монѣ въ тяжкій часъ испытанія забываютъ о винѣ бѣдной грѣшницы и видятъ въ ней лишь обиженное, страдающее дитя.

Скоро на очагѣ запылалъ огонь, постель была прибрана, и Мона напоила горячимъ молокомъ изголодавшуюся родильницу. Только больной знаетъ, какъ отрадно имѣть въ комнатѣ близкаго человѣка, который, безъ разговоровъ и разспросовъ, сразу берется за дѣло. Бѣдняжка Магги смотрѣла на свою благодѣтельницу глазами загнаннаго животнаго, которое, истекая кровью, спряталось въ чащу лѣса и внезапно открыло, что оно нашло надежный пріютъ.

Въ первыя минуты Мона сомнѣвалась, доживетъ ли ребенокъ до возвращенія доктора. Онъ былъ такой слабенькій и тщедушный,— жалкое существо, брошенное раньше времени въ холодный, суетный міръ, который не ждалъ его и не нуждался въ немъ. «Лучше бы ему умереть!»—думала Мона, но въ то же время принимала всѣ мѣры къ тому, чтобъ онъ остался живъ, и сердечно обрадовалась, убѣдившись, что немедленная опасность миновала. Не знаю, что при этомъ сильнѣе говорило въ ней: врачъ или женщина.

Все успокоилось, и Магги уснула съ необсохшими слезами на длинныхъ рѣсницахъ, когда вернулся докторъ Дудлей.

Онъ извинился за свое долгое отсутствіе, наскоро задалъ нѣсколько вопросовъ, потомъ прошелъ въ кухню, подвинулъ къ Монѣ расшатанное, старое кресло, и самъ усѣлся на столъ.

— Боюсь, что вы очень устали?

— О, нѣтъ!

— Это вы оставляете на завтра?

Онъ охотно пощупалъ бы ея пульсъ, но не рѣшился.

— Не знаю, что бы мы съ бѣдняжкой Магги дѣлали безъ васъ! Мнѣ таки пришлось повозиться со своимъ больнымъ. Я засталъ его въ обморочномъ состояніи,—блѣднымъ, похолодѣвшимъ, съ синими пятнами подъ глазами.

— Что же вы сдѣлали?—спросила Мона съ жаднымъ любопытствомъ студентки.

— Хорошо вамъ спрашивать. Насъ учатъ какъ вывести ядъ изъ желудка или нейтрализовать его дѣйствіе, начиняютъ намъ головы выдержками и цитатами, но какъ спасти жизнь больному—этому не учатъ,—это вѣдь только подробность... Само собой я обложилъ его горячими бутылками. Возбуждающія боялся давать,—они вѣдь способствуютъ поглощенію яда, но въ концѣ концовъ рискнулъ дать виски съ водой и больной сразу очнулся. Я ужасно тревожился за васъ, но думалъ, что какая-нибудь замужняя сосѣдка уже пришла вамъ на помощь.

— Не пришла и не придетъ. Я дала старику соверенъ, чтобы онъ держалъ языкъ за зубами,—начала Мона и вдругъ запнулась, вспомнивъ, что помощницѣ миссъ Симпсонъ вовсе не подобаетъ такъ сорить деньгами.

Дудлей улыбнулся, немножко насмѣшливо, но очень ласково, и это моментально отразилось на лицѣ Моны.

— Вы находите, что это было глупо?—спросила она просто.

— Боже меня сохрани критиковать женскій инстинктъ! Я бы, конечно, не сумѣлъ заставить его молчать. Я давно уже убѣдился, что если вы не хотите, чтобы люди говорили о чемъ-нибудь, самое лучшее—опубликовать это въ газетахъ, поднять воротникъ пальто, сложить руки и—ждать.

— Все это хорошо, когда дѣло идетъ о самомъ себѣ, но вѣдь надо принять въ расчетъ и старую Дженни. Такъ она сама рѣшитъ, какъ ей поступить, а если бы сторожъ проболтался, у нея не было бы выбора.

— Совершенно вѣрно! мнѣ слѣдовало бы сразу сообразить, что вы правы. Имѣть возможность сказать Дженни, что никто ничего не знаетъ—это стоитъ дороже соверена. Ну, слава Богу! Значитъ, все какъ слѣдуетъ быть. Я своего больного отходилъ и такъ радъ, что готовъ кричать ура, какъ школьникъ. Отравленіе вѣдь дѣло не шуточное: тутъ ничего не знаешь навѣрное, торопишься, дѣйствуешь на-

угадъ; а въ перспективѣ—судебное слѣдствіе.—«Вы говорите, сэръ»,—Дудлей сдѣлалъ видъ, будто надѣваетъ парикъ и поправляетъ очки:—вы хотите сказать, что, имѣя на своей отвѣтственности человѣческую жизнь, вы дѣйствовали такъ-то и такъ-то?»—Уфъ! Кто смѣетъ сказать, что врачу легко достается его заработокъ? Послѣ такого случая, нужно много разстройствъ пищеваренія, или болѣзней печени, чтобы возстановить душевное равновѣсіе!

— Охотно вѣрю и потому совѣтую вамъ отправиться домой и постараться хорошенько уснуть.

— А вы-то какже? Неужто же вы думаете, что я способенъ уснуть сномъ праведныхъ, оставивъ васъ здѣсь одну?

— Вамъ именно это и надо сдѣлать. Мнѣ часъ ходьбы не повредитъ; кстати я за послѣднее время мало гуляла. А вы отвезите записочку моей кузинѣ и если можно, зайдите сказать м-рсъ Арнотъ—вы знаете, о комъ я говорю, это большая пріятельница Дженни,—чтобъ она пришла завтра утромъ. Ей можно сказать: она человѣкъ надежный. Скажите, чтобы она подождала, пока откроютъ магазины, и купила мнѣ все, что тутъ записано.

Магги проснулась, и Дудлей передъ уходомъ зашелъ къ ней. Бѣдняжка находила, что докторъ очень добръ, но страшно конфузилась и рада была, когда онъ ушелъ. Оставшись одна съ Моной, она начала съ того, что разрыдалась.

— Я вамъ разскажу, какъ это все вышло.

— Не сегодня, милая,—ласково сказала Мона, гладя ея густые темные волосы.—Когда окрѣпнете немножко, тогда и разскажете все по порядку, а сегодня лежите спокойно и отдыхайте. Я сдѣлаю все, что надо.

Странно тянулись для нея долгіе часы ночи, среди тишины, нарушаемой только ровнымъ дыханіемъ спящей молодой матери, тиканьемъ часовъ да случайнымъ шумомъ отъ паденія головни. Ей казалось невѣроятнымъ, чтобы эта дѣвочка—эта бабочка—уже вступила, суетная и неподготовленная въ ту страну, которая для каждой новой путницы представляется почти такой-же неизвѣданной и таинственной, какъ область смерти. Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Мона чувствовала себя старухой, умудренной опытомъ, рядомъ съ этимъ наивнымъ ребенкомъ; теперь между ними лежала цѣлая бездна познанія и скорби, и Мона стояла у края бездны, а эта дѣвочка-мать была на *томъ* берегу.

Глава XXXIX.

Разспросы.

Избирая медицинскую карьеру, Мона руководилась отчасти страстной любовью къ наукѣ и научнымъ занятіямъ, отчасти же глубокимъ убѣ-

жденіемъ, что, если годность женщинъ для нѣкоторыхъ сферъ дѣятельности—пока еще вопросъ открытый, занятіе медициной составляетъ ихъ долгъ и естественное право, независимо отъ всѣхъ измѣнчивыхъ знаменъ и условныхъ взглядовъ. Неудачи «сбили съ нея спѣсь», какъ она выражалась, но, оставляя на время занятія, она лишь въ первые дни серьезно думала о томъ, чтобы отречься отъ своего дѣла. Человѣкъ часто и долго колеблется; нужно много посвященій, чтобы онъ убѣдился въ своемъ призваніи, и Мона прошла черезъ такое посвященіе въ эту ночь въ Бартноумъ-Вудѣ, за сотни миль отъ своей школы, въ храмѣ изъ осеребренныхъ инеемъ сосенъ, гдѣ алтаремъ служилъ заброшенный домъ—прибѣжище грѣха и скорби.

Ночь прошла и утреннее солнышко весело заиграло на ледяныхъ кристаллахъ. Вмѣстѣ съ первыми лучами его явилась и м-рсъ Арнотъ, добрая и матерински-заботливая, но страшно сконфуженная такимъ неожиданнымъ происшествіемъ; Мона взяла съ нея слово не заводить съ больной никакихъ разговоровъ о прошломъ, и ушла пообѣщавъ вернуться вечеромъ. Магги проводила свою благодѣтельницу глазами, полными слезъ, потомъ отвернулась къ стѣнѣ и притворилась спящей Если бъ можно было никогда не разставаться съ миссъ Маклинъ какъ бы это было хорошо! Можетъ быть, при такихъ условіяхъ, она со временемъ даже начала бы забывать его.

Во время своей болѣзни Рэчель была очень ласкова съ кузиной и Мона была совершенно не подготовлена къ негодованію и упрекамъ, обрушившимся на нее, лишь только она вошла въ гостиную. Въ запискѣ, переданной докторомъ, было сказано, что Мона осталась ходить за Магги, внезапно заболѣвшей въ лѣсу, и Рэчель сразу догадалась, что случилось.

Мона попыталась было спокойно обсудить этотъ вопросъ, но злыя безжалостныя слова такъ больно язвили ей сердце, что она не въ силахъ была говорить. Она поднялась, взяла со стола перчатки и холодно сказала:

— Достаточно кузина! Вы забываете только что то же самое, въ смыслѣ внезапнаго заболѣванія, могло бы случиться съ вами или со мной.

Это, несомнѣнно, было труизмомъ, но Рэчель не расположена была взглянуть на дѣло съ этой точки зрѣнія. Наоборотъ, она раскипятилась еще больше.

— Дженни можетъ нанять сидѣлку въ Киркстоунѣ. Я не позволю вамъ ухаживать за тварью, о которой и говорить-то неприлично порядочной женщинѣ. Вы не пойдете больше въ этотъ домъ!

— Я обѣщала придти послѣ обѣда. Разумѣется, вы имѣете полное право сказать мнѣ, чтобы я больше сюда не возвращалась. Но я очень устала, и было бы жаль, если бы послѣ всей вашей доброты ко мнѣ, вы отослали меня изъ дому съ такимъ толкованіемъ притчи о добромъ

самарянинѣ. Если вы сами не станете разсказывать, никто и не узнаетъ, что я имѣла какое-либо отношеніе къ этому происшествію.

Прежде, чѣмъ кузина успѣла отвѣтить, Мона вышла изъ комнаты. Вскорѣ Салли постучалась къ ней и внесла на подносѣ довольно аппетитный завтракъ. Бѣдная Рэчель! ее легко было побить ея же собственнымъ оружіемъ. Она была вполнѣ увѣрена, что притча о добромъ самарянинѣ тутъ ни при чемъ, но при одномъ упоминаніи объ этой притчѣ, ей вспомнились и другія мѣста изъ Евангелія, какъ бы подтверждавшія слова Моны. Но вѣдь теперь не тѣ времена. Свѣтъ совсѣмъ перемѣнился. Неужели же поощрять эту развращенную дѣвчонку, чтобы она еще смѣла задирать носъ послѣ того, что случилось?

Даже ради Дженни, Мона не унизилась бы передъ Рэчелью до просьбы никому не говорить о происшедшемъ, но у Рэчели были свои причины молчать. Она была достаточно умна, чтобы сообразить, что если правда выйдетъ наружу, она выйдетъ вся «безъ остатка, и, чтобы не повредить своей плоти и крови», она готова была временно щадить даже Магги.

Въ полдень зашелъ Дудлей.

— Я такъ и разсчитывалъ, что судьба поможетъ мнѣ застать васъ одну. Ваши паціенты чувствуютъ себя превосходно. Я зашелъ сказать, что сегодня вечеромъ должна возвратиться Дженни; она выйдетъ въ Киркстоунѣ. Я знаю, что вамъ не легко будетъ исполнить мою просьбу, но, право, все обошлось бы гораздо легче, если бы ее встрѣтили.

— Спасибо, что зашли предупредить; я ужасно волновалась по поводу ея возвращенія. Боюсь, что многого не могу сдѣлать, но, конечно, сдѣлаю все, что могу. Я хотѣла итти сейчасъ же послѣ обѣда, но теперь подожду и пойду вмѣстѣ съ Дженни. Бѣдная! Какой это будетъ ударъ для нея!

Дудлей пристально смотрѣлъ на нее.

— Я только-что выразилъ свой восторгъ по поводу того, что вижу васъ, а теперь, съ истинно-мужской непослѣдовательностью хочу побранить васъ за то, что вы не легли отдохнуть. Вамъ бы слѣдовало поспать часика два. У васъ страшно усталый видъ.

— Наружность обманчива.

— Боюсь, что миссъ Симпсонъ не особенно довольна тѣмъ, какъ вы провели эту ночь.

Мона немножко смутилась, потомъ улыбнулась:

— Миссъ Симпсонъ не имѣетъ власти надъ моей совѣстью.

— И слава Богу! Но сегодня, надѣюсь, вы останетесь не дольше получаса.

— Не знаю.

— Нѣтъ, миссъ Маклинъ, дольше вы не останетесь; я вамъ этого не позволю.

Глаза ея заискрились лукавствомъ.

— Простите мою навязчивость,—сказала она,—и объясните мнѣ, по какому праву вы вмѣшиваетесь. Развѣ дѣло врача опредѣлять, сколько времени сидѣлка должна оставаться при исполненіи своихъ обязанностей? Я, знаете, такъ спрашиваю, чтобы знать.

— Да, это дѣло врача.

— А! Въ такомъ случаѣ надо повиноваться. Спасибо что объяснили.

Но вдругъ кровь бросилась ей въ лицо.

— О, докторъ Дудлей,—вскричала она порывисто,—какъ это гадко, что сейчасъ же послѣ такой трагедіи я способна смѣяться и шутить!

— Чѣмъ же гадко? Смѣхъ и шутки, какъ цвѣты и солнечный свѣтъ, показываютъ только, что въ основѣ вещей не все трагедія. Это здоровая реакція. Если бы, увидавъ слишкомъ близко изнанку жизни, мы утратили бы способность смѣяться, мы, пожалуй, сошли бы съ ума, не правда ли?

— Да,—сказала она серьезно.

— Я нахожу, что это большая ошибка—выводить чувствительность за предѣлы побудительнаго мотива. Физіологія учитъ насъ, что наисильнѣйшій стимулъ тотъ, который вызываетъ *maximum* сокращенія, такъ и наисильнѣйшее чувство даетъ не *maximum* чувства, но maximum дѣйствія. Магги подъ вашимъ крылышкомъ все равно, что у Христа за пазухой. Я немногое могу для нея сдѣлать, такъ какъ законъ не дозволяетъ намъ сворачивать шеи своимъ ближнимъ иначе, какъ въ видѣ самозащиты; но я завтра же повидаюсь съ Дженни и постараюсь устроить такъ, чтобы отецъ давалъ деньги на содержаніе ребенка. Такъ почему же намъ и не посмѣяться немножко? неужели это такое преступленіе?

Дудлей говорилъ искренно и просто, не думая о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ его рыцарская рѣчь на женщину, глубоко преданную своему полу. Мона хотѣла поблагодарить его, но не нашла словъ и, какъ ребенокъ, посмотрѣла на него полными слезъ глазами.

Тутъ Дудлей понялъ въ первый разъ, какъ прекрасно лицо его возлюбленной, понялъ, что это лицо, подобно глинѣ въ рукахъ горшечника, только отпечатокъ чудной души.

Онъ молча протянулъ ей руку и вышелъ.

Глава XL.

«Матушка.»

Сумерки быстро сгущались; по небу неслись разорванныя тучи; Мона ходила взадъ и впередъ по платформѣ полустанка, поджидая возвращенія Дженни. Перспектива длинной прогулки подъ этимъ мрачнымъ небомъ и тягостнаго разговора не улыбалась ей, и Мона серьезно

подумывала о томъ, чтобы нанять экипажъ; но это былъ вѣрный способъ обратить на себя общее вниманіе, и Мона вынуждена была отказаться отъ этой мысли. Поѣздъ опоздалъ; вѣтеръ съ каждой минутой усиливался; наконецъ, раздался свистокъ и черезъ нѣсколько минутъ на подножкѣ грязнаго вагона третьяго класса показалась маленькая сухая фигурка Дженни, усиливавшейся протиснуть черезъ двери узелокъ и корзину.

Сердце Моны заныло сильнѣе при видѣ этого усталаго старческаго лица и все существо ея возмутилось противъ принятой на себя задачи. Въ сущности, къ чему вмѣшиваться? Развѣ въ такихъ случаяхъ можно быть увѣреннымъ, что не принесешь больше вреда, чѣмъ пользы? Не лучше ли предоставить все судьбѣ и природѣ?

— Это вы, Дженни?—сказала она.—Намъ по дорогѣ, пойдемте вмѣстѣ. Дайте мнѣ вашу корзину.

— Богъ съ вами, миссъ Маклинъ! Развѣ барышнѣ годится таскать такія корзины! Вы посмотрите, какая она тяжелая.

— Пустяки!—сказала Мона, напрягая мускулы, чтобы поднять корзину, какъ перышко.—Я возьму и узелъ, если хотите. А теперь, Дженни, разсказывайте, какъ вы съѣздили.

Она больше всего боялась, какъ бы старуха не заподозрила чего-нибудь раньше, чѣмъ онѣ выйдутъ изъ города и, чтобы отвлечь ея вниманіе, не переставала болтать о чемъ придется. Когда онѣ вышли на шоссе, дѣвушка перевела духъ съ облегченіемъ и вмѣстѣ со страхомъ, думая: сейчасъ начнется.

— Какая ужасная ночь,—задыхаясь, выговорила Дженни, вѣтеръ все время дулъ имъ въ лицо—и взяла Мону подъ руку,—не знаю, какъ я домой доберусь. Съ чего это вы, барышня, выбрались гулять въ такую погоду?

— Я была у васъ вчера вечеромъ,—уклончиво отвѣтила Мона,— и не застала.

— Ахъ вы бѣдненькая, даромъ прошлись! Вотъ вѣдь досада-то. И вы не знали, конечно, что ключъ у сосѣдей, а то могли бы хоть войти отдохнуть. Я бы теперь пригласила васъ зайти, да вѣдь домъ-то не топленъ, а вы, навѣрное, идете куда-нибудь въ гости.

— Да, да,—разсѣянно протянула Мона и сразу перешла къ предмету, занимавшему ея мысли.—Давно вы имѣли извѣстія отъ Магги?

Лицо старухи омрачилось.

— Да, вотъ, можетъ быть, дома ждетъ письмецо. А то давно не получала. Вотъ ужъ полтора мѣсяца ни строчки. Въ февралѣ, слава Богу, кончается ей годъ службы. Я не буду имѣть минуты покоя до тѣхъ поръ, пока она не вернется домой.

— Можетъ быть, она больна,—многозначительно сказала Мона.

Дженни воззрилась на свою спутницу.

— Почему вы это говорите?

— Дженни, — начала Мона дрожащимъ голосомъ, — я вчера застала, вмѣсто васъ, Магги. Она вернулась домой.

Впослѣдствіи она не могла припомнить, сказала ли она еще что-нибудь, или Дженни сама догадалась. Еще нѣсколько вопросовъ, спѣшныхъ, повелительныхъ и затѣмъ—взрывъ негодованія, отъ котораго у Моны застыла кровь въ жилахъ. Въ первую минуту она ничего не поняла въ этомъ потокѣ гнѣвныхъ безсвязныхъ рѣчей; она только смутно видѣла худенькую, старческую фигурку, потрясающую въ воздухѣ кулаками, призывая проклятія на голову своего ребенка, и ей страшно было смотрѣть на эту мать, клянущую дочь.

Старуха неожиданно схватила свой узелъ и пошла впередъ такъ быстро, что Мона едва поспѣвала за ней.

— Какъ она смѣла вернуться домой!—бормотала Дженни.—Какъ у нея духу хватило? Пошла бы куда-нибудь, гдѣ ея никто не знаетъ, а не срамила бы мать. Босоногая дрянь! Счастье твое, что меня дома не было: я бы у тебя подъ носомъ дверь захлопнула. Погоди, я тебя сегодня же вышвырну на улицу и тебя, и твое отродье поганое. Я съ такой не стану жить подъ одной кровлей. Пусть пропадаетъ — туда ей и дорога! Зачѣмъ не думала раньше! Что посѣешь, то и пожнешь. Съ этого дня она мнѣ не дочь. Я глазъ не сомкну, пока не вышвырну этой негодницы изъ своего дома!

— Выгнать ее изъ дому, значитъ всѣмъ объяснить, что случилось,—спокойно возразила Мона.—А пока никто ничего не знаетъ.

Лицо старухи просіяло, но не надолго.

— Къ чему вы меня утѣшаете?—сказала она съ горечью.—Или вы сами еще ребенокъ и не знаете, что такіе секреты скоро всплываютъ наружу. Я сама въ такихъ случаяхъ не держала языка за зубами, и другія молчать не станутъ,—и вдругъ у нея вырвалось воплемъ:—ой, барышня, милая вы моя, какъ же мнѣ тяжко! Что мнѣ дѣлать, горькой-горюшѣ! Ну, пусть я ее выгоню изъ дому, да какъ же я-то сама людямъ въ глаза смотрѣть буду? Пропала моя головушка бѣдная! Видно, что сдѣлано, того ужъ не передѣлаешь!

— Сдѣланнаго не передѣлаешь,—тихо молвила Мона, — но можно сдѣлать его еще хуже. Дѣвочка, идя къ вамъ, не знала, что часъ ея близокъ. Она шла къ вамъ за совѣтомъ и помощью. Да и куда же ей было пойти, къ кому обратиться? Неужели вы предпочли бы, чтобы она бродила по улицамъ? Изъ-за того, что она утратила такъ-называемое доброе имя, вы готовы отречься отъ нея. А душа ея развѣ не дорога вамъ? Я въ жизнь не видѣла ничего прелестнѣе и трогательнѣе этого глубокаго довѣрія, съ которымъ бѣдняжка пришла къ своей матери. У меня бы навѣрное не хватило на это мужества. Она знаетъ васъ лучше, чѣмъ вы сами себя. Она не даромъ засыпала у васъ на колѣняхъ, она не забыла вашихъ ласкъ: когда свѣтъ обошелся съ ней жестоко, и она впала въ искушеніе, она знала, къ кому обратиться.

Это лучше всякихъ клятвъ и обѣщаній исправиться. Будь я ея матерью, я бы плюнула на всякое злословіе и клевету и на колѣняхъ благодарила бы за это Бога.

Мона остановилась; въ темнотѣ раздалось подавленное рыданіе.

— Я не ребенокъ, Дженни,—продолжала она. — Я не хуже васъ знаю, что скажетъ свѣтъ, но сейчасъ мы съ вами далеки отъ свѣта; мы однѣ во мракѣ передъ лицомъ Божіимъ. Попытаемся же взглянуть на это такъ, какъ Онъ смотрѣлъ. Вы сами знаете, что если теперь отнестись къ Магги ласково и любовно, она, послѣ своего паденія, станетъ не хуже, а лучше. *Онъ* тоже зналъ это и далъ ей, матери, власть обратить зло въ добро. Не думайте, что ея жизнь безвозвратно испорчена. Она еще совсѣмъ дитя. Разумѣется, ей нельзя оставаться здѣсь, но, если вы позволите, я пріищу ей такое мѣсто, гдѣ за ней будетъ хорошій присмотръ и уходъ; и вы еще доживете до того, что увидите ее замужемъ и въ кругу дѣтей, которыми будете гордиться.

Дженни всхлипывала уже громко.

— Нѣтъ, нѣтъ, миссъ Маклинъ; хоть вы и склеите куски, хоть и никто не будетъ знать о томъ, что кувшинъ разбитъ, трещина все-таки останется.

— Правда ваша, милая Дженни; но, вѣдь, передъ Богомъ мы всѣ такіе же треснувшіе сосуды. Мы не совершили именно этого грѣха, но, можетъ быть, наша гордость и себялюбіе въ Его глазахъ еще большій грѣхъ. Я увѣрена, что Христосъ излилъ бы свой праведный гнѣвъ на мужчину, который своимъ эгоизмомъ довелъ ее до этого ужаса, но бѣдной маленькой Магги, уже вдоволь настрадавшейся, Онъ сказалъ бы только: «Я не осуждаю тебя; иди и не грѣши болѣе!»

Мнѣ кажется, въ этомъ мірѣ только тотъ и можетъ обрѣсти душевное спокойствіе, кто старается смотрѣть на вещи такъ, какъ смотрѣлъ Онъ.

Онѣ говорили все время, пока не дошли до дому. Вліяніе Моны было сильно, но и противодѣйствіе ему оказывалось не менѣе сильное. Въ такую минуту, когда, казалось, все было выиграно, камень тяжело срывался съ мѣста и откатывался назадъ. Мона совсѣмъ измучилась отъ этой неустанной борьбы и даже, подходя къ двери, не была вполнѣ увѣрена, что Дженни не исполнитъ своей давешней угрозы.

М-рсъ Арнотъ уже съ полчаса какъ ушла, и Магги лежала одна, блѣдная, съ широко-раскрытыми, скорбными глазами. Она издали заслышала шаги матери и, вся дрожа, повернулась къ двери.

— Матушка!—вскрикнула она, когда та вошла, и зарыдала.

Послѣ нѣсколькихъ секундъ мучительной нерѣшимости въ отвѣтъ ей раздался горестный вопль:

— Дочка моя, доченька милая! Дитятко ты мое безталанное! И зачѣмъ только я тебя отпустила въ чужіе люди!..

Мона неслышно выскользнула за дверь и пошла въ кухню. Яркій

огонь на очагѣ и блестѣвшая на полкахъ посуда плавали въ какомъ то туманѣ передъ ея глазами, но душа ея ликовала.

— Какъ она крикнула «Матушка!» Что такое всѣ мои увѣщанія въ сравненіи съ этимъ воплемъ измученнаго сердца? А все-таки я рада, что пошла.

Минутъ черезъ десять она вернулась въ спальню съ подносомъ въ рукахъ.

— Не знаю, какъ вы, Дженни, а я такъ очень озябла и проголодалась, и потому позволила себѣ заварить чай. Я думаю даже Магги можно позволить выпить, чашечку, слабенькаго, если она пообѣщаетъ сегодня больше не разговаривать.

Дженни выпила горячаго чаю и, несмотря на ея тяжкое горе, у нея стало легче на душѣ. Конечно, люди будутъ чесать языки, но вѣдь у нея есть и поддержка: дружба миссъ Маклинъ тоже чего-нибудь да стоитъ; и потомъ — она подумала, что не худо бы почитать на ночь Евангеліе и отыскать *ту* главу,—объ Іисусѣ и грѣшницѣ. Еслибъ кто-нибудь сказалъ Дженни, что черезъ какихъ-нибудь два часа послѣ того, какъ до нея дойдетъ страшная вѣсть, сердце ея будетъ биться сравнительно спокойно, она бы только презрительно засмѣялась. А между тѣмъ такъ оно было. Бѣдная старая Дженни! Утро принесетъ съ собой иныя мысли, возвратъ старыхъ взглядовъ и предразсудковъ; но она въ простотѣ души, не думала объ этомъ и на нѣсколько короткихъ часовъ обрѣла душевный миръ.

Глава XLI.

Цвѣтокъ распускается.

Какъ только чай былъ выпитъ, Мона стала прощаться. Дженни уговаривала ее переночевать и пугала вѣтромъ, свиставшимъ въ верхушкахъ сосенъ, но Мона только смѣялась. Однако, очутившись одна въ темнотѣ, она пожалѣла о своей опрометчивости. Держась за плетень, она ощупью пробиралась къ воротамъ, какъ вдругъ невдалекѣ передъ нею мелькнули огоньки фонарей, и она сразу почувствовала себя подъ защитой.

Заслышавъ ея шаги, Дудлей выступилъ впередъ.

— Вотъ это хорошо, что вы послушались,—сказалъ онъ, и въ его бархатномъ голосѣ зазвучали радостныя нотки.

— Очень рада, что начальство удостоило меня одобреніемъ.

— Дженни вернулась?

— Да. Все благополучно, по крайней мѣрѣ, на сегодня. Завтра надо будетъ пойти пораньше туда. Какое это было чудное зрѣлище! — И Мона описала встрѣчу матери съ дочерью.

— Вы сдѣлали доброе дѣло,—помолчавъ, сказалъ Дудлей.

— О, я ровно ничего не сдѣлала. Всѣ мои героическія усилія про-

пали бы даромъ, еслибъ не этотъ крикъ Магги: «Матушка!» Мнѣ потомъ было прямо смѣшно, что я такъ старалась.

— Вы забываете, что и крикъ Магги пропалъ бы даромъ, еслибъ вы не взяли на себя неблагодарный трудъ подготовить почву.

— Вы навѣстите больную?

— А развѣ нужно?

— По моему, нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ я буду имѣть удовольствіе отвезти васъ домой.

— О нѣтъ, благодарю васъ. Я предпочитаю итти пѣшкомъ.

Оба они стояли на свѣту. Дудлей вдругъ расхрабрился.

— Посмотрите мнѣ въ глаза, миссъ Маклинъ, и скажите, что это правда.

Мона подняла на него глаза, испытывая странное смущеніе: ей казалось, что земля ускользаетъ изъ подъ ея ногъ.

— Нѣтъ,—сказала она,—это не правда. Я даже боюсь итти пѣшкомъ, но—вы знаете, что я не могу ѣхать съ вами.

— Почему?

Мона сдвинула брови—ей была непріятна эта настойчивость—и глаза ихъ снова встрѣтились.

— Потому что я не сдѣлала-бы этого при дневномъ свѣтѣ,—выговорила она строго и гордо.

Наступило минутное молчаніе.

— Завтра пріѣзжаетъ замѣститель Бёрнея, будто вскользь замѣтилъ Дудлей.

Она чуть-чуть измѣнилась въ лицѣ, но отъ его зоркихъ глазъ не укрылась эта перемѣна.

— Я сдамъ ему больныхъ и затѣмъ долженъ буду уѣхать: я обѣщалъ теткѣ свезти её въ теплые края. Вернусь я только въ августѣ.

Отвѣта не было. Внезапно налетѣвшій порывъ вѣтра заставилъ Мону вздрогнуть и она инстинктивно схватилась за бортъ брички.

Дудлей подалъ ей руку.

— Подножка высока, но вы, пожалуй, достанете.

Мона безсознательно оперлась на его руку, хотѣла сказать что-то колкое, но не смогла и, молча, сѣла въ бричку.

— Что со мной?—говорила она себѣ.—Околдовали меня? Или я начинаю сходить съ ума?

Ни разу еще во всю свою жизнь она не чувствовала себя такой безпомощной. Обычная находчивость совсѣмъ измѣнила ей. Она смутно чувствовала, что завтра будетъ негодовать на себя за свою слабость и недостатокъ гордости, но въ данный моментъ ей было только хорошо.

Дудлей закуталъ ей ноги пледомъ и взялъ возжи.

— Ну что же, развѣ это не лучше, чѣмъ итти пѣшкомъ?—спросилъ онъ тихо, наклоняясь къ ней, чтобы разслышать ея отвѣтъ.

Всего минуту колебалась она прежде, чѣмъ окончательно поддаться овладѣвшимъ ею чарамъ.

— Лучше,—выговорила она тихо.

— Вы рады, что поѣхали?

На этотъ разъ она даже не пыталась бороться.

— Рада.

— Вотъ это хорошо! — Онъ отпустилъ возжи.—Пепи устала. Не спѣши, старушонка. Можешь пройтись шагомъ.

Мона нервно вздрагивала.

— Вамъ холодно. Накиньте это на себя.

Онъ снялъ съ сидѣнья другой пледъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ. Мнѣ въ сущности не холодно, и потомъ надо, чтобы у меня руки были свободны. Меня сдуетъ вѣтромъ, если я не буду держаться.

— Будто?—переспросилъ онъ съ какой-то странной интонаціей.— Подержите-ка возжи.

Онъ передалъ ей возжи, развернулъ пледъ и окуталъ ей плечи. Одно мгновеніе онъ чувствовалъ на своей щекѣ ее теплое дыханіе; локонъ ея волосъ, развитый вѣтромъ, легко коснулся его руки. Она сидѣла возлѣ него, покорная, беззащитная, какъ ребенокъ, держа въ одной рукѣ возжи, а другой цѣпляясь за край брички.

И Дудлей забылся. Благія намѣренія вылетѣли у него изъ головы; онъ, какъ игрокъ, испытывалъ лишь страстное желаніе поставить все на карту. Если карта бита, онъ погибъ, но если онъ выиграетъ, весь міръ не вмѣститъ его сокровищъ. Онъ не можетъ ждать,—не можетъ, не въ силахъ. Одинъ мигъ скажетъ ему все; онъ долженъ знать. Можетъ-быть и будущее таитъ наслажденіе, но кто вернетъ имъ этотъ часъ, эту ночь, бурю, уединеніе и пылкость желаній..

И рука, охватившая талію Моны, чтобы запахнуть пледъ, не была принята.

— Дайте мнѣ возжи,—сказалъ онъ твердо, съ тѣмъ спокойствіемъ, которое и въ минуты самаго сильнаго возбужденія не покидаетъ любимцевъ природы; — дайте мнѣ возжи и примите руку; я буду держать васъ.

Онъ нѣжно и властно обнялъ ее и придвинулъ къ себѣ вплотную.

Что же Мона? Почему она не оттолкнула его? Никогда еще ни одинъ мужчина, кромѣ сэръ Дугласа и стараго м-ра Рейнольдса, не позволялъ себѣ съ ней ничего, кромѣ пожатія руки; почему же теперь она покорилась безъ словъ, даже не пытаясь освободиться? Почему? Она сама не знала, что съ ней. Послѣдній проблескъ инстинкта самосохраненія побуждалъ ее сидѣть смирно, чтобы ни словомъ, ни звукомъ не выдать себя, чтобъ онъ не зналъ, какъ безумно бьется ея сердце.

«Я умираю»,—думала она, но это была не смерть, а жизнь. Зоркій глазъ Дудлея угадалъ въ закрытой почкѣ пышный цвѣтокъ, и въ эту бурную ночь на вѣтрѣ и холоду, подъ солнцемъ его ласки, цвѣтокъ началъ распускаться!

Такимъ образомъ Ральфъ узналъ, что эта женщина будетъ его женой.

Ни слова не было сказано между ними.—Мона не въ состояніи была говорить, Ральфъ радовался видя, что все сказано безъ словъ. У подъѣзда миссъ Симпсонъ онъ остановился, высадилъ Мону, поднесъ къ губамъ ея руку и подождалъ, пока за ней не захлопнулась дверь.

Глава XLII.

Передъ отъѣздомъ.

Передъ отдъѣздомъ изъ Борроунесса Мона больше не видала Дудлея и, какъ это ни странно, ей даже не захотѣлось его видѣть. Къ полнотѣ ея душевной жизни въ этотъ моментъ ничего нельзя было прибавить. Она жила въ мірѣ золотыхъ грезъ. Свои обычныя обязанности она исполняла, можетъ-быть, даже лучше обыкновеннаго, но все время сознавала, что это все не настоящее. Когда же дѣйствительность настоятельно заявила свои права, ей пришлось не мало потрудиться надъ собой, чтобы войти въ колею.

— Я теперь,—говорила она себѣ,—точно человѣкъ, который полжизни прожилъ въ домѣ, вполнѣ удовлетворяющемъ всѣмъ его требованіямъ, и вдругъ, случайно коснувшись пружины, открылъ потайную дверь въ стѣнѣ и увидалъ лѣстницу, ведущую въ амфиладу очарованныхъ комнатъ. Онъ прошелъ ихъ всѣ и вернулся назадъ, въ свою столовую, въ рабочій кабинетъ и не узнаетъ ихъ; все то же, да не то; онъ уже не можетъ забыть объ очарованныхъ комнатахъ. Ему необходимо привести ихъ въ связь съ остальными, превратить ихъ въ жилые покои; но для этого ему надо исправить и расширить свои взгляды, раздвинуть рамки своей жизни.

Писемъ она не ждала и не получала. «Въ іюлѣ, когда я сдамъ экзамены, я буду вправѣ говорить и дѣлать то, чего не смѣю говорить и дѣлать теперь». Когда эти слова были сказаны, Мона не придала имъ опредѣленнаго значенія, но теперь она знала, что въ августѣ услышитъ о своемъ другѣ.

Ей даже въ голову не приходило, что его поведеніе въ *ту* ночь было непослѣдовательно и въ высшей степени неприлично. Когда человѣкъ въ первый разъ присутствуетъ при землетрясеніи, онъ не задается вопросомъ, какія въ этомъ землетрясеніи есть особенныя, только ему присущія черты и какія присущи всѣмъ землетрясеніямъ вообще. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, прежде чѣмъ Мона поняла, что все происшедшее между нею и докторомъ Дудлеемъ, старо, какъ міръ. Мнѣ почти стыдно сказать это о женщинѣ уже не первой молодости и притомъ имѣющей претензію на опытность, но надо сознаться, что ея отношенія къ Дудлею представлялись ей чѣмъ-то единственнымъ въ своемъ родѣ. Большинство дѣвушекъ мечтаетъ о любви. Мона мечтала

только о долгѣ, и любовь предстала передъ нею невѣдомымъ гостемъ, одареннымъ волшебной властью открывать самые потаенные уголки ея сердца. Она не анализировала не спрашивала себя, что это значитъ? Она жила день за день и была счастлива.

Прошло много дней, прежде чѣмъ на ея небѣ появилось облачко, величиной не больше ладони, въ видѣ знакомаго вопроса: «Что скажетъ докторъ Дудлей, когда узнаетъ, что она студентка, изучающая медицину, и что жизнь ея совсѣмъ не такова, какъ онъ представлялъ себѣ?» Въ первый моментъ, она просто закрыла глаза и отвернулась, не желая отвѣчать на вопросъ, но облачко не исчезало и росло. Потомъ ей пришло въ голову написать ему, но она тотчасъ же отогнала эту мысль. Писать, объясняться—значитъ говорить о томъ, что онъ первый долженъ выразить словами.

Къ февралю Мона уже начала подыскивать себѣ замѣстительницу и подготовлять кузину къ своему отъѣзду. Долгое время Рэчель не хотѣла и слышать объ этомъ; потомъ наступилъ періодъ упрековъ и негодующихъ жалобъ; наконецъ, убѣдившись, что Мона никогда не принадлежала ей всецѣло, добрая душа принялась лить потоки слезъ, окружая ее самой нѣжной заботою, которая страшно трогала Мону.

— Мнѣ, право, жаль уѣзжать,—сказала однажды Мона.—Это была такая тихая, спокойная зима, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ счастливѣйшая въ моей жизни.

— Такъ зачѣмъ же вы ѣдете? Разумѣется, не мое дѣло говорить объ этомъ, но вѣдь всякій же видитъ, что творится съ м-ромъ Броуномъ. Я со дня на день жду, что онъ выскажется. Надѣюсь, вы не упустите такого случая. М-ръ Броунъ такой умный солидный, и вкусы у васъ одинаковые.

Мона вспыхнула, но тотчасъ же овладѣла собой:—Во-первыхъ, дорогая, такой «случай», какъ вы его называете, врядъ ли представится мнѣ; а во-вторыхъ, еслибъ онъ и представился, я несомнѣнно упущу его.

— Ну, знаете, васъ не разберешь. Я понимаю, еслибъ вы имѣли что-нибудь противъ лавки,—нѣкоторые этимъ брезгаютъ,—но вѣдь вы сами мастерица торговать. Я всегда говорила, что у васъ золотая голова для этого дѣла. До васъ я совсѣмъ не вела счетныхъ книгъ, да и дохода съ магазина не имѣла никакого,—ей Богу, одинъ убытокъ! Все шло кое-какъ, черезъ пень-колоду: то, глядишь, запачкалось, то выцвѣло, то забыли купить,—и такъ все. А давеча, какъ я показала м-ру Броуну наши книги и сказала ему, сколько мы наторговали за послѣдніе три мѣсяца, онъ просто диву дался. А пусти васъ въ большой магазинъ,—да вамъ цѣны не будетъ! Моя племянница—отличная дѣвушка но куда же ей до васъ! Она, бывало, вѣчно все перепутаетъ, забудетъ положить вещь на мѣсто, а потомъ ищешь, ищешь безъ конца. А все таки хорошо мы съ ней жили. Что-то она теперь подѣлываетъ, бѣдняжка?..

— Вы, по крайней мѣрѣ, пріѣзжайте погостить ко мнѣ,—сказала Рэчель нѣсколько дней спустя.

— Непремѣнно. Лѣто я обѣщала провести у однихъ друзей, но, какъ только освобожусь, пріѣду къ вамъ на недѣльку, если вы захотите принять меня,—такъ, приблизительно, въ первой половинѣ августа.

Читателю, конечно, пріятно будетъ узнать, что, говоря это, Мона ощущала угрызенія совѣсти.

Первая половина августа! Какъ билось ея сердце, при мысли объ этихъ дняхъ! Экзамены будутъ уже сданы. На актѣ, въ Бёрлингтонъ-гоузѣ Дудлей навѣрное не замѣтитъ ея: онъ слишкомъ близорукъ. А здѣсь, въ замкѣ Маклинъ, когда солнце будетъ играть на волнахъ, а волны плескаться о берегъ, она разскажетъ ему всю правду, прежде чѣмъ имя ея появится въ спискахъ. Теперь она была увѣрена въ успѣхѣ, не допускала даже возможности провала. Потомъ выйдутъ списки, и они просмотрятъ ихъ вмѣстѣ. Если надо будетъ, она смирится и попроситъ прощенія за то, что она въ извѣстномъ смыслѣ обманула его; но въ этомъ, конечно, не будетъ надобности. Все устроится само собой легко, естественно и чудно-хорошо, думала Мона.

Вѣсть о скоромъ отъѣздѣ миссъ Маклинъ вызвала большую сенсацію: всѣ удивлялись, сожалѣли, многіе были искренно огорчены, и больше всѣхъ тетя Белль. Умная старуха была невысокаго мнѣнія о людяхъ вообще и не очень любила ихъ, особенно «бабъ», но Мона пришлась ей по душѣ; тетя Бель была заранѣе расположена въ ея пользу и всѣмъ говорила, что «у миссъ Маклинъ есть царь въ головѣ, а для дѣвки и это уже много».

Въ одно прекрасное утро, въ концѣ февраля, тетя Белль уложила въ корзиночку два десятка свѣжеснесенныхъ яицъ и, въ первый разъ за много мѣсяцевъ, отправилась съ визитомъ къ Рэчели Симпсонъ. Къ немалому своему удовольствію, проходя черезъ Кильвинни, она встрѣтила сестеръ м-ра Броуна.

— Куда это вы собрались, м-рсъ Иссонъ! Васъ теперь не часто увидишь.

Тетя Белль зорко посмотрѣла на говорившую.

— Куда собралось? А повидать миссъ Маклинъ. Она скоро уѣзжаетъ.

— Почему уѣзжаетъ? Я слышала, что миссъ Симпсонъ была очень довольна ею, какъ помощницей.

— Довольна! Еще бы не довольна! Тетя Белль едва сдерживала свое негодованіе. Миссъ Маклинъ вездѣ умѣетъ быть полезной; жалко, что не о каждой изъ насъ можно это сказать. Миссъ Симпсонъ, я думаю, дорого бы дала, чтобъ удержать ее. Да развѣ такую дѣвушку здѣсь удержишь! Вы имѣете понятіе о томъ, что за человѣкъ былъ ея отецъ? Вѣдь у нея своихъ денегъ-то сколько угодно—копи, да откладывай. Да и воспитанія она тонкаго,—не то, что мы съ вами или Рэчель Симпсонъ; вѣдь это сразу видно, что она къ такому обществу не привыкла.

Отведя, такимъ образомъ, душу, тетя Белль поставила свою корзинку на первый попавшійся камень, вытерла лицо и очки бѣлоснѣжнымъ носовымъ платкомъ и съ легкимъ сердцемъ продолжала свой путь.

Рэчели она не застала, но Мона встрѣтила ее съ такой шумной радостью, что добрая женщина была болѣе чѣмъ вознаграждена за понесенный трудъ. Эксцентричность тети Белль, доставившая ей прозвище «старой чудачки», наполовину происходила отъ избытка энтузіазма, заложеннаго природой въ ея душу; и потому старуха высоко цѣнила это качество въ другихъ, когда оно умѣрялось выдержкой.

— У васъ усталый видъ,—сказала Мона, подавая тетѣ Белль чашку собственноручно приготовленнаго чаю.

— Ахъ, и не говори! Измучилась я съ этими дѣвчонками. Одна больна — въ первый разъ пью въ этомъ домѣ вкусный чай. Одна больна, — да она и не дѣвчонка уже; ей въ Мартиновъ день минетъ сорокъ, но она служитъ у меня съ шестнадцати лѣтъ; заболѣла и не хочетъ, глупая, итти къ доктору; прямо не знаю, что съ ней дѣлать.

— Что же съ ней такое?

— Вотъ еще выдумала разспрашивать. Ты еще молода, дѣвочка, да и не интересно тебѣ про это слушать.

— Именно мнѣ-то и интересно. Я не ребенокъ, тетя, и притомъ— теперь, когда я уѣзжаю, Рэчель не разсердится, если я скажу вамъ, что я учусь, чтобы сдѣлаться врачомъ.

Удивленіе, недовѣріе, недовольство—всѣ эти чувства почти одновременно отразились на подвижномъ старомъ лицѣ; затѣмъ это лицо стало вдругъ страшно серьезнымъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, дѣвочка,—сказала она строго.—Ты этакъ не шути со мной. Ты дѣвка умная; тебѣ не слѣдъ подражать всѣмъ этимъ заграничнымъ фокусамъ. Это—мода въ Америкѣ, а не у насъ. Вспомни о своемъ отцѣ! Ты должна такъ себя вести, чтобъ никакой тѣни не бросить на свое имя.

— Разскажите мнѣ о вашей служанкѣ,—продолжала Мона ласково, но твердо; эта настойчивость была убѣдительнѣе всякихъ возраженій.— На что она жалуется?

Тетя Белль колебалась, но эта болѣзнь тяжелымъ бременемъ лежала у нея на душѣ, а тутъ ей обѣщали сочувствіе—и она не устояла.

— Видишь, она не то, что жалуется, а...—и тетя Белль зашептала на ухо Монѣ.

Та слушала внимательно, изрѣдка предлагая вопросы.

— Я пошла бы васъ проводить, чтобъ посмотрѣть ее сегодня же, но я обѣщала быть сегодня дома: ко мнѣ придетъ одна женщина переговорить насчетъ мѣста. Я приду къ вамъ завтра. Всего вѣрнѣе, что мнѣ ничего не удастся сдѣлать,—я еще слишкомъ мало знаю,—но такіе симптомы могутъ происходить отъ разныхъ причинъ. Если я увижу, что ничего не могу сдѣлать, я уговорю ее пойти къ доктору, или же возьму ее въ Эдинбургъ и помѣщу въ женскую больницу.

— Да тебѣ-то съ какой стати возиться съ ней?

Мона засмѣялась.

— Это моя профессія. Всѣ мы живемъ для того, чтобы приносить пользу другимъ.

— Полно, полно! ты лучше уговори ее сходить къ доктору Робертсону. Я, можетъ, плохо ее убѣждала,—ну да вѣдь я и сама невысокаго мнѣнія о докторахъ. Придетъ время помирать, такъ помру и безъ ихней помощи, а отравляться аптечными снадобьями не желаю.

Вошла Рэчель и разговоръ былъ прерванъ.

Прощаясь у садовой калитки, Мона сказала:

— И такъ, до завтра.

— Ахъ, дѣвочка, какъ же ты меня разогорчила! Я вѣдь тебя люблю, какъ свое родное дитя. Этакое задумала... Кто бы могъ ожидать отъ такой разумной дѣвушки!.. Полно, выкинь ты эту дурь изъ головы.

— Мона положила руки на плечи старухѣ и, нагнувшись, поцѣловала ее въ морщинистый лобъ.

— Я ни за что въ мірѣ не хотѣла бы огорчить васъ, тетя Белль. Если позволите, мы обсудимъ это завтра.

— Нечего тутъ обсуждать. Негодится это для тебя, *неприлично*— вотъ и все.

Старуха пришла веселая, а ушла съ большой тяжестью на душѣ.

Лѣкарство, прописанное Моной, подѣйствовало, хотя Мона говорила, что это «скорѣе удача, чѣмъ успѣхъ», и больная скоро оправилась. Тетя Белль ходила серьезная и ни съ кѣмъ объ этомъ не говорила, но сама больная была менѣе сдержанна, и передъ отъѣздомъ Мона пріобрѣла еще одну паціентку въ Кильвинни. Здѣсь болѣзнь была слишкомъ запущена, даже и для хирургической помощи, но больная отнеслась съ глубокимъ довѣріемъ къ новой докторшѣ, а ея смиреніе, кроткая покорность судьбѣ такъ тронули дѣвушку, что она ушла потрясенная. Мона была молода и здорова, дорожила жизнью и не могла примириться съ невозможностью помочь.

«Слава Богу, скоро я опять примусь за работу»,—думала она, спѣша домой». Я хочу знать, знать, какъ можно больше. Это ужасно быть заживо погребенной подъ своимъ собственнымъ невѣжествомъ и безпомощностью.

Увы, грезы молодости несбыточны! Можно стремиться, можно работать, но развѣ этимъ раздвинешь стѣнки гроба?

Глава XLIII.

Прости Борроунессъ!

Передъ отъѣздомъ изъ Борроунесса Монѣ оказаны были двѣ большія почести.

Во первыхъ, дѣвицы Броунъ нанесли ей формальный визитъ. Всѣ три явились въ парадныхъ костюмахъ и были любезны даже до чрезвычайности, но не приглашали къ себѣ Мону и ни словомъ не заикнулись о новой прогулкѣ.

Слова тети Белль достигли цѣли: онѣ поняли какое разстояніе отдѣляетъ ихъ отъ Моны, но, поразмысливъ, разсудили, что все равно имъ нельзя было поступать иначе. Не въ томъ вѣдь дѣло, женится ли ихъ братъ на богатой дѣвушкѣ или на бѣдной; ему вовсе не слѣдовало жениться; это не входило въ ихъ программу. Положеніе несомнѣнно представлялось теперь въ новомъ свѣтѣ, но, не зная хорошенько, какъ къ этому отнесется ихъ братъ, онѣ, пока что, сочли за лучшее ничего не говорить ему.

Тѣмъ не менѣе, таинственные и преувеличенные слухи о «знатномъ родствѣ» миссъ Маклинъ должно быть распространились по городу; иначе трудно было объяснить вторую великую почесть, выпавшую на долю Моны и явившуюся въ видѣ письма, на толстой дорогой бумагѣ, украшенной затѣйливымъ гербомъ.

М-ръ и м-рсъ Куксонъ, просятъ, миссъ Маклинъ сдѣлать имъ удовольствіе, отобѣдать съ ними е. t. c.».

Отобѣдать! Мона уже забыла, что значитъ «обѣдать». Она со смѣхомъ отложила въ сторону письмо.

— Если мой другъ Матильда не выдала меня,—чего я не думаю—это положительно успѣхъ!

Первымъ побужденіемъ ея было отказать, но она подумала объ огорченіи Матильды, подумала, что докторъ Дудлей, зная объ ея близости съ этой дѣвушкой нашелъ бы отказъ недостойнымъ ея—и показала записку Рэчели.

— Разумѣется, надо идти,—сказала та;—но, въ виду того что намъ такъ мало остается быть вмѣстѣ, они могли бы пригласить и меня!

Мона чувствовала сильное искушеніе написать въ отвѣтъ, что она нигдѣ не бываетъ безъ своей кузины, но она по совѣсти не могла сказать, что Куксоны могли бы пригласить и Рэчель.

Она кончила тѣмъ, что пошла, одѣвшись очень тщательно, чтобы не разочаровать ожиданій Матильды, и въ общемъ была пріятно удивлена. Семейство оказалось менѣе вульгарнымъ чѣмъ она ожидала.

Наконецъ всѣ прощальные визиты были окончены, и она принялась за укладку, говоря себѣ: — Могла ли я думать шесть мѣсяцевъ тому назадъ, что мнѣ такъ грустно будетъ уѣзжать!

Ей надарили множество кипсэковъ, книжечекъ для иголокъ, подушечекъ для булавокъ; каждая дѣвушка, приходившая къ ней совѣтоваться на счетъ шляпки, мѣста или жениха, считала долгомъ принести ей что нибудь на память. Рэчель подарила ей двѣ вышитыя скамеечки, дешево пріобрѣтенныя на базарѣ; дѣвицы Бонтронъ великолѣпную библію (какъ Монѣ хотѣлось показать её доктору Дудлею), Матильда—

плато изъ раковинъ и водорослей, собранныхъ близь Замка Маклинъ и наклеенныхъ на картонъ, съ надписью посрединѣ

«Отъ признательной
М. К.
въ память
Счастливѣйшихъ часовъ ея жизни».

Это было удачно придумано и выполнено почти артистически, но воспитаніе и привычки сказались таки въ массивной золотой рамѣ, совершенно не подходящей къ простенькому вѣнку.

— О, Боже! къ чему это,—подумала Мона, но тѣмъ не менѣе осторожно уложила подарокъ, словно какую-нибудь драгоцѣнность.

Труднѣе всего было разстоваться съ Рэчелью.

На мѣсто Моны, была нанята толковая и расторопная молодая особа, но Рэчель не хотѣла и смотрѣть на нее.

— Что мнѣ въ томъ, что она хорошая?— повторяла она рыдая,— вѣдь это не моя плоть и кровь. Лучше бы вы ужъ не пріѣзжали!

Мона чувствовала, что это горе скоро пройдетъ,—но тѣмъ не менѣе, когда мокрый, мелькавшій въ воздухѣ платокъ Рэчели, скрылся за поворотомъ дороги, она откинулась на подушки, совершенно измученная.

Уже смеркось, когда поѣздъ остановился въ Эдинбургѣ. Мона не ошиблась: ее ждали Дорисъ и Сагибъ. Дорисъ пристально смотрѣла въ ту сторону, откуда долженъ былъ придти поѣздъ, а Сагибъ смотрѣлъ на Дорисъ, но оба такъ сердечно встрѣтили усталую путницу, что она сразу забыла обо всемъ кромѣ того, что она сестра Дорисъ, другъ Сагиба и—еще что-то для кого-то.

— Пони и мальчикъ съ пальчикъ тоже здѣсь?—спрашивала Мона, идя по платформѣ.

— О, да! только въ послѣднее время меня преслѣдуетъ страшная мысль, что мальчикъ съ пальчикъ начинаетъ расти.

— А вы развѣ не съ нами?— спросила Мона Сагиба, когда тотъ началъ застегивать фартукъ колясочки.

Онъ съ добродушной улыбкой посмотрѣлъ на свою атлетическую фигуру.

— Какъ же мнѣ это сдѣлать? Развѣ посадить васъ всѣхъ въ карманъ: пони, коляску и сѣдоковъ? Миссъ Колькхунъ была такъ любезна, что пригласила меня обѣдать,—вотъ мы и увидимся.

Подруги почти не разговаривали по дорогѣ домой и Мона была очень рада, что ее оставили одну отдыхать до обѣда.

— Какъ я радъ видѣть васъ, миссъ Маклинъ,—вскричалъ мистеръ Колькхунъ, когда Мона вошла въ гостиную.—Вы пріѣхали какъ разъ во время: я хотѣлъ посовѣтоваться съ вами на счетъ новаго микроскопа, который собираюсь купить; еще день и я бы не выдержалъ.—Послушайте, да вы похорошѣли, ей Богу, похорошѣли!

— Она смотритъ на пять лѣтъ моложе,—подхватила Дорисъ.

— Разъ ужъ мы перешли на личности,—вставилъ Сагибъ,—я бы сказалъ: на пять лѣтъ старше, но это не мѣшаетъ мнѣ отъ души согласиться съ мистеромъ Колькхунъ.

Мона покраснѣла и засмѣялась, чтобы скрыть смущеніе,

— Конечно, старше, — сказала она, кивнувъ головой Сагибу, — я страшно постарѣла.

Войдя въ столовую, она обвела взглядомъ, красивую безъ всякой вычурности, комнату; прекрасно сервированный столъ—и даже вздохнула отъ удовольствія.

— Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ дома, гдѣ бы я себя чувствовала такъ хорошо, какъ здѣсь. Ничто меня не раздражаетъ; я говорю когда мнѣ хочется, и разрѣшаю себѣ быть самой собою.

— Вотъ это пріятно слышать,—вскричалъ мистеръ Колькхунъ,—давайте-ка я налью вамъ супу.

За обѣдомъ разговоръ поддерживали главнымъ образомъ мужчины. Мона была утомлена, а Дорисъ вообще становилась разговорчивѣе только съ глазу на глазъ. А между тѣмъ, какъ живо чувствовалось за столомъ присутствіе этой милой, граціозной дѣвушки, этого прелестнаго, полудѣтскаго личика, по которому трудно было угадать, сколько воли и энтузіазма таила въ себѣ его обладательница.

— Мнѣ просто не вѣриться, что вы пробудете у меня цѣлую недѣлю,—сказала Дорисъ, входя вмѣстѣ съ Моной въ свою комнату, и поправляя огонь въ каминѣ; — это слишкомъ хорошо. А какъ я рада, что вы опять возметесь за работу!

— И я рада, дорогая,—просто сказала Мона.

— Еще бы! Я знала, что вы вернетесь къ вашему исходному пункту.

Мона улыбнулась.— Вы рѣшительно отказываетесь отъ спирали? Ну ладно, скажемъ, что это кругъ, но во всякомъ случаѣ кругъ вышелъ больше, чѣмъ я воображала.

Дорисъ поразили не слова, а тонъ, какимъ они были сказаны. Она обернулась къ подругѣ.

— Что же расширило его?

Мона лежала на низенькой кушеткѣ, заложивъ руки за голову, неотрывая глазъ отъ потолка.

— Не знаю выговорила она.—Многое. Какъ поживаетъ Магги?

— Отлично. Лаура увѣряетъ, что изъ нея выйдетъ отличная кухарка. Посмотрѣли бы вы, какъ у нея просіяло лицо, когда я сказала, что вы пріѣдете! Я такъ благодарна вамъ, Мона, что вы дали мнѣ случай помочь ей. Такъ мало можно сдѣлать—то-есть я могу сдѣлать. Она очень милая и такая хорошенькая. Когда я подумаю объ этомъ человѣкѣ... Дорисъ вся вспыхнула и запнулась.

— Не думайте о немъ, дорогая. Это безполезно. И знаете что, не балуйте Магги.

Дорисъ низко наклонилась къ огню, и слезы повисли на ея длин-

ныхъ рѣсницахъ. Она старалась смахнуть ихъ—напрасно; къ тому же около нея никого не было, кромѣ Моны, а Мона была для нея все равно, что второе *я*. Дорисъ прижала платокъ къ глазамъ и черезъ минуту уже съ улыбкой повернулась къ подругѣ.

— Какъ вамъ должно быть тяжело было тогда ночью, въ лѣсу! Вотъ-то я гордилась вами!

— Я желала бы, чтобы у васъ больше было причинъ гордиться мной, дорогая. То, что мнѣ пришлось сдѣлать, было до крайности просто.

— А тотъ деревенскій врачъ, — что онъ сказалъ, когда увидѣлъ, что вы оказались на высотѣ положенія?

Мона опять подняла глаза къ потолку.

— Не думаю, чтобы онъ сказалъ что-нибудь достойное быть занесеннымъ въ скрижали исторіи. Кажется онъ намекнулъ, что Магги не дурно было бы выпить немного бульону.

Это, какъ могъ бы засвидѣтельствовать Дудлэй, было чистѣйшей выдумкой.

— Не думаю, чтобы у него хватило мужества сознаться въ этомъ, но долженъ же онъ былъ видѣть, что тамъ *вы* были на своемъ мѣстѣ, а не онъ.

Мона раскрыла было ротъ для отвѣта, но удержалась.

— Во всякомъ случаѣ Магги была не единственной моей паціенткой, сказала она, помолчавъ.—Потомъ у меня была масса практики. Еслибъ мнѣ только платили за визиты, могу васъ увѣрить, я уѣхала бы оттуда богачкой. О, Дорисъ, какъ это иногда бываетъ печально!.. — И она разсказала о своей послѣдней паціенткѣ.

— Бѣдняжка! Я ужасно рада, что вы уѣхали оттуда, но не понимаю, какъ вы могли рѣшиться оставить ее.

— И я тоже.

— Ее нельзя было привезти въ Эдинбургъ?

Мона покачала головой.

Слишкомъ поздно.

— Но вѣдь это ужасно отказаться отъ нея, передать ее мужчинѣ! Я не понимаю, какъ вы рѣшились сдѣлать это.

— Это потому, что вы не знаете, какъ онъ добръ, какъ онъ понималъ меня съ полуслова и облегчалъ этимъ мою задачу. Я говорю о докторѣ изъ Кильвинни,—это уже пожилой человѣкъ.

Мона вскочила на ноги и прислонилась къ рѣшеткѣ камина.

— Рискуя навсегда потерять ваше уваженіе, Дорисъ, я все-таки должна сказать, что мужчины врачи удивительно ласковы и внимательны къ больнымъ. Когда я вспомню, какіе милые встрѣчаются между ними, я просто удивляюсь, что у насъ, женщинъ есть паціентки!

— *Милые*! — Спокойно, но съ глубокимъ презрѣніемъ повторила Дорисъ. — Вѣдь это ихъ ремесло быть милыми. Я въ жизнь свою не

обращалась къ мужчинѣ врачу и никогда не обращусь, но, еслибы пришлось, я ужъ лучше бы выбрала медвѣдя, чѣмъ такого *милаго* доктора.

Мона засмѣялась.

— Полноте, не унижайте этого слова; право же, милые люди гораздо привлекательнѣе большинства добродѣтельныхъ. Кстати, какъ вамъ нравится Сагибъ?

Лицо Дорисъ просвѣтлѣло.

— Онъ вѣритъ въ женщинъ-врачей.

— Да, и вообще онъ ужасно симпатичный.

— У него очень здравые взгляды на вещи,—задумчиво продолжала Дорисъ.

— Вы часто съ нимъ видѣлись?

— Довольно часто. Онъ очень интересуется занятіями моего отца. Теперь я понимаю, что вы подразумѣвали, говоря, что такого человѣка каждая женщина хотѣла бы имѣть братомъ.

Въ этомъ было мало утѣшительнаго, и Мона поспѣшила перемѣнить разговоръ.

Во время ея прибыванія въ Эдинбургѣ, Сагибъ каждый день заходилъ на часъ, на два, то къ завтраку, то къ обѣду, то для того чтобы сопровождать барышень на лекцію или въ концертъ. Онъ былъ одинаково милъ и братски ласковъ съ обѣими, но Монѣ казалось, что по временамъ онъ чувствуетъ себя не совсѣмъ ловко.

— Еслибъ у него только хватило здраваго смысла, выбросить все изъ головы, — думала она, — какимъ бы облегченіемъ это было для насъ обоихъ!

Но желаніе ея не сбылось.

Въ воскресенье послѣ завтрака, Дорисъ отправилась въ воскресную школу, отецъ ея прилегъ отдохнуть, а Мона сидѣла одна въ библіотекѣ, въ глубочайшемъ креслѣ, съ книгой на колѣняхъ.

Вдругъ дверь отворилась и вошелъ Сагибъ, безъ доклада.

— Вы однѣ? — спросилъ онъ, какъ будто не надѣялся застать ее одну.

— Да,—отвѣтила Мона, и не нашлась сказать ничего больше.

Онъ нервнымъ жестомъ взялъ книгу съ ея колѣнъ и посмотрѣлъ заглавіе.

— У васъ образцовый выборъ книгъ.

— Боюсь, что моя образцовость этимъ и оканчивается,—краснѣя, сказала Мона,—Я не прочла ни единой строчки; я мечтала.

Онъ глянулъ на нее и вдругъ рѣшился.

— Миссъ Маклинъ, я пришелъ за отвѣтомъ.

Мона подняла на него глаза.

— Какой же отвѣтъ, вы желали бы получить, мистеръ Дикинсонъ?

Еслибъ Сагибъ захотѣлъ отвѣтить по совѣсти онъ сказалъ бы:

«Ей Богу, не знаю!» Но есть моменты, когда и лучшіе изъ людей, считаютъ необходимымъ уклоняться отъ истины, сообразуясь съ обстоятельствами. До пріѣзда Моны въ Эдинбургъ, онъ несомнѣнно сожалѣлъ, что у него тогда на балу вырвалось признаніе; но теперь, при встрѣчахъ съ нею, въ особенности, когда они оставались наединѣ, прежнее очарованіе возвращалось во всей своей силѣ. Дорисъ—жемчужина, но Мона—брилліантъ; Дорисъ—безупречна, но Мона—чиста какъ хрусталь. Еслибъ судьба столкнула его съ одной изъ нихъ три года назадъ, какъ бы онъ былъ счастливъ! Сагибъ былъ человѣкъ прямолинейный, искренній; онъ прямо таки негодовалъ на судьбу, за то, что она поставила передъ нимъ такую дилемму, но у природы бываютъ свои причуды. Когда онъ оставался наединѣ съ жемчужиной, брилліантъ казался слишкомъ твердымъ, а игра его граней ослѣпляющей; когда же онъ былъ одинъ съ брилліантомъ... но нѣтъ, даже красота и блескъ брилліанта не могли заставить потускнѣть жемчужину.

— Я не мальчикъ,—выговорилъ онъ почти негодующе,—чтобы не знать чего я хочу.

Мона знала, что онъ настоящій мужчина, но чуткое ухо ея уловило въ этихъ словахъ фальшивую ноту. Она медленно поднялась съ кресла и стала передъ каминомъ.

— И я не дѣвочка. Не моя вина, мистеръ Дикинсонъ, что вы два мѣсяца тому назадъ не хотѣли принять моего отвѣта за окончательный. Я могу только повторить, что сказала.

Онъ глубоко чувствовалъ всю несправедливость и въ тоже время всю справедливость ея гнѣва. Но онъ былъ слишкомъ добросовѣстный человѣкъ, чтобы только жаловаться, не признавая себя виновнымъ.

— Принимая во вниманіе, что произошло между нами, — молвилъ онъ просто,—вы могли бы сказать это менѣе рѣзко. Онъ сознавалъ, что это слабо, но никакимъ другимъ отвѣтомъ сильнѣе задѣть ее онъ не могъ. Мона увидала передъ собой прежняго Сагиба и почувствовала угрызеніе совѣсти.

— Развѣ я была рѣзка? Это я право не хотѣла; но я думала, что вы достаточно честны и достаточно хорошо знаете меня, чтобы прійти и прямо сказать, что вы ошиблись. Мнѣ обидно, что вы считаете меня такой мелочной.—Съ минуту она колебалась.—Сагибъ, мы съ Дорисъ друзья съ самаго дѣтства и не было еще мужчины, который, познакомившись съ нами обѣими, не предпочелъ бы ее. Мнѣ даже не вѣрится, чтобы какому либо изъ мужчинъ выпало счастье покорить ея сердце, но я не могу ревновать къ Дорисъ....

Она запнулась. Тогда, на Рождество, она была совершенно правдива съ нимъ,—но была ли она правдива теперь? Вопросъ этотъ, какъ молнія, блеснулъ въ ея умѣ, и она вся поблѣднѣла. Сагибъ наблюдалъ за нею съ живѣйшимъ интересомъ.

— Сагибъ,—выговорила она дрожащимъ голосомъ, опершись рукой на каминъ, — жизнь такъ сложна..... такъ трудно иногда сказать то,

что нужно сказать... Вы спрашивали меня тогда, нѣтъ ли—у меня—кого нибудь другого.... Другой есть — и тогда былъ. Но я вамъ не лгала. Я не знала. Да и теперь—онъ еще не сказалъ..... Она повернулась и убѣжала.

Сагибъ поднялъ брошенную ею книгу и еще разъ прочелъ заглавіе, не видя ни одной буквы. Вопросъ былъ окончательно рѣшенъ для него, но въ эту минуту онъ отдалъ бы почти все что имѣлъ, чтобы быть на мѣстѣ человѣка, покорившаго сердце Моны Маклинъ.

Глава XLIV.

Анатомическій залъ.

Былъ часъ втораго завтрака, и занятія въ Медицинской школѣ близились къ концу. Большинство студентокъ разошлись по домамъ, остались немногія, ужъ очень прилежныя. Долгое время въ залѣ царила напряженная дѣятельность, но деморализующее вліяніе приближавшихся праздниковъ постепенно сказалось, и теперь студентки попросту болтали между собой.

— Госпожи первокурсницы, — начала одна, кладя щипцы;—если вамъ нуженъ добрый совѣтъ, вы можете получить его даромъ;—впрочемъ, совѣты вамъ нужны только, когда экзамены уже на носу, да и то вы не принимаете ихъ. Ну да все ровно. Совѣтую вамъ составить себѣ точное представленіе о клиновидной челюстной ямкѣ. Когда вы это сдѣлаете, вамъ нечего уже бояться анатомім. Миссъ Уорденъ, не разскажете-ли вы намъ о ней подробно, чтобъ освѣжить это въ памяти намъ и себѣ?

— Не мучьте!—съ напускнымъ отчаяніемъ простонала студентка, занятая сѣченіемъ подошвеннаго сгиба. — Экзаменъ такъ близко, что я дѣлаюсь просто больна, когда мнѣ начинаютъ предлагать вопросы. Я бы даже не пошла экзаменоваться еслибъ не знала, что миссъ Кларкъ тоже идетъ.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ не стала особенно разсчитывать на ея поддержку.

— Ахъ, вы не знаете!.. Если она перейдетъ, я и подавно могу надѣяться. Представьте себѣ, на дняхъ я дѣлаю сѣченіе подколѣнной ямки, а она меня спрашиваетъ, не Скарповъ-ли это треугольникъ!

По залѣ пронесся ропотъ недовѣрія. — Полноте, миссъ Уорденъ, Богъ знаетъ, что вы выдумываете.—Вы гдѣ намѣрены держать второй экзаменъ, миссъ Филлисъ, въ Эдинбургѣ или въ Гласго?

— О, конечно, въ Гласго. Я страшно дорожу временемъ. Я еще не начинала читать о мозгѣ. Скажите, пожалуйста, гдѣ можно получить бычачій глазъ?

— У Диксона, я думаю.

— А сѣченіе уха?

— У насъ есть модель уха въ музеѣ.

— *Модель!* —Въ тонѣ говорившей прозвучало безконечное презрѣніе.

— И охота вамъ каждый разъ ѣздить въ Шотландію? Почему вы не экзаменуетесь въ Лондонѣ?

— Помилуйте, столько времени потратить! Шесть лѣтъ! — и это еще въ лучшемъ случаѣ, если не провалюсь.

— Кстати, о провалахъ, вмѣшалась только что вошедшая студентка,—угадайте, кого я сейчасъ встрѣтила? Миссъ Маклинъ.

— Миссъ Маклинъ?—въ Лондонѣ?

— И даже въ химической лабораторіи. Она намѣрена опять держать переходный экзаменъ на старшій курсъ въ іюлѣ.

— Кто такая миссъ Маклинъ?—спросила одна изъ студентокъ.

Всѣ удивились.

— Вы не знаете, кто такая миссъ Маклинъ? Милая моя, это не говоритъ въ вашу пользу. Миссъ Маклинъ — хроническая второкурсница.

— Миссъ Маклинъ чрезвычайно даровитая дѣвушка, — возразила миссъ Уорденъ.

— Въ первый мѣсяцъ послѣ поступленія,—вставила миссъ Филипсъ,— я писала домой, что студентки очень похожи на обыкновенныхъ смертныхъ, но между ними есть нѣсколько выдающихся, и назвала миссъ Маклинъ.

— Для студентки пробный камень—экзаменъ.

— Это не вѣрно или вѣрно только въ широкомъ смыслѣ слова. Вы, напримѣръ, сразу выдержали переходный экзаменъ, но вѣдь никому не придетъ въ голову сравнивать васъ съ миссъ Маклинъ.

— Благодарю васъ,—былъ спокойный отвѣтъ.—Я люблю, когда говорятъ правду въ глаза. Совершенно вѣрно: я никогда такъ много не читала и не гонюсь за послѣднимъ словомъ въ дѣлѣ теорій, но работала я добросовѣстно и знала свой предметъ,—по крайней мѣрѣ въ то время, когда держала экзаменъ.

— Миссъ Маклинъ слишкомъ хороша для студентки; вотъ въ чемъ бѣда.

Студентка, затѣявшая весь этотъ разговоръ, засмѣялась. — Миссъ Маклинъ страшно добра и всегда готова помочь; но я никогда не забуду, какъ я разъ попросила ее показать мнѣ какой-то нервъ въ ея собственномъ сѣченіи. Она отодвинула мышцы крючкомъ и передо мной открылась цѣлая сѣть телеграфныхъ проволокъ, такъ что у меня волосы встали дыбомъ.

— Ну да. На одинъ извѣстный нервъ, она покажетъ вамъ дюжину безымянныхъ, а ужъ ненормальностей сколько ухитрится отыскать, такъ это просто уму непостижимо.

— Иными словами, въ ней сидитъ духъ самостоятельнаго научнаго изслѣдованія,—подхватила миссъ Филипсъ.—Если такая женщина срѣзалась на экзаменѣ, это не говоритъ въ пользу экзаменаторовъ.

Студентка съ тонкими чертами интеллигентнаго лица, работавшая въ уголкѣ надъ мозгомъ и до тѣхъ поръ не принимавшая участія въ разговорѣ, подняла голову, тряхнувъ густой гривой короткихъ черныхъ кудрей.

— Бѣдные экзаменаторы!—воскликнула она.—Отъ кого только имъ не достается! Не желала бы я быть въ ихъ числѣ. Очень можетъ быть, что миссъ Маклинъ весьма даровита и что въ ней сидитъ духъ самостоятельнаго изслѣдованія, но вѣдь изъ-за этого еще никто не проваливался на экзаменѣ. Миссъ Маклинъ схватываетъ очень быстро и сразу составляетъ себѣ довольно правильное сужденіе. Выражаясь метафорически, она вбиваетъ гвозди именно туда, куда нужно и вбиваетъ ихъ часто гораздо больше, чѣмъ нужно, но вбиваетъ-то не накрѣпко. Глядишь, къ экзамену самые главные-то и выпали — поди, подбирай ихъ. А тутъ еще она, не покончивъ со вторымъ курсомъ, начала слушать лекціи на послѣднемъ; это была страшная ошибка съ ея стороны. Не знаю, на чемъ именно срѣзалась Маклинъ, но что она срѣзалась,— это меня нисколько не удивляетъ.

Студентки, затаивъ дыханіе, сконфуженно переглядывались между собой: въ началѣ этой тирады вошла Мона и остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ говорившей. Замѣтивъ смущеніе товарокъ, та обернулась, покраснѣла и, досадуя сама на себя за то, что покраснѣла, сказала гордо:

— Я не знала, что вы здѣсь, миссъ Маклинъ.

Мона придвинула табуретку къ ея столу и сѣла.

— Это мнѣ слѣдуетъ извиниться, миссъ Лассель, за то, что я слушала рѣчи, не предназначавшіяся для меня; но я была такъ заинтересована, что не подумала объ этомъ. Не часто услышишь такой откровенный діагнозъ.

— Тутъ дѣло не откровенности. Кто-то напалъ на экзаменаторовъ, я вспылила и...

— По моему, только то и стоитъ слушать, что говорится сгоряча. Обдуманныя сужденія, когда ихъ начнешь анализировать, часто оказываются труизмами.

— Притомъ же, въ послѣднемъ я даже покривила душой—я *была* удивлена, когда вы срѣзались.

Заговорили объ особенностяхъ экзаменовъ въ Лондонѣ и въ другихъ городахъ; поднялся принципіальный споръ, въ которомъ приняли участіе всѣ студентки.

— Вы навѣрное достаточно уже поработали сегодня, миссъ Лассель,—сказала наконецъ Мона;—не хотите ли позавтракать со мною. До моей квартиры отсюда всего нѣсколько минутъ ходьбы.

Та колебалась, потомъ вдругъ рѣшилась.

Дѣвушки пошли пѣшкомъ. Худенькая миніатюрная фигурка миссъ Лассель въ изящномъ, но полудѣтскомъ костюмѣ, представляла странный

контрастъ съ величавой фигурой ея спутницы, но лица обѣихъ выражали рѣшимость и волю.

— Хорошо, что вы вернулись.—Сказала миссъ Лассель.

— Я чувствую себя такой старухой среди всѣхъ васъ.

— Да: Студентки съ каждымъ годомъ все молодѣютъ. Это ужасно жаль. Поступаютъ чуть не дѣвочки: даже трудно представить ихъ себѣ на старшемъ курсѣ. Что онѣ знаютъ о жизни?

— А въ результатѣ черезъ десять лѣтъ предложеніе на женщинъ-врачей превыситъ спросъ, по крайней мѣрѣ, у насъ въ Англіи. Потомъ это сгладится, но теперь, чтобы имѣть успѣхъ, женщина должна быть по развитію выше средняго мужчины.

— А у насъ выходитъ все больше среднія женщины, а средняя женщина всегда ниже средняго мужчины.

— Какая ересь!

— Это ничего, дайте срокъ—все перемѣнится. Дайте только женщинамъ настоящее образованіе.

— Вы думаете? Ну, знаете, я бы чувствовала себя очень несчастной, еслибъ не вѣрила въ женщинъ. Я очень цѣню высшее образованіе, но надо принимать въ расчетъ и природу.

— Что жъ, и природа не сказала еще своего послѣдняго слова.

— Объясняться вообще не слѣдуетъ,—неожиданно начала миссъ Лассель, когда онѣ уже сидѣли за завтракомъ.

— Безусловно не слѣдуетъ, особенно когда въ этомъ нѣтъ никакой надобности.

— ...Но мнѣ хотѣлось сказать вамъ, что мнѣ кажется, что у насъ съ вами одинаковый складъ ума, только, разумѣется, вашъ взглядъ на вещи новѣе и шире. ...а у меня познанія глубже,—добавила она мысленно.

— Оказывается, иногда полезно бываетъ объясниться,—сказала Мона.—Я очень рада, что вамъ пришла такая благая мысль. Пріятно думать, что мой складъ ума похожъ на вашъ, боюсь только, что это сходство поверхностное, вродѣ того, какъ скрипка ученика похожа на скрипку учителя.

— А вѣдь пріятно иногда выбраться изъ пыльныхъ музеевъ и посмотрѣть, какъ наука растетъ на свободѣ. Мнѣ тѣмъ нравится лондонскій университетъ, что здѣсь это можно. «То дѣлай, и этого не оставляй». Трудно только найти время для того и для другого.

— Ахъ какъ трудно! — особенно, когда время нужно еще и на третье.

— Да. Я это очень понимаю. Ненавижу жить замурованной. Мнѣ нужно много точекъ соприкосновенія, а не одна. Но все-таки я стараюсь работать добросовѣстно; вѣрнѣе, даже не стараюсь. Это въ моей натурѣ. Учиться для меня наслажденіе.

— Я увѣрена, что вы получите награды по всѣмъ предметамъ.

— Хорошо и то, что есть шансъ на награду: это помогаетъ работать; но времени все таки идетъ ужасно много. Я не въ состояніи работать больше десяти часовъ въ день... Мона отъ ужаса даже выронила вилку.

— Десять часовъ въ день!

— Да; я попробовала было двѣнадцать, но не выдержала.

— Я думаю! По моему, и восемь часовъ—безуміе. Я никогда не занимаюсь больше шести, а въ послѣднія недѣли передъ экзаменами не больше двухъ.

— Почему?

— Подъ конецъ я уже не въ состояніи даже читать. Въ томъ то и горе мое. Вплоть до послѣднихъ двухъ недѣль я какъ будто знаю предметъ, знаю даже лучше большинства студентокъ; но потомъ я ослабѣваю, а къ какимъ заклинаніямъ и чарамъ другія прибѣгаютъ,—не могу себѣ даже и представить; но выходятъ онѣ во всеоружіи, побѣдоносныя—и побѣждаютъ, а я выхожу изъ своей летаргіи только для того чтобы пасть.

— Вы можете утѣшать себя сознаніемъ, что изучили свое дѣло основательнѣе, чѣмъ онѣ.

— Ну, знаете, съ меня ужъ достаточно подобнаго рода утѣшеній. Я бы помирилась теперь и на чемъ нибудь болѣе грубомъ, но болѣе существенномъ.

— Теперь у васъ будетъ и это.

Мона вздохнула.—Дай то Богъ!—Дайте, я налью вамъ еще немного вина; выпьемте за успѣшные экзамены.

— Сознаюсь, я была порядкомъ удивлена, узнавъ, что миссъ Рейнольдсъ перешла. Я не мѣшалась въ чужія дѣла, но все таки скажу, что вы вернулись во время. Видѣли вы ее?

— Всего на нѣсколько минутъ. Она придетъ ко мнѣ вечеромъ.

— Вы знаете, что подъ ея легкомысленной внѣшностью скрывалась способность работать очень серьезно. Теперь это какъ разъ наоборотъ. Она представляется серьезной, а въ сущности ничего не дѣлаетъ; я въ этомъ увѣрена. Вы удивляетесь, откуда я это знаю? Да объ этомъ всѣ говорятъ. Она вѣдь никогда особенно много не читала. Весь секретъ ея успѣха въ томъ, что она внимательно слушала на лекціяхъ и составляла записки, а потомъ училась по нимъ. А теперь она, говорятъ, совсѣмъ не записываетъ. И то уже нехорошо, что она явилась въ серединѣ учебнаго года, но я тогда предсказывала, что она будетъ заниматься вдвое усерднѣе.

— Почему? Я бы этого не стала предсказывать. Она слишкомъ много работала прошлое лѣто, и такая реакція—хорошій знакъ. Мнѣ кажется, этимъ вполнѣ объясняется то, что вы говорите о ней. Миссъ Бейнользи—здоровое животное; на ея натуру можно положиться; она знаетъ мѣру. Теперь ея уму нуженъ отдыхъ, но, въ концѣ концовъ онъ все наверстаетъ.

Мона говорила какъ будто съ убѣжденіемъ, но на душѣ у нея было тревожно. Въ послѣднее время Люси писала ей рѣдко и мало; при встрѣчѣ со старымъ другомъ на вокзалѣ, она тоже была очень сдержанна. Все это не обѣщало ничего утѣшительнаго.

«Но не могу же я насильно вызвать ее на откровенность,—думала Мона по уходѣ гостьи;—авось сама разскажетъ, въ чемъ дѣло. Бѣдная дѣвочка».

Люси пришла поздно, блѣдная, усталая. Я заставила васъ ждать—сказала она: Простите! Только что я собралась уходить, какъ привезли больного съ проломаннымъ черепомъ; я и осталась посмотрѣть на трепанацію. Доктора не надѣются на благополучный исходъ, ну—я и раскисла немножко по этому поводу. Но операція сдѣлана замѣчательно чисто.

Мона налила ей рюмку вина.

— Выпейте это; потомъ подите въ мою спальню и хорошенько умойтесь: это васъ освѣжитъ. За обѣдомъ я берусь вести разговоръ одна, а вы, когда совсѣмъ отдохнете тогда и разскажете мнѣ, что у васъ новенькаго.

— Какъ хорошо, что вы вернулись!—сказала Люси, когда онѣ сѣли за столъ.—Теперь легче будетъ жить. Какіе прелестные цвѣты!

— Полюбуйтесь. Это тетя Модъ прислала мнѣ изъ вашихъ возлюбленныхъ Каннъ.

При упоминаніи о Каннахъ, Люси неизвѣстно почему, вдругъ страшно покраснѣла. Мона поспѣшила перевести разговоръ.

— Я была сегодня въ школѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Воображаю, какъ это было ужасно для васъ.

— Ужасно было найти въ химической лабораторіи такъ мало органическихъ растворовъ. Но я думаю, что до лѣта это еще пополнится.

— Охъ ужъ эти мнѣ нелѣпые анализы!..

— Вы заходили и въ анатомическій?

— Да, и какъ бы вы думали, надъ чѣмъ они производили сѣченіе.

— Что-нибудь новенькое?

— Да, въ этой области совсѣмъ новое: объектомъ была моя собственная персона. И Мона разсказала о своемъ маленькомъ приключеніи.

— Нѣтъ, этихъ дѣвчонокъ положительно нужно осадить?—съ негодованіемъ вскричала Люси.—Въ жизнь свою не слыхала о такомъ безстыдствѣ. Что онѣ знаютъ о васъ, кромѣ того, что вы у насъ одна изъ лучшихъ студентокъ?

— Будетъ вамъ! вотъ горячка-то,—смѣялась Мона, радуясь, что видитъ передъ собою прежнюю Люси. Мы съ вами въ свое время тоже безъ церемоніи судили о старшихъ. Право же, мнѣ это было очень полезно. Мнѣ такъ жутко было войти въ анатомическій—отчасти потому, что я уже выбилась изъ рабочей колеи, и еще потому, что никто бы не зналъ о чемъ говорить со мною и мнѣ пришлось бы выбирать

между безтактными замѣчаніями и еще болѣе неловкимъ молчаніемъ. Когда я увидала, что мой провалъ всѣмъ извѣстенъ и обсуждается открыто—у меня отлегло отъ сердца. Надо сознаться, что въ словахъ миссъ Лассель много правды. Въ слѣдующіе четыре мѣсяца я посвящу свою жизнь *вбиванію гвоздей*.

Люси содрогнулась. Нельзя ли *ввинчивать их*? Это, по крайней мѣрѣ, не такъ шумно. Мона подумала. Нѣтъ, это хорошо: стукнулъ хорошенько молоткомъ и готово: это облегчаетъ. И она съ такой силой стукнула кулакомъ по столу, что ея бѣлые пальчики покраснѣли.

— Ну-съ, теперь ваша очередь. Выкладывайте: я хочу все знать. Какъ вамъ нравиться госпиталь?

— О, тамъ ужасно интересно!—вскричала Люси,—но въ тонѣ ея не слышалось особеннаго энтузіазма.

— Гм... а не показалось вамъ, что въ Лондонѣ очень холодно, послѣ благодатнаго юга?

Люси опять вздрогнула. Это былъ ужасный переходъ.

— Ну, а тамъ вы провели хорошо время,—весело, беззаботно?

Съ минуту отвѣта не было; потомъ Люси, будто опомнившись, быстро заговорила:

— О, да! тамъ было прелестно. Простите, я... я на минуту забылась.

— Неправда, вы о чемъ-то думали. Ну-ка, признавайтесь, о чемъ?

Снова наступило молчаніе. Очевидно Люси очень хотѣлось выложить все начистоту, но она не сдавалась.

— Я теперь на дурномъ счету у отца,—выговорила она наконецъ.

Мона посмотрѣла на нее испытующимъ взглядомъ. Она не сомнѣвалась, что пріятельница говоритъ правду, но и не могла повѣрить, чтобы это было единственной причиной видимо угнетеннаго состоянія Люси.

— Какъ же вы это ухитрились?

— Ничего особеннаго: просто поѣхала съ Мунро въ Монтекарло.

— А онъ противъ этого?

— Страшно! Видите ли: я хотѣла-было написать, потомъ рѣшила, что лучше сама разскажу когда пріѣду домой, но меня тамъ видѣлъ одинъ нашъ попечитель, мистеръ Вильсонъ, и проболтался: все и вышло наружу.

— Но вѣдь вы не играли?

— Нѣтъ,—то есть, если хотите, да,—но вѣдь какая же это игра? Эвелина такая медлительная... ну я, и подтолкнула лопаточкой ея ставку. Да отецъ не этимъ собственно возмутился. Онъ вообще недоволенъ, что я тамъ была.

— Изъ-за одного раза?

— Изъ-за одного раза. Онъ говоритъ, что вы бы не поѣхали.

— Это большое заблужденіе. Мнѣ очень бы хотѣлось посмотрѣть игорный залъ. И я, конечно, поѣхала бы. Я скажу ему это въ первый же разъ, какъ увижу его.

— Нѣтъ, Мона, ненадо. Зачѣмъ, развѣ мнѣ это поможетъ!

— Не то, что поможетъ, но просто я не имѣю права скрыть это отъ него. Вашъ отецъ считаетъ меня гораздо лучшей, чѣмъ я есть и это обязываетъ меня быть съ нимъ искренней. Къ тому же, я намѣрена защищать свою точку зрѣнія. Конечно, я не поѣхала-бы, еслибъ считала это дурнымъ. Полноте, Люси, тутъ не о чемъ убиваться. Сдѣланнаго не передѣлаешь, и отецъ вашъ, конечно, не пожелалъ бы, чтобы вы мучили себя напрасно.

— Я вовсе не мучаюсь,—сказала Люси, заставляя себя улыбнутся.— Я вамъ разсказывала, Мона, о юношѣ, котораго мы встрѣтили въ Монтекарло? Онъ проигрался и просто съ ума сходилъ. Мы упросили леди Мунро поговорить съ нимъ, и она его пригласила въ Канны, а потомъ сэръ Дугласъ на свой счетъ отправилъ его домой. И знаете, какъ смѣшно—онъ оказался студентомъ-медикомъ изъ госпиталя св. Кунигунды. Я была одна въ гостинной, когда онъ пріѣхалъ съ визитомъ. Это прелестная комнатка, вся залитая солнцемъ; свѣтъ въ ней какой-то сливочно желтый — и мое платье при этомъ освѣщеніи выглядѣло просто очаровательно! Ну, разумѣется, мы стали сравнивать баллы. У него только второй экзаменъ въ іюлѣ; и если бы вы видѣли, какъ онъ былъ пораженъ, когда узналъ, что я уже перешла на старшій курсъ! Ему должно быть и въ голову не приходило, что женщина моложе 30 лѣтъ и не носящая очковъ, способна выдержать переходный экзаменъ на старшій курсъ. Онъ обѣщался какъ-нибудь зайти ко мнѣ.

Это было жалкое подобіе обычной манеры Люси разсказывать, изобилующей сравненіями и яркими характеристиками. Мона была очень удивлена, но поняла, что отъ Люси теперь больше ничего не добьешься. и перестала разспрашивать.

Глава XLV.

Признаніе.

Былъ жаркій іюньскій день, и богоспасаемый Блумсбёри превратился въ большую пекарню. Немногіе счастливые обладатели спущенныхъ жалюзи были предметомъ зависти всѣхъ своихъ сосѣдей.

Мона сидѣла за письменнымъ столомъ, съ перомъ въ рукѣ, разложивъ передъ собой внушительнаго вида синій разграфленный листъ бумаги. Она смотрѣла въ окно, но передъ глазами ея была не пыльная душная улица, а прохладныя окрестности замка Маклинъ; въ ушахъ отдавался не шумъ и говоръ толпы, а тихій плескъ волнъ. Улыбаясь одними глазами, она положила перо и облокотилась на горячій подоконникъ, повторяя стихи, читанные *имъ* на скалѣ.

— Что это, Мона? вы, кажется, изволите заниматься рисоплетствомъ?—безцеремонно вскричала Люси, вбѣгая въ комнату.

— Ничуть не бывало,—сухо отозвалась Мона. Я занимаюсь самымъ

прозаическимъ дѣломъ, какое только можно себѣ представить—заполняю графы прошенія о допущеніи меня къ экзамену. Я, кажется, большую часть своей жизни только это и дѣлала. Если я еще разъ провалюсь, я ужъ возьму секретаря спеціально для этого занятія. Ну-ка, [illegible] огите мнѣ. Имя и фамилія, полностью?

— Мона, Маргарита Маклинъ.

— Маргариту по-боку. Пусть будетъ одна Мона. Авось подумаютъ что это другая Мона Маклинъ. Возрастъ?

— Двадцать девять.

— Годъ прибавили. Придется когда-нибудь вписывать и двадцать девять—я въ этомъ увѣрена—но еще не сейчасъ.—Интересно знать, измѣнится ли къ тому времени система преподаванія практической химіи? Сегодня тепло, не правда ли?

— Страшно жарко! Я только-что встрѣтила миссъ Лассель, и она увѣряла, что если бъ мы были на самомъ дѣлѣ цивилизованные люди, мы бы въ такую жару ходили совсѣмъ безъ платья; у меня до сихъ поръ звенитъ въ ушахъ ея голосъ, что твой колокольчикъ! Я ей сказала: надѣюсь, что на мой вѣкъ хватитъ остатковъ варварства.

— Можете быть увѣрены, что въ другой разъ миссъ Лассель не станетъ метать бисеръ передъ свиньями. Вы куда шли? въ госпиталь

— О нѣтъ! Госпиталь въ такую жару невыносимъ; тамъ весь воздухъ пропитанъ микробами.

Мона задумчиво смотрѣла на пріятельницу.—Не съѣздить ли намъ въ Ричмондъ, чтобъ утопить часть микробовъ въ Темзѣ?

— О Мона, какъ это мило съ вашей стороны! Но развѣ у васъ есть время?

— Да, сегодня я начала рано. Но теперь надо позавтракать. А пока я вамъ спою послѣднюю вещь, которую я разучила, а вы критикуйте.

— Вы продолжаете брать уроки пѣнія? Какъ вы ухитряетесь находить время?

Въ сущности, это только сберегаетъ мнѣ время. Пѣніе—мой предохранительный клапанъ, и потомъ—женщина теряетъ 50% когда она не умѣетъ пользоваться своимъ голосомъ.

Руки Моны легко пробѣжали по клавишамъ, и она запѣла Шубертовское *Ave Maria.*

— Миссъ Дальримпль увѣряетъ, что это мой *chef-d'oeuvre.* Вы какъ находите?

Люси не отвѣтила.

— Мона,—выговорила она, минуту спустя,—вы думаете стоитъ ѣхать? Это такъ утомительно, да и къ чему?

Голосъ ея звучалъ хрипло: въ немъ слышалась безконечная усталость. Мона встала изъ-за піанино и безцеремонно, почти грубо отвела руки дѣвушки отъ лица. Она не ошиблась: хорошенькіе глазки Люси были полны слезъ.

— Люси довольно мы съ вами ломали комедію. Чего же стоитъ дружба, если на нее нельзя опереться въ трудную минуту! Скажите мнѣ правду: что отравило вамъ пребываніе въ Каннахъ?

У Люси пылали и уши, и щеки.

— Ничего, кромѣ развѣ моей собственной глупости. Мона, милая, голубушка, да вѣдь и говорить-то нечего. Я думала, что всю жизнь буду играть мужчинами, а вышло такъ, что мной поиграли. Это только справедливо. Ну вотъ, теперь вы все знаете. Можете презирать меня, если хотите.

— Если ужъ мнѣ презирать людей, такъ надо бы начать съ кого нибудь поближе. Вы думаете, вамъ легче будетъ, если вы мнѣ скажете? А можетъ быть лучше все это предать забвенію?

— Я не могу предать это забвенію. Хотя разсказывать въ сущности нечего. Оглядываясь назадъ, я по совѣсти не могу сказать, чтобы этотъ мой флёртъ зашелъ дальше, чѣмъ всѣ предыдущіе, но тутъ какъ-то все было по другому.

— Это кто-нибудь изъ знакомыхъ Мунро?

Люси кивнула головой.

— Да; вы его знаете—м-ръ Монтизъ. Онъ пріѣхалъ въ курзалъ какъ разъ въ тотъ день, когда тамъ былъ первый танцовальный вечеръ. Я была одѣта русалкой и онъ все время смотрѣлъ на меня. Онъ не то чтобы очень красивъ, но въ немъ есть что-то особенное—правда? Я при немъ чувствовала себя такой вульгарной, чернорабо́чей. А когда я пошла съ нимъ танцовать, мнѣ показалось, что я никогда въ жизни раньше не танцовала съ мужчиной. Мы даже не очень часто видѣлись—леди Мунро такъ щепетильна; но разъ мы цѣлой компаніей отправились пѣшкомъ смотрѣть часовню на горѣ и какъ-то случилось такъ, что мы съ нимъ отстали отъ другихъ. Я въ первый разъ тогда увидала Альпы и никогда уже потомъ они не казались мнѣ такими прекрасными. Закатъ былъ такъ лучезаренъ... Передо мной точно открылись золотыя двери счастья... Ну, потомъ онъ уѣхалъ. Дня два я страшно тосковала, но каждый разъ, какъ я вспоминала тотъ вечеръ на горѣ, мнѣ почему-то казалось, что будущее—мое. Однажды мы поѣхали въ Монте-Карло, и тамъ я опять съ нимъ встрѣтилась. Онъ спросилъ, хочу ли я, чтобы онъ пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Канны. Я сказала, что мнѣ все равно. Онъ и не пріѣхалъ. Вотъ и все. Иногда я жалѣю, что не попросила его пріѣхать Да, Мона, вотъ до какого униженія я дошла! Иногда же мнѣ кажется, что онъ угадалъ мою тайну, и тогда я готова убить себя отъ стыда. Мона, хоть бы вы помогли мнѣ стряхнуть это съ себя!

— Ахъ вы, бѣдная дѣточка! Люси, милая, вамъ надо какъ можно больше работать. Постарайтесь уйти съ головой въ свою работу въ госпиталѣ. Это звучитъ тривіально, но что же дѣлать; работа—единственное спасеніе.

— Напрасно вы это говорите. Я ненавижу госпиталь. Я не понимаю теперь, какъ я могла такъ волноваться изъ-за наградъ, отмѣтокъ, экзаменовъ. Это все дѣтскія игрушки.

— Да; но горе не игрушка; болѣзнь и смерть тоже не игрушки. Надо только хорошенько взяться за работу, а тамъ она и заинтересуетъ васъ; это единственное средство уйти отъ себя, дорогая, хотя, можетъ быть, вамъ и странно слышать это отъ меня. Говорятъ, что мы, женщины нашего поколѣнія, приносимъ въ жертву большую часть нашихъ правъ первородства; но у насъ есть награда: когда зайдетъ солнце, мы можемъ зажечь свѣчи; не будемъ же отвергать ее. Помните, Вертеръ описываетъ деревенскую дѣвушку, которой измѣнилъ милый, и съ тѣхъ поръ жизнь потеряла для нея всякій смыслъ? У насъ, по крайней мѣрѣ, есть другіе интересы, Люси; мы, если постараемся хорошенько, можемъ запереть на ключъ очарованныя комнаты и жить въ остальной части дома.

— А если остальная часть дома—жалкая нора, какъ у меня!

Мона сочувственно вздохнула.

— Что же дѣлать! Надо работать и постараться какъ-нибудь пріукрасить нашу нору.

Разговоръ былъ прерванъ появленіемъ служанки съ подносомъ.

— Ну что же, ѣдемъ въ Ричмондъ?—спросила Мона по окончаніи завтрака.

Люси покраснѣла.

— Пожалуй, лучше будетъ, если я пойду въ госпиталь. Теперь уже кажется не такъ жарко.

— Нѣтъ, какъ будто вѣтеркомъ пахнуло. До свиданія. Приходите поскорѣе.

Примѣръ Люси такъ же благодѣтельно подѣйствовалъ на Мону, какъ на Люси ея проповѣдь. Долго сидѣла она, сдвинувъ брови, въ своемъ любимомъ креслѣ-качалкѣ. «Неужели онъ только забавлялся ею? Негодяй»! Потомъ у нея мелькнула другая мысль, въ началѣ почти безсознательная; но эта мысль, какъ черная собака въ Фаустѣ, описывала постепенно суживавшіеся круги, и Мона должна была сознаться себѣ, что, рано или поздно, ей придется стать съ этой мыслью лицомъ къ лицу. И вдругъ она закрыла руками лицо, хотя въ комнатѣ никого не было, и въ ушахъ у нея прозвучалъ ужасный вопросъ: «А что если и *онъ* только игралъ мною?»

«Что же, Мона? Запри на ключъ дверь очарованныхъ комнатъ и живи въ остальной части дома». Но она даже не вспомнила о совѣтѣ, данномъ ею Люси. Она бросилась на кушетку и долго лежала не подымая головы, терзаемая стыдомъ. Неужели же послѣ всѣхъ своихъ высокопарныхъ рѣчей, она отдала свое сердце человѣку, который даже и не просилъ объ этомъ. Почему онъ не сказалъ хоть слова, чтобы избавить ее отъ всѣхъ этихъ мученій?

По какой-то странной ассоціаціи идей, ей вдругъ вспомнился стихъ изъ Гёте:

«Denn, was man schwarz auf weiss besitzt,
Kann man getrost nach Hause tragen».

Она смущенно засмѣялась и провела рукою по мокрому лбу.

«Я глупа и трусиха,—сказала она себѣ.—Что значатъ слова между такими людьми, какъ онъ и я?»

Она подошла къ стѣнному календарю и сосчитала, сколько дней остается до десятаго августа, потомъ съ сокрушеннымъ сердцемъ вздохнула.

Какой сухой и безчувственной я должна была показаться бѣдной маленькой Люси!

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПОЭЗІЯ И ПРАВДА МІРОВОЙ ЛЮБВИ.

I.

Исторія русской литературы искони изобиловала въ высшей степени своеобразными происшествіями, ей одной только свойственными. Ими она обязана преимущественно литературной критикѣ. Какихъ только подвиговъ не совершала эта отрасль нашей словесности! Она можетъ гордиться нѣсколькими блестящими именами, но, сравнительно съ богатствомъ и силой русской художественной литературы, наша критика бѣдна и немощна. Но ни бѣдность, ни безсиліе не помѣшали ей неукоснительно совершать самые воинственные набѣги на величайшихъ художниковъ. Рѣдкій изъ нихъ успѣлъ спастись отъ безпощадныхъ униженій своего таланта и часто даже своей личности.

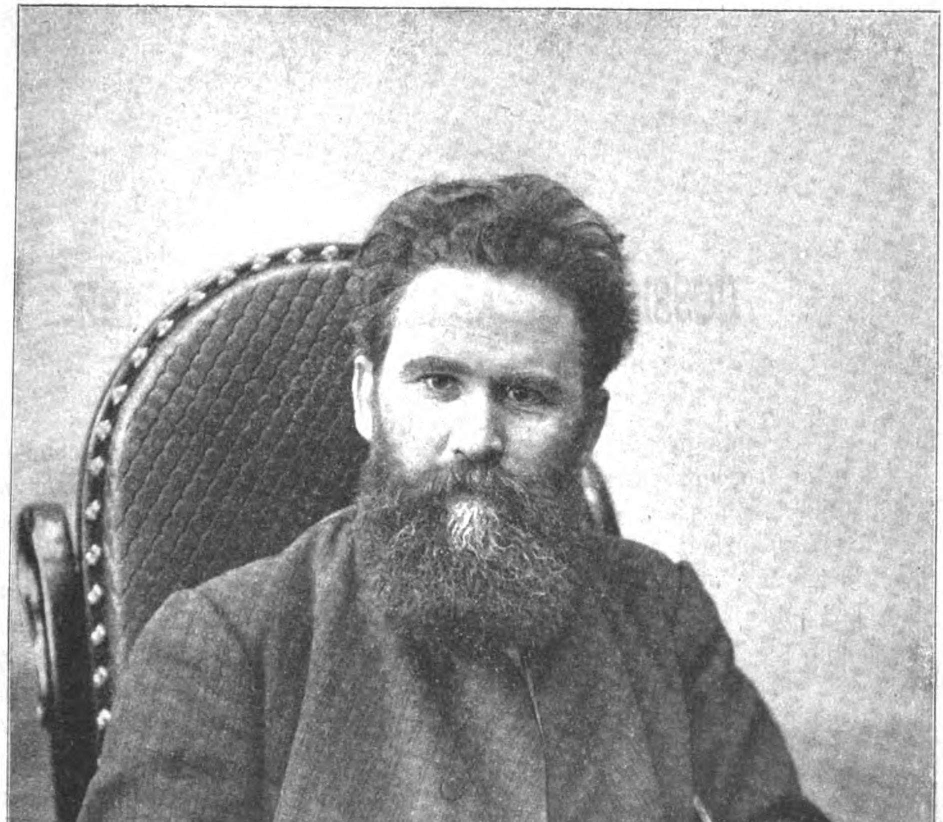
Оригинальный порядокъ установился очень рано, лишь только явился дѣйствительно великій художественный талантъ.

Пушкина привѣтствовали и сопровождали до самой смерти залпы самой откровенной брани, безпрестанно переходившей въ личныя поношенія, въ клевету и даже въ доносъ. По поводу него впервые было пущено въ ходъ столь страшное впослѣдствіи слово *нигилистъ*. Оно долженствовало означать писателя, лишеннаго всякихъ нравственныхъ задачъ и вообще серьезныхъ интересовъ.

Не болѣе благосклонно былъ встрѣченъ и Гоголь. Праздное балагурство, неприличное паясничество и удручающая безграмотность—первыя и самыя яркія черты геніальнаго художника, подмѣченныя современной критикой. Менѣе тяжкія, но все-таки преступныя качества—отрицательное, непатріотическое отношеніе къ людямъ и фактамъ своего отечества, безсердечное издѣвательство, не позволяющее самому автору и его читателямъ видѣть добродѣтели и умъ русскаго человѣка... На этомъ основаніи цѣлыя десятилѣтія созидалась гоголевская критика, и весьма яркіе отголоски ея сохранились даже до нашихъ дней.

Наконецъ, еще одинъ примѣръ.

Пушкина и Гоголя еще, пожалуй, трудно было сразу уразумѣть. Какъ художники, они не принадлежали ни къ какому публицистическому направленію и безпрестанно заявляли о своей творческой свободѣ, даже



18 9/VI 99 В. Короленко

весьма нелестно выражались насчетъ толпы и журнальной литературы, питающей эту толпу. Эти отзывы часто звучали чрезвычайно аристократично и подчасъ могли оскорблять «литературныхъ насѣкомыхъ» очень чувствительно. Пушкинъ именно такъ и обзывалъ своихъ періодическихъ судей, внушалъ то же отношеніе къ нимъ и Гоголю. Естественно, насѣкомыя не оставались въ долгу и изъ силъ выбивались—отравить жизнь и творческій трудъ *царя-художника*.

Но за ними слѣдовалъ писатель также геніальный, но безъ всякихъ аристократическихъ притязаній, терпимый и снисходительный до послѣдней степени, лично готовый быть скромнымъ работникомъ печати, совершенно чуждый свѣтскихъ и сановныхъ связей, весь сосредоточенный на интересахъ демократическаго литературнаго слова.

При такихъ условіяхъ и направленіе писателя не могло подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, и оно вполнѣ опредѣленно сказалось въ первыхъ же его произведеніяхъ. Кажется,—всѣ данныя для того, чтобы талантъ былъ доброжелательно оцѣненъ, по крайней мѣрѣ, принятъ вдумчиво и осмотрительно.

Но русской критикѣ даже и эти скромныя добродѣтели оказались не по силамъ. Именно Тургеневу суждено было испытать самый свирѣпый натискъ журнальной критики и при томъ, съ разныхъ сторонъ, другъ другу противоположныхъ.

Для обыкновеннаго читателя, повидимому, безусловно немыслимо открыть въ романахъ Тургенева пороки, подлежащіе одинаково законному уничтоженію со стороны консерваторовъ и либераловъ. Публика такъ и рѣшила съ самаго начала и безповоротно причислила Тургенева къ одному лагерю. Но критика очень долго и съ большимъ безпокойствомъ искала истину, при чемъ недосягаемость истины, созданная самой же критикой, всей тяжестью злобы и недоразумѣній падала на художника.

Для насъ въ настоящее время все это—исторія, но она когда-то была драмой и чрезвычайно мучительной для невольныхъ жертвъ. Ничего подобнаго никогда не видѣла критика другихъ литературъ. Борьба, разумѣется, велась повсюду, но она всегда носила характеръ правильной культурной войны. Каждый лагерь въ точности зналъ, за что и противъ чего онъ тратитъ силы, кто и почему является его врагомъ или другомъ. *Сочувствовать* можно здѣсь только одной сторонѣ, но *понимать*—одинаково доступно обѣ. Сила малосознательной, почти стихійной запальчивости, чисто художественное увлеченіе полемическимъ искусствомъ не имѣли и до сихъ поръ не имѣютъ мѣста въ литературныхъ междоусобицахъ западной печати.

Даже во времена самыхъ жестокихъ политическихъ распрей, напримѣръ, въ наши дни, литературная критика сохраняетъ логику и тактъ чисто идейной борьбы. Джентльменство новѣйшихъ французскихъ критиковъ поразительно. Они безпрестанно говорятъ другъ о другѣ и можно подумать это одна патріархальная семья. До такой степени

бережно, предупредительно они разсуждаютъ о чужихъ взглядахъ, о размѣрахъ чужого таланта. Каждому новичку они любезно даютъ мѣсто въ своей средѣ и не проходитъ пяти, шести лѣтъ—о немъ уже пишутся благосклонные этюды и тщательно отмѣчается всякая болѣе или менѣе положительная черта его дѣятельности.

Пусть дрейфусисты и антидрейфусисты дерутся въ печати и на улицѣ: это вопросы полиціи и политики. Литература должна жить своей преемственно-идейной жизнью и заботливо, независимо отъ личныхъ чувствъ и вкусовъ, накоплять общій національный капиталъ ума и творчества. И Лемэтръ, способный въ толпѣ явиться крикуномъ и агитаторомъ ради политической страсти, въ критической статьѣ останется спокойнымъ, невозмутимо-изящнымъ диспутантомъ, кто бы ни былъ его стороной, даже ненавистный Онэ и глубоко-антипатичный Гюго. Таковы плоды почвенной культурной зрѣлости, просвѣщенія, воспринятаго органически, наслѣдственно, а не усвоеннаго только въ формѣ заученныхъ фактовъ и заимствованныхъ мыслей.

Для русской публицистики этотъ идеалъ до сихъ поръ остается недосягаемымъ. Эпиграммы Пушкина на хавроніосовъ, ругателей закоснѣлыхъ, на ежемѣсячныхъ клеветниковъ, на пасквилей томительную тупость—до нашихъ дней не утратили своей свѣжести и остроты. Каждое поколѣніе неукоснительно производитъ художниковъ журнальной брани, полемистовъ ради самой полемики, получающихъ громадное личное удовлетвореніе отъ собственныхъ звуковъ скверны и проклятій. Этотъ жанръ литературной критики процвѣтаетъ только у насъ, свидѣтельствуя, до какой степени сама *природа* русскаго, даже просвѣщеннаго человѣка мало поддалась культурной переработкѣ и просвѣтительнымъ воздѣйствіямъ. Существуетъ, конечно, и здѣсь, какъ почти и при всякой винѣ, нѣкоторое смягчающее обстоятельство.

Журнальная литература—для русскаго писателя единственное поприще проявить свой характеръ и темпераментъ. Онъ подходитъ къ своему письменному столу со всѣми болями своихъ нервовъ, со всей полнотой накопившихся впечатлѣній, и всему этому нѣтъ другого выхода, помимо листа бѣлой бумаги. Естественно, сюда, рядомъ съ продуманными мыслями и благородными чувствами, ложатся накипь и чадъ сдавленнаго жара и чистый огонь нерѣдко заволакивается дымомъ и копотью болѣзненнаго умственнаго процесса.

И онъ не перестаетъ отравлять глубокое и могучее теченіе русской литературы даже послѣ поучительнѣйшихъ опытовъ съ Пушкинымъ, Гоголемъ и Тургеневымъ. Русская печать никакъ не можетъ дорости до самого скромнаго уровня сознательности и отчетности въ своихъ дѣйствіяхъ. Она будто та знаменитая *Tiers parti*, которая приводила въ отчаяніе французскихъ политиковъ сороковыхъ годовъ. Въ составъ ея входили все люди очень неважные по своимъ личнымъ дарованіямъ и очень неопредѣленные по своимъ политическимъ идеаламъ. Но ихъ,

конечно, набиралось большое количество, и всѣ вмѣстѣ они предста вляли силу.

Чего хотѣла эта сила, не могъ бы разгадать никакой Эдипъ. Либерализма? Можетъ быть,— но тогда зачѣмъ же она при всякомъ случаѣ пускала ехидныя шпильки по адресу либеральныхъ министровъ? Консерватизма?—врядъ ли: каждый изъ членовъ партіи ретиво открещивался отъ преданій и предразсудковъ. И такъ шло изъ года въ годъ. Практиковалась какая-то неуловимая, эгоистическая, мелкая политика лукаваго подсиживанія, трепетной жажды популярности безъ всякаго риска, ученическая наивность и узость мысли и неукротимая зависть ко всему независимому и яркому. Стоило какому-нибудь министру или депутату выйти изъ общей нудной стадной колеи, вся «третья партія» мгновенно настораживалась, приходила сначала въ подспудное движеніе, сочиняла адресы-палимсесты, т. е. съ двусмысленными намеками и подмигиваніями, а потомъ становилась въ открытое воинственное положеніе, безъ всякой видимой принципіальной причины.

Русская публицистика неуклонно повторяетъ эту тактику по поводу чуть ли не всякаго новаго таланта. Какъ настоящая нравственная плебейка, она обнаруживаетъ прирожденный скептицизмъ предъ всякимъ свободнымъ явленіемъ умственной жизни, въ растерянномъ состояніи забываетъ даже о либерализмѣ, принимается защищать авторитеты простымъ выкрикиваніемъ именъ, впопыхахъ и въ полномъ забвеніи чувствъ и разсудка попадаетъ даже въ самое подозрительное сообщество, лишь бы только не уронить своего плебейскаго достоинства. Могла же, напримѣръ, русская несомнѣнно свободомыслящая печать оказаться въ одномъ строю съ *Русскимъ Вѣстникомъ* и *Московскими Вѣдомостями*, чтобы погубить Тургенева во мнѣніи общества! Это очень крупный историческій фактъ, болѣе мелкіе того же характера повторяются безпрестанно. Еще служилый человѣкъ старой московской Руси, говорилъ, что русскіе люди ѣдятъ другъ друга и этимъ сыты бываютъ. Московское царство превратилось во Всероссійскую имперію, но вкусъ и аппетитъ обитателей не измѣнились.

До сихъ поръ у насъ явленіе—почти противоестественное признаніе писателя талантливымъ и значительнымъ только на основаніи его таланта и дѣйствительнаго общественнаго значенія. Это было бы нечеловѣческимъ самоотверженіемъ для русскаго критика съ «соображеніями». Онъ предпочитаетъ простодушно и усердно собирать по иностраннымъ газетамъ свѣдѣнія о заграничныхъ знаменитостяхъ, часто знаменитыхъ именно только благодаря особымъ свойствамъ заграничной печати въ вопросахъ литературы. Какъ послушный школьникъ, онъ переписываетъ отзывы о Сарсэ, Нордау, Лемэтрѣ, Тэнѣ, воображая себя въ самомъ центрѣ общечеловѣческой культуры и не внося ни единой прочной искры ея въ свою отечественную.

Въ результатѣ русская критика поразительно мелка и идейно-

тщедушна сравнительно съ русскимъ художественнымъ творчествомъ. Даже и идеями она въ большинствѣ случаевъ обязана не критикамъ, а художникамъ. Бѣлинскій былъ и остается единственнымъ исключеніемъ. Только ему оказалось подъ силу стать въ уровень съ современнымъ искусствомъ и создать въ этомъ направленіи не болѣе двухъ учениковъ — Чернышевскаго и Добролюбова. Большинство почтенныхъ старыхъ ученыхъ и бойкихъ рецензентовъ, со всѣми ихъ трактатами и обозрѣніями, не стоятъ нѣсколькихъ стиховъ Пушкина въ *Евгеніи Онѣгинѣ*—о реализмѣ и народничествѣ, нѣсколькихъ статей Гоголя о поэзіи и журналистикѣ и нѣсколькихъ замѣчаній Грибоѣдова о писательскомъ творчествѣ. Наши величайшіе поэты—въ то же время и первостепенные критики и имъ на каждомъ шагу приходилось отвоевывать права своихъ талантовъ предъ покушеніями теоретическихъ деспотовъ или практическихъ невѣждъ.

И вотъ въ самое послѣднее время, когда, повидимому, разбродъ въ русской публицистикѣ достигъ крайнихъ предѣловъ, обнаружилось совершенно исключительное явленіе. Явился писатель, сумѣвшій вокругъ своего имени объединить всѣ направленія, вызвавшій благосклонные и почтительные отзывы даже тамъ, гдѣ до сихъ поръ критика продолжаетъ жить собственными знаменистостями, такъ сказать, домашними великими людьми. И фактъ тѣмъ любопытнѣй, что писатель, совершившій такое чудо, самъ лично принадлежитъ къ совершенно опредѣленному направленію, художественный талантъ соединяетъ съ дѣятельностью публициста въ высшей степени искренняго и благороднаго. И его привѣтствуютъ тамъ, гдѣ ни искренность, ни благородство никогда не считались заслугами и отнюдь не принадлежали къ добродѣтелямъ публицистики.

Такой фактъ слѣдуетъ считать самымъ яркимъ въ литературной характеристикѣ нашего писателя; онъ долженъ имѣть свои основанія, очевидно, отсутствовавшія даже въ талантахъ первостепенныхъ русскихъ художниковъ.

II.

Имя В. Г. Короленко принадлежитъ къ самымъ любимымъ и уважаемымъ именамъ современной русской печати. Все подписанное этимъ именемъ можетъ разсчитывать на множество внимательнѣйшихъ читателей, и всѣ они будутъ изъ лучшей и просвѣщеннѣйшей публики. Такъ ведется съ самаго начала литературной дѣятельности г-на Короленко. Большіе перерывы въ ея развитіи нисколько не вредятъ популярности писателя, и у русскаго общества память оказывается благодарной и твердой.

Этой благодарности не смутило даже обстоятельство, при всякихъ другихъ условіяхъ непремѣнно способное повредить доброму имени жи-

вого писателя. Г. Короленко встрѣтилъ очень обширныя привѣтствія своему таланту и отчасти даже своему міросозерцанію на страницахъ *Русскаго Обозрѣнія* и *Московскихъ Вѣдомостей*,—и привѣтствія высказывались писателемъ, безусловно компрометировавшимъ все, на что направлялась его хвалебная рѣчь. Можно было считать истиннымъ бѣдствіемъ и несмываемой нравственной обидой благосклонность публициста, предававшаго поношенію имя Бѣлинскаго и съ непримиримымъ слѣпымъ ожесточеніемъ сводившаго счеты съ незапятнанными людьми во имя мерзости запустѣнія собственной рабски-озлобленной души.

И изъ этихъ именно устъ послышалась якобы безпристрастная и доброжелательная рѣчь по адресу г. Короленко. Она, разумѣется, не предвѣщала ничего хорошаго даже при самыхъ чувствительныхъ настроеніяхъ неожиданнаго почитателя, и видимо лестныя слова критика должны были оказаться все-таки дарами данайцевъ. Но уже замѣчательно *укрощенное* настроеніе, съ какимъ подносились эти дары, и самый замыселъ именно изъ произведеній безусловно популярнаго писателя извлечь кое-какія иллюстраціи для своей проходимской вѣры.

Вѣра эта сводилась къ *ярыжному* ученію о смиреніи. Мы употребляемъ выраженіе Аполлона Григорьева, писателя благороднаго, несчастнаго при жизни и еще болѣе потерпѣвшаго по смерти въ ту минуту, когда ярыжные спасители отечества привлекли его въ свое добровольческое сонмище. А онъ-то задолго до событій и изобрѣлъ самое мѣткое опредѣленіе для ихъ религіи и политики.

Смиреніе!—Какая чистота и возвышенное благородство заключены въ этомъ словѣ. Смиренными были христіанскіе мученики, мужественные исповѣдники Евангелія, смиренъ былъ самъ Спаситель. Выше нѣтъ и не можетъ быть добродѣтели! И она именно составляетъ неотъемлемую принадлежность того самаго лагеря, откуда несмолкаемо раздается *слово* и *дѣло* и налетаютъ отряды опричниковъ на всѣхъ, кто имѣетъ притязанія на сколько-нибудь независимое слово и человѣческую личность!

Какое преступное, кощунственное извращеніе понятій! Евангельское смиреніе, сила, призывавшая самыхъ загнанныхъ и бѣдныхъ людей на подвиги героевъ, влагавшая въ уста рабовъ жгучія рѣчи обличенія, зажигавшая въ плебейскихъ униженныхъ сердцахъ неутолимую жажду идеала, сила, внесшая въ среду людей мечъ противъ всего, позорящаго нравственную свободу человѣка,—и эта сила на сторонѣ опричниковъ! Сама инквизиція не больше извращала идею евангельской любви, чѣмъ эти покушенія пресмыкающихся на прекраснѣйшую черту человѣческой природы—мужественную борьбу съ міромъ во имя преклоненія предъ идеаломъ.

И вотъ ее-то, превращенную и ярыжно перетолкованную, попытались объяснить произведеніями г. Короленко и посѣтовать только на недостатокъ въ немъ вѣры, понимаемой все тѣми же данайцами какъ

отреченіе отъ собственнаго разума. Оскорбленіе этимъ не ограничилось. Съ талантомъ писателя, съ его психологіей былъ произведенъ еще другой не менѣе противоестественный опытъ. Онъ, г. Короленко, далъ поводъ раскрыть тайны поэтическаго творчества, уполномочивъ своего судью подвергнуть попутной эксплоатаціи извѣстное стихотвореніе Пушкина о поэтѣ, и придти къ заключенію: писатель, въ минуты творчества, существо чрезвычайное, личность преображенная, проснувшаяся. Во всякое другое время это—личность, глухая и нѣмая, со спящей душой. Писательская и просто человѣческая личность это два совершенно различныхъ несходственныхъ другъ съ другомъ явленія! Какое удобное и практическое ученіе!

Переведите его на простой житейскій языкъ и получится идеально-іезуитская этика. Пока ты сочиняешь статьи и стихи, ты сынъ божества, твои уста вѣщаютъ объ истинѣ и красотѣ, но лишь только ты прервалъ сочинительство—ты можешь быть «смиреннымъ» и ярыжнымъ, сколько душѣ угодно: ты получилъ право быть *субъективнымъ*, глядя по обстоятельствамъ и соображеніямъ.

Вотъ какъ пишутся статьи подъ эпиграфами, заимствованными изъ св. писанія! Великій поэтъ говорилъ о неизбѣжномъ хотя бы и временномъ приспособленіи даже геніальной личности къ жизненнымъ условіямъ пошлаго и глупаго общества. Вѣдь немыслимо же ежеминутно стоять въ воинственномъ положеніи, нападать и разить, если на каждомъ шагу приходится вступать въ будничныя отношенія съ людьми ничтожными и суетными. Тогда ужъ лучше совсѣмъ уйти изъ человѣческаго общества. Но это значитъ отказаться и отъ жертвъ Аполлону, потому что именно пребываніе въ суетномъ свѣтѣ обогащаетъ умъ и сердце поэта грозными пророческими мотивами. И развѣ истинный поэтъ-пророкъ можетъ внутренне, лично стать дѣйствительно ничтожнымъ, хотя бы на одну минуту! Какую же цѣну тогда имѣли бы его пророческія рѣчи, вся его *преображенная* личность! Пламенный ученикъ и почитатель Пушкина—Гоголь разсказываетъ слѣдующее.

Однажды Пушкинъ прочиталъ стихи Державина:

За слова меня пусть гложетъ,
За дѣла сатирикъ чтитъ,—

и здѣсь же замѣтилъ: «Державинъ не совсѣмъ правъ: слова поэта суть уже его дѣла». Гоголь прибавляетъ, что Пушкинъ правъ, и дальше разсуждаетъ такъ: «Если писатель станетъ оправдываться какими-нибудь обстоятельствами, бывшими причиной неискренности или необдуманности, или поспѣшной торопливости его словъ, тогда и всякій несправедливый судья можетъ оправдаться въ томъ, что взялъ взятки и торговалъ правосудіемъ, складывая вину на свои тѣсныя обстоятельства, на жену, на большое семейство, словомъ, мало ли на что можно сослаться».

Такъ и поэтъ, свободный отъ своей *преображенной* личности,

имѣлъ бы право смиренномудрствовать и лукавить по правиламъ самыхъ смиренныхъ критиковъ, оставаться глухимъ къ истинѣ, нѣмымъ для чувства правды, спать въ минуты прямыхъ оскорбленій его человѣческому и писательскому достоинству. Такъ, дѣйствительно, и слѣдуетъ понимать поэзію и талантъ нѣкоторымъ «христіанамъ» и «писателямъ», не хуже судьи взяточника, разсуждающаго о правосудіи и трудныхъ обстоятельствахъ.

И Пушкинъ оказался отвѣтственнымъ за эту мораль, творцомъ теоріи *субъективной* и *объективной* правды, покрывателемъ приживальщиковъ литературы и паразитовъ общественной мысли! Только потому, что онъ не могъ простить себѣ даже временнаго безмолвія передъ людьми, не онѣмѣнія и преображенія своей природы, а молчанія своей лиры среди свѣтскаго шума.

И г. Короленко такъ же субъективенъ и объективенъ! У него также двѣ личности—настоящая и фальшивая,—и онъ поперемѣнно говоритъ отъ лица той и другой и поперемѣнно является то талантливымъ, то скучнымъ и вялымъ. Онъ насилуетъ себя во славу *современности*, отрекается отъ своей души, и тогда онъ лишенъ вѣры, смиренія, объективности.

Вотъ что значитъ имѣть несчастье привлечь сочувственное вниманіе данайцевъ!.. Они, во всеоружіи своей христіанской любви, расположатъ человѣческую душу на части, одну присвоятъ себѣ, другую осквернятъ, попутно надругаются надъ неправовѣрными іудеями, совлекутъ съ писателя его собственное *я* и подмѣнятъ угодной себѣ личиной. А для этого произведутъ варварскій разгромъ самыхъ очевидныхъ и высокихъ идей, какія только встрѣтятся на ихъ пути. Ихъ сочувствіе въ результатѣ будетъ куплено цѣлымъ рядомъ лжей, оскорбленій и ехидствъ. И каждое льстивое слово ихъ непремѣнно будетъ таить посягательство на цѣльность и жизненную силу писательскаго таланта.

И смиренный критикъ заключаетъ свое слѣдствіе надъ личностью г. Короленки: ему, даровитому автору, необходимо освободиться отъ духовнаго рабства, взглянуть на жизнь взглядомъ художника,—и, надо полагать, вполнѣ удовлетворить этимъ преобразованіемъ міросозерцанію опричниковъ. Ибо духовное рабство означаетъ вѣру въ человѣческій разумъ, въ человѣческую личность, душевную боль при видѣ умственной темноты, безотчетной затраты великихъ, но не просвѣщенныхъ нравственныхъ силъ. А духовная свобода—благоговѣйный *страхъ* предъ явленіями природы, *страхъ* предъ гнѣвомъ Божіимъ по случаю затменія, *страхъ*, какъ плодъ вѣры, презрѣніе къ *жалкой* наукѣ и уваженіе къ предразсудкамъ, скрывающимъ зерно вѣры, слѣдовательно болѣе высокое почтеніе къ той толпѣ, которая намѣрена «разнести» «остроумовъ» съ ихъ трубами, чѣмъ къ этимъ самымъ «остроумамъ», не вѣдающимъ полной истины...

Такова *свобода* съ ея священнымъ спутникомъ—*страхомъ!* И опять,—посмотрите, сколько лицѣмѣрія, поддѣлки заключено въ этихъ сладкоглаголивыхъ рѣчахъ! Наука *жалка*—потому что не знаетъ полной истины... Но какой же дѣйствительный ученый приписывалъ наукѣ такое познаніе? И кто изъ «остроумовъ» сталъ бы увѣрять вѣрующаго защитника суевѣрій, что они, остроумы, постигли *тайну?* И отсюда заключеніе: *невѣжественный народъ*, считающій затменіе—свѣтопреставленіемъ и карой Господней на грѣшниковъ, *ближе къ истинѣ*, чѣмъ наука.

Таковъ разумъ смиреннаго критика. Онъ имѣетъ за себя то смягчающее обстоятельство, что именно такимъ способомъ искони—до самыхъ послѣднихъ дней—всѣми мракобѣсами и ясновидцами доказывалось ничтожество науки. Всѣми она призывалась къ отвѣту за то, что не могла постигнуть причины всѣхъ причинъ, будто сами ясновидцы дѣйствительно своей *вѣрой* постигали, т. е. понимали и объясняли эту причину.

И вотъ г. Короленко и здѣсь оказался вдохновителемъ.

Онъ устами одного изъ своихъ героевъ произнесъ законное осужденіе матерьялистическому всезнайству, защитилъ именно силу и полноту разума и настоящаго и положительнаго знанія,—а ехидное смиренномудріе поспѣшило перетянуть его въ одинъ лагерь съ фанатиками и мистиками. И на первый взглядъ подмѣнъ мыслей едва замѣтенъ: такъ ловко, по исконнымъ завѣтамъ инквизиціоннаго искусства, произведена передержка и побѣдоносно брошена передъ читателемъ шулерскимъ путемъ открытая истина.

Виноватъ ли во всемъ этомъ художникъ? Онъ, несомнѣнно, не могъ подать повода честному критику на его словахъ основать защиту невѣжества и инстинктовъ толпы. Не повиненъ онъ и въ смѣшеніи мужественнаго самосознанія идеалиста съ пресмыкательствомъ двуличнаго раба. Но почему же именно къ нему привязалась беззаконная мысль и его выдѣлила изъ круга остальныхъ писателей? Очевидно, въ произведеніяхъ и въ самомъ талантѣ г-на Короленко есть какая-то особенная черта, несвойственная, по крайней мѣрѣ, весьма многимъ, очень даровитымъ русскимъ художникамъ. Съ Тургеневымъ, напримѣръ, было бы немыслимо произвести подобное упражненіе, и онъ удостоился весьма нелестныхъ сужденій печати, любящей впадать въ славянскій діалектъ и прорицательскій тонъ. Не разница таланта спасла г-на Короленко отъ подобнаго же суда: съ высоты смиренія *Московскихъ Вѣдомостей* всякій геній—ничто, если нельзя извлечь изъ него служительскаго матерьяла. Нѣчто, слѣдовательно, идейное, психологическое навлекло на нашего писателя сочувствіе варваровъ. Оно нисколько не повредило уваженію и любви русскаго общества къ г-ну Короленко: этотъ результатъ косвенно доказалъ нелѣпость и безплодность лукавыхъ мудрствованій. Но оно все-таки въ исторіи русской

литературы создало фактъ въ своемъ родѣ единственный: съ нимъ уже считается современная критика, будетъ считаться и позднѣйшая. И это не все.

Странная судьба, создавшая жертву злого умысла изъ всего таланта и міросозерцанія г-на Короленко, не пощадила его и въ частности,—все въ той же критикѣ. Публика и здѣсь усвоила свой вкусъ и взглядъ, и усердно перечитывала и продолжаетъ перечитывать всѣ произведенія писателя, сожалѣя только, что ихъ слишкомъ мало. Публика лишній разъ доказала, какъ мало зависитъ она отъ препирательствъ газетчиковъ и журналистовъ, если передъ ней дѣйствительно большое художественное дарованіе и искренняя убѣжденная мысль. Среди нея гораздо скорѣе устанавливается единодушіе, чѣмъ въ печати, и если бы она, по поводу г. Короленко, пожелала слѣдовать указаніямъ критиковъ,—ее постигло бы самое мучительное, истинно гамлетовское состояніе духа.

III.

О г-нѣ Короленко писали сравнительно немного,—гораздо меньше, чѣмъ заслуживаетъ его талантъ и популярность. Но и это немногое, повидимому, нелегко давалось русской критикѣ. Кажется, ни одинъ писатель-художникъ не былъ такимъ благодарнымъ сотрудникомъ своихъ критиковъ, какъ г. Короленко. Статьи испещрены цитатами, переписываются цѣлыя страницы, подробно, съ обстоятельностью классныхъ сочиненій по словесности, излагается содержаніе разсказовъ, приводятся длинные діалоги и описанія. Критикъ *Московскихъ Вѣдомостей* выдержкамъ и пересказамъ посвятилъ, по крайней мѣрѣ, девять десятыхъ своего разсужденія, обнаруживая дѣйствительно образцовое смиреніе по части своего личнаго творчества. Не отстали отъ консервативнаго критика и либеральные. Они единодушно предпочитали предоставлять слово самому автору,—и ограничивать свою роль заключительными замѣчаніями одобрительнаго или порицательнаго характера.

Если вообще художникъ можетъ извлечь что либо поучительное изъ критическихъ статей о немъ,—г. Короленко, можно смѣло сказать,—ничему не могъ научиться отъ своихъ критиковъ. У него только могло укорениться глубокое убѣжденіе въ растерянности и безсиліи русской критики, лишь только она пыталась не то чтобы опредѣлить его мѣсто вообще въ русской литературѣ, а просто объяснить его громадную популярность среди избранной отечественной публики.

О чемъ критика говорила писателю? О томъ, что онъ умѣетъ прекрасно описывать природу, что онъ въ тоже время и жанристъ, очень ярко и трогательно изображаетъ разныхъ людей, что онъ вѣритъ въ добро, знаетъ и любитъ русскій народъ... И все это въ сопровожденіи обильнѣйшихъ подлинныхъ доказательствъ изъ произведеній автора.

Очень любопытно для него все это слышать и не менѣе для его читателей! Да развѣ существуетъ популярный писатель, сколько нибудь одаренный художественнымъ талантомъ и здравымъ смысломъ,—безъ такихъ замѣчательныхъ качествъ! Старались въ талантѣ г-на Короленко открыть и особые оттѣнки—въ пейзажной живописи и жанровой психологіи, «склонность къ постройкѣ звуковыхъ пейзажей» и къ особенно тонкому, миніатюрному психологическому анализу. Но это, повидимому, нарочито тщательное углубленіе въ предметъ нисколько не помогло его ясности.

Въ глазахъ различныхъ критиковъ произведенія г-на Короленко продолжали имѣть самое разнообразное значеніе и смыслъ. Одному, напримѣръ, разсказъ *Въ дурномъ обществѣ* кажется превосходнымъ,—другому весьма плохимъ, искусственнымъ подражаніемъ польскимъ беллетристамъ, да еще посредственнымъ. Гдѣ одному критику является искренность, задушевная поэзія, тамъ другой находитъ условность, утомительную приподнятость.

И такой разбродъ критическихъ впечатлѣній вызывается какъ разъ самыми крупными и извѣстнѣйшими произведеніями г-на Короленко. Не могутъ критики понять другъ друга и предъ «этюдомъ» *Слѣпой музыкантъ* и предъ очеркомъ *Ночью*. Совершенно противоположныя и одинаково рѣшительныя сужденія!

Этотъ фактъ былъ бы еще вполнѣ понятенъ, если бы въ подлежащихъ очеркахъ и разсказахъ рѣшались какіе либо сложные общественные вопросы, выводились загадочныя и геніальныя натуры. Совершенно напротивъ. На сценѣ дѣти и дѣтская жизнь—предметы, знакомые рѣшительно всякому и менѣе всего располагающіе автора къ сочиненію неразрѣшимыхъ идейныхъ загадокъ.

Не посчастливилось г-ну Короленко и относительно направленія. Одни читатели открыли въ немъ писателя съ большой объективностью, другіе причисляли его къ откровеннымъ исповѣдникамъ извѣстнаго толка, къ несомнѣннымъ либераламъ въ самомъ узкомъ смыслѣ слова. И опять выводы сдѣланы на основаніи простѣйшихъ фактовъ. Г. Короленко никогда не занимался художественнымъ изслѣдованіемъ запутанныхъ общественныхъ моментовъ и не рисовалъ культурныхъ личностей съ неизслѣдимой глубиной души и непостижимой пестротой идей и стремленій. Самые яркіе образы, созданные имъ, принадлежатъ народной средѣ и всегда отличаются точностью очертаній и опредѣленностью красокъ. Что же могло ввести критиковъ такого таланта въ столь безвыходныя противорѣчія?

Ясно одно: о г. Короленко труднѣе говорить, чѣмъ о какомъ либо другомъ писателѣ. Онъ почти не даетъ пищи публицистическому перу. Изъ его произведеній нѣтъ возможности извлечь рядъ темъ на газетныя и журнальныя злобы. Предъ читателемъ творчество, несомнѣнно, оригинальное и содержательное: это *чувствуется*, это очевидно изъ очень

живыхъ и прочныхъ *впечатлѣній*, остающихся послѣ прочтенія всякаго произведенія г-на Короленко.

Но въ чемъ тайна этихъ впечатлѣній?

Меньше всего въ благонамѣренной тенденціи: во всей русской литературѣ мало найдется такихъ спокойныхъ, безпристрастно-вдумчивыхъ художниковъ, какъ г. Короленко. Не можетъ увлекать онъ и особенной *прозрачностью* творческаго *процесса*: иначе не существовало бы столь противорѣчивыхъ приговоровъ надъ его произведеніями.

Разгадка, слѣдовательно, въ чемъ-нибудь другомъ. И она тѣмъ любопытнѣе, что даже иностранцы поддались своеобразному очарованію таланта нашего автора,—и при томъ французы. Это—большая и довольно неожиданная побѣда.

Ни одинъ народъ не привыкъ къ такимъ схематически-опредѣленнымъ, до осязаемости понятнымъ явленіямъ искусства. Французская литература—строгій логическій процессъ, только иллюстрируемый художественными образами, и французская критика почти всегда сводилась и сводится къ отвлеченнымъ формуламъ, которыя прикидываются критикомъ къ драмѣ или роману. И всѣмъ извѣстно, какія затрудненія встрѣтила русская литература во французской критикѣ. Какъ нѣчто странное, дикое, съ французскимъ умомъ совершенно несоизмѣримое,—она, разумѣется, немедленно нашла себѣ защитницу въ модѣ. Но, по существу, она осталась «славянщиной», «туманами сѣвера», «грезами скиѳовъ», какой-то уродливой смѣсью какихъ-то первобытныхъ инстинктовъ и культурныхъ вліяній. И въ самыхъ благопріятныхъ случаяхъ французы только снизойдутъ до уподобленія русскихъ авторовъ французскимъ образцовымъ талантамъ—Достоевскаго—Виктору Гюго, и даже Габоріо, Тургенева—Флоберу и Жоржъ Занду, Островскаго—Бальзаку. Для француза это—высшая степень пониманія и безпристрастія.

Не могъ избѣжать общей участи и г. Короленко: онъ оказался похожимъ на Мериме, одного изъ самыхъ холодныхъ, вылощенныхъ, *формулированныхъ* беллетристовъ. Приходится благодарить и за это: для французовъ Мериме—настоящій парадный jeune premier изящной словесности, крупная величина, хотя, разумѣется, *психологически* онъ человѣкъ другой планеты сравнительно съ русскимъ, по природѣ простымъ, непритязательнымъ и отнюдь не аффектирующимъ художникомъ. Но, очевидно, и въ немъ нашлось нѣчто достойное французскаго сочувствія, при чемъ французская критика усмотрѣла въ его произведеніяхъ полное отсутствіе всякой общественной тенденціи.

Если остановиться на всѣхъ этихъ разсужденіяхъ, г. Короленко обрисуется предъ нами чрезвычайно *симпатичнымъ* писателемъ. Почтенное, но далеко не всегда почетное качество! Оно часто даже унизительно именно для представителя мысли и слова. Оно, закрѣпляя за нимъ привлекательность таланта и личности, намекаетъ на заурядность ихъ, на безобидную скромность авторскихъ идеаловъ и

средній уровень его писательской манеры. Однимъ словомъ, *симпатичность* грозитъ отвести ему мѣсто въ толпѣ и задушить его собственную личность подъ гнетомъ столь же благосклонныхъ и столь же банальныхъ похвалъ.

Мы думаемъ, г. Короленко стоитъ гораздо большаго. Его странный успѣхъ въ критикѣ *по ту сторону* русской просвѣщенной и гражданской мысли, изумительныя противорѣчія *по сю сторону* относительно крупнѣйшихъ его произведеній—все это, несомнѣнно, оригинальные факты и могли возникнуть только на очень своеобразной почвѣ.

Она—общая всеобъемлющая психологія писателя, его органическое міросозерцаніе, совершенная гармонія души и вдохновенія, ума и таланта. Мы думаемъ, въ лицѣ г-на Короленко предъ нами любопытнѣйшій міръ, идейный и художественный, не только въ ограниченной области русскаго искусства. но и широкій культурный смыслъ этого явленія чрезвычайно оригиналенъ, требуетъ не только особаго новаго изслѣдованія, но и не поддается старымъ общеупотребительнымъ опредѣленіямъ. Количество произведеній и размѣры таланта—здѣсь вопросъ второстепенный. Мы не хотимъ сказать, будто изученіе таланта г-на Короленки, должно стоять совершенно отдѣльно въ русской критикѣ по небывалой поучительности результатовъ. Мы убѣждены только, что это изученіе не менѣе плодотворно и обильно идеями, чѣмъ трактатъ о какомъ угодно другомъ русскомъ писателѣ.

Пусть этотъ другой будетъ геніаленъ и плодовитъ, пусть его дарованіе походитъ на царственное многовѣтвистое дерево,—рядомъ гораздо болѣе скромное растеніе будетъ соперничать съ нимъ интересомъ и красотой, если только его красота принадлежитъ ему исключительно, если и оно—среди окружающаго міра—единица, организмъ самъ по себѣ. Тогда, можетъ быть, ученый отдастъ ему нисколько не меньше любви и труда, чѣмъ самому величественному гиганту.

IV.

Одинъ нѣмецкій писатель утверждалъ, что способность наслаждаться природой означаетъ человѣка съ чистой совѣстью. Писатель подробно развилъ свою мысль и очень остроумно доказывалъ, какъ присутствіе въ душѣ низкихъ страстей дѣлаетъ людей равнодушными, даже враждебными къ красотамъ природы. Можетъ быть, все это только остроумно, но одна истина не подлежитъ сомнѣнію: отношеніе писателя къ природѣ, вѣрнѣйшее свидѣтельство не только его поэтической силы, но и *непосредственной* гуманности его натуры.

Отношеніе это можетъ быть въ высшей степени разнообразно. Природу можно любить какъ силу, какъ красоту, какъ осуществленіе великихъ таинственныхъ законовъ, какъ неисчерпаемое море звуковъ и красокъ, можно любить философски и эстетически. Въ сущности и та

и другая любовь идутъ изъ одного источника. Закономѣрность естественныхъ явленій сама по себѣ прекрасна, все равно какъ математическое сочетаніе звуковъ—музыкально. И ученое изслѣдованіе природы несомнѣнно должно соединяться съ восторженной любовью къ ней. Недаромъ Дарвинъ нерѣдко превращался въ живописца и въ невольномъ восхищеніи холодный стиль ученаго замѣнялся рѣчью художника.

Такое отношеніе къ природѣ, приведенное въ систему, даетъ міросозерцаніе, именуемое пантеизмомъ. Человѣкъ считаетъ одинаково необходимымъ и божественнымъ всякое проявленіе естественныхъ силъ. Онъ благоговѣетъ предъ необъятнымъ цѣлымъ, во имя разума и гармоніи осуществляющимъ великое и малое. Онъ въ то же время любуется стройностью вселенной, его идея полна эстетическаго содержанія и его благоговѣніе проникнуто художественнымъ восторгомъ. Отсюда глубокое спокойствіе созерцающаго духа. Пантеистъ, по самой сущности своего міросозерцанія, блаженный мудрецъ, возвышенно безразличный къ рѣзкимъ и нестройнымъ воплямъ торжествующей или страдающей твари. Ему недоступны ни страстное сочувствіе, ни трепетная боль. Какой смыслъ волноваться предъ логически-неизбѣжнымъ процессомъ! Это—зрѣлище: имъ можно любоваться или съ чувствомъ разочарованія, усталости и недовольства отвернуться отъ него.

Міръ—нѣчто одухотворенное и божественное, но именно поэтому онъ и не долженъ вызывать въ насъ сильныхъ ощущеній, особенно протеста и состраданія. Это значило бы возмущаться, почему дважды два четыре, зачѣмъ цвѣтъ неба голубой, а не розовый. И исторія знаетъ не мало уравновѣшанныхъ философовъ, мудрыхъ и невозмутимыхъ, благожелательныхъ и ровно на столько же безразличныхъ. Классическіе примѣры—олимпійство Гёте, эстетическое счастье Ренана. И оба они—подлинные пантеисты, съ необыкновенно развитымъ чутьемъ къ малѣйшимъ проявленіямъ міровой жизни въ человѣкѣ и въ природѣ, артисты по наблюдательности и великому таланту возсоздавать логику и красоту наблюденныхъ явленій.

Съ какой въ самомъ дѣлѣ прелестью и задушевностью пантеистъ долженъ описывать природу! Онъ, будто знатокъ и любитель сценическихъ зрѣлищъ, подмѣтитъ всякую мелочь—и травъ прозябанье и говоръ волны, найдетъ на своемъ языкѣ соотвѣтствующее слово, подберетъ даже особое музыкальное сочетаніе звуковъ для описанія грустной ночной тишины, торжественнаго восхода солнца, величественной морской бури. Онъ будетъ не сочинять, не придумывать, а только переводить нечленораздѣльные голоса природы на человѣческую рѣчь; онъ—одна изъ силъ этой всеобъемлющей жизни.

Всякій дѣйствительно вдохновенный поэтъ долженъ владѣть этой способностью, быть пантеистомъ, если не въ смыслѣ философскихъ воззрѣній, то инстинктивно, ощущеніями своей природы столь же чутко и неразрывно чувствовать съ окружающимъ міромъ, какъ волна неотдѣ-

лима отъ необозримой морской зыби. И по поводу г-на Короленко неразъ произносились слова «пантеистическое воззрѣніе». Оно должно означать философское благоволеніе автора ко всему живому, въ переводѣ на эстетическій языкъ, объективное изображеніе мрачной и свѣтлой дѣйствительности, т. е. чистое художество. А оно, въ свою очередь, неразрывно связано съ оптимистическими настроеніями, и г. Короленко, въ качествѣ пантеиста, былъ причисляемъ къ оптимистамъ. Дальше слѣдовали различныя *но*, ограниченія и оговорки, но они снова разбивали цѣльность личности и устраняли одинъ всеобъемлющій принципъ таланта и психологіи писателя.

Г. Короленко дѣйствительно одинъ изъ первостепенныхъ поэтовъ природы; въ этой чертѣ мы должны искать объясненій его авторской индивидуальности, но предъ нами вовсе не пантеистическое созерцаніе природы и сходство только внѣшнее: та же чуткость, та же находчивость рѣчи, та же, наконецъ, любовь къ жизненнымъ процессамъ, но по существу разница громадна до такой степени, что для пантеизма нашего автора слѣдуетъ изобрѣсти особое опредѣленіе: оно должно, безъ всякихъ исключеній, охватить талантъ художника и міросозерцаніе человѣка.

Въ одномъ изъ произведеній г-на Короленко, иносказательнаго отвлеченнаго содержанія, слѣдовательно явно предназначеннаго для авторской идейной исповѣди, встрѣчается краткое, но чрезвычайно краснорѣчивое признаніе. Авторъ говоритъ о несказанно величавомъ и свѣтломъ *ощущеніи природы, проникнутой вѣяніемъ единой невѣдомой жизни.*

Такъ именно выразился бы пантеистъ,—Гёте, Ренанъ и всякій другой одаренный художникъ и мыслитель. Разъ нашъ авторъ знаетъ о такомъ ощущеніи, онъ долженъ обладать артистическимъ слухомъ и зрѣніемъ и исключительной музыкальностью натуры. И г. Короленко, одинъ изъ самыхъ тонкихъ живописцевъ природы, въ этомъ отношеніи, можетъ быть, единственный въ русской литературѣ.

У него нѣтъ пространныхъ описаній, онъ почти не прибѣгаетъ къ сравненіямъ—любимому средству литературныхъ пейзажистовъ, никогда не старается ни однимъ словомъ подкрасить и облагородить реальное содержаніе явленія: онъ только переводитъ явленія природы на *психологическій* языкъ.

Всякій поэтъ непремѣнно *одушевляетъ* природу: это неизбѣжное условіе поэзіи, самого интереса стихійной жизни. Поэтъ, какого бы вѣка и просвѣщенія онъ ни былъ, поступаетъ какъ первобытный создатель религіи: міровую таинственную силу разлагаетъ на цѣлый рядъ одушевленныхъ существъ, снабженныхъ свойствами нравственнаго порядка: чувствомъ, волей и даже мыслью. И красота описаній именно и заключается въ находчивомъ, правдоподобномъ отождествленіи міра безсознательнаго съ фактами психологіи. И чѣмъ *естественные* у поэта природа чувствуетъ и мыслитъ, тѣмъ поэтичнѣе ея изображеніе.

Произведенія г-на Короленки переполнены этой поэзіей. До какой степени онъ рожденъ для нея, доказываетъ оригинальнѣйшій «этюдъ», *Слѣпой Музыкантъ*. Въ «этюдѣ» слишкомъ много этюднаго, отвлеченно-продуманнаго и, мы увидимъ впослѣдствіи, весьма неудачно при всей благонамѣренности цѣлей. Авторъ задалъ себѣ неразрѣшимую задачу: создать творческое жизненное произведеніе для *доказательства* нравственной и психологической формулы. Доказывать формулы возможно только логически, отнюдь не художественно; въ свою очередь творчество, какъ и сама жизнь, даетъ только матеріалъ для тѣхъ или иныхъ формулъ, вовсе независимо отъ ихъ разумнаго или нравственнаго достоинства. Если бы было иначе, люди уже давно имѣли бы точный отвѣтъ на вопросъ: что такое истина?

И г-ну Короленко это *свободное* разнообразіе жизни извѣстно лучше, чѣмъ кому-либо. Онъ глубже всякаго другого современнаго писателя понялъ неисчерпаемую глубину положительныхъ и отрицательныхъ рѣшеній, какія жизнь способна давать на самые, повидимому, простые вопросы. И онъ знаетъ,—требуется настойчивое вмѣшательство человѣческой воли и разума, чтобы вопросы получили желательное разрѣшеніе. А въ *Слѣпомъ Музыкантѣ* онъ къ отвѣту призвалъ стихіи и поручилъ имъ говорить отъ его авторскаго лица. Естественно, авторскія внушенія далеко превзошли своей настойчивостью и количествомъ готовность жизни отвѣчать такъ, а не иначе. Какъ нашему автору, прирожденному художнику, могла придти на умъ подобная задача,—съ нашей точки зрѣнія вполнѣ объяснимо, и мы это объяснимъ. Теперь мы желаемъ указать только на одинъ изъ *художественныхъ* мотивовъ, лежащихъ въ основѣ *Слѣпого Музыканта*.

Всѣ ощущенія, приписанныя слѣпому, принадлежатъ самому автору. Г. Короленко, вольно или невольно, повѣдалъ намъ, какой изумительный музыкальный инструментъ его физическая и душевная организація. Для него нѣтъ рѣзкихъ границъ между ощущеніями различныхъ чувствъ: возбужденный слухъ мгновенно отражается на зрѣніи, зрительныя впечатлѣнія вызываютъ представленія о звукахъ.

Можно вспомнить,—именно таковы притязанія символистовъ. Они стремятся ввести въ обиходъ поэзіи цвѣтные звуки и звучащіе цвѣта, и они же подали поводъ медицинскимъ изслѣдованіямъ болѣзненной путаницы ощущеній. Символисты встрѣтили единодушный отпоръ людей здоровыхъ и поэтовъ дѣйствительно талантливыхъ, и послѣ этого художникъ, отнюдь несимволическаго направленія, отваживается на слѣдующія выраженія: «вѣтеръ, *окрашенный* дальнимъ звономъ и обрывками пѣсни», особенная *холодность* звуковъ, дающая знать слѣпому, что выпалъ первый снѣгъ—лучи солнца, тихіе удары оркестра... Развѣ это не символизмъ?

Несомнѣнно,—но только въ немъ нѣтъ ничего ни искусственнаго. ни болѣзненнаго. Вы, читая эти неожиданныя сопоставленія, убѣждаетесь,

что ярче и точнѣе и нельзя было изобразить картину. Символическія опредѣленія освободили автора отъ подробныхъ и цвѣтистыхъ описаній. Но, очевидно, надо обладать совсѣмъ особеннымъ психическимъ строемъ, чтобы вполнѣ естественно, мгновенно являлись на умъ подобныя аналогіи и какъ нельзя лучше соотвѣтствовали цѣлямъ поэзіи. Это не просто впечатлительность и еще менѣе художественная наблюдательность; это—*сродство душъ*, человѣческой и міровой. Самъ авторъ прекрасно выразилъ его, характеризуя слѣпого музыканта: «Чуткая тонкая организація подымалась, какъ упруго натянутая струна, навстрѣчу всякому впечатлѣнію, готовая застонать отвѣтными звуками». И слѣпому кажется, что тьма стремиться къ нему: онъ полонъ ожиданія, онъ томится жаждой возбужденій, которыя неминуемо налетятъ на него изъ внѣшняго міра.

Войдите въ эту психологію, вдумайтесь въ этотъ инстинктивный трепетъ, въ эту нервность эоловой арфы, и вамъ не будетъ странно слышать—о звукахъ, какъ цвѣтахъ, о цвѣтахъ, какъ душевныхъ настроеніяхъ, о свѣтѣ и мракѣ, какъ музыкѣ. Вѣдь въ организмѣ нѣтъ непроницаемыхъ перегородокъ между зрительными и слуховыми нервами, и чисто-физическія ощущенія совершенно неотдѣлимы отъ состояній души,—это дѣйствительно своего рода оркестръ, настроенный гармонически и стóитъ въ немъ зазвучать одной струнѣ, отзовутся всѣ другія, именно въ силу гармоніи и тонкости организаціи. И нашъ писатель одаренъ именно такой изощренной организаціей, *физіологически* трепетно и непрерывно звучащей.

И онъ описываетъ природу не потому только, что она прекрасна и поэтична, а потому, что онъ, описывая ее, говоритъ о самомъ себѣ, онъ не наблюдаетъ ея, а прислушивается къ ея отзвукамъ въ своей душѣ, и даже нельзя сказать о немъ, чтобы онъ *описывалъ*: онъ *констатируетъ*, свидѣтельствуетъ тотъ или другой пережитой имъ фактъ естественной міровой жизни. Поэтому у г-на Короленко въ дѣйствительности нѣтъ того, что принято называть пейзажемъ, и онъ вовсе не пейзажистъ, такъ же какъ и не пантеистъ въ общеупотребительномъ смыслѣ: онъ *психологъ* пейзажей и для внѣшняго міра—лицо не внѣшнее, не разумъ, наблюдающій и отмѣчающій явленія, а *соучаствующій* въ міровомъ процессѣ, сострадающій и сорадующійся съ нимъ. Если бы звуки и краски, утро и вечеръ, лѣса и облака могли получить даръ слова, они разсказали бы о себѣ именно словами нашего автора, просто, кратко, но неизгладимо сильно, потому что сила выраженій была бы почерпнута не изъ художественной впечатлительности, а изъ глубины взволнованнаго сердца. Это громадная разница: любить природу художественно, говорить *о ней*, находиться передъ ея явленіями, будто въ партерѣ передъ театральной сценой,—и не умѣть *психологически* отдѣлить себя отъ всей необъятной вселенной, не философски и не эстетически, а нравственно, это фактъ не столько писательскаго творче-

ства, сколько личнаго нравственнаго міра. Распространите его на *всю* жизнь, не только на природу, поставьте эту «чуткую тонкую организацію, будто туго-натянутую струну», рядомъ съ дѣлами и словами людей, вы получите полный типъ мыслителя и моралиста, нисколько не нарушая его цѣльности, какъ художника.

V.

Въ самомъ дѣлѣ, присмотритесь къ способу г-на Короленко одушевлять природу. Его картины, разумѣется, богаты обычными заурядно-поэтическими красками, и онѣ очень живы и красивы: «деревья встрѣчали меня шепотомъ лѣнивой дремоты», «туча тихо ползла по небу какъ бы раздумывая о чемъ-то и разглядывая то мѣсто, куда пролиться дождемъ»; «земля, казалось, тихо вздыхала полной грудью; отъ этого дыханія играя въ лучахъ величаво горѣвшаго звѣзднаго неба, вставали бѣлесоватые туманы, точно клубы кадильнаго дыма, подымавшіеся на встрѣчу идущему празднику»... И такъ безъ конца, и особенно артистическая картина затменія. Какой удачный подборъ самыхъ простыхъ словъ, для передачи одного изъ самыхъ рѣдкихъ сочетаній свѣта и тьмы. «будто тончайшая и густая сѣтка повисла въ воздухѣ. А тамъ гдѣ-то по бокамъ, въ верхнихъ слояхъ, чувствуется озаренная воздушная даль, которая сквозитъ въ нашу тьму, смывая тѣни, лишая темноту ея формы и густоты». И рядомъ изумительная изощренность ощущеній. Много ли любителей природы способны подмѣтить, какъ горы въ странномъ полумракѣ затменія будто лишаются своей тяжелой плотности, что бываетъ какой-то особенный вѣтеръ, высоко надъ землей машущій безшумными крыльями, не тотъ, что подымаетъ уличную пыль, какъ иногда кажется, что звѣзда *виситъ*— одинокая надъ головой и пронизываетъ холодную пелену острымъ лучомъ...

Это все штрихи истиннаго артиста, умѣющаго для всякаго момента найти соотвѣтствующій оттѣнокъ въ словѣ и одной фразой создать картину и вызвать у читателя то самое настроеніе, какое пережилъ самъ наблюдатель.

Но все это способность только пейзажиста. О ней не стоило бы распространяться: на этомъ поприщѣ у г-на Короленко много предшественниковъ и соревнователей. У него есть нѣчто свое: оно даетъ тонъ всему его таланту и сообщаетъ глубокую содержательность всякому его очерку, какъ бы несложенъ и отрывоченъ онъ ни казался.

Въ природѣ всюду распространена разумная божественная сила: это въ ученіи пантеиста,—въ природѣ всюду бьется чуткое сердце—это вѣра нашего автора. Природа—неисчерпаемый источникъ художественныхъ наслажденій, она—могучая лабораторія красоты, грозной и чарующей: это обычный поэтическій взглядъ; природа полна живыхъ, по-

разительно яркихъ, почти разумныхъ въ своей яркости ощущеній, она непрерывная цѣпь тѣхъ самыхъ волненій, печалей и радостей, какими сознательно живетъ человѣкъ: таковы впечатлѣнія г-на Короленко. Наконецъ, природа—міръ человѣку внѣшній, въ сильной степени враждебный, требующій борьбы и по количеству одержанныхъ побѣдъ измѣряются успѣхи человѣческаго разума: таково ученіе науки; природа—логически-послѣдовательный, цѣлесообразный процессъ жизни, творящій благо и полноту физической и духовной жизни въ силу своего вѣчнаго развитія: на этомъ принципѣ основанъ смыслъ произведеній г-на Короленко.

Слѣпой музыкантъ и здѣсь поучительный примѣръ общаго закона. Онъ состоитъ въ гармоническомъ развитіи жизни, слѣдовательно, всякое отступленіе отъ этой гармоніи—явленіе исключительное, уродство не только съ точки зрѣнія человѣческаго разума и художественнаго чувства, но и для самой природы, стихійно возмущенной противъ ненормальнаго индивидуальнаго случая. Но вѣдь и этотъ случай вызванъ въ жизни тѣми же естественными законами? Несомнѣнно; но это не мѣшаетъ ему быть явленіемъ противоестественнымъ, уклоненіемъ отъ общаго закономѣрнаго порядка. Такія явленія, можетъ быть, возникаютъ потому, что еще естественныя силы находятся въ броженіи, матерія еще не успѣла приспособиться къ законамъ органическаго бытія и жизненному началу не всегда удается одолѣвать темныя косныя силы. Но оно *никогда* не замираетъ и не глохнетъ. Подавленное и изуродованное, оно продолжаетъ протестовать инстинктивно и стремится восполнить разрушенную гармонію.

На этой идеѣ основанъ этюдъ г. Короленко. «Инстинктивное органическое влеченіе къ свѣту»—такова несомнѣнная для автора истина, уполномочившая его раскрыть сложную психологическую жизнь слѣпорожденнаго. Въ другой разъ онъ выражается еще опредѣленнѣе: «природа подымалась безсознательнымъ протестомъ противъ индивидуальнаго «случая» за нарушенный общій законъ». Въ природѣ слѣпого существуютъ «возможности» свѣтовыхъ представленій, и онѣ не даютъ покою ему съ первой же минуты сознанія, отражаются на его дѣтскомъ лицѣ болѣзненнымъ мучительнымъ вопросомъ, заставляютъ инстинктивно искать еще до рожденія утраченную способность, и бываютъ минуты, когда ему кажется, будто эта способность отыскана,—минуты особенно сильныхъ и глубокихъ потрясеній.

На этомъ, повидимому, вполнѣ отвлеченномъ положеніи г. Короленко построилъ свой этюдъ. Критики, восхваляя или порицая произведеніе, не замѣтили необыкновенно краснорѣчивой основной идеи, освѣщающей личность и міросозерцаніе самого автора. Этюдъ — ничто иное, какъ защитительный трактатъ въ пользу природы, реабилитація естественныхъ силъ, управляющихъ міромъ, можно сказать *очеловѣченіе* стихій. На взглядъ автора, природѣ такъ же, какъ и разумному существу,—

больно, тягостно производитъ уродство и, слѣдовательно, зло—все несовершенное и порочное. Она тогда бьется и возмущается, будто птица съ отбитымъ крыломъ и напрягаетъ всѣ усилія подняться въ мощномъ и плавномъ полетѣ. Поэтому она у слѣпорожденнаго до послѣдней степени изощритъ слухъ и осязаніе, одаритъ его поразительной способностью воспринимать внѣшнія явленія съ такой точностью и быстротой, будто онъ ихъ видитъ глазами, всю его физическую организацію разовьетъ въ своего рода музыкальный инструментъ, сообщающій его уму и сердцу отнюдь не меньше, пожалуй даже больше впечатлѣній, чѣмъ усваиваетъ обыкновенный зрячій человѣкъ.

И авторъ вполнѣ убѣдительно умѣетъ доказать свою идею насколько она касается «общаго закона». Природа торжествуетъ необходимо, логически и въ высшей степени поэтично. Надо самому обладать исключительной музыкальностью натуры, чтобы съ такимъ изяществомъ и съ такой проникновенной глубиной изобразить стремленіе человѣческой души къ гармоніи и полнотѣ нравственнаго существованія. До сихъ поръ г. Короленко—поэтъ и психологъ; онъ перестаетъ быть и тѣмъ и другимъ, когда замышляетъ оправдать еще другой законъ, не подсказанный ему *чутьемъ природы*, а посторонними, чисто-литературными соображеніями. И мы увидимъ, это не первая неудача автора, увидимъ и ея смыслъ и причину. Пока насъ занимаетъ общій руководящій принципъ творчества и идей автора.

Слѣпой музыкантъ—одно изъ позднѣйшихъ произведеній г. Короленко, но читатели должны были ожидать подобнаго этюда. Его безпрестанно предвозвѣщала въ высшей степени своеобразная манера оживлять природу—точнѣе *очеловѣчивать*. Предъ г. Короленко живетъ и ширится не только одухотворенный міръ, но еще *осердеченный*. Именно это слово даетъ самое вѣрное представленіе о «пантеизмѣ» нашего автора,—мы видимъ, совершенно другомъ, чѣмъ пантеизмъ философскій и поэтическій. Можно бы сказать, это пантеизмъ моральный,—мы бы выразились даже иначе—*панкардизмъ* *), не пугаясь новаго слова, если оно приближаетъ насъ къ оригинальному психологическому міру художника. По нашему мнѣнію, именно это слово какъ нельзя точнѣе соотвѣтствуетъ поэтическому таланту, открывающему въ природѣ всю гамму человѣческихъ чувствъ и настроеній, сочувствій и негодованій, жгучей боли и торжествующаго счастья.

И всѣ эти настроенія не навязываются природою, а непосредственно *вѣютъ* отъ нея: авторъ всегда умѣетъ ввести читателя въ сущность міровой психологіи и до такой степени кстати сопоставить ее съ многообразными явленіями человѣческой жизни, что эта жизнь безъ участія природы казалась бы неполной и неясной.

Напримѣръ, молодой герой, переживающій первыя муки молодыхъ

*) Греческое ἡ καρδία—сердце.

сомнѣній. Въ молодости и для не поэтовъ природа полна красоты и увлекательнаго разнообразія. Естественно, молодое счастье и горе развиваются въ тактъ міровому пульсу, и вотъ предъ нами живая картина сродства душъ—естественной и разумной:

«Обнаженныя и обмерзшія вѣтки бились другъ о друга и жалобно, сухо трещали, а по всей аллеѣ вѣтеръ шумѣлъ глухо и протяжно, съ выраженіемъ того холоднаго страданія, не сознающаго себя и потому не знающаго ни сочувствія, ни пощады, какимъ было полно мое сердце».

Здѣсь, можетъ быть, извѣстную психологическую окраску сообщило природѣ слишкомъ напряженное настроеніе человѣка,—и самъ по себѣ пейзажъ мертвъ и безразличенъ? Нисколько. Смерти нѣтъ въ природѣ, пока она создаетъ мысль и чувство. Независимо отъ наблюдателей, впечатлительныхъ или нѣтъ, — природа полна своего внутренняго *нравственнаго* смысла.

По сибирской дорогѣ ѣдутъ три путника, и только одинъ заинтересованъ внѣшнимъ міромъ, лично не переживая никакихъ рѣзкихъ чувствъ, но *духъ земли* вѣетъ на всѣхъ неотразимой силой какого-то невысказаннаго страданія и томительной боли. «Туманы продолжали ползти въ вышинѣ какими-то смутными намеками на что-то грустное».

И природѣ, повидимому, гораздо свойственнѣе грустная дума, неразгаданная печаль, неудовлетворенная жалоба, неоправданная надежда. И это не потому, что русская природа вообще блѣдна и скромна, а потому, что такое огромное сердце, какимъ является міръ, такое благородное и чуткое, не можетъ не грустить, не жаловаться, пока въ его царствѣ раздается хотя одинъ стонъ. И неумолкающій «таинственный говоръ природы» чаще всего звучитъ чувствомъ утраченнаго или недостигнутаго счастья.

При наступленіи зимы земля кажется смирившеюся и притихшей, *овдовѣвшей* землей; снѣжинки, будто насѣкомыя, бьются у оконныхъ стеколъ, съ *любопытствомъ* заглядывая на людей, угнетенныхъ нечистыми умыслами; старый садъ полонъ *недовольнаго* шороха, нарушая молчаніе только-что едва не поссорившихся собесѣдниковъ; послѣ бури на небѣ замѣтна какая-то торопливость: надо возстановить порядокъ и миръ среди раскиданныхъ и перерытыхъ тучъ... Это все *настроенія*.

Но природа знаетъ годами окрѣпшую *психологію*. Она, живая и краснорѣчивая носительница безчисленныхъ отголосковъ, какими полна человѣческая жизнь. На ея могучемъ образѣ неизгладимыми чертами врѣзывается прошлое, все равно какъ морщинами на человѣческомъ лицѣ, и иногда трудно сказать, кѣмъ глубже и *разумнѣе* ощущается неправда—забывчивыми людьми или безсмертной природой. Надо только умѣть понимать ея языкъ.

Молодая дѣвушка слушаетъ повѣсть объ ужасахъ стараго крѣпостного времени. Ея чувство, наивное и тепличное, напряжено до по-

слѣдней степени. Она страдаетъ въ первый разъ въ жизни такимъ человѣчнымъ прекраснымъ страданіемъ, и окружающій міръ дышитъ той же болью и мукой.

«У дороги опять шептала рожь и томительная печаль, нависшая надъ всѣмъ этимъ пейзажемъ, казалось, получала свой особенный смыслъ и значеніе. Эти поля видѣли, они вынесли все это»...

Повѣсть растетъ и темнѣетъ въ своихъ ужасахъ. Разсказъ ямщика—простъ и правдивъ, но въ него сынъ порабощеннаго народа вложилъ всю душу свою, вдохнулъ вѣками заглушаемое чувство человѣческаго достоинства, и каждое его слово, будто новый призракъ тяжелаго кошмара налегаетъ на безпомощно-мятущуюся душу слушательницы. А этотъ міръ кругомъ сталъ еще нервнѣе и очеловѣченнѣе.

«И ей, дѣвушкѣ, показалось, что самая природа насупилась и загрустила еще больше. Черта между землей и небомъ потемнѣла, поля лежали синія, затянутыя мглой, а бѣлыя прежде облака теперь отдѣлялись отъ тучъ какія-то рыжія или опаловыя, какъ будто на нихъ умирали послѣдніе отблески дня, чтобы уступить молчаливой ночи.»

Такъ природа неистощимо краснорѣчива и весь смыслъ ея жизни заключается въ неразрывной гармоніи съ явленіями нравственнаго міра—не отвлеченнаго а сердечнаго, патетическаго. Одна изъ величественнѣйшихъ философскихъ системъ, шеллингіанство, открыла законъ тождества, т. е. законъ совершеннаго совпаденія явленій органическаго міра съ умственными процессами,—предъ нами также тождество, только болѣе жизненнаго характера и болѣе глубокаго содержанія.

Какіе выводы можно сдѣлать изъ шеллингіанской идеи? Міръ въ своемъ развитіи слѣдуетъ путями логическаго разума. Поэтому онъ и доступенъ нашему познанію. Міръ представляется безконечной цѣпью *необходимыхъ* явленій; въ немъ ничего нѣтъ случайнаго, произвольнаго, нѣтъ перерывовъ и скачковъ. Въ общемъ это—грандіозная картина естественнаго творческаго разума, но по смыслу—это детерминизмъ. Стоитъ ли въ концѣ процесса красота и благо—для закона безсмертной эволюціи безразлично. Она просто осуществляетъ строго логическую формулу, стихійно, неотразимо, не заботясь объ идеяхъ справедливости и волненіяхъ чувствительнаго сердца.

Совершенно другіе выводы слѣдуютъ изъ патетическаго представленія о мірѣ. Пантеизмъ—религія, аристократическая и чисто-художественная, панкардизмъ—религія дѣятельной правды и состраданія.

VI.

Мы видѣли, какъ противоестественно, ненавистно природѣ всякое неполное и уродливое проявленіе жизни. Природа, въ силу присущихъ ей стремленій къ гармоніи и самодовлѣющей силѣ, независимо отъ человѣческаго сознанія и искусства, усиливается возмѣстить немощи и не-

достатки. Очевидно, свободная и непосредственная, она сама по себѣ вызываетъ къ дѣятельности мысль и создаетъ поэзію.

Когда-то на сценѣ европейской литературы появилась идея объ естественномъ человѣкѣ. Она, повидимому, возникла изъ самаго восторженнаго представленія о природѣ. По крайней мѣрѣ писатели, восхвалявшіе естественное состояніе, не находили словъ достойно возвеличить его преимущества предъ культурой и, въ порывѣ пророческаго фанатизма, отняли у природы способность мыслить и говорить, оставили за ней одни инстинкты, несказанно благородные, но темные и безгласные.

Предъ нами также идеализація природы, но на этотъ разъ во всей ея физической и духовной полнотѣ. Мысль столь же естественна, органически необходима, какъ простѣйшія явленія физическаго порядка. Доказательство—*дѣти*.

Въ русской литературѣ нѣтъ писателя, такъ глубоко и съ такой истинно-философской послѣдовательностью разработавшаго психологію дѣтей, какъ это сдѣлалъ г. Короленко. И эта работа—первое необходимое слѣдствіе его общихъ воззрѣній. Дѣти—самая простая и наглядная иллюстрація къ тому естественно-нравственному порядку, какой, по представленію нашего автора, царствуетъ въ мірѣ. Авторъ до такой степени дорожитъ дѣтской психологіей именно ради этой цѣли, что даже склоненъ приналечь на природу, заставить ее говорить гораздо внятнѣе и настойчивѣе, чѣмъ обыкновенно звучитъ ея голосъ.

Авторъ видимо съ особенной любовью вникаетъ въ дѣтскую душу и для него въ сущности нѣтъ предѣловъ, какими ограничивается ея высшая жизнь. Уже въ самомъ раннемъ возрастѣ намѣчаются личности, умы и характеры, даже настоящія, полныя міросозерцанія. Природа до такой степени могуча и предусмотрительна, что *предупреждаетъ* культуру по всѣмъ направленіямъ. Она съ одинаковой легкостью производитъ философовъ, поэтовъ, сильныхъ борцовъ за существованіе. Семьѣ и обществу остается только постигнуть предначертанный ею путь и подчинить свое *искусство* стремленіямъ естественныхъ силъ. Это тѣмъ болѣе разумно и неизбѣжно, что эти силы именно въ избранныхъ личностяхъ всегда богаче и благороднѣе, чѣмъ теоретическій разсудокъ и такъ называемое трезвое сердце взрослыхъ.

Эта истина раскрывается въ двухъ наиболѣе художественныхъ произведеніяхъ г-на Короленко—*Въ дурномъ обществѣ* и *Ночью*.

Нѣкоторымъ критикамъ почудилось въ обоихъ разсказахъ излишество романтизма, даже подражаніе польской беллетристикѣ, дѣйствительно очень падкой, на наивныя чувствительности и полусказочныя чудеса. Мы думаемъ, романтизмъ и чувствительность г. Короленко другого происхожденія, гораздо болѣе глубокаго и жизненнаго, чѣмъ подражаніе чему бы то ни было.

Въ дѣтяхъ нашему автору слышится особенно внятно тотъ «таин-

ственный говоръ природы», на который у него въ душѣ столько музыкальнѣйшихъ созвучій. Его подлинный герой—безсмертная естественная сила, разлитая во всемъ мірѣ, вся исполненная неизсякаемымъ богатствомъ думъ, чувствъ и вдохновеній. Что же можетъ быть слишкомъ *романтично* для изображенія подобнаго предмета?

Природа вызываетъ у автора «особенное глубокое расширяющее сердце ощущеніе» и этому ощущенію, говоритъ онъ, «трудно подыскать настоящее опредѣленіе». А вѣдь дѣти и еще, увидимъ мы, одно столь же естественно-разумное явленіе ближе всего къ природѣ: очевидно, ощущенія, вызываемыя ими, столь же сложны, таинственны и, слѣдовательно, романтичны. Выразить ихъ часто можно только при посредствѣ той же природы. Только ея красками можно со всей правдой и поэзіей изобразить блѣдную, больную дѣвочку, которую медленно, но неотвратимо убиваетъ сѣрый камень: она едва ходитъ, шатаясь *какъ былинка*, головка покачивается на тонкой шеѣ, *какъ головка полевого колокольчика*...

Отнимите эти сравненія, останется невзрачный больной ребенокъ, одѣтый въ лохмотья, съ выпачканнымъ лицомъ, недоразвившійся физически, умирающій медленной смертью отъ голода, темноты и сырости. Вотъ Маруся—безъ романтизма! Но развѣ этотъ реализмъ, который еще можно усилить точнымъ опредѣленіемъ болѣзни дѣвочки и гигіеническимъ анализомъ условій ея жизни, развѣ все это сообщитъ вамъ больше правды о страшной драмѣ дѣтскаго существованія? И развѣ все это произведетъ на васъ болѣе глубокое, просвѣтительное впечатлѣніе, чѣмъ романтическое освѣщеніе автора? Другими словами: развѣ нравственная цѣль разсказа будетъ достигнута вѣрнѣе и проще?

Врядъ ли. Натурализмъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, имѣетъ одинъ крупный практическій недостатокъ: онъ безпрестанно вызываетъ у насъ впечатлѣніе исключительнаго, литературно-преувеличеннаго. А стоитъ лишь возникнуть этому впечатлѣнію, и сила авторской живописи мгновенно понижается въ своемъ *нравственномъ* вліяніи. Этой причиной, между прочимъ, можно объяснить общественную, вообще культурную безплодность французскаго натуральнаго романа даже на родинѣ. Реалисты, съ сильнѣйшимъ оттѣнкомъ романтизма, въ родѣ Тургенева, Достоевскаго, Ибсена, имѣли несравненно больше идейнаго значенія даже для чужестранной публики, чѣмъ самые положительные натуралисты, вродѣ Золя и его послѣдователей.

Также *дѣйствителенъ* и романтизмъ г. Короленко. Еще только одинъ русскій художникъ умѣлъ, не нарушая жизненной правды и, что еще важнѣе, не понижая внутренней силы своего творчества, изображать неотразимо-чарующими красками самыя, повидимому, печальныя явленія жизни. Это—Тургеневъ, и его *Живыя Мощи*—единственная художественная параллель Маруси г. Короленко. И тайна очарованія въ обоихъ случаяхъ одна и та же.

Припомните: предметъ разсказа, на первый взглядъ, ужасный, отвратительный,—рѣдкая физическая болѣзнь. «Голова совершенно высохшая, одноцвѣтная, бронзовая, носъ узкій, какъ лезвіе ножа, губъ почти не видать, только зубы бѣлѣютъ и глаза, да изъ-подъ платка выбиваются пряди желтыхъ волосъ»... Какое обширное поприще для натуральнаго вдохновенія! У нашего автора всего нѣсколько строкъ посвящено физіологическому вопросу, и затѣмъ развертывается поразительно богатая и поэтическая духовная жизнь полутрупа. Сколько свѣжести и жизни въ тихихъ восторгахъ безнадежно больной предъ едва замѣтными явленіями природы: запахъ гречихи, полевые цвѣты, щебетанье ласточки! А это непередаваемая рѣчью поэзія одиночества, безсознательное сліяніе угасающей жизни съ могучимъ потокомъ безсмертныхъ естественныхъ силъ!

То же самое въ разсказѣ г. Короленко. Маруся постоянно предъ нами съ цвѣтами или въ цвѣтахъ, и когда она умираетъ, кажется кончается день, наступаетъ осень, темнѣетъ небо,—вообще совершается что-то по-прежнему поэтическое и менѣе всего удручающее. Маруся и говоритъ, будто звуками природы: ея больной и слабый голосокъ звучитъ, какъ эхо среди говора взрослыхъ. Сколько наивной прелести и изысканной музыкальности въ словахъ, повторяемыхъ дѣвочкой вслѣдъ за другими! Именно такъ должно говорить это едва теплящееся жизнью созданіе, какъ трепетный, едва внятный, но безконечно гармоническій отголосокъ окружающей жизни. Она слишкомъ хрупка и безпомощна, чтобы самой самостоятельно участвовать въ этой жизни, но она слишкомъ чутка и нѣжна, чтобы эта жизнь беззвучно шла мимо нея.

«— Отчего она такая?—спросилъ я, указывая глазами на Марусю.

«— Не веселая?—переспросилъ Валекъ и затѣмъ сказалъ тономъ совершенно убѣжденнаго человѣка:—а это, видишь ли, отъ сѣраго камня...

«— Да-а,—повторила дѣвочка, точно слабое эхо,—это отъ сѣраго камня.

«— Отъ какого сѣраго камня?—переспросилъ я, не понимая.

«— Сѣрый камень высосалъ изъ нея жизнь,—пояснилъ опять Валекъ, по-прежнему смотря на небо. Такъ говоритъ Тыбурцій... Тыбурцій хорошо знаетъ.

«— Да-а,—опять повторила тихимъ эхо дѣвочка.—Тыбурцій все знаетъ».

И такъ постоянно. У насъ остается впечатлѣніе переливовъ какой-то далекой, необыкновенно нѣжной музыки и образъ дѣвочки пребываетъ будто въ золотистой дымкѣ солнечнаго заката. И автору достаточно самаго простого сравненія, чтобы обвѣять свою умирающую героиню ароматной, чарующей поэзіей. Дѣвочка наканунѣ смерти; сѣрый камень упорно доводитъ свою работу до конца, и такъ кстати на землю спускается темная и холодная осень. Только изрѣдка выдаются ясные

дни; тогда дѣвочку выносятъ изъ подземелья наверхъ и здѣсь «она какъ будто оживала, смотрѣла вокругъ широко раскрытыми глазами, на щекахъ ея загорался румянецъ; казалось, что вѣтеръ, обдававшій ее своими свѣжими, живительными взмахами, возвращалъ ей частицы жизни, похищенныя сѣрыми камнями подземелья»...

Столько поэзіи въ душѣ, близкой къ природѣ, и столько красоты въ самой слабости, даже въ смерти тамъ, гдѣ надъ послѣдними искрами жизни бордствуетъ все та же природа-мать!

Но здѣсь не одна поэзія. Авторъ желаетъ показать, какая глубокая и многозначительная работа *мысли* совершается въ дѣтскомъ мозгѣ? Откуда западаетъ сюда смутная жажда найти отвѣтъ на вопросы, неразрѣшимые даже для высшей науки и мудрости? И не только жажда возникаетъ и растетъ, но и добивается удовлетворенія, болѣе идейнаго и поучительнаго, чѣмъ иные отвѣты просвѣщеннаго ума и книжной учености.

Эта истина для автора не опровержима и онъ съ необыкновенной любовью, со всей силой своего психологическаго анализа нарисовалъ образъ *своего* «естественнаго человѣка», провиденціальнаго носителя цивилизаціи и нравственности. И никакой философъ и поэтъ прошлаго вѣка не увѣнчалъ природу такимъ роскошнымъ поистинѣ божественнымъ вѣнкомъ, хотя въ тотъ вѣкъ идеей природы стремились преобразовать человѣка и общество, а нашъ авторъ желаетъ только этой самой природой объяснить разумное и благородное, столь часто украшающее человѣка и его среду независимо отъ послѣднихъ словъ науки.

VII.

Дѣти со своими фантазіями часто въ высшей степени забавны и неразумны. Напримѣръ, двое ребятъ вздумали задній грязный дворъ преобразить въ какое-то сказочное царство, каждому заброшенному предмету навязять романтическій смыслъ, въ полусгнившемъ кузовѣ рыдвана совершать путешествія, исполненныя опасностей, вооружаться вполнѣ серьезно деревянными пистолетами и самодѣльной тесовой саблей, въ бадьѣ съ загнившей водой удить рыбу... На взглядъ взрослаго—сколько здѣсь глупостей! И взрослые съ обычной самоувѣренностью именно такъ и относятся къ дѣтскимъ фантазіямъ. Они, единственные представители критики и скептизма, слѣдовательно—истины; дѣти, чтобы познакомиться съ ней, должны усвоить тѣ же способности и наклонности. Истина добывается путемъ анализа, индукціи, проще—путемъ подробнаго и частностнаго изученія міра и людей,—иного пути нѣтъ. Все за предѣлами анализа и опытнаго знанія, ложь, фантасмагорія, *дѣтская сказка.*

Дѣйствительно ли это такъ? Нѣтъ ли какого-нибудь разумнаго со-

держанія даже въ дѣтскихъ фантазіяхъ? Не является ли нѣчто истинное интинктивному синтезу дѣтской души? Проще: нѣтъ ли непосредственнаго чутья общей и частной правды въ ощущеніяхъ и въ представленіяхъ дѣтей?

Положительные отвѣты на всѣ эти вопросы для нашего автора не подлежатъ сомнѣнію. Рядомъ съ анализомъ и изслѣдованіемъ существуетъ еще одна нравственная сила—интуиція, непосредственное воспріятіе и—результатъ ея,—вдохновеніе. Идея—не новая, даже въ самомъ значительномъ смыслѣ. Извѣстно, напримѣръ, какое обширное мѣсто даже въ опытныхъ наукахъ отводили родоначальники новѣйшаго позитивизма интуиціи и вдохновенію. По ихъ мнѣнію, безъ вдохновенія даже немыслимы великія обобщенія и геніальныя открытія. Опытъ дастъ только отдѣльные факты, часто разрозненные, противорѣчивые, трудно уловимые, только интуиція подсказываетъ ученому идею или законъ, объединяющій явленія. Безъ этой способности нѣтъ великаго ученаго-мыслителя, а только эрудитъ, чернорабочій науки.

Таковъ взглядъ людей, страстно защищавшихъ науку и разумъ. Эта же мысль лежитъ и въ основѣ дѣтской психологіи въ произведеніяхъ г-на Короленко. Даже по существу нѣтъ разницы: интуиція—свойство генія, т. е. нѣчто прирожденное, «естественное», слѣдовательно, свойственное человѣческой природѣ въ силу ея высшей человѣчности. Очевидно, дѣтская душа должна быть причастна этой способности и часто гораздо больше, чѣмъ души взрослыхъ заурядныхъ людей. А отсюда слѣдуетъ: общія міровыя истины нерѣдко ближе и правильнѣе *чуются* дѣтскимъ нравственнымъ міромъ, чѣмъ умомъ, порабощеннымъ отрывочной и поверхностной ученостью. Въ результатѣ, ребенокъ можетъ оказаться болѣе философомъ въ самомъ положительномъ смыслѣ слова, чѣмъ даже самый бойкій студентъ медицинской науки.

Это будетъ непремѣнно въ томъ случаѣ, когда ребенокъ одаренъ отъ природы здоровыми впечатлительными нервами, чуткимъ воображеніемъ, жаждущимъ сердцемъ. Тогда неизбѣжно отъ простого соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ въ дѣтской душѣ возникаетъ сложный и многосторонній процессъ мышленія, съ преобладаніемъ аналитическаго или творческаго содержанія въ зависимости отъ преобладающей естественной наклонности. Родятся не только поэты, но и ученые, и философы, если только эти всѣ типы понимать какъ *оригинальныя* проявленія нравственныхъ силъ и не считать ученымъ рабскаго воспроизводителя чужихъ выводовъ, поэтомъ—послушнаго отражателя банальныхъ и стадныхъ настроеній, а философію видѣть въ пережевываніи школьныхъ отвлеченій. Отсюда громадный интересъ дѣтской психологіи и отвѣтственнѣйшій долгъ взрослыхъ предъ дѣтьми. Въ дѣтскомъ мірѣ нѣтъ праздныхъ, совершенно безпочвенныхъ, безцѣльныхъ фантазій и безсмысленныхъ порывовъ, все равно, какъ въ

природѣ не можетъ быть незакономѣрныхъ явленій и фактовъ невмѣняемаго каприза. Эта философско-педагогическая истина разъяснена въ произведеніяхъ г-на Короленко увлекательнѣйшимъ способомъ, какой только можно представить для доказательства истины. Сами дѣти являются адвокатами въ своемъ процессѣ и защищаютъ его вполнѣ самостоятельно, безъ назойливыхъ подсказываній и внушеній заинтересованнаго педагога.

Въ разсказѣ *Ночью* совершается таинственное событіе. Разгадка его недоступна вообще человѣческому разуму, но человѣческая природа съ трудомъ мирится на неразрѣшимости загадокъ. Требуется исключительное умственное развитіе и обширный опытъ познанія, чтобы сказать вмѣстѣ съ Сократомъ: «Я знаю только то, что ничего не знаю», т. е. знаю только факты, подробности, внѣшность,—смыслъ всего этого, основной двигающій принципъ жизни, остается для меня тайной. И средствами науки безполезно и стремиться открыть эту тайну, и истинный, дѣйствительно научный позитивизмъ именно и заключается въ признаніи *великаго невѣдомаго* рядомъ съ ничтожной областью наблюдаемаго и изучаемаго. На этой мысли и остановились сильнѣйшіе положительные умы нашего вѣка, и та же самая мысль положена въ основу нашего разсказа.

Въ семьѣ появляется на свѣтъ новое существо... Откуда взялась *эта* жизнь? Откуда, слѣдовательно, вообще берется жизнь, еще вчера и сегодня не существовавшая въ нашемъ мірѣ?

Дѣйствительный ученый отвѣтитъ искренне и рѣшительно— *не знаю*; но ученый школьникъ, едва прошедшій азбуку науки, заявитъ: «я знаю, потому что изучалъ физіологію». Авторъ на это отвѣчаетъ: «Ты знаешь немногое, а думаешь, что знаешь все»... И, по его мнѣнію, дѣти *ближе* къ истинѣ, чѣмъ молодой отважный физіологъ.

Почему?

Никакое физіологическое изслѣдованіе не *объяснитъ* зарожденія: оно только можетъ разсказать внѣшнюю исторію его, и то далеко не съ начала; останется неразрѣшеннымъ цѣлый рядъ моментовъ, и вотъ они то принадлежатъ не опыту, а творчеству, не изслѣдованію, а интуиціи, не наукѣ, а поэзіи и религіи. Это неоспоримый фактъ, и его то осуществляютъ дѣти. «Они чувствуютъ тайну и стараются облечь ее въ образы»,—говоритъ авторъ, т. е. поступаютъ единственно возможнымъ путемъ предъ такими вопросами, поступаютъ, какъ искони вѣковъ поступали цѣлые народы, мудрѣйшіе философы и величайшіе поэты. Дѣти *творятъ* объясненіе, создаютъ извѣстное *вѣрованіе*, для насъ, разумѣется, нисколько не обязательное, но вполнѣ логическое и естественное, какъ фактъ нравственной необходимости.

Надо обладать большимъ творческимъ талантомъ и въ высшей степени глубокимъ анализомъ, чтобы дѣтскими «глупостями» воспользоваться такъ идейно и даже научно. И напрасно авторъ къ чисто-

логическому мотиву примѣшалъ еще чувствительный: онъ даже повредилъ убѣдительности общаго вывода. Незачѣмъ разумному защитнику дѣтей быть безнадежно печальнымъ супругомъ объ утраченной супругѣ. Для насъ безразлична и въ данномъ случаѣ даже досадна его трогательная тоска о личномъ, далеко не возвышенномъ счастьѣ. Дѣти правы не потому, что у какого-то пана Генриха безвременно скончалась его пани и онъ съ тѣхъ поръ не желаетъ, чтобы изъ «человѣка сдѣлался порошокъ». И бойкій философъ здѣсь можетъ быть вполнѣ побѣдоносенъ: вѣдь частный фактъ—смерть драгоцѣнной пани! На это обездоленный Генрихъ отвѣтитъ:

«— Этотъ частный фактъ для меня, пойми ты, общѣе всѣхъ твоихъ обобщеній».

Для него и *его* фактъ!.. Какимъ жалкимъ диссонансомъ звучитъ этотъ мѣщанскій вопль супружеской души предъ всечеловѣческой тоской о темной загадкѣ бытія! И насколько выше и осмысленнѣе этой домашней философіи разсужденія все тѣхъ же дѣтей, разгадывающихъ тайну не въ интересахъ своей дѣтской, а во имя всеобъемлющей міровой истины! И можно только удивляться, какъ столь проникновенно творящій художникъ рѣшился до такой степени принизить и размельчить идею своего разсказа!

Но она все-таки остается глубокой и великой, независимо отъ эгоистическаго и тщедушнаго вмѣшательства пана Генриха. И любопытнѣйшая черта этой идеи—яркій и, повидимому, неизбѣжный разладъ между міромъ дѣтей и взрослыхъ. Онъ появляется во всѣхъ разсказахъ г-на Короленко и всегда независимо отъ какой бы то ни было тенденціи, въ высшей степени тонко и послѣдовательно. Дѣти-философы въ своихъ ночныхъ бесѣдахъ, точно заговорщики противъ няньки; Вася изъ «дурного общества» носитъ въ себѣ цѣлый міръ вопросовъ, безразличныхъ даже для идеально-хорошаго и умнаго отца. И соприкосновенія поэзіи дѣтей съ прозой взрослыхъ почти всегда вызываютъ боль и тяжелыя чувства въ дѣтскихъ сердцахъ, все равно кѣмъ бы ни была представлена эта проза — ученымъ физіологомъ или туповатымъ мужикомъ Павломъ въ *Парадоксѣ*. И боль причиняется взрослыми безъ всякаго дурного желанія, невольно, мимоходомъ, только потому, что большіе не имѣютъ даже отдаленныхъ представленій о дѣтской психологіи, стоятъ слишкомъ далеко отъ простѣйшихъ проявленій естественной, духовной жизни.

Какъ, вѣроятно, удивился бы отецъ, если бы ему растолковали дѣйствительный смыслъ фантазій Голована и Мордика! У родителей только и хватило наблюдательности, чтобы отмѣтить кличками внѣшнія особенности своихъ дѣтей, и въ послѣдствіи они съ чистымъ сердцемъ и родительской заботливостью приступятъ къ опытамъ надъ ихъ душами: изъ поэта Голована постараются, можетъ быть, создать инженера, Мордика, прирожденнаго критика и оригинальнаго искателя

истинъ, преобразуютъ въ русскаго классика. И какъ часто, поэтому, даже для сильнѣйшихъ организацій, для людей, способныхъ справиться со всякими родительскими и наставническими опытами, дѣтство остается единственно свѣтлымъ воспоминаніемъ, наводящимъ невольную грусть о навсегда утраченной свободѣ чувствовать и думать по своему!..

VIII.

Г. Короленко чрезвычайно искусно выбираетъ обстановку для раскрытія извѣстныхъ психологическихъ явленій. Такъ какъ у дѣтей съ какими угодно преобладающими наклонностями воображеніе все-таки преобладаетъ надъ всѣми, то и сцена дѣйствія должна быть освѣщена романтическимъ свѣтомъ, не придуманнымъ, а сообразнымъ съ обстоятельствами. Ночь, на дворѣ бушуетъ дождь, порывы вѣтра, то падаютъ то налетаютъ съ новой силой, шумъ деревьевъ, стукъ дождя въ окно и въ крышу, и въ эту же ночь—странное загадочное событіе гдѣ-то въ отдаленной комнатѣ дома... Даже и не дѣтское воображеніе могло настроиться на необычный ладъ, а бесѣда дѣтей является будто отраженной музыкой этой кругомъ фантастически-звучащей атмосферы.

То же самое и въ другомъ разсказѣ. Онъ охватываетъ цѣлые мѣсяцы, но сцена его все время исключительная, и авторъ умѣетъ описать ее именно какъ «невиданное зрѣлище». Поразительная точность поэтическаго зрѣнія позволяетъ ему при помощи простѣйшаго средства, художественнаго описанія игры свѣта, превратить подземелье въ какой-то волшебный міръ и изобразить какъ настоящую фею больную дѣвочку съ кучкой цвѣтовъ. Подземелье начинаетъ жить и дышать: оно дѣйствительно «сторожитъ свою жертву». Таково впечатлѣніе и читателя. Оно романтично, но въ немъ ни одной черты нѣтъ лживой и подчеркнутой.

Иной реалистъ вздумаетъ заподозрить автора въ придуманномъ сочинительствѣ, въ подборѣ особенно выгодныхъ подробностей. Но такимъ сочинительствомъ пользовались величайшіе міровые поэты. Шекспиръ именно лѣтомъ и среди царственной итальянской природы заставилъ разыграться драму Ромео и Джульеты; наоборотъ, сумашествіе Лира окружилъ бурей и холодомъ; мука Гамлета обвѣяна пронизывающимъ сѣвернымъ вѣтромъ и зловѣщей ночной темнотой. И отъ всей этой внѣшней обстановки внутренняя правда является намъ ярче и внушительнѣй. А съ точки зрѣнія нашего автора, подобная обстановка безусловно логична и реальна. Сердце природы также одарено чуткостью, ему свойственны настроенія и желанія, волнующія людей, и даже подземелье можетъ смотрѣть невидимымъ но «пристальнымъ и жаднымъ взглядомъ». Естественно, думы и образы, всегда живущіе въ дѣтской душѣ, вереницей встаютъ въ моменты, дышащіе тайной и поэзіей. Нѣтъ, здѣсь художникъ правдивъ, потому что вѣренъ органическому принципу своего творческаго міросозерцанія.

Фальшивая нота начинаетъ звучать лишь только онъ увлекается въ сторону чувствительности, крайняго гуманизированья своихъ героевъ, если такъ можно выразиться. Панъ Генрихъ, мы видѣли, печально отплатилъ автору, за его склонность жалѣть и оплакивать все, что кажется жалкимъ и вызывающимъ на слезы. Мы не должны забывать,—на этой склонности разьился и самый взглядъ автора на міръ и людей, но, къ сожалѣнію, автора иногда покидаетъ твердая принципіальная мысль и уступаетъ мѣсто просто нервной настроенности. Мы увидимъ, этотъ недостатокъ распространяется и на болѣе важный предметъ, чѣмъ характеристика дѣтей, и сильно вредитъ всякому общественному смыслу произведеній г-на Короленко.

Герой «дурного общества» отъ собственнаго лица ведетъ разсказъ и по временамъ забываетъ, что онъ разсказываетъ о себѣ—ребенкѣ, переноситъ на далекое дѣтство многое, что онъ могъ добыть только позднѣйшимъ анализомъ дѣтской психологіи и многое, что ему подсказано трогательной памятью о невозвратномъ прошломъ. Мы, напримѣръ, считаемъ несистематически-преувеличеннымъ горе ребенка о покойной матери, выраженное притомъ въ приподнято-краснорѣчивомъ стилѣ. Дѣти обыкновенно жалѣютъ проще и, надо признать, не такъ безнадежно. Для такого горя у нихъ слишкомъ мало рефлексіи и слишкомъ много непосредственной жизненной силы. Въ дѣтскомъ горѣ больше трогательности, чѣмъ эффекта и больше поэтической задумчивости, чѣмъ отчаянія, и г. Короленко изображаетъ не дѣтскую тоску въ слезахъ прожигавшихъ горячими струями щеки ребенка, въ безнадежныхъ порывахъ обнять ночью навѣки исчезнувшій образъ матери. Такъ могъ бы фантазировать развѣ французскій поэтъ школы Виктора Гюго. У этого романтика, великаго любителя дѣтей, они дѣйствительно, по картинности чувствъ и колоритѣ недостойные соперники своего поэтическаго отца и друга.

Разукрашено и огорченіе все того же юного героя, по поводу весьма страннаго открытія. Вася, всю жизнь проводящій на улицѣ, подробно изслѣдовавшій всѣ закоулки города, умный, наблюдательный, впечатлительный, не догадывается, что «дурное общество» состоитъ изъ нищихъ! Не догадывается, пока Валекъ, его сверстникъ, не открываетъ ему ужасной тайны. Именно для него она оказывается ужасной! Будто онъ не зналъ нищихъ, какимъ-то чудомъ ни разу не видѣлъ нищенства обитателей подземелья! И теперь онъ «горько плачетъ»: даже привязанность его къ «дурному обществу какъ-то замутилась».

Всему этому не вѣритъ изумленный читатель. у него является невольная догадка: автору—нехудожественно и неидейно захотѣлось создать новый мелодраматическій мотивъ по поводу самаго заурядnаго обычнаго явленія, создать въ интересахъ трогательности и на этотъ разъ сверхъестественной нѣжности дѣтскаго состраданія, создать даже въ противорѣчіе съ собственнымъ повѣствованіемъ.

Наконецъ, еще одинъ ударъ по нервамъ читателя. Мы знаемъ, до какой степени чутка дѣтская природа къ правдѣ, не только нравственной, но даже логической. Мы вѣримъ, что дѣтское фантастическое творчество иногда можетъ оконфузить самый, повидимому, положительный умъ, глубиной своего смысла, но мы не думаемъ, чтобы ребенокъ являлся непремѣнно добрѣе взрослаго и проницательнѣе его понималъ чужое горе. Вопросъ зависитъ *отъ формы*, въ какой выражается горе и представляется несчастье, потому что дѣтское чувство и мысль въ сильнѣйшей степени управляются воображеніемъ и часто внѣшнимъ впечатлѣніемъ. Это—основной законъ дѣтской психологіи при всей чуткости дѣтскаго сердца и при всемъ естественномъ благородствѣ дѣтской природы. Далеко не всякое горестное явленіе способно растрогать ребенка. Надо, чтобы въ самой обстановкѣ этого явленія трогательное перевѣшивало комическое, величавое преобладало надъ уродливымъ. Иначе, какъ разъ въ силу чуткости, ребенокъ начнетъ забавляться надъ страданіемъ и смѣяться надъ горемъ. Отсюда вѣрное, хотя и ошибочно обобщенное наблюденіе: «сей возрастъ жалости не знаетъ», т. е. дѣтскій. Точнѣе, дѣти часто, дѣйствительно не *понимаютъ* жалости. Вообще, всякое человѣческое чувство, при всей своей естественной силѣ и красотѣ, для своей *непогрѣшимости* требуетъ одинаково высокаго развитія и сердца, и ума.

Г. Короленко рисуетъ именно одинъ изъ такихъ случаевъ, гдѣ жестокость обусловливается умственной ограниченностью и гуманность всецѣло можетъ быть основана только на полной гармоніи чувства и разума.

Молодой чиновникъ спился и дошелъ до послѣдней степени униженій, вслѣдствіе несчастной любви. Толпа надъ нимъ издѣвается, это естественно: толпа, даже культурная, всегда наклонна къ жестокости именно надъ слабѣйшимъ. Но несчастный герой, помимо слабости, еще страдаетъ большими странностями. Въ пьяномъ видѣ онъ бесѣдуетъ съ неодушевленными предметами, исповѣдуется предъ ними въ величайшихъ небывалыхъ преступленіяхъ и, наконецъ, засыпаетъ... Взрослые смѣются надъ этой невмѣняемой исповѣдью, произносимой заплетающимся языкомъ. Какъ же относятся къ ней дѣти?

Авторъ увѣряетъ, будто они «чуткими ребячьими сердцами слышали въ стонахъ вопли искренней скорби и принимая аллегоріи несчастнаго буквально были все-таки ближе къ истинному пониманію этой трагически свернувшейся жизни».

Ближе къ пониманію... Это, очевидно, для автора символъ вѣры: въ другой разъ онъ скажетъ о тѣхъ же дѣтяхъ: ближе къ истинѣ. Но можно ли этой вѣрѣ придавать такое всеобъемлющее практическое значеніе?

Врядъ ли. Отрицательный отвѣтъ чувствуется въ самой описанной сценѣ. Она слишкомъ *сдѣлана* и дѣти въ ней слишкомъ преднамѣренно и благонамѣренно одноцвѣтны. На этотъ разъ ихъ добродѣтель принадлежитъ всецѣло восхищенному сердцу автора. Пьяный покаянникъ

[illegible] дѣтей или страшенъ, или въ то же время и смѣ- [illegible] ственно оцѣнить его страданія, надо представлять [illegible], надо понимать *трагическую* основу извнѣ ненор- [illegible] явленія. А потомъ, даже и пониманіе этой основы, [illegible] съ бѣлокурой косой», далеко не обезпечиваетъ за жер- [illegible] и трагедіи почтительнаго отношенія къ его паденію. По [illegible] онъ, разумѣется, жалокъ, но въ идеѣ жалости заклю- [illegible] *снисходительнаго* состраданія, покровительственнаго [illegible] къ немощи и неразумію. А именно къ такого рода несча- [illegible] трудно подойти близко и сочувственно. Дѣтское сердце [illegible] оцѣнить страдающую силу, дѣйствительно глубоко пожалѣетъ [illegible] героя, но оно, хотя бы даже инстинктивно, только развѣ въ [illegible] случаѣ будетъ тронуто агоніей очевиднаго безсилія [illegible] ничтожества. Сострадать малымъ и немощнымъ—гуманность выс- [illegible] порядка, превосходящая естественныя побужденія человѣческой природы, гуманность просвѣщенная или самоотверженной вѣрой, или идеально-культурнымъ разумомъ. До такой степени идеализировать *чут- кость* природы, значитъ возводить ее въ «божество благое», вседо- [illegible] всесовершенное, дѣлающее излишнимъ ея же собственныя стремленія облагораживать и углублять свою чуткость.

Увлеченіе автора, по нашему мнѣнію, несомнѣнно, но оно вполнѣ естественно. *Пантеизмъ*, только *одухотворяющій* міръ, склоненъ всюду и во всемъ видѣть красоту, стройность, высшее наслажденіе для со- знательно-художественнаго чувства. И въ самомъ разрушеніи начинается созиданіе, и въ смерти предчувствуется новая жизнь: все духъ, слѣ- довательно, все энергія и движеніе. Идея міра *осердеченнаго* также должна имѣть свою поэзію и свою логику увлеченія. Въ мірѣ все полно тончайшей психологической жизни, все напряженно-чутко, невидимыми безчисленными нитями связано съ человѣческимъ сердцемъ, трепещетъ разнообразнѣйшими настроеніями, будто громадная эолова арфа, не перестающая звучать въ созвучіе радостямъ и болямъ человѣческой природы.

Очевидно,—все близкое природѣ столь же гармонично, чутко и бла- городно. На первомъ планѣ—дѣти, и посмотрите какой чудный и глу- бокій міръ—дѣтская душа! И благороднѣйшій отблескъ этого міра па- даетъ на всѣхъ кто тѣснѣе всего связанъ съ нимъ. Посмотрите,—что можетъ быть прекраснѣе и возвышеннѣе образа *матери!* Какой изо- щренный инстинктъ любви и всезнанія, лишь только вопросъ касается ея ребенка! Этотъ инстинктъ оставляетъ за собой—рѣшительно все: науку, хитроумную опытность, обдуманнѣйшую педагогію.

Мать по крику новорожденнаго *чувствуетъ*, что онъ родился не- счастнымъ, инвалидомъ. Мать умѣетъ разгадать жгучую жажду слѣ- пого сына—трагическую жажду свѣта. Только мать и природа одина- ково неудержимо и обѣ стихійно стремятся—восполнить странное ли-

шеніе, поразившее ребенка до рожденія. Природа *протестуетъ* противъ нарушенной гармоніи жизни, мать—невыразимо *страдаетъ* изъ-за того же нарушенія,—и никто, кажется, проще и трогательнѣе нашего автора не умѣлъ создавать поэзію материнской любви. Эта поэзія у г-на Короленко стоитъ рядомъ съ неменѣе поразительнымъ искусствомъ двумя-тремя чертами внушить читателю настроеніе, соотвѣтствующее тому или другому явленію природы.

Въ *Слѣпомъ музыкантѣ* мать на сценѣ въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ; здѣсь полный просторъ авторской живописи. Но въ разсказѣ *Парадоксъ* мать является всего на нѣсколько мгновеній,—но она изъ всей картины дѣлаетъ тотъ самый сюжетъ, какой въ живописи создаетъ геніально брошенный лучъ свѣта. Всего нѣсколько строкъ—и схвачена именно та черта всей фигуры, которая потомъ въ теченіе всего разсказа заставляетъ насъ искать именно эту фигуру, ждать, что сдѣлаетъ и скажетъ эта совсѣмъ обыкновенная женщина, но надъ всѣми недосягаемо великая и царственная въ своей простотѣ какъ мать.

Во дворъ въѣхалъ «феноменъ», уродъ, пользующійся ногами вмѣсто рукъ. Обитатели дома—высыпали наружу взглянуть на зрѣлище,—вышла и *она*. «Она стояла въ бѣломъ передникѣ, съ навернутыми рукавами, очевидно, только что оторванная отъ вѣчныхъ заботъ по хозяйству. Насъ у нея было шестеро, и на ея лицѣ ясно виднѣлось сомнѣніе: стоило ли выходить сюда въ самый разгаръ хлопотливаго дня. Однако, скептическая улыбка видимо сплывала съ ея красиваго лица, и въ синихъ глазахъ уже мелькало какое то испуганное сожалѣніе, обращенное къ предмету, стоявшему среди толпы, у крыльца»...

И дальше—весь свѣтъ сосредоточенъ на этомъ лицѣ. Самъ озлобленный феноменъ—явно нигиллистическаго воззрѣнія на міръ и людей только къ матери считаетъ нужнымъ относиться предупредительно, щадитъ только ея впечатлительность, признаетъ только за ней право—осудить или оправдать—его кощунственную выходку.

Такъ обольстительна и неотразима спокойная нравственная красота этой женщины. И только потому, что она—красота матери, красота—воспитательницы и стража шестерыхъ дѣтей.

Никакая идея, никакая культура не играетъ здѣсь ни малѣйшей роли,—одна природа царствуетъ и повелѣваетъ. Та самая природа, которая среди неодушевленнаго міра умѣетъ *говорить* съ разнообразнѣйшими оттѣнками,—именно говорить. Иначе нельзя назвать шумъ лѣса, когда совсѣмъ иначе шумитъ дубъ и сосна, иначе играетъ—звенитъ лѣсъ сильнѣйшій и величавый и стонетъ-гудитъ лѣсъ, ожидающій бури и борьбы. И человѣку, близко знающему лѣсъ, понятна эта многоголосая музыка,—понятна и невыразимо дорога и поэтична..

Такова природа сама по себѣ и въ людяхъ... Какъ же ей не таить въ себѣ великихъ чудесъ! Она мыслитъ и чувствуетъ, она могучая и безсмертная—какъ же ей своими внушеніями не стоять выше ограни-

ченнаго человѣческаго опыта и не давать поучительнѣйшихъ уроковъ робкому людскому уму! Пантеистъ не повѣритъ, будто человѣкъ можетъ создать нѣчто болѣе прекрасное и гармоничное, чѣмъ творчество природы; нашъ авторъ, истинный поэтъ міроваго сердца, готовъ сомнѣваться, есть ли въ искусствомъ и знаніемъ воздѣланной человѣческой личности болѣе чуткая и благородная сила, чѣмъ непосредственная воля природы-матери?..

Въ разсказѣ *На пути* есть одна изъ самыхъ глубокихъ психологическихъ сценъ; съ ней мы еще встрѣтимся. Смыслъ сцены—стихійное накопленіе злобы въ массѣ бродягъ при видѣ сытаго, довольнаго, юмористически-настроеннаго *хорошаго* человѣка. Именно эта самодовольная добродѣтель и счастливая доброта поднимаютъ всю тьму годами накопленной желчи, всѣ обиды часто невольнаго но всей жизнью искупаемаго одиночества и сиротства,—и преступная толпа едва сдерживаетъ себя. Ей чудится нестерпимое оскорбленіе именно въ добродушнѣйшихъ шуткахъ и снисходительныхъ рѣчахъ пригрѣтаго судьбой семьянина, и страшная драма зависти и мести съ каждымъ мгновеніемъ назрѣваетъ все больше.

И кто же чувствуетъ ея приближеніе?

Виновникъ ея менѣе всего,—такой опытный и разсудительный,—его сынъ, ребенокъ. Онъ съ одного взгляда чуетъ что-то грозное и жестокое въ лицѣ бродяги. На его душу дыханіе приближающейся катастрофы вѣетъ испугомъ и отчаяніемъ. И здѣсь все правда—до послѣдней черты: мальчикъ, прячущійся въ колѣняхъ отца отъ одного только выраженія на лицѣ острожника—моментъ, озаряющій всю картину...

И такихъ примѣровъ въ самой жизни безъ конца. Отчего же послѣ этого не открыть въ дѣтской душѣ отголосковъ, доступныхъ только самымъ развитымъ гуманизированнымъ натурамъ?

И авторъ открываетъ ихъ, невольно превращая природу въ какую-то самодовлѣющую, слѣдовательно косную силу, хотя и высоко-поэтическую и благородную.

Этотъ фактъ гораздо важнѣе и богаче послѣдствіями, чѣмъ простое увлеченіе мотивами чувствительности и естественности. У г-на Короленко здѣсь источникъ основного противорѣчія въ идейномъ содержаніи его произведеній, первопричина въ высшей степени оригинальной *разорванности* общихъ мыслей и личныхъ сочувствій, и разорванность эта звучитъ часто болѣзненнымъ диссонансомъ среди безукоризненно-художественныхъ образовъ и идеально-чистыхъ настроеній.

Такіе образы и настроенія, наравнѣ съ дѣтьми, принадлежатъ другому столь же излюбленному герою нашего автора *народу*.

Ив. Ивановъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

РАВНОДУШНЫЕ.

РОМАНЪ.

(*Продолженіе* *).

Глава семнадцатая.

I.

Никодимцевъ не довончилъ еще своего кофе и, нѣсколько растерянный отъ счастья, не просмотрѣлъ газетъ, какъ въ столовую торопливо вошелъ, сѣменя короткими ногами, Егоръ Ивановичъ и, улыбающійся, доложилъ тѣмъ веселымъ и значительнымъ тономъ, какимъ докладываютъ о желанномъ и пріятномъ гостѣ:

— Василій Николаевичъ Ордынцевъ!

— Сюда просите!

Но худощавая фигура Ордынцева въ черномъ поношенномъ сюртукѣ уже показалась въ дверяхъ.

— Какой счастливый вѣтеръ занесъ тебя?—обрадованно воскликнулъ Никодимцевъ, бросаясь на встрѣчу гостю и горячо пожимая ему руку.. Совсѣмъ ты меня забылъ, Василій Николаевичъ!—продолжалъ Никодимцевъ, ласково, почти нѣжно взглядывая на худое, болѣзненное и старообразное лицо своего пріятеля. Садись!—Егоръ Ивановичъ! Кофе Василію Николаевичу!

— Сію минуту... несу!—отвѣчалъ слуга.

Ордынцевъ присѣлъ и отвѣтилъ:

— Некогда было все это время.

— Много работы?

— И работы много и... и семейныя дѣла. Да, признаться, и помѣшать тебѣ боялся. На четверть часа заходить не хотѣлось, а отнимать у тебя время было совѣстно. Вѣдь ты дни и ночи работаешь.

— Ну, братъ, теперь я меньше работаю!—проговорилъ, краснѣя Никодимцевъ и тутъ же рѣшилъ разсказать Василію Нико-

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь.

лаевичу, почему онъ сталъ меньше работать и почему онъ сегодня безконечно счастливъ.

Они были знакомы еще по университету и близко сошлись лѣтъ десять тому назадъ, когда оба служили въ одномъ изъ южныхъ городовъ Россіи. Никодимцевъ былъ тогда судебнымъ слѣдователемъ. Ордынцевъ—помощникомъ бухгалтера въ частномъ банкѣ.

Они часто видѣлись. Ордынцевъ нерѣдко убѣгалъ спасаться отъ семейныхъ сценъ къ одинокому домосѣду, державшемуся въ сторонѣ отъ мѣстнаго общества, и любилъ поговорить съ Никодимцевымъ по душѣ. Они расходились во многомъ и часто спорили, но это нисколько не мѣшало имъ любить и уважать другъ друга.

Благодаря неладамъ своимъ съ прокуроромъ, Никодимцевъ долженъ былъ оставить судебное вѣдомство. Его нашли слишкомъ независимымъ слѣдователемъ и предложили подать въ отставку. Онъ отказался и просилъ предать его суду, если его считаютъ виноватымъ, но вмѣсто того, его уволили безъ прошенія, и онъ отправился въ Петербургъ искать мѣста.

Когда Ордынцевъ переѣхалъ въ Петербургъ, Никодимцевъ уже былъ виднымъ чиновникомъ. Встрѣча пріятелей, послѣ долгой разлуки, была задушевная. Чиновникъ не убилъ въ Никодимцевѣ человѣка, и Ордынцевъ, испытавшій уже не мало разочарованій въ прежнихъ знакомыхъ, очень обрадовался, что пріятель его не перемѣнился и что блестящая карьера не вскружила ему головы.

Видѣлись они не особенно часто. Какъ и въ старыя времена, они при встрѣчахъ нерѣдко спорили и, какъ часто случается, ни до чего не договаривались. Ордынцевъ горячился, стараясь доказать что дѣятельность пріятеля пріятный самообманъ. Никодимцевъ сдержанно доказывалъ значеніе личности даже въ неблагопріятной и враждебной средѣ.

— Такъ ты меньше работаешь? — переспросилъ Ордынцевъ.

— Меньше.

— То-то ты словно помолодѣлъ и глядишь молодцомъ. Давно, братъ, пора тебѣ не изнывать надъ своими бумагами, отъ которыхъ никому не легче... Однако сперва о дѣлѣ. Вѣдь я зашелъ къ тебѣ, по дорогѣ въ свою каторгу, больше по дѣлу.

— Въ чемъ оно?

— Устрой одного молодого человѣка, если можешь.

И Ордынцевъ сталъ разсказывать, какъ молодой человѣкъ, окончившій университетъ и съ медалью, вотъ уже годъ, какъ ищетъ мѣсто и не можетъ найти, не имѣя протекціи. Вездѣ обѣщали только имѣть его въ виду, но отъ этого ему не легче. Ему необходимо мѣсто и немедленно. У него на рукахъ мать и сестра и кое-какой случайный заработокъ.

— У насъ въ правленіи пристроить его нельзя. Гобзинъ меня не терпитъ...

— Твой молодой человѣкъ провинціи не боится?

— Онъ поѣдетъ куда угодно.

— Такъ я его устрою на полторы или на двѣ тысячи. Пришли его ко мнѣ и пусть подаетъ докладную записку.

— Спасибо. Доброе дѣло сдѣлаешь.

— И одного новаго чиновника? — проговорилъ, усмѣхаясь, Никодимцевъ. А теперь идемъ въ кабинетъ, Василій Николаевичъ. Поговоримъ...

— А на службу?.. Ужъ скоро десять?—сказалъ Ордынцевъ, взглянувъ на часы. Да и тебѣ вѣрно надо передъ службой заняться...

— Опоздаешь полчаса, не бѣда. Въ кои вѣки зашелъ... А я сегодня въ департаментъ не поѣду.

Они перешли въ кабинетъ и усѣлись въ креслахъ. Никодимцевъ позвонилъ, и когда явился Егоръ Ивановичъ, — приказалъ никого не принимать.

— Ну разсказывай, какъ ты живешь, какъ тянешь свою лямку, Василій Николаевичъ?

— Лямку тяну по прежнему, а живу одинъ съ Шурой....

— А остальная семья?

— Здѣсь... На старой квартирѣ... Ты вѣдь знаешь, что моя семейная жизнь была не изъ особенно пріятныхъ... И имъ и мнѣ лучше, что мы живемъ отдѣльно и не стѣсняемъ другъ друга... Давно бы пора придти къ такому исходу, но... характера не хватало... За то теперь, Григорій Александровичъ, я ожилъ, хотя и пришлось вечернія занятія взять. Жалованье все я отдаю семьѣ... Такъ надо было придумать дополнительный заработокъ!..

— Сколько же ты нарабатываешь вечерними занятіями?

— Рублей сто, сто двадцать пять. Намъ вдвоемъ хватаетъ. А къ новому году наградныя намъ выйдутъ... Значитъ еще пятьсотъ рублей... Да и старикъ Гобзинъ обѣщалъ прибавку... Мы, съ Шурой и будемъ богаты... Какъ видишь, теперь я жаловаться на жизнь не могу... Насколько возможно, я счастливъ... Я не одинъ... Я спокоенъ у себя дома. Я не вижу своей жены.

— А я хочу, Василій Николаевичъ, на старости лѣтъ попытать счастья!—вдругъ проговорилъ Никодимцевъ.

— Какого?

— Жениться.

Ордынцевъ изумленно и испуганно взглянулъ на Никодимцева. Тотъ густо покраснѣлъ.

— Ты находишь, что поздно?—спросилъ онъ.

— Какое поздно?.. Ты еще молодецъ молодцомъ и жилъ всегда монахомъ... Не поздно, а...

— Что же? Договаривай.

— Страшно.

— Почему именно страшно?

— У тебя вѣдь требованія отъ брака серьезныя... Тебѣ нужна не только жена, болѣе или менѣе пріятная, тебѣ нуженъ другъ, товарищъ, который понималъ бы тебя, раздѣлялъ бы твои стремленія, сочувствовалъ бы твоимъ идеаламъ... Не такъ ли?

— Ну конечно... Иначе это не бракъ а свинство.

— Я это свинство вполнѣ прошелъ, и видишь ли результатъ?.. О, еслибъ ты зналъ, какой это ужасъ когда вмѣсто сочувствія ты встрѣтишь глухое противодѣйствіе, когда вмѣсто любимой женщины ты увидишь тупую и лживую тварь... А вѣдь передъ свадьбой всѣ онѣ болѣе или менѣе ангелы... Всѣ онѣ приспособляются... А ты къ тому же женихъ блестящій... Одно твое положеніе чего стоитъ... И въ будущемъ... пожалуй министръ?..

— Ничего въ будущемъ, Василій Николаевичъ, ну ничего! Министромъ я не буду да и не желалъ бы имъ быть! Ты правъ: я извѣрился въ плодотворность своей миссіи... Но за то я позналъ счастье жизни... И та женщина, которой я сегодня сдѣлаю предложеніе, не похожа на нарисованный тобою портретъ. Она именно не лжива и была слишкомъ несчастна потому, что не встрѣчала порядочныхъ людей около себя. И ты знаешь эту женщину, которая совершила переворотъ въ моей жизни...

— Кто она?

— Пока это между нами... Слышишь?

— Ну, разумѣется.

— Инна Николаевна Травинская...

Ордынцевъ чуть не ахнулъ.

Эта красивая и умная веселая барынька, пользовавшаяся скверной репутаціей, эта посѣтительница ресторановъ, окруженная весьма пестрыми молодыми людьми, и вдругъ избранница такого чистаго и цѣломудреннаго человѣка, какъ Никодимцевъ!

Ордынцевъ молчалъ, не рѣшаясь сказать, что онъ думаетъ о Травинской—съ такимъ восторженнымъ благоговѣніемъ произнесъ Никодимцевъ это имя—и только пожалѣлъ своего ослѣпленнаго пріятеля, влюбившагося въ одну изъ представительницъ ненавистной ему семьи Козельскихъ.

Противенъ ему былъ и Козельскій, этотъ равнодушный ко всему кромѣ наслажденій эпикуреецъ и дѣлецъ, прикрывающій громкими фразами свои вожделѣнія; отвратительна была Татьяна Николаевна, изъ за которой лежалъ въ больницѣ братъ Леонтьевой, его лучшаго друга, и болѣе чѣмъ несимпатична была Инна Николаевна, жившая съ

такимъ мужемъ, какъ Травинскій. Одна только Антонина Петровна возбуждала въ Ордынцевѣ нѣкоторое сочувствіе.

— Инна Николаевна, значитъ, разводится съ мужемъ?

— Да. Она ужъ уѣхала отъ этого негодяя и живетъ у родителей... Что жъ ты молчишь, Василій Николаевичъ. Ты конечно не одобряешь моего выбора?..

— Не одобряю. И еслибъ зналъ, что ты послушаешь меня, сказалъ бы: не женись на Иннѣ Николаевнѣ... Ты ее не знаешь...

Никодимцевъ восторженно произнесъ:

— Я знаю ее... И знаю ея прошлое... И потому что знаю его я, еще болѣе цѣню и уважаю женщину понявшую весь ужасъ прошлой жизни... Ты развѣ не вѣришь въ возрожденіе, Василій Николаевичъ... Ты развѣ не понимаешь до чего можетъ довести самого порядочнаго человѣка среда и пустота жизни?..

Ордынцевъ слушалъ эти восторженныя рѣчи и понялъ, что возражать было безполезно. Его Никодимцевъ влюбленъ въ Инну Николаевну до ослѣпленія.

„Ловко же она обошла бѣднаго Григорія Александровича"!— подумалъ Ордынцевъ, не сомнѣвавшійся, что Никодимцева обошли и что бракъ этотъ сдѣлаетъ несчастнымъ его пріятеля. Не вѣрилъ онъ въ возрожденіе такой женщины, какъ Травинская. Правда, онъ ее мало зналъ, но не даромъ же о ней составилась дурная репутація. Нѣтъ дыма безъ огня. И, наконецъ, этотъ шутъ гороховый, ея мужъ самъ же разсказывалъ при немъ, что онъ не ревнивъ и любитъ, когда за его женой ухаживаютъ.

— Отъ души желаю тебѣ счастья, Григорій Александровичъ!— проговорилъ наконецъ Ордынцевъ.

— Пожелай мнѣ, Василій Николаевичъ, успѣха и въ другомъ дѣлѣ...

— Въ какомъ?

— Черезъ недѣлю я ѣду на голодъ.

И Никодимцевъ разсказалъ, какъ устроилась эта командировка, и вслѣдствіе какихъ комбинацій и, быть можетъ, интригъ между власть имущими, выборъ палъ на него.

— Я конечно постараюсь узнать на мѣстѣ размѣры голода... Я не скрою ничего... И пусть не пѣняютъ на меня, если правда не понравится...

— Дай Богъ тебѣ успѣха!—горячо и взволнованно проговорилъ Ордынцевъ... О, еслибъ я былъ свободенъ!..

— Тогда что?

— Тогда я просилъ бы тебя взять меня съ собой...

Никодимцевъ зналъ, какой хорошій работникъ Василій Николаевичъ, и мысль о томъ, что лучшаго помощника ему не найти внезапно осѣнила его голову. Разумѣется, онъ могъ бы устроить,

чтобы правленіе увозило Ордынцева мѣсяца на три, сохранивъ за нимъ мѣсто. Но взглянувъ на больное лицо пріятеля, вспомнивъ, что у него на рукахъ Шура,—Никодимцевъ проговорилъ:

— Тебя не отпустятъ... И вспомни, что съ тобой Шура... А лучше порекомендуй мнѣ кого-нибудь изъ молодежи... Я буду тебѣ очень благодаренъ... Мнѣ нужны толковые, порядочные люди, и я выговорилъ себѣ, разумѣется, право взять съ собою, кого я хочу... И я наберу персоналъ не изъ чиновниковъ! — прибавилъ Никодимцевъ.

Ордынцевъ обѣщалъ это сдѣлать. Одного онъ ужъ знаетъ. Онъ встрѣчалъ его у своей знакомой Леонтьевой...

— Это прелестный молодой человѣкъ... Ужъ онъ былъ на голодѣ и опять туда собирается...

— Не Скурагинъ ли?

— Онъ самый. А ты какъ его знаешь?

— Вчера видѣлъ у Козельскихъ...

— У Козельскихъ? Зачѣмъ онъ къ нимъ попалъ?

— Не знаю. Знаю только, что Скурагинъ мнѣ очень понравился, и я просилъ его ѣхать со мной... Онъ обѣщалъ подумать... Объясни ему, что я не такой чиновникъ, какъ онъ вѣроятно думаетъ, и пусть не боиться ѣхать со мной.

— Я его увижу вѣроятно сегодня... И сегодня же спрошу о другихъ желающихъ. Конечно найдутся...

„Только разумѣется не изъ такихъ, какъ мой сынокъ!“— невольно подумалъ Ордынцевъ и вспомнилъ, что завтра, въ воскресенье, онъ непремѣнно явится на четверть часа съ обычнымъ визитомъ въ качествѣ внимательнаго сына.

— Присылай ихъ ко мнѣ... До двѣнадцати я дома... И самъ ко мнѣ зайди до моего отъѣзда... Зайдешь?..

— Теперь тебя вѣрно не застанешь...

— Приходи обѣдать, такъ застанешь!—сказалъ, красвѣя, Никодимцевъ... Приходи завтра и вмѣстѣ съ дочкой...

— Она обѣдаетъ у матери по воскресеньямъ. Я приду одинъ и сообщу о моихъ поискахъ... А пока до свиданія... И то опоздалъ на три четверти часа. Молодое животное, мой Гобзинъ не откажетъ себѣ въ удовольствіи намекнуть объ этомъ...

Ордынцевъ съ особенною горячностью пожалъ руку Никодимцева и еще разъ пожелалъ ему успѣха,—промолвивъ на прощанье:

— Это вѣдь не бумажное, а настоящее дѣло... И ты сослужишь большую службу, если откроешь кому слѣдуетъ глаза на то, что ужасъ голода заключается въ причинахъ его...

— Ты думаешь, я не представлялъ и объ этомъ записи?

— И что же?

— Лежатъ въ архивѣ.

— Но теперь... Не скроютъ же твоихъ донесеній?

Никодимцевъ вмѣсто отвѣта неопредѣленно пожалъ плечами и проговорилъ:

— Есть много тайнъ, Гораціо, которые не снились нашимъ мудрецамъ!.. Я многое передумалъ въ послѣднее время, Василій Николаевичъ, и убѣдился...

— Въ чемъ?

— Въ томъ, что я во многомъ обманывалъ себя и, еслибъ не встрѣча съ Инной Николаевной... Нѣтъ, братъ, ты судишь о женщинахъ пристрастно...

— По своему печальному опыту?—съ грустной улыбкой—промолвилъ Ордынцевъ.

— Да...

— Дай Богъ тебѣ не ошибиться, Григорій Александровичъ!.. Дай Богъ!.. А разводъ скоро устроится? Травинскій согласенъ?

— Согласенъ... За пятнадцать тысячъ согласенъ.

— Экая современная скотина!—брезгливо промолвилъ Ордынцевъ.

— Да, мерзавецъ!—со злобнымъ чувствомъ подтвердилъ Никодимцевъ, охваченный внезапно ревнивымъ чувствомъ къ человѣку, который смѣлъ быть мужемъ его избранницы.

Пріятели разстались, и Никодимцевъ сѣлъ за работу.

Ему не работалось. То онъ думалъ объ Иннѣ Николаевнѣ и словахъ Ордынцева. То онъ думалъ о своей поѣздкѣ и о томъ, какъ онъ будетъ дѣлиться впечатлѣніями со своей невѣстой.

Послѣ вчерашняго свиданія и особенно послѣ этой записки, которую онъ выучилъ наизусть, онъ не сомнѣвался, что онъ пользуется привязанностью, что его любятъ и что Инна — какъ мысленно онъ назвалъ любимую женщину—согласится быть его женой.

Не сомнѣвался и въ то же время вдругъ въ голову его подкрадывалась мысль, что онъ напрасно надѣется... Она, пожалуй, расположена къ нему, дорожитъ его дружбой, но... „съ чего вы вообразили, что я васъ люблю?“...

И ему дѣлалось жутко. И восторженная радость смѣнялась тоской. И онъ взглядывалъ на часы...

О, Боже мой, какъ безконечно тянется время передъ той минутой, когда рѣшится его судьба!

II.

Хотя Ордынцевъ и называлъ свое правленіе каторгой, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ жилъ отдѣльно отъ семьи, эта „каторга“ казалась для него несравненно легче. И съ какимъ радостнымъ

чувствомъ онъ возвращался теперь въ „свой домъ", въ эту маленькую квартиру во дворѣ,—въ Торговой улицѣ, черезъ два дома отъ гимназіи, въ которой училась Шура,—состоящую изъ трехъ комнатъ—гостиной и вмѣстѣ столовой, кабинета и комнаты Шуры, большой, свѣтлой и убранной съ нѣкоторой даже роскошью.

Теперь онъ не видалъ ненавистнаго красиваго лица жены, не ждалъ, нервный и озлобленный, сценъ и язвительныхъ улыбокъ, не волновался, слушая разсужденія Николая и видя пустоту и развращенность Ольги...

Ровно въ половинѣ шестого онъ входилъ домой, и Шура встрѣчала отца ласковымъ поцѣлуемъ и звала обѣдать, заботливо исполняя роль маленькой хозяйки и нерѣдко совѣщаясь, по приходѣ изъ гимназіи, на счетъ того, понравился ли обѣдъ отцу,—съ Аксиньей, пожилой, хлопотливой женщиной, жившей у Ордынцева одной прислугой и какъ-то скоро сдѣлавшейся своею въ домѣ, расположенною и къ барину, и особенно къ его маленькой, смуглой дочкѣ, которую Аксинья жалѣла, какъ невольную сироту изъ-за семейной свары.

И водка и селедка всегда были на столѣ. И супъ и жаркое казались теперь Ордынцеву совсѣмъ не такими, какими казались въ прежнемъ домѣ, а какими-то особенно вкусными, хорошо приготовленными. И онъ нѣжнымъ взглядомъ перехватывалъ озабоченный хозяйскій взглядъ черныхъ глазенокъ Шуры, слушалъ ея болтовню о томъ, что было въ гимназіи, и самъ разсказывалъ ей о томъ, что было въ правленіи. Обыкновенно послѣ обѣда Ордынцевъ угощалъ Шуру какимъ-нибудь лакомствомъ и шелъ въ кабинетъ отдохнуть съ полчаса и затѣмъ принимался за вечернія занятія. Онъ просиживалъ за ними до часа ночи, прерывая ихъ на полчаса, чтобы напиться чая вмѣстѣ съ Шурой и затѣмъ проститься съ ней въ десять часовъ, когда, сонная, она ложилась спать.

Не смотря на усиленную работу, Ордынцевъ чувствовалъ себя здоровѣе и бодрѣе, чѣмъ прежде, и тянулъ свою лямку, не жалуясь на тяготу жизни. Шура красила эту жизнь. Заботы о своей дѣвочкѣ, о томъ, чтобы изъ нея не вышло чего-нибудь похожаго на сестру являлись серьезной цѣлью для отца, и онъ нерѣдко думалъ объ образованной, трудолюбивой здоровой и крѣпкой дѣвушкѣ въ лицѣ своей Шуры. И ради этого онъ готовъ былъ работать еще болѣе, чтобъ добыть средства и на занятія гимнастикой и на основательное знакомство съ иностранными языками. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ дѣйствительно становился близокъ дочери, наблюдая и изучая ее и урывая время, чтобы читать вмѣстѣ съ нею и бесѣдовать по поводу прочитаннаго.

Отдавая почти все свободное время Шурѣ, Ордынцевъ нерѣдко чувствовалъ себя виновнымъ относительно старшихъ дѣтей, пре-

доставленныхъ въ дѣтствѣ и отрочествѣ исключительно вліянію матери и школы. Результаты на лицо. Школа помогла матери и дала тѣхъ стариковъ и эгоистовъ, „къ добру и злу постыдно равнодушныхъ“ и готовыхъ на всякіе компромиссы, которые въ практикѣ жизни находили словно бы подтвержденіе ненужности какихъ бы то ни было идеаловъ, какихъ бы то ни было убѣжденій, сколько-нибудь альтруистическихъ. Напротивъ! Чѣмъ безстыднѣе и наглѣе проявлялся культъ эгоизма и поклоненія своему „я“, чѣмъ циничнѣе проповѣдовалось „трезвое“ отношеніе къ дѣйствительности, тѣмъ скорѣе и успѣшнѣе достигались тѣ цѣли жизни, которыя исчерпывались карьеризмомъ и полученіемъ возможно большихъ средствъ для пользованія возможно большими благами жизни. И какими бы позорными подчасъ средствами не получались эти блага жизни,—большинство людей не только не оскорблялось этимъ, а, напротивъ, поклонялось успѣху и завидовало ему. Газеты печатали хвалебные отзывы, иллюстраціи—портреты нерѣдко такихъ общественныхъ дѣятелей, на совѣсти которыхъ было не мало черныхъ дѣлъ и загубленныхъ на законномъ основаніи жизней. И такихъ называли лучшими людьми, истинно русскими, и чуть ли не гордостью отечества.

А немногіе возмущенные, могли только молчать и ждать, что вдругъ что-то случится, и общественные идеалы повысятся, и вмѣстѣ съ этимъ явятся и сильные характеры, и независимые люди, и истинные слуги родины.

Такія думы нерѣдко приходили въ голову Ордынцева по поводу его дѣтей, и онъ сознавалъ громадную вину отцовъ, неумѣвшихъ или не хотѣвшихъ хоть сколько-нибудь парализовать разлагающее вліяніе школы.

И съ тѣмъ большею страстностью онъ хотѣлъ теперь загладить свою вину въ заботахъ о воспитаніи Шуры.

Глава восемнадцатая.

I.

Когда Ордынцевъ явился въ правленіе, опаздавши ровно на часъ, помощникъ его, г. Пронскій, молодой человѣкъ, необыкновенно скромный, тихій и исполнительный, сообщилъ ему, что предсѣдатель правленія его спрашивалъ.

— И я, Василій Николаевичъ, принужденъ былъ доложить, что васъ нѣтъ!—словно бы извиняясь, прибавилъ Пронскій, взглядывая на Ордынцева съ выраженіемъ ласковой льстивости въ своихъ небольшихъ сѣрыхъ глазахъ.

Ордынцевъ цѣнилъ своего помощника, какъ аккуратнаго и

добросовѣстнаго работника, но не былъ расположенъ къ нему. Не нравилась Ордынцеву и его льстивая манера говорить, и его желаніе выказать ему особенное расположеніе и преданность, и его раскосые, круглые, сѣрые глаза, ясные и ласковые и въ то же время, не внушающіе довѣрія.

Пронскій былъ товарищемъ Гобзина по университету и года три тому назадъ былъ назначенъ прямо помощникомъ бухгалтера вмѣсто прежняго, оставившаго службу. Въ правленіи ходили слухи, что Пронскій былъ близокъ съ предсѣдателемъ правленія и будто бы передаетъ ему о томъ, что говорится о немъ между служащими въ товарищеской интимной бесѣдѣ. Пронскаго поэтому боялись, многіе заискивали въ немъ и остерегались въ его присутствіи отзываться непочтительно о Гобзинѣ и вообще о начальствѣ и о порядкахъ въ правленіи.

— Вамъ не говорилъ Гобзинъ, зачѣмъ я ему нуженъ?—холодно спросилъ Ордынцевъ.

— Нѣтъ, Василій Николаевичъ, не говорилъ.

— А бумагъ, положенныхъ къ подписи, не передавалъ?

— Передалъ. Я ихъ сдалъ журналисту.

— Напрасно вы ихъ сдали безъ меня. Впередъ этого не дѣлайте—строго сказалъ Ордынцевъ.

— Извините, Василій Николаевичъ, я думалъ скорѣй отправить бумаги.

— Потрудитесь взять ихъ отъ журналиста и принести ко мнѣ.

— Слушаю-съ...

И Пронскій торопливо вышелъ съ огорченнымъ видомъ виноватаго человѣка.

Ордынцевъ поздоровался со всѣми сослуживцами, сидѣвшими въ двухъ комнатахъ, подходя къ каждому и пожимая руку, и прошелъ въ свой маленькій кабинетъ. Онъ вынулъ изъ портфеля бумаги, разложилъ ихъ на письменномъ столѣ, взглянулъ, поморщившись, на кипу новыхъ бумагъ и принялся за работу, не думая торопиться къ Гобзину.

„Если есть дѣло—его позовутъ!“—подумалъ Ордынцевъ, закуривая папироску и углубляясь въ чтеніе бумаги, испещренной цифрами.

— Вотъ-съ, Василій Николаевичъ, пакеты. Ради Бога извините... Мнѣ очень непріятно, что я навлекъ на себя ваше неудовольствіе...

Ордынцевъ ничего не отвѣтилъ и только махнулъ головой. И началъ распечатывать пакеты не потому, что считалъ это необходимымъ, а единственно для того, чтобы показать Пронскому его безтактное вмѣшательство не въ свои дѣла.

„Интригуетъ. Вѣрно на мое мѣсто хочетъ!“—про себя про-

говорилъ Ордынцевъ и струсилъ при мысли о возможности потери мѣста именно теперь, когда жизнь его сложилась такъ хорошо и когда ему нужно зарабатывать больше денегъ.

Электрическій звонокъ прервалъ эти размышленія.

Ордынцевъ застегнулъ на всѣ пуговицы свой черный потертый сюртукъ и пошелъ на верхъ, въ комнату директора правленія.

— Здраствуйте, глубокоуважаемый Василій Николаевичъ!— проговорилъ нѣсколько приподнятымъ, любезно-торжественнымъ тономъ Гобзинъ, привставая съ кресла и какъ-то особенно любезно пожимая Ордынцеву руку.—Присядьте, пожалуйста, Василій Николаевичъ...

Ордынцевъ присѣлъ, нѣсколько изумленный такимъ любезнымъ пріемомъ этого „молодого животнаго".

Послѣ недавней стычки отношенія были между ними исключительно оффиціальныя и холодныя, и Ордынцевъ очень хорошо зналъ, что Гобзинъ не прощалъ своему подчиненному его отношенія къ нему, независимаго и исключительно дѣлового, не похожаго на льстивое и угодливое отношеніе другихъ служащихъ.

И вдругъ такая любезность!

„Ужъ не хотятъ ли они меня сплавить?"—подумалъ Ордынцевъ, взглядывая на это полное, бѣлое, съ румянымъ отливомъ лицо и стеклянные рачьи глаза, въ которыхъ, на этотъ разъ, не было обычнаго вызывающаго и самоувѣреннаго выраженія.

— Мнѣ очень пріятно сообщить вамъ, Василій Николаевичъ,— продолжалъ между тѣмъ Гобзинъ все въ томъ же приподнятомъ тонѣ и выговаривая слова съ медленной отчетливостью и какъ бы слушая себя самого, — что вчера, въ засѣданіи правленія, былъ рѣшенъ вопросъ о прибавкѣ съ перваго января вамъ жалованья. Нечего и говорить, что правленіе единогласно приняло мое предложеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ поручило мнѣ выразить вамъ глубочайшую признательность за ваши труды и сказать вамъ, какъ оно дорожитъ такимъ сотрудникомъ... Вамъ прибавлено, Василій Николаевичъ, тысяча пятьсотъ рублей въ годъ... Такимъ образомъ, окладъ вашъ увеличился до шести тысячъ пятисотъ, кромѣ ежегодной награды, и я надѣюсь, что въ будущемъ увеличится еще... Повѣрьте, Василій Николаевичъ, что, не смотря на недоразумѣнія, которыя бывали между нами, я умѣю цѣнить въ васъ даровитаго и способнаго помощника!

Послѣ этихъ словъ Гобзинъ протянулъ свою пухлую красную руку съ брилліантомъ на короткомъ мизинцѣ и, крѣпко пожимая руку Ордынцева, прибавилъ:

— И если въ недоразумѣніяхъ я бывалъ не правъ, то прошу извинить меня, Василій Николаевичъ!

Ордынцевъ поблагодарилъ за то, что „правленіе цѣнитъ его работу" и прибавилъ:

— А недоразумѣнія всегда возможны, Иванъ Прокофьевичъ. Надобно только желать, чтобы они не возникали на личной почвѣ... Тогда, повѣрьте, и служить легче и служащіе болѣе увѣрены, что ихъ оцѣниваютъ исключительно по работѣ, а не по тому— нравятся ли они или нѣтъ. И я очень цѣню, что относительно меня правленіе именно такъ и поступило... Еще разъ благодарю въ лицѣ вашемъ, Иванъ Прокофьевичъ, правленіе, и обращусь къ вамъ съ большой просьбой.

— Съ какой?—спросилъ Гобзинъ уже не съ тою предупредительною любезностью, съ какой только что говорилъ, недовольный недостаточной, по его мнѣнію, прочувствованностью въ выраженіи благодарности за сдѣланную ему прибавку и за комплименты и за эти намеки на „личную почву".

— По моему мнѣнію, было бы несправедливымъ, Иванъ Прокофьевичъ, прибавить жалованье только мнѣ одному и позабыть моихъ помощниковъ...

— Но тогда выйдетъ очень велика сумма... Это невозможно.

— Въ такомъ случаѣ, какъ ни важна мнѣ прибавка, назначенная правленіемъ, я, къ сожалѣнію, долженъ отъ нея отказаться, Иванъ Прокофьевичъ.

Гобзинъ никакъ этого не ожидалъ и изумленно смотрѣлъ на этого страннаго человѣка, отказывающагося отъ 1.500 р. изъ-за какой-то нелѣпой щепетильности.

А въ то же время надо было какъ-нибудь да съ нимъ поладить, такъ какъ отецъ еще на-дняхъ сказалъ сыну, чтобы онъ не выпускалъ Ордынцева изъ правленія и особенно дорожилъ имъ, при чемъ пригрозилъ убрать его самого, если онъ доведетъ Василія Николаевича до ухода.

— Такихъ дураковъ, какъ ты много, а такихъ работниковъ, какъ Ордынцевъ мало!—рѣшительно прибавилъ старикъ и скоро послѣ этого внесъ въ правленіе предложеніе о прибавкѣ Ордынцеву.

И молодой Гобзинъ, по приказу отца, долженъ былъ объявить о благодарности правленія Ордынцеву и „вообще обойтись съ нимъ душевно".

— Кому же вы хотите прибавить жалованье? И какъ велика будетъ сумма? Прикиньте-ка сейчасъ!—промолвилъ Гобзинъ, придвигая Ордынцеву листки бумаги и карандашъ.

Ордынцевъ намѣтилъ прибавки рѣшительно всѣмъ служащимъ въ его отдѣлѣ. Получилась сумма въ двѣнадцать тысячъ.

Гобзинъ взглянулъ на списокъ.

— Цифра значительная!—нѣсколько разъ повторилъ онъ.

— И дивидентъ значительный!—замѣтилъ Ордынцевъ.

— Оставьте мнѣ вашъ списокъ... Я доложу сегодня правленію...

— Очень вамъ благодаренъ, Иванъ Прокофьевичъ.

Ордынцевъ поднялся.

— Больше я вамъ не нуженъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, Василій Николаевичъ. Послѣ засѣданія правленія я васъ попрошу, чтобъ сообщить вамъ его рѣшеніе.

Ордынцевъ ушелъ, сознавая, что поступилъ, какъ слѣдовало поступить порядочному человѣку. Онъ не сомнѣвался въ первую минуту, что требованіе его будетъ исполнено, если только старикъ Гобзинъ захочетъ поддержать его. Онъ зналъ, что въ сущности заправилою всего дѣла былъ этотъ милліонеръ изъ мужиковъ-каменьщиковъ, начавшій съ маленькихъ подрядовъ и сдѣлавшійся однимъ изъ видныхъ петербургскихъ дѣльцовъ. Остальные члены правленія были ставленниками Гобзина, имѣвшаго въ рукахъ большое количество акцій и располагавшаго большинствомъ голосовъ на общихъ собраніяхъ, и, разумѣется, не смѣли идти противъ его желаній, чтобъ не лишиться своихъ семи тысячъ директорскаго жалованья.

Ордынцевъ зналъ всѣхъ этихъ безличныхъ директоровъ: престарѣлаго архитектора, завѣдующаго хозяйственной частью и ловкаго мошенника, получавшаго съ подрядчиковъ значительные „коммиссіи“ и „скидки“, благодаря которымъ онъ имѣлъ тысячъ до двадцати въ годъ, прогорѣвшаго барина съ титулованной фамиліей, довольно ограниченнаго коммерсанта, съ братомъ котораго старикъ Гобзинъ велъ дѣла, и молодого инженера путей сообщенія—зятя Гобзина...

Только одинъ директоръ отъ правительства, бывшій литераторъ-публицистъ, былъ до нѣкоторой степени независимъ.

Но онъ конечно не подастъ голоса противъ прибавки жалованья младшимъ служащимъ, онъ, который въ своихъ прежнихъ статьяхъ, благодаря которымъ онъ и получилъ мѣсто,—ратовалъ, между прочимъ, и противъ несправедливаго распредѣленія вознагражденія въ желѣзнодорожныхъ правленіяхъ и управленіяхъ.

Весь вопросъ сводился къ тому: согласится ли старикъ Гобзинъ?

И Ордынцевъ не разъ отвлекался отъ работы, думая объ этомъ, очень интересующемъ его дѣлѣ. Эти полторы тысячи вмѣстѣ съ наградными дадутъ ему возможность отказаться отъ части вечернихъ занятій и посвящать болѣе времени Шурѣ. Можно будетъ тогда пригласить англичанку для занятій, учительницу гимнастики, нанять дачу и поѣхать съ Шурой во время мѣсячнаго отпуска въ Крымъ. Они бы поѣхали въ августѣ, и какъ бы это было хорошо. Давно ужъ Ордынцевъ мечталъ объ этой поѣздкѣ, объ отдыхѣ. Но прежде эти мечты такъ и оставались мечтами! Онъ проводилъ лѣто въ городѣ, уѣзжая только по субботамъ на дачу въ окрестностяхъ Петербурга и возвращаясь оттуда въ воскресенье, довольный, что на недѣлю свободенъ отъ сценъ.

Не могъ воспользоваться онъ и своимъ отпускомъ, не могъ уѣхать куда-нибудь подальше и отдохнуть. Для этого у него не было средствъ.

А какъ бы онъ поправился въ Крыму. Какъ было бы полезно и Шурѣ, и ему покупаться въ морѣ!.. Какъ хотѣлось ему этого моря, этихъ горъ и полнаго отдыха. Какъ хотѣлось ему забыть хоть на мѣсяцъ о правленіи, объ этой надоѣвшей ему работѣ и встрѣчахъ и объясненіяхъ съ Гобзинымъ-сыномъ.

И онъ припомнилъ, что во всю свою жизнь съ тѣхъ поръ, какъ женился, онъ ни разу дѣйствительно не отдыхалъ, ни разу никуда не ѣздилъ... Онъ все отдавалъ семьѣ и постоянно слышалъ жалобы и упреки, что зарабатываетъ мало, что семьѣ не хватаетъ, что дача не хороша...

И ни жена, ни старшія дѣти никогда не подумали, что онъ усталъ отъ работы, что онъ боленъ, что ему нужно отдохнуть!.. На него смотрѣли, какъ на ломовую лошадь, которая должна тянуть возъ. И онъ тянулъ, тянулъ и теперь начинаетъ чувствовать себя разбитой клячей.

О, еслибы получить эти полторы тысячи! Тогда онъ отдохнетъ и поправится.

„Но старикъ Гобзинъ упрямъ. Пожалуй, не согласится“!— подумалъ Ордынцевъ и такъ какъ очень желалъ, чтобы Гобзинъ согласился, то именно потому недавняя его увѣренность исчезла и онъ мало надѣялся.

Потерявши эту надежду, почти увѣренный, что старикъ обидится его ультиматумомъ, Ордынцевъ внезапно раздражился и озлобился, принимаясь за работу.

А работы предстояло много.

Цѣлая стопка бумагъ, испещренныхъ цифрами, лежала передъ нимъ. Всѣ эти бумаги надо просмотрѣть и провѣрить.

И Ордынцевъ защелкалъ счетами и пересталъ думать о томъ, что казалось теперь ему несбыточнымъ.

Въ самый разгаръ работы кто-то постучалъ въ двери.

— Войдите!—крикнулъ Ордынцевъ раздраженнымъ голосомъ.

Въ дверяхъ появился высокій, плотный старикъ въ черной парѣ, съ широкимъ, красноватымъ, моложавымъ лицомъ, грубые черты котораго сразу обличали бывшаго мужика. Сѣдые волосы были съ проборомъ посерединѣ и обстрижены въ скобку. Окладистая сѣдая борода придавала его лицу степенный, благообразный видъ. Маленькіе сѣрые глаза, острые и круглые, какъ у коршуна, блестѣли умомъ, энергіей и лукавствомъ изъ подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей.

Это былъ „самъ“ Гобзинъ.

— Добраго здоровья, Василій Николаевичъ... Помѣшалъ, ко-

нечно?.. Ну не обезсудьте... Я на минуту!—проговорилъ онъ тихимъ, пріятнымъ голосомъ.

Съ этими словами онъ приблизился къ Ордынцеву, сунулъ ему свою громадную жилистую руку и присѣлъ на стулъ у письменнаго стола напротивъ Ордынцева.

— По обыкновенію трудитесь, Василій Николаевичъ!—началъ Гобзинъ, чтобъ что-нибудь сказать передъ тѣмъ, чтобы перейти къ дѣлу, по которому пришелъ.

— А вы думали, Прокофій Лукичъ, лодырничаю?—съ раздраженіемъ отвѣтилъ Ордынцевъ, отодвигая счеты.

— Этого я о васъ никогда не полагалъ, Василій Николаевичъ. Слава Богу давно знакомы... Вамъ бы и не грѣхъ поменьше заниматься...

— Поменьше?.. А куда мнѣ вотъ это сбыть?—указалъ Ордынцевъ на стопку бумагъ...

— То-то вы во все сами любите входить... Не полагаетесь на другихъ.

— У другихъ тоже довольно работы. И другіе не сидятъ сложа руки...

Гобзинъ молчалъ и, опустивъ глаза, постукивалъ пальцами по столу. Ордынцевъ зналъ, что это постукиванье было обычной прелюдіей къ серьезному разговору и конечно догодался къ какому. Онъ взглянулъ на „умнаго мужика“, какъ называлъ онъ бывшаго предсѣдателя правленія, съ которымъ служилъ около четырехъ лѣтъ и не имѣлъ никогда никакихъ непріятностей, хотя нерѣдко и велъ съ нимъ дѣловые споры. Взглянулъ, и по тому, что широкій облысѣвшій лобъ Гобзина не былъ сморщенъ, скулы не двигались, и широкія плечи не ерзали, заключилъ, что Гобзинъ въ хорошемъ настроеніи.

И полученіе прибавки казалось ему теперь не невозможнымъ. Не даромъ же „умный мужикъ“ зашелъ сюда и говоритъ ласковыя слова. „Только надо держать съ нимъ ухо востро. Онъ—лукавая шельма“!—думалъ Ордынцевъ, имѣя нѣкоторое понятіе о Гобзинѣ-старикѣ и изъ личныхъ наблюденій, и изъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о томъ, какими мошенническими продѣлками полна біографія этого „нашего извѣстнаго“ практическаго дѣятеля, портретъ котораго еще недавно былъ помѣщенъ въ одной изъ газетъ, особенно покровительствующей „истинно русскимъ“ людямъ, по поводу крупнаго пожертвованія Гобзина на церковно-приходскія и на техническія школы.

Зналъ такъ же Ордынцевъ, какъ ловко онъ обошелъ одного неподкупнаго сановника, удостоившись чести взять отъ его супруги пятьдесятъ тысячъ для помѣщенія ихъ въ дѣлѣ. Пятнадцать тысячъ которые ежегодно вносилъ Гобзинъ своей вѣрительницѣ въ

видѣ прибыли на ея капиталъ, невольно убѣдили въ его коммерческихъ способностяхъ молодую женщину, что было, разумѣется, очень лестно для Гобзина, понимавшаго, какъ важенъ иногда бываетъ въ коммерческихъ дѣлахъ учетъ женскаго покровительства. Старикъ умѣлъ, какъ онъ „выражался", „учитывать" разныя знакомства и связи и не разъ, бывало, удивлялся Ордынцеву, что онъ не „учитываетъ" своихъ пріятельскихъ отношеній къ Никодимцеву. Давно бы назначили Василія Николаевича директоромъ правленія отъ правительства. Получалъ бы себѣ семь тысячъ и ѣздилъ бы разъ въ недѣлю на засѣданія. Чего лучше?

Пробивъ нѣсколько разъ по столу трели, Гобзинъ поднялъ глаза на Ордынцева и добродушно-шутливымъ тономъ—проговорилъ:

— Признаться, Василій Николаевичъ, вы даже и меня, дорогой, огорошили!

— Чѣмъ?—спросилъ Ордынцевъ, хотя и отлично зналъ чѣмъ.

И въ то же время подумалъ:

„Тебя, старая шельма, ничѣмъ не огорошишь"!

— Мнѣ сейчасъ сынъ обсказалъ, какую вы намъ загвоздку закатили... Простите, что я вамъ скажу, Василій Николаевичъ?

— Говорите.

— Такого, съ позволенія сказать, чудака, какъ вы, по нонѣшнимъ временамъ не найти.

И старикъ разсмѣялся, показывая свои крупные бѣлые зубы.

— Въ чемъ же вы находите чудачество?

— Да, помилуйте, Василій Николаевичъ, ужъ если прямо говорить, такъ это даже довольно неосновательно съ вашей стороны... Вамъ, не въ примѣръ прочимъ, какъ служащему, которымъ правленіе особенно дорожитъ, назначаютъ прибавку, а вы, съ позволенія сказать, выкидываете неслыханную штуку. Это не порядокъ, дорогой Василій Николаевичъ... И ради чего? Вѣдь я знаю, вамъ по теперешнему вашему положенію очень нужна прибавка.

— Нужна.

— Вы вотъ и вечернія занятія берете... Себя только изморите... И вмѣстѣ съ тѣмъ такой камуфлетъ! На двѣнадцать тысячъ насъ хотите ахнуть. За что? Ежели мы вамъ хотимъ дать прибавку обязаны мы что ли другимъ давать?

— Но вы и мнѣ не обязаны...

— Эхъ какой вы, Василій Николаевичъ!.. Положимъ, не обязаны, но вы намъ нужны. А нужнаго человѣка надо держать въ сытѣ. Надо, чтобы онъ былъ доволенъ... А то васъ то и гляди переманятъ... Вѣрно ужъ есть предложеніе, а?

Ордынцевъ разсмѣялся.

— Нѣтъ, Прокофій Лукичъ. Да я пока и не собираюсь уходить...

— Не собираетесь, а между тѣмъ, если будете недовольны, соберетесь... А вы намъ нужны... И часть свою знаете, и не подведете... И на съѣздахъ толково говорите... Мы за то и предлагаемъ вамъ шесть тысячъ съ половиной вмѣсто пяти... И больше дадимъ. Семь можемъ дать, если...

— Если что?..

— Если вы, Василій Николаевичъ, не станете бунтовать!— шутливо проговорилъ Гобзинъ... Получайте свою прибавку, а потомъ мы обсудимъ вашу просьбу о другихъ служащихъ... Идетъ, что ли?

— Нѣтъ, Прокофій Лукичъ, не идетъ... Я вамъ, вы говорите, нуженъ. И мнѣ нужны мои помощники, и я, какъ вы, люблю, чтобъ нужные люди были довольны...

— Это вы моей же палкой да меня по шеѣ? Ну съ вами не сговоришь... Будь по вашему, но только скиньте процентовъ двадцать съ этого списка!—сказалъ Гобзинъ, вынимая изъ кармана списокъ Ордынцева... Уважьте меня.

Ордынцевъ согласился и благодарилъ Гобзина.

Въ свою очередь и Гобзинъ сказалъ, что онъ только ради Василія Николаевича согласился на его просьбу... Онъ, молъ, понимаетъ, кто чего стоитъ...

И, вставая, прибавилъ, пожимая Ордынцеву руку:

— А въ будущемъ году вамъ будетъ данъ двухмѣсячный отпускъ, Василій Николаевичъ. Вамъ надо хорошенько отдохнуть и поправиться... Вы вѣдь раньше не пользовались отпусками. Да съ сыномъ... того... поснисходительнѣй будьте... Я ему ужъ наказывалъ, чтобъ онъ не форсилъ... Молодъ еще... Не понимаетъ людей... Не того ищетъ въ нихъ, что слѣдуетъ... Ну, очень радъ, что мы „обуродовали“ съ вами дѣло... А затѣмъ прощайте пока Василій Николаевичъ...

II.

Необыкновенно радостный возвратился въ этотъ день домой Ордынцевъ и, цѣлуя отворившую ему двери Шуру,—проговорилъ:

— Ну, Шурочка, теперь мы съ тобой лучше заживемъ... Черезъ двѣ недѣли будемъ получать прибавку къ жалованью... Тысячу пятьсотъ. Да награды получу столько же. Понимаешь у насъ три тысячи будетъ... Вечернія занятія по боку... А лѣтомъ мы на два мѣсяца поѣдемъ съ тобой въ Крымъ... Рада, дѣточка?

— Еще бы не рада... Главное рада, что ты эти вечернія занятія бросишь... Не будешь такъ уставать. Ну, идемъ обѣдать,

...почка... Супъ, поданъ... Идемъ, а то остынетъ, а ты любишь ...ячій... За обѣдомъ все разскажешь.

— Сію минуту, моя хозяюшка. Дай только руки вымою!

Тѣмъ временемъ маленькая хозяйка еще разъ оглянула столъ — все ли въ порядкѣ и шепнула кухаркѣ:

— Говядины не передержите, Анисья. Папа не любитъ.

— Не передержу, барышня... Не бойся, хлопотунья!

— И огурцы чтобы хорошіе были...

— Отличные. Нарочно въ Офицерскую бѣгала!

— Ну вотъ и я! — весело воскликнулъ Ордынцевъ.

И онъ сѣлъ за столъ, сбоку отъ Шуры, занявшей, по обыкновенію, хозяйское мѣсто.

Шура между тѣмъ налила отцу маленькую рюмку водки, и графинчикъ унесла въ буфетъ.

— За твое здоровье, Шура! За нашу лучшую жизнь!

Ордынцевъ выпилъ и сталъ закусывать.

— И что за важная селедка... Это ты приготовляла?

— Я, папочка!—радостно отвѣчала Шура, довольная похвалой отца.

— Прелесть... А вторую рюмку нельзя?

— А что докторъ сказалъ?

— Ну не буду, не буду, умница... Наливай мнѣ супу.

Онъ съ жадностью проголодавшагося человѣка принялся за супъ и временами съ безконечной нѣжностью взглядывалъ на эту маленькую смуглянку съ большими черными глазами, которая такъ берегла его и такъ ухаживала за нимъ... И при мысли, что теперь онъ можетъ дать лучшее образованіе своей дѣвочкѣ и доставлять ей больше удовольствій, онъ чувствовалъ себя счастливымъ.

Когда супъ былъ оконченъ, и Ордынцевъ утолилъ голодъ, онъ сталъ разсказывать Шурѣ, какъ онъ получилъ прибавку и какъ отстоялъ ее для служащихъ и спросилъ:

— Не правда ли и ты такъ бы поступила, моя милая?

— А то какъ же? Я понимаю тебя, папа. И Гобзинъ добрый...

— Ну положимъ, не особенно добрый, а умный... Онъ дорожитъ, мною, поэтому мы и поѣдемъ съ тобою въ Крымъ... И въ театръ на святки поѣдемъ... „Ревизора“ посмотримъ... И елку сдѣлаемъ—ты пригласи своихъ подругъ... На какой день назначимъ елку?

— На первый день... А сколько можно позвать подругъ, папочка?

— Зови кого хочешь.

— А не дорого это будетъ?

— Милая, деликатная ты моя дѣвочка!—проговорилъ умиленный отецъ. Мы дорогую елку не сдѣлаемъ... Не правда ли?

— Разумѣется, самую дешевую.

— У насъ на все денегъ хватитъ.

— Откуда же ты получишь?

— Сто десять рублей за вечернія занятія, да сто рублей прихвачу у насъ изъ кассы въ счетъ наградныхъ. Ихъ въ февралѣ выдадутъ. Полтораста рублей пойдутъ на прожитокъ, а пятьдесятъ рублей пойдутъ на праздники... Надо дать сторожамъ въ правленіи, нашей Аксиньѣ, дворникамъ... Надо сдѣлать подарокъ тебѣ...

— И сестрѣ и братьямъ?—спросила Шура.

И тотчасъ же вспыхнула и взглянула смущенно на отца, словно бы извиняясь.

— Конечно, и имъ!—отвѣтилъ отецъ и тоже смутился.

— А я мамѣ вышиваю одну работу...

— Отлично дѣлаешь!—похвалилъ Ордынцевъ.

Онъ докончилъ жаркое и отодвинулъ тарелку.

— Скушай еще, папочка.

Ордынцевъ отказался.

— Не понравилось?—съ безпокойствомъ спросила Шура.

— Очень понравилось, но я сытъ... Спасибо за обѣдъ... А вотъ тебѣ груша... Кушай, дѣтка, на здоровье... Осенью мы ихъ будемъ съ деревьевъ рвать...

Аксинья убрала со стола и подала самоваръ. Шура налила отцу чай, скушала грушу и разсказала отцу, что сегодня ее спрашивали изъ ариѳметики и изъ русскаго.

— И хорошо отвѣчала?

— Кажется, не дурно. По пятеркѣ поставили.

— Ай да молодецъ!—воскликнулъ Ордынцевъ съ такою радостью, точно онъ самъ получилъ по пятеркѣ...

Онъ выпилъ чай, поцѣловалъ Шуру и сказалъ:

— Надо уходить.

— А отдохнуть?

— Некогда. Надо зайти къ Вѣрѣ Александровнѣ, узнать адресъ Скурагина и поискать желающихъ ѣхать на голодъ... Никодимцевъ просилъ. Онъ ѣдетъ и ищетъ помощниковъ.

Шура нѣсколько минутъ молчала и наконецъ спросила:

— А ты, папа, далъ въ пользу голодающихъ?

— Далъ, родная. Пятьдесятъ рублей далъ въ прошломъ мѣсяцѣ. И съ января буду давать по десяти рублей въ мѣсяцъ.

— И мы въ гимназіи собираемъ. И я дала рубль, что ты мнѣ подарилъ.

— Ай да молодцы гимназисточки... Ну до свиданія, голубка. Постараюсь скоро вернуться. А ты что безъ меня будешь дѣлать?

— Ко мнѣ обѣщали двѣ подруги придти...

— И отлично. Не будешь одна... Угости подругъ чѣмъ-нибудь. Вотъ тебѣ на лакомство...

Ордынцевъ далъ Шурѣ нѣсколько мелочи и ушелъ, провожаемый, по обыкновенію, дочерью.

Вѣры Александровны онъ дома не засталъ. Мужъ ея сказалъ, что она все время у брата, въ больницѣ и что братъ безнадеженъ. Тамъ же вѣрно и Скурагинъ.

Ордынцевъ просидѣлъ нѣсколько минутъ у Леонтьева, сообщилъ о порученіи Никодимцева и сказалъ, что поѣдетъ въ больницу, чтобы навѣстить больнаго и повидаться съ Скурагинымъ и отъ него узнать нѣтъ ли желающихъ ѣхать съ Никодимцевымъ. О томъ, что ему хотѣлось повидать Вѣру Александровну и быть около нея въ первыя минуты остраго горя,—онъ умолчалъ, хотя и зналъ, что Леонтьевъ понялъ это, потому что, провожая Ордынцева, онъ сказалъ съ какимъ-то напряженнымъ выраженіемъ на своемъ утомленномъ лицѣ:

— Если что случится тамъ, то вы пожалуйста побудьте около Вѣры и привезите домой. А мнѣ нельзя оставить дѣтей однихъ... Вы знаете наше правило?—прибавилъ уныло статистикъ.

Глава девятнадцатая.

I.

Потому, какъ легко приподнялся съ кровати Борисъ Александровичъ и какъ крѣпко, точно цѣпляясь, сжалъ своей тонкой, сухой и горячей рукой руку Ордынцева,—Ордынцевъ рѣшительно не могъ подумать, что передъ нимъ осужденный на очень близкую смерть.

Только послѣ двухъ, трехъ, неестественно оживленныхъ фразъ больного о томъ, что онъ чувствуетъ себя значительно лучше и при первой же возможности уѣдетъ въ Ниццу и по мутному, словно бы подернутому туманомъ взгляду глубоко ввалившихся глазъ, Ордынцевъ понялъ, что смерть уже витаетъ въ этой небольшой комнатѣ, освѣщенной слабымъ свѣтомъ лампы.

И еще болѣе убѣдился въ этомъ Ордынцевъ по напряженно-серьезному и злому выраженію на безбородомъ и безъусомъ лицѣ врача въ длинномъ бѣломъ балахонѣ—злому, что не можетъ вырвать изъ когтей смерти человѣка, котораго разсчитывалъ вырвать—и потому еще, что врачъ избѣгалъ встрѣчаться глазами со взглядомъ больного, и по притворно спокойнымъ и ласково-улыбающимся лицамъ двухъ сестеръ милосердія.

— Когда давали шампанское?—освѣдомился врачъ.

— Въ восемь часовъ.

— Дайте еще стаканъ...

И, взявъ отъ „сестры“ скорбный листокъ, докторъ отмѣтилъ

въ немъ что-то и, не глядя ни на кого изъ присутствующихъ, вышелъ изъ комнаты вмѣстѣ со старшей сестрой продолжать свой вечерній обходъ.

Оставшаяся въ комнатѣ сестра налила маленькій стаканъ шампанскаго и, приподнявъ съ подушкой голову больного, предложила ему выпить.

Больной нарочно закрылъ глаза.

— Выпейте, голубчикъ... Вамъ лучше будетъ!—необыкновенно ласково проговорила „сестра".

— Выпей Боря!.. Выпей, милый! — сдерживая слезы сказала Вѣра Александровна.

И Борисъ Александровичъ открылъ глаза и выпилъ съ жадностью шампанское...

— Ну теперь я засну... Спасибо сестра!—сказалъ онъ сестрѣ милосердія. — А ты Вѣра не уходи! — приказалъ онъ раздражаясь.— Будемъ вмѣстѣ пить чай!

Черезъ нѣсколько минутъ онъ заснулъ. Среди мертвой тишины слышно было, какъ изъ груди вырывался странный хрипъ и слышалося какое-то бульканіе.

Вѣра Александровна и Скурагинъ вышли въ корридоръ. За ними вышелъ и Ордынцевъ.

Ордынцевъ молча поздоровался съ ними.

Въ эту минуту къ Вѣрѣ Александровнѣ подошла одна изъ „сестеръ", пожилая женщина съ обычной пріятной улыбкой на своемъ полномъ, отливавшемъ желтизной, лицѣ, и сказала:

— Простите меня, сударыня, что я позволю себѣ напомнить вамъ о томъ, что вы, въ огорченіи своемъ, забыли.

— О чемъ?—испуганно спросила Леонтьева.

— О приглашеніи священника для исповѣди и пріобщенія Святыхъ Тайнъ больного.

— А развѣ...

Она не могла окончить вопроса. Рыданія душили ее.

— Все въ рукахъ Господнихъ... Но не мѣшаетъ теперь же послать за батюшкой.

— Не взволнуетъ ли это бѣднаго брата?

— Взволнуетъ? — удивленно и строго спросила „сестра".— Напротивъ, больные обыкновенно чувствуютъ облегченіе страданій послѣ таинства. Впрочемъ, какъ вамъ будетъ угодно!—съ огорченнымъ видомъ прибавила „сестра".

— Тогда... пожалуйста, пригласите священника... А я приготовлю брата...

— Не волнуйте себя... Когда батюшка придетъ, дежурная сестра скажетъ больному. Она съумѣетъ это сдѣлать... А я сейчасъ же пошлю просить батюшку!—сказала „сестра".

И съ мягкимъ короткимъ поклономъ тихо удалилась и исчезла за дверями.

— Вѣра! — донесся изъ-за полуотворенныхъ дверей голосъ Бориса Александровича.

Леонтьева вытерла слезы и пошла въ комнату.

Тѣмъ временемъ Ордынцевъ совѣтовалъ Скурагину ѣхать съ Никодимцевымъ, ручаясь, что Никодимцевъ вполнѣ порядочный человѣкъ.

— Я ѣду съ нимъ. Мнѣ онъ понравился! — отвѣчалъ Скурагинъ.

Ордынцевъ просилъ Скурагина указать еще кого-нибудь... Скурагинъ обѣщалъ прислать къ Никодимцеву желающихъ и, между прочимъ, сказалъ, что по близости живетъ одинъ студентъ-медикъ, Петровъ, который навѣрное поѣдетъ.

— Знаете его адресъ? Я сейчасъ же зайду къ нему.

— Я охотно бы пошелъ, Василій Николаевичъ, да дѣло въ томъ, что больной поминутно зоветъ меня... И Вѣру Александровну нельзя оставить одну!—промолвилъ, словно бы извиняясь, Скурагинъ.

— Плохъ бѣдный Борисъ Александровичъ!

— Докторъ говоритъ, что едва ли дотянетъ до утра!.. А Петровъ живетъ недалеко отъ академіи, въ Вильманстрандскомъ переулкѣ, д. 6, кв. 27, въ третьемъ этажѣ. Вѣрно его застанете!

Ордынцевъ тотчасъ же ушелъ, сказавши Скурагину, что немедленно вернется въ больницу.

Онъ вышелъ изъ больницы въ пустынную улицу. Поднималась вьюга. Снѣгъ билъ въ лицо, сухой и холодный. Сильный морозъ давалъ себя знать, пронизывая Ордынцева сквозь старую и жиденькую его шубенку. И эта непривѣтная погода заставила Ордынцева еще болѣе пожалѣть умиравшаго.

Только у Сампсоніевскаго моста онъ нашелъ плохонькаго извозчика и черезъ минутъ десять тихой ѣзды, продрогшій и озябшій, остановился у подъѣзда небольшого трехъэтажнаго дома. Въ глухомъ переулкѣ не было ни одного извозчика. Только лихачъ стоялъ у подъѣзда, дожидаясь кого-то.

— Подожди меня. Черезъ десять минутъ выйду!—сказалъ онъ извозчику и вошелъ въ подъѣздъ.

Швейцара не было. Ордынцевъ поднялся по лѣстницѣ, скудно освѣщенной керосиновыми фонарями, на верхъ и позвонилъ. Молодая, чѣмъ-то озлобленная кухарка отворила дверь и раздраженно спросила „кого нужно“?

— Студента Петрова.

— Нѣтъ его дома!

И она хотѣла было захлопнуть двери, но Ордынцевъ остановилъ ее и попросился войти и написать записку.

Кухарка неохотно впустила Ордынцева и ввела его въ крошечную комнатку, занимаемую студентомъ.

— Пишите, что вамъ нужно. Вотъ тутъ на столѣ есть бумага и перо.

Ордынцевъ не сразу могъ написать озябшими пальцами. Наконецъ, онъ написалъ Петрову приглашеніе побывать у Никодимцева и просилъ передать записку немедленно, какъ вернется Петровъ.

— Ладно, скажу!—рѣзко сказала кухарка.

— Однако вы сердитая!—промолвилъ, поднимаясь, Ордынцевъ, чувствуя, что недостаточно еще согрѣлся.

— Поневолѣ будешь сердитая! — ожесточенно отвѣтила кухарка.

— Отчего же?

— А оттого, что я одна на всю квартиру. Все прибери да подмети, и все хозяйка зудитъ... А тутъ еще то и дѣло звонки. Комнаты-то всѣ студентамъ сданы, ну и шляются къ нимъ и они шляются... Отворяй только. А ноги-то у меня не чугунныя. Такъ какъ вы думаете, господинъ, можно мнѣ быть доброй? — спросила она.

Ордынцевъ принужденъ былъ согласиться, что нельзя и, извинившись, что побезпокоилъ ее, вышелъ за двери.

И въ ту же секунду изъ дверей противуположной квартиры, вышли его жена и Козельскій.

Не смотря на густую вуаль, Ордынцевъ отлично разглядѣлъ жену. Онъ встрѣтился съ ней, такъ сказать носомъ къ носу.

Она немедленно скрылась въ квартиру. Вслѣдъ за ней вошелъ и смутившійся Козельскій, и двери захлопнулись.

Ордынцевъ машинально подошелъ къ двери, никакой дощечки на ней не нашелъ и, постоявъ нѣсколько секундъ у дверей, сталъ тихо спускаться по лѣстницѣ.

— Такъ вотъ оно что!—наконецъ произнесъ онъ, словно бы внезапно озаренный и понявшій что-то такое, чего онъ прежде не понималъ.

Онъ сѣлъ на извозчика и велѣлъ везти въ больницу, взглянувъ предварительно на рысака.

„А еще хвалилась своей безупречностью... старая развратная тварь!“—думалъ, полный презрѣнія къ женѣ Ордынцевъ, и многое ему стало понятнымъ. И ея наряды, и ея посѣщеніе журъ-фиксовъ Козельскаго и эти даровые билеты на ложи, получаемые будто-бы отъ знакомой актрисы, и кольца, и ея кокоточный видъ.

А онъ-то въ самомъ дѣлѣ вѣрилъ, что она безупречная жена и еще считалъ себя передъ ней виноватымъ!

„Подлая! И что могъ найти въ ней хорошаго эта скотина

Козельскій!“ — мысленно проговорилъ Ордынцевъ, испытывая невольное ревнивое чувство къ любовнику своей давно нелюбимой жены и въ то же время какое-то скверное злорадство, что она, не смотря на свою осторожность, попалась таки со своимъ любовникомъ. Видно, у нихъ тамъ пріютъ для свиданій, и конечно Козельскій оплачиваетъ свои удовольствія ласкать эту жирную, подкрашенную и подмазанную даму.

Но что было главнѣйшимъ источникомъ злости Ордынцева такъ это то, что онъ былъ въ дуракахъ, когда вѣрилъ ея патетическимъ и горделивымъ увѣреніямъ въ супружеской вѣрности и выслушивалъ сцены, разыгрываемыя именно на тему объ ея добродѣтели.

О, еслибъ онъ догадывался объ этомъ раньше! Онъ давно бы оставилъ эту лживую и порочную женщину, не считая себя виноватымъ, что она страдаетъ безъ любви, какъ она говорила.

„Не бойся, не страдала!“—подумалъ онъ.

И семейка Козельскихъ нечего сказать хороша! Отецъ-то каковъ? А эта барышня, изъ за которой гибнетъ молодой человѣкъ! А эта Инна, уловившая въ свои сѣти бѣднаго Никодимцева. И вѣдь нѣтъ средствъ удержать его отъ гибели. Онъ вѣритъ въ нее, потому что влюбленъ въ нее и потому что она умно продѣлала комедію раскаянія. Она, навѣрное, она сама имѣла безстыдство познакомить Никодимцева со своимъ прошлымъ, разсчитывая на эффектъ собственнаго признанія.

Такъ мысленно поносилъ Ордынцевъ женщину, съ которой говорилъ раза два и которую не зналъ, а судилъ по наслышкѣ и, главнымъ образомъ, по злоязычнымъ словамъ своей жены. Полный ненависти и презрѣнія къ Козельскому, онъ готовъ былъ теперь ненавидѣть всю семью его несравненно сильнѣе, чѣмъ до только что бывшей встрѣчи съ женой.

Ему хотѣлось разсказать объ этомъ кому нибудь, чтобы знали, какъ лжива эта женщина. Но когда онъ вошелъ въ больницу и поднялся въ корридоръ, то всѣ его злыя мысли разсѣялись при видѣ Вѣры Александровны, стоявшей, уткнувшись головой въ стѣну и глухо рыдавшей.

Ордынцевъ понялъ, что все кончено.

— Тотчасъ послѣ причастія умеръ!—шепнулъ ему Скурагинъ.

— Спокойно?

— Совсѣмъ. Онъ, кажется, и не сознавалъ, что умираетъ...

— А объ той... о Козельской что нибудь говорилъ?

— Ни слова. И послѣ одного ея посѣщенія видѣть ее не хотѣлъ.

Ордынцевъ позвалъ Вѣру Александровну домой. Она тотчасъ же покорно согласилась ѣхать вмѣстѣ съ Ордынцевымъ. Скурагинъ остался, чтобы посмотрѣть, какъ перенесутъ тѣло покойнаго въ ча-

совню, и это почему-то подѣйствовало очень успокоительно на Леонтьеву.

— Побудьте, голубчикъ, съ нимъ, пока его не вынесутъ!—сказала она, крѣпко пожимая Скурагину руку въ знакъ благодарности.

Леонтьевъ тотчасъ же отправился, чтобы распорядиться на счетъ читальщика, панихидъ, объявленій въ газетахъ и похоронъ, а Ордынцевъ остался посидѣть у Леонтьевой. Пока ставили самоваръ. она была въ дѣтской, и видъ двухъ здоровыхъ мальчиковъ и дочери, спавшей въ комнатѣ Леонтьевой, значительно уменьшилъ ея печаль о братѣ. Счастливое эгоистическое чувство матери невольно умѣряло горе, и ей самой сдѣлалось стыдно, что она какъ будто недовольно жалѣетъ брата.

И она нарочно стала вызывать воспоминанія о послѣднихъ его минутахъ, вспомнила его, казалось ей, молящій о жизни взглядъ, обращенный къ священнику, вспомнила его исхудалое лицо съ заостреннымъ носомъ, его послѣдній глубокій вздохъ, и слезы полились изъ ея глазъ, и она почувствовала себѣ какъ бы менѣе виноватой.

Пришла она звать пить чай Ордынцева съ заплаканными глазами, но уже болѣе спокойной.

Она начала разсказывать о братѣ, вспоминала о томъ, какой онъ былъ добрый и веселый до тѣхъ поръ, пока...

— Надѣюсь, она не покажится на панихидѣ! — неожиданно возбуждаясь, проговорила Вѣра Александровна.

— Отъ этой барышни всего можно ждать, Вѣра Александровна.

И чтобы отвлечь вниманіе Леонтьевой и вмѣстѣ съ тѣмъ подѣлиться съ ней, Ордынцевъ сообщилъ о томъ, какъ онъ сейчасъ встрѣтилъ жену съ Козельскимъ.

И Вѣра Александровна съ любопытствомъ слушала разсказъ Ордынцева о встрѣчи. Слушала и какъ будто радовалась, что Ордынцевъ теперь понялъ, какова у него жена. Очень порадовалась она за него, узнавши о прибавкѣ и о томъ, что онъ поѣдетъ съ Шурой въ Крымъ.

Въ полночь пришелъ мужъ.

Онъ разсказалъ, что все имъ сдѣлано и что похороны обойдутся не дорого; этотъ разговоръ снова напомнилъ Вѣрѣ Александровнѣ о братѣ, и она заплакала.

Въ первомъ часу ушелъ Ордынцевъ, обѣщая быть завтра на панихидѣ.

Глава двадцатая.

Ордынцевъ всталъ поздно и вышелъ пить кофе въ десять часовъ. Проголодавшаяся Шура уже давно ждала отца. Она всегда съ нимъ пила по утрамъ кофе.

Отецъ расцѣловалъ Шуру и, присѣвши къ столу, принялся

за чтеніе газеты, отхлебывая маленькими глотками горячій кофе со сливками. Шура торопливо намазывала ломоть бѣлаго хлѣба масломъ и поставила тарелочку съ хлѣбомъ около Ордынцева.

Она пила кофе и часто взглядывала на отца. Онъ, видимо, былъ не въ духѣ и чѣмъ-то встревоженъ и разсѣянно читалъ газету, очевидно думая о другомъ. Онъ не разсказалъ ей, какъ провелъ вечеръ и почему поздно вернулся. Подруги ушли отъ нея вчера въ одиннадцать часовъ, а папы не было...

„Что съ нимъ голубчикомъ?“—думала въ тревогѣ дѣвочка.—„Вчера онъ былъ такой веселый, а сегодня...“

— Ты развѣ хлѣба не хочешь, папочка?—спросила она, замѣтивши, что отецъ не притронулся къ нему.

— Нѣтъ, Шура, не хочется...

— Ты, вѣрно, плохо спалъ...

— А что, милая?

— Да ты сегодня какой-то сердитый... Ужъ не на меня ли?

— Что ты, дѣточка? За что на тебя сердиться?.. Я, видишь ли, вчера былъ въ больницѣ... Тамъ умеръ братъ Вѣры Александровны, Борисъ Александровичъ... Ну вотъ и отразилось непріятное впечатлѣніе отъ гибели молодой жизни!—объяснилъ Ордынцевъ, не смѣя сказать дочери объ истинной причинѣ его мрачнаго настроенія. Не станетъ же онъ позорить мать въ глазахъ дочери. Пусть она никогда не узнаетъ ничего позорнаго для матери.

„А Ольга?“ — подумалъ Ордынцевъ и вспомнилъ пререканья между матерью и дочерью, когда онѣ вернулись съ фикса у Козельскихъ, и онъ слышалъ ихъ изъ кабинета...

„Ольга навѣрное догадывается... И Алексѣй тоже!“—рѣшилъ Ордынцевъ и это его взволновало еще болѣе.

„Какой хорошій примѣръ для Ольги!.. Она ужъ и такъ порядочно испорчена, а теперь что будетъ съ ней!?“

И онъ ничто не можетъ сдѣлать!? Ничему помѣшать, чтобы ни случилось!

Раздался звонокъ.

Ордынцевъ взглянулъ на часы. Было половина одиннадцатаго.

„Аккуратенъ, какъ хронометръ!“—подумалъ Ордынцевъ.

— Это вѣрно Алеша, папа!—сказала Шура, выбѣгая въ переднюю, чтобъ встрѣтить брата.

— Навѣрное онъ! – проговорилъ отецъ, откладывая въ сторону газету.

Онъ не испытывалъ ни малѣйшей радости въ ожиданіи сына, но когда онъ вошелъ, по обыкновенію свѣжій и чистенькій, красивый со своими большими, серьезными голубыми глазами и тонкими чертами изящнаго лица, щегольски одѣтый въ длинноломъ студенческомъ сюртукѣ, — отцовское чувство невольно сказалось

въ смягченномъ взглядѣ и въ просвѣтлѣвшемъ на мгновеніе лицѣ.

„Молодецъ!“—невольно пронеслось у него въ головѣ и отозвалось въ сердцѣ.

— Здравствуй, папа. Здоровъ, надѣюсь! — проговорилъ свое обыкновенное привѣтствіе Алексѣй.

И, пожавши протянутую ему руку, сѣлъ противъ отца, и прибавилъ:

— Ольга и Сережа кланяются тебѣ и извиняются, что не придутъ сегодня къ тебѣ. Ольга ѣдетъ въ концертъ, а Сережа, по обыкновенію, что-то долбитъ...

О матери онъ не обмолвился ни единымъ словомъ.

— Спасибо за поклоны. Здоровъ, какъ видишь... Кофе хочешь?

— Благодарю, не хочу. Только что пилъ!—съ обычной своей основательностью отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Выпей, Леша... Я тебя прошу выпей... Попробуй нашего кофе!—почти умоляла Шура въ качествѣ хозяйки, желавшей похвастать кофе, который казался ей совсѣмъ не такимъ, какой пьютъ другіе, а какимъ-то особенно вкуснымъ.

Алексѣй не понялъ или не соблаговолилъ понять, сколько удовольствія доставилъ бы онъ маленькой сестрѣ своимъ согласіемъ выпить чашку, и спокойнымъ авторитетнымъ тономъ сказалъ ей:

— Не приставай, Шура. Вѣдь я говорю, что только что пилъ.

— А развѣ одну чашку... ну полчашки нельзя?

— Нельзя. Я свои два стакана выпилъ и до завтрака ничего не ѣмъ. Надо, Шура, и въ ѣдѣ соблюдать порядокъ... Это крайне полезно.

Шура примолкла. Отецъ едва замѣтно усмѣхнулся.

— Такъ налей мнѣ третій стаканъ. Твой кофе дѣйствительно прелестенъ!—сказалъ Ордынцевъ, чтобъ доставить удовольствіе Шурѣ.

При всемъ желаніи поговорить съ сыномъ, Ордынцевъ какъ-то не находилъ темы, и нѣсколько стѣснялся этимъ.

Но Алексѣй самъ постарался занимать отца и проговорилъ:

— Читалъ о смерти Бориса Александровича?

— Читалъ...

— Вотъ глупая смерть! Тебѣ извѣстны причины?

— Извѣстны.

— Признаться, я считалъ покойника умнѣе. А то стрѣляться изъ за такой глупости—не понимаю!

Этотъ спокойно-увѣренный тонъ сына начиналъ раздражать Ордынцева.

— Ты конечно и вообще не понимаешь самоубійства?—спросилъ онъ, стараясь быть сдержаннымъ.

— Не понимаю, хотя и допускаю, что каждый воленъ располагать своей жизнью, какъ ему заблагоразсудится... А ты развѣ одобряешь самоубійства?

— Бываютъ случаи, когда вполнѣ одобряю! — возбужденно воскликнулъ Ордынцевъ.

Сынъ сталъ занимать отца, перейдя осторожно на другую тему, сожалѣя, что коснулся первой. Но онъ никакъ не разсчитывалъ встрѣтить въ отцѣ защитника самоубійства.

И онъ, чтобъ занять отца, сталъ разсказывать—и, по обыкновенію, ясно, точно и красиво, о новомъ, интересномъ открытіи въ химіи.

— А съ кѣмъ Ольга поѣхала въ концертъ? — прервалъ на половинѣ разсказа Ордынцевъ.

— Съ мамой и съ Уздечкинымъ!—отвѣтилъ Алексѣй нѣсколько удивленный вопросомъ и тѣмъ, что его перебиваютъ.

И онъ докончилъ разсказъ, значительно сокративъ его.

Наступило молчаніе.

— Ты знакомъ со Скурагинымъ... студентомъ на математическомъ факультетѣ?—вдругъ спросилъ Ордынцевъ.

— Нѣтъ, не знакомъ... Видѣлъ его и слышалъ о немъ.

— Жаль, что не знакомъ...

— А развѣ такъ интересно?..

— Очень... Интереснѣй новаго открытія по химіи!—иронически промолвилъ Ордынцевъ.

Алексѣй слегка пожалъ плечами.

А Ордынцевъ, видимо раздражаясь, продолжалъ:

— А о голодѣ слышалъ?

— Читалъ.

— И что же?..

— Ничего... Извѣстныя слѣдствія извѣстныхъ бытовыхъ условій.

— Равнодушенъ къ этому вопросу?..

— Почти...

— И находишь, вѣроятно, что помогать не слѣдуетъ?

— Нахожу... И имѣю основанія находить... Но такъ какъ чужія мнѣнія тебя раздражаютъ, то я лучше уйду... Прощай!

— Прощай!—холодно сказалъ Ордынцевъ.

И въ догонку крикнулъ:

— Попроси Ольгу зайти ко мнѣ на-дняхъ...

— Когда именно... Утромъ или вечеромъ?

— Вечеромъ завтра...

И когда сынъ ушелъ, Ордынцевъ шепнулъ:

„О что за опредѣленный молодой человѣкъ!“

И въ ту же минуту сорвался съ мѣста и побѣжалъ въ прихожую.

Алексѣй одѣвалъ пальто.

— Не сердись, Алеша... Ты не виноватъ, что такой... Не виноватъ! Прости меня! Пойми, что мнѣ больно твое равнодушіе къ общественнымъ вопросамъ.

И Ордынцевъ съ глазами, полными слезъ, обнялъ сына.

— Я ни въ чемъ не обвиняю тебя папа... Намъ не нужно только говорить о томъ, что тебя раздражаетъ. — Вотъ и все... У тебя нервы взвинчены... Прощай и на меня не сердись за то, что я не такой, какимъ ты бы хотѣлъ меня видѣть!..

И онъ ушелъ, не выказавъ никакой ласки отцу. Снисходительная нотка звучала въ его словахъ и только.

Ордынцевъ прошелъ въ свой кабинетъ и принялся за газету. Шура, грустная, сидѣла въ своей комнатѣ и, не понимая истинныхъ причинъ раздраженія отца, считала его виноватымъ.

— Папочка да за что ты прогналъ Алешу?—спросила она, прибѣжавъ черезъ нѣсколько минутъ къ отцу, встревоженная и негодующая.

— Онъ самъ ушелъ...

— Но ты сердился на него... Ты показывалъ свою нелюбовь... За что же ты не любишь?.. Отчего ты никогда не поговоришь съ нимъ ласково. Не скажешь, что онъ не правъ...

Отецъ слушалъ заступницу и вдругъ обнялъ ее и взволнованно проговорилъ:

— Онъ не виноватъ дѣточка, и я извинялся... Но его не убѣдить... Онъ... законченный!—тоскливо прибавилъ онъ.

— Что значитъ: законченный?

— Безнадежный! Онъ останется такимъ же сухимъ, себялюбивымъ и равнодушнымъ ко всему, что не касается его собственной особы...

— Такъ зачѣмъ ты... ты не училъ его, что такимъ быть не хорошо?

— Милая! Мнѣ некогда было смотрѣть за вами... Но я виноватъ... Знаю это и все-таки раздражаюсь... Такой, какъ Алеша не одинъ... Алеша уменъ и даровитъ... и отъ этого другимъ будетъ хуже... Онъ заставитъ страдать болѣе слабыхъ... Его будутъ ненавидѣть...

— Почему?—испуганно спросила Шурочка.

— Потому, дѣвочка, что у него сердца нѣтъ, нѣтъ доброты и жалости къ людямъ. А безъ этого нѣтъ настоящаго человѣка. Умъ безъ человѣчности — свѣтитъ, но не грѣетъ!.. Разскажи я Алексѣю, при какихъ условіяхъ получилъ вчера прибавку жалованья, онъ назоветъ меня дуракомъ... Ты помнишь тогда, когда я разсказалъ, что заступился за Горохова, какъ Алексѣй основательно доказывалъ, что я былъ неправъ?..

— Помню... Помню, папочка... И не забуду этого дня...

— А я вѣдь надѣялся, что Алеша меня пойметъ, порадуетъ своимъ сочувствіемъ, а между тѣмъ одна только ты... О, Шура!.. Ты не понимаешь еще голубка, какъ больно ошибиться въ близкихъ... Конечно самъ виноватъ... Но, милая! Хотя бы по крайней мѣрѣ не лгали... А то вдругъ узнаешь...

Ордынцевъ остановился во время.

Блѣдная и испуганная, смотрѣла Шура своими большими скорбными глазами на отца, и губы ея вздрагивали.

— Кто же лгалъ, папа?—кинула вдругъ въ упоръ Шура.

Ордынцевъ молчалъ.

— Кого же ты обвиняешь, папочка?—настойчиво повторила дѣвочка.

Ордынцевъ смущенно смотрѣлъ на Шуру. Она ждала отвѣта. Надо же что-нибудь отвѣтить.

И отецъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ... нѣтъ... я не виню. Это вырвалось въ минуту раздраженія... Ни Алексѣй, ни Ольга, ни Сережа не лживы... Нѣтъ, нѣтъ... И ты не волнуйся, дѣвочка...

— А мама?.. Мама?—прошептала дѣвочка... И голосъ ея дрогнулъ.

— И мама не лгала... Богъ съ тобой!.. Мы съ ней ссорились, это правда... И я былъ часто неправъ...

— То-то!—облегченно вздохнула дѣвочка.

И послѣ паузы сказала:

— Я и тебя люблю и маму люблю...

— Конечно, маму нужно любить!

Ордынцевъ говорилъ это, а между тѣмъ думалъ, что было бы лучше, еслибъ Шура не любила такую мать.

И оттого, что Шура любитъ мать, онъ съ большой ненавистью относился теперь къ бывшей женѣ.

— Я вѣдь сегодня на цѣлый день къ нашимъ?

— Конечно. Иди къ нимъ... Какъ разъ къ завтраку попадешь... Иди, милая.

— А ты останешься одинъ... И опять будешь грустить?

— И я скоро уйду... И грустный не буду... Вотъ развѣ на панихидѣ...

И Ордынцевъ, прощаясь съ Шурой, снова увѣрилъ ее, что мрачное настроеніе прошло, осмотрѣлъ такъ ли она одѣта и просилъ поцѣловать за него сестру и братьевъ.

— И ты позови ихъ на елку!—прибавилъ онъ.

К. Станюковичъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КАРАНДАШОМЪ СЪ НАТУРЫ.

(Изъ путешествія вокругъ свѣта чрезъ Корею и Манджурію).

(*Продолженіе* *).

29-го сентября 1898 г.

Мы подходимъ къ кульминаціонному пункту и въ то же время главной цѣли нашего путешествія—къ Пектусану, самой высокой вершинѣ (8000 футъ надъ уровнемъ моря) Ченьбошанскаго хребта, — громадный хребетъ, разрѣзывающій всю Манджурію съ запада на востокъ.

До насъ на Пектусанѣ, какъ я уже упоминалъ, побывало двое: въ 17-мъ столѣтіи одинъ миссіонеръ и въ 1894 году нашъ полковникъ Стрѣльбицкій. Миссіонеръ подошелъ къ хребту съ запада по тому притоку Амнока-ганъ (она же Ялу), въ устьѣ котораго расположилась и нынѣ существующая китайская деревня Мауерлшань.

Той же дорогой миссіонеръ возвратился и обратно.

Полковникъ Стрѣльбицкій подошелъ къ Пектусану съ востока дорогой, по которой и мы теперь идемъ. Онъ былъ на вершинѣ Пектусана и даже спускался въ его озеро, помѣщенное на глубинѣ 1300 футъ въ жерлѣ бывшаго кратера.

Можно съ полной увѣренностью сказать, что полковникъ Стрѣльбицкій первый изъ людей, нога котораго ступила на берегъ этого священнаго озера. Это очевидно изъ того, что бывшій здѣсь миссіонеръ не спускался, а что до мѣстныхъ жителей, то и китайцы и корейцы проникнуты такимъ страхомъ къ священному озеру, въ которомъ живетъ драконъ, что не только не помышляютъ о спускѣ въ озеро, но и къ вершинѣ Пектусана близко не подходятъ. Непрерывныя, періодичныя явленія, происходящія на вершинѣ Пектусана,— вихри, вылетающіе изъ потухшаго кратера пары, а иногда и пемзовая пыль; раздающійся по временамъ подземный гулъ, — всѣ эти явленія принимаются мѣстными жителями, за доказательство живущаго тамъ дракона, и поэтому и китаецъ, и кореецъ,—случайные охотники здѣшнихъ мѣстъ,—спѣшатъ уйдти подальше отъ таинственнаго, дикій ужасъ наводящаго, дракона.

---

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь.

Полковникъ Стрѣльбицкій, предполагавшій было изъ Пектусана пройдти на Амнокаганъ, не прошелъ туда и возвратился той же дорогой назадъ на Тяпай, такъ какъ проводники категорически заявили ему, что ни дороги, ни жилья на западъ отъ Пектусана нѣтъ.

Мой проводникъ сперва проговорился было о дорогѣ, но потомъ и мнѣ тоже заявилъ, что дороги нѣтъ.

Я не теряю надежды: попаду-ли я на дорогу миссіонера 17-го столѣтія, пройду ли новой, но я рѣшилъ во что бы то ни стало не возвращаться назадъ, а идти впередъ, въ крайнемъ случаѣ, даже по компасу.

Это свое рѣшеніе я, однако, держу пока въ тайнѣ отъ проводника, чтобъ не напугать его.

Кромѣ этой, для всѣхъ заманчивой мечты, побывать въ такихъ мѣстахъ, гдѣ еще нога бѣлаго не бывала, цѣль экспедиціи, какъ я уже упоминалъ, заключалась въ изслѣдованіи истоковъ трехъ громадныхъ рѣкъ этого уголка міра: Туманган, текущаго на востокъ въ Японское море, Амнокаганъ—на сѣверо-западъ въ Желтое море, и Сунгари, впадающей въ Амуръ и текущей на сѣверъ. По легендѣ, истоки всѣхъ этихъ трехъ рѣкъ выходятъ изъ таинственнаго Пектусанскаго озера, при чемъ истоки одного изъ притоковъ Сунгари непосредственно черезъ разщелину кратера сообщаются съ его озеромъ, падая каскадомъ въ долину на высотѣ нѣсколькихъ тысячъ футъ, а Туманганъ и Амнока набираются изъ ключей, просачивающихся изъ озера.

Полковникъ Стрѣльбицкій сдѣлалъ предположеніе, которое нашими изслѣдованіями и подтвердилось, что рѣка Туманганъ беретъ начало не на Пектусанѣ, а южнѣе, въ лѣсахъ и болотахъ, окружающихъ его. А именно верстахъ въ 20-ти отъ Пектусана, близъ озера Понга, діаметромъ около ста саженей.

Относительно двухъ другихъ рѣкъ скоро узнаемъ въ чемъ дѣло.

Сегодня наша ночевка будетъ уже у подножья Пектусана...

Дорога все та же, среди овраговъ и лѣса, едва замѣтная тропка.

Нерѣдко мы теряемъ, обходя буреломы, эту тропу и долго ищемъ ее, узенькую въ полъ-аршина, глубоко ушедшую въ землю, такъ глубоко, что лошадь можетъ идти только шагомъ.

Это все еще первый слѣдъ перваго человѣка.

Странное ощущеніе мое, человѣка нашего столѣтія: съ одной стороны невѣроятный прогрессъ, съ другой—все то же первобытное состояніе только что изгнанныхъ изъ рая голыхъ людей.

Дорога расходится и проводникъ проситъ подождать отставшій обозъ.

Мы стоимъ у какого-то шалаша изъ вѣтвей.

Это жилище хунгузовъ.

Хунгузы, хунгузы,—но гдѣ же, наконецъ, эти хунгузы?!

И вдругъ изъ глубокаго оврага выходятъ... два оборванныхъ китайца...

— Хунгузы...—испуганно шепчутъ мнѣ.

Но, я радъ: я наконецъ-то вижу ихъ, а то вѣдь пріѣду—спросятъ: «хунгузовъ видѣли?»—нѣтъ...

Теперь они передо мной. Ничего, что они оборванные, съ желтыми лицами, жалкіе. У старика испитое блѣдное отъ опіума лицо...

У нихъ китайскіе широкіе штаны; китайскія короткія кофты; косы, за плечами котомки, какъ и у нашихъ сибирскихъ бродягъ.

— Давайте скорѣй фотографическій аппаратъ: вотъ здѣсь, здѣсь, около этого балагана ставьте ихъ... вотъ вамъ печенья, папиросы, только стойте, ради Бога и не шевелитесь. Ножъ торчитъ изъ сумки? Ножъ, ножъ, ради всего святого, такъ, чтобъ онъ былъ виденъ.

— Вас. Вас! Да гдѣ же онъ отсталъ? Наконецъ! Спросите ихъ—куда они идутъ?

— Домой,—отвѣчаетъ переводчикъ.

— Какъ домой? Какой же домъ у хунгузовъ?

— Они охотники и ихъ манза здѣсь въ лѣсу, въ нѣсколькихъ ли.

— На кого они охотятся и чѣмъ?

— Они охотятся на всѣхъ звѣрей западнями и ловушками.

— Есть у нихъ ружья?

— У нихъ ружей нѣтъ, но есть стрѣлы,—стрѣлами они бьютъ пантовъ (изюбры).

— Но ножомъ, ножомъ этимъ что дѣлаютъ они?

— Этимъ ножомъ они роютъ корни.

— Откуда они идутъ?

— Они идутъ съ Амнокаганъ, гдѣ были у родныхъ.

— Какъ? значитъ есть дорога на Амнокаганъ?

В. В. спрашиваетъ и переводитъ мнѣ:

— Вотъ эта самая, вотъ поворотъ.

— Кто же ходитъ по этой дорогѣ?

— Они говорятъ, что ходятъ китайцы, корейцы. Корейцы къ своимъ родственникамъ въ Тяпнэ, китайцы, занимаясь торговлей, ходятъ на Амнокаганъ, ходятъ въ Гиринъ черезъ Пектусанъ.

— Что же это? мы, значитъ, идемъ чуть не по большой дорогѣ?

А люди бывавшіе здѣсь, вотъ что пишутъ: «Итакъ, мы забрались въ такія мѣста (Тяпнэ), откуда, казалось, не было другого выхода, какъ назадъ».

Казалось?

— Почему-же вы не показали этой дороги на Ялу?—Спрашиваю я у проводника.

Молчитъ. А гдѣ хунгузы? Отвѣчаютъ: Хунгузовъ нѣтъ.

Рѣшено: съ Пектусана весь излишній грузъ я отправляю обратно назадъ и на Амнокаганъ иду на легкѣ.

А съ Амнокагана отпускаю всю свою свиту

Корейцы опять затягиваютъ свою пѣсню:

— Но Амнокаганъ опаснѣе всего,—тамъ прямо стрѣляютъ съ китайскаго берега... А въ Манджуріи столько хунгузовъ...

— Ну, довольно,—сказки меня интересуютъ, но не такія.

Съ двумя «хунгузами» я распростился очень дружелюбно и на вопросъ ихъ: «куда мы дальше пойдемъ послѣ Пектусана?» отвѣтилъ:

— Возвратимся къ этому балагану и пойдемъ по этой указанной вами дорожкѣ на Амноку.

— Когда?

— Черезъ 2, 3 или 4 дня.

Еще было свѣтло, когда мы подошли къ привалу.

Мѣстность, гдѣ мы остановились на ночлегѣ называется Буртопой, что значитъ «тупой конецъ».

Большой охотничій балаганъ, совершенно такой-же, какихъ много въ Уфимской губерніи на отдаленныхъ сѣнокосахъ или въ лѣсахъ, въ которомъ всѣ мы и помѣстились.

Вокругъ меня спятъ корейцы, наши три солдата, Н. Е., П. Н., И. А.

Корейцы сморились за прошлую ночь и сегодня мы смѣнили ихъ.

Моя очередь и я то выхожу, то сижу и пишу дневникъ.

Посреди балагана маленькій костеръ и острый дымъ прежде чѣмъ уйти въ верхнее отверстіе, стелется синимъ облакомъ по балагану и ѣсть глаза.

Не спитъ только Бесѣдкинъ и разсказываетъ мнѣ странную исторію изъ своей жизни. На него, что называется, нашла линія и онъ хочетъ выложить душу.

— Мѣста вотъ какія,—какъ бы безъ покаянія не остаться...

Въ 11 ч. я разбудилъ И. А. и легъ спать.

Въ половинѣ третьяго проснулся, окликнулъ И. А. и распорядился будить народъ.

Развели костеръ побольше, поставили чайникъ и сидятъ, всѣ вокругъ костра, пожимаясь отъ свѣжихъ струекъ, проникающаго наружнаго воздуха.

Корейцы привыкли къ намъ и говорятъ, не стѣсняясь, обо всемъ.

Говорятъ о прежнихъ экспедиціяхъ, немного жалуются на безцеремонныя дѣйствія экспедиціонныхъ командъ.

30 сентября.

На Пектусанъ!

Выступили въ шесть часовъ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда солнце собиралось всходить. Мы остановили лошадей на пригоркѣ и видѣли всю волшебную панораму этого восхода.

Къ востоку на необъятномъ пространствѣ громоздятся горы. Всѣ эти горы подернуты синей прозрачной занавѣской. Сквозь нее уже виденъ розовый отблескъ поднимающагося солнца.

Все еще въ полусвѣтѣ, но Пектусанъ уже въ лучахъ и весь про-

зрачный горитъ пурпуромъ. Здѣсь можно опредѣлить относительную высоту каждой горы, по очереди ихъ освѣщенія восходящимъ солнцемъ.

Вотъ освѣтились еще двѣ и обѣ кроваво-фіолетовыя. У каждой горы своё одѣяніе и только царь горъ — Пектусанъ — въ пурпурной мантіи. Но парадъ скоро кончается,—убраны нарядные костюмы первыхъ лучей и освѣщенный полнымъ солнцемъ Пектусанъ уже выглядитъ опять неказисто: сѣро-грязный, съ полосами въ оврагахъ бѣлаго снѣга. Та же мягкость формъ, что и въ остальныхъ корейскихъ горахъ, и нѣтъ нависшихъ грозныхъ скалъ Кавказа. Съ виду также мирно и спокойно, какъ и все предыдущее.

Напротивъ, гораздо красивѣе Пектусана, хотя бы эта длинная гора, вершина которой представляетъ изъ себя профиль покойника-богатыря. Вотъ лобъ, немного широкій носъ, острый ротъ, грудь въ латахъ, ноги. Съ боку шлемъ. Или вотъ та священная гора—туловище безъ головы—лучъ Пектусана.

Даже малый Пектусанъ интереснѣе, потому что его коническая фигура видна сразу, тогда какъ здѣсь, у подножья, Пектусанъ долго производитъ впечатлѣніе чего-то широкаго и разползшагося.

Такимъ образомъ первое короткое, но очень сильное, совершенно своеобразное впечатлѣніе быстро смѣняется прозой чего-то обыкновеннаго и даже мизернаго.

Равнодушные, мы поднимаемся выше.

Лѣсъ рѣдѣетъ. Исчезла и изумрудно зеленая, жесткая травка одна въ желтой осени не побитая еще морозомъ. Вотъ пошли мхи, ковры изъ мховъ, по которымъ беззвучно ступаютъ ноги лошадей, оставляя вѣчный слѣдъ. Отъ колесъ прежней, 1894 года, экспедиціи слѣдъ совершенно свѣжій и теперь.

Какъ красивы эти ковры мховъ: изумрудно-сѣрые, темно-красные, нѣжно-лиловые, затканные сѣрымъ и бѣлымъ жемчугомъ. Перо не опишетъ ихъ красоты, не передастъ фотографія; нужна кисть и я вспоминаю К. А. Коровина, его прекрасную картину архангельской тундры съ иными, чѣмъ эти, мхами.

Все выше и выше. Нѣтъ деревьевъ, нѣтъ мховъ: мелкій пемзовый сѣрый песокъ, да изрѣка тамъ и сямъ мелкорослая березка.

Иногда поднимается вѣтеръ подхватываетъ этотъ мелкій песокъ и бросаетъ его въ лицо. Лицу, рукамъ больно. Больно и глазамъ, такъ какъ песокъ этотъ ѣстъ глаза и вызываетъ воспаленіе вѣкъ.

Съ лошади—впечатлѣніе морского песка, но при болѣе близкомъ разсматриваніи это что-то совершенно особенное: тамъ, на берегу моря, и видно, что работало море, здѣсь же работалъ огонь. Здѣсь характеръ песка легкій, перегорѣлый, между тѣмъ какъ море, не измѣняя естества, только шлифуетъ песокъ. Здѣсь химическая, тамъ, у моря, только механическая переработка. Преобладающій цвѣтъ здѣшняго песку грязно-сѣрый.

Этимъ пемзовымъ пескомъ засыпано все. Вѣтеръ и вода свободно переносятъ его съ мѣста на мѣсто и поэтому вся поверхность изрыта буграми и оврагами.

Въ одномъ изъ такихъ овраговъ, гдѣ не было воды, но былъ снѣгъ, перемѣшанный съ пемзой мы остановились и стали готовиться къ предстоящему подъему на вершину.

Развязываются: лодка, геодезическіе, астрономическіе инструменты, веревки, лотъ для промѣрки глубины озера. На привезенныхъ съ собой дровахъ кипятится чай, разогрѣваются консервы гороховой похлебки. Сторожей въ лагерѣ остается довольно много, такъ какъ корейцы, привезшіе грузъ, ждутъ обратнаго, который освободится послѣ подъема. Обратно я отправляю всѣ палатки, часть инструментовъ, часть вещей.

Напились чаю и тронулись на вершину.

Посреди перевала оглядываюсь—идутъ за нами и всѣ девять нашихъ корейцевъ, оставленныхъ сторожить лагерь.

Оказывается они, увидѣвъ дымокъ на мѣстѣ нашего послѣдняго ночлега, рѣшили, что это хунгузы, и пошли, бросивъ нашихъ и своихъ лошадей.

Они подошли и горько сѣтуютъ на меня, зачѣмъ я тогда тѣхъ двухъ хунгузовъ не убилъ или не арестовалъ.

— Да вѣдь они не хунгузы.

— Они хунгузы. Еслибы они были мѣстные жители, они знали бы по-корейски названіе Шадаренъ (селеніе у верховьевъ притока Ялу, куда мы пойдемъ), а они знали только китайское «Маньонъ». А между тѣмъ сорокъ хунгузовъ теперь есть въ лѣсахъ,—они пойдутъ и скажутъ имъ: уже сказали, — что горитъ, то костеръ хунгузовъ, и мы всѣ заперты теперь на Пектусанѣ, какъ мыши въ ловушкѣ.

— Что могутъ дѣлать 40 человѣкъ въ это время года въ лѣсу? что они ѣсть будутъ: зима подходитъ, дожди, снѣгъ, гдѣ спать будутъ?

— Мы всю правду вамъ разскажемъ и вы узнаете, что имъ дѣлать. Весной шайка въ 23 хунгуза поймала двухъ корейцевъ и отвела въ одну, здѣсь недалеко, китайскую фанзу. Тамъ ихъ пытали и они сознались, что у нихъ дома деньги есть. Одного хотѣли задержать, а другого отпустить, но оба были изъ разныхъ деревень. Тогда хозяинъ фанзы поручился, что корейцы заплатятъ по 500 лянъ каждый. Ихъ отпустили. Поймали ихъ въ четвертую луну, а долгъ обѣщали отдать въ седьмую, теперь восьмая кончается, а тѣ долгъ все не отдаютъ. Вотъ хунгузы и не уходятъ, все дожидаются и хотятъ мстить всѣмъ корейцамъ. Въ этомъ году уже было нападеніе на Тяпнэ и всѣ на мѣсяцъ убѣгали. А теперь мы пойдемъ домой и хунгузы насъ схватятъ.

— Откуда же хунгузы знаютъ, что вы пойдете домой, а не съ нами?

— Они все знаютъ: они, навѣрно, и теперь видятъ и слышатъ,

что говоримъ мы. И хунгузы насъ убьютъ, а потомъ дадутъ знать въ Шадаренъ, тамъ хунгузовъ еще больше и тѣ васъ убьютъ.

— Такъ что лучше всего назадъ съ вами на Тяпнэ?

— Э-ге, э-ге,—радостно закивали корейцы.

Смотрю на нихъ и невыразимо жаль ихъ за тѣ страданія, которыя причиняетъ имъ ихъ мучительный унизительный страхъ.

Надо замѣтить, что и за нами идти не радость имъ. Вѣдь тамъ, на этой святой горѣ, въ спрятанномъ отъ всѣхъ озерѣ живетъ суровый драконъ суровый и страшный: то онъ гремитъ, то облакомъ взлетаетъ, то посылаетъ такой вѣтеръ, что стоять нельзя. Стоитъ только разсердить его, такъ и не то сдѣлаетъ. А такого дикаго, своевольнаго и самъ не знаешь, какъ разсердишь. Наши корейцы стоятъ совершенно растерянные.

Кончили тѣмъ, что В. В. (китайскій переводчикъ) и маленькій кореецъ идутъ съ ними обратно. Маленькій кореецъ въ европейскомъ платьѣ, а издали это все равно, что русскій, а В. В. свой человѣкъ для хунгузовъ. Успокоились корейцы и пошли назадъ.

Въ зависимости отъ ограниченности нашихъ припасовъ и необходимость, слѣдовательно, все закончить въ день, два; работа раздѣлена между Н. Е. и мною. Онъ съ И. А., Бибикомъ, Бесѣдинымъ, Хаповымъ и Сапаги спускаются къ озеру. Я, поднявшись на вершину, обхожу ее до мѣста предполагаемаго истока Ялу (Амнокаганъ) и Сунгари, а къ вечеру мы всѣ собираемсь въ лагерѣ.

Мы разлучаемся: Н. Е. съ своей партіей и двумя вьючными лошадьми идетъ налѣво, я, П. Н. и проводникъ направо,—Н. Е. такимъ образомъ пошелъ къ западу, я къ востоку.

Почти до самой вершины Пектусана я ѣхалъ на лошади.

Затрудненія были только въ овражкахъ, гдѣ лежалъ плотный примерзшій снѣгъ. По этому снѣгу скользитъ нога и лошади, и человѣка и легко упасть.

Въ одномъ мѣстѣ, у самой вершины, я неосторожно заѣхалъ съ лошадью на такой ледяной откосъ. Осматриваясь, куда дальше ѣхать, я оглянулся назадъ и кровь застыла въ жилахъ. Поднимаясь, я не замѣчалъ высоты, но теперь, глядя внизъ, я рѣшительно не понималъ, какъ держалась лошадь, да еще со мной надъ всѣми этими обрывами, которые мы, поднимаясь, обходили и которые теперь зіяющими безднами стерегутъ мою лошадь и меня тамъ внизу.

Прежде всего я соскочилъ съ лошади, но тутъ же поскользнулся и поѣхалъ было внизъ,—если бы не поводъ, за который я держался, то далеко бы уѣхалъ я, и хорошо, еслибъ отдѣлался только ушибами и даже поломами костей.

Попробовалъ-было я поворотить назадъ лошадь—скользитъ. Попробовалъ-было я снять сапоги и босикомъ пройти—тоже нельзя. Тогда прибѣгли къ послѣднему средству: проводникъ и П. Н. съ той стороны

оврага, я—съ этой принялись рыть траншею, потративъ на эту работу около часа.

Но вотъ, наконецъ, и верхъ и весь грозный Пектусанъ съ иззубреннымъ жерломъ своего кратера сразу открылся.

Картина, развернувшаяся предъ нами, была поразительная, захватывающая, ошеломляющая. Тамъ, внизу, на отвѣсной глубинѣ полуторы тысячи футъ сверкало зеленое, версты въ двѣ, озеро. Какъ самый лучшій изумрудъ, сверкало это зеленое, прозрачное, чудное озеро, окруженное все черными иззубренными замками или развалинами этихъ замковъ. Темныя, закоптѣлыя стѣны снизу поднимались отвѣсно вверхъ и причудливыми громадными иззубринами окружали кратеръ.

Какая-то чарующая, тамъ на озерѣ, безмятежная тишина. Какая-то иная совсѣмъ жизнь тамъ.

Очень сильное впечатлѣніе именно жизни.

Кажется вотъ-вотъ выйдутъ всѣ эти живущіе тамъ, внизу, изъ своихъ замковъ, въ какихъ-то нарядныхъ костюмахъ, раздастся музыка, поплывутъ нарядныя лодки и начнется какая-то забытая, какъ сказка, какъ сонъ, иная жизнь.

И въ то же время сознаніе, что этотъ уголокъ земли — смерть, полная смерть, гдѣ на берегу того озера Стрѣльбицкій нашелъ изъ органическаго міра только кость, вѣроятно, занесенную мимо летѣвшей птицей.

Смерть! Самъ вулканъ умеръ здѣсь и это прозрачное озеро—только его чудная могила, эти черныя отвѣсныя, копотью, какъ трауромъ, покрытыя бастіоны—стѣны этой могилы.

И стоятъ они грозные, охраняя тайну могилы. Я усталъ смотрѣть туда, внизъ, и любуюсь причудливыми выступами скалъ, окружающихъ кратеръ.

Вотъ гигантъ медвѣдь опустилъ свою большую голову и притихъ. Вотъ башня съ остроконечнымъ шпицемъ. А вотъ на скалѣ чудное и нѣжное, какъ мечта, изваяніе женщины. Одной рукой она оперлась о край и заглядываетъ туда, внизъ, гдѣ озеро. Въ этой фигурѣ и покой вѣковъ, и свѣжесть мгновенья. Словно задумалась она, охваченная сожалѣніемъ, сомнѣніемъ, колебаніемъ и такъ и осталась въ этомъ таинственномъ уголкѣ не вполнѣ еще сотвореннаго міра.

Что-то словно дымится тамъ внизу, какъ-будто заметалось вдругъ озеро, вздрогнуло и зарябило и съ какимъ-то страшнымъ ревомъ уже приближается сюда это что-то.

— Къ землѣ, къ землѣ лицомъ,—кричитъ проводникъ.

Я пригибаюсь, но все-таки смотрю, пока можно: прямо со дна озера летитъ вверхъ облако, въ которомъ все: и мелкіе камни, и пыль, и пары, которые тамъ, на озерѣ, какъ въ закипѣвшемъ вдругъ котлѣ пробѣжали по его поверхности. Насъ обдало этимъ страшнымъ паромъ-пескомъ. А черезъ мгновеніе еще и нѣжное, бѣлое облако уже высоко

надъ потухшимъ кратеромъ поднялось въ небо въ причудливой формѣ фантастическаго змѣя. Старикъ проводникъ поднялъ-было глаза къ облаку и сейчасъ же, опустивъ голову, сложивъ руки, началъ качаться.

— Что такое?

Проводникъ вскользь угрюмо бросилъ нѣсколько словъ.

— Молится,—перевелъ мнѣ П. Н.,—говоритъ, драконъ это, не надо смотрѣть и лучше уйти. Разсердится—худо будетъ.

— Скажите ему, что я очень извиняюсь передъ дракономъ, но мнѣ необходимо снять фотографію съ его дворца.

Старикъ кончилъ молиться, успокоился, покорно развелъ руками и сказалъ:

— Драконъ милостивъ къ русскимъ,—у нихъ счастье, а насъ—корейцевъ онъ убилъ бы за это. Но и русскіе приносили жертвы,—тотъ, который былъ съ баранами, зарѣзалъ здѣсь одного барана.

— Скажите ему, что у насъ не приносятъ жертвъ.

— Здѣсь дракона законы.

И опять все тихо кругомъ. Сверкаетъ озеро въ глубинѣ, а кругомъ необъятная, сколько глазъ хватитъ, золотистая даль лиственичныхъ лѣсовъ, а еще выше—и надъ этой желтой далью, и надъ бѣлымъ Пектусаномъ безоблачная лазурь неба, голубого, какъ бирюза, сверкающаго, и еще болѣе голубого отъ позолоты желтой дали лѣсовъ.

И опять смотришь внизъ туда, гдѣ сверкаетъ это волшебное зеленое озеро. И опять очарованіе, ощущеніе заколдованной жизни. И новый страшный вихрь.

Сдѣлавъ нужныя работы, опредѣливъ положеніе кажущейся вдали расщелины, откуда вытекаетъ, по словамъ туземцевъ, притокъ Сунгари, я занялся выясненіемъ истоковъ двухъ другихъ рѣкъ: Туманган и Амнокагана.

Съ этой высоты видно все, какъ на ладони. Здѣсь водораздѣлъ всѣхъ этихъ трехъ рѣкъ: къ западу Амнока, къ востоку Туманганъ, къ сѣверу и сѣверо-востоку Сунгари. Мнѣ видны всѣ овраги Амноки. Я уже видѣлъ ихъ снизу и, всѣ они сухіе.

Такіе же овраги идутъ по направленію и къ Тумангану — тоже сухіе.

Такимъ образомъ внѣ сомнѣнія, что истоки Тумангана и Амноки не имѣютъ никакого непосредственнаго сношенія съ озеромъ.

Остается дѣло за истоками Сунгари.

Мы отправляемся къ той части Пектусана на сѣверо-востокъ, гдѣ видна эта какъ будто расщелина.

Уже часъ дня.

— И зачѣмъ идемъ, когда я говорю вамъ, что тамъ щель,—ворчитъ проводникъ.

— Онъ самъ видѣлъ ее?—Спрашиваю я П. Н.

Онъ самъ не видѣлъ, но товарищи-охотники были въ томъ китай-

скомъ лѣсу и видѣли, какъ сверху падаетъ вода изъ глубокой и высокой щели.

— Надо идти,—говорю я.

Мы идемъ. Новые періодичные, минутъ черезъ пять, вихри, все болѣе и болѣе сильные, отъ которыхъ вздрагиваетъ земля.

Иногда, когда мы идемъ, подъ нами слышится гулъ пустоты.

Мы идемъ до щели три часа, все время любуясь озеромъ и видами, снимая фотографіи и дѣлая засѣчки на новые открывшіяся мѣста.

Вотъ послѣдній подъемъ и тамъ должна открыться щель: сердце бьется отъ усиленнаго подъема, отъ напряженнаго ожиданія, лошадь давно оставлена съ проводникомъ, который, спустившись внизъ, ведетъ ее и едва виденъ.

Щели нѣтъ...

Такой же грозный и неприступный бастіонъ и здѣсь въ углубленіи какъ и вездѣ. Отсюда виденъ весь Пектусанъ и вездѣ все шире обнаженная и неприступная стѣна. Я смотрю въ бинокль и вижу внизу подъ нами, гдѣ идетъ нашъ проводникъ съ лошадью, воду. Щели нѣтъ, но вода есть. Гдѣ, на какой высотѣ, ея источникъ? Чтобъ узнать, надо спуститься. Намъ предстоитъ очень тяжелый спускъ внизъ по карнизу одного изъ крыльевъ этого гигантскаго бастіона, чтобъ найдти начало источника. Лучше не смотрѣть ни вверхъ, ни внизъ, лучше бы и совсѣмъ не спускаться.

Но вечеръ приближается; морозитъ; страшные вихри все сильнѣе; темныя тучи ползутъ изъ кратера и ужъ не видно озера.

Прощай, прекрасное! Всегда останешься ты въ моей душѣ, какъ чудная мечта, какъ сонъ, который трудно отличить отъ дѣйствительности. Несмотря на короткія мгновенія, проведенныя здѣсь, я уже сжился съ тобой: мнѣ близки и безмятежная тишина твоя, и твои дикія вспышки; кажется, что привыкъ я къ тебѣ, что уже давно давно знаю тебя.

Я не люблю кручъ.

Съ мужествомъ труса, съ мужествомъ отчаянія, стиснувъ зубы и умертвивъ все въ себѣ, я звѣремъ, дорожащимъ только своей жизнью, цѣпляясь руками и ногами, проворно, какъ по лѣстницѣ, спускаюсь по уступамъ камней. Камни надежные, твердые, на шагъ разстоянія другъ отъ друга, но какъ тяжело дѣлать этотъ шагъ! Ноги, какъ сросшіяся не хотятъ ступать! Ступай, ступай, несчастный!

Вотъ, гдѣ опасность! Что передъ ней хунгузы, барсы, тигры? Вотъ настоящіе владыки этихъ мѣстъ,—эти утесы, эти вихри, которые вотъ-вотъ сорвутъ и бросятъ туда внизъ; эта надвигающаяся ночь, которая закроетъ скоро всѣ эти бездны и не будешь знать, куда ступить, а морозный холодъ ночи пронижетъ насквозь легкое пальто. Что-то съ Н. Е. и его спутниками? Скорѣй, скорѣй же!

А когда остается саженей тридцать до пологаго откоса, я уже

безпечно и весело, какъ самый отважный ходокъ, шагаю и даже прыгаю съ камня на камень.

Гопъ! Послѣдній прыжокъ и опять я на ногахъ, на твердой землѣ,—хочу стою, хочу иду; опять живой и здоровый.

О Боже, неужели мы съ П. Н. были тамъ? Здѣсь снизу вся обнаженная вершина Пектусана еще болѣе напоминаетъ гигантскіе грозные бастіоны, круглыя башни, обстрѣливающія всѣ выступы.

Но некогда: скорѣй, пока свѣтло окончить осмотръ овраговъ.

Что это шумитъ?

А! вотъ, откуда пробирается вода!

Барометръ! Разница высоты—1.630 футъ. Ниже, слѣдовательно, поверхности озера на 330 футъ. Это и возможная глубина озера. Подземный ходъ изъ озера сюда. Вода красивымъ узкимъ ручейкомъ стремительно падаетъ внизъ и чѣмъ ниже, тѣмъ круче.

Отъ этого оврага дальше, среди желтаго лѣса, тянется темная полоса и уходитъ на сѣверо-западъ. Сколько видитъ глазъ кругомъ—вездѣ безпредѣльная равнина.

Съ правой стороны, стоя лицомъ къ Сунгари, вьется еще одна темная полоска среди желтаго лѣса и соединяется съ тѣмъ оврагомъ, у котораго стоимъ мы.

Такъ какъ на право и дорога наша, то мы и спѣшимъ осмотрѣть уже пройденный другой оврагъ.

Въ трехъ верстахъ отъ спуска по обратному направленію пришли мы и къ этому второму истоку. Онъ значительно больше перваго—если тамъ силы три, то здѣсь ихъ около 15. Я опредѣляю силы на глазъ, руководствуясь опытомъ предыдущихъ лѣтъ.

Солнца уже нѣтъ, ночная мгла на всемъ и только двѣ-три вершины во всемъ округѣ видятъ еще опустившееся солнце.

Послѣдній подходъ къ оврагу былъ очень неудачный: мы взбирались полчаса на какую-то вершину для того, чтобы спуститься назадъ по той-же дорогѣ. Совсѣмъ стемнѣло.

— Проводникъ говоритъ, что онъ здѣшнихъ мѣстъ не знаетъ.

— Плохо. Ну, не знаетъ, такъ ночевать надо здѣсь: благо, вода и кормъ для лошадей есть, а вотъ и нѣсколько деревьевъ, слѣдовательно, и дрова есть.

Я повелъ свою лошадь къ ручью.

Странная вещь, вотъ уже третій день лошадь моя стала спотыкаться на каждомъ шагу, точно слѣпая.

— Да она и есть слѣпая,—говоритъ П. Н.

Осматриваемъ и убѣждаемся, что несчастная лошадь, дѣйствительно, слѣпая.

Тянемъ ее къ деревьямъ, гдѣ кормъ, и тамъ въ оврагѣ устраиваемся.

Все устройство заключается, впрочемъ, въ томъ, что мы рубимъ

ножами вѣтви, ломаемъ ихъ руками, собираемъ сухостой и разводимъ костеръ. Лошадь выпускаемъ на поляну, она жадно ѣстъ сухую траву. П. Н. пригнулся и ищетъ голубицу. Уже почти сухая, сморщенная голубица все таки пища и лучше, чѣмъ ничего. Нѣсколько ягодъ съѣлъ и я, но я не любилъ ихъ никогда и теперь не люблю.

Да и не хочется ѣсть,—ни ѣсть, ни пить. Я очень усталъ. Вотъ разгорѣлся костеръ, тепло, сидишь и хорошо. Я такъ усталъ, что даже радъ наступившей темнотѣ: на законномъ основаніи можно сѣсть и не идти дальше. По горамъ трудно ходить: воздухъ разрѣженный, и тутъ еще эти леденящіе вихри. Какъ то Н. Е.?

Шесть часовъ, но уже совершенно темно.

Тамъ изъ вулкана все еще клубятся темныя тучи: курятся. Вѣтеръ рветъ и мечетъ и нѣтъ отъ него спасенья. Огонь и искры и дымъ бьютъ то въ лицо, то летятъ въ противоположную сторону и опять бѣшено возвращаются къ намъ.

Все темнѣе и дрожь пробѣгаетъ по тѣлу.

— П. Н., лошадь-бы привязать.

Пусть поѣстъ,—куда она уйдетъ, несчастная, слѣпая.

И П. Н, ложится, ложится и старикъ, я принимаю на себя караулъ.

Пошелъ къ лошади,—жадно ѣстъ. Пусть поѣстъ, часа черезъ два привяжу.

Хуже всего, что папиросы вышли.

Долго ждать до свѣта. Смотрю на часы: половина седьмого. Полчаса всего прошло съ тѣхъ поръ, какъ эти заснули.

Что-то дѣлаетъ Н. Е.? Можетъ быть, гдѣ-нибудь, какъ и я, сидитъ теперь. Но тамъ нѣтъ ни воды, ни дровъ. Воды имъ и не нужно, такъ, какъ, согласно уговору, лошадей Сапаги долженъ былъ отвести въ лагерь. А безъ дровъ трудно имъ будетъ, если опоздаютъ. Плохо я разсчиталъ время—въ этихъ горахъ измѣнилъ глазомѣръ.

Что-то мокрое?! Дождь? Это нехорошо, надо будить.

Проснулись, пошли, сломали двѣ молодыя лиственницы и устроили родъ шалаша. Легли и опять заснули оба.

Дождь свободно проходитъ сквозь шатеръ и мочитъ насъ. Вода понемногу пропитываетъ окружающую вѣчно зеленую траву, протекаетъ мелкими струйками подъ намокшіе пальто, сапоги, шапки,—уже мокры шея и руки, а рѣзкій вѣтеръ сильнѣетъ и не перестаетъ дрожь, несмотря на костеръ.

Нѣтъ, надо идти хоть сучья ломать. Надо, но нѣтъ охоты шевельнуть пальцемъ: словно нѣтъ меня, я отдѣленъ отъ себя и теперь я другой уже непосильный для себя грузъ. Этотъ грузъ съ неимовѣрнымъ усиліемъ, а все-таки подвигаю кое какъ ближе къ огню. Лицу жарко и ногамъ жарко, кажется, сожгу себѣ сапоги. Но спинѣ все таки холодно. Лошадь надо бы привязать. Ахъ, это П. Н., онъ идетъ за лошадью, ну, спасибо, а то я усталъ.

Все это уже сонъ,—я, согнувшись передъ костромъ, сплю.

Просыпаюсь отъ нестерпимаго холода. Дождь, какъ изъ ведра, костеръ почти потухъ, смотрю на часы 10 часовъ.

— П. Н., П. Н., вставайте же, пропадемъ всѣ.

— Голова болитъ.

— Будите проводника, идемъ въ лѣсъ и за лошадью.

Встаемъ, идемъ, но лошади не видно.

— Легла,—говоритъ П. Н.,—не найдти теперь.

Наломали сучьевъ, кое-какъ развели опять костеръ. Пересталъ было дождь и вдругъ пошелъ снѣгъ. Кто-то воетъ. Это проводникъ?!

П. Н. смущено слушаетъ.

— Что онъ говоритъ?—Спрашиваю я.

— Говоритъ, что драконъ очень сердится, и онъ боится, что мы пропадемъ, потому что пошелъ снѣгъ. А снѣгъ пошелъ, онъ не остановится — это зима—и завтра будетъ столько снѣгу, что, если мы и вытерпимъ, то все равно пропадемъ безъ дорогъ.

— Скажите ему, что во снѣ приходилъ ко мнѣ драконъ и сказалъ, что, если я отдамъ ему лошадь свою, то онъ перестанетъ сердиться.

Проводникъ быстро, оживленно спрашиваетъ: что я отвѣтилъ?

— Я сказалъ, что я согласенъ.

Старикъ удовлетворенно киваетъ головой. Черезъ нѣсколько минутъ снѣгъ перестаетъ и надъ нами совершенно чистое небо.

Старикъ радостно говоритъ:

— Драконъ пересталъ сердиться.

Костеръ ярко горитъ. Но опять туча и дождь. Старикъ убѣжденно говоритъ, что теперь скоро все пройдетъ, потому что драконъ умилостивленъ.

Оба—П. Н. и проводникъ, лежа чуть не въ лужѣ, засыпаютъ.

Туча проходитъ, небо звѣздное, но дождь идетъ. Вѣтеръ еще, кажется, злѣе и ножами рѣжетъ тѣло и руки и дымъ летитъ въ лицо. Часть земли изъ подъ костра освобождается; я ногами отгребаю пепелъ и ложусь: сухо и тепло. Разбудивъ П. Н. на дежурство, я моментально засыпаю.

Я открываю глаза. Часъ ночи. Костеръ ярко горитъ. П. Н. и проводникъ не спятъ. Вызвѣздило и ясно, хотя темно. Небо усыпано звѣздами. Большая Медвѣдица такъ близка къ горизонту, что кажется, рукой достанешь.

Еще пять часовъ до дня. Начинаетъ просыхать по немногу.

Старикъ совсѣмъ повеселѣлъ.

— Драконъ спитъ.

Но вѣтеръ надоѣдливый нагло рветъ и мечетъ по прежнему.

Покурить хорошо-бы, но ѣсть и пить не хочется.

А всетаки истоки всѣхъ трехъ рѣкъ изслѣдованы.

Но само озеро только красивая игрушка и ничему въ дѣлѣ улучшенія судоходства помочь не можетъ... Теперь это ясно, какъ день.

Я вспоминаю Тартарена, когда онъ въ отчаяніи кричалъ:

— Алла, алла, а Магометъ старый плутъ и весь востокъ и всѣ дѣвы востока не стоятъ ослинаго уха!

Я прибавляю:

— И лѣса его и золото его, которыхъ у насъ въ Сибири во сто разъ больше и всѣ богатства, которыхъ у насъ на Алтаѣ во сто разъ больше, ничего не стоятъ въ Кореѣ.

Остается одна чистая наука: да здравствуетъ она!

Пойти посмотрѣть лошадь. Нигдѣ не видно ее. Гдѣ-то возлѣ лѣса рѣзкое кошачье мяуканье. Наконецъ и я, если не вижу, то слышу господина. А, можетъ быть, гдѣ-нибудь въ этихъ кустахъ уже крадется барсъ.

Нѣтъ, лучше итти къ костру. Вотъ хорошее дерево, начну ножомъ рубить его, часа на два работы,—согрѣюсь и время пройдетъ

Кто-то идетъ.

— Вы что тутъ дѣлаете?—спрашиваетъ П. Н.

— Да вотъ дерево рублю.

— Давайте ножъ, идите спать, я больше не буду спать...

— Да у васъ голова болитъ?

— Прошла.

— А у меня горло прошло,—говорю я,—ну, спасибо, рубите...

— Хорошо бы дома въ теплой кровати теперь,—думаю я, и съ отвращеніемъ сажусь, какъ приговоренный, въ свою тюрьму: съ одной стороны пламя въ лицо, съ другой вѣтеръ съ ножами, мокрая земля мокрое платье,—насквозь мокрое.

Все это пустяки, одна ночь, и передъ Нансеновскими испытаніями стыдно и говорить объ этомъ..,

Измученъ, усталъ, сколько впереди еще... И ни заслугъ, ни славы... Нѣтъ, что-то есть... есть... есть... что же? А, Сунгари и выясненный вопросъ истоковъ... По новой дорогѣ пойдемъ, гдѣ не была еще нога европейца, да и здѣсь въ этихъ дебряхъ не была, у этихъ мнимыхъ щелей впервые тоже стоитъ человѣкъ.

Пусть сердится драконъ, тайна вырвана у него.

Разсвѣтъ. Я просыпаюсь.

П. Н. уныло говоритъ:

— Пропала лошадь...

— Господи, какъ холодно. Ну, пропала, что же тутъ сдѣлаешь?

— Я все-таки еще пойду искать ее.

— Гдѣ проводникъ?

— Ушелъ дорогу искать.

П. Н. ушелъ, я остаюсь одинъ.

Жуткое чувство одиночества въ этой мокротѣ. Все промокло,—сѣдло, попоны, самъ. Брр...—какая гадость! Поднялся на ноги: не хотятъ стоять ноги, тѣло тяжелое. Но костеръ тухнетъ и надо идти за сучьями.

Иду, ломаю, смотрю, нигдѣ не видно лошади. Вспоминаю ее: какая несчастная она была, слѣпая, покорная... Если тигръ ее схватилъ, проиграла ли она что-нибудь? Все-таки жалко ее...

П. Н. пришелъ и сказавъ угрюмо: «нѣтъ лошади», повалился и уже спитъ.

Солнце взошло. Гдѣ же проводникъ? Сѣлъ дневникъ писать, но руки окоченѣли, окоченѣли и слова: тяжело, неуклюже и одна фраза отвратительнѣе другой.

Странно, отчего ѣсть не хочется? Восемь часовъ и ровно 24 часа, какъ я не ѣлъ уже.

Выше поднялось солнце, такой же вѣтеръ, но солнце и костеръ сушатъ и грѣютъ.

Все спитъ. Какъ-то голо и уныло смотритъ съ своей вершины Пектусанъ и вся неприступная твердыня его, все также вылетаютъ облака оттуда и, сидя здѣсь, я чувствую пронизывающій холодъ его вершины.

Все та же желтая скатерть лѣсовъ передъ глазами и синяя даль горъ. Все подернуто какой-то мглой, точно не выспалось, какъ и я, и не ѣло больше сутокъ.

Чей-то голосъ! Съ горы спускаются пять лошадей и впереди Н. Е.

— Все благополучно?—кричу я.

— Какое благополучно: трехъ солдатъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?!—вскакиваю я.

— Пока вылѣзали съ озера наверхъ, насъ сразу захватила ночь, ну и сбились, куда ни пойдемъ, вездѣ кончается кручей. Спускались, поднимались, опять спускались, дождь пошелъ, намокли. Главное лошади, безъ лошадей все-таки какъ-нибудь бы справились..-

— Какія лошади?

— Двѣ вьючныя, которыя были съ нами...

— Но почему же этихъ лошадей не отправили въ лагерь, какъ вѣдь и было предположено?

— Ну вотъ, Сапаги... Не понялъ или побоялся итти... Вылѣземъ наверхъ, а онъ тутъ и съ лошадьми... Лошади и зарѣзали... Я просто выбился изъ всѣхъ силъ... Полушубокъ намокъ, тяжесть, словно сто пудовъ на плечахъ, итти вверхъ прямо не могу, не передвигаются ноги, могу только внизъ двигаться. Подошли опять къ какому-то спуску—нельзя спускаться, надо опять итти вверхъ назадъ. Главное вижу, что я ихъ задерживаю, пройду два шага и упаду, лежу, не могу встать. Ну, думаю себѣ, я пропалъ, за что же другіе пропадать будутъ, говорю имъ: «Подождите здѣсь, я попробую спуститься и крикну вамъ снизу, есть ли выходъ. Если со мной, не дай Богъ, что случится, старшимъ назначаю Бесѣдина. Если устанете, имѣете право бросить лошадей». Ну и полѣзъ внизъ... лѣзъ... лѣзъ... Я уже не знаю, какъ только и не убился.. Сегодня посмотрѣлъ, откуда спустился...

— Какія распоряженія вы оставили относительно розыска людей?

— Послалъ Ив. Аф. и самъ вотъ ѣздилъ. Ив. Аф. послалъ на прежнюю стоянку. Тамъ былъ пожаръ и свѣтилось, когда мы были наверху... Если они пропустили лагерь, то, навѣрно, попадутъ на Буртопой.

— Дайте папиросу и ѣдемъ...

— Ахъ, Ник. Георг... ну, гдѣ тамъ еще мнѣ было думать о папиросахъ: вотъ взялъ краснаго вина, нѣсколько сухарей.

— Да вы сами курите же?

— Да теперь не курилъ, не ѣлъ и не спалъ...

— Что вы дѣлали?

— Всю ночь звонилъ въ колоколъ, стрѣлялъ, жгли костеръ, пока были дрова, потомъ на шестъ поставилъ фонарь, такъ какъ глухой онъ,—одна только свѣтлая сторона,—ну и вертѣли его, какъ маякъ... Я только и попалъ на фонарь... Буря,—выстрѣловъ въ нѣсколькихъ шагахъ не слышно... Корейцы разбѣжались... Корму лошадямъ нѣтъ, воды нѣтъ, дровъ нѣтъ.

— Здѣсь и вода, и дрова и кормъ,—показалъ я на свою ночевку, которая теперь была уже далеко подъ нашими ногами,—надо сейчасъ же перевести лагерь сюда, потому что не уйдемъ же, пока людей не разыщемъ.

— Я думаю они уже погибли.

Н. Е. оборвался и замолчалъ.

Только теперь я замѣтилъ, какъ измѣнился онъ за ночь. Осунулся, складки на лицѣ, напряженный взглядъ и вся фигура и лицо отжившаго высохшаго старика.

— Полно вамъ. Три солдата, чтобъ погибли...

— Замерзнутъ...

— Да вѣдь морозъ всего градусъ, два.

— Ну и обледенитъ—все вѣдь мокрое, спички размокли, выбьются изъ силъ...

— Ну, выбьются, остановятся, начнутъ драться, наконецъ, чтобы согрѣться... Я, вѣдь, мокрый, и П. Н., и проводникъ: сѣли, просохли, силы появятся, опять за дровами...

— Да вѣдь у васъ они есть...

— Да не такой же холодъ... Ну, они вмѣсто дровъ пойдутъ... Не безпокойтесь, человѣкъ такое живучее животное... Какъ же вы попали въ лагерь?

— Я и не знаю. Слѣзъ я въ оврагъ, осмотрѣлъ, крикнулъ имъ: обходите вправо. Отвѣтили: «идемъ» и все смолкло. Я легъ и думаю, ну хоть не задержу ихъ. Спать хочется, знаю, что засну—пропалъ, а самъ уже засыпаю... Слышу, что-то камни около меня шевелятся: упало на меня... «Кто?» Сапаги. «Ты какъ попалъ?» «Моя капитанъ пошла? Айда, ходи». «Не могу». «Надо ходи, лежать нѣтъ надо». Пошли мы... Идемъ, идемъ и ляжемъ. «Надо ходи». Вдругъ свѣтъ фо-

наря... Оказывается, я лежалъ въ послѣдній разъ въ десяти саженяхъ отъ лагеря... Прихожу, спрашиваю: «Солдаты пришли?»—Нѣтъ, говорятъ. Повернулся къ палаткѣ, кричу: Н. Г. солдатъ нѣтъ!

— Да и Н. Г. нѣтъ,—говоритъ И. А.

— Ну, тутъ я совсѣмъ... Я вѣдь думалъ, что и вы задрогли...

— Всѣ трое?

— Да, вѣдь, ночь же какая... Чѣмъ еще кончится? Не можемъ мы не простудиться.

— Ну, у меня вчера, когда выступали, горло такъ болѣло, что глотнуть не могъ, теперь все прошло... Ну, ѣдемъ скорѣй.

Вотъ и лагерь. Полное разрушеніе, кромѣ В. В. всѣ разбѣжались, палатки сломаны, вещи разбросаны.

Ив. Аф. уже пріѣзжалъ съ Буртопоя, — солдаты тамъ! Ура! послалъ имъ спирту и пищу И. А., а самъ уѣхалъ въ горы разыскивать лошадей, которыхъ солдаты упустили.

— Какъ упустили?

В. В. не могъ объяснить.

— Ну, въ такомъ случаѣ сниматься и отступать на Буртопой... Папиросъ дайте.

— Моя чай варила...—говоритъ В. В.

В. В. въ маленькой китайской шапочкѣ съ красной шишкой и обмотанной вкругъ головы косой.

— Ну, давайте вашъ чай...

— Моя щи варила...

— Давайте щи.

— Я вчера,—говоритъ Н. Е.,—три раза пробовалъ ѣсть, три раза вырвало.

Совсѣмъ другой человѣкъ опять сталъ Н. Е.: повеселѣлъ.

— Вѣрно, значитъ, я разсудилъ, что на Буртопой послалъ, — говоритъ онъ.

Н. Е. говоритъ и уплетаетъ щи.

Я съѣлъ три ложки,—тошнитъ.

— Давайте чаю.

Чай съ какимъ-то саломъ. Заставилъ себя выпить и сейчасъ же все назадъ.

Китаецъ, Сапаги и маленькій уродъ Танъ укладываютъ тюки.

— Лошадей поили?

— Воды нѣтъ.

— Снѣгъ кипятите, Сапаги, бросьте укладку, берите снѣгъ и варите...

Напоили кое-какъ лошадей. И. А. подъѣхалъ:

— Нѣтъ... Главное съ тюками вѣдь. Такъ все-таки имъ легко бы было, а съ тюками пропадутъ:.. Главное, Сѣрый слѣпой вѣдь.

— Другая какая лошадь?

— Маленькая бѣлая, самая умная, положимъ и колокольчикъ на шеѣ, слѣпому-то и слышно...

— Ну, укладывайтесь, ѣдемъ.

Все тотъ же вѣтеръ и холодъ и во всей своей неприступности передъ нами великолѣпный Пектусанъ, сегодня весь покрытый снѣгомъ.

— Скажите старику,—говорю я,—драконъ молодецъ, задалъ намъ трепку.

— Онъ говоритъ, что это за то, что лодку спустили.

— Ну, разсказывайте Н. Е.: что же вы дѣлали вчера?

И Н. Е. разсказываетъ, пока мы укладываемся.

— Разсказывайте все съ самаго начала.

— Ну вотъ, пришли мы...

— Хорошій спускъ?

— По камнямъ. На глазъ—почти отвѣсно, а дальше розсыпь... Вѣдь мы потеряли лотъ... Ну, ищу я глазами камень... Смотрю внизу на берегу озера лежитъ камень, ну такъ съ три кулака... Ну, думаю, камень, значитъ, есть и полѣзъ внизъ. За мной остальные, лодку разобрали, я надѣлъ на плечи пробки...

— Голова не кружилась?..

— У меня не кружится...

— У людей?

— Ни у кого... И. А., какъ кошка лазитъ... У Хапова камень оборвался, слышу: «берегись, берегись». Смотрю, прямо на меня летитъ. Я стою одна нога на одномъ камнѣ, другая на другомъ: куда беречься? Только вправо или влѣво туловище наклонить. Ну, я, положимъ, такъ и приготовился... все равно, какъ изъ ружья, цѣлить: нацѣлился прямо на меня, я влѣво, да спину повернулъ и схватился за камень... Какъ хватитъ по пробкамъ на спинѣ... Ну и цѣлъ и удержался... Такъ и спустились. Стали лодку собирать. Камень мой въ три кулака оказался скалой саженей въ пять. Снизу вверхъ смотрѣть, такъ просто не вѣришь себѣ, какъ спуститься тутъ можно. Когда мы спустились, озеро слегка волновалось, вода прозрачная, такая, что не видишь ее. Ключъ падаетъ съ горы. Пока падаетъ, едва замѣтно, а гдѣ-нибудь въ ложинкѣ, воды не видно... Пока собирали лодку, приготовляли лотъ, поднялась такая буря, что стоять нельзя. Снизу рветъ, камни поднимаетъ вверхъ... Спустили лодку, поѣхалъ сперва И. А. — не можетъ выгрести... прибило назадъ. Потомъ И. А. полѣзъ вверхъ назадъ въ лагерь, а я съ Бесѣдинымъ сѣли въ лодку, гребемъ, на шагъ не поддвигаемся... Тутъ какъ-то стихло было, мы двинулись саженей на двадцать и сразу такой порывъ, что полную лодку налило: маленькое озеро, а волны полтора аршина. Положимъ, лодка—хоть и полная воды, но держится...

— Сколько градусовъ?

— Семь.

— А въ воздухѣ?

— Три... Промокли... ноги не терпятъ и грести нельзя: тутъ и пароходомъ не выгребешь, прямо, такъ и выбросило на берегъ... Бились, бились, всѣ по очереди пробовали, тоже самое... Зальетъ лодку и выброситъ... Глубина страшная, это прямо видно: отъ берега мелко, а тамъ сразу обрывается и уходитъ въ глубину обратнымъ откосомъ, почти вездѣ такъ... Контуръ снялъ.

— Инструменты благополучно спустили?

— Благополучно... Ну, пока работали, смотримъ солнца ужъ мало видно. Промокли, продрогли, да и дѣлать больше нечего... Вытащили лодку, опрокинули ее, веревки для лота положили подъ нее весла и полѣзли назади.

— Лодку не унесетъ въ озеро? Вода въ озерѣ не замѣтили, опускается, поднимается?

— На полсажени высоты замѣтно, какъ будто пониженіе. Можетъ быть, это волны, можетъ быть, усыхаетъ. Ключи есть, — бьютъ изъ скалъ.

— Трещина есть въ озерѣ?

— Когда я выѣхалъ на лодкѣ, видно было, что на сѣверо-востокѣ нѣтъ, а на западѣ какая-то бухта. Я не разсмотрѣлъ...

— Я стоялъ передъ этой бухтой на восточной сторонѣ, какъ разъ напротивъ, такія же стѣны отвѣсныя, какъ и вездѣ.

— Ну, значитъ, нѣтъ выхода. Впечатлѣніе собственно отъ озера-игрушка... И опасная игрушка... Въ смыслѣ же питанія рѣкъ...

— Объ этомъ и говорить нечего,—горсть воды.

Все уложено и мы покидаемъ негостепріимную гору. Отъ нея вѣетъ холодомъ и неуживчивостью. Какой-то взбалмошный, больной драконъ. Дуритъ, какъ только можетъ. Вотъ уже опять летятъ облака изъ него и даже здѣсь качаетъ вѣтромъ насъ.

— Нѣтъ, подыматься было трудно,—говоритъ тихо весь поглощенный разсказомъ Н. Е. и по обыкновенію улыбается,—назначили скалу, половину дороги, а доползли—оказывается и пятой части не прошли еще. Вдругъ туча подошла къ краю и вдругъ всю ее втянуло въ озеро и сразу темнота. Какъ только закрыло тучей озеро, буквально, черное стало, а потомъ все исчезло. Я ужъ думалъ ночевать гдѣ-нибудь на полдорогѣ, да негдѣ было. Ужъ и незнаю, какъ долѣзли, черезъ каждыя три-четыре сажени—отдыхъ... Я послѣднимъ ползъ...

Камни летятъ изъ подъ ногъ тѣхъ верхнихъ: одинъ по колѣну такъ хватилъ, что, думалъ, свалюсь... Вышли на верхъ, просто, какъ выкачали все изъ меня: ноги дрожатъ, дышешь ужъ не легкими, легкіе, какъ будто лопнули, а такъ какъ то, всѣмъ тѣломъ... Тошнитъ, голова кружится, упалъ-бы, кажется, и заснулъ, умереть согласенъ, что хотите, только дальше не итти. А тутъ дождь, какъ изъ ведра, сразу намочилъ, промокли и, хоть, что хочешь .. Сто лѣтъ проживешь, а не

забудешь этой ночи... Тьма, дождь, ревъ такой, что голосовъ не слышно: Господи, что ужъ это такое. Я ужъ такъ и думалъ: ну, конецъ. Между тѣмъ пока мы ѣхали и Н. Е. разсказывалъ свои впечатлѣнія, наступилъ вечеръ и опять сразу тьма, мы сбиваемся съ дороги, благодаря проводнику, который хотѣлъ пройдти покороче, попадаемъ въ оврагъ истоковъ Тумангана, валимся, падаемъ, теряемъ вьюки, разыскиваемъ ихъ и уже собираемся съ лошадьми, въ конецъ измореннымъ вторично ночевать въ какой-то трущобѣ, когда на два сигнальныхъ выстрѣла, услышали наконецъ гдѣ-то далеко, далеко отвѣтные выстрѣлы. Замѣтили звѣзды и пошли напрямикъ. Выстрѣлы ближе, ближе, затѣмъ свистки, огонь костра и мы надъ оврагомъ Буртопоя. Гдѣ-то онъ тамъ въ безконечной глубинѣ.

Спустились. Тепло у костра,—солдаты, корейцы, разсказы и судъ надъ всѣми.

Корейцы на какомъ основаніи бросили лагерь?—Не было дровъ, не было корму и воды.

Виноватъ проводникъ. Но проводникъ самъ не зналъ, что есть вода на Пектусанѣ. Никто невиноватъ.

Очередь за солдатами.

— Вы поступили правильно, что бросили лошадей, но зачѣмъ вы во-первыхъ не развъючили ихъ: жаль несчастныхъ животныхъ, а во-вторыхъ, почему вы не привязали лошадей?

Выступаетъ Бесѣдинъ.

— Позвольте объяснить... Когда Н. Е. крикнулъ намъ: направо—мы такъ и пошли. Шли, шли,—приходимъ такой же оврагъ. Что дѣлать? Назадъ пошли, поднялись на самый верхъ, опять на то мѣсто, откуда начали спускаться, опять запутались, опять назадъ... Стали выбиваться на вашу дорогу.—Павелъ днемъ ходилъ за вами,—ну, такъ и пошли, дошли до того мѣста, гдѣ проводникъ васъ черезъ оврагъ проводилъ,—стали дѣлать ступеньки, сошли сами и лошадей, Господь помогъ, спустили. Тутъ обезсилили, попали въ какой-то оврагъ—трава. Надо покормить лошадей, а самимъ отдохнуть. Пустили лошадей, сами сидимъ. Мокрые, давай грѣться: стали бороть другъ друга, возиться, въ родѣ, какъ будто тащимъ въ плѣнъ другъ дружку. Сколько времени прошло, такъ и незнаемъ. Спохватились—и нѣтъ лошадей. Туда, сюда—нѣтъ лошадей. А темно, реветъ, какъ въ трубѣ и не видно и не слышно. И вещи, которыя сняли съ себя, не найдемъ. Ну чтожъ?—поискали, поискали, а уже всѣ мокрые, коченѣемъ, сами пошли... Куда идти? Огонь въ лѣсу горитъ: знаемъ, что это Буртопой, наше же пожарище. Компасъ у меня. Я хоть и не умѣю читать, а стрѣлку, какъ стоитъ, замѣтилъ и звѣзды замѣтилъ. Спустились въ оврагъ и пошли по стрѣлкѣ. Шли, шли, тутъ свѣтать стало, видимъ и Буртопой подъ нами. Спустились, отъ горящаго пня огонь достали, наломали сучьевъ, огонь развели. Отогрѣлись, тутъ корейцы пріѣхали, погодя и И. А.

— Ну, молодцы, значитъ. Не простудились никто?

— Господь миловалъ...

— Ну, спать.

— Ужинать будете?—спрашиваетъ И. А.

— Мнѣ только чаю и спать.

Хорошо въ балаганѣ. Горѣлъ и онъ, но не сгорѣлъ весь, — одна стѣна прогорѣла. Да, вотъ разслѣдовать, кто не залилъ огонь...

Разслѣдованіе ни къ чему не приводитъ,—послѣдніе ушли, оказывается, корейцы. Всѣ собрались въ балаганѣ и сидятъ вокругъ костра. Разсказы о проведенныхъ двухъ дняхъ.

Корейцы все время дрожали отъ страха и холода. Они очень извиняются, что, убѣдившись, что здѣсь на Буртопоѣ нѣтъ хунгузовъ, ушли сюда. Я говорю имъ, что я не въ претензіи,—другое дѣло, еслибы мы остановились тамъ, гдѣ есть вода, кормъ лошадямъ, дрова.

— Конечно, конечно,—соглашаются корейцы.

Старикъ кореецъ нашъ проводникъ съ дѣтскимъ добрымъ лицомъ, незлобивый и кроткій, мужественный охотникъ на тигровъ, первый стрѣлецъ и лука, за что въ свое время и получилъ отъ императора похвальный отзывъ и на его могилѣ поставятъ, когда онъ умретъ, высокую палку, а на ней райскую птицу или дракона, а при жизни его всѣ называютъ его полнымъ именемъ Дишандари (стрѣлокъ, получившій похвальный листъ).

Я спѣшу оправдать выносливаго старика и говорю:

— Я сказалъ Дишандари, что мы въ тотъ же день снимемся съ лагеря--онъ поэтому и заботился выбрать стоянку наиболѣе попутную для нашихъ будущихъ цѣлей. А, еслибъ онъ зналъ, что будетъ, то и выбралъ-бы ту, гдѣ мы ночевали.

Дишандари очень смущенъ, тронутъ моими словами, а корейцы радостно кричатъ со всѣхъ сторонъ:

— Такъ, такъ...

Я смотрю въ его прекрасное лицо, ласковые, неувѣренные въ себѣ глаза и говорю П. Н.:

— Скажите ему, что у него ноги заячьи, глаза волчьи, сердце тигра, а душа женщины. И онъ не даромъ Дишандари.

П. Н. передаетъ,—среди корейцевъ восторгъ. Дишандари на мгновеніе становится героемъ, на пьедесталѣ своихъ подвиговъ. О нихъ теперь энергично говорятъ. П. Н. слушаетъ ихъ говоръ и весело смѣется.

— Они говорятъ, что каждое ваше слово, какъ золото падаетъ, что вы все понимаете, каждаго человѣка знаете, что онъ думаетъ. Что, еслибъ ихъ начальники такъ все понимали, то Корея не хуже бы другихъ была, а ихъ начальники такіе же глупые, какъ и они, и только бьютъ и грабятъ ихъ не хуже хунгузовъ.

Разговоръ переходитъ къ результатамъ нашихъ изслѣдованій.

Они очень разочарованы въ томъ, что изъ озера нѣтъ выхода. Никто изъ нихъ этого выхода не видалъ и тамъ не былъ, но такъ ужъ говорятъ у нихъ изъ рода въ родъ.

Относительно Ялу (Амноки) откуда она вытекаетъ, покажетъ завтрашній и послѣзавтрашній день, которые мы посвятимъ изслѣдованію южной и западной стороны Пектусана.

Я говорю имъ, что Пектусанъ былъ прежде кратеръ, показываю лаву, объясняю всѣ лежащіе передъ нами инструменты. Несмотря на поздній часъ, интересъ и корейцевъ и нашихъ не ослабѣваетъ.

Рѣчь опять заходитъ о таинственномъ озерѣ, — есть-ли тамъ жизнь?

Н. Е. и его спутники говорятъ, что голубицы тамъ множество, видѣли одну птичку.

Я спрашиваю Дишандари, что это, точно, за тропки внутри вулкана, по отсыпямъ,—вѣроятно потоки воды?

— Нѣтъ, это изюбры ходятъ туда въ шестую и седьмую луну, когда много оводовъ, а въ озерѣ нѣтъ ихъ. Онъ и другіе охотники тогда стерегутъ ихъ у выхода, и онъ, Дишандари, такимъ образомъ убилъ на своемъ вѣку пять пантовъ, продалъ рога каждаго отъ 200—300 рублей, по оцѣнкѣ начальства, которое другую половину, такимъ образомъ украло у него.

— А, еслибъ внизъ озера спуститься и тамъ ихъ подстеречь?

Тамъ, конечно, совсѣмъ другое-бы дѣло. Пока они лѣзутъ на откосъ, ихъ всѣхъ перестрѣляешь, а они ходятъ табуномъ, головъ въ 30—50.

— Охъ ты Боже мой, — говоритъ Бесѣдинъ,—насъ бы вотъ такъ русскихъ, которые не боятся въ озеро лазить — въ разъ это сколькоже денегъ? По 500 рублей—полторы, нѣтъ, пятнадцать тысячъ.

— А теперь тамъ и лодка есть,—говорю я.—Вотъ дѣйствительно, вамъ, русскимъ людямъ, составить артель, человѣкъ въ десять и въ маѣ приходитъ сюда: жень-шень, изюбры, тигры, барсы, — богатыми людьми всѣ сдѣлаетесь. Человѣка три спустились-бы въ озеро, а семь проходы стерегли-бы. А то если всѣ спуститесь, васъ будутъ стеречь, какъ изюбровъ.

И Бесѣдинъ, и Бибикъ, и молчаливый Хаповъ оживленно начинаютъ обсуждать возможность такой артельной организаціи.

Я съ своей стороны увлекаюсь и назначаю, если такая экспедиція составится, дать имъ 200 р. на обзаведеніе. Съ тѣмъ, чтобъ они сдѣлали промѣръ озера.

Вотъ компасъ, вотъ его употребленіе, — всѣ новыя дорожки, всѣ входы и выходы въ этой трущобѣ, всѣ поселенія, — кто ихъ знаетъ? А, узнавъ, они могутъ сообщить о нихъ и получить хорошія деньги. Быть въ случаѣ надобности проводниками. Вотъ образецъ простѣйшаго журнала, простѣйшей съемки,—они люди грамотные.

Но, конечно, прежде всего надо научиться уважать хозяевъ здѣшнихъ мѣстъ. У каждаго своя религія и нельзя смѣяться надъ ней. О женщинахъ тоже надо забыть. Надо умѣть и съ хунгузами дружить, — они научатъ и корень искать, и звѣриныя мѣста покажутъ, и золото.

Два часа ночи однако. Вотъ что я предлагаю корейцамъ: не хотятъ ли они поискать нашихъ лошадей,—за каждую лошадь я заплачу по 15 рублей.

Корейцы согласны и сейчасъ же идутъ. Солдаты тоже рѣшили идти искать растерянныя вещи: предложили сами,—вчера они выспались и тоже сейчасъ идутъ.

3 октября.

Семь часовъ, яркое солнце, тепло, вѣтру нѣтъ.

Сегодня я умываюсь. Всѣ руки исцарапаны, въ нѣсколькихъ мѣстахъ содрана кожа,—это все результаты прошлой ночи, когда ломалъ вѣтви для костра.

И. А. возится съ перекладкой вещей,—отсюда мы идемъ уже на легкѣ: лодку оставили на озерѣ, палатки отправляются съ корейцами обратно,—изломало ихъ, да и громоздки и мало пригодны.

По лѣсу несутся радостно-отчаянные вопли возвращающихся корейцевъ:

— Гей! Ги! Ги, ги!

Гонятъ нашихъ двухъ лошадей: слѣпую и бѣлую. Вотъ они ужъ на опушкѣ, а за ними радостные бѣлые корейцы. Впереди съ колокольчикомъ на шеѣ умненькая бѣлая лошадка, сзади нее, какъ слѣпой кобзарь за своимъ повадыремъ, плетется сѣрая слѣпая лошадь.

Трогательная картинка.

На ихъ спинахъ вьюки, ихъ нашли въ укрытой долинкѣ, гдѣ была трава и снѣгъ.

Бѣлая, вѣроятно, водила своего слѣпого товарища на водопой къ снѣгу, а затѣмъ они возвращались опять въ долинку.

Когда подошли къ нимъ корейцы, бѣлый тихо, привѣтливо храпнулъ, а сѣрый остался такимъ же равнодушнымъ, поникшимъ, какимъ былъ всегда.

Чтобъ выбраться въ эту долинку, имъ пришлось спускаться съ очень большихъ кручъ и какъ слѣпого училъ бѣлый ставить куда надо ногу—осталось ихъ тайной. Но результатъ этой тайны—трогательная дружба между ними: они не разстаются. Бѣлый пошелъ пить и сѣрый за нимъ, — пили, пили. Затѣмъ бѣлый смѣло подошелъ къ мѣшку съ овсомъ и рванулъ его зубами, сѣрый подошелъ и то же самое продѣлалъ. Насыпали имъ овса, стали ѣсть они, и всѣ корейскія лошади стараются присосѣдиться къ нимъ. Сѣрый съ покорностью слѣпого равнодушенъ, но бѣлый прижимаетъ уши и ляскаетъ зубами на всѣ стороны, какъ только приближаются чужія лошади.

Моей лошади не нашли, а можетъ быть, и не искали.

— Драконъ себѣ взялъ одну, а этихъ самъ снесъ въ долину,—лошади не сошли бы своей силой. Этихъ лошадей посылаетъ драконъ, посылаетъ съ нимъ и счастье начальнику экспедиціи, ждетъ его большое счастье.

Съ какой глубокой вѣрой и даже завистью говорится это.

Мы поѣли съ Н. Е. и отправляемся на изслѣдованія истоковъ р. Амноки.

Возвращаемся мы въ Буртопай засвѣтло, выяснивъ, что всѣ овраги по направленію къ Амнокѣ сухіе.

— Амнока вонъ гдѣ беретъ начало,—показываетъ проводникъ на Малый Пектусанъ.

Это верстъ пять къ югу отъ Большого.

Остатокъ дня мы проводимъ въ пріятномъ ничего недѣланіи.

Возвратились солдаты, принесли кой-какіе потерянныя вещи, видѣли медвѣдя,—чернаго, небольшого,—стрѣляли, но не попали.

Корейцы собираются въ дорогу, мы тоже завтра на разсвѣтѣ выступаемъ: поѣсть и спать по раньше.

Сапаги предлагаетъ разсказать сказку, имѣющую отношеніе къ здѣшнему мѣсту. И пока пища варится въ котлахъ, мы всѣ усаживаемся и, послѣ пережитыхъ треволненій, благодушно слушаемъ высокаго длинноногаго Сапаги въ его полуевропейскомъ костюмѣ, съ дамской прической на головѣ.

Пакъ. Корейская сказка-мифъ.

«Жилъ былъ на свѣтѣ бѣдный юноша, по имени Пакъ. У него не было ни отца, ни матери, ни родныхъ. Жилъ онъ тѣмъ, что срѣзалъ серпомъ высокую, болотную траву, растущую у озера, и продавалъ ее на топливо. Онъ давалъ траву, а ему давали немного чумизы. Однажды, когда Пакъ срѣзалъ траву, выбѣжалъ къ нему изъ чащи олень и сказалъ человѣческимъ голосомъ:

— Спрячь меня, Пакъ,—за мной гонится охотникъ!

— Куда я тебя спрячу?—сказалъ Пакъ.

— Спрячь меня въ этомъ стогѣ травы, который ты накосилъ.

Пакъ спряталъ оленя, прикрывъ его и его рога травою. Скоро сюда прибѣжалъ и охотникъ и грозно спросилъ у Пака:

— Гдѣ олень?

Пакъ его нисколько не испугался и, въ свою очередь, спросилъ охотника:

— Олень, что такое олень?

Охотникъ не сталъ больше и разговаривать съ человѣкомъ, который никогда не видалъ и не знаетъ, что такое олень, а побѣжалъ дальше.

— Ну спасибо тебѣ,—сказалъ олень,—постараюсь и я тебѣ услу-

жить! Тебѣ минуло сегодня какъ разъ шестнадцать лѣтъ, ты совершеннолѣтній, а потому пора подумать и о женитьбѣ. Кстати, сегодня же въ это озеро, всегда разъ въ годъ, спускаются восемь небожительницъ, чтобы купаться въ немъ. Укройся въ кусты и смотри, какая тебѣ больше всѣхъ понравится,—той юбку возьми и спрячь и, помни, не отдавай ей юбку назадъ, несмотря на всѣ ея просьбы, раньше того, какъ у васъ будутъ трое дѣтей! Помни еще одно: если я тебѣ зачѣмъ-нибудь понадоблюсь, только крикни меня до трехъ разъ: «олень, зову тебя!»

Сказавъ это, олень скрылся въ лѣсу, а обрадованный Пакъ спрятался въ кусты. И было пора, потому что, только успѣлъ онъ укрыться, какъ восемь прекрасныхъ дѣвушекъ, въ бѣлыхъ одеждахъ, спускалися къ озеру. Спустившись, онѣ раздѣлись и стали купаться, играя между собой въ прозрачныхъ водахъ озера.

Пакъ выбралъ себѣ самую младшую и осторожно спряталъ ея юбку. Сейчасъ же послѣ этого одна изъ дѣвушекъ тревожно сказала:

— Какъ будто человѣкъ тутъ близко—лучше улетимъ отсюда!

И всѣ дѣвушки сейчасъ же бросились къ берегу, одѣлись и исчезли въ облакахъ. Только восьмая осталась, нигдѣ не находя свою юбку. Тогда показался изъ-за кустовъ Пакъ и сказалъ ей:

— Юбку твою я взялъ, потому что я полюбилъ тебя и хочу, чтобы ты была моей женою, если ты согласна?

Она была согласна,—потому что Пакъ былъ тоже красивъ и нравился ей, но она просила назадъ свою юбку. Пакъ не далъ и они стали мужемъ и женой.

Когда пришла ночь, жена спросила у мужа:

— А гдѣ же твой домъ?

— Мой домъ? Вотъ мой домъ,—и онъ показалъ на камыши, озеро. Крыша моя—голубое небо. Стѣны—эти горы, а ущелье это—мое окно.

И Пакъ подвелъ ее къ ущелью, въ которомъ, какъ въ панорамѣ, всѣ въ ковровыхъ уборахъ, уходили вдаль всѣ горы Кореи.

— Домъ хорошъ,—сказала жена,—но когда идетъ дождь, твоя крыша протекаетъ?

— Такъ,—отвѣтилъ Пакъ,—но когда онъ проходитъ, платье мое просыхаетъ и я грѣюсь у огня великаго солнца!

— Домъ хорошъ,—повторила молодая жена,—но не совсѣмъ.

Разговаривая такимъ образомъ, они заснули прямо на полянѣ, а на другой день, Пакъ, счастливый, проснулся въ большой, богатой фанзѣ. Онъ всталъ и вышелъ на дворъ и здѣсь увидѣлъ, что фанза его покрыта черепицею; большой дворъ съ постройками; амбаръ, полный чумизой и рисомъ, а подъ навѣсомъ стоялъ огромный корейскій быкъ и лѣниво жевалъ кукурузныя зерна.

— Это тебѣ мой свадебный подарокъ!—сказала жена и на всякій случай спросила:—не отдашь ли мнѣ теперь мою бѣлую юбку?

— Нѣтъ, нѣтъ, моя милая жена,—отвѣтилъ онъ,—не отдамъ.

И стали они жить весело и счастливо.

Прошло нѣсколько лѣтъ. У нихъ уже было двое сыновей, когда однажды жена Пака опять попросила мужа возвратить ей ея юбку. И Пакъ согласился, разсуждая, что жена его любитъ и наконецъ, куда же она уйдетъ теперь отъ своихъ дѣтей? И онъ отдалъ ей ея юбку. Но, проснувшись, на другой день, онъ увидалъ только свое озеро! жена, дѣти, домъ съ постройками, всегда полный амбаръ съ хлѣбомъ—все это исчезло, какъ сонъ. Огорченный Пакъ вскричалъ тогда:

— Буду я послѣ этого вѣрить женщинамъ!

Но это было конечно слабое утѣшеніе. Къ его счастью онъ тутъ же вспомнилъ объ оленѣ громко позвалъ его, три раза крикнувъ:

— Олень, зову тебя!

Олень, не медля явился передъ нимъ и сказалъ:

— Лучше было бы для тебя Пакъ, если бы ты хорошенько помнилъ слова мои. Но такъ и быть я помогу тебѣ. Вотъ, возьми эти три тыквенныхъ зерна, посади ихъ сейчасъ же и завтра они выростутъ до неба. По нимъ ты взберешься на небо, при условіи, если не будешь оглядываться внизъ!

Олень исчезъ, а три зерна на другой день, дѣйствительно выросли до неба. И Пакъ полѣзъ на небо, но позабывъ опять приказанія оленя, посмотрѣлъ внизъ и тыквы сразу исчезли, а Пакъ полетѣлъ на землю. Хорошо, что было еще не высоко и онъ не поломалъ себѣ рукъ и ногъ. Оставалось одно: опять звать оленя. Олень явился и на этотъ разъ сердито сказалъ:

— Однако же ты, Пакъ, плохо слушаешь приказанія! Даю тебѣ еще три такихъ же зерна, но помни это послѣднія и больше ты меня не увидишь!

Пакъ посадилъ опять три тыквенныя зерна въ землю, а на утро, когда тыквы—деревья опять выросли до неба, Пакъ полѣзъ и внизъ больше не оглядывался, пока не добрался до неба.

Взобравшись туда, Пакъ присѣлъ отдохнуть на голубую землю Невдалекѣ онъ увидалъ прекрасную фанзу, съ обширными пристройками, амбарами, съ громадными садами, обнесенными заборомъ. Отдохнувъ, Пакъ полѣзъ черезъ заборъ въ садъ и къ великой радости увидалъ тамъ своихъ двухъ любимыхъ сыновей. Дѣти, подбѣжавъ къ нему, обрадовались, поздоровались и побѣжали къ матери, весело крича ей:

— Отецъ пришелъ, отецъ нашъ пришелъ!

Мать не повѣрила и печально отвѣтила имъ:

— Какъ можетъ вашъ отецъ придти съ земли на небо?

Но увидавъ мужа, она обрадовалась и сказала:

— Не сердись на меня, ты самъ виноватъ, я любила и люблю тебя по прежнему, но это была воля отца моего, чтобы я требовала свою юбку, но ты не долженъ былъ давать ее.

Въ это время вышелъ изъ фанзы старикъ; это и былъ отецъ жены Пака.

— Вотъ мой мужъ,—сказала дочь отцу, и подвела мужа къ своему отцу.

Старикъ не очень обрадовался новому зятю.

— Мужъ-то мужъ!—ворчалъ онъ,—вотъ онъ умудрился взобраться на небо; пусть-ка умудрится на землю слѣзть! Что говорить, ловкій парень! А все-таки дочь мою тебѣ не увести такъ просто отсюда назадъ на землю. Долженъ ты будешь сперва угадать мои двѣ, да одну загадку старшаго моего зятя, вотъ когда всѣ мои молодцы вернутся съ работы у Оконшанте *). А чтобы не терять время, я начну тебя испытывать; вотъ я спрячусь, а ты отыщи меня.

— Когда выйдешь во дворъ,—шепнула жена Паку,—увидишь пѣтуха, который роется въ навозной кучѣ—это и будетъ отецъ.

Пакъ вышелъ на дворъ, увидѣлъ пѣтуха и говоритъ ему:

— Что вамъ за охота тестюшка рыться въ навозѣ?

Пѣтухъ преобразился въ отца жены и сказалъ:

— Ну что-жъ, на этотъ разъ угадалъ, какъ-то въ другой разъ угадаешь?

— Теперь онъ будетъ чернымъ, жирнымъ боровомъ, вотъ тамъ, за тѣмъ амбаромъ, прошептала жена Паку.

Пакъ зашелъ за амбаръ и говоритъ черному борову:

— Что вамъ за охота, тестюшка, свой собственный амбаръ подрывать?

Въ то же мгновеніе боровъ превратился опять въ тестя.

— Хорошо, и на этотъ разъ угадалъ ты. Какъ-то справишь съ старшимъ моимъ зятемъ!

Скоро пришли мужья и всѣхъ остальныхъ семи дочерей старика, который и предложилъ старшему задать какую-нибудь загадку Паку

— А вотъ я пущу стрѣлу изъ лука,—сказалъ старшій зять,—а онъ, Пакъ, пусть не дозволитъ упасть ей ни на небо, ни на землю..

— Ничего справимся,—шепнула жена мужу!

И какъ только старшій зять выпустилъ стрѣлу, жена Пака въ то же мгновеніе обратилась въ кречета и подхватила стрѣлу. Старшій зять, видя это, въ свою очередь, превратился въ орла и пустился за кречетомъ. Видитъ кречетъ, что не спастись ему отъ орла, выпустилъ стрѣлу на землю какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ это время проходилъ сынъ одного предводителя дворянства.

— Ну все равно,—сказалъ старшій зять, превратившійся опять въ человѣка,—стрѣла моя упала на землю и жены мы тебѣ не отдадимъ!

— Скажи, что не на землю упала стрѣла, а попала въ затылокъ сына предводителя дворянства,—шепнула жена Паку.

— Ну, въ такомъ случаѣ,—сказалъ опять старшій зять,—по уговору

*) Начальникъ небеснаго сада.

ты долженъ стрѣлу передать мнѣ въ руки, а потому иди на землю и принеси ее мнѣ.

— Проси у нихъ лошадь,—шепнула жена.—Когда тебѣ будутъ давать красивыхъ лошадей, ты проси маленькую, мохнатую, горбатую—уродца-лошадь; она стоитъ въ заднемъ стойлѣ.

Такъ Пакъ и сдѣлалъ, несмотря на всѣ насмѣшки и остроты старика и зятьевъ, что его выборъ палъ на такого урода-коня, никому ненужнаго. А конь-то этотъ и былъ конь удивительный; какъ только Пакъ сѣлъ на него, сейчасъ же конь спустился легко и покойно съ неба прямо къ дому предводителя дворянства. Тамъ по случаю смерти сына, всѣ были въ глубокомъ траурѣ и громко плакали.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ плачущихъ Пакъ.

— Да вотъ былъ у насъ сынокъ живой, веселый и здоровый, а вотъ только что передъ тобой упалъ и лежитъ мертвый!

Ни кто изъ родныхъ не замѣтилъ стрѣлы, потому она была очень тонка и вся ушла въ тѣло молодаго дворянина.

Ну хорошо,—сказалъ Пакъ,—вашъ сынъ не умеръ, я оживлю его, но для этого уйдите всѣ и оставьте меня одного съ нимъ.

Оставшись, онъ осторожно вытащилъ тонкую стрѣлу и покойникъ тотчасъ же ожилъ. Поднялась въ домѣ радость и веселье. Пакъ хотѣлъ въ тотъ же день уѣхать назадъ на небо, но обрадованные родители не отпускали такого дорогого гостя и три дня пировали съ нимъ. На четвертый день Пакъ сказалъ, что ему необходимо ѣхать; распрощавшись съ гостепріимными хозяевами, сѣлъ на своего мохнатаго коня-уродца и скрылся въ облакахъ.

— Ну, вотъ твоя стрѣла—сказалъ онъ старшему зятю.

Дѣлать было нечего, надо было покориться уговору и отпустить Пака съ женою на землю. Но всѣ родные стали уговарить Пака остаться здѣсь жить на небѣ.

— Что тебѣ дѣлать на землѣ?—говорили они. Ни родныхъ, ни друзей у тебя нѣтъ тамъ. А здѣсь, коли останешься съ нами, мы пристроимъ тебя на службу къ Окошанте и будешь доволенъ.

Подумалъ Пакъ, посовѣтовался съ женою и порѣшили они остаться навсегда жить на небѣ.

Въ ожиданіи мѣста Пакъ ѣздилъ пока съ женою, которая была на службѣ у Окошанте. Они ѣздили на драконѣ и жена его изъ мраморнаго флакончика выливала дождь, гдѣ онъ нуженъ былъ на землѣ. Когда они летѣли надъ Кореей Пакъ, показывая, говоритъ женѣ:—Вотъ Корея! Это Сеулъ, а это провинція Піандо, а вотъ смотри и наше милое озеро! Какъ оно высохло съ тѣхъ поръ: налей же побольше воды въ него изъ флакона!

Жена исполняла его просьбу, но онъ просилъ ее не скупиться. Она лила еще, но Паку все было мало; онъ отнималъ у нея флаконъ, пока, шутя и играя такъ, однажды они уронили флаконъ. Онъ упалъ въ

жерло вулкана, который и потухъ оттого, а въ его кратерѣ образовалось озеро Великаго Дракона, изъ котораго и потекли съ тѣхъ поръ три рѣки: Амвока, Тумангань и Сунгари. Великій Окошанте не прогнѣвался на свою любимицу—жену Пака, но онъ отстранилъ ее отъ дѣла и не далъ никакой службы ея мужу.

Онъ сказалъ:

— У нихъ довольно и безъ того дѣла.

А дѣло ихъ было—любить другъ друга!

Такъ и до сихъ поръ живутъ Пакъ и жена его на небѣ.

Кончилъ Сапаги свою сказку, я закрылъ глаза и опять въ фантастически изузубренныхъ почти отвѣсныхъ стѣнахъ кратера, тамъ, въ глубинѣ сверкаетъ предо мной озеро ярко-изумрудное, представляя изъ себя со всей окружающей на сотни верстъ мѣстностью и самимъ Пектусаномъ, что то· до того ошеломляющее, что не можешь забыть и, какъ очарованный, точно видишь это все опять наяву. Кажется, опять стоишь и смотришь на близкое, голубое небо—безпредѣльно нѣжно-желтую, какъ золото, даль лиственныхъ первобытныхъ лѣсовъ! Смотришь на эту бѣлую гору, на изузубренныя, какъ башни, какъ старинные замки, вершины кратера. Смотришь туда, въ глубь его, гдѣ этотъ безмятежный изумрудъ-озеро, гдѣ такъ тихо, такъ уютно, гдѣ всѣ эти повороты въ черныхъ стѣнахъ, точно улицы заколдованнаго города, съ его дворцами и башнями. Первыя впечатлѣнія смѣнятся другими, потрясутъ, можетъ быть, до основанія вашу душу, всѣ эти явленія, неуспокоившагося еще вулкана, этого, не вышедшаго еще изъ періода сотворенія міра клочка земли. А какая охота! Здѣсь изюбры; здѣсь тигръ, и болѣе кровожадный, чѣмъ онъ—барсъ; здѣсь не торопится бросать свое лакомство—голубицу, при видѣ человѣка, — черный медвѣдь; стада сернъ, антилопъ и горныхъ козловъ. Здѣсь первобытно все: трава въ ростъ всадника и первобытный лѣсъ. Здѣсь фазаны, лебеди, гуси, утки, рѣчная и болотная дичь. Здѣсь произрастаетъ лучшій и драгоцѣнный жень-шень, цѣлебный корень, продающійся на вѣсъ золота.

Эти дѣвственныя мѣста ждутъ еще своихъ охотниковъ, своихъ Эмаровъ и Куперовъ! Охотники, мы должны прибавить, забѣгая впередъ, должны быть въ обществѣ не меньшемъ, чѣмъ 20 человѣкъ, потому что разбойники, хунгузы, какъ оказалось,—такая же реальная величина здѣсь, какою нѣкогда были индѣйцы въ свое время въ Америкѣ. Ждутъ эти мѣста и художниковъ! Сколько найдутъ они своеобразнаго очарованія во всей этой дикой, чисто фантастической азіатской красотѣ! Одна Сунгари чего стоитъ! Сунгари со своими берегами, какими только можетъ представить фантазія,—блестящая, коварная, измѣнчивая, но всегда поразительно прекрасная. Это отсюда кристалло-прозрачнымъ каскадомъ падаетъ она туда внизъ, въ это безпредѣльное море желтаго золотого лѣса въ голубомъ небѣ.

Корейцы уложились и уѣзжаютъ.

Мы прощаемся.

Я даю имъ обѣщанную премію, плачу за простой и корейцы быстро собираются въ обратный путь.

— Итакъ,—говорю я на прощанье,—мы съ дракономъ теперь друзья?

— О, да, да,—радостно киваютъ головами корейцы,—вонъ какая погода.

Тихо, и въ безоблачной синевѣ угрюмо, неподвижно нахохлился спокойный теперь Пектусанъ. Съ невольнымъ уваженіемъ я смотрю на него: страшнаго врага уважаешь.

— Онъ, вѣрно,—говорю я,—покатался самъ сегодня на лодкѣ и ему понравилось...

Корейцы смѣются.

— А вы сами на насъ никакой претензіи не имѣете? Можетъ быть, васъ или въ деревнѣ кто-нибудь обидѣлъ?

— Никто не обидѣлъ.

— Спросить: довольны ли переводчикомъ?—спрашиваетъ П. Н.

— Спросите.

— Довольны, всѣмъ очень довольны.

— Спросите: можетъ я съ нихъ взятку взялъ?

— Не бралъ, не бралъ.

Каждый кореецъ подходитъ ко мнѣ, складываетъ обѣ руки и посылаетъ ими привѣтствіе мнѣ.

Я говорю:

— Азунчано! благодарю!

Они дѣлаютъ послѣднюю попытку уговорить меня ѣхать назадъ. Я смѣюсь, машу рукой и говорю:

— Пусть только ѣдутъ, не останавливаясь,—груза нѣтъ, лошади вытерпятъ; на рысяхъ къ утру, пока проснутся хунгузы, они уже будутъ дома.

— Е, е,—киваютъ корейцы въ знакъ согласія.

Одинъ за другимъ, на своихъ маленькихъ лошадкахъ, они скрываются въ лѣсу. Послѣдніе лучи—и опять горитъ Пектусанъ.

Гдѣ-то тамъ теперь моя бѣдная лошадь?

Впрочемъ, я не очень жалѣю о ней: слѣпая она свалила бы меня гдѣ-нибудь съ кручи.

Н. Гаринъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Полное собраніе сочиненій П. И. Мельникова».—Оригинальный типъ писателя.—Мельниковъ—чиновникъ-сыщикъ и Мельниковъ—художникъ.—Крѣпкая совѣсть этого писателя.—Ничтожное значеніе его изслѣдованій о расколѣ.—Образчики его «научныхъ» работъ.—Художественныя произведенія Мельникова.—Дѣланность его quasi-народнаго языка.—Невѣрное освѣщеніе бытовой жизни.—Его идеалы и ихъ низменность.—Положительное наслѣдіе, имъ оставленное.—Оригинальные типы раскольничьей среды.—Мельниковъ отнюдь не классическій писатель, какимъ его хотятъ выставить.—Книга г. Якушкина о Пушкинѣ.—Его интересный взглядъ на эволюцію общественныхъ убѣжденій поэта.—Памяти В. Г. Батя.

Среди бытописателей русской жизни одну изъ оригинальнѣйшихъ фигуръ представляетъ Мельниковъ, псевдонимъ Печерскій, извѣстность котораго въ большой публикѣ распространили его послѣднія два крупныхъ произведенія «Въ лѣсахъ» и «На горахъ». Въ 70-хъ годахъ, когда эти бытовые романы печатались въ «Рус. Вѣстникѣ», имя Мельникова ставили на ряду съ Тургеневымъ и Гончаровымъ, а литературная партія, къ которой принадлежали Катковъ и Леонтьевъ, превозносила его превыше пирамидъ. Его сравнивали съ Гомеромъ, видѣли въ его романахъ новое откровеніе, всю глубину народной жизни и мудрости, а въ авторѣ усматривали чуть ли не того провиденціальнаго человѣка, которому удалось, наконецъ, найти истинные устои народнаго уклада и народной души. Его цитировали, какъ великаго знатока народнаго быта, на него ссылались, имъ аргументировали. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что шумъ дѣлала реакціонная партія. Противная сторона больше отмалчивалась и серьезной критикѣ не подвергала его произведеній, ограничиваясь только признаніемъ несомнѣннаго таланта за авторомъ вездѣ, гдѣ онъ описываетъ бытъ Заволожья, преимущественно одного его уголка, и жизнь раскольничьихъ скитовъ.

Теперь имя Мельникова уже исторія, и о немъ можно говорить совершенно спокойно. Изданное М. Вольфомъ полное собраніе его сочиненій даетъ достаточный матеріалъ для оцѣнки оригинальной личности Мельникова—безъ преувеличеній, съ возможной объективностью при оцѣнкѣ его интересной литературной физіономіи.

Мельниковъ представляетъ особый типъ писателя, который можно сравнить съ двуликимъ Янусомъ, и эту его двуличность не обойдетъ никакая, самая объективная критика. Иначе его нельзя понять и объяснить, какъ только разсмотрѣвъ въ отдѣльности каждое изъ его лицъ: лицо житейское и лицо литературное. Прежде всего предъ нами чиновникъ, и притомъ не просто чиновникъ, выполняющій съ достодолжнымъ вниманіемъ возложенныя на него обязанности, а сыщикъ-доброволецъ, съ вдохновеннымъ увлеченіемъ выполняющій принятую на себя миссію. Вначалѣ учитель гимназіи, онъ скоро понялъ, что не въ этомъ его призваніе. Уловленіе юныхъ душъ не давало удовлетворенія

его природнымъ дарованіямъ и очень скоро по выходѣ изъ Казанскаго университета мы его видимъ съ жаромъ и усердіемъ человѣка, нашедшаго свой путь, въ роли сыщика по расколу, учиняющаго энергичный сыскъ въ этой богатой для изслѣдователя области. Онъ носится по Нижегородской губерніи, осматриваетъ скиты, заглядываетъ въ молельни и пишетъ, не покладаючи рукъ, доносительныя записки и проекты о мѣрахъ къ сокращенію раскола.

Время тогдашнее, сороковые годы, было жестокое, мрачное время, и такіе люди, какъ Мельниковъ, съ его энергіей разрушителя и страстью прирожденнаго искоренителя, были чистымъ кладомъ. Какъ быстро усвоилъ молодой борецъ стремленія и духъ своего времени, показываютъ его проекты на первыхъ же порахъ,—проекты стремительные, сокрушительные, истинно кипящіе юношеской удалью и полнымъ забвеніемъ всего, что мы нынѣ называемъ гуманностью. П. Усовъ, авторъ біографіи Мельникова, помѣщенной въ первомъ томѣ, біографіи, прямо безцѣнной по ея наивности и спокойному тону, съ какимъ Усовъ повѣтствуетъ о своемъ героѣ,—приводитъ два образчика этихъ проектовъ, одинъ другого превосходнѣе. Занимаясь расколомъ въ Нижегородской губерніи, Мельниковъ замѣтилъ, что нѣкоторые помѣщики, чтобы избавиться отъ раскольниковъ, сдаютъ ихъ въ солдаты, отчего, по ихъ словамъ, расколъ знатно сокращается. Поэтому Мельниковъ внесъ предложеніе вездѣ, гдѣ раскольники живутъ вмѣстѣ съ православными, отдавать въ рекруты первыхъ. Однимъ словомъ, онъ задумалъ, ревнуя о вѣрѣ, превратить ряды русской арміи въ исправительное для раскольниковъ учрежденіе. Мысль эта понравилась нижегородскому губернатору, который внесъ ее и въ свой всеподданнѣйшій докладъ. Но императоръ Николай оказался много сдержаннѣе, чѣмъ юный ревнитель православія, и отмѣтилъ на докладѣ: «Сдѣлать объ этой мѣрѣ соображеніе»,— и мѣра, послѣ нѣкоторыхъ соображеній, осталась не приведенной въ исполненіе.

Другой проектъ Мельникова, ни мало, повидимому, не обезкураженнаго первой неудачей, еще чудовищнѣе. Онъ предложилъ, какъ самое дѣйствительное средство, отбирать у раскольниковъ всѣхъ дѣтей, рожденныхъ отъ браковъ, совершенныхъ бѣглыми попами, наставниками безпоповщинскихъ сектъ или по родительскому благословенію, словомъ, отъ «браковъ, неизвѣстныхъ правительству», и отдавать такихъ дѣтей въ кантонисты. Кто знаетъ, что такое были въ тѣ времена школы для кантонистовъ, гдѣ тысячи дѣтей засѣкались на смерть, а остальныя выходили на всю жизнь искалѣченными физически и нравственно, гдѣ единственнымъ руководствомъ воспитанія служили знаменитыя слова Клейнмихеля: «Сѣките ихъ. мерзавцевъ, сѣките на смерть»,—тотъ пойметъ, какой ужасъ охватилъ раскольниковъ, когда до нихъ дошелъ слухъ объ этомъ предложеніи Мельникова. Въ раскольничьей средѣ имя его стало скоро произноситься на ряду съ именемъ Антихриста, хотя на верху и на эту мѣру взглянули недостаточно внимательно, и она осталась въ области проектовъ, къ прискорбію ея автора.

Съ неменьшимъ усердіемъ выполнялъ Мельниковъ и свои «изслѣдованія», какъ выражается почтительно его біографъ Усовъ. Объ этомъ сохранилась любопытная жалоба какой-то раскольничьей купчихи Головастиковой. Съ мужемъ ея онъ вначалѣ велъ дружбу и вмѣстѣ съ Погодинымъ нерѣдко осматривалъ его хранилище, гдѣ было много любопытныхъ старыхъ иконъ, книгъ и рукописей, которыми торговалъ Головастиковъ. А черезъ нѣсколько лѣтъ жена послѣдняго очень картинно разсказываетъ въ жалобѣ, какъ Мельниковъ, въ отсутствіи ея мужа, производилъ обыскъ у нея въ домѣ. Въ сопровожденіи цѣлой свиты будочниковъ, Мельниковъ втихомолку напалъ ночью на домъ Головастиковой, взялъ его штурмомъ и вошелъ въ числѣ шести человѣкъ «въ нижній этажъ дома, гдѣ Головастикова со своими домашними находилась при больной замужней своей дочери. разрѣшившейся за 18 часовъ передъ тѣмъ отъ бремени».

Дѣлая вездѣ обыскъ, Мельниковъ обратилъ вниманіе и на больную дочь мою,—жалуется мать,—и приступилъ къ осмотру ея постели и чего-то искалъ за нею, на ея кровати, на которой она лежала, да и за оной, держа въ одной рукѣ зажженную свѣчу, и таковымъ неожиданнымъ своимъ дѣйствіемъ привелъ больную въ бо́льшее болѣзненное состояніе, и у нея отъ испуга произошла нервическая съ бредомъ лихорадка».

Представимъ себѣ только современнаго писателя, лазящаго со свѣчей подъ кровать, обыскивающаго и ощупывающаго безъ памяти лежащую роженицу, запускающаго безтрепетно лапу въ сундуки и сдирающаго со стѣны иконы—и мы поймемъ, насколько личность Мельникова изъ ряду вонъ выдающаяся, не подходящая подъ наши мѣрки и требующая особаго измѣренія и опредѣленія своей нравственной стороны. И вѣдь, добро бы это былъ фанатикъ, въ пылу сжигающаго его фанатизма не сознающій, что творитъ. О нѣтъ!—это былъ истый чиновникъ, всегда держащій носъ по вѣтру и отлично примѣняющійся къ обстоятельствамъ. Когда съ воцареніемъ Александра II повѣялъ иной духъ, Мельниковъ «сдѣлался, по словамъ его наивнаго біографа, жаркимъ сторонникомъ того снисходительнаго образа дѣйствій, который замѣнилъ прежнее преслѣдованіе». Случилась эта крутая перемѣна въ немъ два года спустя послѣ описаннаго обыска у Головастиковой. Нечего, поэтому, и предполагать, будто у Мельникова были свои взгляды или убѣжденія по вопросу о расколѣ. Для него расколъ явился только конькомъ, на которомъ этотъ дошлый малый сдѣлалъ двойную карьеру. Какъ чиновникъ—онъ преуспѣвалъ въ глазахъ начальства, всегда умѣвшаго оцѣнить по достоинству эту талантливую натуру, которую даже не приходилось поворачивать въ ту или иную сторону: Мельниковъ, какъ флюгеръ, самъ поворачивался съ подобострастной готовностью. Сегодня онъ съ съ яростью вопіялъ: «распни Его! распни!»—а завтра лилъ потоки слезъ и милость къ павшимъ призывалъ. Какъ писатель, онъ тоже не клалъ охулки на руку, и богатый запасъ наблюденій, добытыхъ во время лазанія со свѣчей подъ кроватями, по чердакамъ и сундукамъ раскольниковъ, чеканилъ въ мѣткія слова и переливалъ въ художественные образы.

Нельзя отказать ему въ разносторонности, отличавшей его въ средѣ чиновниковъ и въ средѣ писателей. Онъ отъ обыска переходилъ къ перу, отъ пера къ обыску, и вездѣ былъ на мѣстѣ. Изъ сыщика по расколу, зорившаго скита, обдиравшаго иконы со стѣнъ и обыскивавшаго бабъ, не скрываютъ ли онѣ плода запрещеннаго, онъ дѣлается соредакторомъ министерскаго органа при Валуевѣ, пишетъ разсказы изъ стараго помѣщичьяго быта на Волгѣ («Старые годы») и «ученыя» изслѣдованія по расколу, гдѣ правда и ложь подогнаны подъ мѣрку устава благочинія, наконецъ, заканчиваетъ свое литературное поприще двумя безспорно выдающимися произведеніями «Въ лѣсахъ» и «На горахъ», гдѣ съ удивительной любовью описываетъ то самое, надъ разрушеніемъ чего такъ усердно поработалъ въ молодости. Но это творчество ни мало не мѣшаетъ ему закончить свою чиновничью карьеру исполненіемъ роли начальника тайной охраны во время нижегородской ярмарки въ 1879 г.

Можно сказать—крѣпкой совѣсти былъ человѣкъ. Онъ не зналъ мучительныхъ сомнѣній раздвоенной личности, несмотря на всю двойственность его жизни и дѣятельности. Гдѣ же причина этой безмятежности? Неужели такъ-таки его

«Совѣсть никогда не грызла,—совѣсть.
Когтистый звѣрь, скребящій сердце,—совѣсть,
Незванный гость, докучный собесѣдникъ,
Заимодавецъ грубый: эта вѣдьма,
Отъ коей меркнетъ мѣсяцъ и могилы
Смущаются и мертвыхъ высылаютъ?»

*

На этотъ любопытный вопросъ мы не находимъ никакого отвѣта: въ его произведеніяхъ по части совѣсти все обстоитъ благополучно, а его біографъ приводитъ наивно-восторженные отзывы современниковъ, которые могли только усилить благодушіе Мельникова, когда онъ любовно живописалъ своихъ Манефъ и Чапуриныхъ, проклинавшихъ его, какъ антихриста, и имѣвшихъ на то всѣ права и основанія. «А теперь позвольте, г. Андрей Печерскій, — пишетъ одинъ изъ такихъ немудрыхъ цѣнителей и судей,—выразить предъ вами искреннее желаніе, чтобы и вашему художественному возсозданію старыхъ годовъ выпала доля вашего соплеменника Печерскаго Нестора: благородная доля—быть предметомъ уваженія для 800 лѣтъ потомства». Послѣднее едва ли. Даже навѣрное можно сказать, что именно предметомъ уваженія не будетъ ни самъ Печерскій, ни его произведенія, въ которыхъ съ теченіемъ времени все ярче и ярче выступаютъ ихъ недостатки и все скромнѣе достоинства.

О его научныхъ работахъ по расколу можно говорить лишь съ большими оговорками. Въ нихъ нѣтъ ни научнаго безпристрастія, ни желанія критически разобраться въ богатомъ матеріалѣ, который, благодаря условіямъ службы, самъ собою накопился въ рукахъ Мельникова. Говоритъ-ли онъ о раскольникахъ или о сектантахъ, какъ хлысты и молокане, предъ нами не ученый, не безпристрастный изслѣдователь, безкорыстно радующійся новому открытію, а всегда и вездѣ чиновникъ, прежде всего взирающій на начальство, которому онъ во что бы то ни стало стремится угодить. Бранчивый тонъ, прокурорскіе пріемы и неблаговидное толкованіе самыхъ глупыхъ слуховъ и толковъ—таковъ Мельниковъ - ученый. Образцомъ его ученой критики можетъ служить ужасное обвиненіе, которое онъ *по слухамъ* возводитъ на хлыстовъ, будто они причащаются тѣломъ младенца, рожденнаго отъ избранной ими въ богородицы дѣвушки. Мельниковъ подробно, съ обстоятельностью, не уступающею добросовѣстности знаменитаго отца Блинова въ его работѣ о человѣческомъ жертвоприношеніи у вотяковъ,—описываетъ всю процедуру причащенія у хлыстовъ и только въ концѣ вскользь бросаетъ замѣчаніе, что «юридически ни разу самый фактъ причащенія тѣломъ младенца установленъ не былъ». Ни гдѣ, ни однимъ словомъ онъ не упоминаетъ, откуда взяты имъ эти подробности, а самое краснорѣчіе описанія внушаетъ даже не критически расположенному читателю подозрѣніе, что все это сплошная выдумка. Если же принять во вниманіе, что подобный вздоръ помѣщался Мельниковымъ въ оффиціальныхъ докладахъ, имѣвшихъ прямое вліяніе на судьбу сектантовъ, то для всякаго, надѣемся, яснымъ становится, какъ велики права Мельникова на «уваженіе 800 лѣтъ потомства». А между тѣмъ, этотъ человѣкъ дѣйствительно зналъ много и могъ бы знать еще больше, но чиновникъ и сыщикъ убили въ немъ научнаго изслѣдователя, и весь этотъ матеріалъ, наполняющій три тома въ изданіи его сочиненій, представляетъ теперь научный хламъ, лучше сказать—труху казенщины, отравившей талантливаго человѣка и выѣвшей у него и душу, и умъ.

Да, и умъ, ибо Мельниковъ, при всей даровитости, былъ неумнымъ человѣкомъ. Не смываемая печать пошлости лежитъ на всемъ, что онъ писалъ, на всѣхъ его работахъ по расколу, на его повѣстяхъ и разсказахъ и больше всего на его романахъ «Въ лѣсахъ» и «На горахъ». Сказывается эта пошлость въ любованіи своими подвигами, о которыхъ онъ разсказываетъ въ дневникѣ, напечатанномъ Усовымъ, въ его проектахъ и мѣрахъ противъ раскола. Но сильнѣе всего пробивается она въ тонѣ его художественныхъ произведеній. Такъ, лучшій изъ его небольшихъ разсказовъ «Старые годы», написанный наполовину въ видѣ разсказа отъ лица стараго крѣпостного, весь проникнутъ благоговѣйной восторженностью предъ старымъ временемъ. Если такое настроеніе можно допустить въ старикѣ крѣпостномъ, то тамъ, гдѣ авторъ повѣствуетъ отъ себя, это настроеніе производитъ впечатлѣніе искусственности, выдавая голо-

вой авторскій взглядъ и его неглубокое пониманіе старины. Въ этомъ отношеніи Мельниковъ напоминаетъ Лѣскова. Какъ и послѣдній, онъ — писатель безъ мѣры и безъ твердаго собственнаго взгляда на вещи. Не онъ матеріаломъ, а матеріалъ имъ владѣетъ. Онъ не можетъ установить на него опредѣленной точки зрѣнія и сразу впадаетъ въ дѣланную восторженность, переходящую въ его романахъ въ сантиментализмъ и пошловатое восхваленіе яко бы народной жизни, которую Мельниковъ не понималъ совершенно, что съ особой очевидностью онъ доказалъ въ двухъ самыхъ крупныхъ своихъ произведеніяхъ «Въ лѣсахъ» и «На горахъ», которыя развѣ по недоразумѣнію можно считать художественнымъ воспроизведеніемъ народнаго быта.

Эти два произведенія, занимающія восемь томовъ въ полномъ собраніи сочиненій Мельникова, сдѣлали его популярнымъ и создали ему огромный кругъ читателей. При первомъ появленіи «Въ лѣсахъ» были встрѣчены восторженно, но теперь, когда прошло четверть вѣка и народная жизнь значительно освящена и беллетристикой Гл. Успенскаго, и рядомъ земскихъ работъ,—намъ уже трудно раздѣлять эти восторги.

Первое, что бросается въ глаза, это языкъ Мельникова, слащавый и дѣланный, какимъ написанъ весь романъ. Можно развѣ подивиться искусству, съ какимъ авторъ выдерживаетъ свою поддѣлку подъ народную рѣчь на пространствѣ двухъ тысячъ страницъ. То онъ поддѣлывается подъ тонъ сказаній, то пишетъ, словно былину сочиняетъ, то заговоритъ ломаннымъ полу-церковнымъ языкомъ, неустанно пребывая въ восторженномъ настроеніи.

«Не стучитъ, не гремитъ, ни копытомъ говоритъ, безмолвно, беззвучно по синему небу стрѣлой каленой несется олень златорогій... Безъ огня онъ горитъ, безъ крыльевъ летитъ, на какую тварь ни взглянетъ, тварь возрадуется... Тотъ олень златорогій—око и образъ свѣтлаго бога Ярилы—красное солнышко.

«Бѣжитъ олень, летитъ златорогій, серебрянымъ копытомъ хочетъ въ воду ступитъ. И станетъ отъ того вода студена и пойдетъ солнце на зиму, а лѣто на жары.

«Шумитъ въ лѣсахъ, трещитъ въ кустахъ, бренчитъ по травѣ муравѣ звонкокопытный олень. Солнечнымъ лучомъ, что ременнымъ бичомъ, гонитъ его свѣтоносный Ярило изъ темнаго бора на свѣтлую поляну рода людского моляну... Брать его руками, колоть его ножами и на братчинѣ на Петровщинѣ людямъ ѣсть благодарно моленый кусъ».

Такова «запѣвка» про Ярилу, взятая нами безъ выбора, какъ образчикъ мельниковскаго языка, какимъ написаны двѣ трети книги. «Добрые молодцы», «красны дѣвицы», «старушки-колотушки» и тому подобные эпитеты щедрой рукой разсыпаны повсюду, уснащаютъ рѣчи дѣйствующихъ лицъ, словно на плохомъ театрѣ, гдѣ для народа дается «народное представленіе». Къ этому надо прибавить массу мѣстныхъ выраженій, чтобы сохранить couleur locale, отчего красота ничего не выигрываетъ, а дѣланность языка усугубляется. Намъ трудно понять теперь, что такимъ «штилемъ» могли восторгаться и превозносить его, какъ истинную народную рѣчь. Какъ будто народъ говоритъ подобнымъ языкомъ, напоминающимъ ломающагося актера. Еще тамъ, гдѣ приводятся рѣчи дѣйствующихъ лицъ, языкъ мѣстами живой и образный, хотя и здѣсь чувствуется поддѣлка, а не настоящая народная рѣчь, потому что нельзя представить людей, постоянно говорящихъ напыщеннымъ высокопарнымъ языкомъ. Но когда авторъ описываетъ, эта дѣланность становится невыносимой.

Крупнѣйшій, однако, недостатокъ обоихъ романовъ, особенно «Въ лѣсахъ», составляетъ слащавость въ описаніи быта и взаимныхъ отношеній. Авторъ все время рисуетъ какую-то идиллію, гдѣ лишь изрѣдка проявляются темныя пятна, да и то съ цѣлью оттѣнить «доброжитье» остальной народной массы. Живутъ люди въ Заволжьѣ припѣваючи, сладко ѣдятъ, сладко спятъ, милуются да крас-

ныя рѣчи говорятъ. А между тѣмъ описывается самый бѣдный уѣздъ Нижегородской губерніи, гдѣ кулачество расцвѣло самымъ пышнымъ цвѣтомъ. Но у Мельникова фигурируютъ не кулаки, какихъ знаетъ земская статистика, а истинные благодѣтели рода человѣческаго, одинъ другого лучше, одинъ другого краше и добродѣтельнѣе. Самый главный герой, Потапъ Чапуринъ, расписанъ такъ, что лучше и быть нельзя,—и доберъ, и уменъ, и удачливъ. Въ его лицѣ Мельниковъ хотѣлъ возсоздать истиннаго представителя великороссійскаго племени, легендарнаго героя нашего времени, чистаго сердцемъ, простого душой, великодушнаго и великоумнаго. Ни одной отрицательной черточки, одно великолѣпіе. Его богатство само плыветъ къ нему, и онъ лишь пожинаетъ плоды своей добродѣтели. Получается типичная суздальская мазня.

Въ Чапуринѣ она еще не такъ претитъ, благодаря интересу, какой возбуждаетъ его дѣятельность и отчасти живость его языка. Но въ обрисовкѣ остальныхъ характеровъ суздальская манера живописи не скрашена ничѣмъ. Ужъ если добродѣтель, такъ безъ сучка безъ задоринки, если красавица, такъ непремѣнно писаная, и т. д. Въ особенности приторны добрые купеческіе молодцы у Мельникова: для нихъ онъ не жалѣетъ красокъ и сотни страницъ посвящаетъ любованію ихъ ухарствомъ, ухаживаніемъ, ихъ сердечной тоскѣ и млѣнію предъ писаными подругами, чему посвящена треть романа «На горахъ». Вообще, этотъ второй романъ несравненно хуже перваго. Старческая болтливость, отъ которой много страдаютъ и «Въ лѣсахъ», здѣсь не знаетъ удержу. Еще когда романъ печатался въ «Рус. Вѣстникѣ», редакція изо всѣхъ силъ боролась съ авторомъ, который просто потоплялъ журналъ обиліемъ ненужныхъ и неинтересныхъ подробностей. Понадобится автору, напр., описать возникновеніе хлыстовской общины въ одной деревнѣ, и онъ на сотнѣ страницъ разсказываетъ и скучно, и вяло исторію деревни. Тутъ и кулачные бои, и прохожій солдатъ, повѣствующій о солдатской жизни, и любовь разныхъ добрыхъ молодцевъ и красныхъ дѣвицъ.

Не высока мораль, которую проводитъ авторъ подъ видомъ яко бы мудрости народной. Поклоненіе богатству, преклоненіе предъ силой, восхваленіе ловкой хитрости и удачливаго обмана—вотъ и все, что составляетъ идеалы Мельникова. Они такъ примитивны и такъ животны, что вся несложная философія автора выступаетъ какъ на ладони. Онъ является не прикрытымъ хвалителемъ купеческаго сословія въ первой стадіи его развитія, когда преобладающимъ въ немъ элементомъ выступаетъ хищничество, которое восхищаетъ Мельникова, какъ явный признакъ силы и могущества. Стоитъ прочесть, съ какимъ смакованіемъ онъ расписываетъ разные подвохи въ этой средѣ, какъ восхищается пирами и ликованіями по поводу ловкой штуки того или иного удалого грабителя. Его ни мало не смущаютъ средства, и читатель чувствуетъ все время, что симпатіи автора всецѣло на сторонѣ удачи.

Но этими чисто отрицательными сторонами не ограничивается творчество Мельникова, и если бы только въ этомъ заключалось значеніе его произведеній, о немъ давно уже забыли бы. Положительное и несомнѣнное достоинство его двухъ большихъ романовъ заключается въ художественномъ описаніи раскольничьихъ скитовъ и въ созданіи цѣлаго ряда раскольничьихъ типовъ. Эту жизнь Мельниковъ не только хорошо зналъ, но и сумѣлъ ее описать. Вездѣ, гдѣ онъ разсказываетъ про скиты и ихъ обитателей, онъ разомъ оживляется, становится интереснѣ, уменъ и умѣетъ увлечь читателя. Даже длинноты, и здѣсь дающія себя чувствовать, не мѣшаютъ общему интересу разсказа, а художественность типовъ мѣстами указываетъ, какимъ описательнымъ талантомъ обладалъ Мельниковъ. Его мать Манефа, Фленушка, рядъ скитницъ и московскій начетчикъ, пріѣзжающій въ скитъ, останутся навсегда достояніемъ русской художественной литературы. Ни до него, ни послѣ этотъ своеобразный

быть не былъ затронутъ съ такой полнотой художественнаго изображенія, раскрывшаго цѣлый міръ типовъ, цѣльныхъ, крѣпкихъ натуръ, съ которыми по образности и жизненности могутъ соперничать только типы Островскаго. Мельникову не достаетъ только глубины послѣдняго. Низменность натуры художника-сыщика, узость взгляда и присущая Мельникову пошловатость не дали ему возвести свои типы въ «перлъ созданія», каковы типы Любима Торцова, Китъ Китыча или Кабанихи у Островскаго.

Читая эти превосходныя страницы описанія скитовъ и ихъ обитателей, испытываешь жгучее сожалѣніе, что художникъ Мельниковъ не выбился изъ-подъ всяческаго хлама, какимъ завалила его душу казенщина. Чиновникъ и художникъ не совмѣстимы, и одинъ непремѣнно задавитъ другого. Щедринъ понялъ это и во время сбросилъ съ себя мертвящее иго чиновничества. Мы бы никогда не имѣли ни «Головлевыхъ», ни «Пошехонской старины», если бы Щедринъ не сдѣлалъ этого рѣшительнаго шага въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. У Мельникова не хватило на это силы, хотя и онъ временами сознавалъ, что его литературная дѣятельность несовмѣстима съ его оффиціальными обязанностями, которыя, по его словамъ, не давали «необходимаго спокойствія духа» и—мы добавимъ—свободы духа, чего всегда не доставало Мельникову. Сплошь и рядомъ чувствуется недоговоренность, желаніе прикрыть и то, и другое, что могло бы послужить для очень и очень яркой картины. Таковы, напр., отношенія администраціи къ скитамъ, о чемъ только вскользь упоминается, но нигдѣ лица администраціи не дѣйствуютъ, какъ самостоятельные персонажи. Точно такъ же финалъ скитовъ сухо разсказанъ на нѣсколькихъ страничкахъ, хотя именно сцена закрытія могла бы послужить для художественно-бытовой картины. Положимъ, Мельникову пришлось бы тогда описывать собственные некрасивые подвиги, слава о которыхъ до сихъ поръ держится въ Семеновскомъ уѣздѣ. Такого самоотверженія трудно было бы ожидать отъ человѣка, всю жизнь служившаго не истинѣ, а видамъ начальства и согласно имъ мѣнявшаго взгляды и убѣжденія.

Но это-то и лишаетъ произведенія Мельникова значенія классическихъ, которыя для всѣхъ временъ были бы поучительны и интересны, какъ напр., творенія Тургенева или Островскаго. Талантъ Мельникова не настолько обширенъ, чтобы окупить недостатокъ правдивости и ума, если вообще подобный недостатокъ можетъ быть чѣмъ-либо окупаемъ. Его талантъ чисто описательнаго свойства. Схватить особенно яркія бытовыя черты, подмѣтить вѣрно мѣстныя особенности и нарисовать живую бытовую сцену—вотъ и все, на что способенъ Мельниковъ. Но если онъ пробуетъ заглянуть въ душу своихъ героевъ, пытается представить всю сложность борьбы различныхъ душевныхъ настроеній,—всякій разъ получается плачевнѣйшее фіаско. Послѣ превосходнаго, напр., описанія ветлужскихъ лѣсовъ и артелей лѣсныхъ рабочихъ, просто комичное впечатлѣніе производятъ его любовныя сцены между добрыми молодцами и разными красными дѣвицами. Мало того, и самыя его описанія не столько художественны, сколько вѣрны дѣйствительности: онъ скорѣе талантливый фотографъ, чѣмъ художникъ. Насколько, напр., хороши его описанія керженскихъ скитовъ, которые онъ видѣлъ и изучилъ во время учиняемаго ихъ разоренія, настолько блѣдны, выдуманны и мертвы его сцены изъ жизни хлыстовской общины. Чувствуется грубая фальшь на каждомъ шагу и полное безсиліе понять хлыстовскихъ сектантовъ, которыхъ онъ не видѣлъ и описывалъ по слухамъ, на основаніи нелѣпыхъ данныхъ обвинительныхъ актовъ, составленныхъ такими же, не по разуму усердными сыщиками, какимъ былъ онъ самъ. Онъ здѣсь становится скучнымъ, расплывается въ длиннѣйшихъ подробностяхъ, не можетъ схватить главнаго, установить центра, около котораго могъ бы сосредоточить повѣствованіе. Получается смѣшное заключеніе, что въ хлыстовскіе ко-

рабли идутъ всѣ поврежденные въ умѣ, дѣвицы, потерпѣвшія крушеніе въ сердечныхъ дѣлахъ, и юродивые. Мельниковъ просто набралъ разные факты обвинительныхъ актовъ, не смогъ ихъ соединить общей идеей и согрѣть художественнымъ пониманіемъ, потому что художника въ немъ не было, а былъ лишь этнографъ, испорченный прокурорскими навыками.

Такова эта оригинальная фигура въ русской литературѣ. Трудно сравнить его съ кѣмъ-либо, что подчеркиваетъ его самобытность и цѣльность. Ближе всего онъ подходитъ къ Далю, съ которымъ имѣетъ много общаго по матеріалу, надъ которымъ работалъ. Какъ и Даль, онъ хорошо зналъ нѣкоторыя мѣстныя нарѣчія и особенности великорусскаго племени и далъ кое-что для разработки русскаго языка, въ который внесъ нѣсколько оригинальныхъ и мѣткихъ выраженій. Отчасти онъ напоминаетъ Лѣскова своею анекдотичностью, неумѣніемъ овладѣть матеріаломъ и отсутствіемъ своихъ взглядовъ и убѣжденій. Но въ концѣ-концовъ, онъ далъ немного и меньше всего можно сопоставлять его съ такими художниками, какъ Тургеневъ или Островскій. Значеніе Мельникова уже теперь ничтожно, а въ будущемъ онъ перейдетъ окончательно въ разрядъ забытыхъ писателей, имѣвшихъ въ свое время значеніе, съ тою лишь разницей, что о немъ меньше всего можно будетъ сказать «уважаемый» и «почтенный», такъ какъ никогда не будетъ забыта его дѣятельность въ керженскихъ лѣсахъ, столь хорошо имъ описанныхъ впослѣдствіи.

Закончились Пушкинскія празднества, но отголоски ихъ еще возмущаютъ наступившую обыденную тишину. Подводя итоги, приходится сказать, что въ общемъ Пушкинскіе дни, несмотря на разные нелочеты, дали хорошіе результаты. Правда, не было, быть можетъ, такого блеска и упоенія, какими, по словамъ очевидцевъ, было ознаменовано Пушкинское торжество въ 1880 году, когда, по словамъ хроникера «Вѣстника Европы», «все способствовало глубинѣ и силѣ впечатлѣнія: и единодушіе восторга, смѣнившаго попытки отрицательнаго отношенія къ Пушкину, и участіе въ празднествѣ знаменитыхъ писателей (Тургеневъ, Достоевскій, Островскій), и въ особенности настроеніе общества, полнаго надежды и свѣтлыхъ ожиданій. Никто не предвидѣлъ тогда,—говоритъ почтенный хроникеръ,—что только-что прояснившійся горизонтъ опять, и очень скоро, покроется грозными тучами, еще болѣе мрачными, чѣмъ теперь. Широко была распространена вѣра въ близость новой эпохи мирнаго развитія... Народная масса не испытывала лѣтомъ 1880 года никакихъ особыхъ лишеній... Не было, однимъ словомъ, ничего омрачавшаго то празднество или вносившаго въ него дисгармоническія ноты». Теперь, продолжаетъ онъ, не то. «При иной обстановкѣ наступила столѣтняя годовщина дня рожденія Пушкина». Голодъ поразилъ значительную часть родины поэта, нѣтъ единодушія въ обществѣ, рознь въ печати и т. д. Тѣмъ не менѣе, нынѣшнее празднество имѣло одно огромное преимущество: оно вышло далеко за предѣлы литературы и даже за предѣлы родины Пушкина, вызвавъ сочувственный откликъ въ Краковѣ, Парижѣ и Лондонѣ. Въ 1880 году московское торжество было блестяще, но исключительно литературное, исключительно домашнее. Въ 1899 г. въ чествованіи поэта приняли участіе всѣ города, думы и земства рѣшили основать рядъ просвѣтительныхъ учрежденій въ память Пушкина; пожертвованія на этотъ предметъ достигаютъ милліонныхъ суммъ. Его произведенія розданы по народнымъ школамъ въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Конечно, если принять въ расчетъ существующую нужду въ просвѣщеніи, съ одной стороны, съ другой—значеніе Пушкина, какъ творца русской литературы,—все это окажется довольно скромно. Но все же нельзя отрицать, что въ общемъ Пушкинскіе дни оставили замѣтный слѣдъ и ярко выдѣлились на сѣромъ фонѣ современной общественной жизни.

Не прошли они безслѣдно и для литературы о Пушкинѣ, хотя и не было такихъ вдохновенныхъ рѣчей и характеристикъ его, какъ Тургенева и Достоевскаго. Но масса статей и разборовъ произведеній Пушкина, появившихся за май мѣсяцъ о немъ, составляютъ солидную литературу, сдѣлать оцѣнку которой не легко будетъ историку нашей эпохи. Говорить о нихъ подробно не входитъ въ нашу задачу, и мы остановимся на одной лишь книжкѣ г. Якушкина «О Пушкинѣ», очень цѣнной для выясненія духовной жизни великаго поэта, котораго до сихъ поръ мы еще не настолько знаемъ, какъ онъ того заслуживаетъ.

Вопросъ объ общественныхъ взглядахъ Пушкина во второй зрѣлый періодъ его творчества всегда представлялъ большой общественный интересъ. Для однихъ какъ бы существуютъ два Пушкина: до возвращенія изъ ссылки въ Михайловское и послѣ. Смотря по личнымъ настроеніямъ и убѣжденіямъ, они прославляютъ то того, то другого Пушкина. Преклоняясь предъ Пушкинымъ, творцомъ «Кинжала», «Деревни» или оды къ «Вольности», они жестоко нападаютъ на автора «Стансовъ», «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинской годовщины». И обратно, консервативная партія признаетъ только послѣдняго Пушкина, а юнаго пѣвца свободы считаетъ чуть ли не увлекавшимся мальчикомъ и относитъ его вольнолюбивыя творенія къ разряду естественныхъ ошибокъ молодости. Тѣмъ интереснѣе попытка г. Якушкина примирить эти два противорѣчивыя взгляда, доказавъ, что Пушкинъ былъ всегда одинъ и тотъ же и никогда не измѣнялъ своимъ основнымъ воззрѣніямъ.

Въ статьѣ «Радищевъ и Пушкинъ», написанной еще въ 1885 г. и вошедшей въ новое изданіе почтеннаго автора «О Пушкинѣ», г. Якушкинъ дѣлаетъ подробный разборъ мнѣній и взглядовъ Пушкина по общественнымъ вопросамъ, начиная съ его статьи о Радищевѣ, которая и служитъ однимъ изъ главныхъ доказательствъ, будто Пушкинъ былъ консерваторомъ по убѣжденію въ періодъ тридцатыхъ годовъ. Очень подробно разсмотрѣвъ эту любопытную во многихъ отношеніяхъ статью, сличивъ два ея варіанта, принадлежащіе къ разному времени (33 и 36 гг.), онъ приходитъ къ заключенію, что Пушкинъ очень сочувственно относится къ идеямъ Радищева, но по необходимости прибѣгаетъ мѣстами къ «эзопскому» языку и нѣкоторымъ довольно рѣзкимъ эпитетамъ. Расчетъ Пушкина, какъ извѣстно, не оправдался и статья не была пропущена тогдашней цензурой. «Но если бы только статья могла быть напечатана,—говоритъ онъ,—она, также какъ и первая (33 г.), составила бы выдающееся, единственное явленіе въ литературѣ того времени, какъ обѣ онѣ имѣли большое значеніе даже при своемъ появленіи въ концѣ 50-хъ годовъ; говоря о Радищевѣ и наружно высказывая ему осужденіе, Пушкинъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, касается очень важныхъ общественныхъ вопросовъ,—дѣло въ то время запретное. Это первая попытка создать истинную русскую публицистику въ николаевское время». Мысль г. Якушкина совершенно вѣрна, и осуждающіе Пушкина за эту статью, забываютъ именно историческую точку зрѣнія, нападая на него съ высоты конца XIX-го вѣка, когда можно открыто и безъ опасенія говорить о многомъ, о чемъ Пушкинъ долженъ былъ говорить иносказательно и проводить подъ прикрытіемъ. Вообще говоря, это пріемъ рабій, и во многихъ случаяхъ лучше молчать, чѣмъ прибѣгать къ нему. Не говоря уже о томъ, что онъ рѣдко удается, но въ немъ есть и та опасность, что и читателя можно ввести въ такое же заблужденіе, какъ и цензуру.

Указываютъ затѣмъ, что эта статья отвѣчаетъ общему умѣренному образу мысли Пушкина въ 30-е года, который въ николаевскую эпоху уже иначе смотрѣли на многіе коренные общественные вопросы, чѣмъ въ александровское время. Авторъ не видитъ такого рѣзкаго противорѣчія въ воззрѣніяхъ Пушкина и очень тонкимъ анализомъ его произведеній и на основаніи теперь из-

вѣстныхъ фактовъ изъ его переписки доказываетъ, что Пушкинъ не измѣнилъ своихъ взглядовъ на сущность тѣхъ вопросовъ, которыми глубоко волновался въ 20-е годы, но лишь иначе относился къ средствамъ проведенія ихъ въ жизнь.

Пушкинъ въ 20-е годы, какъ и многіе изъ ближайшихъ его друзей, увлекался идеей свободы и думалъ о возможности добиться ея путемъ насильственнаго переворота. При всемъ, однако, увлекающемся характерѣ своемъ, онъ обладалъ удивительно трезвымъ взглядомъ на дѣйствительную жизнь. Послѣ декабрьскаго погрома, онъ не могъ не понять, что никакое насильственное дѣйствіе не мыслимо. Но тѣмъ не менѣе дорогія и излюбленныя имъ идеи объ уничтоженіи крѣпостного права и распространеніи просвѣщенія не перестали быть для него дорогими. Онъ считалъ себя *обязаннымъ* отстаивать эти идеи, и въ этомъ смыслѣ смотрѣлъ на себя какъ на уцѣлѣвшаго отъ погрома, чтобы «пѣть прежнія пѣсни» («Аріонъ»). Но было бы странно требовать отъ него, чтобы онъ задумалъ идти по пути своихъ погибшихъ друзей. Заключая какъ бы договоръ съ правительствомъ,—какъ онъ выражается въ письмѣ къ Жуковскому,—«онъ не отказывается отъ своихъ воззрѣній («какой бы ни былъ мой образъ мыслей политическій и религіозный»), а только обѣщается не выставлять свои взгляды прямо въ противорѣчіе съ общепризнаннымъ порядкомъ».

Что же могъ онъ дѣлать при новомъ общественномъ порядкѣ, отлично понимая его силу и признавая безуміе «идти противъ необходимости»?

«Въ поэзіи Пушкина,—говоритъ г. Якушкинъ,—рядомъ съ поэтическимъ увлеченіемъ, постоянно проявляется его высокій умъ; то же было и въ жизни: рядомъ съ увлеченіемъ, Пушкинъ, какъ не разъ доказалъ это, былъ способенъ на самую хладнокровную и всестороннюю оцѣнку положенія. Благодаря этому свойству, благодаря своему свѣтлому уму, онъ сразу, почти въ минуту катастрофы, понялъ роль, которая ему предстояла впереди. Его идеи остались въ сущности тѣ же, но онъ, для ихъ распространенія и осуществленія въ предѣлахъ возможнаго, впредь долженъ употреблять уже другія средства. Поэтому-то въ письмахъ къ друзьямъ въ 1826 г. Пушкинъ уже высказывается противъ «бунта и революціи». Онъ видитъ, что революція не удалась, понимаетъ, что повтореніе ея невозможно и нежелательно: онъ считаетъ необходимыми другія, мирныя, дозволенныя средства. Эту мысль мы встрѣчаемъ ясно выраженною въ статьѣ о Радищевѣ; но то же самое Пушкинъ высказалъ еще раньше, въ запискѣ «О народномъ воспитаніи» (вскорѣ послѣ свиданія съ Николаемъ I въ 1826 г.): «Должно надѣяться, что люди, раздѣлявшіе образъ мыслей заговорщиковъ, образумились; что, съ одной стороны, они увидѣли ничтожность своихъ замысловъ и средствъ, а съ другой—необъятную силу правительства, *основанную на силѣ вещей*». Пушкинъ и хочетъ дѣйствовать не противъ силы вещей, не противъ правительства, а, *по возможности*, съ нимъ, черезъ него».

Эту идею Пушкинъ проводитъ постоянно и въ своихъ стихотвореніяхъ, подвергающихъ его наибольшему осужденію, и въ письмахъ къ друзьямъ. Пушкинъ высказываетъ въ нихъ свои pia desideria, основанія для которыхъ онъ, можетъ быть, имѣлъ право видѣть въ отношеніи къ нему новаго правительства. Пушкинъ ждетъ (въ «Стансахъ»: «Въ надеждѣ славы и добра»...) отъ будущаго много добра для Россіи, такъ какъ онъ надѣется, что новый царь будетъ походить на Петра Великаго, который умѣлъ отличить Як. Долгорукова отъ буйнаго стрѣльца, т. е. наказывая открытое возстаніе, допускалъ и одобрялъ законную оппозицію, не боялся просвѣщенія, любилъ и понималъ родину и былъ вѣчнымъ работникомъ на ея пользу; новый царь долженъ былъ во всемъ подражать пращуру... Для оцѣнки этого стихотворенія всего важнѣе выяснить въ немъ отношеніе Пушкина къ декабристамъ. Поэтъ приравниваетъ ихъ къ буйнымъ стрѣльцамъ... Вотъ, говорятъ, какъ быстро измѣнилось его

отношеніе къ прежнимъ товарищамъ! Нѣтъ, мы знаемъ, что сочувствіе и идеи Пушкина не измѣнились, мы знаемъ, что за нѣсколько дней до стансовъ (1826 г.) онъ написалъ посланіе къ Пущину и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ посланіе въ Сибирь. При этомъ мы не должны видѣть въ стансахъ грубую лесть противъ убѣжденій... Пушкинъ желаетъ дѣйствовать съ правительствомъ, для этого оно должно быть просвѣщенно, и онъ старается выяснить обязанности правительства по отношенію къ просвѣщенію, указать ему, что, несмотря на все происшедшее, оно можетъ и должно быть за прогрессъ и за реформы. Правительство побѣдило, раздавило вооруженное возстаніе, но, слѣдуя примѣру Петра, оно должно теперь идти по пути преобразованія, допускать свободную оппозицію, нужную для выясненія истины и потребностей народа. Таковъ былъ смыслъ стансовъ, смыслъ благородный; тутъ не лесть, а высокое наставленіе для новой власти».

Мы знаемъ теперь, какъ въ концѣ концовъ сложились эти отношенія и насколько оптимизмъ Пушкина былъ преждевременъ. Понялъ это впослѣдствіи и самъ Пушкинъ, когда рвался изъ Петербурга въ деревню, стремясь во чтобы то ни стало порвать сѣть опутавшихъ его офиціальныхъ отношеній, отъ которыхъ онъ задыхался и подъ бременемъ которыхъ палъ. Легко поэтому укорять Пушкина, но едва ли разумно. Нужно стать прежде всего на историческую точку зрѣнію и представить себѣ Пушкина въ обстановкѣ того времени. Тогда мы поймемъ, что не Пушкинъ измѣнилъ завѣтамъ молодости, а *ему* измѣнили... Онъ это понялъ, но уже поздно для себя.

Не поздно, однако, признать теперь, что всякіе подобные упреки по адресу Пушкина по меньшей мѣрѣ не основательны. Они подчеркиваютъ лишній разъ ту нетерпимость, которая свидѣтельствуетъ скорѣе о дешевомъ радикализмѣ, чѣмъ о вдумчивомъ отношеніи къ прошлому.

Есть скромные, неоцѣнимые труженики, которыхъ при жизни почти не замѣчаютъ, и только по смерти ихъ становится очевиднымъ для всѣхъ, какую трудно замѣнимую потерю понесло общество. Объ одномъ изъ такихъ рядовыхъ работниковъ позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ—не въ похвалу ему,—онъ въ ней уже не нуждается,—а въ укоръ живущимъ которымъ онъ беззавѣтно отдавалъ себя и отъ которыхъ мало видѣлъ радости. Мы имѣемъ въ виду недавно скончавшагося сотрудника нашего журнала—Владиміра Гедеоновича Батя, некрологъ котораго читатели найдутъ ниже, въ отдѣлѣ «На родинѣ».

Вся жизнь покойнаго была сплошная борьба за право... служить людямъ, работать для страстно имъ любимаго русскаго народа. Изъ кіевскаго университета онъ вылетѣлъ по «независящимъ обстоятельствамъ», по которымъ много въ то время (1878 г.) юношей улетало туда въ далекія страны, какъ и Бать, очутившійся съ благословеннаго юга на полюсѣ холода—въ Верхоянскѣ, Якутской области. Пребываніе въ этомъ суровомъ краю въ теченіе пяти лѣтъ закалило Батя въ нравственномъ отношеніи. Здѣсь выработался изъ него спокойный, уравновѣшенный человѣкъ, ни на пядь не отступающій отъ того, что онъ считалъ своимъ долгомъ. Здѣсь же жизнь въ условіяхъ почти первобытнаго существованія укрѣпила его натуру, доведя потребности его личной жизни до тѣхъ болѣе чѣмъ скромныхъ размѣровъ, при которыхъ никакія превратности не ощутительны и личныя потребности отступаютъ всецѣло на задній планъ, уступая мѣсто высокимъ задачамъ служенія дѣлу прежде всего. Такимъ онъ оставался впослѣдствіи, удивляя товарищей и окружающихъ своей истинно спартанской жизнью, поразительной чистотой ея и высокой нравственностью.

Отбывъ срокъ ссылки, Бать получилъ право поступить въ казанскій университетъ для окончанія медицинскаго образованія. Въ 1883 г. онъ перебрался

въ Казань, гдѣ съ жаромъ и упорной настойчивостью занимался наукой, несмотря на крайне тяжелыя условія, при которыхъ шли занятія. Тяжесть эта заключалась не въ матеріальныхъ лишеніяхъ, не имѣвшихъ для Батя никакого значенія, а въ особыхъ условіяхъ университетской жизни для него, какъ для бывшаго ссыльнаго. Въ концѣ концовъ Бать, несогласный ни на какіе компромиссы, вынужденъ былъ бросить университетъ, и послѣ многихъ хлопотъ добился права уѣхать за границу. Онъ поступилъ въ мюнхенскій университетъ, гдѣ послѣ трехъ лѣтъ сдалъ экзаменъ на врача. Живя въ Мюнхенѣ, онъ много работалъ, подготовляя себя къ дѣятельности земскаго врача, бывшей его постоянной мечтой.

Вернувшись на родину, онъ только въ 1890 г. могъ сдать экзаменъ на право практики въ Россіи. Такимъ образомъ, цѣлыхъ *двѣнадцать* лѣтъ добивался онъ права врача! И не слѣдуетъ думать, что это былъ человѣкъ архирадикальнаго образа мыслей и поведенія или неуживчивый и безпокойный. Совсѣмъ нѣтъ. Онъ только былъ *человѣкъ* прежде всего, и многаго, съ чѣмъ мирились другіе, не выносилъ органически. Было въ немъ что-то простое, стойкое и непреклонное, что не укладывалось въ рамки университетской жизни 80-хъ годовъ. Тихій и скромный, этотъ человѣкъ не могъ органически поступиться своимъ достоинствомъ, предпочитая всѣ мытарства, которыми такъ богата русская жизнь для подобныхъ людей.

Для Батя эти мытарства не прекращались всю жизнь. Какъ врачъ, онъ обладалъ солидной подготовкой, изучилъ акушерство и хирургію и былъ бы несомнѣнно чрезвычайно цѣннымъ работникомъ именно для земской дѣятельности, къ которой страстно стремился. Но онъ былъ... *еврей*. Въ 80-тые годы развитіе «русскаго самосознанія», какъ извѣстно, далеко пошло впередъ, и антисемитизмъ проникъ понемногу и въ земство. Земскіе дѣятели стараго типа, еще не знавшіе, что такое антисемитизмъ, сходили со сцены, а ихъ замѣстители не могли допустить, чтобы евреи лѣчили русскихъ. Новая струя въ земской жизни жестоко отразилась на судьбѣ Батя, которому доступъ на земскую службу оказался закрытымъ. При своихъ знаніяхъ онъ могъ бы отлично устроиться и живо завоевать себѣ практику въ городѣ, но его никогда не тянуло къ дѣятельности врача-практика, и онъ предпочелъ занять трудную и отвѣтственную роль врача на заводѣ, вблизи Кіева, гдѣ превосходно поставилъ больничное дѣло. Въ сущности онъ могъ бы долго занимать эту должность, но его всегда тянуло на *общественную* службу, гдѣ кругъ дѣятельности болѣе широкъ. Несмотря на хорошія условія, отличное вознагражденіе, заводская жизнь не могла дать удовлетворенія, тѣмъ болѣе, что приходилось-таки кое-чѣмъ поступаться, принимать во вниманіе такіе интересы, которые врачу не могли не претить. Бать бросилъ заводъ и взялъ болѣе чѣмъ скромное мѣсто сверхштатнаго врача-хирурга въ кіевской еврейской больницѣ.

Но мечта о земской дѣятельности не давала ему покоя. Всѣ попытки въ этомъ направленіи были безуспѣшны на югѣ, и Бать рѣшилъ попытать счастья на сѣверѣ. Съ этою цѣлью, отчасти также, чтобы усовершенствоваться въ нѣкоторыхъ отрасляхъ медицины, преимущественно бактеріологіи и излюбленной имъ хирургіи, онъ перебрался, послѣ многихъ хлопотъ, въ Петербургъ, гдѣ два почти года работалъ въ высшихъ медицинскихъ учрежденіяхъ. Чуть было ему не удалось поступить и на земскую службу въ Петергофскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ нѣсколько мѣсяцевъ замѣщалъ врача и работалъ въ дѣтской больницѣ. Однако, остаться здѣсь ему не пришлось. Кромѣ еврейства, помѣшало и прошлое...

Въ Петербургѣ онъ много работалъ и для печати, сотрудничая въ разныхъ журналахъ. У насъ имъ было помѣщено нѣсколько превосходно обработанныхъ популярныхъ статей, какъ-то: «Алкоголизмъ и борьба съ нимъ», «Н. И. Пироговъ, его жизнь и дѣятельность», «Чахотка и народныя санаторіи»; за-

тѣмъ рядъ рецензій по популярнымъ медицинскимъ книгамъ и нѣсколько замѣтокъ въ отдѣлѣ «Научной хроники». Кромѣ того, онъ работалъ въ журналѣ «Образованіе» и въ спеціальныхъ медицинскихъ изданіяхъ, дѣлалъ переводы и издалъ нѣсколько брошюръ популярнаго характера. Сравнительно съ предыдущей жизнью, въ Петербургѣ Бать жилъ полнѣе и лучше и могъ-бы вполнѣ завоевать себѣ выгодное положеніе. Но онъ неустанно искалъ земской службы, которой, наконецъ, и добился. Насколько его работа здѣсь была полезна, читатели могутъ видѣть изъ некролога.

Онъ умеръ въ полномъ расцвѣтѣ силъ, унеся въ могилу огромный запасъ энергіи и настойчивости,—умеръ, какъ солдатъ на посту. Личной жизни для него не существовало, это былъ въ полномъ смыслѣ слова *общественный* человѣкъ, и невольно думается, какимъ неоцѣненнымъ дѣятелемъ могъ бы онъ быть при иныхъ условіяхъ нашей общественности. Изъ самыхъ тяжелыхъ положеній онъ выходилъ побѣдителемъ, сохранивъ до конца стойкость и иниціативу, не опустившись до заурядnаго существованія, когда человѣкъ успокоивается и примирительно смотритъ на жизнь. Для него жизнь была борьбой и постояннымъ стремленіемъ впередъ. Спокойный, тихій и удивительно кроткій, Бать производилъ прекрасное впечатлѣніе на всякаго, и намъ лично приходилось слышать отъ знавшихъ его земцевъ сожалѣніе: «ахъ, зачѣмъ онъ еврей!» Покойный, не возмущаясь, выслушивалъ эту своеобразную похвалу, но крестъ своего еврейства несъ съ гордымъ достоинствомъ, пользуясь всякой возможностью служить людямъ, не спрашивая о ихъ національности. Обыкновенно, въ Петербургѣ онъ становился даровымъ врачомъ бѣдноты, населяющей низы и верхи огромныхъ столичныхъ домовъ, и каждый его переѣздъ вызывалъ большія сожалѣнія, чему намъ не разъ приходилось быть свидѣтелями.

Во всѣхъ его знавшихъ онъ оставилъ прекраснѣйшее воспоминаніе и горькое сожалѣніе, что эта чистая и прекрасная жизнь такъ рано и неожиданно погасла, не давъ ему ни радости личнаго счастія, ни высокаго удовлетворенія полноты общественной дѣятельности. Съ полнымъ правомъ могъ бы покойный сказать про свою жизнь словами Никитина:

Горько она, моя бѣдная, шла
И какъ степной огонекъ замерла.

А. Б.

ЦЫНГА, ЕЯ ПРИЧИНЫ, ТЕЧЕНІЕ И ЛѢЧЕНІЕ.

Въ то время, какъ въ Европѣ вопросъ о цынгѣ занимаетъ почти только ученыхъ медиковъ, представляя большой теоритическій интересъ въ смыслѣ изученія разстройствъ питанія, у насъ, къ прискорбію, помимо теоритическаго интереса, цынга имѣетъ огромное практическое значеніе. Благодаря часто повторяющимся голодовкамъ и общему санитарному неустройству, у насъ хвораютъ цынгой не отдѣльныя лица, а цѣлыя группы населенія. Относительно числа всѣхъ больныхъ цынгой въ настоящее время въ пораженныхъ голодомъ губерніяхъ, мы не имѣемъ пока точныхъ данныхъ, но ежедневныя газетныя извѣстія и та регистрація больныхъ, которую удалось сдѣлать въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, даютъ основаніе думать, что число больныхъ можно считать многими десятками тысячъ. Въ виду такихъ грустныхъ обстоятельствъ, врядъ-ли нуждается въ объясненіи и оправданіи появленіе краткаго описанія тяжелой болѣзни.

Мы не будемъ долго останавливаться на исторіи цынги. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, цынга или скорбутъ была извѣстна еще Гиппократу и другимъ древнимъ авторамъ, по другому мнѣнію—существованіе цынги въ глубокой древности представляется недоказаннымъ. Но болѣе чѣмъ 600 лѣтнее существованіе болѣзни никѣмъ не оспаривается. Эпидеміи цынги, свирѣпствовавшія во время крестовыхъ походовъ, уже точно описаны. Со второй половины XV вѣка, вмѣстѣ съ развитіемъ мореплаванія, все чаще и чаще встрѣчаются эпидеміи цынги, бравшей много жертвъ именно среди моряковъ, такъ что ее тогда называли «болѣзнью мореплавателей». Съ XVI ст. отмѣчаются довольно часто материковыя эпидеміи, при чемъ большинство изъ нихъ приходится на время войнъ, главнымъ образомъ, жертвами болѣзни дѣлаются осажденныя крѣпости. Кромѣ крѣпостей, лагерей, цынга часто наблюдалась въ тюрьмахъ, богадѣльняхъ и другихъ закрытыхъ учрежденіяхъ. Послѣдняя большая эпидемія цынги относится къ 1871 г., ко времени осады Парижа нѣмцами. Географія цынги показываетъ, что Европейская и Азіатская Россія часто подвергались тяжелымъ эпидеміямъ этой болѣзни и изъ 114 эпидемій, наблюдавшихся въ послѣднія три столѣтія на долю Россіи приходится 31, при чемъ всегда почти наблюдалось совпаденіе эпидемій цынги, тифа и другихъ болѣзней съ неурожайными годами, послѣдствіемъ которыхъ является голоданіе населенія.

Не смотря на то, что цынга изучалась и изучается цѣлой массой врачей, не смотря на обильный матеріалъ, который былъ къ услугамъ, наблюдателей, вопросъ о причинахъ сущности этой болѣзни до сихъ поръ представляется далеко не рѣшеннымъ и самыя противоположныя мнѣнія имѣютъ своихъ очень сильныхъ защитниковъ. Въ одномъ, однако, согласны всѣ наблюдатели, именно въ томъ, что цынга представляетъ собою тяжелое общее разстройство питанія организма. Но фактъ этотъ оцѣнивается разными авторами различно: въ то время какъ одни готовы считать нарушенное питаніе единственной причиной

болѣзни, другіе—отводятъ ему мѣсто въ числѣ многихъ причинъ, содѣйствующихъ появленію болѣзни, а третьи смотрятъ на недостаточное питаніе только какъ на располагающую, но не производящую причину болѣзни. Какъ бы то ни было, говоря о цынгѣ, неизбѣжно затронуть и вопросъ о питаніи организма. такъ какъ безъ яснаго представленія о процессахъ питанія трудно понять многія явленія, наблюдаемыя при цынгѣ. Необходимо также коснуться и нѣкоторыхъ изъ теорій, предложенныхъ для объясненія сущности болѣзни.

Потребность въ пищѣ для животнаго организма является результатомъ безсознательнаго инстинктивнаго стремленія къ самосохраненію и къ возможно лучшему самочувствію. Въ дѣлѣ питанія, какъ, впрочемъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, организмъ уподобляется паровой машинѣ. Какъ послѣдняя для правильнаго дѣйствія нуждается всегда въ доставкѣ топлива, такъ и организмъ, для возмѣщенія потерь, неизбѣжныхъ при работѣ и вообще при отправленіи жизненныхъ процессовъ, и для поддержанія температуры тѣла на извѣстной высотѣ, требуетъ всегда доставки питательнаго матеріала. Растущій организмъ, кромѣ сейчасъ указанныхъ потребностей, нуждается еще въ извѣстномъ излишкѣ питательнаго матеріала, такъ какъ кромѣ поддержанія равновѣсія, часть вещества идетъ на увеличеніе самого тѣла. Въ то время, какъ въ растеніяхъ совершаются процессы возстановленія, т. е. подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, простые химическія соединенія превращаются въ сложныя, въ животномъ организмѣ происходитъ усиленное окисленіе веществъ, т. е. разложеніе сложныхъ соединеній на простыя начала, главнымъ образомъ, углекислоту и воду. Часть вводимыхъ веществъ, сгорая въ организмѣ и превращаясь въ простѣйшія соединенія, лишается своей потенціальной (скрытой) энергіи, другая же часть, не сгорая окончательно, сохраняетъ значительную часть скрытой силы. Ненужныя, отработанныя части введенныхъ веществъ выбрасываются разными способами изъ организма, а скрытая сила въ оставшихся веществахъ освобождается и проявляется въ видѣ механической работы или тепла.

Процессъ питанія именно и состоитъ въ томъ, чтобы доставлять организму необходимый матеріалъ для поддержанія вещественнаго состава его элементовъ. Нужный для жизни, т. е. для окислительныхъ процессовъ, кислородъ, организмъ получаетъ въ воздухѣ, вводя его въ легкія, необходимыя же питательныя вещества и вода проникаютъ въ тѣло черезъ желудочно-кишечный трактъ. Подъ питательными началами надо разумѣть не только тѣ органическія (содержащія углеродъ) вещества, которыя идутъ непосредственно на указанныя выше потребности, но и цѣлый рядъ неорганическихъ (безъ углерода) веществъ, присутствіе которыхъ необходимо для правильнаго непользованія всѣхъ органическихъ веществъ. Питательныя начала, вводимыя въ организмъ, чрезвычайно разнообразны, какъ напр. бѣлокъ, жиръ, крахмалъ, сахаръ, поваренная соль, вода и т. д., но въ чистомъ видѣ они чрезвычайно рѣдко вводятся въ организмъ, обыкновенно мы ихъ получаемъ въ видѣ пищевыхъ средствъ, т. е. разнообразныхъ искусственныхъ или естественныхъ смѣсей, какъ мясо, хлѣбъ, яйца, молоко и т. п.

Но для питанія человѣческаго организма однихъ пищевыхъ средствъ тоже недостаточно. Только молокомъ онъ можетъ пользоваться, не подвергая его дальнѣйшей обработкѣ, всѣ же остальныя питательныя начала и пищевыя средства ему приходится превращать въ пищу, т. е. составлять искусственно всевозможныя комбинаціи изъ пищевыхъ средствъ для того, чтобы они съ наибольшей пользой могли быть потребляемы организмомъ. Но для человѣка и этого, оказывается, мало. Самыя лучшія, въ качественномъ и количественномъ отношеніи, пищевыя смѣси будутъ ему казаться безвкусными и скоро вызовутъ отвращеніе, если будутъ лишены такъ называемыхъ вкусовыхъ веществъ. Послѣднія, не являясь питательными въ строгомъ смыслѣ этого слова, однако необходимы и отчасти находятся уже готовыми въ пищевыхъ средствахъ въ видѣ эфирнаго

масла, растительныхъ кислотъ, отчасти прибавляются къ пищѣ во время ея приготовленія, какъ уксусъ, перецъ и проч.

Наука о питаніи самымъ подробнымъ образомъ выяснила значеніе каждаго питательнаго начала для человѣческаго организма, выработавъ нормы необходимыхъ количествъ каждаго вещества, при разнообразнѣйшихъ условіяхъ жизни и состоянія организма, указавъ на тѣ минимальныя количества пищи, безъ которыхъ существованіе организма становится затруднительнымъ или даже невозможнымъ, дала богатый матеріалъ для изученія тѣхъ патологическихъ измѣненій, которыя неизбѣжно наступаютъ при рѣзкихъ и, главное, продолжительныхъ отступленіяхъ отъ установленныхъ нормъ. Не имѣя возможности останавливаться здѣсь на подробностяхъ, мы приведемъ только нѣкоторые выводы, полученные наукой о питаніи и имѣющіе для нашей цѣли, особое значеніе.

По вычисленіямъ, изъ главныхъ составныхъ частей пищи для мужчины, сильно работающаго, необходимо: 145 грам. бѣлка, 100 грам. жира и 500 грам. углеводовъ, при умѣренной работѣ—110 грам. бѣлка, 56 грам. жира и 500 грам. углеводовъ; для женщины при умѣренной работѣ: 96 грам. бѣлка, 44 грам. жира и 400 грам. углеводовъ; для ребенка 6 лѣтъ: 55,8 грам. бѣлка, 40 грам жира и 180 грам. углеводовъ. Это—минимальныя количества необходимыхъ веществъ. При групповомъ кормленіи будутъ встрѣчаться лица, для которыхъ означеннаго количества недостаточно, будутъ и такія, для которыхъ оно очень велико и, такимъ образомъ, именно при групповомъ кормленіи указанныя нормы являются подходящими.

Параллельно съ этимъ интересно сопоставить усвояемость, т. е. способность проникнуть изъ желудочно-кишечнаго тракта въ кровь, главныхъ пищевыхъ веществъ, которыя мы сопоставимъ въ слѣдующей таблицѣ:

	Бѣлки.	Жиры.	Углеводы.
Мясо (чистая говядина) . . .	97	95	—
Яйца.	97	95	—
Молоко	89	95—97	100
Бѣлый хлѣбъ	78	—	99
Черный хлѣбъ	68—78	—	88
Макароны	83	94	99
Кукуруза	85	83	97
Рисъ	80	93	99
Горохъ (протертый)	83	—	96
Картофель (протертый) . .	68	96	92
Капуста.	82	94	85
Морковь	61	94	82

Изъ этой таблицы видно, что жиры и углеводы усвояются довольно хорошо и что бѣлки животнаго происхожденія воспринимаются организмомъ въ гораздо большихъ количествахъ, чѣмъ растительные.

Чѣмъ большей и лучшей предварительной обработкѣ подвергаются растительные вещества, тѣмъ лучше идетъ усвоеніе ихъ, потому что во время обработки они освобождаются отъ клѣтчатки и становятся болѣе доступными для дѣйствія пищеварительныхъ соковъ. Опыты кормленія людей однимъ какимъ-либо пищевымъ средствомъ, напр., хлѣбомъ, картофелемъ и т. д. показали, что продолжительное такое кормленіе невозможно, что каждый разъ приходится вводить огромныя количества вещества, при чемъ нѣкоторыя необходимыя начала вводятся въ слишкомъ большомъ количествѣ, а нѣкоторыхъ оказывается все-таки мало. Такъ, напр., средній рабочій при кормленіи однимъ картофелемъ долженъ получать его до 1900 грам. Тѣмъ не менѣе надо отмѣтить, что въ случаѣ нужды возможно кормленіе однимъ картофелемъ, хлѣбомъ или рисомъ. Одними

овощами человѣкъ не въ состояніи питаться. А вообще при растительной пищи количество вводимыхъ за день и при каждомъ пріемѣ пищи веществъ должно быть значительно больше, чѣмъ при смѣшанной пищѣ.

Такъ какъ бѣлки являются преимущественно образовательными (пластическими) веществами, а жиры и углеводы (крахмалы) идутъ на согрѣваніе и образованіе тепла, то замѣна жировъ и углеводовъ другъ другомъ совершается проще, проходитъ болѣе безнаказанно для организма, чѣмъ попытка замѣнить бѣлки, напр., жиромъ, не обладающимъ вовсе пластическими свойствами. 100 вѣсовыхъ частей жира можно замѣнить 240 частями крахмальныхъ веществъ. Рыба, играющая важную роль въ постной пищѣ, по количеству питательныхъ веществъ, приближается къ мясу, но только богаче послѣдняго водой и бѣднѣе жиромъ.

Значеніе воды для организма слишкомъ понятно. Тѣло взрослаго человѣка состоитъ приблизительно на 60—65% изъ воды, доставленіе питательнаго матеріала въ самыя отдаленныя части тѣла возможно только при помощи надлежащаго количества воды, далѣе большинство химическихъ процессовъ въ организмѣ происходятъ только въ растворахъ. Взрослый человѣкъ принимаетъ въ день, въ видѣ пищи и питья, около 2000—3500 грам. воды.

Что касается минеральныхъ веществъ, то различные опыты съ недостачей ихъ, показали всю важность ихъ для организма, въ особенности для растущаго. Большинство солей участвуетъ въ построеніи тканей, входя какъ химическое соединеніе съ бѣлкомъ и другими веществами.

Чтобы покончить съ вопросомъ о болѣе или менѣе нормальномъ питаніи, скажемъ еще нѣсколько словъ о пищѣ въ народныхъ столовыхъ. Въ такихъ столовыхъ можетъ быть дана только часть потребныхъ для питанія веществъ, и такъ какъ такими столовыми пользуется бѣднѣйшая или прямо нищенствующая часть населенія, то желательно, чтобы въ составъ обѣда входило хоть незначительное количество мяса, не менѣе ¼ ф., т. е. 100 грам.; порція хлѣба, отпускаемаго въ столовой, должна соотвѣтствовать приблизительно ⅓ всего количества хлѣба, съѣдаемаго взрослымъ человѣкомъ, т. е. приблизительно 70 золот. или 300 граммъ хлѣба, считая на взрослаго въ день 2⅞ ф. ржанаго хлѣба. Такимъ образомъ, въ народной столовой схема нормальной порціи выразится слѣдующимъ образомъ:

		Бѣлковъ.	Жира.	Углев.
Мяса.	100 грам.	20	5	—
Ржаного хлѣба . . .	300 »	24	4	135
Крупъ гречневыхъ. .	130 »	15	1,8	91
Капусты	100 »	1,4	0,2	4,5
Сала.	30 »	—	—	—
		60,4	41	230,5

Для большаго разнообразія такихъ обѣдовъ знаменитымъ гигіенистомъ Фойгомъ, творцомъ всей науки о питаніи, составлено много рецептовъ для обѣдовъ въ народныхъ столовыхъ. Приведенъ для примѣра одинъ такой рецептъ: горохъ—50 грм., жира—19 грм., телятины—161 грм., картофеля—380 грм., масла—12 грм. Всѣ эти требованія, которыя слѣдуетъ предъявлять къ народнымъ столовымъ, имѣютъ въ виду взрослаго рабочаго человѣка. Но такъ какъ въ нихъ кормятся и старики, и женщины, и дѣти, съѣдающіе абсолютно меньше (дѣти, напр., относительно вѣса своего тѣла ѣдятъ больше взрослыхъ), то при общемъ кормленіи на долю взрослыхъ рабочихъ можетъ приходится больше пищи.

Переходя къ патологическимъ формамъ питанія, мы не будемъ говорить здѣсь о недостачѣ кислорода, о такъ называемомъ кислородномъ голоданіи, прой-

демъ мимо чрезмѣрнаго введенія пищи, которымъ страдаютъ очень немногія, насъ здѣсь не интересующія лица, и остановимся на недостаточномъ питаніи, т. е. на голоданіи, подъ которымъ надо разумѣть недостаточное, не отвѣчающее тратамъ организма введеніе питательныхъ началъ или полное прекращеніе поступленія ихъ въ организмъ. Полное голоданіе можетъ быть съ принятіемъ воды или безъ воды. Въ послѣднемъ случаѣ всѣ явленія протекаютъ болѣе бурно и смерть наступаетъ быстрѣе. Во время голоданія организмъ живетъ на счетъ составныхъ частей своего тѣла и, поэтому конечно, вѣсъ тѣла долженъ непрерывно падать. Потеря въ вѣсѣ различными органами и тканями тѣла, при голоданіи представляется далеко не одинаковой. Повидимому, можно было бы предполагать, что органы болѣе дѣятельные должны бы лучше сохраняться, такъ какъ и при нормальныхъ условіяхъ слабо дѣйствующіе органы и ткани скорѣе и легче подвергаются атрофіи и, если бы дѣло было такъ, то наиболѣе пострадавшимъ органамъ при голоданіи должна бы оказаться кровь, изъ которой всѣ ткани стремятся извлечь питательный матеріалъ, а между тѣмъ изъ желудочно-кишечнаго канала потери крови не восполняются. На самомъ дѣлѣ, анализъ крови при голоданіи показываетъ, что она—одна изъ самыхъ стойкихъ тканей и почти до самаго конца сохраняетъ свой нормальный составъ. Достигаетъ она этого, повидимому, тѣмъ, что, отдавая много матеріала сильнымъ въ борьбѣ тканямъ, сама извлекаетъ изъ болѣе слабыхъ недостающій ей матеріалъ.

Въ организмѣ во время голоданія происходитъ жестокая борьба, изъ которой побѣдителями, какъ изъ всякой борьбы, выходятъ болѣе сильныя. А самыми сильными и устойчивыми въ данномъ случаѣ должны быть всѣ органы и ткани, сохраненіе которыхъ особенно важно для жизни всего организма. И вотъ на первомъ планѣ стоитъ мозговой аппаратъ, регуляторъ дѣятельности всѣхъ элементовъ тѣла, который обладаетъ наибольшей устойчивостью. Незначительны потери костной и хрящевой ткани, какъ какъ и при нормальныхъ условіяхъ обмѣнъ веществъ въ нихъ происходитъ очень вяло. Самыми неустойчивыми тканями является жировая ткань, вообще не стойкая, прежде всего идущая на удовлетвореніе нуждъ голодающаго организма, затѣмъ тѣ органы, которымъ приписывается кроветворная способность и изъ которыхъ кровь старается извлечь возможно больше матеріала. Къ такимъ органамъ относятся печень, селезенка, поджелудочная железа, сильно и быстро уменьшающіяся въ вѣсѣ при голоданіи.

Голодающій организмъ представляется вялымъ, апатичнымъ, инстинктивно оберегая свои силы, избѣгаетъ излишнихъ движеній, вяло отвѣчаетъ на раздраженія, дыханіе у него замедляется, температура тѣла понижается, слабость и вялость, постепенно усиливаясь, доходитъ до того, что животное неспособно перемѣнить положеніе, которое ему придали, хотя бы такое положеніе было неудобно. Общій вѣсъ тѣла при голоданіи уменьшается непрерывно, но не равномѣрно: въ первые дни паденіе вѣса идетъ быстро, а затѣмъ по мѣрѣ приспособленія организма къ новому, хотя и патологическому состоянію, потеря вѣса идетъ не такъ рѣзко.

Смерть взрослаго животнаго обыкновенно наступаетъ, когда вѣсъ тѣла уменьшился на 40—45%, а молодыя животныя умираютъ уже при потерѣ вѣса въ 20%. Величина животнаго тоже оказываетъ вліяніе на продолжительность жизни при голоданіи: въ то время какъ взрослая мышь живетъ безъ пищи дня три, лошадь или верблюдъ живутъ мѣсяцъ. Относительно людей установлены слѣдующіе приблизительные предѣлы продолжительности жизни при голоданіи: дѣти могутъ жить безъ пищи 3—4 дня, взрослые отъ 3 до 4 недѣль, а старики у которыхъ всѣ жизненные процессы проходятъ вяло, до 2 мѣсяцевъ. Само собой понятно, что картина голоданія, продолжительность его теченія будетъ измѣняться въ зависимости отъ условій обстановки голодающаго организма. Если

напр., во время голоданія приходится еще тратить силы на работу, то вся картина будетъ рѣзче выражена и грозныя явленія наступятъ раньше.

Неполное голоданіе можетъ быть количественное и качественное. Подъ количественнымъ понимаютъ такое, при которомъ всѣ необходимыя для питанія организма вещества входятъ въ пищевую смѣсь, но не въ достаточномъ для поддержанія равновѣсія организма количествѣ, т. е. когда рѣчь идетъ о хроническомъ недоѣданіи, самомъ частомъ у насъ въ Россіи явленія. Качественное же голоданіе можетъ состоять либо въ томъ, что вводится достаточное количество веществъ, но веществъ испорченныхъ, либо въ томъ, что въ пищевой смѣси недостаетъ одного изъ необходимыхъ для питанія элементовъ.

Всѣ эти тяжелыя формы неполнаго голоданія наблюдаются обыкновенно при какихъ-либо большихъ народныхъ бѣдствіяхъ, какъ неурожаи, войны и т. п. и въ обыкновенное время выпадаютъ на долю неимущихъ классовъ. При количественномъ неполномъ голоданіи имѣютъ мѣсто тѣ же явленія, что и при голоданіи полномъ, но еще, пожалуй, въ болѣе мрачной формѣ, такъ какъ жизнь при такомъ голоданіи можетъ продолжаться дольше и органы и ткани тѣла успѣваютъ перетерпѣть цѣлый рядъ болѣе глубокихъ и стойкихъ измѣненій. Кровь, сильно воюющая при абсолютномъ лишеніи организма пищи, здѣсь подвергается рѣзкимъ измѣненіямъ, становится жидкою, болѣе бѣдной форменными элементами, измѣненныя стѣнки сосудовъ легко пропускаютъ жидкость въ ткани, образуются водяночныя скопленія, отеки—отсюда и пошло народное выраженіе «пухнуть съ голода». Въ брошюрѣ о голодѣ г. А. А. Линскаго приводится картина хроническаго голоданія, сдѣланная еще Овидіемъ: «Ихъ глаза запали, лица были блѣдны, губы посинѣли, зубы сдѣлались темными, кожа была тверда, сквозь нее виднѣлись сосуды, кости выдавались изъ суставовъ, вмѣсто живота была впадина». При неполномъ голоданіи жизнь можетъ продолжаться въ 3—5 разъ дольше, чѣмъ при голоданіи полномъ.

При качественномъ голоданіи, обусловленномъ порчей вводимыхъ продуктовъ, наблюдается обыкновенно острая картина отравленія, болѣзни, оставляющей нерѣдко тяжелыя послѣдствія на продолжительное время или всю жизнь или же ведущей иногда быстро къ смерти. Другая форма качественнаго голоданія можетъ выразиться либо въ отсутствіи въ пищѣ органическихъ, т. е. растительныхъ и животныхъ веществъ, либо неорганическихъ минеральныхъ веществъ. Хотя значеніе послѣднихъ очень долгое время недостаточно оцѣнивалось при изученіи физіологіи питанія, тѣмъ не менѣе многочисленные опыты на животныхъ показали всю важность минеральныхъ веществъ для питанія организма. Какія были ни составлялись удачныя питательныя смѣси, но лишенныя одной какой-либо или нѣсколькихъ солей, будь то хлористый натръ или углекислая известь, или фосфорно-кислый натръ и т. п.—животныя не могли долго выснживать на такихъ смѣсяхъ и, провлачивъ болѣе или менѣе продолжительное время жалкое существованіе, умирали.

Опыты эти дали возможность сдѣлать много крайне интересныхъ выводовъ. Оказывается, что хотя соли, напр. известковыя, входятъ, главнымъ образомъ, въ составъ костей, тѣмъ не менѣе, при отсутствіи ихъ въ пищѣ, страдаютъ не только кости, гдѣ соли находятся въ такой прочной связи съ органическими веществами, что всюду отыскивающая ихъ кровь лишена возможности извлечь ихъ изъ костей и набрасывается на болѣе уступчивыя мягкія ткани, которыя при минеральномъ голоданіи страдаютъ больше всего. Опыты эти, выясняя крайнюю необходимость минеральныхъ веществъ для питанія, вмѣстѣ съ тѣмъ показали, что обильное введеніе органическихъ веществъ при минеральномъ голоданіи не только не улучшаетъ и поддерживаетъ жизнь животнаго, но какъ будто ведетъ его къ еще скорѣйшей гибели. Это послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что органическія вещества, лишенныя для опыта солей, при

поступленіи въ организмъ жадно набрасываются на тканевыя клѣтки, извлекая изъ нихъ содержащіяся тамъ соли и тѣмъ производя большія нарушенія въ жизни организма. При обычныхъ условіяхъ въ пищевой смѣси, состоящей изъ продуктовъ растительнаго и животнаго царства, находится достаточное количество необходимыхъ солей, значительная доля которыхъ попадаетъ въ организмъ вмѣстѣ съ водой и, поэтому, въ организмѣ, совершенно не выработавшемъ никакихъ приспособленій на случай отсутствія въ пищѣ солей, и происходятъ такія бурныя явленія при минеральномъ голоданіи.

Органическое голоданіе можетъ обусловливаться отсутствіемъ въ пищѣ содержащихъ азотъ веществъ, т. е. бѣлковъ и ихъ производныхъ или безъазотистыхъ, т. е. жировъ и углеводовъ. Полное отсутствіе послѣднихъ можетъ въ значительной степени восполняться обильнымъ введеніемъ бѣлковыхъ веществъ. Но такая замѣна не проходитъ для организма даромъ. Большое количество бѣлковъ требуетъ для своего перевариванія, для обработки большого напряженія всѣхъ занятыхъ перевариваніемъ органовъ, а такое напряженіе долго продолжаться не можетъ, не говоря уже про то, что аппараты, предназначенные для обработки жировъ и углеводовъ, подвергаются атрофіи вслѣдствіе бездѣйствія. При отсутствіи въ пищѣ бѣлковъ съ замѣной ихъ жирами и углеводами нѣкоторое время поддерживается равновѣсіе, которое, однако, должно нарушиться, такъ какъ организмъ начинаетъ жить насчетъ своего организованнаго, т. е. входящаго въ составъ тканей бѣлка. Если же при отсутствіи въ пищѣ бѣлковъ животное будетъ пользоваться только жирами или только углеводами, то результаты получатся еще болѣе печальные и при томъ гораздо быстрѣе. Наблюденія показываютъ, что при одномъ углеводномъ режимѣ животное чувствуетъ себя лучше, чѣмъ при чисто жировомъ. Это, вѣроятно, примѣнимо и къ человѣку, въ пищѣ котораго обыкновенно углеводовъ больше, чѣмъ жировъ.

Раньше, чѣмъ покончить съ вопросомъ о питаніи, которое, какъ видно, будетъ правильнымъ только тогда, когда въ организмъ будетъ вводиться въ достаточномъ количествѣ смѣшанная пища изъ всѣхъ необходимыхъ для жизни элементовъ, скажемъ еще нѣсколько словъ объ общихъ явленіяхъ, наблюдаемыхъ при голоданіи. Ослабѣвшій, изголодавшійся организмъ дѣлается неспособнымъ противостоять вреднымъ внѣшнимъ вліяніямъ, его невоспріимчивость къ заразнымъ началамъ значительно падаетъ. Животныя голодающія дѣлаются способными заболѣвать такими формами болѣзней, которыми они никогда не хвораютъ при нормальныхъ условіяхъ. Поэтому, неудивительно, что всѣ голодовки всегда сопровождаются цѣлымъ рядомъ эпидемическихъ болѣзней (тифъ, оспа и др.), протекающихъ крайне тяжело и уносящихъ много жертвъ. Всякаго рода незаразныя болѣзни у голодающихъ тоже протекаютъ тяжело и медленно. Вся нервная система и психика у голодающихъ рѣзко измѣняются: постоянная мысль о кускѣ хлѣба, лишаетъ человѣка необходимаго душевнаго покоя, психическое равновѣсіе нарушается, работа валится изъ рукъ. А при массовомъ голоданіи, понятно, страдаетъ весь строй народной жизни, и историческіе примѣры подтверждаютъ, что многіе спеціальные и политическіе перевороты имѣли ближайшими поводами предшествовавшіе голодовки и неурожаи. Нечего говорить, какъ гибельно отзывается на культурной жизни страны это хроническое голоданіе значительной части населенія.

Послѣ этихъ хотя и бѣглыхъ замѣчаній о питаніи при нормальныхъ и патологическихъ условіяхъ, мы возвращаемся къ изложенію тѣхъ теорій, которыя были предложены для объясненія причинъ и сущности цынги. Кажется, все, на что человѣческій умъ могъ обратить вниманіе, подверглось изслѣдованію для выясненія вопроса о цынгѣ, но кромѣ противорѣчивыхъ данныхъ мы пока ничего не имѣемъ. Личному предрасположенію придаютъ значеніе постольку, по скольку оно сводится къ врожденной ломкости сосудовъ, къ со-

стоянію, извѣстному подъ названіемъ гэмофиліи (кровоточивости). Истощенные предшествовавшей тяжелой болѣзнью, въ особенности перемежающейся лихорадкой, легче заболѣваютъ цынгой. Полъ, возрастъ и раса не оказываютъ, повидимому, рѣзкаго вліянія на воспріимчивость къ цынгѣ, хотя наблюденія, произведенныя въ Россіи, показываютъ, что инородцы болѣютъ цынгой больше, чѣмъ великороссы. Уроженцы прибалтійскихъ губерній, финны, поляки, литовцы даютъ большой контингентъ цынготныхъ больныхъ.

Атмосферныя вліянія тоже изучались и отмѣчено, что въ холодное время года цынга развивается чаще, хотя у насъ въ Россіи большинство заболѣваній падаетъ на весенніе и отчасти лѣтніе мѣсяцы. Въ то время какъ одни придаютъ большое значеніе влажности воздуха, другіе отрицаютъ важность этого момента.

Относительно вліянія сырости жилищъ и болотистой почвы мѣстности сходятся мнѣнія почти всѣхъ изслѣдователей, изъ которыхъ нѣкоторые особое значеніе придаютъ не столько самой сырости, сколько тому обстоятельству, что сырость подпольнаго пространства въ связи съ грязью представляетъ благопріятную почву для развитія микроорганизмовъ, вызывающихъ цынгу.

Какъ ужъ сказано было выше, пищѣ въ дѣлѣ развитія цынги приписывалось всегда большое значеніе. Въ то время какъ одни, основываясь на совпаденіи эпидемій цынги съ неурожаями и голодовками, готовы были видѣть въ количественномъ голоданіи главную причину цынги, другіе все дѣло сводили къ качеству пищи. Послѣднее мнѣніе находитъ себѣ подтвержденіе въ нѣсколькихъ эпидеміяхъ цынги, развивавшихся вслѣдъ за употребленіемъ въ пищу недоброкачественной пищи и воды. Качественныя недостатки пищи въ смыслѣ отсутствія или, наоборотъ, избыточнаго присутствія какихъ-либо пищевыхъ продуктовъ тоже изучались самымъ тщательнымъ образомъ. И было время, когда избытокъ поваренной соли въ пищѣ считался моментомъ, благопріятствующимъ развитію цынги, но многочисленныя наблюденія не подтвердили этой «соляной» теоріи: цынга часто посѣщала населеніе, кормившееся свѣжимъ, т. е. не соленымъ мясомъ. Также не подтвердилась теорія, желавшая видѣть причину цынги въ недостаткѣ въ пищѣ жировъ и углеводовъ. Нѣкоторые лѣчебныя пріемы содѣйствовали паденію однихъ теорій и возникновенію другихъ. Когда придавали значеніе въ развитіи цынги отсутствію или малому количеству растительной пищи и зеленыхъ овощей, главнымъ образомъ, растительно-кислыхъ солей, то думали, что назначеніе больнымъ этихъ солей въ видѣ лѣкарствъ должно повести къ прекращенію болѣзни. Но опытъ этого не подтвердилъ, а то обстоятельство, что картофель, бѣдный растительными кислотами и богатый углекислымъ кали, оказался однимъ изъ сильныхъ противоцынготныхъ пищевыхъ средствъ, привело съ созданію въ 1848 году теоріи калійнаго голоданія при цынгѣ. Изслѣдованія крови только будто подтвердили эту теорію, такъ въ крови цынготныхъ замѣчается уменьшеніе калійныхъ солей. Калійная теорія, имѣющая многихъ сторонниковъ и въ настоящее время, не можетъ однако считаться самой достовѣрной, такъ какъ при полномъ устраненіи изъ пищи животныхъ калійныхъ солей не удалось вызывать у нихъ цынгу.

Такимъ образомъ, всѣ приведенныя до сихъ поръ мнѣнія относительно причинъ цынги не представляются удовлетворительными. Каждое изъ этихъ мнѣній, указывая на очень существенное обстоятельство, не можетъ объяснить всѣхъ явленій, наблюдаемыхъ при цынгѣ. Очевидно, что всѣ перечисленныя до сихъ поръ причины,—каждая въ отдѣльности и при комбинаціи нѣсколькихъ,—являются только предрасполагающими, но не вызывающими причинами болѣзни.

Уже болѣе чѣмъ 300 лѣтъ тому назадъ было сдѣлано предположеніе о заразномъ характерѣ цынги. Заразная теорія имѣетъ въ настоящее время многихъ послѣдователей и, повидимому, ближе всѣхъ другихъ стоитъ къ истинѣ.

Относительно свойствъ заразнаго начала мнѣнія расходятся. Въ то время какъ одни считаютъ эту заразу міазматической, т. е. не передающейся отъ человѣка къ человѣку, а ютящейся въ данной почвѣ, какъ перемежающаяся лихорадка, и при благопріятныхъ обстоятельствахъ попадающей въ кровь человѣка,—другіе признаютъ ее болѣзнью контагіозной, т. е. способной передаваться отъ одного къ другому, независимо отъ свойствъ почвы. Съ развитіемъ бактеріологія стали искать въ крови и органахъ цынготныхъ предполагаемую заразу, и въ этомъ направленіи уже достигнуты кой-какіе результаты. Многимъ изслѣдователямъ удалось выдѣлить какой-то микробъ. Понятно, что для окончательнаго рѣшенія вопроса требуются еще дальнѣйшія наблюденія.

Теченіе цынги обыкновенно хроническое. Какъ первое явленіе болѣзни отмѣчается въ большинствѣ случаевъ худосочіе (кахексія). Больной жалуется на слабость, быструю утомляемость, разбитость, особенная тяжесть замѣчается въ ногахъ, настроеніе духа угнетенное, больной впадаетъ въ унынie, становится боязливымъ, сонливымъ и зябкимъ—малѣйшее пониженіе окружающей температуры для него чувствительно. Лицо становится блѣднымъ съ грязноватымъ оттѣнкомъ, губы синѣютъ, глаза вваливаются и быстро идетъ общее похуданіе. Ко всему этому присоединяются рвущія боли въ мышцахъ и суставахъ.

Такъ дѣло идетъ дней 10—14 и постепенно начинаютъ обнаруживаться спеціально-цынготные признаки. Однимъ изъ первыхъ такихъ признаковъ является измѣненіе десенъ. Сначала вся слизистая оболочка рта представляется темно-красной, а постепенно она начинаетъ у края десенъ, въ особенности возлѣ рѣзцовъ припухать, становится болѣзненной, кровоточивой и понемногу отстаетъ отъ зубовъ. Надо тутъ же замѣтить, что въ мѣстахъ, гдѣ уже зубовъ нѣтъ, десна измѣненіямъ не подвергается. Къ этому присоединяется отвратительный запахъ изо рта. Параллельно съ кровоточивостью десенъ, нерѣдко нѣсколько позже, появляются кровоизліянія въ ткань кожи, которая представляется какъ бы обрызганной кровью. Раньше всего такія кровоизліянія обозначаются на нижнихъ конечностяхъ, а затѣмъ распространяются по всему тѣлу. По наблюденіямъ авторовъ, кровоизліяній бываетъ больше въ тѣхъ мѣстахъ, которыя въ здоровомъ состояніи производили наибольшую работу. Такъ у дровосѣковъ и у вертящихъ колесо прядильной машины больше поражается правая рука, у прачекъ обѣ руки и т. д.

По мѣрѣ существованія кровяныхъ пятенъ они, какъ всякій кровоподтекъ, мѣняютъ свой цвѣтъ въ синій, зеленый и желтый. Съ исчезновеніемъ однихъ кровоподтековъ появляются новые. Кровоподтеки эти образуютъ на тѣлѣ цѣлый рядъ опухолей, иногда крайне болѣзненныхъ. Кромѣ десенъ, даютъ кровоточенія и слизистая оболочка носа и желудка, и кишекъ. Подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ кровоизліяній подвергаются воспаленію какъ суставы, такъ и внутренніе органы, что представляетъ собой особенно тягостное осложненіе болѣзни.

При неблагопріятномъ ходѣ болѣзни, всѣ отмѣченныя здѣсь явленія все больше и больше развиваются, слабость возрастаетъ, при малѣйшей попыткѣ подняться дѣлается обморокъ; появляется одышка, большіе отеки, и при все увеличивающемся худосочіи наступаетъ смерть. При болѣе легкомъ теченіи болѣзни выздоровленіе идетъ крайне медленно и надолго остается опасность возобновленія припадковъ. При легкихъ формахъ цынги лихорадки обыкновенно нѣтъ, при тяжелыхъ—всегда бываетъ лихорадка.

Что касается лѣченія цынги, то послѣ того, что сказано было о причинахъ этой тяжелой болѣзни, ясно, что о настоящемъ лѣченіи, направленномъ противъ самой причины, пока, къ сожалѣнію, не можетъ быть рѣчи, такъ какъ причина эта еще неизвѣстна. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что мы безсильны

противъ цынги. Напротивъ, борьба съ болѣзнью возможна и притомъ весьма успѣшная.

И мѣры, принимаемыя противъ цынги, можно раздѣлить на двѣ категоріи: на мѣры общественныя и мѣры индивидуальныя. На первомъ планѣ среди общественныхъ мѣръ, при массовыхъ заболѣваніяхъ, стоитъ прежде всего и главнѣе всего дѣло пищевого продовольствія населенія. Какова бы ни была настоящая причина цынги, вопросъ о пищѣ, по выраженію Гирша, лучшаго географа и историка медицины, составляетъ альфу и омегу въ развитіи скорбута. Поэтому, первой заботой является снабженіе мѣстъ, пораженныхъ цынготной эпидеміей, достаточнымъ количествомъ пищевыхъ продуктовъ, свѣжихъ и содержащихъ всѣ необходимые для правильнаго питанія элементы. При этомъ здоровая пища должна предлагаться не только населенію, уже заболѣвшему, но еще и здоровому, уже истощенному предшествовавшимъ недоѣданіемъ. Иначе принимаемыя мѣры не достигнутъ цѣли; давъ возможность поправиться одной части населенія, мы рискуемъ получить новый контингентъ больныхъ и такъ дѣло можетъ тянуться до безконечности. Поэтому, широкое распространеніе въ пораженныхъ цынгой мѣстахъ правильно функціонирующихъ народныхъ столовыхъ, съ доставкой тяжело-больнымъ пищи на домъ, является самой существенной мѣрой въ борьбѣ съ этой болѣзнью. О томъ, какъ должны составляться меню такихъ столовыхъ, мы говорили выше.

На ряду съ улучшеніемъ питанія населенія должны стоять и другія мѣры, содѣйствующія улучшенію санитарной обстановки населенія. Сюда относится осушка данной мѣстности, если она болотистая и сырая, улучшеніе жилищъ въ смыслѣ устраненія изъ нихъ сырости и чистоты ихъ содержанія, предоставленіе населенію права безплатнаго пользованія баней и т. п. Въ виду того, что есть много основаній считать цынгу болѣзнью инфекціонной, представляется крайне желательной изоляція больныхъ, во всякомъ случаѣ надо избѣгать скученности ихъ въ одномъ мѣстѣ. А помѣщеніе, гдѣ находятся больные, должно содержаться крайне опрятно, часто провѣтриваться и т. д.

Назовемъ здѣсь нѣкоторые изъ продуктовъ, которые многими считаются чрезвычайно полезными при цынгѣ. Сюда относится такъ называемое сосновое пиво, приготовляемое прибавленіемъ сосновыхъ или еловыхъ шишекъ къ бродящему затору или къ перебродившему напитку *). Далѣе, большой славой пользуется свѣже выжатый сокъ различныхъ травъ, корней и плодовъ, какъ-то: разные сорта капусты, настурція, далѣе морской салатъ, дикій перецъ, заячья капуста, чистотѣлъ, щавель, рѣпа, рѣдька, хрѣнъ, вишня, яблоко, смородина, лимонъ, барбарисъ, брусника, кизиль и другія. Вмѣсто сока, конечно, можно употреблять все это въ видѣ салата, фруктовъ и т. д. Сюда же, пожалуй, слѣдуетъ отнести и пивныя дрожжи, которыя даются или въ чистомъ видѣ, или съ водой и сахаромъ по 200—300 грам. ежедневно.

Изъ лѣкарственныхъ средствъ, которыхъ предложено было очень много, что лучше всего свидѣтельствуетъ объ отсутствіи настоящаго средства, мы назовемъ здѣсь такія, которыя могутъ примѣняться и не врачемъ. Можно давать больнымъ небольшія дозы хинина, рекомендована сравнительно недавно—и въ послѣднемъ выпускѣ журнала «Врачъ» рекомендація эта врачемъ Мартыновымъ подтверждается—іодная настойка по 4—5 капель въ рюмкѣ воды, раза три въ сутки.

---

*) Вотъ полный рецептъ для приготовленія этого пива: 60 грм. свѣжаго хрѣна, 30 грм. ложечной травы, 30 грм. еловыхъ или сосновыхъ шишекъ на 2 литра молодого пива.

Пораженныя десна лѣчатся полосканіями изъ спиртнаго настоя свѣжей ложечной травы и растворомъ бертолетовой соли (чайная ложка на стаканъ воды. Ротъ нужно прополаскивать возможно чаще.

Къ кровоподтекамъ на конечностяхъ можно прикладывать компрессы изъ теплой воды, смѣшанной съ нашатыремъ. Образующіяся раны и язвы требуютъ уже врачебнаго вмѣшательства.

Всѣ перечисленныя здѣсь противоцынготныя мѣры должны, конечно, примѣняться не по шаблону, а сообразно условіямъ данной мѣстности, сообразно индивидуальности каждаго больного.

Будемъ надѣяться, что дружными усиліями общества удастся скоро одолѣть тяжелую болѣзнь и что будутъ приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы хроническія голодовки, которымъ подвергается уже много лѣтъ населеніе въ разныхъ мѣстахъ Россіи, прекратили, наконецъ, свое существованіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ прекратятся и неизбѣжные спутники голода—тифъ, цынга и другія болѣзни.

Врачъ. В. И. Бинштокъ.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

На голодѣ. Наступившее холодное и дождливое лѣто не принесло пока облегченія мѣстностямъ, пораженнымъ неурожаемъ. Изъ губерній Казанской, Симбирской, Уфимской, Вятской, Самарской продолжаютъ поступать въ газеты извѣщенія о крайне безъотрадномъ положеніи мѣстнаго населенія, хотя уже затрачено изъ государственныхъ средствъ до 34 мил. на продовольствіе и обсѣмененіе. Этихъ средствъ было-бы достаточно, если бы пришлось имѣть дѣло съ острымъ случаемъ нужды, и только. Къ сожалѣнію, нужда этого года только обостреніе постояннаго длительнаго экономическаго упадка населенія, какъ можно судить по многочисленнымъ заявленіямъ лицъ, уѣхавшихъ для помощи на мѣстѣ. Не дѣлая особаго выбора, приводимъ одну подобную корреспонденцію изъ «С. Петербургскихъ Вѣдомостей».

«На моей обязанности лежитъ завѣдываніе столовой и уходъ за больными въ деревнѣ Баландѣ Казанской губ. Но прежде чѣмъ говорить о столовой, о которой ничего утѣшительнаго сообщить не могу, слѣдуетъ дать нѣкоторое понятіе о самой деревнѣ... Это, воистину, — нѣчто удивительное: положительно скопище калѣкъ, глухихъ, слѣпыхъ. Лихорадка, чахотка, сифилисъ, всякія другія недомоганія и особенно глазныя болѣзни—въ полномъ ходу. Уже не собрались ли они всѣ сюда, со всего міра, въ эту несчастную Баланду?..

«Ни одного крѣпкаго здороваго человѣка!.. О женщинахъ, дѣтяхъ, старикахъ—и говорить нечего. У кормящихъ женщинъ нѣтъ молока, а рѣдкая изъ нихъ безъ грудного ребенка...

«Старики... всѣ они голодны и больны, почти всѣ слѣпы. Дѣти... Некрасовъ, конечно, не видѣлъ вотъ этихъ, когда писалъ свои «Крестьянскія дѣти»! Ихъ руки, и щеки, и губы—холодныя, хотя теперь ужъ тепло: личики обрюзгшія, блѣдныя, будто они никогда не бывали на воздухѣ. Даже тѣ, которые бѣгаютъ и смѣются, даже тѣ—не выглядятъ здоровѣй. Но всего больше поражаетъ видъ мужчинъ-работниковъ «кормильцевъ».

«Эти кормильцы едва ходятъ: всѣ жалуются на шумъ въ ушахъ, головокруженіе, общую слабость.

«Лица—угрюмыя, глаза воспаленные. Это—«народъ»... По крайней мѣрѣ, таковъ народъ въ Баландѣ. Правда, мнѣ говорилъ врачъ, что въ сосѣднихъ деревняхъ положеніе еще хуже, еще ужаснѣе, что, напримѣръ, въ селѣ Щербинѣ чуть ли не всѣ слѣпы отъ выдѣлки рогожи, — причемъ работаетъ вся семья и дѣти, но заработка не хватаетъ даже на хлѣбъ; что тамъ, кромѣ цынги и всѣхъ прочихъ болѣзней,—еще и сыпной тифъ. Но этому странно вѣрить: неужели существуетъ что-нибудь ужаснѣе Баланды? Ихъ жилище (большинства)—это крохотная клѣтушка, вся прокоптѣвшая отъ дыма, въ сажень

ширины, столько же длины, съ грудой зловоннаго тряпья и съ потолкомъ такимъ низкимъ, что высокому человѣку приходится стоять съ нагнутой головой. Здѣсь валяется цынготная мать, здѣсь же въ полнѣйшемъ безмолвіи—дѣти.

«Теперь о столовой... Впрочемъ, еще нѣсколько словъ о надеждахъ и мечтахъ жителя Баланды! Онъ мечтаетъ (безъ различія пола и возраста), страстно жаждетъ, какъ избавленія послѣ долгихъ страданій, онъ желаетъ имѣть... цынгу!! Да, я не преувеличиваю нисколько. Извѣстно, что цынга есть слѣдствіе хронической голодовки, «недоѣданія», какъ у насъ называютъ. Проявляется и сопровождается она выпаденіемъ зубовъ, волосъ, скрючиваньемъ ногъ и часто слѣпотой. Болѣзненность—сильная, но видно «голодъ» больнѣе! Моя столовая открыта отъ земства, на средства ли Краснаго Креста или только подъ его контролемъ—точно не знаю, да это и неважно, а важно то, что кормятъ исключительно цынготныхъ: только этимъ выдаютъ ярлыки и, если бы въ деревнѣ было 5 цынготныхъ, то кормили бы только пятерыхъ. Изъ двухсотъ слишнимъ жителей Баланды оказалось счастливчиковъ 56,—а слѣдовательно, только 56, болѣющихъ цынгой, наслаждаются кашей, чувствуютъ себя угодниками Божьими, царями-побѣдителями!.. Лица ихъ ужъ бодрѣй и веселѣй, несмотря на то, что ѣдятъ только 1 разъ въ день,—причемъ на 56 человѣкъ выдается 8 ф. мяса, 7 ф. пшена и по фунту хлѣба. Многіе изъ нихъ *умоляютъ позволить имъ принести дѣтей, чтобы подѣлиться порціей*... Но приказъ строжайшій—не приводить никого и ѣсть здѣсь, въ столовой, иначе тебя прогонятъ...

«Большинство—не попавшіе въ ряды избранниковъ, не болѣющіе счастливой болѣзью,—падаютъ духомъ и тѣломъ слабѣютъ, пускаются на всякія ухищренія, чтобъ обмануть врача (здѣсь есть студентъ-медикъ) и подорвать довѣріе высшихъ къ правильности его діагноза... Но тщетно! цынгу слишкомъ легко отличить,—особенно при стараніи оказаться на высотѣ своего призванія или при стремленіи расходовать, какъ можно меньше... Вчера ко мнѣ пришелъ парень, который все время не давалъ мнѣ покоя, слѣдуя за мною какъ тѣнь по пятамъ, умоляя принять его въ столовую. И вотъ, вошелъ — счастливый, торжествующій: оказалось, что наконецъ и у него признана цынга... Да и всѣмъ имъ ждать придется недолго: завтра или послѣ завтра сойдетъ и на нихъ благодать въ видѣ цынги, тогда и ихъ будутъ кормить (разъ въ день). Но... нетерпѣніе беретъ! ѣсть хочется! «Силы вовсе нѣтъ!» (здѣсь все—чуваши, только нѣсколько русскихъ семей). Разъ двадцать, тридцать въ день говорю: «уходи! нѣтъ для тебя ничего! кормятъ только больныхъ, только у которыхъ цынга!...»

— «А и то грудь разломило! Гляди руки-то какія!..» и непремѣнно покажетъ свою руку, какъ плетку, и голова то у него кружится, и «сердце подводитъ», и дѣтей кормить «стало быть нечѣмъ — и т. д. и т. д...»—«А все-таки уходи!..» Въ общемъ получается нѣчто ужасное, громадное, которое наваливается со всѣхъ сторонъ и давитъ. Тутъ не разберешься... Не въ психологіи и впечатлѣніяхъ тутъ дѣло! Это не психологія... а «голодъ»...

Нечего прибавлять къ этимъ даннымъ. Приводимъ адресъ для посылки денегъ: «Прошу, отъ лица всей этой голодной толпы, прислать денегъ по слѣдующему адресу:

Гор. *Чистополь* (Казанской губ.), предсѣдателю уѣздной земской управы для передачи Ольгѣ Эммануиловнѣ Котылевой въ дер. Нижнюю Баланду».

Ниже читатели найдутъ сообщеніе нашей сотрудницы, г-жи Нелидовой, изъ другой мѣстности Казанской губ. Думаемъ, что этихъ сообщеній вполнѣ достаточно для обрисовки положенія на мѣстѣ.

Ожидаемый неурожай этого года. Съ хлѣбороднаго нѣкогда юга начинаютъ все чаще и чаще доходить извѣстія объ угрожающемъ въ этомъ году неурожаѣ.

По мнѣнію «Одесск. Новостей», «необходимо выяснить заблаговременно размѣры нужды и необходимыя мѣропріятія для борьбы съ нею.

«Необходимо также на дѣло посмотрѣть шире, и только тогда можно будетъ составить планъ кампаніи не только съ цѣлью накормленія голоднаго населенія, но также съ цѣлью поддержки его хозяйства, этой основы благосостоянія всей губерніи,—того самаго благосостоянія, которому теперь грозитъ серіозная опасность».

Газета возражаетъ противъ предубѣжденія, будто-бы въ южныхъ губерніяхъ «голода не бываетъ».

«Въ 1889 году въ Херсонской губ. былъ неурожай, и 1890 годъ далъ 7,000 лишнихъ смертей сравнительно съ предыдущимъ годомъ, число браковъ дало сокращеніе на 3,500, а число рожденій на 12,000; въ общемъ приростъ населенія сократился съ 2,75 проц. на 1,87 проц. Еще хуже было положеніе въ 1892 году, когда смертность получила лишнюю жатву въ 15,500 человѣкъ, а число рожденій уменьшилось на 24.000, при уменьшеніи числа браковъ на 6,000; общій же приростъ населенія упалъ до 1,6 проц. Нѣтъ сомнѣнія, жертвы центра въ голодные годы гораздо сильнѣе. Но развѣ это можетъ дать намъ право утверждать, что на югѣ голода не бываетъ, — утверждать вопреки всякой очевидности?

«Что же касается «неурожаевъ», то и они не составляютъ привилегіи центральныхъ губерній, противополагавшихся въ этомъ отношеніи окраинамъ. Такъ, въ Херсонской губерніи, при среднемъ сборѣ зерновыхъ хлѣбовъ съ одной десятины въ 40 пудовъ, собиралось: въ 1889 году 18 пудовъ, въ 1891 году 21 пудъ, въ 1892 году 28 пудовъ, въ 1896 г. опять 28 пудовъ, наконецъ, въ настоящемъ 1899 году едва-ли будетъ собрано столько, сколько было собрано въ 1892 году, — такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаютъ люди, знающіе деревню. Слѣдовательно, Херсонская губернія не далеко ушла отъ центральныхъ губерній: пять неурожаевъ на протяженіи одного десятилѣтія и тѣ же четыре неурожая, что въ центральныхъ губерніяхъ, начиная съ 1891 года».

«Южное Обозрѣніе» подтверждаетъ, что въ «губерніяхъ Херсонской, Бессарабской, частью Таврической и Екатеринославской и люди и скотъ наканунѣ голодовки, могущей имѣть весьма серіозныя послѣдствія, если своевременно не будутъ приняты мѣры помощи. Общество уже встревожено, города и земства уже заговорили о необходимыхъ мѣрахъ, дабы у насъ не повторилась та же массовая голодная драма, которая происходитъ еще въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ, взывая къ нашему великодушію».

Другой районъ недорода намѣчается, по свѣдѣніямъ «Торгово-Промышленной газеты», на сѣверо-западѣ. Въ Сѣверо-западномъ краѣ и Приозерныхъ губерніяхъ озимые испытали значительныя поврежденія, сѣвъ яровыхъ запоздалъ, и развитіе ихъ дало неудовлетворительные разультаты. Словомъ, и тутъ произошло расширеніе неурожайнаго района подъ вліяніемъ дурной погоды.

Въ предѣлахъ Европейской Россіи органъ Министерства Финансовъ указываетъ 14 губерній съ неудовлетворительными озимыми и 10 съ плохими яровыми посѣвами. При этомъ въ восьми губерніяхъ предвидится неурожай какъ тѣхъ, такъ и другихъ хлѣбовъ, а общее число губерній, имѣющихъ недородъ, достигаетъ шестнадцати.

Неурожай въ Сибири. «Сибирскій Вѣстникъ» въ рядѣ статей г. Селихова указываетъ на значительный неурожай въ Сибири, которая переживаетъ въ этомъ году очень тяжелое время.

«Районъ недорода,—цитируемъ по изложенію «Рус. Вѣдомостей», — захватилъ огромное, даже по сибирскому масштабу, разстояніе. Уже въ *Томской* губерніи не вездѣ обстоитъ благополучно съ продовольствіемъ крестьянскаго на-

селенія; еще въ январѣ крестьяне въ селѣ Тисуль Маріинскаго округа, въ виду нужды и безработицы, бросились на хищническую добычу золота, несмотря на строгость карательныхъ мѣръ, установленныхъ въ законѣ. Но здѣсь во всякомъ случаѣ неурожай постигъ лишь отдѣльныя мѣстности. Совсѣмъ иначе въ *Енисейской* губерніи. Два предыдущіе года были не особенно благопріятны не только въ Канскомъ и Красноярскомъ, но даже въ Минусинскомъ округѣ, — этой житницѣ Сибири. Тѣмъ не менѣе населеніе кое-какъ справилось съ неурожаемъ и не терпѣло особенной нужды, хотя мѣстами уже въ прошломъ году были розданы ссуды на сѣмена. Но неурожай, постигшій губернію въ нынѣшнемъ году, является уже настоящимъ бѣдствіемъ, которому необходимо оказать скорую и энергичную помощь. Въ *Минусинскомъ* округѣ урожай ниже средняго, въ нѣкоторыхъ частяхъ—какъ, въ Курганской волости—прямо плохой. Въ *Енисейскомъ* округѣ дѣло обстоитъ еще хуже, потому что населеніе этой мѣстности не имѣетъ своего хлѣба и живетъ покупнымъ; особенныя затрудненія испытываетъ Ангарскій край — Пинчугская и Кеженская волости,— такъ какъ въ ближайшихъ земледѣльческихъ округахъ хлѣбъ не уродился; для продовольствія населенія закупленъ по распоряженію губернатора хлѣбъ, который хранится въ «Стрѣлкѣ» Енисейскаго округа. Такія же вѣсти идутъ изъ другихъ волостей: въ районѣ деревни Заледѣевой—полный неурожай хлѣба и сѣна; населеніе испытываетъ большую нужду въ продовольственныхъ средствахъ; заработковъ никакихъ нѣтъ. Въ Рождественскомъ селѣ еще *въ декабрѣ* констатировано было начало дѣйствительной голодовки со всѣми сопровождающими ее мрачными послѣдствіями—до распродажи скота включительно; между тѣмъ, по словамъ корреспондента *Восточнаго Обозрѣнія*, крестьяне «подтянуты настойчивымъ собираніемъ податей». Иллюстраціей тѣхъ затрудненій, какія приходится испытывать даже высшей администраціи при опредѣленіи размѣровъ нужды, можетъ служить слѣдующій фактъ.

«Губернаторъ командировалъ въ январѣ въ Казачинскую волость, Енисейскаго округа, окружнаго исправника, которому приказано было объѣздить районъ, съ цѣлью выяснить степень продовольственной нужды населенія. Дѣло простое: оказалось, что до начальства дошло извѣстіе о нуждѣ населенія; но это было не по вкусу земскому засѣдателю, и онъ донесъ, что «все обстоитъ благополучно»: всѣ, молъ, довольны, сыты и благословляютъ начальство за его заботы. По счастью, губернаторъ не повѣрилъ столь точнымъ свѣдѣніямъ. Посланный имъ исправникъ съ первыхъ же шаговъ убѣдился въ справедливости жалобъ общественныхъ приговоровъ на необезпеченность населенія продоволь ствіемъ; при этомъ выяснилось, что урожай хлѣбовъ и травъ въ районѣ былъ плохой, что хлѣбъ въ деревняхъ этой волости истребленъ «кобылкою» и вслѣдствіе этого большинство деревень Казачинской волости не въ состояніи прокормиться своимъ хлѣбомъ».

Картина неурожая чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ становится все мрачнѣе какъ по обширности захваченнаго бѣдствіемъ района, такъ и по степени продовольственной нужды населенія. Мы въ *Иркутской губерніи*.

«Неурожай охватилъ мѣстность отъ Яндинской волости (Балаганскаго уѣзда), распространившись далѣе по Ангарѣ на сѣверъ до Братской волости (Нижнеуд. уѣзда) включительно, отсюда на сѣверо-востокъ на Илимъ (Киренскаго уѣзда) и далѣе до с. Усть Куты по Ленѣ, потомъ вверхъ по Ленѣ до Орлинской волости включительно. Есть мѣстности неурожая въ Верхоленскомъ (село Косьминское) и Иркутскомъ уѣздахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (напримѣръ, Усть Угинской и Якутской волостяхъ) неурожай, повидимому, свилъ себѣ гнѣздо, посѣщая населеніе нѣсколько лѣтъ подрядъ. Въ деревнѣ Рижской не было вовсе хлѣба въ теченіе двухъ недѣль: крестьяне питались молодымъ картофелемъ, который былъ перехваченъ у плывшаго бусовщика. Въ довершеніе

бѣдъ, откуда ни возьмись, скарлатина, тифъ. Помощи противъ голода никакой. Чтобы получить представленіе какъ велика во многихъ мѣстностяхъ Енисейской губерніи нужда, достаточно привести хлѣбныя цѣны: въ Усть-Кутѣ еще въ началѣ ноября продавали муку по 2 р. 80 к. пудъ, въ деревнѣ Жигаловой—по 2 р. 60 к. Еще въ худшихъ условіяхъ положеніе *Забайкальской* области, гдѣ неурожай достигъ особенно ощутительныхъ размѣровъ, гдѣ мѣстами крестьяне уже питаются хлѣбомъ, испеченнымъ пополамъ съ кореньями пырея.

«Въ *Баргузинскомъ* округѣ уже въ декабрѣ неурожай давалъ себя чувствовать сильно; цѣны страшно повысились: ржаная мука до 2 р., а пшеничная до 2 р. 50 к. и дороже. Но затѣмъ изъ той же мѣстности (баргузинской тайги, окрестности озера Баунтъ) стали доходить ужасныя вѣсти, что баргузинскіе орочане находятся въ крайнемъ положеніи. Хлѣбъ немедленно поднялся въ цѣнѣ,—до 4 р. за пудъ ржаной муки. При такихъ цѣнахъ положеніе усугубляется еще тѣмъ, что и промыселъ былъ неудаченъ вслѣдствіе недостатка пороха и свинца. Полиція, въ вѣдѣніи которой находятся орочане, до января ничего не предпринимала; какъ пишетъ горный исправникъ, только нѣкто Хавскій нашелъ возможность оказать небольшую помощь.

«Овесъ за Байкаломъ также дошелъ до крайнихъ цѣнъ,—до 2 р. за пудъ. На Ленѣ хлѣбъ дошелъ уже до 3 руб.»

Нужно помнить, что во многихъ округахъ масса переселенцевъ, положеніе которыхъ еще хуже, такъ какъ на новыхъ мѣстахъ они еще не успѣли устроиться и неурожай захватилъ ихъ совершенно неподготовленными.

Откликъ окраинъ на народную нужду. «С.-Петербургскія Вѣдомости» сообщаютъ, что въ № 159, отъ 15 (3) іюня, гельсингфорской газеты «Hufvudstadsbladet» напечатано, за подписью «Нѣсколько горожанъ», слѣдующее воззваніе: «Уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ сюда сталъ проникать слухъ объ ужасной нуждѣ и тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя господствуютъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ Россіи. Долго можно было склоняться къ тому предположенію, что описанія тамошняго положенія въ нѣкоторой степени преувеличены, но съ каждымъ днемъ дѣлается все яснѣе, что нужда сильнѣе, чѣмъ думали какъ у насъ, такъ даже и въ самой Россіи. Полныя ужаса описанія ежедневно приходятъ сюда о тѣхъ страданіяхъ, которыя переноситъ населеніе пораженныхъ неурожаемъ губерній, уже ранѣе подвергавшееся тяжелымъ испытаніямъ. Надѣялись, что весна и лѣто облегчатъ тяжелыя испытанія зимы; теперь лѣто уже на дворѣ, но изъ-за холодныхъ погодъ бѣдствіе стало больше, чѣмъ когда-либо. Люди и животныя одинаково лишены самаго необходимаго для поддержанія жизни, а возникшія, къ тому же, болѣзни дѣлаютъ и со своей стороны все, чтобы ухудшить тяжелое положеніе населенія. Неужели мы здѣсь, въ Финляндіи, останемся глухи къ тому внутреннему голосу, который приглашаетъ насъ, изъ чисто человѣческихъ чувствъ, придти и нашими маленькими средствами на помощь страдающимъ въ нуждѣ восточнымъ сосѣдямъ? Многимъ, вѣроятно, покажется, что нужда настолько громадна, что наша небольшая помощь исчезнетъ, какъ капля въ морѣ. Пусть такъ, но если эта капля можетъ спасти хотя бы нѣсколько сотенъ отъ голодной смерти,—она, все же, не останется безцѣльна. Примемся, поэтому, бодро за дѣло, ибо скорая помощь—двойная помощь»!

Редакція газеты, съ своей стороны, проситъ позволенія остановить вниманіе общества на вышеприведенномъ приглашеніи, исходящемъ изъ чистаго человѣколюбія. «Правда, конечно, что край нашъ не богато одѣленъ природою, что его рессурсы крайне ограничены и что та помощь, которую мы можемъ дать, будетъ неизмѣримо мала въ сравненіи съ нуждою. Правда также, что и наш

собственные виды на урожай въ будущемъ далеко немногообѣщающи и что знаменія на политическомъ горизонтѣ указываютъ, что нашему народу придется въ самомъ ближайшемъ будущемъ встрѣтиться съ тяжелыми въ экономическомъ также отношеніи годами. Но, несмотря на все это, наша обязанность, по мѣрѣ нашихъ силъ, придти на помощь нуждающимся въ Россіи, отчаянное положеніе которыхъ принимается къ сердцу и такими націями, которыя стояли отъ голодающихъ гораздо дальше, чѣмъ мы. Если даже наша жертва и будетъ мала, она все-таки нужна и можетъ во всякомъ случаѣ способствовать уменьшенію бѣдствія и спасти ближнихъ отъ мучительной смерти. Если даже природа и климатъ суровы въ Финляндіи, за то мы, охраняемые правовымъ порядкомъ, унаслѣдованнымъ отъ нашихъ отцовъ, и подъ сѣнью закономѣрныхъ общественныхъ формъ, путемъ разумной эксплуатаціи доходныхъ источниковъ страны, путемъ энергичнаго и неустаннаго труда, достигли такого экономическаго положенія, къ которому, быть можетъ, скоро будутъ предъявлены чрезвычайно большія требованія, но которое все-таки, съ другой стороны, даетъ намъ возможность, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, принести и свою жертву, когда существуетъ нужда въ другихъ частяхъ государства. Финляндія, которой и самой пришлось много разъ испытывать неурожаи, знаетъ всѣ ужасы голода и хранитъ благодарную память о томъ вспомоществованіи, которое получилъ нашъ народъ въ бѣдственную годину неурожая въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Поэтому мы должны показать на дѣлѣ, что тотъ призывъ къ милосердію, который содержится въ воззваніи нашихъ согражданъ, не прозвучитъ безслѣдно и что, когда рѣчь идетъ о чистой человѣчности, мы хорошо узнаемъ свои обязанности».

Далѣе редакція сообщаетъ, что подписные листы находятся въ конторахъ четырехъ издающихся въ Гельсингфорсѣ газетъ и въ пяти изъ мѣстныхъ книжныхъ магазиновъ.

Такой же откликъ встрѣтила народная нужда и въ губерніяхъ царства Польскаго, гдѣ мѣстные католическіе епископы опубликовали циркулярныя посланія по епархіямъ съ воззваніями къ прихожанамъ о пожертвованіяхъ для русскихъ крестьянъ. Во всѣхъ костелахъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ идутъ дѣятельные сборы, дающіе обильную жатву. Деньги, по мѣрѣ поступленія, пересылаются въ Красный Крестъ, а также непосредственно на мѣста нужды.

Дѣло о безпорядкахъ на фабрикѣ т-ва В. Морозова. 18-го мая въ московской судебной палатѣ слушалось дѣло о безпорядкахъ на фабрикѣ Викула Морозова. Обвинялось 95 человѣкъ, въ томъ числѣ 11 женщинъ.

Какъ видно изъ обвинительнаго акта,

«7-го октября 1897 г., въ 10 час. утра, въ мѣстечкѣ Никольскомъ Покровскаго уѣзда, Владимірской губ., на бумагопрядильной и ткацкой фабрикѣ т-ва мануфактуръ Викулы Морозова съ с-ми, гдѣ до того времени среди рабочихъ никакихъ признаковъ какого-либо общаго недовольства не замѣчалось, около прядильнаго корпуса сгруппировалась толпа рабочихъ, сначала незначительная, но затѣмъ увеличившаяся до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, вслѣдствіе того, что стоявшіе у входной двери прядильнаго корпуса рабочіе изъ второй смѣны, которая должна была стать на работу съ 10-ти часовъ, не пропускали на фабрику своихъ товарищей изъ той-же смѣны. Узнавъ объ этомъ, директоръ прядильнаго отдѣленія Яковъ Васильевичъ Чарнокъ и старшій табельщикъ Николай Поспѣловъ, дабы разъяснить недоразумѣніе, выходили къ толпѣ, состоявшей изъ прядильщиковъ, присучальщиковъ и ставельщиковъ, изъ которыхъ первые находились позади остальныхъ. На вопросъ Чарнока и Поспѣлова, почему они не идутъ на работы, изъ толпы отвѣчали, что имъ не приказано идти, а нѣкоторые изъ рабочихъ жаловались при этомъ на то, что

имъ приходится работать по 12-ти часовъ въ сутки, между тѣмъ какъ, по ихъ мнѣнію, по новому закону они съ 1-го октября должны работать не болѣе 9-ти часовъ въ сутки. Слышались также жалобы на уменьшеніе съ 1-го октября заработной платы вслѣдствіе пониженія расцѣнокъ на выработанный товаръ. Директоръ Чарнокъ разъяснилъ рабочимъ, что до 1-го января 1898 г. переходъ на 9-тичасовой рабочій день для фабрикантовъ не обязателенъ и что фабрика Викула Морозова по положенію своихъ дѣлъ не можетъ сдѣлать такого перехода до 1-го января; что расцѣнки на товаръ остались прежнія и заработная плата нисколько не понижена, въ чемъ они сами убѣдятся черезъ мѣсяцъ. Послѣ этого разъясненія большинство рабочихъ 2-й смѣны, главнымъ образомъ женщины и подручные рабочіе, одинъ за другимъ вошли въ прядильную и стали работать, такъ что внѣ фабрики остались только прядильщики и присучальщики, которые, не слушаясь мѣстнаго полицейскаго пристава Кондратьева, убѣждавшаго ихъ стать на работу, двинулись цѣлой толпой къ ткацкой фабрикѣ. За ними пошли Чарнокъ, завѣдующій хозяйственной частью фабрики Свѣшниковъ и приставъ Кондратьевъ. Не прошло послѣ этого и 20-ти минутъ, какъ Чарноку дали знать, что въ прядильной идетъ драка. Оказалось, что какъ только Чарнокъ, Свѣшниковъ и Кондратьевъ ушли за толпой, нѣсколько человѣкъ изъ оставшихся прядильщиковъ ворвались въ прядильный корпусъ и стали всѣхъ оттуда выгонять, мальчики-рабочіе швыряли катушками, и за невозможностью продолжать работу почти всѣ рабочіе ушли, такъ что Чарнокъ засталъ въ прядильной всего нѣсколько человѣкъ рабочихъ. По приказанію Чарнока была остановлена машина, а оставшіеся въ зданіи табельщикъ, смотритель и сторожа заперли наружныя двери прядильной. Между тѣмъ толпа рабочихъ подъ предводительствомъ прядильщика Семена Лукьянова, кричавшаго: «чего смотрите, валяй», направилась къ Никольской конторѣ, откуда вышли управляющій Свѣшниковъ и приставъ Кондратьевъ. На ихъ вопросъ, чего рабочіе желаютъ, многіе изъ толпы отвѣчали, что работать они не желаютъ потому, что расцѣнки понижены и слишкомъ рано начинается работа послѣ праздниковъ, да и харчи стали дороже. Раздавались крики: «давай намъ хозяина!..» Свѣшниковъ объяснилъ, что хозяева не могутъ пріѣхать изъ Москвы ранѣе 8-ми часовъ вечера, и предлагалъ рабочимъ разойтись по домамъ, но они сказали, что расходиться не желаютъ и будутъ ждать хозяевъ на улицѣ. Пробовалъ успокоить рабочихъ и прибывшій въ контору директоръ Чарнокъ, но рабочіе продолжали кричать, требуя такого-же перехода на 9-тичасовой рабочій день, какой уже состоялся на сосѣдней фабрикѣ Саввы Морозова, а также удаленія приказчиковъ Курочкина и Гарцева и табельщика Поспѣлова. Чарнокъ убѣждалъ рабочихъ приняться за работу, указывая на то, что уже вызванъ телеграммой фабричный инспекторъ и всѣ законныя ихъ претензіи будутъ удовлетворены. Ближе стоявшіе рабочіе выражали-было готовность идти на работу и нѣкоторые кричали даже: «идемъ», тѣмъ не менѣе толпа на фабрику не пошла, а разошлась въ разныя стороны.

«Затѣмъ въ 12-мъ часу толпа, состоявшая преимущественно изъ прядильщиковъ, двинулась отъ Никольской конторы къ ткацкимъ фабрикамъ, видимо, для того, чтобы не пускать на работу предстоящую смѣну ткачей. Подойдя къ ткацкимъ, толпа прядильщиковъ остановилась среди улицы, не переставая шумѣть и кричать, а мальчики стали швырять изъ толпы камнями въ окна ткацкихъ корпусовъ, пока не подошелъ управляющій Свѣшниковъ. Несмотря на вызывающее поведеніе прядильщиковъ, ткачи безостановочно шли на свою смѣну въ продолженіе около получаса. Послѣ этого толпа направилась опять къ Никольской конторѣ съ пѣснями, криками, свистомъ. Около трехъ часовъ пополудни толпа вернулась къ ткацкимъ корпусамъ и стала вызывать оттуда ткачей и бросать въ окна фабрики камни, причемъ былъ легко раненъ въ

голову, стоявшій у воротъ фабрики управляющій ткацкимъ отдѣленіемъ Иванъ Рыжовъ. Когда окна въ ткацкихъ корпусахъ были выбиты камнями и вслѣдствіе этого ткачи принуждены оставить работу и выйти на улицу, вся толпа направилась къ прядильному корпусу. Здѣсь рабочіе тоже стали бить окна и таскать изъ оконъ нижняго этажа хранившійся тамъ миткаль, который тутъ же рвали въ клочки, причемъ прядильщикъ Кирилловъ кричалъ: «не берите съ собою,—рвите!» Разбиты были окна и въ новомъ, пристроенномъ къ прядильной, еще не отдѣланномъ ткацкомъ корпусѣ. Послѣ этого толпа направилась къ находившемуся вблизи полотна желѣзной дороги дому директора прядильнаго отдѣленія Чарнока. Предупрежденная о грозящей ей опасности, жена Чарнока съ своею воспитанницей около 4-хъ часовъ удалилась изъ этого дома, и въ немъ оставались только горничная Квасова и кухарка Камберова. Началось битье оконъ, а прядильщики Кирилловъ и Андреевъ вошли черезъ парадную дверь въ квартиру директора и, узнавъ, что его нѣтъ дома, стали требовать у прислуги сначала водки, потомъ денегъ, но, не получивъ ни того, ни другого, вышли, и Квасова заперла за ними парадную дверь на ключъ. Тогда толпа выломала дверь, ворвалась въ домъ, начала ломать мебель и выбрасывать въ окна книги и другія вещи, причемъ Кирилловъ, вынося изъ дому какую-то серебряную вещь, въ родѣ кубка, бросилъ ее на землю и тутъ же растопталъ. Тутъ явился помощникъ полицейскаго пристава съ 15-ю полицейскими служителями, изъ которыхъ нѣсколько человѣкъ, несмотря на градъ камней, успѣли вбѣжать въ домъ и захлопнуть за собою двери, а громившіе квартиру рабочіе стали выбѣгать оттуда. Вскорѣ, однако, толпа вновь ворвалась въ домъ Чарнока. Полицейскій служитель Цыгановъ и нѣкоторые изъ его товарищей, желая остановить нападавшихъ, сдѣлали изъ револьверовъ нѣсколько выстрѣловъ, и однимъ изъ нихъ былъ смертельно раненъ рабочій Маркъ Ивановъ Крючковъ, который, добѣжавъ до полотна желѣзной дороги, упалъ мертвымъ неподалеку отъ директорскаго дома. Раздраженная убійствомъ Крючкова, толпа фабричныхъ бросилась на полицейскихъ служителей, обратившихся въ бѣгство, причемъ одинъ изъ нихъ, Секретаревъ, брошеннымъ изъ толпы камнемъ былъ легко раненъ въ голову, а другой, Никаноровъ, получилъ настолько сильный ударъ камнемъ по лѣвой скулѣ, что лишился чувствъ. Впослѣдствіи, при судебно-медицинскомъ осмотрѣ у него обнаружены были ушибъ лѣваго глаза и опухоль съ краснотою въ области лѣвой скулы, отнесенные врачемъ къ легкимъ поврежденіямъ.

«Между тѣмъ разгромъ директорскаго дома продолжался. Нѣкоторые рабочіе проникли въ подвалъ, наполненный разными винами и водкой «виски», стали разбивать ящики и пить вино прямо изъ бутылокъ, а другіе сваливали въ это время въ нижнемъ этажѣ около топившагося камина обрывки бумаги и обломки разныхъ вещей, причемъ вся эта куча и полъ возлѣ нея загорѣлись, вѣроятно, отъ выпавшаго изъ камина угля, но кухарка Камберова съ помощью конторщиковъ Устинова и Рожкова потушила огонь. Въ 8-мъ часу вечера вспыхнулъ пожаръ во второмъ этажѣ. Потушить его уже не удалось: толпа бросала камнями въ пытавшихся затушить огонь сторожа Прохоренкова и дворника Исаева, перерѣзала пожарные рукава у прибывшей съ фабрики пожарной команды, и домъ директора сгорѣлъ.

«Еще въ началѣ пожара по приказанію Прохоренкова и Исаева былъ вынесенъ изъ дому несгораемый денежный сундукъ. Рабочіе разбили его кувалдами и расхватали хранившіяся въ немъ цѣнности. Выбрасываемую изъ оконъ мебель и другія вещи рабочіе ломали и жгли на разведенномъ возлѣ горѣвшаго дома кострѣ. Та же участь постигла и вынесенную изъ дома рояль, на которой рабочіе сначала поиграли. Таскали на костеръ вещи и изъ сосѣдняго дома, занимаемаго родственникомъ директора, мастеромъ Чарнокомъ, а потомъ сожгли

и самый домъ, пригнувъ къ обоямъ газовые рожки, горѣвшіе во второмъ этажѣ этого дома.

«Отъ дома мастера Чарнока толпа двинулась къ слѣдующему дому, принадлежавшему уже т-ву Саввы Морозова, въ которомъ жилъ повѣренный этой фирмы Никольскій. Подойдя къ дому, толпа стала выбивать въ немъ рамы, а часть рабочихъ вошла въ домъ и зажгла его въ четырехъ мѣстахъ. Прибывшая еще до поджога пожарная команда Саввы Морозова ничего не могла сдѣлать, такъ какъ бунтовавшіе рабочіе бросали въ пожарныхъ камнями, стаскивали съ машинъ и наступали ногами на пожарный рукавъ. Вмѣстѣ съ домомъ Никольскаго сгорѣла и находившаяся рядомъ съ нимъ сторожка, принадлежавшая тоже т-ву Саввы Морозова.

«Около 5-ти часовъ вечера часть буйствовавшихъ около дома директора Чарнока рабочихъ въ количествѣ около 400 человѣкъ, направилась къ Никольской конторѣ, куда, между тѣмъ, въ сопровожденіи полицейскихъ служителей прибылъ приставъ Кондратьевъ, которому дали знать, что рабочіе хотятъ разгромить контору и харчевую лавку. По распоряженію исправника Харкевича и управляющаго Свѣшникова ворота конторы были заперты и приперты извнутри толстыми бревнами, а во дворѣ поставленъ караулъ изъ 300 чернорабочихъ. Подойдя къ конторѣ, толпа стала ломиться въ ворота и бить камнями окна конторы и квартиры хозяевъ Морозовыхъ, помѣщавшейся въ томъ же домѣ. По приказанію пристава находившіеся во дворѣ полицейскіе служители сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ внизъ подъ ворота. Толпа немного отступила, но продолжала кидать камни. Изъ толпы сдѣлано было и нѣсколько выстрѣловъ. По показанію одного изъ свидѣтелей, въ толпѣ кричали: «въ директорскомъ домѣ сундукъ раздѣлили, теперь въ конторѣ кассу дѣлить надо»; а нѣкоторые кричали: «пойдемъ въ харчевую лавку завтракать». Нѣкоторыя изъ толпы черезъ разбитыя окна нижняго этажа проникли въ домъ, но послѣ нѣсколькихъ, сдѣланныхъ полицейскими выстрѣловъ на воздухъ, однимъ изъ которыхъ былъ легко раненъ стоявшій на улицѣ 9-лѣтній мальчикъ Тушинъ, повыскакали обратно на улицу. Въ это же время толпа разбила окна красильно-отбѣльнаго заведенія и расхитила весь находившійся тамъ товаръ въ количествѣ болѣе 1 т. пудовъ. Около 8 часовъ вечера толпа порѣдѣла и была разогнана охранявшими контору чернорабочими, при чемъ убѣгавшіе отъ преслѣдованія рабочіе били по дорогѣ стекла въ домахъ служащихъ на фабрикѣ.

«Буйство рабочихъ у горѣвшихъ домовъ Чарнока и Никольскаго затянулось за полночь, и въ толпѣ стали поговаривать о поджогѣ баковъ съ керосиномъ и складовъ хлопка, но къ этому времени служащій на фабрикѣ механикомъ англичанинъ Гилль, возмущенный происходившими у него на глазахъ безпорядками, собралъ нѣсколько сотъ рабочихъ, преимущественно ткачей, не принимавшихъ участія въ безпорядкѣ, вооружилъ ихъ кольями, съ крикомъ «ура» бросился къ горѣвшему еще дому Чарнока и разогналъ все скопище, послѣ чего поставилъ караулъ какъ на мѣстѣ пожара, такъ и возлѣ фабричныхъ корпусовъ и домовъ, занимаемыхъ служащими. Во 2-мъ часу ночи безпорядки окончательно прекратились, а къ 5 часамъ утра прибыли войска, а затѣмъ и владимірскій вице-губернаторъ, распорядившійся, чтобы фабрика немедленно была пущена въ ходъ, но за отсутствіемъ Чарнока, выѣхавшаго съ семьею въ Москву, это могло быть исполнено только въ 12 часовъ дня. Когда фабрика стала дѣйствовать, вице-губернаторъ обратился къ рабочимъ съ требованіемъ, чтобы они немедленно стали на работу, что послѣ нѣкотораго колебанія и было исполнено почти всѣми рабочими въ тотъ же день.

«На предварительномъ слѣдствіи директоръ прядильной фабрики Чарнокъ показалъ, что понесенный имъ отъ безпорядковъ убытокъ простирается до 46-ти тысячъ рублей слишкомъ, и въ томъ числѣ у него похищено болѣе 12 тыс.

рублей деньгами, хранившимися вмѣстѣ съ брилліантами его жены въ несгораемомъ сундукѣ, стоявшемъ въ квартирѣ.

«Показаніями того же Чарнока и фабричныхъ инспекторовъ: старшаго Свирскаго и участковаго Гончарова выяснено, что изъ причинъ недовольства рабочихъ фабрики Викулы Морозова, выраженныхъ ими самими въ началѣ безпорядковъ, двѣ причины не лишены основательности, а именно желаніе перехода на 9-ти-часовой рабочій день и слишкомъ раннее начало работъ послѣ праздниковъ. Дѣло въ томъ, что рабочіе желали работать только девять часовъ въ сутки, какъ на сосѣдней фабрикѣ Саввы Морозова, но съ тѣмъ, чтобы уменьшеніе рабочаго времени было вознаграждено соотвѣтствующей прибавкой къ разцѣнкѣ и чтобы такимъ образомъ заработокъ ихъ остался приблизительно прежнимъ. Товарищество Саввы Морозова, идя на встрѣчу новому закону о количествѣ рабочаго времени, обязательному для введенія съ 1-го января 1898 года, еще съ лѣта 1897 г. перешло на своей фабрикѣ, находящейся такъ же въ мѣстечкѣ Никольскомъ, къ 9-ти-часовому рабочему дню, между тѣмъ какъ на фабрикѣ Викулы Морозова по разнымъ хозяйственнымъ соображеніямъ переходъ съ 12-ти-часоваго рабочаго дня на 9-ти-часовой не могъ состояться ранѣе 1-го января 1898 г. Въ виду этого при исчисленіи заработковъ каждаго изъ рабочихъ прядильнаго отдѣленія оказалось, что хотя средній мѣсячный заработокъ рабочаго у Викулы Морозова былъ на 10% больше, чѣмъ у Саввы Морозова, но тѣмъ не менѣе каждый рабочій часъ въ отдѣльности у Викулы Морозова оплачивался на цѣлыхъ 8% дешевле. Кромѣ того прядильщики Викула Морозова видимо были недовольны еще и тѣмъ, что послѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней они вмѣстѣ съ присучальщиками и ставельщиками начинали работу въ четыре часа утра, тогда какъ ткачи и другіе рабочіе той же фабрики приступали къ работамъ на часъ, а прядильщики Саввы Морозова даже на два часа позднѣе.

«Часть подсудимыхъ была оправдана, другіе приговорены къ аресту на болѣе или менѣе продолжительные сроки.

Состояніе народнаго просвѣщенія въ Петербургѣ. 22 года тому назадъ, когда народное образованіе въ Петербургѣ перешло въ завѣдываніе думы, городскихъ училищъ въ столицѣ насчитывалось всего 14, а въ сентябрѣ 1898 г. было уже 396 училищъ съ 19.000 учащихся. Въ отчетномъ 1898—1899 г. городскою думою открыто 20 новыхъ классовъ на 1.000 учащихся и постановлено думою открыть первое городское четырехклассное училище на 200 мальчиковъ, окончившихъ курсъ городскихъ начальныхъ училищъ. Благодаря быстрому росту числа школъ, число отказовъ въ пріемѣ въ школы за недостаткомъ мѣстъ ежегодно уменьшается, и въ отчетномъ году оно едва достигло 690, тогда какъ еще недавно отказы насчитывались тысячами. Число многоклассныхъ училищъ достигло 21 съ 76 классами; въ минувшемъ году дума сдѣлала постановленіе о постройкѣ второго городского училищнаго дома съ 18 классами на 1.000 дѣтей обоего пола. Результаты учебнаго года выразились въ слѣдующемъ: успѣшно окончили трехлѣтній курсъ ученія въ начальныхъ училищахъ около 4.300 дѣтей, въ томъ числѣ 1.800 дѣвочекъ; въ процентномъ отношеніи числа окончившихъ курсъ къ общему числу учащихся достигнуто повышеніе на полпроцента противъ результатовъ прошлаго года (21%). Сравнительно небольшой процентъ оканчивающихъ курсъ объясняется тѣмъ, что родители берутъ дѣтей изъ школы часто ранѣе срока. Освобождено было отъ платы за ученіе свыше 3.300 дѣтей; въ отчетномъ году коммиссіею былъ возбужденъ вопросъ объ освобожденіи отъ платы всѣхъ учащихся, причемъ сдѣлано предположеніе не освобождать имущихъ дѣтей отъ платы, а употребить эту плату на удовлетвореніе нуждъ бѣднѣйшихъ учащихся. Около 1.000 бѣдныхъ дѣтей

получали въ училищахъ ежедневные даровые завтраки, многія получали даровыя пособія, и около 500 слабыхъ и больныхъ дѣтей были отправлены на городской счетъ въ лечебныя колоніи, санаторіи и т. п., на что, вмѣстѣ съ устройствомъ лѣтняго дѣтскаго сада для остающихся въ городѣ дѣтей, было израсходовано около 17.000 рублей.

Общій итогъ расходовъ городского управленія на начальное народное образованіе достигъ въ отчетномъ году 870.000 рублей; на текущій же гражданскій годъ городскою думою ассигновано на народное образованіе 1.103.000 р., что при городскомъ бюджетѣ въ 12.783.000 руб. составитъ 9 проц.

Одновременно съ расширеніемъ площади народнаго образованія, городское управленіе принимало мѣры и къ углубленію его. Хотя по закону на начальное народное образованіе полагается 6 лѣтъ, но въ Петербургѣ не было до сихъ поръ ни одного народнаго училища съ 6-ти-лѣтнимъ курсомъ, а имѣющіяся нѣсколько училищъ съ четырехгодичнымъ курсомъ, представляющихъ послѣдующую за начальными городскими училищами ступень образованія, содержатся или министерствомъ народнаго просвѣщенія или частными лицами; поэтому, учащимся въ городскихъ училищахъ приходилось въ большинствѣ случаевъ ограничиваться лишь тѣмъ образованіемъ, которое они выносили, и то далеко не всѣ, изъ этихъ училищъ. Городское управленіе пошло на встрѣчу къ удовлетворенію нужды дѣтей городского населенія въ болѣе полномъ начальномъ образованіи и еще въ 1896 году, когда исполнилось 100 лѣтъ со дня смерти основательницы городскихъ училищъ, Императрицы Екатерины II, сдѣлало постановленіе объ открытіи перваго четырехкласснаго городского училища въ память Императрицы Екатерины II. Въ настоящее время городской думѣ разрѣшено открыть это училище на правахъ частнаго лица. Программа этого училища одинакова съ программами министерскихъ училищъ такого же типа, но думѣ дано право расширять ее, вводя въ курсъ училища новые предметы, соотвѣтственно мѣстнымъ нуждамъ. Насажденіе подобныхъ училищъ въ числѣ, соотвѣтствующемъ числу начальныхъ училищъ, можетъ дать ту полноту начальнаго народнаго образованія, которая предусмотрѣна закономъ.

Такіе результаты несомнѣнно блестящи, но есть и темныя стороны, указанія на которыя читатели могутъ найти въ интересныхъ очеркахъ г-жи Манасеиной, печатающихся съ іюльской книги въ нашемъ журналѣ. Желаемъ искренно, чтобы по мѣрѣ развитія дѣятельности городской думы на этомъ поприщѣ, эти темныя стороны отошли въ область прошлаго.

Учрежденія въ память Пушкина. Число городовъ, пожелавшихъ ознаменовать столѣтнюю годовщину рожденія Пушкина учрежденіемъ «народныхъ домовъ» имени поэта, превышаетъ 20. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ городовъ уже состоялась закладка «народнаго дома», въ другихъ сдѣлано постановленіе объ ассигнованіи или изысканіи необходимыхъ средствъ и о скорѣйшемъ осуществленіи мысли о «народномъ домѣ». Кромѣ Москвы, городское управленіе которой ассигновало 100 тысячъ рублей на постройку «народнаго дома» близъ мѣста, гдѣ родился Пушкинъ, къ такимъ городамъ принадлежатъ: Баку (городскою думой ассигновано 150 тысячъ рублей; обычныя празднества въ память Пушкина имѣли мѣсто своимъ чередомъ); Каменецъ-Подольскъ (состоялась закладка; ассигновано около 50 тысячъ рублей); Псковъ (по утвержденному плану «комитета по сбору пожертвованій на устройство учрежденій въ память Пушкина въ Псковской губерніи»); Казань (собственно, народная аудиторія, но о размѣрахъ ея и о предполагаемыхъ при ней приспособленіяхъ можно судить по тому, что по смѣтѣ городскаго строительнаго комитета стоимость аудиторіи должна превысить 70 тысячъ рублей; закладка—26-го мая); Батумъ (кромѣ обычныхъ составныхъ частей «народнаго дома»—аудиторіи, библіотеки-читальни,

чайной и т. п.—въ немъ проектированъ также музей для произведеній кустарной промышленности Кутаисской губ.; смѣта—приблизительно 20 тысячъ рублей); Пермь (иниціатива мѣстнаго драматическаго кружка; городская коммиссія по вопросу о чествованіи памяти Пушкина постановила образовать фондъ); Майкопъ, Кубанской области (думой ассигновано 9.000 р., по частной подпискѣ деньгами и матеріалами собрано свыше 5.000 р.); Екатеринбургъ (постановлено открыть подписку); Верхнеднѣпровскъ, Екатеринославской губ. (иниціатива уѣзднаго комитета попечительства о народной трезвости, который постановилъ отчислять суммы изъ собственныхъ средствъ и привлекать средства изъ другихъ источниковъ); Уральскъ (26-го мая—освященіе и передача благотворительнымъ Обществомъ Обществу попеченія о начальномъ образованіи); Одесса (при учреждаемомъ убѣжищѣ для инвалидовъ печати); Ставрополь (думой постановлено ежегодно отчислять средства до тѣхъ поръ, пока составится необходимая для постройки «народнаго дома» сумма); Владивостокъ (думой ассигновано 15.000 р.); Каневъ, Кіевской губерніи (26-го мая состоялось открытіе уѣзднымъ комитетомъ попечительства о народной трезвости). Кромѣ этихъ городовъ учрежденіе «народныхъ домовъ» въ связи съ чествованіемъ памяти Пушкина предполагается въ Сергачѣ, Нижегородской губерніи, Таганрогѣ, Воронежѣ, Симферополѣ, Красноярскѣ, Екатеринодарѣ, Кіевѣ (иниціатива и проектъ кіевскаго Общества грамотности). Харьковскій «народный домъ», проектируемый уже давно, предполагается также наименовать «Пушкинскимъ».

В. Г. Бать. (Некрологъ). Въ ночь на 23 мая, сообщаетъ «*Врачъ*», въ Новгородѣ, въ больницѣ для острозаразныхъ, скончался отъ сыпнаго тифа эпидемическій врачъ Губернскаго Земства по Тихвинскому уѣзду Владиміръ Гедеоновичъ Бать, родившійся въ 1859 году.

Уроженецъ Юга, В. Г., по окончаніи курса въ одной изъ Кіевскихъ гимназій въ концѣ 70-хъ годовъ, поступилъ на медицинскій факультетъ Кіевскаго университета, но тутъ его страстное желаніе учиться было прервано въ самомъ началѣ по причинамъ отъ него независѣвшимъ; и только нѣсколько лѣтъ спустя ему удалось попасть на медицинскій факультетъ въ Казанскій университетъ, но и тамъ онъ не могъ закончить свое медицинское образованіе и вынужденъ былъ для этой цѣли уѣхать заграницу.

Прослушавъ два года медицинскій курсъ въ München'ѣ и получивъ тамъ степень доктора медицины, онъ въ 90-мъ году получилъ, наконецъ, возможность сдать правительственное испытаніе на лѣкаря при Харьковскомъ университетѣ. Добившись послѣ столькихъ усилій и препятствій званія русскаго врача, В. Г. началъ свою дѣятельность въ Кіевской еврейской больницѣ для бѣдныхъ, интерномъ хирургическаго отдѣленія. Прослуживъ въ больницѣ 3 года, онъ поступилъ врачемъ на одинъ изъ сахарныхъ заводовъ Кіевскаго уѣзда, а въ 1897 году ему удалось, наконецъ, получить право на жительство и въ Петербургѣ.

Живя въ Петербургѣ, В. Г. посвящалъ все свое, свободное отъ медицинскихъ занятій, время литературнымъ трудамъ и въ теченіе 1897 и въ началѣ 1898 г. напечаталъ въ «Мірѣ Божіемъ» статьи: «Н. И. Пироговъ», «Алкоголизмъ и борьба съ нимъ» и «Чахотка и народныя санаторіи»; кромѣ того, за тоже время онъ написалъ и издалъ общедоступную брошюру о сыпномъ, брюшномъ и возвратномъ тифахъ.

Въ февралѣ 1898 года онъ поступилъ на службу эпидемическимъ врачемъ Новгородскаго Губернскаго Земства и переѣхалъ на постоянное жительство въ г. Тихвинъ. Многотрудная, но по результатамъ не всегда плодотворная дѣятельность эпидемическаго врача не вполнѣ удовлетворяла В. Г., и онъ небольшой остатокъ свободнаго времени посвящалъ изученію санитарныхъ условій на-

селенія Тихвинскаго уѣзда, преобладающимъ занятіемъ котораго служитъ лѣсной промыселъ. Обративъ тщательное вниманіе на этотъ главный промыселъ населенія, В. Г. минувшей зимой, пользуясь каждымъ свободнымъ днемъ, разъѣзжалъ по лѣснымъ заготовкамъ, изучая временныя жилища рабочихъ, ихъ бытъ, питаніе и условія работы на лѣсныхъ промыслахъ. Результатомъ этого труда явилась работа В. Г. о лѣсныхъ промыслахъ въ Тихвинскомъ уѣздѣ, посланная имъ на VII съѣздъ русскихъ врачей въ Казани, куда всею душею стремился попасть и самъ покойный, но куда ему попасть не пришлось, такъ какъ почти одновременно съ Казанскимъ съѣздомъ былъ созванъ и Съѣздъ эпидемическихъ врачей въ Новгородѣ.

Передъ отъѣздомъ въ Новгородъ В. Г. заразился сыпнымъ тифомъ отъ одного изъ своихъ больныхъ, въ крестьянской семьѣ Тихвинскаго уѣзда, и пріѣхалъ въ Новгородъ уже больнымъ; 6 мая онъ поступилъ въ больницу, а 23-го его не стало. Вѣсть о смерти В. Г., какъ громомъ, поразила всѣхъ знавшихъ и любившихъ его въ Тихвинѣ и въ особенности кружокъ врачей города и уѣзда, которому въ короткій двухлѣтній промежутокъ времени пришлось похоронить уже двухъ достойнѣйшихъ изъ своихъ товарищей — эпидемическихъ врачей В. В. Ле-Дантю и В. Г. Батя.

На похоронахъ въ Новгородѣ, 27 мая, кромѣ Новгородскихъ врачей и депутата отъ Тихвинскихъ врачей, городскаго врача г. Тихвина С. И. Венделя, присутствовали: Новгородскій губернаторъ, вице-губернаторъ, Губернская Земская Управа въ полномъ составѣ и много людей изъ общества, пораженныхъ горькою участью безвременно погибшаго при выполненіи своихъ обязанностей врача. На гробъ были возложены вѣнки: отъ Тихвинскихъ врачей и друзей (2 вѣнка), отъ Тихвинскаго уѣзднаго земства, отъ Новгородскаго Губернскаго Земства и отъ родныхъ покойнаго. На могилѣ была произнесена потрясшая всѣхъ присутствовавшихъ своей грустною задушевностью рѣчь наиболѣе близкаго къ покойному изъ Тихвинскихъ товарищей д-ра С. И. Венделя.

На голодѣ.

(Письмо въ редакцію).

Въ темный холодный вечеръ 23-го апрѣля подъѣзжала я къ мѣсту моей будущей дѣятельности—большому селу Жедяевкѣ Спасскаго уѣзда Казанской губ. Отвратительная разбитая дорога шла вдоль низкаго берега маленькой рѣченки, которая расплескала свои весеннія воды по плоскимъ берегамъ, какъ по блюдечку, и омыла близъ лежащее сельское кладбище.

— Жедяевка—очагъ всякихъ заразительныхъ болѣзней,—сказалъ мнѣ земскій врачъ этого раіона.

И немудрено, если жители всю весну пьютъ воду, стекающую съ кладбища и дышатъ испареніями болотъ окружающихъ село. Съ какимъ-то чувствомъ тоскливаго ужаса смотрѣла я на тусклые огоньки, мелькающіе тамъ и сямъ въ селѣ и, подъ впечатлѣніемъ только что слышанныхъ разсказовъ, представляла себѣ его обитателей голодныхъ, оборванныхъ, истощенныхъ всякаго рода болѣзнями и терпѣливо ждущихъ откуда-нибудь помощи.

Съ чѣмъ я ѣду къ нимъ и что я въ силахъ сдѣлать для нихъ? Мѣсяцъ свободнаго времени и 225 рублей собранныхъ денегъ—было все, что я могла имъ дать. И при томъ еще полная неопытность въ дѣлѣ. Только искренность моего желанія—помочь чѣмъ могу—ободряла меня.

По дорогѣ, отъ Казани до Спасска и отъ Спасска до Жедяевки, я уже

успѣла собрать кое-какія свѣдѣнія относительно цѣнъ на муку, солонину, дрова и т. п., успѣла повидаться и поговорить съ нѣкоторыми завѣдующими столовыми и мѣстными жителями, стоящими въ курсѣ дѣла.

— Насъ все просятъ,—говорили они мнѣ,—указать мѣста, гдѣ дѣйствительная нужда. А гдѣ ея нѣтъ теперь? Сразу-то можетъ быть ее и не вездѣ замѣтишь, а какъ поживешь недѣльку, такъ всякихъ диковинъ насмотришься. Иногда руки опускаются отъ отчаянія и отъ сознанія полнаго безсилія передъ общей бѣдой.

Говорили мнѣ также о необходимости питательныхъ пунктовъ для цынготныхъ. Во многихъ селахъ и деревняхъ, находящихся въ раіонахъ медицинскихъ пунктовъ, не было еще столовыхъ и цынготные продолжали питаться хлѣбомъ съ водой.

Но устраивать столовыя только для цынготныхъ и оставлять безъ вниманія еще не заболѣвшихъ, но голодающихъ, вовсе не входило въ мои планы (вѣдь каждый голодающій есть несомнѣнный кандидатъ на цынгу); я рѣшила устроить общую столовую для бѣднѣйшихъ, въ число которыхъ входили, конечно, всѣ больные цынгою. Съ нихъ я и начала списокъ, обходя избы по указаніямъ медика, камандированнаго въ эту мѣстность «Краснымъ Крестомъ».

Цынга для мѣстныхъ крестьянъ явилась незнакомой гостьей.

— И что за немощь такая,—говорятъ они,—никогда такой не было.

А немощь тяжелая и злая: во рту все болитъ, ни ѣсть, ни пить нельзя, зубы шатаются, изъ десенъ кровь идетъ, а потомъ ударится боль въ ноги и онѣ покроются сине-багровыми пятнами, разбухнутъ какъ бревна—ни согнуть, ни разогнуть; что дальше, то хуже и въ концѣ концовъ не можетъ человѣкъ ни сѣсть, ни встать, ни лечь, ни пошевельнуться. Цѣлыя семьи иногда лежатъ въ такомъ состояніи. И единственное ихъ утѣшеніе это лежать на печкѣ—все какъ будто теплѣе-то, такъ легче, говорятъ они: «да и тутъ горе: залѣзть-то залѣзешь, а слѣзть-то и не въ моготу и помочь некому—совсѣмъ хоть помирай на печкѣ».

И въ хорошей компаніи гуляетъ цынга по злополучнымъ мѣстамъ неурожая: гдѣ тифъ и дифтеритъ, гдѣ малярія и многія другія болѣзни, усиленныя плохимъ питаніемъ, сопутствуютъ ей.

Въ Жедяевкѣ всю осень былъ повальный тифъ. Много народу молодого и сильнаго прибралось за это время и надо удивляться крѣпости организма перенесшихъ тифъ и поправляющихся послѣ него на хлѣбѣ съ водой, причемъ первый употребляется въ болѣе, чѣмъ умѣренномъ количествѣ, а вторая сколько угодно. Конечно, поправляются они относительно, т. е. не умираютъ, а бродятъ худые, желтые, обезсиленные.

Вижу въ одной избѣ молодую рослую бабу сильнаго сложенія—чуть не валится съ ногъ отъ слабости. Въ глазахъ безысходная тоска. Спрашиваю и выслушиваю грустную повѣсть, слышанную уже въ нѣсколькихъ избахъ съ небольшими измѣненіями: «Осенью заболѣлъ хозяинъ горячкой и померъ, ходила за нимъ, сама свалилась, да вотъ всю зиму и промаялась, и ѣсть-то нечего и тоска-то грызетъ: что я съ ребятами буду дѣлать, какъ подымать безъ отца, когда въ избѣ ни куска хлѣба и скотина вся проѣдена».

Тутъ двое ребятъ, а у другихъ вдовъ четверо, пятеро, малъ-мала меньше, голодныя, оборванныя цѣпляются за сарафанъ матери, которая сама только-что отъ вѣтра не падаетъ.

Что они ѣдятъ, какъ существуютъ—неизвѣстно. Земская ссуда—30 фунтовъ на ѣдока—съѣдается семьей чуть не въ полмѣсяца. А откуда взять до новой получки? По міру ходить нечего, потому что подавать некому—кто прежде и богатъ былъ, нынѣче подтянулся. Невольно повѣришь разсказамъ о томъ, какъ зимой заваривали солому вмѣсто чая или золу въ горшкѣ вмѣсто каши.

Вездѣ одна и та же пѣсня: «какая нынѣче ѣда, матушка, хлѣбъ одинъ, да и то не каждый день, а хлебова-то горячаго и въ разговѣнье не попробывали,— только сырой водой надуваешь брюхо».

— Картофельку бы я, померла бы ,поѣла,—говоритъ одна больная женщина съ какой-то страстной тоской въ голосѣ.

— Луковки почитай всю зиму не видали—говоритъ другая.

Чѣмъ-то дикимъ и непонятнымъ звучатъ для насъ тоскливыя жалобы о картофелѣ, горохѣ, квасѣ, лукѣ...

Кончила списки цынготныхъ—оказалось свыше сорока человѣкъ,—число небольшое на двухтысячное населеніе, но нужно замѣтить, что въ Жедяевкѣ есть богатые крестьяне изъ государственныхъ, голодъ же и нужда ютятся преимущественно у бывшихъ барскихъ крестьянъ, имѣющихъ однодесятинный надѣлъ. На ряду съ полуразрушенными избенками тамъ встрѣчаются большіе каменные дома съ желѣзными крышами.

Предстояло теперь переписывать бѣднѣйшія семьи съ тѣмъ, чтобы брать изъ нихъ двоихъ, троихъ членовъ, смотря по количеству ѣдоковъ въ семьѣ. Начались опросы о количествѣ членовъ семьи, о скотѣ, курахъ и т. п. Стыдно сказать — единственная оставшаяся коровенка служила предлогомъ уменьшить число записанныхъ.

— А что съ нея взять, съ коровенки-то? Сама она еле дышетъ—гнилой соломой всю зиму кормили.

Что дѣлать, у другихъ послѣдняя овца, курица проѣдены, и въ избѣ и во дворѣ хоть шаромъ покати — одни ребята пищатъ, да вѣтеръ свиститъ сквозь громадныя дыры полуразобранныхъ крышъ.

Больше чѣмъ на половину скота уменьшилось въ селѣ за минувшую зиму. Продавали по 4 рубля корову и лошадь, а овца шла за полтинникъ и меньше. Выбираешь, вычеркиваешь, приписываешь и въ концѣ концовъ будущая столовая начинаетъ походить на трапезу для нищихъ. Больше половины всего количества дѣти, больные, затѣмъ старики, старухи. Послѣднимъ совсѣмъ житья нѣтъ во время голода, на ихъ горе смерть не прибираетъ ихъ.

— Всѣ говорятъ, вамъ помирать пора, какая вамъ ѣда,—мы бы и рады, да смерть нейдетъ, а вѣдь поѣсть-то все хочется.

Весь рабочій людъ остается на томъ же хлѣбѣ съ водой. Мнѣ казалось это вопіющей несправедливостью и приводило меня въ отчаяніе. Я думала, что не умѣю справиться, распредѣлить, что въ другихъ мѣстахъ устраиваютъ иначе, но потомъ узнала, что вездѣ столовыя существуютъ на такихъ-же условіяхъ. Небольшая помощь, оказываемая при этомъ, заключается въ томъ, что убавляется одинъ—два рта въ семьѣ и, можетъ быть, останутся два лишніе фунта хлѣба въ день на мужика.

Я говорю, *можетъ быть*, потому что трудно себѣ представить, чтобы при ѣдѣ одинъ разъ въ день люди были сыты до слѣдующаго дня.

Однимъ словомъ, за мою недолгую практику и по разсказамъ другихъ, я вывела заключеніе, что столовыя исключительно бабья забота: онѣ записываютъ своихъ ребятъ, онѣ хлопочатъ о помѣщеніи стариковъ и старухъ, наконецъ, онѣ же поднимаютъ вопль при несправедливости, которую усмотрятъ въ составленіи списковъ. Изъ мужиковъ я видѣла за все время только цынготныхъ.

Невольно сопоставляешь приведенные факты съ разговорами о развращающемъ вліяніи дарового кормленія. Кого оно развращаетъ? И можетъ ли крестьянинъ хотя на одну минуту отложить заботы о семьѣ, вслѣдствіе того, что одинъ или два ребенка или больная старуха поѣдятъ разъ въ день въ столовой? Развѣ это что-нибудь прибавитъ къ его разоренному хозяйству? И вообще развѣ это помощь? Это только временная филантропія, филантропія необходимая, когда

рѣчь идетъ о поддержаніи жизни тысячи людей, но только жизни... Не помощь развращаетъ крестьянъ, а опускаются они нравственно и физически, вслѣдствіе постепеннаго разоренія и постояннаго недоѣданія.

Нужно предположить, что у мужика исчезло уже всякое понятіе о *человѣческой* жизни, если думать, что система столовыхъ и вообще кормленія во время голодовокъ развращаетъ его, т. е. пріучаетъ къ дармоѣдству.

Не зная еще хорошенько, какъ распредѣлить деньги, я хотѣла открыть столовую на 125 человѣкъ, но къ открытію ея—25-го апрѣля—списокъ увеличился уже до 150. На этомъ я думала закончить, имѣя въ виду еще хоть одну изъ сосѣднихъ деревень, на которыя мнѣ указывали, какъ на сильно нуждающіяся.

Рано утромъ, 25-го апрѣля, пошла я въ избу, отведенную подъ столовую. Кухарка—мощная высокая старуха—съ дѣловымъ видомъ хлопотала около громадныхъ чугуновъ съ хлебовомъ, а на столахъ уже лежали покрытые караваи хлѣба. Вмѣстѣ съ старухой суетилась помощница—бойкая, заискивающая, немолодая уже баба. О ея существованіи я еще не знала, но въ первый же день она безмолвно доказала мнѣ, что безъ нея не обойтись, а за работу «что пожалуете».

Съ восьми часовъ начали приходить ребятишки съ чашками и ложками. Терпѣливо сидѣли они на крыльцѣ и ждали до 11-ти часовъ, когда старуха съ нѣкоторой торжественностью объявила, что хлебово поспѣло и можно сажать за столъ.

Всѣ, взрослые и маленькіе, ѣли молча, съ торопливой жадностью. Кухарки жаловались мнѣ потомъ, что всѣ «налегаютъ» на хлебово и совсѣмъ не ѣдятъ хлѣбъ. Понятно, что они хотятъ унести домой хлѣбъ, чтобы поѣсть еще хоть одинъ разъ въ продолженіе дня.

Ребята съ перваго же дня стали нарушать списокъ кормящихся. Маленькіе приходили съ «нянъками», т. е. сестрами, дѣвочками отъ 10 до 13 лѣтъ, безъ которыхъ они боялись оставаться. «Няньки» сажали ихъ на полъ, растилали столешникъ, ставили чашку съ ложками и уходили къ сторонкѣ, откуда молча голодными глазами слѣдили за обѣдающими. Онѣ были всегда сверхъ количества записанныхъ ѣдоковъ отъ семьи, но оставлять ихъ тутъ молчаливыми свидѣтелями обѣда было положительно невозможно. Я не понимаю, какъ ихъ дѣтскій разумъ постигалъ эту несправедливость и какъ могли онѣ столь безропотно покоряться ей.

Вообще, съ перваго же дня я увидала, какъ много еще осталось обдѣленныхъ и обиженныхъ. Сколько еще жалобъ, слезъ и обвиненій въ несправедливости я слышала...

Въ продолженіе недѣли пришлось довести списокъ до 180 человѣкъ и я заявила, что больше никого не могу записывать. Къ счастію, какъ разъ въ это время были пожертвованы частнымъ лицомъ деньги спеціально на цыганотныхъ Жедяевки. На эти деньги мѣстный священникъ сталъ кормить 50 человѣкъ больныхъ, отдѣлившихся отъ моей столовой. Разумѣется, въ тотъ же день недостатокъ былъ пополненъ пятидесятью новыми. Такимъ образомъ въ Жедяевкѣ кормилось теперь 293 человѣка: сто восемьдесятъ въ моей столовой, 50 цыганотныхъ и 63 школьника (отъ «Краснаго Креста») у батюшки. Крошечнымъ дѣтямъ приходилось раздавать пшено на кашу, такъ какъ за неимѣніемъ молока, имъ совершенно нечѣмъ питаться. Мнѣ жаль было разставаться съ моими цыганотными. Подобрались ли они случайно, или сдѣлались такими вслѣдствіе своей безпомощности — но они были удивительно симпатичны. Кроткіе, деликатные, необыкновенно терпѣливые, они какъ будто чувствовали себя виноватыми и извинялись передъ кѣмъ-то за свое долгое и томительное недомоганіе. На нихъ были видны результаты кормленія: въ началѣ большинство изъ нихъ

не могло двигаться, такъ что имъ носили пищу домой, а къ концу мѣсяца всѣ приходили сами, хотя и съ трудомъ. Отъ «Краснаго Креста» имъ раздавали чай, сахаръ и клюквенный экстрактъ. Частнымъ образомъ жертвовали и раздавали немного лимоновъ. Безъ боли въ сердцѣ невозможно вспомнить, сколько восторга и счастія въ однихъ и сколько зависти въ другихъ, вызывала возможность попить «горячаго чайку съ кисленькимъ», и какое блаженство изображалось при этомъ на лицахъ — «какъ въ рай попали»...

Въ Жедяевкѣ было теперь все налажено, нужно было направляться въ другую намѣченную мною деревню, откуда шли уже тревожные слухи. Разсказывали, что одинъ мужикъ на пашнѣ не могъ стоять на ногахъ и буквально падалъ, вслѣдствіе истощенія и слабости.

Деревня тоже большая и тоже нечего было мечтать о нововведеніяхъ. Какъ-то само собой быстро и легко укладывалось все въ обычную рутинную форму. Опять появились на сцену бабы съ ребятами и сами ребята, усердно хлопочущіе другъ за друга, опять выползли отовсюду старики и старухи, чувствуя, что хоть тутъ они имѣютъ право на кусокъ, котораго нигдѣ не получаютъ безъ попрековъ.

Набралось такого народу 145 человѣкъ и 4 мая была открыта столовая.

Къ этому времени пріѣхала изъ Петербурга г-жа Апостолопулло, членъ Женскаго Общества Взаимопомощи, и вскорѣ открыла четыре столовыхъ на разстояніи 8—10 верстъ. На ея долю выпало исключительное счастіе—открывать столовыя въ небольшихъ селеніяхъ, гдѣ при количествѣ 100—120 человѣкъ, обѣдали почти *поголовно*.

Въ Жедяевкѣ жизнь уже вошла въ свою колею. Волненіе, вызванное устройствомъ столовой улеглось; получившіе—успокоились, обдѣленные,—смирились. Что обдѣленныя были я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь, мнѣ приходилось говорить уже о томъ, съ какой іезуитской точностью приходилось составлять списки *голодающихъ*. Во всякомъ случаѣ со стороны недовольныхъ я не встрѣчала больше непріятностей и могла болѣе или менѣе спокойно знакомиться, разговаривать и наблюдать, по мѣрѣ возможности, жизнь окружающихъ меня людей.

Жизнь тусклая, сѣрая, неподвижная,—яркимъ пятномъ выдѣляется на ней только неурожай, на которомъ сосредоточены всѣ помыслы крестьянскаго населенія. Отъ урожая будущаго года ждетъ крестьянинъ кое-какого облегченія и на него онъ разсчитываетъ, а не на постороннюю помощь. Къ сожалѣнію никакая помощь и никакой урожай не въ состояніи будутъ заполнить все болѣе и болѣе увеличивающіяся прорѣхи въ крестьянскомъ хозяйствѣ...

Весна холодная, дождей мало, сухіе вѣтры только разгоняютъ облака, да поднимаютъ тучу пыли, засыпая молодые всходы. Бабы крестятся, вздыхаютъ и охаютъ. Прошлый годъ была такая же весна, «если опять Богъ не уродитъ хлѣба, ложись да помирай всѣ. Продавать больше нечего, одеженку и ту всю спустили».

Дождались дождя, но вмѣстѣ съ нимъ усилились холода.

— Тепла Богъ не даетъ, ну да хоть дождичекъ есть, и то слава Богу.

Закутанная теплымъ платкомъ пришла я въ столовую, а мои маленькіе питомцы—босые, въ разорванныхъ рубашенкахъ—дрожали отъ холода, дожидаясь на крыльцѣ. Многимъ матери взяли обѣдъ на домъ, потому-что они уже успѣли захватить лихорадку.

Трудно сказать, что необходимѣе теперь крестьянамъ—столовыя или одежда.

— Голодный въ полѣ уйдетъ, а голый за порогъ избы не перейдетъ,—говорятъ они.

Немудрено, что половина села переполошилась при неожиданномъ извѣстіи о прибытіи на мое имя пожертвованной одежды. Къ сожалѣнію, это былъ ложный слухъ. Меня не было дома, когда пришли тюки съ матеріаломъ для вре-

менныхъ больничекъ, которыя предполагали открыть въ здѣшней волости для цыноотныхъ. Послали разыскивать меня по всему селу и до моего прихода цѣлая толпа собралась во дворѣ въ ожиданіи распаковки таинственныхъ тюковъ.

Разочарованные и грустные ушли они домой.

Неурожай, болѣзни, столовыя и пожертвованія служатъ предметомъ безпрерывныхъ разговоровъ, обсужденій и сообщеній часто легендарнаго происхожденія.

— Слышали, барину въ Грибовкѣ привезли возъ хлѣба на дворъ ночью— для крестьянъ тайное пожертвованіе?

— А въ Зеленовкѣ барыня каждый день щами и кашей кормитъ...

— И чай съ сахаромъ даетъ...

— А бабамъ слышь по сарафану подарила...

— Барышня, а ты отъ кого будешь?—спрашиваютъ меня.

— Ни отъ кого, сама пріѣхала.

— А жалованье кто тебѣ даетъ?

— Никто.

Молчатъ, но видимо не вѣрятъ.

Черезъ нѣсколько дней возобновляютъ разговоръ.

— Въ Грязнухѣ, говорятъ, всѣмъ и старымъ и малымъ, кто въ столовыхъ обѣдаетъ, оспу будутъ прививать.

— Не однимъ обѣдающимъ, а всѣмъ, чтобы не хворали.

— Нѣтъ, однимъ только имъ. Бляхи имъ, вишь, мѣдныя даютъ тамъ.

— Зачѣмъ?

— Не знай.

Послѣ нѣкотораго молчанія начинаютъ съ осторожностью.

— Слуги антихристовы, говорятъ, жалованье не получаютъ, кормятъ, одежу выдаютъ, на сѣмена, на хозяйство... Что больше раздадутъ, то больше крещенаго люда къ антихристу въ рабство попадетъ...

— Пустое болтаютъ!—соглашаются они послѣ многихъ убѣжденій и усовѣщиваній. Очевидно въ ихъ умѣ плохо укладывается мысль о добровольномъ желаніи людей помочь имъ. Они объясняютъ это принужденіемъ властей или темныхъ таинственныхъ силъ въ родѣ антихриста или «англичанки», пускавшей отраву въ колодцы во время холерной эпидеміи...

Скоро я должна была уѣзжать и мысль, о передачѣ въ надежныя руки столовыхъ и о средствахъ на дальнѣйшее веденіе ихъ, сильно безпокоила меня. Жедяевскія бабы знали уже о томъ, что я останусь у нихъ не долго и каждый день высказывали мнѣ свои сожалѣнія. За ихъ комплиментами по моему адресу, я ясно слышала опасенія за столовую и, конечно, вполнѣ понимала эти опасенія. Ихъ раздѣляли со мной и знакомые сосѣдніе помѣщики, сильно озабоченные благополучіемъ окружающаго ихъ раіона. Зная до тонкости всѣ обстоятельства крестьянской жизни вообще и присмотрѣвшись къ ней въ неурожайные года, они не могли себѣ представить возможность закрытія столовыхъ ранѣе августа, даже при самыхъ лучшихъ надеждахъ на будущій урожай. И въ обыкновенное время іюнь и іюль самые голодные мѣсяцы въ деревнѣ. Всѣ запасы хлѣба и овощей пріѣдаются къ іюлю и крестьяне часто занимаютъ подъ новый хлѣбъ. При настоящихъ условіяхъ, народу, совершенно обнищавшему за минувшую зиму, кромѣ того истощенному плохимъ питаніемъ и болѣзнями, выдержать тяжелое время страды безъ посторонней помощи было бы почти невозможно.

Пришлось людямъ, и безъ того занятымъ по горло и отдающимъ все свое время на борьбу съ крестьянской бѣдой, урвать свободную минуту на заботу о двухъ новыхъ столовыхъ и о доставленіи средствъ на нихъ. Я съ своей стороны могла только обѣщать имъ сдѣлать все возможное въ Петербургѣ,

чтобы помочь имъ средствами. Столовую въ Березовкѣ взяла на свое попеченіе г-жа Апостолопулло, о которой я уже упоминала въ своей замѣткѣ, а столовую въ Жедяевкѣ присоединилъ къ ряду своихъ столовыхъ сосѣдній помѣщикъ Н. Ф. Грибовскій.

Въ заключеніе считаю долгомъ привести отчетъ въ деньгахъ, пожертвованныхъ мнѣ на столовыя.

Отъ Вл. Г. Короленко—100 р., А. Д.—25 р., Л. Т. Б.—20 р., И. Н. Потапенко—38 р., Н. Я. Смѣлова—5 р., А. Б.—5 р., Л. В.—2 р., Н. М.—1 р., Е. Г.—1 р., А. М.—1., В. И.—1 р. 20 к., Р. М.—1., Р. Н.—2 р. 15 к., М. П.—40 к., Г. В.—50 к. Отъ одного изъ подписчиковъ «Міра Божьяго»—10 р., Н. А. Износкова—15 р. (изъ денегъ собранныхъ между знакомыми). Всего 228 р. 25 копѣекъ.

Истрачено на хозяйство и куплено провизіи на двѣ столовыхъ отъ 23-го апрѣля до 22-го мая.

Мука	131 п.	10 ф.	103 р. 60 к.
Солонина	12 »	15 »	25 » 50 »
Капуста	29½ вед.		7 » 17 »
Пшено	15 п.	10 »	16 » 60 »
Горохъ	2 »	— »	2 » — »
Соль	4 »	— »	— » 71 »
Коноплян. масло	— »	36 »	5 » 41 »
Картофель	1 »	20 »	— » 75 »
Лукъ	— »	— »	— » 50 »
Чай	— »	1 »	1 » 50 »
Сахаръ	— »	8 »	1 » 36 »
Мыло	— »	2 »	— » 23 »
Дрова	8¼ саж.		20 » 25 »
7 чугуновъ			5 » 56 »
Жалованье кухаркамъ			8 » 50 »
Разныя кухонныя принадлежности и столы			2 » 81 »
		Итого...	202 р. 45 к.

Оставшіеся 25 р. 80 к. переданы Н. Ф. Грибовскому. Также и 100 руб., присланныя въ Жедяевку, уже въ мое отсутствіе, В. Г. Короленко.

Ек. Нелидова.

За границей.

Негритянскіе выборщики и защитники черной расы въ Соединенныхъ Штатахъ. Черное населеніе Соединенныхъ Штатовъ въ началѣ этого столѣтія не превышало милліона, но въ 1890 г. оно уже увеличилось до семи съ половиною милліоновъ и полагаютъ, что въ 1900 году цифра эта достигнетъ девяти милліоновъ. Въ шести юго-восточныхъ штатахъ негры составляютъ большинство и это внушаетъ американцамъ серьезныя опасенія. Въ каждомъ изъ 11 штатовъ союза выбирающихъ по 90 депутатовъ, самымъ существеннымъ вопросомъ на выборахъ является вопросъ о преобладаніи бѣлой расы. Партія демократовъ—это партія бѣлыхъ, партія республиканцевъ—это партія черныхъ. Страхъ передъ негромъ заставляетъ людей самыхъ различныхъ взглядовъ сталкиваться въ одномъ и томъ же лагерѣ.

По законамъ федеральной конституціи негры пользуются такими же избира-

тельными правами какъ и бѣлые. Въ штатахъ, гдѣ большинство составляютъ негры, вся власть должна была бы, при такихъ условіяхъ, перейти въ ихъ руки и шесть этихъ штатовъ превратились бы такихъ образомъ въ негритянскія республики. Этого-то и боятся американцы и расовый вопросъ обостряется все больше.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ штатѣ Миссисипи существовалъ слѣдующій обычай: передъ наступленіемъ выборовъ бѣлое населеніе этого штата, съ оружіемъ въ рукахъ, обходило съ крикомъ улицы, гдѣ жили негры и устраивало салютъ изъ ружей у каждаго негритянскаго жилища. Но, конечно, въ палатѣ нашлись люди, которые протестовали противъ подобной системы запугиванія, лишавшей негровъ права подавать голосъ и одинъ изъ ораторовъ предложилъ даже объявить выборы недѣйствительными на этомъ основаніи. Но выбранный депутатъ самымъ невозмутимымъ образомъ объявилъ, что это не была вовсе система запугиванія и что выстрѣлы производились не съ цѣлью угрозы, а съ цѣлью предупрежденія негровъ о приближающемся срокѣ выборовъ. Онъ даже зашелъ такъ далеко въ своей наглости, что выразилъ сожалѣніе по поводу того, что его «цвѣтные братья» были введены въ заблужденіе и не пошли къ избирательнымъ урнамъ, несмотря на старанія бѣлыхъ освѣжить ихъ память. Тогда, чтобы окончательно искоренить этотъ обычай, штатъ Миссисипи прибавилъ къ своей конституціи слѣдующій параграфъ: «Каждый избиратель обязанъ умѣть читать и изъяснять соотвѣтствующимъ образомъ любой отрывокъ изъ конституціи». Установлено было слѣдовательно нѣчто вродѣ экзамена и жюри, конечно, изъ бѣлыхъ, оцѣнивало отвѣты экзаменующихся. Въ прошломъ году такая же точно поправка внесена была въ конституцію штата Лузіаны и другіе штаты вѣроятно скоро послѣдуютъ этому примѣру. Въ Сѣверной Каролинѣ, гдѣ не существуетъ никакихъ законовъ, препятствующихъ неграмъ, бѣлые прибѣгли къ оружію, чтобы помѣшать имъ участвовать въ выборахъ и одинъ изъ бывшихъ депутатовъ прехладнокровно заявилъ, что «бѣлые должны господствовать въ штатѣ, хотя бы пришлось для этого запрудить трупами негровъ теченіе рѣки «Саре Feas». Дѣйствительно, въ день выборовъ большинство негровъ не рѣшилось выходить изъ дому, а тѣ, которые все-таки отправились на выборы, чуть не поплатились за это жизнью.

На другой день въ столицѣ этого штата была сожжена типографія негритянской газеты. Тогда всѣ республиканцы изъ муниципальнаго совѣта подали въ отставку; въ городѣ произошли безпорядки и девять негровъ было убито, но затѣмъ все успокоилось и президентъ Макъ-Кинлей, совмѣстно съ министрами, рѣшилъ, что федеральному правительству нѣтъ никакихъ основаній вмѣшиваться во внутреннія дѣла Штата. Однако въ Сѣверныхъ Штатахъ извѣстіе объ этихъ событіяхъ произвело очень сильное впечатлѣніе. Негры большихъ городовъ тотчасъ же организовали митинги протеста. Въ Нью-Іоркѣ состоялся многолюдный митингъ, на которомъ присутствовало нѣсколько тысячъ негровъ и негритянокъ. Корреспондентъ одной парижской газеты, которому удалось присутствовать на этомъ митингѣ, разсказываетъ, что онъ произвелъ на него глубокое впечатлѣніе. Митингъ происходилъ въ огромной залѣ со сводами, предназначенной для народныхъ чтеній и волны электрическаго свѣта, отражаясь отъ бѣлыхъ стѣнъ и сводчатаго потолка, освѣщали яркимъ лучемъ массу черныхъ головъ африканцевъ, явившихся сюда, чтобы требовать своихъ гражданскихъ правъ. Всѣ ораторы, говорившіе на митингѣ, также какъ и слушатели, поражали своимъ хладнокровіемъ и умѣньемъ владѣть собой. Въ теченіе только одного поколѣнія, постоянное соприкосновеніе и общеніе съ сѣверо-американцами превратило этихъ бывшихъ рабовъ въ гражданъ республики. И что замѣчательно: ни разу ни въ чемъ не проявилась расовая ненависть. Когда кто-то заговорилъ о томъ, что терпѣніе негровъ подвергается слишкомъ долгому испытанію, то его вынудили замолчать. Всѣ единогласно заявили о своемъ же-

ланіи дѣйствовать законнымъ путемъ. Одинъ изъ ораторовъ, между прочимъ, указалъ на пороки негровъ южныхъ штатовъ и когда онъ извинялся передъ своими слушателями въ томъ, что такъ рѣзко выражался «о своихъ братьяхъ», то со всѣхъ сторонъ раздались крики: «Ничего, ничего! Говорите правду!» Нѣтъ никакого сомнѣнія, что негры сѣверныхъ штатовъ, стоящіе гораздо выше своихъ южныхъ собратьевъ, желали бы приблизить къ себѣ этихъ послѣднихъ, сравнять ихъ съ собою въ отношеніи развитія и воспитанія и поэтому-то они готовы сочувствовать и поощрять всякое предпріятіе, направленное къ повышенію нравственнаго и умственнаго уровня негровъ. Среди бѣлыхъ также находится не мало людей готовыхъ помогать имъ въ этомъ, въ особенности женщинъ. Одна дама, поставившая себѣ цѣлью организовать родъ воспитательныхъ миссій, которыя будутъ отправляться въ негритянскія деревни, явилась на митингъ негровъ и изложила свой планъ собранію. Послѣ того, какъ она это сдѣлала, поднялась съ мѣста какая-то молодая негритянка, желавшая что-то сказать, но ей начали свистать, полагая, что она хочетъ помѣшать говорить ораторамъ. Но молодая негритянка не испугалась этого шума и волей-неволей аудиторія должна была уступить и покориться неизбѣжному, т. е. выслушать рѣчь негритянки. Впрочемъ, съ первыхъ же словъ этого оратора-негритянки произошла перемѣна въ общемъ настроеніи залы и ораторъ вызвалъ всеобщее восторженное настроеніе своимъ предложеніемъ вотировать благодарность «благородной бѣлой женщинѣ», пришедшей на помощь неграмъ. Всѣ какъ одинъ человѣкъ встали со своихъ мѣстъ и начали махать платками и кланяться «бѣлой женщинѣ», развивавшей свои планы образованія и улучшенія положенія негровъ, какъ въ Южныхъ, такъ и въ Сѣверныхъ Штатахъ.

Героизмъ негритянскихъ полковъ во время кубанской войны отразился различнымъ образомъ на положеніи негровъ въ южныхъ и сѣверныхъ штатахъ. Въ южныхъ штатахъ негры, замкнутые въ своихъ округахъ и невѣжественные, вообразили, что именно они-то побѣдили Испанію и что вообще для нихъ теперь наступаетъ эра побѣдъ. У нихъ возникло нѣчто вродѣ имперіализма и сообразно съ этимъ возрасла ихъ наглость въ отношеніи бѣлыхъ, такъ что это обстоятельство еще болѣе разожгло расовую ненависть.

Въ сѣверныхъ штатахъ, наоборотъ, война привела къ сближенію между бѣлою и черною расой. Негры оказались лучшими изъ волонтеровъ, наиболѣе выносливыми и дисциплинированными и командиры не могли ими нахвалиться. Сближеніе дало себя почувствовать больше всего въ Вашингтонѣ, Бальтиморѣ и др. центрахъ, гдѣ философія сѣверянъ ведетъ постоянную борьбу съ предразсудками южанъ. Въ этихъ городахъ дочери плантаторовъ, бывшихъ рабовладѣльцевъ, самоотверженно ухаживали за ранеными неграми, доставленными съ театра военныхъ дѣйствій.

Во всѣхъ спорахъ и преніяхъ, которые возникаютъ по негритянскому вопросу, защитники черной расы непремѣнно указываютъ на мистера Букера Вашингтона. Онъ пользуется огромною популярностью въ Соединенныхъ Штатахъ и считается однимъ изъ лучшихъ ораторовъ, какіе когда либо выступали въ защиту угнетенной расы. Онъ часто объѣзжаетъ большіе города сѣверныхъ штатовъ, гдѣ произноситъ на митингахъ рѣчи въ защиту правъ негровъ. Въ Бостонѣ, гдѣ онъ проѣзжалъ недавно, состоялся большой банкетъ, устроенный въ честь его республиканскимъ клубомъ. Хотя Букеръ Вашингтонъ и называетъ себя негромъ, но онъ не настоящій негръ и по его свѣтлому цвѣту кожи можно тотчасъ же заключить, что въ жилахъ его течетъ больше англосаксонской, нежели негритянской крови. «Но, какъ сказалъ Букеръ Вашингтонъ улыбаясь, можно имѣть въ жилахъ 99% англосаксонской крови и этого все таки будетъ недостаточно, чтобы быть бѣлымъ. Всегда преобладаетъ капля негритянской крови и признавая это, вы сами признаете превосходство негритянской расы!» Въ своей рѣчи Букеръ

Вашингтонъ высказался противъ проекта массового переселенія негровъ въ ихъ прежнее отечество. «Мы—единственные американцы,—сказалъ онъ, обращаясь къ своимъ бѣлымъ слушателямъ,—которые явились сюда помимо собственнаго желанія. За нами отправились и привезли насъ сюда, не щадя издержекъ и жертвъ. Ну вотъ, мы и не хотимъ теперь, чтобы эти жертвы были принесены понапрасну. Насъ поселили тутъ и намъ тутъ нравится; мы хотимъ здѣсь оставаться... и даже разсчитываемъ умножиться, такъ что видя, что вы намѣреваетесь увеличить свое черное населеніе, прибавивъ къ нимъ еще малайцевъ и кубанцевъ, я невольно начинаю тревожиться за васъ и спрашиваю себя, что же будетъ съ вами, бѣлыми, теперь?..»

Начавъ свою рѣчь въ такомъ шутливомъ тонѣ, Букеръ Вашингтонъ затѣмъ перешелъ къ серьезному и жгучему вопросу расовой ненависти и злобы. Онъ мрачными красками обрисовалъ положеніе негровъ въ южныхъ штатахъ, частыя кровавыя вспышки расовой вражды и т. п. Но Букеръ Вашингтонъ сознаетъ также и всѣ недостатки своей расы. По его мнѣнію неграмъ прежде всего недостаетъ воспитанія и поэтому онъ рѣшилъ посвятить себя этому святому дѣлу. «Я родился рабомъ,—разсказывалъ онъ,—въ штатѣ Алабома, въ 1858 году; гдѣ и когда—я не знаю хорошенько, я жилъ со своею матерью и когда насъ освободили, то я отправился въ рудники и сталъ тамъ работать, чтобы мы имѣли кусокъ хлѣба, потомъ мнѣ сказали, что есть такой городъ, гдѣ устроена школа для негровъ, и я сталъ мечтать о томъ, чтобы отправиться туда. Съ большими усиліями мнѣ удалось скопить сумму, необходимую для путешествія, и въ одинъ прекрасный день я отправился въ Гэмптонъ, гдѣ была негритянская школа». Зная по собственному опыту, какъ трудно негру получить образованіе, Букеръ Вашингтонъ рѣшилъ при первой же возможности основать обширное воспитательное учрежденіе для негровъ. Ему удалось выполнить свой планъ и въ 1881 году въ Тускеки была открыта школа, въ которой сначала было только тридцать учениковъ, а затѣмъ набралось до тысячи. Теперь это не только школа, но и обширная мастерская и сельскохозяйственное заведеніе и мануфактура. Оттуда, изъ этой школы, негры выходятъ дѣйствительно способныя бороться съ бѣлыми равнымъ оружіемъ на почвѣ конкурренціи. Букеръ Вашингтонъ находитъ, что для разрѣшенія негритянскаго вопроса прежде всего нужно дать черной расѣ возможность развиваться свободно также какъ и бѣлая раса и пріобрѣтать такимъ путемъ всѣ качества и достоинства, которыми она не можетъ обладать теперь, послѣ того какъ она пробыла 250 лѣтъ въ рабскомъ состояніи. Въ теченіе 250 лѣтъ негры находились на положеніи рабочаго скота и бѣлые содержали и кормили ихъ для того, чтобы утилизировать ихъ рабочую силу. Негру не надо было заботиться ни о своей матеріальной жизни, ни о завтрашнемъ днѣ. Бѣлыя старались развить нѣкоторыя ихъ природныя способности и благодаря этому негръ становился предметомъ высокой цѣнности, тогда какъ за бѣлаго не давали ни гроша. Но когда наступило освобожденіе и негры были предоставлены сами себѣ, то оказалось, въ большинствѣ случаевъ, что они не въ состояніи сами о себѣ заботиться, что долгіе годы рабства наложили на нихъ свою печать. Но Букеръ Вашингтонъ твердо вѣритъ, что негритянская раса способна къ возрожденію, и ему удалось уже собрать около себя нѣсколько энергичныхъ дѣятелей, помогающихъ ему организовать негритянскую партію, лидеромъ которой онъ состоитъ въ настоящее время.

Конгрессъ нѣмецкихъ рабочихъ синдикатовъ во Франкфуртѣ. Въ маѣ этого года происходило во Франкфуртѣ на Майнѣ третій національный конгрессъ нѣмецкихъ рабочихъ синдикатовъ, доказавшій неопровержимымъ образомъ значительное развитіе и распространеніе синдикатовъ въ Германіи, могущество и единство ихъ организаціи, практическій характеръ ихъ направленія

и преданность интересамъ рабочихъ классовъ. Слѣдующія цифры подтверждаютъ эти слова: въ 1892 г. въ синдикатахъ участвовало 244,734 рабочихъ; въ 1896 г.—335.088; въ 1898 г.—520.000! Притомъ же надо имѣть въ виду, что германскіе синдикаты считаютъ своими членами лишь тѣхъ рабочихъ, которые правильно уплачиваютъ годовые взносы, такъ что въ этотъ списокъ не могли войти временные и случайные члены.

Какъ извѣстно, Бисмаркъ всячески старался заглушить эти стремленія нѣмецкихъ рабочихъ къ ассоціаціямъ и въ 1878 г. всѣ синдикаты были уничтожены, но они мало по малу снова возрождались въ тиши и окрѣпли, когда были отмѣнены исключительные законы, придуманные Бисмаркомъ. Необходимость воздерживаться отъ политики, въ силу закона объ ассоціаціяхъ, служила поводомъ къ весьма горячимъ преніямъ въ рабочей средѣ. Многіе предпочитали небольшія мѣстныя организаціи рабочихъ, потихоньку занимающіяся политикой, крупнымъ федераціямъ, политически нейтральнымъ. Но другіе находили, что выше всего надо поставить выгоды, доставляемыя единеніемъ, и требовали, чтобы не только синдикаты рабочихъ одной и той же профессіи образовывали федераціи, но и всѣ федераціи были бы сгруппированы подъ управленіемъ центральной власти. Такимъ образомъ возникла борьба двухъ партій и въ началѣ приверженцы идеи централизаціи были гораздо многочисленнѣе. Два первыхъ конгресса германскихъ синдикатовъ, одинъ, происходившій въ Гальберштадтѣ въ 1892 г. и другой въ Берлинѣ—въ 1896 г., были исключительно посвящены вопросамъ организаціи. Но теперь времена измѣнились и на франкфуртскомъ конгрессѣ вопросы эти занимали весьма мало мѣста, и послѣ продолжительной и упорной борьбы идея единенія силъ одержала верхъ, и объединеніе синдикатовъ подъ этою центральной организаціи составляетъ теперь совершившійся фактъ.

Наиболѣе интересными вопросами, разбиравшимися на франкфуртскомъ конгрессѣ, были конечно вопросы о правѣ коалиціи и объ инспекціи труда. Одна изъ ораторшъ конгресса, г-жа Келеръ, представила ужасающія картины злоупотребленій на фабрикахъ, эксплуатаціи женскаго и дѣтскаго труда и т. д. Она требовала, чтобы инспекція была распространена на такъ называемую «Hausindustrie», гдѣ чаще всего приходится наблюдать переутомленіе женщинъ и дѣтей.

Конгрессъ единогласно вотировалъ резолюцію относительно расширенія инспекторскаго надзора на всѣ области промышленнаго труда, учрежденія коммиссій жалобъ, черезъ посредство которыхъ инспектора будутъ узнавать о злоупотребленіяхъ, организаціи рабочихъ секретаріатовъ и картелей. Два послѣднія учрежденія составляютъ новость въ германскомъ рабочемъ движеніи. Картели синдикатовъ, представляя мѣстныя учрежденія, должны заботиться объ общихъ интересахъ всѣхъ синдикатовъ данной мѣстности, находить мѣста рабочимъ, устраивать библіотеки, секретаріаты и т. д. Рабочіе секретаріаты введены въ Германіи только недавно. Самый старый изъ нихъ, въ Нюренбергѣ, едва насчитываетъ четыре года существованія, во Франкфуртѣ и другихъ городахъ секретаріаты учреждены всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Эти секретаріаты представляютъ въ одно и тоже время и бюро справокъ, и институтъ судебной помощи рабочимъ. Дѣло въ томъ, что въ Германіи законодательство оказываетъ покровительство рабочимъ, но рабочіе сами, большею частью, совсѣмъ не знаютъ своихъ правъ и потому не могутъ воспользоваться тѣмъ покровительствомъ, которое имъ оказываютъ законы. Обязанность рабочихъ секретаріатовъ разъяснять все это своимъ кліентамъ и когда нужно вступиться за ихъ интересы передъ судомъ.

Таковы главныя вопросы, разбиравшіеся на франкфуртскомъ конгрессѣ. Но главное значеніе конгресса заключается въ томъ, что онъ указалъ силу и

развитіе организаціи рабочихъ въ Германіи, теперь уже не опасающихся никакихъ столкновеній съ современными общественными учрежденіями и организаціями хозяевъ, работодателей. На конгрессѣ присутствовали въ качествѣ делегатовъ нѣсколько депутатовъ рейхстага и сейма.

Европейцы и туземные кустарные ремесленники въ Индіи. Нѣкогда индійскіе ремесленники работали исключительно только для раджей и мѣстныхъ богачей. Произведеніями ихъ искусства были наполнены всѣ индійскіе дворцы, и удивительно тонкая и художественная работа этихъ ремесленниковъ до сихъ поръ продолжаетъ восхищать заѣзжихъ европейцевъ. Городъ Дели славился своими ювелирными произведеніями, Агра—своими вышивками, Алжедабадъ—своею рѣзьбою по дереву, Бомбей—инкрустаціями и т. д. Но теперь индійскіе кустари находятъ очень мало кліентовъ среди мѣстной аристократіи. Раджи научились по-англійски и одѣваются и меблируютъ свои дома также на англійскій манеръ. Замѣчательно, что и англичане не особенно то уважаютъ мѣстныя произведенія искусства и тутъ, какъ и всюду, куда ихъ забрасываетъ судьба, они остаются вѣрны британскимъ привычкамъ и вкусамъ, не измѣняя ихъ ни на одну іоту. Никогда супруга англійскаго должностнаго лица въ Индіи не рѣшится надѣть какую-нибудь изящную бездѣлушку мѣстной ювелирной работы, хотя бы эта бездѣлушка представляла чудо ювелирнаго искусства. Не такъ давно жена одного только что назначеннаго высокопоставленнаго чиновника позволила себѣ такое отступленіе отъ правилъ, явившись на пріемъ вице-королевы Индіи въ золотыхъ украшеніяхъ мѣстной работы, и все британское общество было возмущено такимъ непониманіемъ приличій.

Такое положеніе вещей должно было бы очень неблагопріятно отразиться на мѣстномъ кустарномъ производствѣ и погубить туземное искусство, еслибъ англичане не заинтересовались мѣстными произведеніями, какъ рѣдкостью. Въ такомъ видѣ они признаютъ туземное искусство, и каждый изъ англичанъ, побывавшихъ въ Индіи, непремѣнно вывозитъ оттуда цѣлую коллекцію такихъ *рѣдкостей*, которыя онъ потомъ показываетъ своимъ пріятелямъ. Пріобрѣтать индійскія рѣдкости сдѣлалось такимъ же правиломъ для британской аристократіи Индіи, какъ и одѣваться по послѣдней парижской модѣ и украшать себя парижскими произведеніями ювелирнаго искусства. Но, благодаря такой точкѣ зрѣнія, мѣстное производство все-таки не заглохло и торговля индійскими рѣдкостями процвѣтаетъ, только кустари уже работаютъ не такъ, какъ прежде, каждый за свой счетъ, а всѣ они превратились въ батраковъ и работаютъ для нѣсколькихъ крупныхъ англійскихъ фирмъ, извлекающихъ изъ этого громадныя выгоды.

Къ сожалѣнію, однако, въ этихъ мѣстныхъ произведеніяхъ становится все болѣе и болѣе замѣтнымъ европейское вліяніе. Дни вполнѣ оригинальнаго туземнаго искусства все-таки сочтены. Индійскіе кустари пріучаются копировать европейскіе образцы, чтобы угодить требованіямъ моды. Въ школахъ изящныхъ искусствъ, устроенныхъ во многихъ большихъ городахъ Индіи, учениковъ заставляютъ копировать всякаго рода стиль, за исключеніемъ мѣстнаго, и только въ Джейпурѣ продолжаютъ чеканить мѣдь и бронзу въ древнемъ индійскомъ стилѣ и дѣлаютъ эмалированныя вещи съ изображеніями сценъ изъ индійской миѳологіи. Однако эти же самые кустари, приготовляющіе изящныя вещицы въ древнемъ стилѣ, въ то же время изготовляютъ по заказу англійскихъ подрядчиковъ готическіе памятники и алтари въ романскомъ стилѣ для англиканскихъ церквей.

Такая постепенная ассимиляція мѣстнаго кустарнаго производства къ британскимъ требованіямъ началась давно. Агенты британской коммиссіи объѣзжали деревни и дѣлали заказы, указывая модели и рисунки въ европейскомъ

вкусѣ. Мало-по малу возникло нѣчто вродѣ фабрикъ самаго примитивнаго устройства. Подобнаго рода фабрики можно видѣть въ священномъ городѣ Пэнджаба-Амритсарѣ, который славится своими коврами. На этихъ фабрикахъ работаютъ даже шестилѣтнія дѣти по 12-ти и болѣе часовъ въ сутки. Конечно, они получаютъ ничтожную плату, такъ какъ даже взрослые работники получаютъ не болѣе 40—50 сантимовъ за рабочій день. Тамъ, гдѣ водворились такія фабрики, кустарное производство совершенно упало. Да оно и понятно: кустари не могутъ конкуррировать съ фабрикой, которая можетъ брать и выполнять много заказовъ заразъ. Такимъ образомъ, медленно, но вѣрно, фабричное производство замѣняетъ повсюду кустарное, но вмѣстѣ съ этимъ обращеніемъ прежнихъ свободныхъ ремесленниковъ въ поденщиковъ, исчезаетъ и прежняя оригинальность и художественность выполненія различныхъ издѣлій, уступая мѣсто шаблону, и, вѣроятно, недалеко то время, когда оригинальныя туземныя издѣлія «не пахнущія Европой» можно будетъ найти развѣ только у коллекціонеровъ и собирателей рѣдкостей.

Interview съ Матильдой Серао. Французскій журналистъ Адольфъ Бриссонъ посѣтившій недавно Матильду Серао, сообщаетъ нѣкоторыя интересныя біографическія свѣдѣнія объ этой популярной итальянской писательницѣ, пользующейся симпатіями и у насъ въ Россіи, такъ какъ многіе изъ ея романовъ переведены на русскій языкъ.

Матильда Серао родилась въ Патрасѣ, куда эмигрировалъ ея отецъ, но ей было три года, когда онъ вернулся въ Неаполь и снова принялся за свое прежнее ремесло журналистику. Занятіе это, однако, приносило ему лишь столько, чтобы не умереть съ голоду. Отецъ Матильды издававшій собственную газету, путемъ большихъ жертвъ и лишеній поддерживалъ ея существованіе. Всѣ раннія воспоминанія итальянской писательницы связаны съ обстановкою газетной редакціи. Ребенкомъ она играла обрѣзками бумаги, возлѣ типографскихъ станковъ и привыкла къ этой атмосферѣ, пропитанной запахомъ типографской краски. Часто случалось, что въ домѣ не было хлѣба, но если вдругъ получались деньги, то они всѣ истрачивались до послѣдняго сантима, безъ малѣйшей мысли о будущемъ. Въ такой обстановкѣ росла и развивалась будущая знаменитая писательница. Она училась хорошо и получивъ университетскую степень сдѣлалась сотрудницей газеты своего отца. Но ее потянуло къ болѣе широкому поприщу и она уѣхала въ Римъ, гдѣ также сдѣлалась постоянной сотрудницей политической, литературной и сатирической газеты «Capitan Fracassa». Вскорѣ она вышла замужъ тоже за журналиста, Эдуарда Скаржогліо, полемическій талантъ котораго славился во всей Италіи. Вдвоемъ съ мужемъ они основали послѣдовательно три газеты «Corrieгe di Romo», «Corrieгe di Napoli» и «Il Mattino». Двѣ первыхъ имѣли печальную судьбу, третья же газета «Il Mattino» пошла очень удачно, несмотря на то, что у Матильды Серао въ этотъ промежутокъ времени родилось четверо дѣтей, она выносила на своихъ плечахъ все газетное дѣло: правила рукописи, читала корректуру, составляла статьи и въ то же время сочиняла романы и повѣсти. Теперь, когда дѣло расширилось, они по очереди съ мужемъ ведутъ его. Когда синьоръ Скаржогліо почувствуетъ ссбя усталымъ, то онъ садится на свою яхту, главный предметъ его роскоши, и уѣзжаетъ, а Матильда беретъ бразды правленія въ свои руки. Она становится главнымъ редакторомъ и администраторомъ газеты. Все проходитъ черезъ ея руки и она снова, какъ прежде, входитъ во всѣ мельчайшія подробности дѣла. Но когда возвращается ея мужъ, то наступаетъ ея очередь и она также отправляется путешествовать. Такимъ образомъ, они оба, какъ два сотрудника и товарища работаютъ на пользу

своего общаго дѣла и стараются обезпечить успѣхъ своей газеты, которая теперь достигла высокой степени процвѣтанія. Они оба трудолюбивы и вкладываютъ душу въ свое дѣло, но оба независимы и свободны.

Однако, имъ пришлось недавно пережить трудныя минуты. Два года тому назадъ, послѣ Миланскихъ безпорядковъ, газета «Mattino» была закрыта и мужъ Матильды Серао былъ вызванъ въ военный судъ. Офицеры, засѣдавшіе въ этомъ судѣ, глубоко сочувствовали знаменитому журналисту и его достойной сподвижницѣ, но ихъ связывалъ военный долгъ. Однако, одинъ изъ нихъ все-таки предупредилъ Матильду Серао, что ея мужъ можетъ быть осужденъ и тогда онъ не вернется больше домой. Матильда быстро рѣшилась; ея мужъ уѣхалъ, а она осталась одна бороться съ опасностью. Настали тяжелыя времена. Ея типографія была закрыта, бюро редакціи опустѣли. Она видѣла, что ей грозитъ разореніе, но мужественная женщина не падала духомъ. И, дѣйствительно, туча разсѣялась, осадное положеніе въ Италіи прекратилось и «Il Mattino» снова возродился къ жизни, это былъ праздникъ во всемъ городѣ. Когда на разсвѣтѣ вышелъ первый номеръ газеты, то его расхватали въ моментъ; газетчики подверглись настоящей осадѣ и пришлось три раза возобновлять изданіе. Это было лучшею наградой Матильды Серао за всѣ пережитыя ею волненія и горе, такъ какъ тутъ она увидала какою популярностью и любовью пользуется она въ городѣ. Неаполитанцы стремились показать ей какъ они высоко цѣнятъ ея талантъ и литературную дѣятельность.

Теперь нормальная жизнь газеты возобновилась. Матильда Серао отдыхаетъ отъ газетной дѣятельности, когда пишетъ романъ и снова принимается за нее, когда требуется ея помощь. На вопросъ французскаго журналиста не утомляетъ ли ее такая жизнь и не лучше ли было бы, еслибъ она исключительно посвятила себя беллетристики, она отвѣчала:

— Нѣтъ! Вѣрьте мнѣ, журнализмъ для писателя—превосходная школа. Она научаетъ выражаться ясно, образно, научаетъ его искусству говорить толпѣ, дѣйствовать на нее и внушать ей свои убѣжденія. Журналистъ говоритъ для того, чтобы его слушали; онъ долженъ избѣгать неясныхъ выраженій, долженъ отыскивать простыя понятныя слова для выраженія своей мысли. Для распространенія личныхъ взглядовъ, идей, нѣтъ лучшаго средства какъ журнализмъ и нѣтъ лучшей награды для журналиста какъ видѣть, что его идеи пускаютъ ростки, растутъ и развиваются подъ вліяніемъ его усилій и онъ можетъ слѣдить за ихъ успѣхами по всему міру. Журналистъ—это такой же піонеръ, воинъ и завоеватель; можетъ ли быть что-нибудь благороднѣе этой роли?»

Австрійскій кризисъ. Австрія переживаетъ кризисъ, гораздо болѣе серьезный чѣмъ тѣ преходящія и случайныя затрудненія, отъ которыхъ не гарантировано ни одно изъ современныхъ государствъ. Но кризисъ, переживаемый въ данную минуту Австріей, имѣетъ огромное значеніе и для всей—Европы, такъ какъ Габсбургская монархія несомнѣнно составляетъ очень важный факторъ европейской политики и европейскаго равновѣсія.

Затрудненія, возникшія въ Австріи, произошли не случайно и не по винѣ министерства Бадени. Если теперь въ странѣ пріостановилась почти совершенно парламентская и конституціонная жизнь, то это указываетъ, что зло гнѣздится глубоко. Напрасно мы бы стали искать въ Австріи главныхъ элементовъ необходимыхъ для каждаго централизованнаго государства: единства расы, традицій, тожественности экономическихъ и соціальныхъ условій. Несмотря на это отсутствіе необходимыхъ элементовъ, въ Австріи было сдѣлано все таки не мало попытокъ уничтожить древнюю законодательную и административную автономію различныхъ странъ, входящихъ въ составъ австрійской имперіи и

замѣнить ее унитарной системой, сначала при помощи нѣмецкой централизованной бюрократіи, а затѣмъ, въ послѣднее время, при помощи парламента, такъ искусно устроеннаго, что большинство въ немъ повидимому всегда должно бы принадлежать нѣмцамъ.

Первый ударъ автономной администраціи австрійскихъ государствъ былъ нанесенъ Маріей Терезіей, но у нея не хватило силъ довести централизацію до конца и Венгрія избѣжала ее, сохранивъ свой отдѣльный режимъ Такимъ образомъ было положено начало пресловутому дуализму и единству австрійскаго государства, поддерживаемому только нѣмецкою бюрократіей, не имѣющей никакой почвы подъ своими ногами и никакой связи съ населеніемъ, изъ котораго мечтали создать искусственнымъ образомъ новый народъ—австрійскій.

Нѣмецкая бюрократія, водворившаяся въ Австріи и поддерживавшая единство администраціи, конечно, добивалась и единства языка. Она достигла своей цѣли помимо законовъ, чисто административнымъ путемъ, вслѣдствіе привычки и полнаго отсутствія сопротивленія населенія. Между тѣмъ равенство правъ обоихъ языковъ въ Чехіи, нѣмецкаго и чешскаго, въ теоріи сохранилось. Въ 1848 г. вопросъ этотъ былъ снова выдвинутъ на сцену и тогда императоръ снова торжественно подтвердилъ равенство. Но это такъ и осталось однимъ обѣщаніемъ. Вѣнское правительство стремилось при помощи полицейскаго режима придать Австріи характеръ нѣмецкаго государства. Но забыто было одно, что отъ 1848 г. все-таки осталось нѣчто, остались новыя идеи: идея конституціонной свободы, идея правъ національностей. Въ 1848 г. эти идеи чуть-чуть народились въ Австріи, но все таки онѣ обладали такою жизнеспособностью, что вырвать ихъ съ корнемъ было нельзя.

Дальнѣйшія событія,—когда послѣ побѣды Италіи Австрія очутилась въ двухъ шагахъ отъ банкротства,—заставили нѣсколько умолкнуть централистскія стремленія. Въ 1860 г. было извѣщено объ организаціи парламента и этому парламенту, составленному въ централистскомъ духѣ, пришлось немедленно вступить въ борьбу съ притязаніями различныхъ національностей, которыя чувствовали себя оскорбленными, такъ какъ за ними не признавали одинаковыхъ парламентскихъ правъ и въ имперіи былъ введенъ въ высшей степени сложный и несправедливый способъ выборовъ, посредствомъ котораго нѣмецкое меньшинство населенія въ парламентѣ всегда имѣло большинство. Такимъ образомъ парламентъ служилъ конституціоннымъ выраженіемъ тѣхъ же самыхъ централистскихъ стремленій, которыя преобладали въ государствѣ. Славяне протестовали противъ этого, воздерживаясь отъ участія въ парламентѣ. Тогда въ 1867 году былъ введенъ дуалистическій режимъ и имперія названа Австро-Венгріей, а въ 1873 году исчезли уже всякіе слѣды федерализма и сеймы лишились права посылать своихъ представителей въ рейхсратъ. Нѣмцы сдѣлались абсолютными господами положенія; въ рейхсратѣ они получали большинство и стали распоряжаться министерствами. Кромѣ Галиціи, гдѣ польскій языкъ сохранилъ свои прежнія права, всюду была введена нѣмецкая администрація и 19-ая статья конституціи 1877 г., устанавливающая абсолютное равенство всѣхъ языковъ въ Австріи, осталась мертвою буквой; нѣмецкій централизмъ достигъ своего апогея.

До 1879 г. изъ славянскихъ народностей Австріи въ рейхсратѣ оставались только поляки, которымъ, какъ мы уже сказали, центральное правительство сдѣлало уступку, сохранивъ права польскаго языка въ Галиціи, но съ 1879 г. наконецъ и чехи рѣшили прекратить обструкцію и явиться въ рейхсратъ. Ихъ появленіе въ австрійскомъ парламентѣ во всякомъ случаѣ послужило началомъ новой эры, хотя надежды ихъ и не сбылись. Графъ Таафе, стоящій тогда во главѣ министерства, находилъ, что для возвышенія престижа короны, необходимо покончить съ тираніей одной парламентской партіи; пра-

*

вительство вовсе не имѣло въ виду отдать себя окончательно въ руки нѣмецкаго большинства и поэтому Таафе сдѣлалъ нѣкоторыя минимальныя уступки чешской партіи и введя избирательную реформу, не носящую однако никакого радикальнаго характера, Таафе пошатнулъ всемогущество нѣмецкой партіи, служащей единственнымъ фундаментомъ системы, созданной государственнымъ переворотомъ 1749 г., когда Марія Терезія положила начало централистскому режиму.

Разумѣется недовольная такими перемѣнами нѣмецкая партія тотчасъ же превратилась въ узконаціональную партію, признававшую только одно историческое право въ Австріи: централизмъ и господство нѣмцевъ. Блескъ германскаго могущества послѣ 1870 г. ослѣплялъ нѣмцевъ, разсеренныхъ уступками, сдѣланными другимъ національностямъ Австріи, въ ущербъ нѣмецкому господству и потерею преобладающаго вліянія въ парламентѣ. Отсюда и возникъ и разросся пангерманизмъ, непримиримый характеръ котораго упорно поддерживаетъ теперь кризисъ въ Австріи.

Графъ Бадени, ставшій во главѣ кабинета, приверженецъ автономныхъ принциповъ, задумалъ трудное дѣло—создать парламентское большинство изъ поляковъ, чеховъ и умѣренныхъ нѣмцевъ и преобразовать Имперію посредствомъ цѣлаго ряда реформъ въ автономномъ духѣ, чтобы задержать такимъ образомъ ея разложеніе. Но съ перваго же шага онъ наткнулся на непреодолимыя затрудненія. Нѣмцы, возмущенные его ордоннансами о языкахъ, признающими въ принципѣ равенство чешскаго и нѣмецкаго языковъ, разожгли «furor teutonicus» въ каждомъ закоулкѣ австрійской имперіи, гдѣ только находились ихъ соотечественники. Огромное большинство этихъ разъяренныхъ тевтонцевъ, тирольскихъ и штирійскихъ крестьянъ, не только не вдумывалось въ эти ордоннансы, но даже не читало ихъ. Да это и не было нужно! Свирѣпые нѣмецкіе ораторы народныхъ митинговъ распространяли повсюду легенду о попраніи священныхъ правъ нѣмцевъ и всѣ австрійскіе нѣмцы этому повѣрили. Кабинетъ Бадени палъ, но нѣмцы не удовольствовались этою побѣдой; они потребовали отмѣны всѣхъ уступокъ, сдѣланныхъ чехамъ графомъ Таафе и возстановленія нѣмецкаго языка, какъ единаго государственнаго языка. Нѣмцы задумали соединить подъ общимъ знаменемъ германизма всѣхъ австрійскихъ нѣмцевъ, даже альпійскихъ католиковъ, до сихъ поръ не принимавшихъ участія въ націоналистской агитаціи. Министерство Гауча, рѣшившееся отмѣнить ордоннансы графа Бадени ради успокоенія нѣмцевъ, не достигло ничего. Нѣмцы, увидѣвъ, что имъ удалоса терроризировать государственную власть, разумѣется не соглашались ни на какія уступки и въ концѣ концовъ эти чрезмѣрныя притязанія нѣмцевъ заставили теперь правительство отказаться отъ всякихъ проектовъ примиренія и искать поддержки у партій, придерживающихся автономныхъ принциповъ: у чеховъ, словенъ, кроатовъ и русиновъ.

Но даже если правительству и удастся добиться временнаго затишья путемъ нѣкоторыхъ уступокъ національностямъ партій, кризисъ все-таки по прежнему будетъ существовать и по прежнему будетъ угрожать благосостоянію и прочности государства. Этотъ кризисъ поддерживается чисто механическимъ и поверхностнымъ объединеніемъ Имперіи, ради выгоды централизма. Такая система могла удержаться во времена Маріи Терезіи, когда функціи государства были весьма просты, но не теперь, когда экономическая и соціальная жизнь страны достигла высокой степени интенсивности и сложности. Нельзя примѣнять одинаковую административную формулу ко всѣмъ провинціямъ Австріи, къ такимъ богатымъ странамъ, какъ Чехія, Моравія и Силезія, и такимъ бѣднымъ, какъ альпійскія провинціи, Далмація и Галиція. Благодаря централизму, богатыя провинціи не могли развить всѣ свои природные рессурсы, тогда какъ бѣдныя стали еще бѣднѣе подъ игомъ бюрократіи, проникнутой самымъ отчаяннымъ формализмомъ и не взирающей

на различія расъ и экономическихъ условій. Между тѣмъ современная экономическая жизнь требуетъ интенсивной и систематической дѣятельности и вниманія къ условіямъ страны, поэтому всѣ эти провинціи чувствуютъ потребность въ такой общественной администраціи, которая бы относилась серьезно къ своимъ задачамъ. Примѣромъ можетъ служить Венгрія, достигшая высокой степени процвѣтанія послѣ освобожденія отъ ига централизма.

Такимъ образомъ, благополучное разрѣшеніе австрійскаго кризиса возможно только при условіи полной децентрализаціи. Въ Вѣнѣ должны, наконецъ, понять, что государство, составленное изъ столь разнородныхъ элементовъ, можетъ гарантировать прочность своего существованія лишь въ томъ случаѣ, если оно дѣйствительно будетъ служить убѣжищемъ для народовъ, слишкомъ малочисленныхъ, чтобы составить независимое государство, но достаточно сильныхъ, чтобы защищать свою свободу. Обезпечить этимъ народамъ свободное и правильное развитіе ихъ индивидуальности и доказать міру, что національная идея не должна имѣть своимъ непремѣннымъ послѣдствіемъ яростную борьбу за преобладаніе—вотъ высокая задача, которую должна была бы выполнить Австрія въ Европѣ.

Бельгійская антарктическая экспедиція. Недавно въ Лондонъ пріѣхалъ одинъ изъ членовъ и главныхъ организаторовъ бельгійской антарктической экспедиціи, молодой польскій ученый, геологъ экспедиціи Генрихъ Арктовскій. Экспедиція отправилась въ 1897 г. подъ управленіемъ лейтенанта Герлаха и теперь возвращается назадъ. Арктовскій покинулъ корабль «Belgica» въ Пунта-Аренасъ, нѣсколько недѣль тому назадъ, вмѣстѣ съ румынскимъ натуралистомъ Раковицей, и привезъ съ собою собранные имъ матеріалы, которые онъ теперь приводитъ въ порядокъ и относительно которыхъ онъ намѣренъ переговорить съ различными научными авторитетами, Элизе Реклю и др. Одинъ изъ бельгійскихъ журналистовъ, пріятель Арктовскаго, спросилъ его о результатахъ экспедиціи.

«Это щекотливый вопросъ,— отвѣчалъ ему Арктовскій; — нужно много поработать прежде, чѣмъ можно будетъ высказаться окончательно относительно природы и важности тѣхъ образцовъ, которые мы привезли съ собой. Другіе члены экспедиціи достигли болѣе прямыхъ результатовъ: одинъ изъ нихъ составилъ прекрасную карту мѣстности, а другой, докторъ Кукъ, привезъ массу фотографическихъ снимковъ. Кромѣ того, докторъ Кукъ, во время нашего прохода черезъ архипелагъ Огненной Земли, произвелъ массу этнографическихъ изслѣдованій и наблюденій надъ туземцами. Только бѣдному Данко смерть помѣшала довести до конца его магнетическія изслѣдованія.

«Насъ упрекаютъ въ томъ,—замѣтилъ Арктовскій,—что мы нѣсколько измѣнили свою первоначальную программу и не выполнили всѣхъ своихъ обѣщаній, но тѣ, кто дѣлаетъ намъ такой упрекъ очевидно смѣшиваютъ прежнія научныя экспедиціи съ теперешними. Прежнія имѣли только цѣлью пройти какъ можно дальше во льдахъ и опередить всѣхъ своихъ предшественниковъ хотя бы на одинъ градусъ. Но теперь придается большее значеніе научнымъ наблюденіямъ и экспедиціи должны стремиться къ тому, чтобы добыть какъ можно больше данныхъ объ этихъ маловзвѣстныхъ странахъ. Вотъ почему мы нашли, что 71°36′ широты, котораго мы достигли, можетъ удовлетворить желанія тѣхъ, кто непремѣнно хотѣлъ, чтобъ мы прошли какъ можно дальше. Мы были блокированы льдами въ теченіе тринадцати мѣсяцевъ, но это время не пропало для насъ даромъ: мы продолжали свои научныя наблюденія.

«Мы пережили трудныя минуты во время нашего путешествія. Наши первыя затрудненія произошли въ Пунта-Аренасъ, куда мы зашли, чтобы запастись углемъ, съ согласія аргентинскаго правительства, для дальнѣйшаго пу-

тешествія на югъ. Четыре матроса бельгійца напились пьяными и стали буянить и лейтенантъ Герлахъ рѣшилъ не брать ихъ съ собой, хотя замѣнить ихъ было некѣмъ и потеря четырехъ человѣкъ была очень чувствительна для нашего небольшого экипажа. Но самое худшее насъ ожидало впереди. 1-го января 1898 г. нашъ корабль сѣлъ на подводный камень. Въ это время приливъ уже достигъ высшей точки и скоро долженъ былъ начаться отливъ. Никакой надежды на избавленіе. Мы освободили судно отъ всякаго груза, но корабль ни съ мѣста; съ каждою минутой положеніе наше становилось все опаснѣе и опаснѣе. Мы спустили на воду лодки и въ одну изъ нихъ сѣлъ докторъ Кукъ. Велика сила страсти! докторъ Кукъ даже въ эту критическую минуту не забылъ свой фотографическій аппаратъ и, находясь въ лодкѣ, снялъ нѣсколько фотографій съ судна, застрявшаго въ подводной скалѣ. Мы всѣ, оставшіяся на палубѣ, понимали, что намъ не удастся освободить судно собственными силами. Лейтенантъ Лекоинтъ, завидѣвъ меня, крикнулъ мнѣ: «Арктовскій, вы тамъ ничего не дѣлаете, придите помочь мнѣ поднять флагъ». Я подошелъ къ нему и увидалъ, что глаза у него наполнены слезами, но онъ старается сохранить спокойствіе. Поднятіе флага — это прощаніе съ жизнью погибающаго судна, это послѣдній актъ передъ опусканіемъ въ водяную могилу!

«На верху большой мачты взвился національный флагъ и мы, мрачные и безмолвные, окружили мачту, дожидаясь своей участи. Погибла «Belgica»! Но вдругъ въ этотъ моментъ налетѣлъ шквалъ; страшная волна ударила въ судно и окатила насъ съ ногъ до головы. Ударъ былъ настолько силенъ, что мы ежеминутно ожидали, что судно будетъ пробито и медленно пойдетъ ко дну. За этою волною налетѣла другая, потомъ третья. Раздался страшный трескъ и судно заколебалось: волна подкатила его и оно двинулось. Мы всѣ вскрикнули отъ радости: мы были спасены!

«Далѣе насъ ждали новыя испытанія. Матросъ Винке неосторожно перегнулся черезъ бортъ и его тотчасъ же подхватила волна и унесла. Не теряя ни секунды, лейтенантъ Лекоинтъ велитъ обвязать себя веревкой и бросается въ воду. Океанъ бушевалъ, водяная бездна грозила ежеминутно поглотить храбраго лейтенанта; его бросаетъ какъ щепку изъ стороны въ сторону и мы всѣ съ ужасомъ ждали, что вотъ-вотъ его ударитъ о корабль или подтянетъ къ ванту; кромѣ того, вода была страшно холодна и плыть было очень трудно. Тѣмъ не менѣе лейтенанту удалось все-таки схватить утопающаго матроса, но увы! не надолго. Новая волна вырвала его изъ рукъ лейтенанта и матросъ навсегда исчезъ въ пучинѣ.

«Это была страшная минута и мы всѣ долго не могли оправиться отъ перенесеннаго потрясенія. Черезъ два дня послѣ этого несчастнаго случая мы укрылись у западной стороны Лоуэнланда и тамъ приступили къ научнымъ наблюденіямъ. Эти новыя земли представляютъ необыкновенно величественное зрѣлище. Громадныя глыбы льда, айсберги самой разнообразной формы и скалы, выступающія въ разныхъ мѣстахъ изъ подъ общей массы льда и снѣга, все это производитъ поразительное впечатлѣніе. На землѣ нѣтъ фауны, но вокругъ насъ водились въ изобиліи киты и тюлени, свѣжее мясо которыхъ спасло насъ отъ заболѣванія цынгой во время зимы. Мы оставались тутъ три недѣли и 12-го февраля вступили, наконецъ, въ еще совершенно неизвѣстныя области антарктической зоны. Третьяго марта мы достигли 71°91′ южной широты, но холодъ былъ настолько силенъ, что мы не могли двигаться дальше и поневолѣ должны были принять мѣры къ зимовкѣ и устроиться какъ можно комфортабельнѣе на своемъ суднѣ. Холодъ былъ страшный, вызвавшій у многихъ разстройство сердечной дѣятельности. Полярная ночь продолжалась два мѣсяца и солнце не показывалось съ 17-го мая по 21-е іюля. Въ этотъ періодъ времени мы лишились одного изъ своихъ товарищей, лейтенанта Данко. Онъ за-

болѣлъ такими же сердечными припадками, какъ и многіе изъ насъ, но у него они быстро приняли опасный характеръ и онъ умеръ, не приходя въ себя. Тяжело было намъ хоронить его: мы съ трудомъ пробили во льду отверстіе достаточной величины и опустили въ него тѣло нашего умершаго товарища.

«Наконецъ «Belgica» освободилась отъ ледяныхъ оковъ и дальнѣйшее наше путешествіе уже обошлось безъ всякихъ приключеній».

Молодой ученый очень хвалитъ конструкцію корабля, который благополучно вынесъ зимовку, напоръ льда, бури въ океанѣ и т. п. Другія экспедиціи, отправляющіяся въ антарктическія области, воспользуются, конечно, открытіями и опытами бельгійской антарктической экспедиціи и мало-по-малу тайна, окружающая южныя полярныя страны, разсѣется.

Сады рабочихъ. Французское Общество соціальной экономіи издало брошюру о садахъ рабочихъ во Франціи и за границей, въ которой сообщаются успѣхи этой формы помощи посредствомъ труда. Въ свое время мы сообщали нашимъ читателямъ, что по иниціативѣ одной дамы, г-жи Гервье, былъ сдѣланъ въ Седанѣ первый опытъ такой помощи. Г-жа Гервье арендовала въ окрестностяхъ города землю и затѣмъ, распредѣливъ ее на участки, раздала ее бѣднымъ семьямъ для устройства садовъ и огородовъ, снабдивъ ихъ въ то же время всѣмъ необходимымъ для этого, т. е. сельско-хозяйственными орудіями, сѣменами и удобреніемъ. Результаты получились въ высшей степени удовлетворительные: сады и огороды не только обезпечили существованіе многихъ семействъ, буквально погибавшихъ съ голоду до этого, но при хорошемъ урожаѣ давали даже возможность семьямъ сдѣлать нѣкоторыя сбереженія. Къ иниціативѣ г-жи Гервье присоединились другіе жители Седана, образовалось цѣлое общество пособія посредствомъ труда. Затраты на аренду и устройство садовъ и огородовъ оказались, сравнительно, весьма незначительными и если бъ эти самыя деньги были розданы нуждающимся въ видѣ пособій, то они были-бы каплей въ морѣ и не принесли бы никакого существеннаго улучшенія въ ихъ положеніи.

Г-жа Гервье, имѣвшая, главнымъ образомъ, въ виду борьбу съ профессіональнымъ нищенствомъ и желаніе дать возможность всѣмъ членамъ семьи работать совмѣстно, назвала организованное ею общество: «Reconstitution de la famille» и результаты дѣятельности этого общества до нѣкоторой степени оправдали ея ожиданія, такъ какъ большинство рабочихъ охотно занимается въ свободное время въ своихъ садахъ и матери не посылаютъ своихъ дѣтей просить милостыню, пріучая ихъ работать въ саду, что имѣетъ благопріятное вліяніе на ихъ здоровье.

Идея г-жи Гервье нашла подражателей, и теперь уже въ разныхъ мѣстахъ во Франціи устроены такіе сады и огороды для рабочихъ. Бельгія, Германія и нѣкоторыя другія страны послѣдовали этому примѣру, а въ Соединенныхъ Штатахъ дѣло это организовано на очень широкихъ основаніяхъ. Въ системѣ организаціи этого дѣла помощи въ разныхъ странахъ также существуютъ различія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣютъ въ виду только непосредственную помощь, въ другихъ же стремятся къ полному обезпеченію семьи и образованію изъ рабочаго мелкаго землевладѣльца, собственника, имѣющаго свой домикъ и клочекъ земли. Но вездѣ принципъ одинъ и тотъ же: помощь семьямъ рабочихъ, заработокъ которыхъ недостаточенъ для существованія семьи. Участки земли раздаются, по возможности, ближе къ жилищамъ тѣхъ, кому оказывается эта помощь, такъ, чтобы они могли, не оставляя своего обычнаго заработка, возлѣлывать эту землю. Конечно, въ маленькихъ городахъ это было легче устроить, въ большихъ же городахъ труднѣе, такъ какъ нѣтъ столько свободной земли. Въ Брюсселѣ это дѣло уже достигло процвѣтанія и въ настоящее

время въ Парижѣ образовалось общество, поставившее себѣ цѣлью устройство такихъ садовъ и огородовъ. Къ сожалѣнію, во Франціи многіе предубѣждены противъ этого дѣла только потому, что его особенно усердно пропагандируетъ духовенство или такъ называемые воинствующіе католики. Произошло это, однако, совершенно случайно. Въ Седанѣ былъ сдѣланъ починъ помимо духовенства и клерикаловъ и безъ всякаго ихъ участія. Но когда г-жа Гервье, довольная результатами своего дѣла и желая поощрить другихъ къ организаціи такого же точно дѣла, опубликовала результаты въ брошюрѣ, имѣющей цѣлью пропаганду ея идей, то брошюра эта случайно попала на глаза отцу Вольмету, руководителю отдѣленіемъ іезуитской коллегіи въ Сентъ-Этьенѣ. Это было какъ разъ въ самый разгаръ продолжительной стачки, когда въ Сентъ-Этьенѣ царила страшная нужда и къ сострадательному священнику приходили за помощью жены и дѣти стачечниковъ. Ему тотчасъ же пришло въ голову, что если-бы каждая семья рабочаго имѣла такой побочный источникъ дохода, то забастовки, отчего бы онѣ ни происходили, и безработица не влекли бы за собою голодовку и усиленную смертность дѣтей. Вольметъ тотчасъ же приступилъ къ выполненію своей идеи и безъ труда собралъ необходимый фондъ для начала дѣла. Теперь его дѣло въ Сентъ-Этьенѣ такъ же процвѣтаетъ, какъ и дѣло г-жи Гервье въ Седанѣ, и въ обоихъ случаяхъ оно не носитъ характера католической пропаганды, такъ что въ немъ могутъ принимать участіе люди всѣхъ взглядовъ и вѣроисповѣданій. Въ послѣднее время, впрочемъ, за это дѣло взялись муниципалитеты многихъ городовъ и надо надѣяться, что такая идея помощи широко распространится.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue des Revues».—«Revue Scientifique».—«Wide World Magazine».—Vita internazionale».

Несмотря на постоянные разговоры о мірѣ, на усиленную пропаганду идей мира въ современномъ обществѣ, все-таки всѣ народы соперничаютъ другъ передъ другомъ въ изобрѣтеніи способовъ войны, въ искусствѣ убивать въ наивозможно короткое время наивозможно большее число людей. Къ этому стремится вся современная военная наука,—говоритъ «Revue des Revues» въ статьѣ, посвященной этому вопросу,—къ этому стремятся многіе ученые, работающіе въ тиши своихъ кабинетовъ и тѣ, которые считаютъ войну самымъ страшнымъ бѣдствіемъ для человѣчества, не думаютъ ни о чемъ иномъ, какъ только сдѣлать эту войну «идеально жестокой!» Всѣ эти изобрѣтатели, въ сущности очень добродушные люди, въ своихъ изобрѣтеніяхъ, результатомъ своей умственной дѣятельности, въ проявленіяхъ своего генія, являются самыми свирѣпыми и худшими изъ истребителей рода человѣческаго. Вотъ, напримѣръ, Щепаникъ, электро-техникъ, идущій по стопамъ Тюрпена; онъ проводитъ дни и ночи въ своей лабораторіи, не зная отдыха,—и какимъ же изобрѣтеніемъ онъ готовится облагодѣтельствовать весь міръ? Это будетъ страшный снарядъ, передъ истребительною силою котораго должны будутъ отступить всѣ находившіеся и находящіеся до сихъ поръ въ употребленіи снаряды. Самъ изобрѣтатель, принадлежащій по общему отзыву къ кротчайшимъ изъ людей, слѣдующимъ наивнымъ образомъ излагаетъ свои цѣли: «Битва началась,—говоритъ онъ,—непріятель приближается. Вмѣсто того, чтобы ждать его, я отступаю назадъ, покидая для виду свои фургоны. Въ дѣйствительности же эти фургоны наполнены новыми бомбами, заключенными въ ящики, снабженные взрывчатымъ аппара-

томъ весьма простого устройства. Я направляю на непріятеля и на всѣ его движенія сильный лучъ электрическаго свѣта и въ тотъ моментъ, когда непріятель приблизится къ фургонамъ, электрическая искра коснется взрывчатаго снаряда и отъ непріятельской арміи не останется ничего!»

Ученый даже не подозрѣваетъ чудовищности своего изобрѣтенія, всей низости такого способа веденія войны. Военная наука превозноситъ геніальность такихъ изобрѣтеній, за нихъ выдаются преміи и дальнѣйшая дѣятельность въ этомъ направленіи всячески поощряется. И это безуміе массоваго убійства, которое называется войной, захватываетъ порою самые здравые умы и возникаетъ состязаніе, которому нѣтъ имени на человѣческомъ языкѣ! На границѣ XX в., который нѣкоторые изъ современныхъ поэтовъ уже воспѣваютъ какъ наступленіе новой эры всеобщаго примиренія и т. д., призраки войны выступаютъ въ еще болѣе кровавомъ ореолѣ. Всѣ страны соперничаютъ другъ съ другомъ въ быстротѣ вооруженія, бросаютъ милліоны не только на укрѣпленіе границъ, но и на изготовленіе страшныхъ смертоносныхъ орудій всякаго рода. Всюду замѣчается лихорадочная дѣятельность въ этомъ направленіи, всюду замѣчается стремленіе найти такой способъ, который далъ бы возможность сразу истреблять цѣлыя арміи, флоты и разрушать крѣпости. Военная наука достигла на рубежѣ XX вѣка такой интенсивности, что, повидимому, дальше идти некуда. Но ежедневно получаются извѣстія о новыхъ удивительныхъ военныхъ изобрѣтеніяхъ, новыхъ способахъ веденія войны. Каждое такое изобрѣтеніе естественно ведетъ за собою переворотъ и въ способахъ защиты, и въ способахъ веденія войны. Изобрѣтеніе подводныхъ судовъ, плавающихъ одинаково и на поверхности воды, и подъ водою, недоступныхъ нападенію подъ водою и въ то же время могущихъ извергать торпеды въ любомъ направленіи, должно было бы нанести окончательный ударъ морской войнѣ. Никакое непріятельское судно не можетъ приблизиться къ берегу, охраняемому такого рода подводными лодками. Борьба съ ними невозможна и грозитъ полнымъ истребленіемъ всякому флоту. Но такъ какъ каждое такое изобрѣтеніе непремѣнно вызываетъ контръ-изобрѣтеніе, парализующее его дѣйствіе, то мы можемъ ожидать, что морская война сдѣлается подводной и что схватка будетъ происходить между подводными флотами государствъ. Мы можемъ ожидать также воздушной войны, такъ какъ давно уже изобрѣтательный геній работаетъ въ этомъ направленіи и въ Америкѣ, и Германіи военная аэростатика сдѣлала уже большіе успѣхи. Какъ нѣмцы, такъ и американцы преслѣдуютъ въ этомъ отношеніи только одну цѣль — истребить какъ можно больше людей, извергая на непріятельскій городъ съ высоты дождь взрывчатыхъ снарядовъ, который можетъ въ самое короткое время стереть съ лица земли цѣлый городъ съ его населеніемъ и цѣлую армію. Американцы, не скрывая, хвастаются своими успѣхами въ этой наукѣ истребленія. Во время испано-американской войны цѣлыя столбцы американскихъ газетъ были наполнены описаніями тѣхъ опустошеній, которыя производились орудіями американцевъ. Въ Омдурманѣ, во время послѣдней суданской кампаніи, англійское ядро новой системы сразу убило 200 дервишей; но американцы по этому поводу съ гордостью заявляютъ, что новоизобрѣтенный американскій снарядъ сразитъ еще большее число людей!

Авторъ статьи въ «Revue des Revues» приходитъ, однако, къ заключенію, что всѣ эти изобрѣтатели, безсознательно, а порою и сознательно, трудятся въ пользу того, чтобы сдѣлать войну невозможной. Эдиссонъ, Тесла, Нобель, Максимъ и даже Щепаникъ мечтаютъ о вѣчномъ мирѣ, объ уничтоженіи войны. Но можетъ ли, дѣйствительно, наука, направленная по преимуществу въ сторону изобрѣтенія лучшихъ способовъ истребленія, достигнуть такой цѣли?

«Revue Scientifique» печатаетъ статью одного нѣмецкаго профессора о гигіенѣ нервной системы. Наука эта находится еще въ самомъ зародышѣ. Общая гигіена, достигшая уже сильнаго развитія, не имѣла еще времени заняться этимъ спеціальнымъ вопросомъ, поглощенная борьбой съ эпидеміями и инфекціонными болѣзнями и введеніемъ мѣропріятій, направленныхъ къ оздоровленію городовъ, къ улучшенію санитарныхъ условій фабрикъ, жилищъ рабочихъ, къ усвоенію правилъ профессіональной гигіенѣ и т. п. Между тѣмъ распространеніе нервныхъ страданій, являющееся отчасти результатомъ прогресса цивилизаціи, требуетъ нашего вниманія и заставляетъ подумать о предохранительныхъ мѣрахъ, о профилактикѣ «нервозности», составляющей одну изъ характерныхъ чертъ нашего вѣка.

«Разумѣется было бы нелѣпо, говоритъ нѣмецкій профессоръ, проповѣдывать отреченіе отъ всѣхъ преимуществъ нашей цивилизаціи и возвращеніе къ первобытной и болѣе простой жизни нашихъ предковъ, ради оздоровленія будущихъ поколѣній. Конечно еслибъ мы могли изгнать изъ нашей жизни всякій черезъчуръ интенсивный интеллектуальный трудъ и всегда помнить правило умѣренности и аккуратности во всѣхъ своихъ пользованіяхъ жизнью и ея наслажденіями, то безъ сомнѣнія нервозность въ значительной степени ослабѣла бы. Но кто же изъ нашихъ современниковъ согласится на такую жертву? Кто, привыкшій къ постоянной интеллектуальной работѣ, согласится наложить узду на дѣятельность своего ума и сказать ему: ни шагу дальше! Точно такъ же и всѣ другія ограничительныя правила, въ родѣ запрещенія браковъ между невропатами и т. п., не могутъ достигнуть цѣли и, если мы хотимъ спасти новыя поколѣнія отъ этого зла, то прежде всего должны позаботиться о гигіенѣ нервной системы и примѣнять правила этой гигіены въ дѣтской и школѣ, стараясь укрѣпить нервную систему ребенка и юноши посредствомъ цѣлесообразнаго ухода и воспитанія. Первыми помощниками врачей въ этомъ отношеніи должны быть матери, а затѣмъ педагоги и всѣ просвѣщенные люди. Конечно, тутъ огромное значеніе имѣетъ школьная гигіена, которая должна быть доведена до высокой степени совершенства. Всего труднѣе тутъ бороться съ закоренѣлыми предразсудками и установившимися традиціями, въ особенности въ вопросѣ о переутомленіи. Воспитаніе вообще, какъ школьное, такъ и домашнее, должно руководствоваться правилами гигіены нервной системы и строго выполнять эти правила, стараясь развивать волю, самообладаніе, умѣнье подавлять чувственныя вожделѣнія и управлять своими инстинктами и склонностями.

Что касается умственнаго труда, то и въ этой области необходимо наблюдать правила гигіены. Какъ въ школахъ, такъ и въ университетахъ и прочихъ учебныхъ заведеніяхъ, программа ученія слишкомъ загромождена многими ненужными и лишними предметами, требующими непроизводительной растраты труда и вызывающими мозговое утомленіе, поэтому усилія гигіенистовъ должны быть направлены именно въ эту сторону.

Общество, съ своей стороны, можетъ многое сдѣлать для распространенія правильныхъ понятій и взглядовъ на гигіену нервной системы и, ведя борьбу съ алькоголизмомъ, являющимся одною изъ весьма важныхъ причинъ распространенія нервныхъ страданій, общество, конечно, содѣйствуетъ оздоровленію нервной системы и обезпеченію будущихъ поколѣній отъ нервныхъ страданій. Но больше всего и прежде всего мы должны позаботиться о школьной гигіенѣ и о томъ, чтобы оградить наше юное поколѣніе, поступающее въ разныя учебныя заведенія, отъ опасныхъ послѣдствій мозгового переутомленія.

Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Теннеси, существуетъ деревушка, имѣющая 250 жителей и названная именемъ Рёскина. Деревушка эта лежитъ въ прекрасной и плодоносной долинѣ Іеллоу-Крикъ и занимаетъ пространство только

въ 1800 акровъ. Пять лѣтъ тому назадъ она была основана рабочими, желавшими примѣнить на практикѣ свои идеи кооперації и представляетъ въ настоящее время самостоятельную маленькую республику. «Wide World Magazine», называетъ эту республику Новой Икаріей, возникновеніе которой, конечно, должно удивить міръ, такъ какъ принципы, которыхъ придерживается эта республика, совершенно несовмѣстимы съ условіями современной жизни. Каждый изъ членовъ республики обязанъ работать, но съ него спрашивается лишь то количество труда, которое онъ въ состояніи выполнить, и всѣ рабочіе колонисты получаютъ одинаковую плату, каковы бы ни были возложенныя на нихъ задачи.

Любопытно, что толчкомъ въ учрежденіи такой колоніи на новыхъ началахъ послужилъ знаменитый проектъ «кооперативной деревни» Эдварда Беллами, помѣщенный имъ въ журналѣ «The Coming Nation», (грядущая нація). Издатель журнала пригласилъ всѣхъ своихъ политическихъ друзей распространять журналъ такимъ образомъ, чтобы онъ дошелъ до ста тысячъ экземпляровъ. Если это будетъ достигнуто, то, по его словамъ, получится барышъ, послѣ реализаціи котораго, можно будетъ пріобрѣсти отъ трехъ до четырехъ тысячъ акровъ земли и уже туда перенести дѣятельность, т. е. тамъ открыть редакцію и типографію журнала. Какъ только типографія начала бы работать, то безъ сомнѣнія всѣ редакторы, типографщики, сотрудники и проч. рабочіе, непремѣнно бы переселились бы къ ней поближе и каждому былъ бы отведенъ домикъ, какой онъ пожелаетъ, здоровый и удобный и подходящихъ размѣровъ.

Такимъ образомъ, должно было образоваться ядро будущей колоніи, которая, конечно, могла увеличиваться, вслѣдствіе появленія въ ней новыхъ пришельцевъ. Воззваніе было услышано и скоро уже явилась возможность пріобрѣсти нѣсколько тысячъ акровъ земли. 29-го іюня 1894 г. было заложено основаніе новой колоніи въ долинѣ, покрытой дѣвственнымъ лѣсомъ. Пришлось прежде всего расчистить мѣсто, чтобы разбить палатку перваго колониста, къ которому уже на другой день присоединилось еще нѣсколько человѣкъ ремесленниковъ и работа закипѣла. Выстроено было зданіе-баракъ для типографіи и редакціи журнала и кругомъ разбиты были одинадцать временныхъ шалашей для членовъ колоніи, образовавшейся вокругъ типографіи журнала. Колонія названа «Рёскинъ» и въ ней 11-го августа былъ въ первый разъ отпечатанъ номеръ журнала, который въ тотъ же день разошелся въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Въ іюлѣ 1895 г. былъ выстроенъ тридцатый по счету домъ для колонистовъ. Въ 1896 году, въ февралѣ, пріобрѣтено еще 384 акровъ, а въ іюлѣ 1897 г. типографія журнала переведена въ новое и гораздо болѣе обширное помѣщеніе. Въ настоящее время вокругъ этого зданія, на разномъ разстояніи, расположены 40 домовъ, въ которыхъ обитаютъ колонисты.

Въ деревнѣ «Рёскинъ» не работаютъ ни въ субботу, начиная съ полдня, ни въ воскресенье. За каждый часъ работы выплачивается чекъ; такіе чеки представляютъ единственную размѣнную монету, допускаемую въ колоніи. За всѣ продукты выплачивается этими чеками. Такимъ образомъ эквивалентомъ одного фунта чая будетъ 11 часовъ работы, кофе—семь часовъ и т. д. Пара мужскихъ сапогъ, напримѣръ, равняется 70 часовъ, женская соломенная шляпа —пятнадцати часамъ и т. д.

Колонія теперь процвѣтаетъ. Упрощенная финансовая система не даетъ повода ни къ какимъ распрямъ и, дѣйствительно; въ колоніи царитъ полное спокойствіе и благосостояніе. Скептики однако не вѣрятъ, чтобы такое положеніе вещей могло продолжаться долго.

Объ итальянской «camorra» уже много было написано. Различныя авторы интересовались этимъ явленіемъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, но никому, по-

видимому, не приходило въ голову изслѣдовать этотъ вопросъ съ точки зрѣнія дѣтской преступности. Итальянскій журналъ «Vita Internationale», печатая статью о каморрѣ дѣтей, пробуетъ пополнить этотъ пробѣлъ.

Неаполь буквально кипитъ ребятишками, родители которыхъ никому рѣшительно неизвѣстны. Это брошенныя на произволъ судьбы дѣти, бродятъ по улицамъ днемъ и ночью, въ лохмотьяхъ и голодные. Это почти все будущіе члены каморры и еслибы въ одинъ прекрасный день исчезли всѣ взрослые члены этой обширной ассоціаціи злодѣевъ, то ряды ея тотчасъ же пополнились бы юными дѣятелями, жаждущими вступить въ нее. Въ дѣйствительности уже существуютъ двѣ каморры. Одна—каморра взрослыхъ и другая—дѣтей, мало извѣстная полиціи въ большинствѣ случаевъ, но очень прочно организованная и весьма дѣятельная. Въ миніатюрѣ это общество дикарей, имѣющее свой устный кодексъ правилъ, происхожденіе котораго вѣроятно относится къ нѣсколькимъ столѣтіямъ назадъ. Въ первомъ параграфѣ этого кодекса заявляется, что это прекрасное реформированное общество имѣютъ цѣлью объединить всѣхъ товарищей, обладающихъ сердцемъ, чтобы они могли въ спеціальныхъ обстоятельствахъ оказывать другъ другу нравственную и матеріальную поддержку».

Чтобы быть принятымъ въ это «прекрасное общество» необходимо совершить какой-нибудь удальской поступокъ, доказать, что не боишься вида крови, ни чужой, ни собственной. Послѣ совершенія такого поступка доступъ въ общество становится открытымъ и новый членъ получаетъ титулъ «Grivinotto Onorato». Слѣдующія степени: «Piccinotto» и «Capintesta» и достигшій послѣдней степени, разумѣется, становится главою шайки и поддерживаетъ порядокъ въ средѣ своихъ сотоварищей. Конечно, правосудіе въ этой шайкѣ основано только на законѣ возмездія, а другіе законы тамъ неизвѣстны.

Въ кодексѣ говорится также и о взиманіи и распредѣленіи налоговъ. Налоги эти выплачиваются каморрѣ извощиками, лодочниками, продавцами фруктовъ и цвѣтовъ и т. д. Всѣ они уплачиваютъ извѣстную небольшую сумму членамъ каморры, чтобы тѣ ихъ не притѣсняли и оказывали имъ покровительство въ случаѣ нужды, и договоръ честно выполняется обѣими сторонами.

Какъ и всѣ первобытные дикари, и эти юные члены каморры питаютъ сильное пристрастіе къ татуированію. Въ госпиталяхъ Неаполя можно встрѣтить много такихъ юныхъ бродягъ обоего пола, отъ 10 до 15 лѣтъ, все тѣло которыхъ покрыто самыми разнообразными рисунками, часто весьма свирѣпаго и неприличнаго содержанія. Конечно у юныхъ камориристовъ есть и свой жаргонъ и притомъ очень образный. Всѣ юные преступники, попадающіе въ исправительныя тюрьмы, непремѣнно принадлежатъ къ этой ассоціаціи, которая, такимъ образомъ, служитъ подготовительной школой для будущихъ злодѣевъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

О природѣ антагонизма между токсинами и антитоксинами. — Зоологія. 1) Защитительной аппаратъ жука-бомбардира. 2) Память рыбъ. — Медицина. Болѣзнь и раса. — Микробіологія. 1) Дѣйствіе дождя на количество бактерій въ водѣ для питья. 2) Микробы цвѣтовъ. — Демографія и соціологія. Количество рожденій въ европейскихъ странахъ. — Геологія. Недавнія вулканическія явленія на Исландіи. — Астрономическія извѣстія.

О природѣ антагонизма между токсинами и антитоксинами. Вопросъ о природѣ антагонизма между токсинами или ядовитыми веществами, попадающими въ организмъ или развивающимися въ немъ вслѣдствіе различныхъ причинъ, и антитоксинами, т. е. веществами, уничтожающими или ослабляющими дѣйствіе токсиновъ, служитъ предметомъ многочисленныхъ разногласій съ 1894 г., когда Беринъ и Бюхнеръ изложили въ первый разъ противорѣчивые взгляды свои на этотъ счетъ. По мнѣнію Беринга антагонизмъ токсина и антитоксина носитъ чисто химическій характеръ, т. е. антитоксинъ дѣйствуетъ на токсинъ, нейтрализуя послѣдній, какъ щелочь нейтрализуетъ кислоту. По взгляду Бюхнера дѣйствіе антитоксина не прямое: это дѣйствіе можетъ произойти только черезъ посредство клѣтокъ организма. Много изслѣдованій было произведено съ тѣхъ поръ съ цѣлью доказать справедливость того или другого воззрѣнія, но мнѣнія ученыхъ и до нашего времени раздѣляются: одни поддерживаютъ теорію Беринга, другіе защищаютъ взгляды Бюхнера; изъ выдающихся партизановъ теоріи Бюхнера назовемъ Ру, Мечникова, Виссермана. Новыя изслѣдованія къ изученію этого труднаго вопроса были представлены Мартеномъ и Черри въ засѣданіи Лондонскаго Королевскаго Общества. Изслѣдованія эти подтверждаютъ правильность взглядовъ Беринга и его школы и объясняютъ въ то же время причину нѣкоторыхъ противорѣчивыхъ результатовъ, на которыхъ основывается другая школа.

Опыты были произведены надъ дифтеритнымъ токсиномъ и надъ одной изъ составныхъ частей яда австралійской змѣи Hoplocephalus Curtus. Приготовленный дифтеритный токсинъ былъ испробованъ на морскихъ свинкахъ и минимальная смертельная доза (смерть наступаетъ черезъ 48 часовъ) найдена 0,12 куб. сент. на одинъ килограммъ вѣса животнаго. Антитоксиномъ служила сыворотка Беринга и сыворотка изъ института Пастера въ Парижѣ. Что касается змѣинаго яда, то употреблялась та составная часть его, которая не разрушается при нагрѣваніи раствора до 90° Ц. Эта часть яда похожа, если не вполнѣ идентична съ главною составною частью яда кобры; противоядная сыворотка Кальметта дѣйствуетъ на нее, какъ опредѣленный антитоксинъ, и дѣйствіе ея достаточно, такъ какъ при всѣхъ опытахъ употреблялись количества ея относительно большія въ сравненіи съ малыми смертельными дозами яда, такъ что въ этихъ условіяхъ ядъ нейтрализовался вполнѣ. Антитоксиномъ при опытахъ служила противоядная сыворотка пастеровскаго института въ Лиллѣ.

Чтобы опредѣлить какова природа воздѣйствія антитоксина на токсинъ, носитъ ли она *химическій* или *физіологическій* характеръ, авторы изслѣдованія прибѣгли къ физическому методу. Еще въ 1896 г. одинъ изъ нихъ доказалъ, что въ растворѣ, заключающемъ вещества съ большими молекулами и съ малыми молекулами, можно отдѣлить одни вещества отъ другихъ, фильтруя растворъ на желатиновой пластинкѣ въ особомъ фильтрѣ подъ давленіемъ 50 атмосферъ. Если подвергнуть такому фильтрованію растворъ дифтеритнаго токсина, послѣдній почти цѣликомъ проходитъ чрезъ фильтръ, при чемъ сила его уменьшается лишь въ очень слабой степени. Напротивъ, дифтеритный антитоксинъ не можетъ пройти чѣрезъ такой фильтръ и жидкость, прошедшая черезъ фильтръ, не имѣетъ, такимъ образомъ, никакой силы, какъ противоядіе. Такимъ образомъ, имѣется простое средство раздѣлить смѣсь токсина съ антитоксиномъ, лишь бы они не подѣйствовали уже другъ на друга.

Авторы смѣшали растворъ токсина (дифтеритнаго), заключавшій восемь смертельныхъ дозъ на одинъ куб. сент. и на одинъ килограммъ вѣса морской свинки съ антитоксиномъ Беринга въ количествѣ болѣе чѣмъ достаточномъ, чтобы нейтрализовать ядъ. Смѣсь была оставлена въ теченіе двухъ часовъ при 30° Ц. и затѣмъ отфильтрирована черезъ желатиновую пластинку. Профильтрованная жидкость была инъецирована морскимъ свинкамъ въ количествѣ 4 куб. сент. на одинъ килограммъ вѣса животнаго, что соотвѣтствуетъ тридцати двумъ смертельнымъ дозамъ токсина. Инъекція не оказала никакого дѣйствія, не появилось даже мѣстныхъ болѣзненныхъ симптомовъ. Если бы токсинъ оставался нетронутыми на ряду съ антитоксиномъ, ничто не помѣшало бы ему отфильтроваться, принимая во вниманіе его небольшую молекулярную величину; если дѣло обстоитъ иначе, то это объясняется тѣмъ, что до фильтрованія онъ уже вступилъ въ нѣкоторый родъ химическаго соединенія съ большими молекулами антитоксина.

Въ другой серіи опытовъ Мартенъ и Черри брали кроликовъ и дѣлали имъ инъекцію смѣси части яда змѣи Hoplocephalus Curtus и противоядной сыворотки Кальметта. Два куб. сент. этой сыворотки нейтрализуютъ 0,002 грамма сухого яда (количество, достаточное для того, чтобы убить кролика приблизительно въ восемь часовъ). Смѣсь эту оставили сначала въ покоѣ въ теченіе 50 минутъ при комнатной температурѣ, затѣмъ нагрѣвали до 68° въ теченіе 10 минутъ, чтобы разрушить антитоксинъ. Въ ранѣе произведенныхъ опытахъ Кальметта кролики, которымъ была инъецирована предварительно нагрѣтая жидкость, умирали; тѣ же, которымъ инъецировалась жидкость безъ предварительнаго нагрѣванія, оставались невредимыми. Отсюда Кальметтъ сдѣлалъ выводъ, что ядъ и противоядная сыворотка находились вмѣстѣ, не реагируя одинъ на другой. Въ опытахъ Мартена и Черри наоборотъ, кролики, инъекція которымъ была сдѣлана и нагрѣтою и ненагрѣтою жидкостью безъ различія, всѣ остались невредимы. Единственнымъ заключеніемъ, къ которому можно придти изъ разсмотрѣнія приведенныхъ фактовъ, является то, что въ теченіе того времени, которое прошло отъ смѣшенія яда съ противоядной сывороткой и до инъекціи смѣси, сыворотка подѣйствовала на ядъ и въ значительной степени разрушила его.

Эти результаты, вполнѣ совпадающіе съ опытами надъ токсиномъ и антитоксиномъ дифтерита, совершенно противорѣчатъ тѣмъ, которые были получены Кальметтомъ. Авторы изслѣдованій не допускаютъ, чтобы это было слѣдствіемъ неправильной постановки опытовъ и приписываютъ противорѣчіе разницѣ въ условіяхъ производства опытовъ. Кальметтъ совершенно игнорировалъ возможное вліяніе времени, температуры и относительныхъ пропорцій дѣйствующихъ массъ токсина и антитоксина. Мартенъ и Черри изучили вліяніе этихъ факторовъ и констатировали, что оно имѣетъ чрезвычайно важное значеніе; если пренебречь въ большей или меньшей степени однимъ изъ этихъ факторовъ, можно получить діаметрально противоположные результаты.

Токсинъ и антитоксинъ изслѣдованнаго яда оба имѣютъ значительной величины молекулы, которыя и въ томъ и въ другомъ случаѣ являются очень сложными. Можно заранѣе предвидѣть, что коэффиціентъ скорости реакціи между этими сложными молекулами будетъ значительный и въ то же время, принимая въ соображеніе величину молекулъ, что растворъ будетъ содержать относительно небольшое ихъ количество; слѣдовательно, всякое химическое взаимодѣйствіе между ними потребуетъ опредѣленнаго времени. Значеніе фактора «время» и вліяніе пропорціи дѣйствующихъ массъ, наглядно изображено на прилагаемой таблицѣ.

Читая таблицу въ горизонтальномъ направленіи, мы видимъ вліяніе на результатъ опыта времени, въ теченіе котораго токсинъ и антитоксинъ дѣйствовали другъ на друга, при чемъ взаимная пропорція ихъ постоянна. Читая въ вертикальномъ направленіи, мы видимъ вліяніе измѣненія массъ токсина и антитоксина при одномъ и томъ же времени реакціи.

Вліяніе факторовъ, времени и массы на антагонизмъ токсиновъ и антитоксиновъ.

Пропорція токсина и антитоксина на 1 килогр. животн.		Контрольное животное, получавшее только одинъ ядъ.	Время, въ теченіе котораго антитоксинъ дѣйствовалъ на токсинъ при температурѣ 20—23° Ц.					
Антитоксинъ.	Токсинъ.		2 мин.	5 мин.	10 мин.	15 мин.	30 мин.	1 часъ.
1 куб. сен.	2 смер. дозы.	Смерть черезъ 15 час.	Ост. живо очень болѣло въ теченіе 2 дней.	Ост. живо болѣло 1 день.	Ост. живо безъ болѣзн. симпт.	Ост. живо безъ болѣзн. симпт.	Ост. живо безъ болѣзн. симпт.	Ост. живо безъ болѣзн. симпт.
1 к. с.	3 смер. дозы.	Смерть черезъ 12 час.	Смерть чер. 20 ч.	Смерть чер. 28 ч.	Ост. живо болѣло въ теченіе 2 дней.	Ост. живо болѣло 1 день.	Тоже.	Тоже.
1 к. с.	4 смер. дозы.	Смерть черезъ 9 час.	Смерть чер. 13 ч.	Смерть чер. 15 ч.	Смерть чер. 23 ч.	Ост. живо сильно болѣло въ теченіе 2 дней.	Тоже.	Тоже.

Изслѣдователи не опредѣлили еще третьяго фактора—«температуры», но достигнутые результаты кажутся имъ уже достаточно убѣдительными, чтобы придти къ заключенію, что антагонизмъ токсиновъ дифтерита и яда змѣи съ ихъ соотвѣтствующими антитоксинами основанъ на прямомъ химическомъ воздѣйствіи. Противоположные выводы Кальметта и другихъ ученыхъ явились слѣдствіемъ того, что они не приняли въ расчетъ вліянія времени, необходимаго для того, чтобы произошла химическая реакція. (Revue générale des sciences № 9, 1899).

Зоологія. 1) *Защитительный аппаратъ жука бомбардира.* Обыкновенный жукъ-бомбардиръ (Brachynus crepitans L.) снабженъ, какъ извѣстно, особаго устройства защитительнымъ аппаратомъ, которому онъ и обязанъ своимъ названіемъ. Fr. Dierckx занялся изслѣдованіемъ устройства этого аппарата и сообщаетъ результаты своихъ наблюденій въ «Comptes rendus de l'Acad. des Sciences» 1899, I, S. 622.

Аппаратъ представляетъ изъ себя двойной железистый органъ, расположенный по обѣимъ сторонамъ прямой кишки. Онъ состоитъ изъ части, выдѣляющей

особый секретъ, собирающаго канала и резервуара. Каждая лопасть железы, имѣющей форму виноградной кисти, снабжена каналомъ, вокругъ котораго расположены активныя клѣтки, заключающія въ себѣ, кромѣ ядра, еще грушевидный пузырекъ, пронизанный тонкою сѣтью мелкихъ канальцевъ. Собирающій каналъ имѣетъ въ длину отъ 25 до 30 миллиметровъ; онъ состоитъ изъ двухъ трубокъ, внутренность которыхъ держится открытою посредствомъ ряда кутикулярныхъ, гіалиновыхъ пластинокъ; стѣнка ихъ состоитъ всего лишь изъ одного слоя клѣтокъ. Резервуаръ имѣетъ форму сумки, въ глубинѣ которой открывается собирающій каналъ. Послѣдній оканчивается двумя отверстіями, стѣнки которыхъ снабжены особыми гребешкообразными хитиновыми образованіями на концѣ брюшка, нѣсколько впереди заднепроходного отверстія.

Выдѣляемая жидкость безцвѣтна, прозрачна и обладаетъ слабымъ, но въ то же время характернымъ запахомъ. Самое замѣчательное свойство ея—чрезвычайно большая ея летучесть: она кипитъ уже при температурѣ +9°. Если животное побезпокоить, оно поднимаетъ вверхъ заднюю часть своего тѣла, жидкое содержимое резервуара согрѣвается подъ вліяніемъ давленія и выбрасывается наружу. Несмотря на то, что содержимое резервуара, выдѣляемое железами, совершенно прозрачно, выстрѣлъ бамбардира оставляетъ твердый, желтоватый остатокъ, который подъ микроскопомъ оказывается ничѣмъ инымъ, какъ содержимымъ прямой кишки. Въ то время какъ жукъ приподнимаетъ заднюю часть своего тѣла, запирающіе задній проходъ мышцы ослабляются, прямая кишка опорожняется и выброшенные наружу экскременты уносятся съ достаточной силой потокомъ секрета, который на воздухѣ тотчасъ превращается въ газъ.

2) *Память у рыбъ.* Очевидно, что мы не можемъ представить себѣ даже самой элементарной психологіи, свойственной такимъ животнымъ, какъ рыбы, чтобы въ ней вовсе отсутствовалъ такой элементъ, какъ память и, слѣдовательно, здѣсь мы не будемъ задаваться вопросами: существуетъ ли вообще память у рыбъ?

Мы желаемъ лишь остановить вниманіе читателей на интересномъ фактѣ, наблюдавшемся R. Semon'омъ надъ Echineis remora, который, кромѣ прекрасной памяти, обнаруживаетъ у этихъ рыбъ достаточную способность наблюденія. Рыба эта снабжена на верхней части головы нѣкотораго рода присоской, которая служитъ ей для того, чтобы прикрѣпляться къ подводной части кораблей, брюшной части щита черепахи или же къ брюху болѣе крупныхъ рыбъ, какъ напр., акула, съ цѣлью перемѣны мѣста безъ усталости. Однажды, во время путешествія въ Торресовъ проливъ въ Австраліи, Semon бросилъ въ воду остатки отъ вареная краба. Каждый отдѣльный кусочекъ былъ тотчасъ подхватываемъ рыбкою, величиною сентиметровъ въ 25, которая появлялась изъ подъ судна и, схвативши добычу, отправлялась туда же обратно. Semon узналъ въ рыбѣ Echineis и захотѣлъ добыть себѣ экземпляръ этой породы. Онъ бросилъ кусочекъ краба съ крючкомъ на лесѣ и тотчасъ вытащилъ рыбу. Вновь была заброшена удочка, но, несмотря на всѣ одинаковыя условія, ни одна рыба не тронула приманки; мало того, ни одна рыба не тронула другихъ кусочковъ краба, брошенныхъ одновременно въ воду. Въ теченіе всего дня ни одна рыба не соблазнилась вкусной приманкой, которою ее привлекали; онѣ замѣтили, навѣрное, исчезновеніе одной изъ своихъ и остерегались, оставаясь подъ судномъ, не поддаваясь искушенію. То же наблюденіе было повторено нѣсколько разъ. Въ другомъ мѣстѣ и при другихъ обстоятельствахъ Semon'у удавалось легко поймать одинъ экземпляръ и никогда онъ не могъ поймать двухъ изъ одной и той же стаи въ одинъ и тотъ же день. Эти рыбы, очевидно, обладаютъ даромъ наблюденія и памятью лучшею, чѣмъ многія другія рыбы, такъ какъ каждому извѣстно, что въ одномъ и томъ же мѣстѣ рыбо-

ловъ нерѣдко поймаетъ большое количество индивидуумовъ, принадлежащихъ къ одному и тому же виду и къ одной и той же стаѣ, которые навѣрное видятъ таинственное исчезновеніе своихъ собратьевъ.

Что касается привычки Echineis прикрѣпляться къ подводной части судовъ и брюшной сторонѣ другихъ животныхъ, то Semon объясняетъ ее тѣмъ, что рыбы эти питаются обыкновенно экскрементами животныхъ и отбросами отъ пищи, которые попадаютъ съ судовъ въ море (Revue Scientifique № 17. 1899).

Медицина.—*Болѣзнь и раса.* Въ послѣднемъ номерѣ «Британскаго Медицинскаго Журнала» Т. Уачъ напечаталъ интересную работу объ относительномъ распространеніи по расамъ болѣзни глазъ—трахомы. Болѣзнь эта, какъ извѣстно, представляетъ особенности распространенія, которыя сначала приписывались климату и другимъ условіямъ, словомъ, географіи въ широкомъ смыслѣ этого слова. Но оказалось, что факты противорѣчатъ такому воззрѣнію и съ все большею очевидностью выясняется, что въ распространеніи этой болѣзни играетъ главную роль не географія, а раса.

Есть расы, вовсе не подверженныя заболѣванію трахомой. Такъ, напр., туземныя племена Канады, въ томъ числѣ и эскимосы, вовсе не даютъ случаевъ заболѣванія трахомой и это заключеніе основывается на многочисленныхъ наблюденіяхъ, систематически поставленныхъ для рѣшенія этого вопроса. Такая невоспріимчивость тѣмъ болѣе удивительна, что условія, въ которыхъ живутъ вышеупомянутыя племена крайне печальны и, какъ нельзя болѣе, благопріятны для зараженія и распространенія трахомы. Жилища очень малы и грязны, пища неудовлетворительна и по количеству, и по качеству; эпидемическія и заразныя болѣзни нерѣдки: сифилисъ, туберкулезъ и т. п. Особенно поразительна невоспріимчивость племенъ, живущихъ въ низменныхъ, болотистыхъ странахъ, гдѣ болѣзни, въ томъ числѣ и глазныя, изобилуютъ и въ то же время ни разу не было найдено ни одного случая заболѣванія трахомой. Если мы обратимся, далѣе, къ другимъ мѣстностямъ, гдѣ, на ряду съ туземнымъ населеніемъ, живутъ также русскіе меноните и притомъ въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ, то мы найдемъ слѣдующее: у менонитовъ трахома—явленіе достаточно частое, у туземцевъ же оно вовсе неизвѣстно. Упомянемъ также, что такою же абсолютною невоспріимчивостью къ трахомѣ отличаются индійцы Канады; индійцы Соединенныхъ Штатовъ, различные по расѣ, не пользуются этой привиллегіей.

Относительная невоспріимчивость наблюдается у негровъ чистой крови въ Сенегамбіи, Гвинеѣ и прилегающихъ къ Западной Африкѣ частей. Трахома рѣже поражаетъ ихъ, чѣмъ бѣлыхъ, въ Соединенныхъ же Штатахъ ихъ невоспріимчивость почти абсолютна. Фактъ этотъ былъ нѣсколько разъ констатированъ, напр., въ 1896 г., когда сравнивали санитарное состояніе чернокожихъ и бѣлыхъ, которые работали вмѣстѣ при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Тенесси. Бѣлые, по большей части ирландцы, дали много случаевъ заболѣванія трахомой, тогда какъ среди негровъ не было ни одного больного. Условія же существованія были одни и тѣ же для негровъ и для бѣлыхъ, окружающая среда также одинаковая и, если одна изъ расъ была менѣе благопріятно обставлена въ гигіеническомъ отношеніи, то это скорѣе черная раса. Случается, однако, что случай трахомы наблюдается на чернокожихъ, но замѣчательно, что это почти всегда индивидуумы съ смѣшанной кровью—мулаты. Въ Нашвиллѣ, гдѣ двѣ трети населенія—чернокожіе, никогда не наблюдалось случаевъ трахомы у негровъ; напротивъ, оно очень обыкновенное явленіе у бѣлыхъ. Въ Луизвиллѣ одинъ врачъ-офтальмологъ насчитываетъ отъ 800 до 1.200 случаевъ заболѣванія глазными болѣзнями среди негровъ, но никогда ему не приходится встрѣтить трахомы: послѣдняя наблюдается только у бѣлыхъ. Въ общемъ у настоящаго негра трахома чрезвычайно рѣдкое явленіе.

Интересныя наблюденія были сдѣланы также на Кубѣ. На этомъ островѣ живутъ три различныя расы: негры, бѣлые и китайцы. Вотъ пропорція, въ которой наблюдается трахома у каждой изъ этихъ расъ:

Населеніе.	Раса.	Случаи трахомы.	% населенія.
460.000	Черная	78	0,016
1.100.000	Бѣлая	742	0,067
30.000	Желтая	33	0,111

На одного зараженнаго негра приходится четверо бѣлыхъ и семеро китайцевъ. Отсюда ясно выступаетъ относительная невоспріимчивость негра и значительное расположеніе къ заболѣванію китайца.

Наконецъ, если мы возьмемъ только одну бѣлую расу, то навѣрное есть разница въ расположеніи къ заболѣванію у разныхъ національностей. Евреи, Поляки, Итальянцы и Ирландцы болѣе другихъ подвержены этой болѣзни и, конечно, бѣднѣйшіе классы страдаютъ отъ нея всего болѣе. Египетъ, Персія и Индія изобиловали трахомой и, безъ сомнѣнія, дурныя гигіеническія условія играли здѣсь видную роль, какъ и нѣкоторые метеорологическіе факторы. По Вань-Миллингену вотъ пропорція заболѣванія трахомой сравнительно съ другими глазными болѣзнями:

Въ Англіи	0,07	Въ Голландіи .	7,05	Въ Греціи . . .	25,00
» Шотландіи . .	0,70	» Испаніи .	11,09	» Италіи . . .	25,00
» Ирландіи . . .	3,00	» Венгріи .	12,00	» Португаліи .	25,00
» Соедин.-Штаты	3,00	» Турціи .	18,00	» Центр. Азіи	45,00
» Франціи	4,00	» Болгаріи.	20,00	» Африкѣ. . .	50,00
» Бельгіи	4,00	» Россіи . .	25,00	» Румыніи . .	52,00

Однако самою воспріимчивою къ заболѣванію трахомой расою является желтая раса; китайцы и японцы, какъ ни одна другая нація, подвержены этой болѣзни. Въ Южномъ Китаѣ, по Гейшбергу, трахома составляетъ 78% глазныхъ болѣзней. Другой изслѣдователь даетъ для Токіо 75%. Та же пропорція наблюдается въ китайскихъ кварталахъ американскихъ городовъ.

Не нужно однако забывать и климатологическихъ условій, которыя также оказываютъ свое вліяніе. Извѣстно, что горныя станціи неблагопріятны для развитія болѣзни: она—рѣдкое явленіе въ Швейцаріи и случаи трахомы здѣсь быстро залѣчиваются. Съ другой стороны, въ Персіи, въ горахъ между Ширасомъ и Испаганомъ, трахома очень частое явленіе, несмотря на возвышенную мѣстность; извѣстны и другія исключенія въ томъ же родѣ. Они объясняются, повидимому, просто тѣмъ, что, если возвышенность оказываетъ благопріятное вліяніе, то это зависитъ отъ отсутствія пыли: тамъ, гдѣ пыль, жара и засуха царствуютъ, несмотря на возвышенное положеніе, является и трахома. Главными факторами, предрасполагающими къ заболѣванію трахомой, кромѣ расы, являются: пыль, жара, слишкомъ сильный свѣтъ, сухость воздуха и скверныя гигіеническія условія. (Revue scientifique № 21. 1899).

Микробіологія. 1) *Дѣйствіе дождя на количество бактерій въ питьевой водѣ.* Crooks и Dewar, производя бактеріологическія изслѣдованія воды для питья въ г. Лондонѣ въ теченіе многихъ дней подрядъ, сдѣлали интересное наблюденіе, что дождь оказываетъ громадное вліяніе на количество бактерій въ нефильтрованной водѣ Темзы. Такъ, 1, 2 и 3 февраля были безъ дождя и среднее количество бактерій въ водѣ, взятой въ Гэмптонѣ, равнялось 6510 на куб. сентим. до 4 февраля. Съ этого дня и до 10 числа дождь шелъ каждый день и для всего этого періода среднее количество бактерій повысилось до 38,354 на куб. сент. Когда дождь пересталъ выпадать послѣ 15 февраля, количество бактерій вновь уменьшилось до цифры 14.914.

Такое увеличеніе количества бактерій въ зависимости отъ выпаденія дождя должно быть приписано не только тому, что дождь смываетъ поверхностный слой почвы, но въ особенности тому обстоятельству, что дождь увлекаетъ съ

собою бактеріи, находящіяся въ атмосферѣ. Нужно добавить, что всѣ найденныя бактеріи оказались безвредными.

2) *Микробы цвѣтовъ.* Domingos Freire представилъ недавно Парижской Академіи Наукъ замѣтку подъ заглавіемъ «Микробы цвѣтовъ», въ которой онъ описываетъ опыты, доказывающіе, что цвѣты могутъ служить убѣжищемъ для множества зародышей микробовъ-сапрофитовъ и патогенныхъ микробовъ и что послѣдніе могутъ служить источникомъ заразы и, слѣдовательно, опасности.

Присутствіе въ цвѣтахъ патогенныхъ микробовъ является новымъ фактомъ, могущимъ освѣтить нѣкоторые вопросы растительной и животной патологіи. Цвѣты могутъ, такимъ образомъ, накопить въ себѣ множество зародышей, которые впослѣдствіи способны закончить циклъ своего развитія въ болѣе удобной, животной или растительной средѣ. Далѣе, между окраскою цвѣтовъ и пигментомъ микробовъ, которые на нихъ имѣютъ свое убѣжище, можетъ существовать какая нибудь скрытая для насъ связь. Такъ напримѣръ, слабо-розовая окраска одной розы похожа на окраску культуръ на пластинкѣ бактеріи Leptothrix ochracea, прежде чѣмъ она не перейдетъ въ кирпично-красный цвѣтъ. Тоже самое яично-желтая окраска колоній Micrococcus cruciformis того же самаго тона, какъ красящее вещество, покрывающее пыльники Hibiscus rosa sinensis. Многіе виды бактерій распространяютъ даже, повидимому, запахъ аналогичный съ тѣмъ, какой даютъ эссенціи цвѣтовъ, на которыхъ они живутъ. Авторъ называетъ ихъ *осмогенными.*

Демографія и соціологія. *Количество рожденій въ европейскихъ странахъ.* Въ наличности печальнаго факта относительнаго уменьшенія французской націи, ведущаго за недостаточнымъ количествомъ рожденій къ вырожденію Франціи, французскіе демографы убѣдились на цѣломъ рядѣ точныхъ статистическихъ изслѣдованій. На ряду съ этимъ было бы весьма интересно посмотрѣть не представляетъ ли рождаемость и въ другихъ странахъ нѣкоторой тенденціи къ уменьшенію, пока еще замаскированному общей высокой цифрой рожденій. «Semaine medicale» даетъ нѣсколько точныхъ указаній на этотъ счетъ.

Итальянскій статистикъ Бодіо издалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ статистическія таблицы, изображающія количество рожденій большинства европейскихъ странъ; таблицы эти послужили основаніемъ для различныхъ трудовъ о движеніи европейскаго населенія. Вотъ порядокъ, въ которомъ располагаются европейскія страны по убывающей цифрѣ средней рождаемости въ нихъ:

1) Европейская Россія.	8) Испанія.	15) Норвегія.
2) Венгрія.	9) Финляндія.	16) Бельгія.
3) Сербія.	10) Португалія.	17) Швеція.
4) Румынія.	11) Голландія.	18) Швейцарія.
5) Австрія.	12) Англія.	19) Греція.
6) Германск. имперія.	13) Шотландія.	20) Франція.
7) Италія.	14) Данія.	21) Ирландія.

Если мы обратимся къ соотвѣтствующимъ для каждой страны цифрамъ, то мы найдемъ, что количество рожденій имѣетъ большую или меньшую тенденцію къ уменьшенію во всѣхъ почти странахъ, за исключеніемъ пяти. Анализируя цифры, данныя Бодіо, Вотье находитъ слѣдующія цифры для выраженія этой тенденціи къ уменьшенію количества рожденій. Англія является страною, гдѣ эта тенденція наиболѣе рѣзко выражена (годичный коэффиціентъ равенъ 0,306 на 1000). Для Шотландіи, гдѣ средняя рождаемость приблизительно одинакова, коэффиціентъ этотъ равенъ уже 0,267 на 1000, въ Ирландіи же, гдѣ средняя рождаемость значительно слабѣе, эта тенденція выражена слабѣе (0,233 на 1000). Сейчасъ за Англіей и Шотландіей и передъ Ирландіей помѣщаются Голландія и Германская имперія—обѣ съ коэффиціентами уменьшенія 0,244 на 1000, затѣмъ идетъ Бельгія (коэф. 0,239 на 1000). Затѣмъ черезъ Грецію (коэф.

*

0,209 на 1000) мы доходимъ до Франціи, рождаемость которой падаетъ ежегодно въ среднемъ на 0,179 на 1000. За Франціей слѣдуютъ Россія (коэф. 0,158 на 1000); Швеція—0,147 на 1000 (Норвегія обнаруживаетъ повышеніе, а не паденіе); Швейцарія—0,128 на 1000; наконецъ, въ самомъ низу лѣстницы, съ коэффиціентомъ уменьшенія менѣе 0,1 на 1000, находимъ: Данію—0,078; Австрію—0,076; Румынію—0,033 и, на самомъ концѣ, Венгрія, гдѣ оно выражается лишь въ 0,024 на 1000.

Что касается странъ, гдѣ замѣчается тенденція въ обратную сторону т. е. гдѣ рождаемость повышается, а не понижается, то мы находимъ въ этой серіи, за исключеніемъ Португаліи (коэф. 0,475 на 1000), которую нужно оставить въ сторонѣ, такъ какъ для нея имѣются свѣдѣнія лишь за послѣднее пятилѣтіе, Италію—(коэф. 0,083 на 1000), Испанію (0,040) и, наконецъ, Сербію (0,017) и Норвегію (0,012). Послѣднія двѣ, слѣдовательно, очень близки къ горизонтальной линіи.

Геологія. *Недавнія вулканическія явленія на Исландіи.* Островъ Исландія является областью, гдѣ вулканическія явленія проявляются очень часто, гдѣ сильныя землетрясенія обычны и, слѣдовательно, территорія эта могла бы служить прекраснымъ мѣстомъ для изученія подобнаго рода явленій. Къ сожалѣнію, страна эта, какъ извѣстно, очень бѣдна и не можетъ не только обзавестись хорошими сейсмографами, но не имѣетъ даже хронометровъ; безъ наблюденія точнаго времени невозможно освѣтить многихъ интересныхъ вопросовъ, какъ напр., изучить скорость распространенія сейсмическихъ волнъ.

Тороддсенъ изучилъ недавно послѣдствія недавняго землетрясенія, происшедшаго въ Южной Исландіи осенью 1896 года. Съ 26 августа по 10 сентября цѣлый рядъ сильныхъ толчковъ потрясъ низменную область острова, расположенную между южнымъ берегомъ и южной подошвой Гохланда. По наблюденіямъ этаго ученаго субстратомъ этой области служатъ почти вездѣ туфы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ участковъ, гдѣ находятся базальты. Поверхностные слои состоятъ изъ толстыхъ покрововъ четвертичныхъ отложеній, аллювія и новыхъ лавъ.

Въ каждой отдѣльной области землетрясенія, оно обнаружилось вертикальнымъ толчкомъ, сопровождавшимся волнообразными движеніями. Отъ центра сотрясенія волны распространялись по всѣмъ направленіямъ; сначала это были волны высокія и короткія, далѣе широкія и низкія, по мѣрѣ удаленія отъ центра. Волны эти сотрясали почву такъ сильно, что люди не могли держаться на ногахъ. Изслѣдованіе Тороддсена еще лишній разъ съ очевидностью обнаруживаетъ вліяніе, которое оказываетъ геологическая природа почвы на распространеніе волнъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ явленіе сотрясенія обнаружилось съ максимумомъ интенсивности, волны были задержаны массивами плотныхъ породъ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ ихъ распространеніе было задержано купой базальта, расположенной посреди зоны туфовъ и наносныхъ породъ. Толчокъ объ эту естественную преграду, направлявшійся съ сѣвера, былъ ужасенъ: дома, построенные на соотвѣтствующемъ склонѣ холма, были сразу разрушены; въ то же время дома, расположенные на южномъ склонѣ остались невредимыми. Обратный ударъ вслѣдствіе задержки движенія волны былъ настолько силенъ, что рабочіе, находившіеся на верху стога сѣна, были сброшены на много метровъ по направленію къ сѣверу и желѣзная печка, одного разрушеннаго дома, вышиною въ 5 метровъ, была брошена впередъ на 25 метровъ по направленію сейсмической волны. Землетрясеніе это вызвало значительныя измѣненія въ формахъ поверхности и сильно сказалось на источникахъ. Громадныя кучи камней оторвались отъ горъ. Въ одномъ мѣстѣ толстый слой гумуса, покрывавшій южный склонъ горы былъ сорванъ и снесенъ внизъ громадными глыбами; массивъ горы былъ смѣщенъ и получилъ трещины. Въ Ландѣ и Скейдѣ почва дала трещины длиною болѣе 20 километровъ и шириною отъ

1.80 метра до 3 м. Въ другомъ мѣстѣ въ тотъ моментъ, когда сотрясеніе доходило до высшаго напряженія, внезапно образовался источникъ, воды котораго наполнили бассейнъ длиною въ 15 метровъ и шириною въ 7 м.; въ тоже самое время было выброшено много паровъ воды и песку, что образовало столбъ вышиною въ 250 метровъ. Въ іюлѣ 1897 г., когда Тороддсенъ посѣтилъ эту мѣстность, температура воды бассейна была +74° Ц. Со времени этого землетрясенія горячій ключъ въ Рейкголтѣ началъ періодически дѣйствовать, выбрасывая воду черезъ каждыя четыре минуты на высоту 10 метровъ. Землетрясеніе оказало свое вліяніе и на группу гейзеровъ. Большой гейзеръ, который съ давняго времени выбрасывалъ столбы воды только съ большими промежутками, теперь выбрасываетъ ежедневно болѣе высокій столбъ, чѣмъ прежде. Напротивъ, Стоккръ, источникъ, служившій для забавы туристовъ, такъ какъ можно было вызвать его изверженіе, бросая въ его каналъ камни, источникъ, образовавшійся послѣ изверженія 1789 г., не дѣйствуетъ болѣе послѣ сотрясеній, испытанныхъ имъ въ 1896 году; каналъ его покрытъ водою, температура которой доходитъ до 70° Ц. Блези, оставшійся недѣйствующимъ съ 1789 г., обнаруживаетъ явные признаки жизни, и въ его сосѣдствѣ вновь образовавшаяся трещина выбрасываетъ фонтаны воды, рядомъ же открылся бассейнъ длиною до 14 метровъ и шириною около 5 м., наполненный водою съ температурою +95° Ц.

Въ теченіе зимы 97—98 гг. Тороддсенъ роздалъ туземцамъ вопросные листки въ районѣ мѣстностей пострадавшихъ отъ землетрясенія, составленные по образцу циркуляровъ швейцарской комиссіи для изученія землетрясеній и надѣется этимъ путемъ собрать много интересныхъ эпизодическихъ свѣдѣній. При помощи этихъ документовъ, которые должны будутъ иллюстрировать его собственныя наблюденія. Тороддсенъ составитъ обстоятельный отчетъ о грандіозныхъ сейсмическихъ явленіяхъ, который явится драгоцѣннымъ матеріаломъ для изученія землетрясеній.—(«Revue scientifique»). Н. М.

Астрономическія извѣстія. *Экспедиція для наблюденія Леонидъ въ 1899 году.* Хотя падающія звѣзды давно уже перенесены изъ области метеорологіи въ область астрономическихъ явленій, тѣмъ не менѣе астрономы начали интересоваться ихъ наблюденіями сравнительно недавно. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ эти наблюденія привлекали вниманіе очень немногихъ изслѣдователей и часто бывали случайными. Открытіе Скіапарелли связи падающихъ звѣздъ съ кометами, труды Ньютона, Адамса Вейсса, новая теорія происхожденія метеоровъ отъ кометъ, созданная Ѳ. А. Бредихинымъ, совершенно измѣнили положеніе дѣла. Теперь многія обсерваторіи организуютъ систематическія наблюденія падающихъ звѣздъ, *готовятся* къ наблюденіямъ болѣе замѣчательныхъ потоковъ, привлекая къ участію часто весь составъ наблюдателей и пропагандируя важность наблюденій въ публикѣ, снаряжаются своего рода и экспедиціи. Такъ въ прошломъ 1898 г. на обсерваторіи въ Медонѣ (близъ Парижа), по случаю облачнаго неба (2-го ноября стар. стиля), рѣшили для наблюденія ожидавшагося богатаго звѣзднаго дождя подняться на воздушномъ шарѣ (между прочимъ поднимался русскій астрономъ г. Ганскій, работавшій въ то время на медонской обсерваторіи). Проф. Вейссъ, директоръ университетской обсерваторіи въ Вѣнѣ, организуетъ для наблюденія Леонидъ спеціальное восхожденіе на вершину Земмерингъ (пунктъ, съ котораго производились наблюденія, на высотѣ 1520 метровъ, гораздо выше тумана наполнявшаго долины). По ходу своихъ наблюденій Вейссъ пришелъ къ заключенію, что главную толщу потока земля прошла днемъ 3-го числа и что слѣдовательно явленіе могло быть особенно эффектно въ далекихъ восточныхъ странахъ, гдѣ въ этотъ моментъ была ночь. Такъ какъ потокъ Леонидъ ожидается въ нынѣшнемъ году, то проф. Вейссъ рѣшилъ отправиться для ихъ наблюденія въ Индію. Вѣроятно, экспедиція встрѣтитъ тамъ и лучшія атмо-

сферныя условія, чѣмъ можно надѣяться имѣть въ Европѣ въ виду осенняго времени.

Фотографическая карта неба. Въ 1887 году на международномъ астрономическомъ конгрессѣ въ Парижѣ рѣшено было составить фотографическимъ путемъ каталогъ всѣхъ звѣздъ на небѣ до 11-й величины (числомъ до 3-хъ милліоновъ). Эту громадную работу, которая должна имѣть чрезвычайно важное значеніе какъ въ отношеніи изслѣдованія движеній кометъ и планетъ, движенія самихъ звѣздъ, открытія новыхъ небесныхъ тѣлъ и пр., подѣлили между собой нѣсколько обсерваторій. И вотъ теперь появился первый томъ съ результатами этой работы. Знаменитая астрофизическая обсерваторія въ Потсдамѣ только что разослала каталогъ прямоугольныхъ координатъ и приближенныхъ положеній для 1900 года 20627 звѣздъ изъ зоны отъ 31° до 40° сѣвернаго склоненія. Это большой томъ въ 473 страницы *in quarto*, содержащій измѣренія 923 пластинокъ. Обработка произведена подъ руководствомъ проф. Шейнера, которымъ сдѣлано было много спеціальныхъ изслѣдованій какъ инструмента, такъ и методовъ наблюденій. Чтобы дать нѣкоторое представленіе о величинѣ труда въ задуманномъ предпріятіи, приведу имена лицъ, принимавшихъ участіе при составленіи тома, выпущеннаго теперь потсдамской обсерваторіей, съ указаніемъ, что приходилось дѣлать каждому.

Фотографировалъ - д-ръ Швассманъ.

Измѣренія и вычисленія произведены Швассманомъ и миссъ Эвересттъ.

Контрольныя вычисленія—учителями Тиле и Тодтъ.

Ревизія измѣреній и вычисленій—Шейнеромъ.

Составленіе каталога—д-мъ Клеменсомъ.

Ревизія—Шейнеромъ.

Сравненіе съ росписью звѣздъ «Bonner Durchmusterung...» — Шейнеромъ и Клеменсомъ

И кромѣ того часть вычисленій, потребовавшихся для введенія и составленія вспомогательныхъ таблицъ, сдѣлано д-мъ Гартманомъ.

Девятый спутникъ Сатурна. 18-го марта (н. ст.). Центральный пунктъ всѣхъ астрономическихъ извѣстій—редакція журнала «*Astronomische Nachrichten*» получила телеграмму взволновавшую весь астрономическій міръ. Телеграмма шла отъ директора знаменитой обсерваторіи Гарвардскаго колледжа въ амер. Кэмбриджѣ Эдуарда Пикеринга и гласила: «Вильямъ Пикерингъ открылъ спутника Сатурна. 4 фотографіи. Переходъ оцѣнивается въ 17 мѣсяцевъ. Величина 15-я». Въ этомъ извѣстіи были интересны какъ самый фактъ открытія новаго, девятаго спутника Сатурна, такъ и особенности новаго небеснаго тѣла. Въ то время какъ самый дальній изъ прежде извѣстныхъ спутниковъ Сатурна—Япетъ находится отъ планеты на разстояніи 3.852.000 километровъ и для своего обращенія вокругъ Сатурна употребляетъ 12—13 дней, новый спутникъ оказался удаленнымъ болѣе чѣмъ на 12.000.000 кил., какъ требуетъ этого время обращенія,—въ 17 мѣсяцевъ. И въ то же время, насколько можно было дѣлать расчеты по яркости, это очень маленькое тѣло отъ 150 до 300 километровъ въ діаметрѣ. Вотъ новый примѣръ того громаднаго значенія, какое имѣетъ фотографія въ примѣненіи къ астрономіи. Позднѣйшій циркуляръ Эд. Пикеринга въ дополненіе къ телеграммѣ сообщалъ, что снимки, по которымъ было сдѣлано открытіе, получены съ 24-дюймовой двойной короткофокусной фотографической трубки, сооруженной на средства извѣстной меценатки г-жи Брюсъ и поставленной въ отдѣленіи обсерваторіи Гарвардскаго колледжа въ Аресипѣ (въ Перу), и что они помѣчены еще датами 16, 17 и 18 августа 1898 года. По смѣщеніямъ новаго свѣтила отъ 16 до 17 и отъ 17 до 18 числа можно заключить, что орбита его—вытянутый эллипсъ, мало наклоненный къ плоскости эклиптики. Проф. Вильямъ Пикерингъ, открывшій спутника, назвалъ его Фойбэ—именемъ сестры Сатурна. Нельзя только не пожалѣть,

что изслѣдованіе пластинокъ, поведшее къ открытію, запоздало. Съ августа прошлаго года положеніе спутника много измѣнилось. Для подтвержденія открытія нужны новыя спеціальныя поиски. Послышались и голоса сомнѣнія въ томъ, что наблюдавшійся объектъ, со значительнымъ движеніемъ, былъ спутникъ Сатурна. Хотя по характеру движенія въ немъ нельзя заподозрить члена извѣстной группы астероидовъ, но вполнѣ возможно, что малыя планетки есть и между Юпитеромъ и Сатурномъ. Возможно также, что это была очень далекая и вслѣдствіе этого очень слабая комета.

Комета 1899 a (Swift). Уже черезъ нѣсколько дней послѣ открытія Swift'омъ (3-го марта) эта первая въ текущемъ году комета сдѣлалась доступной невооруженному глазу въ южныхъ широтахъ. Когда была вычислена орбита, то оказалось, что комета очень близко подойдетъ къ солнцу 13-го апрѣля, постоянно поднимаясь все выше и выше для нашего полушарія. Это обѣщало интересныя наблюденія. Дѣйствительно, выйдя изъ-за солнца, комета въ первыхъ числахъ мая была видима какъ туманность, общая яркость которой равна была яркости звѣзды 4-й величины. Во всякомъ случаѣ даже на нашемъ сѣверномъ небѣ она была доступна малымъ любительскимъ трубамъ. Среди довольно яркой туманности 10′ въ діаметрѣ, рѣзко выдѣлялось въ видѣ небольшого диска ядро; можно было замѣтить признаки слабаго хвоста, который, по наблюденіямъ, при благопріятныхъ условіяхъ тянулся, въ направленіи къ юго-востоку. Спектръ кометы состоялъ изъ шести полосъ между линіями D. и H. До конца мая комета все поднималась черезъ созвѣздіе Пегаса, Ящерицы и Лебедя, потомъ, продолжая перемѣщаться по направленію суточнаго вращенія небеснаго свода начала спускаться. Яркость ея ослабѣвала и въ концѣ мая она уже только съ трудомъ могла быть наблюдаема въ 9-тидюймовый рефракторъ въ Юрьевѣ (главнымъ образомъ, конечно, благодаря свѣтлому сѣверному небу). Но 4-го іюня вдругъ она увеличилась значительно въ яркости, сдѣлавшись опять доступной трубѣ въ $2^{1}/_{2}$ дюйма. Ея общая яркость была ровна 5-й величинѣ, а яркость ядра достигала приблизительно 8-й. Такой же яркой комета явилась 5-го числа, но 10-го іюня ее уже нельзя было видѣть въ юрьевскій рефракторъ. Фактъ внезапнаго и кратковременнаго увеличенія яркости удаляющейся отъ солнца кометы чрезвычайно загадоченъ и интересенъ. Подобное явленіе наблюдалось въ 1893 году въ періодической кометѣ Holmes'а, которая, кстати, какъ гласитъ телеграфъ, опять появилась на нашемъ небѣ, немного отступя въ своемъ положеніи отъ предвычисленной эфемериды.

Новая перемѣнная типа Альголя. Изучая снимки, полученные на московской обсерваторіи г. Блажко, г-жа Цераская, супруга директора обсерваторіи, нашла, что звѣзда, означаемая въ звѣздной росписи *Banner Durchmusterung* номеромъ 45°, 3062 (вел. 8—6) на пластинкѣ 20 мая 1898 г. слабѣе чѣмъ 18 іюня 1898 г. и др. Блажко началъ слѣдить за звѣздой и пришелъ къ заключенію, что это перемѣнная типа Альголя, но долго не могъ попасть на minimum. Наконецъ, 8-го мая ему удалось наблюдать его въ 1,4 часовъ утра средняго московскаго времени, при чемъ звѣзда была на 2 величины слабѣе обыкновеннаго. 21-го мая, какъ сообщаетъ проф. Цераскій, Блажко опять наблюдалъ отъ 10 час. до 9-ти увеличеніе яркости отъ 9.6 до 8.6 величины, при чемъ minimum, казалось, имѣлъ мѣсто на 7 часовъ раньше. Соединяя это наблюденіе съ наблюденіемъ 7-го мая, выводятъ вѣроятный періодъ перемѣнной въ 4 дня 13 час. 44 мин., при чемъ продолжительность измѣненія свѣта 13 часовъ и паденіе яркости 2.5—3.0 величины. Это уже третья перемѣнная звѣзда, открытая г-жей Цераской

Свѣтящіяся ночныя облака. Совѣтуемъ читателямъ въ іюлѣ слѣдить по ночамъ за сѣвернымъ небосклономъ: быть можетъ кому-нибудь удастся подкараулить интересное загадочное явленіе—серебристыя облака. Эти облака на первый разъ похожи на такъ называемыя *cirrus* (перистыя), но при вни-

мательномъ наблюденіи не трудно сразу подмѣтить ихъ особенности. Cirrus являются свѣтлыми на темномъ фонѣ, но если они попадаютъ въ сумеречный сегментъ, сразу становятся темнѣе окружающаго фона; *свѣтящіяся* же облака, наоборотъ, бываютъ видимы *только* въ сумеречномъ сегментѣ и всегда являются болѣе свѣтлыми, чѣмъ фонъ, а если ихъ коснется граница тѣни, пропадаютъ отъ взоровъ совсѣмъ. Поразительна высота свѣтящихся ночныхъ облаковъ. Она приблизительно постоянна и ровна 82 километрамъ, въ то время какъ высота обыкновенныхъ нашихъ облаковъ не превосходитъ 13 километровъ. Общая форма ихъ тоже постоянна. На широкомъ пространствѣ той части небосклона, надъ которой находится солнце, тянутся ярко бѣлыя, серебристыя *полосы*, соединенныя общимъ матовымъ флеромъ съ голубоватымъ оттѣнкомъ; иногда замѣтно рябоватое строеніе, иногда выдѣляется огромное *перо* съ рѣзкими поперечными отростками, а ниже, подъ облаками, черный сегментъ. Постоянно явленіе и по времени года. Они никогда не наблюдались у насъ раньше 23-го мая и позднѣе 11-го августа нов. ст. Впервые свѣтящіяся облака усмотрѣны проф. Цераскимъ въ Москвѣ числа 12-го іюня 1885 г.; 23 и 24 іюня они обратили на себя вниманіе во многихъ пунктахъ сѣверной Германіи. Повторяясь часто и интенсивно въ концѣ 80-хъ годовъ, свѣтящіяся облака затѣмъ отъ года къ году ослабѣвали и совсѣмъ даже пропали, оставивъ изслѣдователей въ большомъ недоумѣніи объ ихъ происхожденіи, но въ 1897 г. вдругъ появились опять и наблюдались нѣсколько разъ. Въ 1898 г. снова не было констатировано ни одного случая ихъ появленія. Чрезвычайно важно послѣдить, появятся ли они въ нынѣшнемъ году. Интересно даже просто отмѣтить самый фактъ, если онъ будетъ имѣть мѣсто. Еще лучше сфотографировать явленіе. Вслѣдствіе измѣнчивой въ частностяхъ формы облаковъ, нужно выбирать свѣтосильные аппараты. Отпечатки снимковъ съ помѣткой мѣста наблюденія, числа и часа можно направлять по адресу юрьевской обсерваторіи.

Персеиды. Напоминаемъ читателямъ, что 28—29 іюля (стар. стиля)—maximum потока падающихъ звѣздъ, называемыхъ *Персеидами*, которыя интересно наблюдать. Вслѣдствіе изслѣдованій академика Θ. А. Бредихина о разбрасываніи потока подъ дѣйствіемъ возмущающей силы Юпитера важны, наблюденія не только во время самаго maximum'а, а также непрерывно въ теченіе двухъ-трехъ недѣль до него, двухъ-трехъ недѣль послѣ. Наблюденія не въ дни maximum'а тѣмъ болѣе цѣнны, что они утомительны, такъ какъ метеоровъ пролетаетъ мало: 4—5 за нѣсколько часовъ.

Покрытіе η Geminorum. Въ ночь съ 21-го на 22-е іюля во многихъ пунктахъ Россіи будетъ наблюдаться интересное явленіе—покрытіе луной довольно яркой звѣзды η въ созвѣздіи Близнецовъ (яркость $3^1/_2$ велич.). Для Москвы начало явленія произойдетъ въ 12 часовъ 51,6 минуты, конецъ въ 1 часъ 35,9 мин.

Minimum'ы блеска перемѣнной звѣзды Алголя въ іюнѣ падаютъ на слѣдующіе дни:

Іюля	1-го	въ	11	час.	52	мин.	вечера по петербургскому	времени
»	4 го	—	8	»	41	»	» »	» »
»	22-го	—	1	»	34	»	утра »	» »
»	24-го	—	10	»	23	»	вечера	» »

Паденіе яркости звѣзды довольно значительно приблизительно на $1^1/_2$ величины, (т. е. блескъ звѣзды уменьшается почти въ 4 раза) и продолжается $4^1/_2$ часа, впродолженіе $4^1/_2$ же часовъ блескъ постепенно возрастаетъ вновь.

К. Покровскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Іюль. 1899 г.

Содержаніе: *Русскія и переводныя книги*: Беллетристика.—Критика и исторія литературы.—Публицистика.—Соціологія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—*Иностранная литература*.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

А. Коринфскій. «Бывальщины».—*Вл. Тихоновъ*. «Пустоцвѣтъ».—Князь *Дм. Голицынъ*. «Въ Петербургѣ». — *Хозе Марія де-Эредіа*. «Сонеты». — *Шелли*. «Освобожденный Прометей».

Аполлонъ Коринфскій. Бывальщины. Картины Поволжья. Спб. 1899 г. Цѣна 2 р. Плодовитостью и многообильемъ творчества г. Аполлонъ Коринфскій далеко превзошелъ остальныхъ современныхъ служителей Аполлона. На пространствѣ десяти лѣтъ его неустанная муза подарила міру рядъ увѣсистыхъ сборниковъ съ самыми заманчивыми заглавіями: тутъ и «Пѣсни сердца», и «Черныя розы», «Тѣни жизни» и «Гимнъ красотѣ», «Вольныя птицы» и «На ранней зорькѣ». Кромѣ этихъ плодовъ самостоятельнаго творчества, мы имѣемъ еще переводы, пересказы, передѣлки, критическіе опыты и біографіи. Въ общей сложности не менѣе десятка томовъ, довольно увѣсистыхъ съ виду, чего для уясненія поэтической физіономіи г. Коринфскаго болѣе чѣмъ достаточно. Къ счастью для будущаго историка литературы, ему не придется тратить много времени на изученіе творчества г. Коринфскаго, потому что по одному-двумъ его стихотвореніямъ онъ составитъ о немъ полное представленіе.

Дѣло въ томъ, что на современномъ русскомъ Парнасѣ нельзя указать болѣе примитивной, до послѣдней степени упрощенной фигурки, болѣе пустой и ничтожной по внутреннему содержанію, чѣмъ г. Коринфскій, который неизмѣнно повторяетъ одно и то же и даже тѣми же словами. Говорить о его идеяхъ или образахъ—лишній трудъ, такъ какъ ни идей, ни образовъ у г. Коринфскаго не полагается, а есть только неисчерпаемый потокъ словъ, въ которомъ тонетъ здравый смыслъ, размѣръ, риѳма, и вмѣсто поэзіи получается самая сѣрая, удручающая скука. Просматривая новый сборникъ «Бывальщины», только удивляешься, какъ могло у автора хватить терпѣнія, чтобы нанизать двадцать почти листовъ скучныхъ, ничего не выражающихъ словъ, которыя постоянно повторяются. Это однообразіе эпитетовъ, затасканныхъ и пошлыхъ, однообразіе риѳмъ и размѣра, однообразіе дрянной ложно-народной поэзіи и шаблоннаго паѳоса—дѣлаютъ чтеніе «Бывальщинъ» невыносимымъ.

Авторъ, при всемъ неограниченномъ самомнѣніи, столь характерномъ для бездарности вообще, а для г. Коринфскаго въ особенности, и самъ чувствуетъ, что въ его «поэзіи» что-то неладно, и совершенно неожиданно для читателя выкидываетъ надъ своими «Бывальщинами» флагъ... графа Алексѣя Толстого! Мы-бъ никогда не повѣрили такой дерзости, если бы не посвященіе—«Памяти графа А. К. Толстого», какъ озаглавлено вступительное стихотвореніе, въ которомъ нашъ бойкій піита примазывается къ имени знаменитаго поэта, тоже согрѣшившаго нѣсколькими недурными пересказами русскихъ былинъ. Мы далеко

не принадлежимъ къ завзятымъ поклонникамъ Алексѣя Толстого. Превосходный лирическій поэтъ, умѣющій передать съ рѣдкимъ совершенствомъ тончайшіе оттѣнки чувствъ, Толстой очень посредственъ въ своихъ большихъ произведеніяхъ, въ которыхъ попадаются прекрасныя отдѣльныя мѣста, но они тонутъ въ массѣ дѣланной, искусственной поэзіи, претендующей на особую глубину мысли, въ сущности весьма неглубокой и по большей части даже близкой къ пошлости. Такова, напр., его огромная поэма «Донъ-Жуанъ», конецъ которой прямо смѣшенъ: кающійся Донъ-Жуанъ—что можетъ быть комичнѣе? Или его пошлые гражданскіе стихи, въ которыхъ Толстой пытается высмѣять нѣкоторыя увлеченія шестидесятыхъ годовъ. Думаемъ, что безъ нихъ слава Толстого, какъ поэта, ничего не потеряла бы.

И вотъ за эту-то чисто отрицательную сторону творчества Толстого хватается г. Коринфскій и осмѣливается выступать, какъ его продолжатель.

Въ годину смутную ошлобленной борьбы
Съумѣлъ онъ овладѣть святынь предвѣчныхъ тайной.
Не поняли тогда пролетныхъ дней рабы,
Что онъ въ ихъ станѣ былъ свободный «гость случайный!»

Возглашаетъ онъ съ пафосомъ и заявляетъ, ни мало не смущаясь:

И вотъ живая пѣснь, какъ солнце надъ землею,
Восходитъ изъ его пророческой мечты;
И таютъ передъ ней весеннею водою
Снѣга надъ вѣчною святыней красоты...

Чья пѣснь—ясно сама собою, о чемъ, впрочемъ, слѣдуетъ поясненіе въ видѣ «Запѣвки», гдѣ нашъ Баянъ поетъ уже вполнѣ открыто про самого себя:

На пиру—всѣмъ честь и мѣсто,—
Только, пѣсня, нѣтъ тебѣ,
Безпокойныхъ думъ невѣста
И сестра мнѣ по себѣ!
Только мы одни съ тобою
Обойденные стоимъ:
Ты кручинишься со мною,
Я горю огнемъ твоимъ...

Но не бѣда, утѣшаетъ онъ свою «сестру по себѣ», пѣсню:

Мы, сестра, съ тобой пойдемъ:
По деревнямъ и по селамъ
Разстилается нашъ путь,—

И заканчиваетъ «удалымъ» напѣвомъ:

Гой вы, гей вы, гусли-мысли!
Гой ты струнъ гусельныхъ строй!
Что вамъ тучи, что нависли
Надъ побѣдной головой?!
Гряньте пѣсню дружнымъ ладомъ,
Какъ пѣвали въ старину!
Русскимъ словомъ, русскимъ складомъ
Подпѣвать я вамъ начну...

Не чувствуетъ ни мало г. Коринфскій, насколько все это именно не народно, насколько его «гей вы, гой вы» ничего общаго не имѣютъ ни съ пѣснью народа, ни съ его душой и мыслью, выражать которыя онъ такъ смѣло беретъ. Напрасно также онъ жалуется, будто на пиру ему нѣтъ мѣста.

Мало того, что онъ не чувствуетъ,—онъ до крайности доволенъ и увлеченъ своей поэзіей, настолько увлеченъ, что то и дѣло подноситъ себя читателямъ

подъ разными соусами, нисколько не мѣняя своего существа. Года два тому назадъ, давая отзывы о «Черныхъ розахъ» г. Коринфскаго, мы отмѣтили одно препотѣшное и прескверное стихотвореніе, какъ образчикъ его творчества, «Русалочья заводь», которое было написано тогда аршиннымъ размѣромъ:

Подъ суглинистымъ обрывомъ, надъ зеленымъ крутояромъ,
День и ночь на пышный берегъ плещутъ волны въ гнѣвѣ яромъ и т. д.

Тогда же мы посмѣялись надъ такой тяжеловѣсной прозой, съ которой могутъ сравниться развѣ силлабическія сатиры Кантеміра, да и то въ нихъ только тринадцать слоговъ, а не шестнадцать. Теперь ту же «Заводь» мы нашли и въ «Бывальщинахъ», но уже каждый стихъ раздѣленъ на два, въ восемь слоговъ, отчего «Заводь» стала вдвое длиннѣе, хотя ни мало не лучше.

Въ тѣхъ же «Бывальщинахъ» мы нашли и еще знакомое произведеніе изъ сборника «Черныя розы» — «Красная весна» и многое другое, что тогда же отмѣтили, какъ образчикъ, казалось, уже умершаго навсегда ложно-народнаго «штиля», нынѣ столь усердно воскрешаемаго г. Коринфскимъ. Вполнѣ понятно, что автору нравятся собственныя произведенія и онъ готовъ ихъ хоть сто разъ перепечатывать, поднося ихъ читателю то какъ «Черныя розы», то какъ «Бывальщины», но надо же имѣть нѣкоторое вниманіе и къ читателю, который за свои деньги станетъ получать все одинъ и тотъ же товаръ. Намъ кажется, что это соображеніе не мѣшаетъ имѣть въ виду и г. Коринфскому. Каковъ бы онъ ни былъ поэтъ, а все-таки подобная licentia чужда всякой поэтичности. Въ «Черныхъ розахъ» его «Бывальщины» составляли часть книжки, стоившей 1 руб., а теперь за тѣ же «Бывальщины» г. Аполлонъ Коринфскій уже требуетъ 2 руб. На какомъ Парнасѣ онъ выучился такимъ гостинодворскимъ пріемамъ?

Вл. А. Тихоновъ. Пустоцвѣтъ (Въ деревнѣ). Романъ. Спб. Изд. А. С. Суворина. 1899. Ц. 1 р. Есть заглавія, удивительно мѣткія не для содержанія книги, а для опредѣленія литературной характеристики автора. Именно «пустоцвѣтомъ» лучше, полнѣе и вѣрнѣе всего можно характеризовать авторство г. Тихонова. Онъ пишетъ давно, пишетъ много и пишетъ въ общемъ недурно, но если спросить у его читателей, что они помнятъ изъ его произведеній, врядъ ли кто изъ нихъ сможетъ дать отвѣтъ. Прочитавъ новое произведеніе г. Тихонова, мы заинтересовались этимъ вопросомъ, отчего трудъ г. Тихонова такъ безплоденъ? Отчего изъ чтенія его многочисленныхъ произведеній, гдѣ есть и романы, и повѣсти, и драмы, какъ-то ничего не выноситъ ничего не сохраняешь въ душѣ, что оставалось бы тамъ, какъ воспоминаніе о г. Тихоновѣ? Забываются его произведенія съ поразительной быстротой, какъ факты, сценки и разговоры обыденной жизни, тихо и мирно текущей изо дня въ день. Попробуйте возстановить въ памяти любой будничный денекъ, вспомнить, что вы дѣлали, о чемъ говорили, кого видѣли хотя бы третьяго дня — и вы увидите, какое напряженіе необходимо сдѣлать, чтобы хотя отчасти припомнить это. Совершенно такое же впечатлѣніе производитъ и творчество г. Тихонова, у котораго фантазія не выходитъ ни на одну іоту за предѣлы обыденности, мысль скользитъ по поверхности жизни, не углубляясь внутрь и не расширяясь въ сторону, безъ полета, безъ вдохновенія, безъ жара любви и горечи негодованія. И вовсе не оттого, что г. Тихоновъ—объективный авторъ, который бы безъ жалости и гнѣва смотрѣлъ на изображаемую имъ жизнь. Скорѣе онъ производитъ впечатлѣніе человѣка, ни мало не заинтересованнаго тѣмъ, что онъ разсказываетъ. Такое отношеніе напоминаетъ профессіональныхъ дѣльцовъ, которые давно уже пріобыкли къ своему дѣлу, перестали имъ интересоваться и исполняютъ свою службу ни хорошо, ни дурно, и идетъ у нихъ дѣло ни шатко, ни валко, ни на сторону. Въ жизни это обыкновенно очень цѣнные люди: пороху они не выдумываютъ, но пользу приносятъ несомнѣнную.

Они же и составляютъ ту рядовую, сѣрую толпу, которыя незамѣтно, но неустанно и неудержимо двигаетъ ношу жизни.

Иное дѣло въ литературѣ, гдѣ безъ живого интереса нѣтъ творчества, и если самого автора не захватываютъ его образы, они останутся чужды и читателю, который еще холоднѣе и безстрастнѣе взглянетъ на нихъ и—забудетъ. Если же нѣтъ и выдающагося таланта въ описаніи, нѣтъ художественности въ изображеніи, то и получается въ полномъ смыслѣ слова «пустоцвѣтъ», какимъ и является въ литературѣ г. Тихоновъ.

Его новый романъ можетъ служить полнымъ подтвержденіемъ нашей характеристики. Гладко и литературно повѣствуетъ г. Тихоновъ о томъ, какъ у богатаго помѣщика собрались на лѣто пожить нѣсколько его друзей и знакомыхъ, какъ они весело, удобно и привольно проводятъ дни у гостепріимнаго хозяина. Незамѣтно, однако, трое изъ нихъ влюбляются въ красивую жену послѣдняго, которая, послѣ нѣкоторыхъ необходимыхъ для автора, но не по существу дѣла, колебаній, выбираетъ наиболѣе виднаго, красиваго и сильнаго обожателя и съ нимъ уходитъ изъ дому. Супругъ страдаетъ, оставшіеся при печальномъ интересѣ вздыхатели философствуютъ на тему о суетѣ мірской, а г. Тихоновъ, радуясь что довелъ дѣло до конца, самодовольно ставитъ точку, оставляя читателя въ недоумѣніи, зачѣмъ все это разсказано вяло, скучно и безжизненно. Ни одного типичнаго лица, ни одного интереснаго положенія. Психологическія экскурсіи автора въ души своихъ персонажей написаны по давно установленному шаблону, какъ полагается въ изображеніи героини, идущей на открытый разрывъ, какъ предписывается удручать себя студенту съ благородными порывами, влюбившемуся въ неподходящій предметъ, и т. д. Пустоцвѣтомъ называется героиня романа, которая испытываетъ порывы къ свободѣ, но не знаетъ, къ чему ей эта свобода. Измѣняя мужу, она уходитъ рука объ руку съ человѣкомъ, котораго не любитъ, лишь бы уйти, а куда и зачѣмъ—ей все равно. Такъ окрестилъ ее студентъ, влюбленный въ нее, по мнѣнію котораго страсть, не обращенная на дѣло, не вдохновляющая на творческую дѣятельность, въ чемъ бы таковая ни проявилась, есть пустоцвѣтъ. Эта старая, какъ міръ, истина ни мало не трогаетъ читателя, такъ какъ ни героиня, ни остальныя окружающія ее лица не изображены со всей полнотой жизненнаго творчества. Они всѣ—только прилично написанныя фигуры, а не живыя личности. Авторъ прилично разсуждаетъ за нихъ, но они не живутъ, не волнуются сами, а только согласно въ темпъ двигаются, какъ маріонетки на хорошо устроенной кукольной сценѣ, когда сидящій за кулисами авторъ дергаетъ за веревочку. На такую кукольную комедію можно поглядѣть отъ нечего дѣлать, но она моментально забывается, лишь только отъ нея отвернешься.

Князь Дм. Голицынъ (Муравлинъ). Въ Петербургѣ. Спб. изд. А. С. Суворина. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. Въ противоположность безстрастному и уравновѣшенному г. Тихонову, князь Дм. Голицынъ—человѣкъ недовольный, брюзга и великій критиканъ. Иза-за всякаго пустяка онъ огорчается, желчь въ немъ закипаетъ и онъ начинаетъ брюзжать. Въ Петербургѣ мало солнца, много сырости,—и кн. Голицынъ брюзжитъ: «Петербургъ—это адъ и глухая провинція! Развѣ не адъ тотъ городъ, гдѣ въ теченіе восьми мѣсяцевъ солнца почти не видно, а въ теченіе остальнаго времени оно свѣтитъ, словно сквозь студень какой-то, безъ яркихъ пятенъ и безъ черныхъ тѣней! Развѣ не адъ то мѣсто, гдѣ люди гибнутъ отъ холода, вѣтра и гнили! Развѣ не адъ тамъ, гдѣ воздухъ отравленъ!» и т. д. Въ Петербургѣ много чиновниковъ—и г. Муравлинъ изъ себя выходитъ, зачѣмъ чиновники! Есть на свѣтѣ евреи—и нашъ огорченный авторъ окончательно теряетъ голову. Евреи—это его ахиллесова пята, самое больное мѣсто. Евреи завладѣли міромъ, а между прочимъ и литературой, и

кн. Голицынъ рветъ и мечетъ, понося литераторовъ и евреевъ, которые, по его мнѣнію, составляютъ одно и тоже. Еврей и литераторъ — едино суть, и еслибы онъ, князь, могъ уничтожить всѣхъ литераторовъ и евреевъ, то оказалъ бы міру огромную пользу. «Большую пользу, потому что общественная жизнь не нуждается въ помощи представителей того племени, которое посылаетъ своихъ сыновъ въ жизнь не съ программой, а съ прейсъ курантомъ... И сегодня (дѣло происходитъ на литературномъ юбилеѣ) мы празднуемъ торжество еврейской наглости... Мы прикрываемся фразами о русской литературѣ и русской жизни, а тѣ, которые здѣсь дѣйствительно могутъ назваться русскими, задыхаются въ русской толпѣ, либо уже подверглись духовному обрѣзанію, продали себя», и т. д.

Что князь брюзжитъ, это уже его дѣло, но что брюзжаніе онъ считаетъ литературой, это большое съ его стороны недоразумѣніе, которое слѣдовало бы ему разъяснить. Но, судя по этимъ выдержкамъ, это будетъ трудъ напрасный. Кто уже вкусилъ отъ благъ антисемитизма, того ничѣмъ и никто не убѣдитъ. Для насъ дѣло ясно, какъ на ладони. Очевидно, князь чувствуетъ себя смертельно оскорбленнымъ. Пишетъ онъ уже давно и написалъ больше десятка романовъ и повѣстей. Мало того, онъ состряпалъ книгу «У синя моря», въ которой заключаются «географическіе, историческіе, этнографическіе, политическіе и путевые очерки Черногоріи и Далмаціи», которые рекомендованы (подчеркнуто дважды) для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ (опять подчеркнуто) учебныхъ заведеній Мин. Народн. Просвѣщенія и одобрены (тоже подчеркнуто) для—слѣдуетъ длиннѣйшій списокъ для кого. И тѣмъ не менѣе мы что-то мало наслышаны о столь великолѣпномъ, рекомендованномъ и одобренномъ сіятельнѣйшемъ авторѣ. Критика проходитъ его снисходительнымъ молчаніемъ и развѣ на задахъ «Новаго Времени» гдѣ-нибудь найдется словечко въ похвалу его трудамъ, изданнымъ г. Суворинымъ. Inde ira, т. е. причина гнѣва на литературу и, конечно, на евреевъ, которые, какъ шансонетная Паулина, всегда повинны тамъ, гдѣ нельзя почему-либо указать истинную причину. Евреи заполонили литературу и замалчиваютъ злополучнаго князя, иначе онъ давно уже сіялъ бы звѣздой первой величины на литературномъ небосклонѣ, а имя его стояло бы въ русскомъ пантеонѣ на ряду съ Тургеневымъ и Толстымъ.

Напрасно поэтому доказывать князю, что каплю таланта, отпущенную ему отъ Бога и проявлявшуюся въ его первыхъ произведеніяхъ («Теноръ», «Баба»), онъ давно истратилъ, размѣнялъ ее на рекомендаціи и одобренія разныхъ министерствъ и превратилъ свой остальной литературный багажъ въ макулатуру. «Ни свѣта, ни тепла, ни жизни»,—такими словами заканчивается его глупѣйшій разсказъ «Королева» въ сборникѣ «Петербургъ»,—и это лучшая характеристика, какъ этого разсказа, такъ и остальныхъ «романовъ» и «повѣстей» сборника. Героями ихъ служатъ разные все преуспѣвающіе чиновники, за успѣхами которыхъ авторъ крайне ревниво слѣдитъ, но которые не способны никого заинтересовать.

Мы бы тоже никогда не коснулись ихъ, еслибы не одно обстоятельство. Лѣтъ десять назадъ, когда еще начиналъ свою литературную карьеру г. Муравлинъ, критика встрѣтила его очень благосклонно. Затѣмъ замолчала. А теперь ей остается исполнить до конца свою роль и выполнить послѣдній печальный долгъ—поставить крестъ надъ г. Муравлинымъ, ибо больше ждать отъ него нечего.

Хозе-Марія де-Эредіа. Сонеты. Въ переводѣ Владиміра Жуковскаго. Спб. Ц. 1 р. 1899. Переводчикъ предлагаетъ свою книжку «тѣсному кругу истинныхъ любителей поэзіи». За честь принадлежать къ этому «тѣсному кругу» г. Жуковскій взимаетъ контрибуцію въ рубль за книжечку, заключающую ме-

нѣе 400 переводныхъ стиховъ (не стихотвореній). Лучше было бы, если бы г. Жуковскій возложилъ свои расчеты на какой-нибудь другой кругъ, болѣе богатый, чѣмъ обыкновенно бываютъ «истинные любители поэзіи», и менѣе способный оцѣнить отрицательныя стороны его произведенія. Мы не утверждаемъ, что г. Жуковскій совершенно лишенъ стихотворныхъ способностей,—въ послѣднемъ случаѣ мы бы не упомянули объ его книжечкѣ,—но эти способности не соотвѣтствуютъ его претензіямъ и трудности взятой имъ на себя задачи.

Эредіа стоитъ въ кульминаціонномъ пунктѣ извѣстнаго направленія французской поэзіи, ведущаго свою генеалогію отъ Леконтъ-де-Лиля. Важнѣйшія черты этого направленія слѣдующія: презрѣніе къ слезливымъ ламентаціямъ личной лирики, расплодившимся во времена романтизма, и любовь ко всему, что есть прекраснаго и величественнаго на земномъ шарѣ и даже за его предѣлами, отсюда и знаменитый экзотизмъ, ставшій за послѣднее время, въ свою очередь, мертвой школой. Такой взглядъ на поэзію даетъ громадный просторъ художнику, все зависитъ только отъ того, въ какой мѣрѣ онъ способенъ воспринимать безконечное разнообразіе явленій красоты въ окружающемъ мірѣ. Дѣло сводится, такимъ образомъ, опять къ качествамъ и объему личности поэта. Въ то время, какъ Леконтъ-де-Лиль видитъ красоту нетолько въ безличной природѣ, но и въ великихъ проявленіяхъ души человѣческой, не только въ дѣяніяхъ силы, но и въ подвигахъ благороднаго ума, непоколебимой воли и гуманности,—его ученикъ Эредіа способенъ понимать почти исключительно живописные и пластическіе эффекты. Но при этомъ онъ полностью унаслѣдовалъ отъ своего учителя и, если возможно, даже развилъ еще болѣе необыкновенную силу и концентрированное изящество поэтическихъ средствъ и языка. Каждое слово, каждый эпитетъ характеризуютъ какую-нибудь новую сторону предмета, а въ четырнадцати стихахъ сонета поэтъ умѣетъ дать цѣлую картину или разсказать цѣлый эпосъ. Не даромъ надъ Эредіа смѣялись, увѣряя, будто онъ цѣлый годъ вытачиваетъ одинъ сонетъ. Понятно, сколько искусства, вкуса и вниманія требуетъ переводъ подобныхъ стиховъ. Прежде всего необходимо строго держаться стихотворной формы и размѣра подлинника. C'est à prendre ou à laisser. Если переводчикъ не въ силахъ справиться съ дѣйствительно трудной формой сонета, то нечего браться за Эредіа. Говорятъ: не все ли равно, въ какомъ порядкѣ чередуются рифмы, лишь бы вышло красивое стихотвореніе. Къ этому прибавляютъ еще, что сонетъ несвойственъ русской поэзіи. Но на самомъ дѣлѣ русская поэзія обладаетъ прекрасными образцами строгаго сонета. Достаточно вспомнить классическія стихотворенія Пушкина: «Поэтъ, не дорожи любовію народной» или «Суровый Дантъ не презиралъ сонета». Что же касается безразличія стихотворной формы, то это далеко невѣрно: сонетъ Эредіа, переданный въ двадцати вольныхъ стихахъ, какъ это случается у г. Жуковскаго, совершенно теряетъ характеръ подлинника.

Если однако совсѣмъ забыть объ оригиналѣ, то болѣе удачными надо все-таки признать тѣ стихотворенія, гдѣ авторъ чувствовалъ себя свободнымъ отъ стѣсненій изящной формы.

Почти всюду, гдѣ онъ пытается написать сонетъ, не только не выигрываетъ Эредіа, но исчезаетъ и самая поэзія.

Для образчика приведемъ первыя восемь строкъ одного изъ самыхъ характерныхъ въ подлинникѣ стихотвореній *Старый ръзчикъ*.

Арфе́, да и другимъ въ рѣзьбѣ не уступая,
Я въ книги мастеровъ не внесъ своихъ *именъ*,
Я ручку вазы гнулъ, *искусствомъ вдохновленъ*,
И славится моя оправа золотая.

На вазѣ, въ серебрѣ, *у радужнаго края*,
Послѣдній часъ Христа *рѣзцомъ не оживленъ*:
Я Вакха вырѣзалъ,—и пьянъ, и веселъ онъ.
А *рядомъ*, стыдъ какой! *роскошная* Даная.

Пускай читатель судитъ, насколько эти вымученные стихи и фразы, не связанныя никакой логикой, напоминаютъ простыя и ясныя рѣчи стараго рѣзчика въ покаянномъ настроеніи, которыя мы здѣсь приводимъ въ дословной передачѣ: «Лучше всѣхъ мастеровъ, записанныхъ въ цеховую книгу, какъ бы они ни назывались—Рюи. Арфе, Хименесъ, Бесерриль, оправлялъ я рубинъ, жемчугъ и берилъ, выгибалъ ручку вазы и чеканилъ ея фризъ. По серебру, по эмали на радужной пластинкѣ я рисовалъ и вырѣзалъ, о стыдъ! пьянаго Вакха и изумленную Данаю, вмѣсто распятаго Христа или святого мученика на жаровнѣ» и т. д. Старый рѣзчикъ совсѣмъ не говоритъ, что онъ не внесенъ въ разрядъ мастеровъ ювелирнаго цеха, даже навѣрное внесенъ, но только онъ не такъ извѣстенъ, какъ нѣсколько знаменитостей. Ничего не говоритъ утвержденіе: «я ручку вазы гнулъ», — важно, что онъ это дѣлалъ лучше другихъ, а о вдохновеніи искусствомъ онъ, конечно, не упоминаетъ. Совершенно непонятно, о какомъ «радужномъ краѣ» идетъ рѣчь, если не упомянуть объ эмали, которая работается по металлической пластинкѣ, раскаленной на лампочкѣ, отчего на пластинкѣ образуются радужныя полосы. Какой манерный стиль: вмѣсто «вырѣзать распятіе» — «оживить рѣзцомъ послѣдній часъ Христа». Наконецъ, «роскошная Даная» банально и ничего не даетъ воображенію, тогда какъ «изумленная Даная» рисуетъ всю миѳологическую картину. Къ тому же Вакхъ и Даная никакъ не могли быть изображены «рядомъ». Если бы къ этому стилистическому разбору прибавить синтаксическій и перечислить еще все то, что переводчикъ совсѣмъ не передалъ, то получилась бы полная характеристика поэтическаго безсилія г. Жуковскаго.

Повторяемъ однако, въ видахъ справедливости, что у него встрѣчаются и несравненно болѣе гладкіе стихи, когда онъ разрѣшаетъ себѣ совсѣмъ вольно относиться къ формѣ и содержанію своего оригинала, какъ напр., въ стихотвореніи *Рабъ*, но зато тутъ уже не осталось почти ничего отъ Эредіа. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что и выборъ г. Жуковскаго далеко неудаченъ, хотя онъ и находитъ, что переведенныя имъ стихотворенія самыя интересныя. Между прочимъ, не дано ни одного образчика тѣхъ прекрасныхъ по формѣ сонетовъ Эредіа, гдѣ онъ прославляетъ испанскихъ завоевателей Америки, къ потомкамъ которыхъ онъ самъ принадлежитъ. Для характеристики поэта, стоящаго «по ту сторону добра и зла», эти стихотворенія очень важны. Наконецъ, въ предисловіи переводчикъ обнаруживаетъ свое слабое знакомство съ французской поэзіей и весьма смутные, но претенціозные эстетическіе взгляды.

Шелли. Сочиненія. Переводъ съ англійскаго К. Д. Бальмонта. Выпускъ 6-й. Освобожденный Прометей. Лирическая драма (1819). С.-Петербургъ и Варшава 1899. Если оригинальные стихи г. Бальмонта большею частью вызываютъ одно недоумѣніе критики своею тенденціозною безсодержательностью, то дѣятельность его въ качествѣ переводчика заслужила ему никѣмъ неоспариваемую почтенную репутацію. Присущій ему крупный даръ стихотворной формы находитъ въ этой области прекрасное приложеніе.

Въ выборѣ своихъ оригиналовъ г. Бальмонтъ слѣдуетъ вкусу своихъ французскихъ собратьевъ по направленію. Эдгаръ По, Гофманъ и Шелли пріобрѣли въ послѣдніе годы необыкновенную популярность среди сотрудниковъ журналовъ «La Plume» и «La Revue blanche». Оставляя въ сторонѣ причины этихъ симпатій, надо сказать, что въ данномъ случаѣ онѣ пришлись, отчасти случайно—на долю дѣйствительно большихъ художниковъ слова, которые до того времени находились въ несправедливомъ забвеніи. У насъ въ Россіи это отно-

сится особенно къ Шелли. Тогда какъ его современникъ и другъ Байронъ имѣлъ такое неисчислимо громадное вліяніе въ нашей литературѣ, Шелли, по мнѣнію новѣйшей научной критики, нисколько неуступающій ему ни размѣрами, ни благородствомъ своего поэтическаго генія, до послѣдняго времени не вызывалъ у насъ никакого интереса. Наши великіе байронисты, Пушкинъ и Лермонтовъ, совершенно игнорировали его. Наступившая впослѣдствіи реакція байронизму, разумѣется, не могла способствовать и знакомству съ Шелли. Позднѣе, хотя переводы отдѣльныхъ произведеній его и появлялись въ русской печати, читатель оставался равнодушенъ и главное не получалъ сколько-нибудь полнаго представленія объ одномъ изъ роскошнѣйшихъ поэтическихъ дарованій XIX вѣка.

Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что заслуга ознакомленія болѣе или менѣе обширнаго круга читающей публики съ Шелли и возбужденія къ нему интереса принадлежитъ мастерскимъ переводамъ г. Бальмонта. Первые выпуски его труда встрѣчали единодушные сочувственные отзывы прессы, настоящій выпускъ, заключающій одно изъ крупнѣйшихъ по объему и по художественному достоинству произведеній Шелли, вполнѣ поддерживаетъ солидную репутацію переводчика.

Въ европейской литературѣ *Прометей* Шелли занимаетъ особенное мѣсто. Миѳъ Прометея представляетъ величайшую трагедію человѣчества: вѣчныя, самыя изысканныя терзанія, какъ результатъ попытки возвыситься и возвысить своихъ ближнихъ надъ скотскимъ состояніемъ, въ которое люди поставлены жестокою, слѣпою, раньше ихъ рожденною силою. Исторія человѣчества до сихъ поръ только слишкомъ оправдывала жизненность этого миѳа и не допускала иного эпилога трагедіи, кромѣ безпощадной гибели всего, что носитъ характеръ великаго подвига и великой красоты. Изъ трилогіи Эсхила до насъ дошла только одна часть *Прикованный Прометей*. Быть можетъ она и сохранялась только благодаря своей геніальной правдѣ. Заключительная часть, *Освобожденный Прометей*, содержаніе которой намъ все-таки извѣстно, далеко не соотвѣтствуетъ предыдущей по своему мрачному реализму. Примиреніе Прометея съ Зевсомъ натянуто, искусственно и случайно. Конецъ прекрасной драмы Лукіана на сюжетъ Прометея звучитъ также фальшиво и неудачно. Гордый вызовъ Зевсу, которымъ заканчивается извѣстный драматическій отрывокъ Гёте, служитъ только великолѣпнымъ прологомъ къ борьбѣ, предстоящей еще въ будущемъ. Искать гармоничной развязки, къ которой, очевидно, стремились всѣ художники, бравшіеся за эту тему, нельзя въ историческомъ опытѣ, а можно лишь въ человѣческихъ чаяніяхъ.

Этотъ путь и избралъ Шелли Его драматизированная поэма разыгрывается въ значительной своей части въ такомъ отдаленномъ будущемъ, до котораго мысль человѣческая не можетъ измѣрить разстояніе даже тысячелѣтіями. Это будетъ время, когда «сила будетъ, какъ рабъ, служить мудрости, мужеству и долготерпѣливой любви», когда

Цвѣты, свернувъ листки свои во мракѣ,
Найдутъ во снѣ таинственныя краски,
Что раньше имъ не грезились; а люди
И звѣри, въ сладкой нѣгѣ сновъ ночныхъ,
Для зрѣющаго дня найдутъ блаженство
Нетронутыхъ, нерасточенныхъ силъ;
И будетъ смерть объятіемъ послѣднимъ
Той матери, что жизнь дала ребенку
И шепчетъ: «Милый, будь со мной всегда».

«Что-бы время это все-таки наступило когда-нибудь, нужно, несмотря на пытки, которыя умъ безсиленъ счесть»—

Не вѣрить въ торжество несовершенства,
Прощать обиды, черныя, какъ ночь;
Упорствомъ невозможность превозмочь,
Терпѣть, любить и такъ желать блаженства,
Что солнце вспыхнетъ сквозь туманъ
И обезсилѣетъ отрава...

Трудный рецептъ этотъ выполнилъ Прометей и дождался, наконецъ, что страшный врагъ его Зевсъ (у Шелли—Юпитеръ), такъ безгранично долго державшій въ рабствѣ духъ человѣчества, силой времени низвергнутъ въ тьму вѣчности.

Надо было огромную силу фантазіи и поэтическаго воплощенія, чтобы наполнить живыми образами эту небывалую туманную рамку. Только необычайный талантъ Шелли, распоряжающійся безграничнымъ богатствомъ красокъ и небывало гибкимъ и красивымъ воображеніемъ, въ состояніи былъ взяться за такую задачу. Поэтъ объясняетъ колоритность и образность своего произведенія тою обстановкою, въ которой оно возникло. «Поэма эта,—говоритъ онъ въ предисловіи,—написана большею частью на горныхъ руинахъ термъ Каракаллы, среди цвѣточныхъ прогалинъ и въ чащахъ ароматныхъ деревъ... Яркое голубое небо Рима, вліяніе могущественно пробуждающейся весны въ этомъ божественномъ климатѣ и новая жизнь, которою она какъ будто опьяняетъ чувства, были вдохновеніемъ этой драмы».

Какъ бы то ни было, стиль ея, полный сравненій, эпитетовъ, самыхъ смѣлыхъ метафоръ, въ связи съ весьма точнымъ и глубокимъ идейнымъ содержаніемъ ставитъ переводчику почти неодолимыя преграды. Дарованіе г. Бальмонта преодолѣло многія изъ нихъ, но мы бы погрѣшили противъ истины, если бы сказали, что оно осталось побѣдоноснымъ на всемъ пространствѣ поэмы. Нельзя требовать, конечно, чтобы переводъ могъ сравняться съ подлинникомъ по силѣ, красотѣ и непринужденности языка, но въ стихахъ г. Бальмонта на этотъ разъ есть шероховатости, которыя замѣтны будутъ даже для читателя, незнакомаго съ текстомъ Шелли. Чувствуется иногда, что переводчику стоило большого труда втиснуть чужую мысль въ свой стихъ.

Мы не будемъ приводить примѣровъ этого рода, которые менѣе одаренному стихотворцу не были бы поставлены въ счетъ. Укажемъ только нѣсколько несовершенствъ языка, которыя нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, кромѣ небрежности: ихъ слѣдовало и можно было избѣжать. Такія слова, какъ «накармливаетъ» (стр. 35), «переплески» (стр. 88), «выброски» (the wreck, стр. 120) въ русскомъ языкѣ безусловно недопустимы. Едва ли также опытный просодистъ при вниманіи не сумѣлъ бы избѣжать такихъ невозможныхъ перестановокъ ударенія, какъ «утóнченный тиранъ» (стр. 59). Порою небрежность языка приводитъ прямо къ искаженію смысла. Въ подлинникѣ сказано: «Позволь мнѣ спрятать глаза въ твоихъ мягкихъ объятіяхъ, когда твои взоры утомятъ ихъ радостью». У г. Бальмонта это переведено такъ:

Прильнуть глазами къ ласковымъ рукамъ,
Когда отъ счастья взоры утомятся.

(стр. 135).

«Прильнуть глазами» нельзя понять иначе, какъ страстно или пристально смотрѣть, а не спрятать глаза.

Но еще менѣе допустимы иного рода погрѣшности, которыя встрѣчаются у г. Бальмонта недостаточно рѣдко. Наткнувшись на соединеніе такихъ разнородныхъ эпитетовъ, какъ «пронзительно-серебристые напѣвы» (стр. 157), вы, конечно, можете быть увѣрены, что Шелли тутъ не виноватъ, а виновата та школа, къ которой принадлежатъ оригинальные стихи г. Бальмонта. У Шелли говорится только о «чистыхъ, серебристыхъ, леденящихъ, пронизывающихъ

звукахъ». Къ подобнымъ же соединеніямъ взаимно исключающихъ другъ друга понятій принадлежитъ выраженіе «безмолвныя рѣчи» (стр. 75), тогда какъ въ подлинникѣ говорится о «разговорѣ безъ словъ», что вовсе не одно и то же.

Укажемъ еще на перестановку опредѣленія на мѣсто опредѣляемаго,—пріемъ, весьма любимый Метерлинкомъ: «исторгать изъ струнъ воздушность гимна» (стр. 123), вмѣсто «воздушный гимнъ»,—невозможное выраженіе въ переводѣ Шелли, у котораго этихъ словъ *совсѣмъ нѣтъ*. Въ прежнихъ переводахъ г. Бальмонта мы не замѣчали подобной обработки текста Шелли по модѣ конца вѣка и было бы грустно, если бы дальнѣйшіе выпуски въ общемъ прекрасныхъ переводовъ были испорчены такими безвкусными интерполяціями.

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Д. Н. Овсянико-Куликовскій. «Л. Н. Толстой, какъ художникъ».—«Памяти А. С. Пушкина» (сборникъ).

Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Л. Н. Толстой какъ художникъ. Выпускъ первый. 1899. С.-Петербургъ. Ц. 1 р. Каждое произведеніе гр. Толстого порождаетъ цѣлую критическую литературу въ русскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданіяхъ, между тѣмъ едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что изъ всѣхъ крупныхъ писателей, современниковъ гр. Толстого, онъ менѣе всего изученъ. Съ одной стороны, его колоссальный художественный талантъ вызываетъ страстное поклоненіе и славословіе, съ другой стороны—его своеобразныя и часто противорѣчивыя идеи приводятъ къ не менѣе страстнымъ спорамъ. И, можетъ быть, не одно поколѣніе еще сойдетъ съ литературной арены, прежде чѣмъ произведенія этого удивительнаго писателя дождутся правильной и многосторонней оцѣнки, которая имъ подобаетъ.

Г. Овсянико-Куликовскій одинъ изъ первыхъ старается положить прочный фундаментъ серьезному и безпристрастному пониманію ихъ. Онъ не ограничивается изложеніемъ своихъ мыслей по поводу сочиненій гр. Толстого, не входитъ съ нимъ въ препирательства (по крайней мѣрѣ въ этомъ первомъ выпускѣ); онъ съ профессорскою вдумчивостью и обстоятельностью группируетъ изслѣдуемые факты, систематизируетъ и классифицируетъ ихъ.

Созданные художникомъ образы, критикъ раздѣляетъ на двѣ крупныя группы: первую составляютъ великосвѣтскіе типы, т. е. тѣ, которые были плодомъ наблюденія автора надъ ближайшею къ нему средою, художественнымъ отраженіемъ семейныхъ воспоминаній или воспроизведеніемъ личнаго психологическаго опыта. Эти автобіографическіе (въ широкомъ смыслѣ) типы указываютъ намъ переходъ къ другой группѣ. Жажда вложить въ свою жизнь положительное содержаніе, посвятить себя дѣятельной любви, омерзѣніе къ пустотѣ и засасывающей лжи своего прирожденнаго круга заставляютъ Оленина, да и другихъ, рѣзко порвать съ тѣмъ, что имъ такъ же, какъ и автору, кажется цивилизаціей, и искать новой жизни въ чуждой имъ средѣ, близкой къ природѣ и не тронутой лицемѣріемъ. Сначала эти народные, лучше было бы сказать крестьянскіе, типы представляются туманными и загадочными, напр., въ *Утрѣ помѣщика* или въ *Казакахъ*, но исканіе и сближеніе мало-по-малу приводитъ къ «открытіямъ», — такъ критикъ называетъ народные характеры, получившіеся путемъ наблюденія со стороны, а не прирожденнаго пониманія, какъ въ типахъ великосвѣтскихъ. Эти открытія съ теченіемъ времени, при помощи творческой мысли, выливаются въ широкія обобщенія, въ общенародные, національные типы, каковы Каратаевъ и Кутузовъ.

И дѣйствительно, все художественное творчество Л. Н. Толстого до послѣдняго времени колеблется между этими двумя категоріями характеровъ. Психологія барства и крестьянства только и понятна ему. Не то, чтобы онъ пренебрежительно относился къ другимъ слоямъ народа, но онъ, повидимому, не замѣчаетъ ихъ. Все, что не крестьянство, кажется ему сплошной, однородной массой, которой онъ приписываетъ знакомую ему психологію барства, часто подставляя вмѣсто этого слова—«образованное общество».

Разбирая Каратаева, какъ національный типъ, критикъ старается опредѣлить черты, изъ которыхъ слагается его личность. Мы не будемъ перечислять ихъ, такъ какъ критикъ опредѣляетъ ихъ формулами, которыя безъ подробнаго разъясненія каждаго понятія могутъ вызвать много недоразумѣній. Отмѣтимъ только, что ко всѣмъ чертамъ, слагающимъ типъ Каратаева, г. Овсянико-Куликовскій справедливо считаетъ непримѣнимымъ одобреніе или порицаніе. Каратаевъ не имѣетъ ни одной черты, свойственной ему, какъ индивидууму,—всѣ онѣ принадлежатъ цѣлой русской націи (по мнѣнію Толстого) или, по крайней мѣрѣ, цѣлому крестьянству. Это тѣ, унаслѣдованныя человѣкомъ, безсознательныя *формы*, которыя могутъ заключать въ себѣ самое разнообразное индивидуальное содержаніе. Соглашаясь, что по замыслу художника, Каратаевъ долженъ представляться синтезомъ безличныхъ общенаціональныхъ элементовъ чисто формальнаго свойства, нельзя, однако, повѣрить критику, что наши національныя или даже рассовыя особенности дѣйствительно таковы, какими онѣ являются въ изображеніи гр. Толстого. Г. Овсянико-Куликовскій, обычно такой осторожный въ своихъ утвержденіяхъ, въ данномъ случаѣ не задумался надъ тѣмъ, какими фактами изъ области народной психологіи подтверждается интуиція художника. При современномъ состояніи нашихъ знаній, едва-ли можно съ какою-либо долею научности приписывать цѣлому народу какія бы то ни было *общія* свойства.

Обращаясь вновь при разборѣ *Войны и Мира* къ типамъ, въ которыхъ художникъ вложилъ отчасти субъективныя черты, и которые не совсѣмъ правильно получаютъ названіе «положительныхъ великосвѣтскихъ типовъ», критикъ дѣлаетъ сопоставленіе, способное весьма удачно освѣтить историческое значеніе этихъ образовъ. Извѣстно, что еще ранѣе *Войны и Мира* графъ Толстой задумывалъ романъ *Декабристы*, но, по правдоподобному предположенію Овсянико-Куликовскаго, «не написалъ его, потому что, стараясь воссоздать время декабристовъ, онъ невольно переходилъ мыслью къ предыдущему времени, къ прошлому своихъ героевъ. Постепенно передъ авторомъ раскрывались все глубже и глубже источники тѣхъ явленій, которыя онъ задумывалъ описать,—семья, воспитаніе, общественныя условія и проч. избранныхъ имъ лицъ». Такимъ образомъ и возникъ грандіозный эпосъ изъ временъ наполеоновскихъ войнъ. «Не трудно догадаться,—справедливо замѣчаетъ критикъ,—что, если бы романъ *Декабристы* былъ написанъ, то въ немъ въ числѣ лицъ, причастныхъ движенію, закончившемуся событіемъ 14-го декабря, оказался бы Пьеръ Безуховъ, а Наташа попала бы въ число тѣхъ «русскихъ женщинъ», которыхъ воспѣлъ Некрасовъ. Такъ же точно представляется очевиднымъ, что, если бы рана, полученная княземъ Андреемъ Болконскимъ въ Бородинскомъ сраженіи, не оказалась смертельною, онъ явился бы въ свое время однимъ изъ организаторовъ и вожаковъ движенія». Сохраняя эту точку зрѣнія, г. Овсянико-Куликовскій приходитъ къ правильной оцѣнкѣ личностей Пьера и князя Андрея, котораго при этомъ онъ слишкомъ тщательно ограждаетъ отъ предвзятой и односторонней критики ген. Драгомірова. Полезно было отмѣтить противорѣчіе этой критики съ содержащимися въ романѣ фактическими данными; что-же касается общаго взгляда военнаго «критика», скорѣе

*

критикана, на характеръ кн. Болконскаго, то едва ли онъ заслуживаетъ такого вниманія. «Бурбонская» точка зрѣнія ген. Драгомірова находится *внѣ* литературы и не можетъ правильно освѣтить тѣхъ качествъ, которыя являются излишними или даже вредными для солдата и офицера по точному смыслу «Воинскаго артикула». Къ критикамъ типа ген. Драгомірова вполнѣ примѣнимо знаменитое изреченіе Апеллеса: «Сапожникъ, знай свои колодки!» Этимъ все сказано, и распространяться столько надъ подобной критикой, какъ дѣлаетъ почтенный профессоръ, значитъ забывать это мудрое слово, сказанное двѣ слишкомъ тысячи лѣтъ назадъ по поводу такихъ набѣговъ критиканов въ неподлежащую ихъ вѣдѣнію область.

Въ появившемся первомъ выпускѣ своей почтенной критической работы г. Овсянико-Куликовскій не идетъ далѣе *Войны и Мира*, обѣщая въ будущемъ еще два выпуска, которые будутъ посвящены *Аннѣ Карениной* и произведеніямъ послѣдняго періода творчества гр. Толстого. Ждемъ ихъ съ съ большимъ интересомъ.

Памяти А. С. Пушкина. Юбилейный сборникъ. Изданіе редакціи журнала «Жизнь». Спб. 1899 г. Ц. 1 р. Пушкинскіе дни, оживившіе на время память о великомъ поэтѣ, не прошли безслѣдно для изученія его творчества. Появился рядъ оригинальныхъ и компилятивныхъ работъ, посвященныхъ жизни поэта и выясненію различныхъ сторонъ его геніальной личности. Сборную работу такого рода представляетъ и изданіе редакціи журнала «Жизнь» «Памяти Пушкина». Составленъ сборникъ довольно интересно, хотя не все въ немъ равноцѣнно и рядомъ съ статьями, вполнѣ достойными имени того, кому они посвящены, есть и статьи, попавшія сюда очевидно по небрежности редакціи. Чтобы не возвращаться къ нимъ, отмѣтимъ, что къ такимъ ничтожнымъ по содержанію и небрежнымъ по формѣ мы относимъ самую большую статью сборника «Пушкинъ въ потомствѣ» г. Соловьева и г. Изгоева—«Смерть и поэзія Пушкина». Послѣдняя статья,—даже не статья, а вѣрнѣе статейка въ десяти страничекъ,—настолько ничтожна, пуста и безсодержательна, что и сказать о ней нечего. Она состоитъ изъ многочисленныхъ выдержекъ изъ Пушкина, хорошо знакомыхъ каждому еще со школьной скамьи, а остальное представляетъ претенціозную попытку сказать какое-то свое «новое» слово, которое такъ и остается не высказаннымъ и для читателя совершенно непонятнымъ. «Пушкинъ,—заканчиваетъ авторъ, такимъ образомъ является поэтомъ будущаго, многія его произведенія будутъ съ одинаковымъ наслажденіемъ читаться въ концѣ XX вѣка, какъ читаются и теперь. Русской поэзіи и русской творческой философской мысли еще предстоитъ вернуться къ Пушкину». Совершенно вѣрно, что и черезъ сто лѣтъ Пушкинъ не утратитъ значенія и интереса, но почему онъ именуется поэтомъ будущаго, если его и теперь читаютъ съ наслажденіемъ,—это тайна логики г. Изгоева.

Совершенно иного характера статья г. Ев. Соловьева, который не задается цѣлью сказать во что бы то ни стало новое слово, но повторяетъ давнымъ-давно извѣстныя старыя слова Бѣлинскаго, Чернышевскаго, Писарева до г. Вл. Соловьева включительно. Подобная сводка всего, болѣе или менѣе выдающагося, сказаннаго о Пушкинѣ могла бы быть и интересна, и цѣнна, если бы не манера г. Ев. Соловьева трактовать своихъ предшественниковъ, что называется, съ кондачка, тономъ легкомысленнаго папильона, съ нарочитой небрежностью порхающаго съ вѣтки на вѣтку. Можно подумать, что это генеральный смотръ старымъ критикамъ, дѣлаемый великимъ писателемъ. Впрочемъ, наше сравненіе не вѣрно: величіе сказывается прежде всего въ скромности, и только гг. Соловьевы могутъ такъ третировать Пушкина и его комментаторовъ, какъ дѣлаетъ это нашъ авторъ, который, свысока поглядывая на разныхъ

Бѣлинскихъ и К°, самого себя повторяетъ дважды въ одной и той же статьѣ. Сказавъ въ началѣ статьи, что Пушкинъ и въ будущемъ будетъ имѣть значеніе и даже больше, чѣмъ теперь, г. Кв. Соловьевъ повторяетъ эти слова и въ концѣ, просто заявивъ, «какъ я сказалъ выше» и затѣмъ цитируетъ свои же собственныя слова, ни мало не смущаясь и даже поставивъ кавычки.

Мы бы вовсе не коснулись этихъ неудачныхъ статей, если бы онѣ не производили такого непріятнаго диссонанса рядомъ съ продуманными и полными глубокаго интереса статьями гг. Овсянико-Куликовскаго, Ал. Веселовскаго, проф. Некрасова, Кашкина и хорошо составленной компиляціей г. Андреевича «Смирнова о Пушкинѣ». Самой интересной является статья профессора Овсянико-Куликовскаго—«Пушкинъ, какъ художественный геній», въ которой почтенный авторъ ставитъ задачу—разсмотрѣть геній Пушкина съ точки зрѣнія «психологіи художественнаго творчества, какъ особаго вида работы мысли». Мы не можемъ въ небольшой рецензіи изложить прекрасную статью г. Овсянико-Куликовскаго, полную новыхъ и глубоко-интересныхъ мыслей, оригинальныхъ и свѣжихъ, хотя авторъ отнюдь не гонится за новымъ словомъ. Чрезвычайно интересенъ его анализъ созданія типовъ у Пушкина и его характеристики ихъ. Позволимъ себѣ остановиться на его характеристикѣ Татьяны. Она, по мнѣнію автора, одно изъ наиболѣе крупныхъ художественныхъ обобщеній Пушкина, «истинная предшественница тургеневскихъ женщинъ, образъ пророческій не меньше Онѣгина». «Какъ и послѣдній, типъ Татьяны — *національный*: это русскій (а не какой-нибудь другой) женскій характеръ или, скажемъ лучше, укладъ женской психики». Указавъ затѣмъ, что образъ Татьяны, по его словамъ, «выдержалъ опаснѣйшій искусъ — конкурренцію типовъ Тургенева и Толстого»,—онъ говоритъ: «Геніальность мысли, создавшей первые художественные типы, впослѣдствіе разработанные дальше и, можетъ быть, глубже другихъ поэтами, лучше всего опредѣляется именно художественнымъ значеніемъ послѣдующихъ созданій того же порядка. Такъ, геніальность Пушкина, какъ творца Онѣгина и Татьяны, измѣряется художественной цѣнностью и значеніемъ образовъ Рудина, Лаврецкаго, Обломова и др. и всей галлереи соотвѣтственныхъ женскихъ типовъ у Тургенева, Толстого и другихъ. Если, положимъ, явится новый великій художникъ и довершитъ этотъ порядокъ типовъ созданіемъ новыхъ образовъ—еще выше, еще глубже того, что создали Тургеневъ, Гончаровъ, Толстой, то тѣмъ самымъ и Онѣгинъ съ Татьяной, и само творчество Пушкина подымутся *въ нашей оцѣнкѣ* еще ступенью выше. Почему это такъ? Потому, что умственная сила, проявленная художникомъ въ созданіи первыхъ обобщеній извѣстнаго порядка, является духовнымъ капиталомъ, процентами съ котораго пользуются послѣдующія поколѣнія художниковъ; для нихъ она служитъ стимуломъ дальнѣйшаго творчества—и на добрую половину облегчаетъ ихъ трудъ. Оттуда и тотъ фактъ, что послѣдующіе художники, сравнительно меньшей силы творческаго дара, могутъ создавать образы, по своему художественному значенію не уступающіе созданіямъ ихъ геніальнаго предшественника. Подобныя же явленія наблюдаются и въ исторіи мысли научной и философской. Цѣнность научной или философской идеи и геніальность ея творца лучше всего опредѣляется и, какъ умственная сила, въ извѣстномъ смыслѣ измѣряется значеніемъ и плодотворностью послѣдующихъ работъ и открытій, исходною точкой которыхъ была данная идея. Сила ученаго творчества Дарвина измѣряется великимъ значеніемъ всей ученой литературы *дарвинизма*. Геній Канта прямо пропорціоналенъ его вліянію на новую философію и науку,—онъ измѣряется кантіанствомъ со всѣми его развѣтвленіями. Великія заслуги Гельмгольца по установленію закона сохраненія энергіи привели, между прочимъ, къ заключенію въ ряды ученыхъ геніевъ скромнаго провинціальнаго врача Роберта Майера». Изъ этой длинной выдержки читатели

могутъ видѣть, какъ оригиналенъ ходъ мысли автора, насколько широки и необычны его обобщенія, что придаетъ всей статьѣ необыкновенную свѣжесть и какую-то особую крѣпость. Несомнѣнно, что среди пушкинской литературы послѣднихъ дней эта статья займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Статьи профессоровъ А. Л. Веселовскаго, Кашкина и Некрасова болѣе частнаго характера. Г. Веселовскій знакомитъ съ вліяніемъ на Пушкина европейской поэзіи; г. Кашкинъ говоритъ о значеніи Пушкина въ русской музыкѣ, а г. Некрасовъ о томъ, что сдѣлалъ Пушкинъ для развитія русскаго языка. Кромѣ того, въ сборникѣ помѣщена небольшая статья Мицкевича о Пушкинѣ, статья г. Ге о значеніи Пушкина въ русскомъ пластическомъ искусствѣ, и два стихотворенія г. Тана.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Филантропъ. «Трудовая Помощь.»—*Д. Жбанковъ* и *В. Яковенко.* «Тѣлесныя наказанія въ Россіи въ настоящее время».

Филантропъ. Трудовая помощь, ея основанія, задачи и важнѣйшія формы. Спб. 1899 г. Авторъ настоящей брошюры, появившейся первоначально въ видѣ статей въ журналѣ «Трудовая помощь» за октябрь, ноябрь и декабрь мѣсяцы 1898 года, справедливо полагаетъ, что отличительнымъ признакомъ филантропической или благотворительной дѣятельности служитъ безкорыстный, добровольный характеръ жертвы со стороны лица или лицъ, дѣлающихъ добро, моральное или религіозное побужденіе въ качествѣ главнаго стимула этого добра (стр. 4).

Вызываемая чувствомъ состраданія, благотворительная дѣятельность выражалась до послѣдняго времени главнымъ образомъ, въ двухъ формахъ,—раздачею милостыни и организаціею богадѣленнаго и пріютскаго содержанія. Но недостаточность и несовершенства второй изъ этихъ формъ и безрезультатность первой привели къ сознанію необходимости пересмотра дѣла призрѣнія. Опытъ показалъ, что безразборчивая раздача милостыни порождаетъ только тунеядство и профессіональное нищенство. О размѣрахъ послѣдняго въ крупныхъ городахъ и разнообразіи его формъ можетъ дать представленіе книжка L. Polian «Paris, qui mendie» (Людв. Поліанъ, «Нищенствующій Парижъ» перев. А. Тулубьева 1898 г. *). Современное развитіе нищеты и обострившаяся борьба за существованіе приводитъ въ ряды бѣдныхъ не мало лицъ трудоспособныхъ, но или не желающихъ, или не могущихъ найти примѣненія своему труду.

Частная благотворительность въ виду изолированности и случайности ея дѣйствій признается вовсе не достигающею своей цѣли, а только плодящею тунеядство и профессіональное нищенство. Въ дѣлѣ же общественнаго призрѣнія считаются необходимыми, во-первыхъ, индивидуализація помощи бѣднымъ, возможная лишь при личномъ знакомствѣ съ нуждающимся, при непосредственномъ дальнѣйшемъ участіи въ его судьбѣ, а во-вторыхъ, строгое отдѣленіе среди призрѣваемыхъ тѣхъ, кому помощь можетъ быть оказана путемъ доставленія заработка, отъ дѣйствительно немощныхъ: стариковъ, дѣтей, калѣкъ и пр. Первому требованію—индивидуализаціи помощи — удовлетворяетъ въ особенности такъ называемая, по мѣсту ея перваго примѣненія, эльберфельдская система общественнаго призрѣнія, по образцу которой учреждена у насъ въ Россіи организація московскихъ городскихъ попечительствъ. Что же касается организаціи помощи нуждающимся, способнымъ къ работѣ, путемъ

*) См. «М. Б.», 1898 г., «Библ. Отд.», августъ.

доставленія имъ возможности заработка, то эту задачу имѣютъ преимущественно въ виду попечительныя о домахъ трудолюбія общества.

Г. Филантропа интересуютъ задачи и формы осуществленія именно трудовой помощи. Задачи эти онъ понимаетъ, однако, весьма широко. Трудовая помощь ставитъ, своею цѣлью не только оказаніе непосредственной помощи трудоспособнымъ нуждающимся путемъ доставленія имъ заработка, но и вообще созданіе болѣе благопріятныхъ условій для трудовой жизни. Это сближаетъ область мѣръ общественнаго призрѣнія и мѣръ соціальныхъ въ одной общей цѣли борьбы съ бѣдностью. Авторъ полагаетъ, что сближеніе это обусловливается и общимъ источникомъ происхожденія того и другого ряда мѣръ, коренящимся въ нравственномъ чувствѣ людей (стр. 1). Давая имъ одинъ и тотъ же источникъ происхожденія и сливая ихъ цѣли, авторъ, въ сущности, вполнѣ смѣшиваетъ эти двѣ области. «Современная филантропія,—говоритъ онъ,—сдѣлалась уже доступна полнымъ и обширнымъ выраженіемъ *общественной помощи нуждающимся* во всемъ ея объемѣ и разнообразіи, и, слѣдовательно, охватываетъ собою какъ мѣры призрѣнія, такъ и соціальныя, въ границахъ, доступныхъ для частной дѣятельности» (стр. 5).

Ошибочность указаннаго смѣшенія очевидна. Необходимость соціальныхъ мѣръ коренится отнюдь не въ требованіи нравственнаго чувства людей, а въ интересахъ государства и общежитія, что и накладываетъ зачастую на эти мѣры характеръ подчиненія интересамъ господствующихъ въ обществѣ группъ. Нравственныя безкорыстныя чувства людей играютъ тутъ роль подчиненную. Авторъ и самъ въ частныхъ примѣрахъ отмѣчаетъ это. Приступая къ вопросу о необходимости организаціи общественныхъ работъ, онъ ссылается на *вредъ* и *опасность* для государственнаго благоустройства дарового кормленія населенія при все возрастающихъ размѣрахъ безработицы. Вообще, «невѣроятные успѣхи, которые дѣлаютъ у насъ бѣдность и нищета» (стр. 10), раскрываемые фактами обѣднѣнія и податной задолженности населенія, упадкомъ скотоводства, ухудшеніемъ питанія, увеличеніемъ отхода на сторону,—на промысла и фабрики,—служатъ для автора основаніемъ къ требованію возможно болѣе широкаго развитія трудовой помощи, при совмѣстномъ участіи въ этой работѣ и правительства, и добровольныхъ общественныхъ силъ. Но если имѣть въ виду, что самъ авторъ принимаетъ число безработныхъ у насъ до $^1/_3$ всей рабочей силы, трудно присоединиться къ его оптимистическому утвержденію, что вліяніе трудовой помощи должно стать громаднымъ, даже до возстановленія экономическаго благосостоянія крестьянства включительно (стр. 22). Подобнаго рода радужныя воззрѣнія г. Филантропа на скромныя задачи трудовой помощи приближаютъ ихъ къ безсмысленнымъ мечтаніямъ.

Очевидно, въ представленіи автора функціи трудовой помощи выступаютъ далеко за рамки «обычнаго общественнаго призрѣнія». Это уже не забота объ отдѣльныхъ личностяхъ, по тѣмъ или другимъ случайнымъ причинамъ дошедшихъ до состоянія крайней нужды, но дѣятельность, направленная на улучшеніе положенія обширныхъ слоевъ населенія. Подобныя задачи, какъ возстановленіе пошатнувшагося земледѣльческаго хозяйства и предупрежденіе разоренія крестьянской среды, предполагающія воздѣйствіе на основныя соціально-экономическія условія жизни страны, до сихъ поръ считались посильными лишь государству во всеоружіи его средствъ и законодательной власти. Г. Филантропъ полагаетъ, что поле дѣятельности здѣсь такъ широко, что на ряду съ дѣятельностью государства всегда найдется мѣста и простора и всѣмъ другимъ учрежденіямъ и союзамъ. Перечисливъ всѣ важнѣйшія формы трудовой помощи: дома и мастерскія трудолюбія, общественныя работы, бюро по найму рабочихъ, предоставленіе орудій и матеріаловъ производства, мелкій кредитъ и организацію сбыта, улучшеніе жилищныхъ условій, борьба съ алкоголизмомъ, различ-

ные виды просвѣтительнаго воздѣйствія, потребительныя общества, кассы взаимопомощи, страхованіе и артели,—авторъ находитъ, что для осуществленія всей этой системы мѣропріятій при условіи принятія во вниманіе всѣхъ мѣстныхъ особенностей и соблюденія индивидуализаціи помощи, у государства не хватитъ ни силъ, ни средствъ, ни дѣятелей. Бо̀льшее участіе въ дѣлѣ трудовой помощи должно выпасть на долю общественныхъ управленій—земскихъ и городскихъ. Но за всѣмъ тѣмъ «необходимо, чтобы мѣропріятія по трудовой помощи имѣли свои спеціальные органы, занятые только этой одной помощью и объединяющіяся затѣмъ въ одномъ центральномъ учрежденіи, вѣдающемъ это одно важное дѣло; необходимо, чтобы у насъ существовали спеціальныя организаціи трудовой помощи, т. е. какъ центральный органъ, такъ и мѣстныя учрежденія» (стр. 109). Такимъ центральнымъ органомъ, по мнѣнію автора, и можетъ быть существующее уже въ Россіи «Попечительство о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ» съ соотвѣтствующимъ въ его организаціи измѣненіемъ, предположенія о которомъ авторъ тутъ же приводитъ вкратцѣ. Не вдаваясь въ критическій разборъ предлагаемой имъ организаціи, замѣтимъ только, что авторъ забылъ о приснопамятныхъ «Приказахъ общественнаго призрѣнія», которыя на бумагѣ дѣйствовали великолѣпно. Все это бывало, только казенщина всегда остается казенщиной, какое бы названіе она ни носила.

Авторъ возлагаетъ на проектируемую имъ организацію благотворительной трудовой помощи такія обширныя задачи, которыя граничатъ съ существенными измѣненіями въ общихъ экономическихъ и бытовыхъ условіяхъ жизни. Между тѣмъ примѣръ уже существующихъ попытокъ оказанія трудовой помощи показываетъ, что осуществляемая даже въ скромныхъ размѣрахъ помощь эта встрѣчаетъ массу осложненій и непреодолимыхъ трудностей. Это равно доказываютъ какъ приводимые самимъ авторомъ, факты, касающіеся устройства у насъ общественныхъ работъ, такъ и свѣдѣнія о существующихъ у насъ домахъ трудолюбія. Къ 20 окт. 1896 г. такихъ домовъ было 48. Призрѣвалось въ нихъ 2.016 человѣкъ. Однако, детальное разсмотрѣніе состава этихъ призрѣваемыхъ показало, что 32% ихъ составляютъ женщины и дѣти, изъ которыхъ послѣднія нуждаются не столько въ доставленіи имъ заработка, сколько въ школьномъ образованіи, что 24% всѣхъ трудолюбцевъ или старики, дряхлые и калѣки, или лица, представляющія собою продуктъ алкоголизма или вырожденія. Есть дома, въ которыхъ или часть призрѣваемыхъ, или даже всѣ они совсѣмъ не имѣютъ работъ. (стр. 49). Это обстоятельство объясняется, кромѣ состава населенія этихъ домовъ, трудностью избрать занятія и ремесла для лицъ, не имѣющихъ спеціальности, притомъ такія занятія, которыя удовлетворяли бы и требованіямъ мѣстнаго рынка. Благодаря всему этому, дома трудолюбія естественно обращаются въ обыкновенныя богадѣльни или исправительно-лѣчебные пріюты. И это становится вполнѣ естественнымъ, если имѣть въ виду существующую у насъ потребность въ самомъ элементарномъ общественномъ призрѣніи. Забота о его развитіи сама по себѣ представляетъ достаточно крупную и важную задачу, разрѣшеніе которой стоитъ на первой очереди въ дѣлѣ благотворительности. Что же касается бѣдности трудящихся классовъ, то она являясь результатомъ общаго уровня культуры и отношенія соціальныхъ и экономическихъ силъ такъ же мало доступна воздѣйствію какихъ бы то ни было благотворительныхъ организацій теперь, какъ и въ минувшее время. Конечно, всякая практическая разработка вопроса о положеніи нуждающихся классовъ не можетъ остаться безполезною. Но опытъ показалъ, что въ дѣлѣ созданія лучшихъ условій трудовой жизни просторъ, открытый *общественной* самодѣятельности, даетъ несравненно болѣе прочные результаты, чѣмъ самая мелочная и заботливая *опека*, тѣмъ болѣе почерпающая свои силы и средства изъ источника случайныхъ добровольныхъ пожертвованій.

Тѣлесныя наказанія въ Россіи въ настоящее время. Составили Д. Н. Жбанковъ и Вл. И. Яковенко. Москва 1899 г. Ц. 80 коп. Тяжело было авторамъ составлять свою книгу или вѣрнѣе—мартирологъ, щемящую тоску испытываетъ и читатель такой книги. Въ самомъ дѣлѣ, испытываешь чувство глубокаго стыда, когда въ концѣ просвѣщеннаго XIX вѣка приходится хладнокровно, на основаніи статистическихъ и другихъ научныхъ данныхъ, доказывать варварство, непригодность и неразумность тѣлесныхъ наказаній, противъ которыхъ вопіетъ самое элементарное человѣческое чувство. Какую душевную муку долженъ испытать человѣкъ, вынужденный спокойно разбивать доводы, приводившіеся и, къ стыду нашему, еще приводимые и теперь въ защиту розги! Розга дешева, розга быстро и хорошо дѣлаетъ свое дѣло! Читая книгу о тѣлесныхъ наказаніяхъ, испытываешь какой-то кошмаръ: предъ вами встаютъ замученныя фигуры мужчинъ, женщинъ, дѣтей, вы чувствуете себя на какой-то человѣческой бойнѣ, гдѣ ободранныя спины, клочья человѣческаго мяса, повѣсившіеся, утопившіеся и отравившіеся страдальцы и страдалицы съ нѣмымъ укоромъ смотрятъ на васъ, а лежащіе тутъ же шпицрутены, кошки, линьки показываютъ, что и на такое дѣло положено не мало человѣческой изобрѣтательности...

По предложенію почтеннаго д-ра Д. Н. Жбанкова, VI-ой пироговскій съѣздъ въ Кіевѣ рѣшилъ возбудить предъ правительствомъ ходатайство объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Для обоснованія ходатайства была избрана комиссія, въ составъ которой входили авторы настоящей книги, являющейся, такимъ образомъ, докладной запиской общества русскихъ врачей правительству. Историческая часть книги знакомитъ читателя со взглядами на тѣлесныя наказанія и тѣми пріемами, какіе предлагались разными лицами для лучшаго дѣйствія розги и плети. Исторія не забудетъ этихъ господъ, а равно и тѣхъ, которые, имѣя извѣстную власть, возвышали свой благородный голосъ противъ, звѣрской расправы съ людьми. Такъ Д. А. Ровинскій пишетъ, что кнутъ мало-помалу сокращался въ числѣ ударовъ, а впослѣдствіи и вовсе размѣненъ на плети, которыя, въ свою очередь, сперва приведены въ систему, потомъ усовершенствованы и отрехвощены, и, наконецъ, со спины спущены на болѣе мягкія части, а шпицрутены, это дьявольское изобрѣтеніе бездушнаго нѣмца... прославились изобрѣтеніемъ новой аракчеевской манеры... По аракчеевскому рецепту значилось: «прогнать *сквозь тысячу—двѣнадцать разъ безъ медика*»... А въ 1858 году предсѣдатель редакціонныхъ коммиссій Я. И. Ростовцевъ писалъ Александру II: «О наказаніи тѣлесномъ не слѣдуетъ упоминать вовсе (въ положеніи о крестьянахъ): это было-бы пятномъ настоящаго законодательства». Въ то же время великій князь Константинъ Николаевичъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывался противъ тѣлесныхъ наказаній.

Въ настоящее время дѣло съ тѣлесными наказаніями обстоитъ у насъ слѣдующимъ образомъ: въ изданіи Уложенія о наказаніяхъ 1886 года устранены тѣ статьи, по которымъ, при явной невозможности заключить въ тюрьму, арестный и рабочій домъ или подъ арестъ, разрѣшались розги отъ 3 до 100 ударовъ. Такимъ образомъ, съ 1886 года въ судебномъ порядкѣ (кромѣ волостныхъ судовъ) нельзя присуждать къ наказанію розгами. Съ тѣхъ поръ тѣлесныя наказанія остаются на практикѣ въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) въ дисциплинарныхъ баталіонахъ для штрафованныхъ по суду солдатъ до 300 ударовъ, что равносильно квалифицированной *смертной казни*, 2) для сосланныхъ въ Сибирь въ каторжныя работы и на поселеніе—розги, въ неограниченномъ количествѣ, по усмотрѣнію администраціи, 3) для каторжныхъ, совершившихъ побѣгъ или другое преступленіе—плети и прикованіе къ телѣжкѣ, 4) за уголовныя преступленія, подсудныя волостнымъ судамъ—розги до 20 ударовъ, при чемъ опредѣленныя группы изъ крестьянскаго сословія изъяты отъ этого вида

наказанія, и 5) по усмотрѣнію высшей администраціи въ видѣ экзекуцій при народныхъ волненіяхъ или даже для предупрежденія ихъ—розги безъ *опредѣленія максимальнаго количества ударовъ*, а также *безъ различія пола и возраста*. Съ изданіемъ закона о земскихъ начальникахъ 12 іюля 1889 года и «Временныхъ правилъ о волостномъ судѣ» примѣненіе розогъ въ крестьянской средѣ, шедшее въ теченіе многихъ лѣтъ *на убыль*, вдругъ опять *расширило*... Дѣло дошло до того, что уже въ 1891 году Министръ Внутреннихъ Дѣлъ «рекомендовалъ» бо́льшую осторожность въ примѣненіи тѣлесныхъ наказаній, которыя допущены законодателемъ какъ крайняя мѣра, безъ которой возможно обойтись. Закономъ 1893 года тѣлесныя наказанія отмѣнены для женщинъ.

Минуя 2-ю и 3-ю главы книги, посвященныя изслѣдованію современнаго положенія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ законодательствѣ и на практикѣ и разбору статистики тѣлесныхъ наказаній по разнымъ классамъ населенія и по годамъ, переходимъ къ той главѣ, которая трактуетъ объ отношеніи къ тѣлеснымъ наказаніямъ правительственныхъ и общественныхъ органовъ и всего русскаго общества. Здѣсь мы наталкиваемся на тотъ любопытный фактъ, что тѣлесныя наказанія какъ будто всѣми осуждаются, и между тѣмъ продолжаютъ существовать. Министерство внутреннихъ дѣлъ въ циркулярѣ 1891 г. предлагало съ крайней осторожностью относиться къ приговорамъ волостныхъ судовъ о назначеніи тѣлесныхъ наказаній и рекомендовало не назначать исполнителями такихъ приговоровъ молодыхъ людей, на которыхъ подобная операція производитъ развращающее впечатлѣніе. Изъ мнѣній, высказанныхъ военными людьми о тѣлесныхъ наказаніяхъ, особаго вниманія заслуживаетъ мнѣніе ген. Драгомирова, не разъ въ своихъ приказахъ высказывавшаго пожеланіе, чтобы «неприкосновенность» личности настолько вошла у насъ въ нравы, что упоминаніе о ней было бы излишне. Въ этомъ же смыслѣ высказываются генералъ-губернаторы окраинъ: ген. М. А. Таубе, степной генералъ-губернаторъ и туркестанскій—А. Б. Вревскій. Интересными представляются мнѣнія земскихъ начальниковъ, высказывающихся противъ тѣлесныхъ наказаній, при чемъ одинъ изъ нихъ А. М. Черновъ пишетъ: «Чтобы заставить звучать народную правду, только и возможно было бы теперь поступиться розгой,—этой колесницей крѣпостничества,—у которой нынѣ всѣ колеса выбиты закономъ и жизнью изъ ранѣе наѣзженной колеи». Что касается земствъ, то вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній неоднократно подымался и обсуждался въ земскихъ собраніяхъ; не разъ земства возбуждали соотвѣтственныя ходатайства по этому поводу, хотя имъ и указывалось всякій разъ въ отвѣтѣ, что земства призваны обсуждать только мѣстныя нужды, а вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ является общегосударственнымъ. Авторы подробно излагаютъ исторію этого вопроса по каждому земству въ отдѣльности и здѣсь достаточно будетъ сказать, что ими собраны свѣдѣнія о 28 земствахъ, тщетно, но неустанно возбуждавшихъ вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.

Указавъ далѣе на мнѣнія отдѣльныхъ юристовъ, какъ А. Ф. Кони, Н. А. Неклюдовъ, Д. А. Дриль, писавшихъ и говорившихъ противъ тѣлесныхъ наказаній, перечисливъ ходатайства медицинскихъ обществъ и съѣздовъ, отмѣтивъ ходатайство Вольно-Экономическаго общества и приведя отзывы печати по этому вопросу, авторы даютъ яркую характеристику отношенія къ тѣлеснымъ наказаніямъ крестьянъ, относительно которыхъ «розголюбами» не разъ высказывалось мнѣніе, будто крестьяне прямо любятъ наказаніе розгами. Нечего говорить, что такое дикое мнѣніе опровергается наблюденіями повседневной жизни, показывающей, сколько самоубійствъ и психически-больныхъ давала и продолжаетъ давать крестьянская среда, не справляющаяся, какъ всѣ люди, съ ужасомъ и позоромъ наказанія. Послѣднія страницы книги посвящены разбору вреднаго вліянія тѣлесныхъ наказаній на физическое и психическое здоровье наказуемыхъ.

Отъ всей души присоединяемся къ заключительному пожеланію авторовъ, чтобы работа ихъ оказалась не одной изъ капель, которыя долбятъ камень, а той каплей, которой суждено переполнить чашу доводовъ противъ существованія позорныхъ наказаній въ нашемъ обществѣ...

СОЦІОЛОГІЯ.

Ф. Гиддингсъ. «Основаніе соціологіи».—*Г. Зиммель.* «Соціальная дифференціація».

Основанія соціологіи. Ф. Г. Гиддингса. Пер. съ англ. М. В. Лучицкой подъ ред. проф. И. В. Лучицкаго. Кіевъ—Харьковъ 1898 г. Съ тѣхъ поръ какъ Ог. Контъ пустилъ въ обращеніе слово *соціологія*, всевозможныя «основанія соціологіи», «введенія въ соціологію», «соціологическіе этюды» положительно какъ грибы растутъ. Въ соціологической литературѣ замѣчается странное перепроизводство и ежегодно на книжный рынокъ выбрасывается много пустопорожнихъ соціологическихъ трактатовъ, которые только компрометируютъ идею соціологической науки. Хотя мы имѣемъ безчисленное количество «соціологій», но соціологіи, соціологической науки еще нѣту, и для этого существуютъ важныя причины. Корень зла лежитъ въ томъ общественномъ источникѣ, изъ котораго современная соціологическая литература истекаетъ: онъ недостаточно чистъ. Общественная наука непосредственно отражаетъ на себѣ общественную борьбу и въ обществѣ съ рѣзко-классовой структурой она носитъ рѣзко классовой характеръ. Соціологія общечеловѣческая сдѣлается возможной лишь съ прекращеніемъ классовой борьбы, тогда и соціологическая литература будетъ отличаться большей содержательностью, чѣмъ теперь. Существуютъ и другія, второстепенныя причины безплодности современныхъ «соціологовъ». Каждый «соціологъ» стремится создать цѣлую соціологію и соціологію оригинальную, свою собственную, вмѣсто того чтобы заниматься соціологическими изслѣдованіями. Это всегда бываетъ съ наукою, основные принципы которой еще не установлены. Но соціологи-позитивисты, при всей своей склонности къ оригинальности, не идутъ далѣе повторенія общихъ мѣстъ, взятыхъ у Конта и Спенсера.

Книга американскаго соціолога Гиддингса, переведенная на русскій языкъ въ нѣсколькихъ изданіяхъ, мало чѣмъ отличается отъ преобладающаго тона соціологическихъ трактатовъ. Въ качествѣ «соціолога» онъ имѣетъ большія претензіи, въ качествѣ «позитивиста« онъ пробавляется преимущественно Контомъ и Спенсеромъ, хотя старается подать соціологическое блюдо подъ собственнымъ соусомъ. Гиддингса причисляютъ къ сторонникамъ *психологическаго* направленія въ соціологіи и сопоставляютъ съ другимъ американскимъ соціологомъ, болѣе даровитымъ, Лестеромъ Уордомъ. Какъ же понимаетъ Гиддингсъ задачи соціологіи? Мы должны сознаться, что изъ чтенія его объемистой книги не вынесли опредѣленнаго представленія объ его взглядахъ на этотъ вопросъ, хотя первыя четыре главы какъ будто бы посвящены задачи соціологіи (глава IV такъ и называется «задачи соціологіи»). Ясно только, что онъ признаетъ существованіе вопросовъ, которые могутъ быть названы соціологическими. На первой же страницѣ книжки Гиддингса мы встрѣчаемъ слѣдующую фразу: «Всѣ истинно общественныя явленія—психическія по своей природѣ». Въ концѣ книги онъ говоритъ, что «общество въ сущности психическое явленіе, обусловленное физическимъ процессомъ», что даетъ намъ право причислить Гиддингса къ сторонникамъ психологическаго направленія въ соціологіи, хотя не столь яркимъ какъ Л. Уордъ. Мы ничего не имѣемъ противъ психологизма и считаемъ совершенно неправильнымъ традиціонное про-

тивоположеніе психологизма матеріализму въ общественной наукѣ. И весь историческій процессъ, и отдѣльныя историческія событія понятны только тогда, если понятна психологія людей, скрывающаяся за общественными явленіями *). Соціальный процессъ требуетъ истолкованія въ терминахъ психологическихъ. Это, конечно, нисколько не противорѣчитъ основному положенію матеріалистической соціологіи, что психологія людей выростаетъ на почвѣ матеріальныхъ общественныхъ отношеній и отражаетъ на себѣ классовую структуру общества. Къ какимъ же выводамъ приводитъ Гиддингса его точка зрѣнія на общественныя явленія, какъ на психологическія? Да ни къ какимъ: это его ни къ чему не обязываетъ. Хотя Гиддингсъ, какъ и всякій соціологъ, имѣетъ философскія претензіи, но философъ онъ плохой. То, что можетъ быть названо теоріей познанія общественной науки, у него совершенно отсутствуетъ, и это характерно для все болѣе и болѣе опошляющагося позитивизма **).

Гиддингсъ склоненъ къ оригинальной, сразу даже не совсѣмъ понятной терминологіи. Такъ напр., у него играетъ большую роль понятіе «соціальнаго разума», онъ даже назвалъ такимъ образомъ цѣлую главу. «Соціальный разумъ, говоритъ Гиддингсъ,—нѣчто болѣе, чѣмъ индивидуальный разумъ и онъ владычествуетъ надъ индивидуальною волею. Но онъ существуетъ только въ индивидуальныхъ разумахъ и мы не можемъ составить себѣ понятія о какомъ-либо другомъ сознаніи, кромѣ сознанія индивидуумовъ. Слѣдовательно, соціальное сознаніе есть не иное что, какъ чувство или мысль, появляющаяся одновременно во всѣхъ индивидуумахъ или распространяющаяся отъ одного къ другому черезъ посредство общества или собранія. Соціальный разумъ есть явленіе многихъ взаимодѣйствующихъ соціальныхъ индивидуальныхъ разумовъ, вліяющихъ въ такой сильной степени другъ на друга, что они одновременно испытываютъ тоже ощущеніе или волненіе, приходятъ къ одному и тому же сужденію и, быть можетъ, дѣйствуютъ сообща. Это, въ краткихъ словахъ умственное единеніе многихъ индивидуумовъ или толпы». Намъ не представляется этотъ терминъ особенно удачнымъ; онъ скорѣе сбиваетъ съ толку, чѣмъ помогаетъ понять соціальный процессъ.

Та часть книги, которая трактуетъ объ ассоціаціи «зоогенической», «антропогенетической», «этногенической» и «демогенической», заключаетъ въ себѣ много матеріала по антропологіи и исторіи культуры, въ концѣ этого отдѣла Гиддингсъ даетъ нѣчто вродѣ «философіи исторіи», но цѣнныхъ соціологическихъ обобщеній мы здѣсь не находимъ. Послѣдня часть («Общественный процессъ, законъ и причина») должна была бы быть самой интересной и мы ожидали, что она, наконецъ, разъяснитъ намъ, въ чемъ заключается оригинальность Гиддингсовой соціологіи, но насъ постигло разочарованіе—обычный результатъ чтенія соціологическихъ книгъ ***). Послѣдняя часть трактуетъ о физическомъ и психическомъ процессѣ, такъ какъ по мнѣнію Гиддингса общественный процессъ представляетъ изъ себя взаимодѣйствіе физическихъ силъ и психическихъ мотивовъ». Глава о физическомъ процессѣ это—повтореніе того, что было сказано на эту тему Спенсеромъ въ «Основныхъ началахъ». Величественная по внѣшности попытка разсмотрѣть соціальный процессъ, какъ физическій процессъ интеграціи и дифференціаціи энергіи и матеріи, и у Спенсера не привела ни къ какимъ результатамъ—гора родила мышь. Тѣмъ болѣе

*) См. G. Simmel, «Die Probleme der Geschichtsphilosophie». Erstes Kapitel.

**) Подъ позитивизмомъ мы понимаемъ не научное направленіе въ философіи вообще, а только особенную его фракцію.

***) Мы признаемъ возможность соціологіи и сами придерживаемся опредѣленнаго соціологическаго міровоззрѣнія, но относимся рѣзко отрицательно къ продуктамъ буржуазной соціологической мысли и часто убѣждены въ ея неспособности понять тайну историческаго процесса.

это выходитъ неудачно у Гиддингса. Мало поучительнаго находимъ мы также въ главѣ о психическомъ процессѣ. Разсужденія вродѣ Гиддингсовыхъ объ односторонности индивидуализма и коллективизма смертельно всѣмъ надоѣли, это общія мѣста, которыя не удовлетворяютъ ни «нашихъ», ни «вашихъ». Кардинальному вопросу соціологіи о «свободѣ и необходимости» Гиддингсъ посвящаетъ всего нѣсколько строчекъ. Спецефическій характеръ соціальныхъ явленій совсѣмъ не выясняется изъ книги Гиддингса. Онъ много говоритъ объ «естественномъ подборѣ», но трудно было бы сказать, какъ онъ смотритъ на значеніе біологическихъ факторовъ въ историческомъ процессѣ. Вопросу о «природѣ и цѣли общества» посвящена послѣдняя глава, состоящая всего изъ двухъ страницъ. Тутъ онъ также мало разъясняетъ намъ тайну общественнаго бытія, какъ и на протяженіи всей книги, состоящей изъ пятисотъ страницъ. Характерно, что Гиддингсъ никогда не обнаруживаетъ знакомства съ нѣмецкой философско-соціологической литературой: онъ ссылается только на американскую, англійскую и отчасти французскую литературу. Гиддингсъ заканчиваетъ свою книгу словами: «Общество, создавшее человѣка, въ свою очередь преобразовывается имъ. Наибольшее значеніе въ этомъ дѣлѣ представляетъ вліяніе тѣхъ немногихъ умовъ, геній которыхъ проникаетъ въ неизвѣстное; тѣхъ піонеровъ мысли и поведенія, которые осмѣливаются вступать одни на новые пути, и тѣхъ самоотверженныхъ людей, полныхъ любви къ человѣчеству, которые, нерѣдко подвергаясь клеветамъ и испытывая горькія страданія, открываютъ ближнимъ возможность духовной жизни. Главнымъ образомъ, благодаря именно такого рода людямъ, масса человѣчества возвышается, хотя и въ слабой степени, надъ требованіемъ физической необходимости и вступаетъ въ болѣе святую область свободы и свѣта». «Немногіе піонеры мысли и поведенія», конечно, являются проводниками всего новаго и свѣжаго, но только потому, что они первые приспосопособляются къ нарождающимся формамъ жизни и мысли.

Мы сомнѣваемся, чтобы «соціологія» Гиддингса много дала русскому читателю: она не обогащаетъ фактическими знаніями, не будитъ критической мысли, не направляетъ соціологической мысли по правильному руслу. Средній русскій интеллигентъ нуждается въ умственной діэтѣ: мысль его такъ мало окрѣпла, что ее не слѣдуетъ сбивать съ толку книгами, носящими громкое заглавіе, но бѣдными содержаніемъ. Переводъ Гиддингса въ общемъ можно признать вполнѣ удовлетворительнымъ, но книга издана небрежно, встрѣчаются опечатки.

Г. Зиммель. Соціальная дифференціація. Соціологическія и психологическія изслѣдованія. Переводъ съ нѣм. С. Г. Кіевъ — Харьковъ. 1898 г. Зиммелю у насъ рѣшительно не повезло. Его «Проблемы философіи исторіи» были переведены безобразно: можно сказать, что любопытной книжки Зиммеля нѣтъ въ русской литературѣ. Такъ же безобразенъ лежащій передъ нами переводъ «Соціальной дифференціаціи». Уже одна фирма г. Іогансона заставляетъ насъ относиться подозрительно къ переводу Зиммеля, такъ какъ изданія г. Іогансона славятся своими плохими переводами. Зиммель писатель трудный и переводить его нелегко: для этого нужна и философская эрудиція, и знаніе языка. У него сплошь и рядомъ встрѣчаются такіе тонкіе оттѣнки мысли, которые съ трудомъ поддаются переводу. «Соціальная дифференціація» не только переведена отвратительнымъ, совсѣмъ не литературнымъ языкомъ но свидѣтельствуетъ также о грубомъ непониманіи нѣмецкаго текста и изобилуетъ ничѣмъ неоправдываемыми пропусками отдѣльныхъ словъ и даже цѣлыхъ фразъ.

Если мы не можемъ сказать, что переводчикъ начинаетъ грѣшить съ перваго же слова, то только потому, что у него отсутствуетъ не только первое слово книжки Зиммеля, но даже половина первой страницы. Онъ, можетъ быть, и пробовалъ начать сначала, но сразу споткнулся и предпочелъ начать съ того мѣста, которое ему показалось болѣе доступнымъ. Переводъ начинается со словъ:

«Im allgemeinen liegt dem Menschen mehr daran», т. е. съ девятнадцатой строчки (см. «Ueber sociale Differenzierung». Leipzig. 1890 г. стр. 1). И это далеко не единственное мѣсто, въ которомъ мы встрѣчаемся съ подобными пропусками. На стр. 24 пропущена цѣлая фраза (см. нѣмецкое изданіе, стр. 12). Мы уже и не говоримъ о томъ, что постоянно пропускаются отдѣльныя слова. Первая глава «Соціальной дифференціаціи» носитъ очень характерное для Зиммеля названіе «Zur Erkenntnistheorie der socialwissenschaft», но переводчикъ почему-то не перевелъ его. Вообще онъ, видно, не любитъ слова теорія познанія и вмѣсто «теоретикопознавательный» переводитъ просто «теоретическій», что, конечно, совсѣмъ не тоже самое (стр. 19 русск. изд. и стр. 10 нѣм. изд.). Мы не будемъ слѣдить за безчисленнымъ промахами перевода, но приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ первой главы на удачу.

Что означаетъ, напримѣръ, слѣдующая фраза на стр. 24: «мы не сомнѣваемся, что рѣшающее основаніе относительнаго единства кроется въ разнообразныхъ взаимныхъ вліяніяхъ частей цѣлаго?» По-нѣмецки (стр. 12—13) сказано: «Es ist nun unzweifelhaft, dass es nur einen Grund giebt, der eine wenigstens relative Objektivität der Vereinheitlichung abgiebt: die Wechselwirkung der Teile». Эту фразу слѣдуетъ перевести такимъ образомъ: «несомнѣнно, что существуетъ только одно основаніе, которое свидѣтельствуетъ, по крайней мѣрѣ, объ относительной реальности единства: это взаимодѣйствіе частей». На стр. 21 (нѣм. 11) слова «unteilbare Persönlichkeit, deren «einfache» Seele in der einheitlichen Zusammengehörigkeit ihrer körperlichen Organe Ausdruk und Analogie fand» переведена: «недѣлимую личность, «простая душа» которой находила въ единствѣ субстрата свое выраженіе и аналогію». Переводъ слишкомъ вольный, а выраженіе «простая душа» напоминаетъ «простоту душевную»; слѣдовало бы сказать «простота» души. У Зиммеля часто встрѣчается слово Einheit, что значитъ «единство», но переводчикъ никакъ не можетъ справиться съ этимъ словомъ: то онъ его переводитъ «единица», то «величина», то «однородность», то «группа». Такой же черезчуръ вольный переводъ представляютъ изъ себя слова: «это не абсолютъ, который, стоя надъ всѣми отдѣльными представленіями, приводитъ ихъ къ единству, а лишь субъективное понятіе» (стр. 23). Въ нѣмецкомъ текстѣ мы не находимъ ни «абсолюта», ни «субъективнаго понятія», тамъ сказано: «der aber eben auch nur ein Gedanke ist und deshalb nicht das sein kann, was, vergeblich über allen einzelnen Vorstellungen stehend, sie einheitlich umschliesst» (стр. 12). Слова: «äusserlich in Berührung stehende sociale Einheiten bilden durch Zweckmässigkeit, Not und Gewalt bewogen diese Inhalte und Formen unter sich aus» (дѣло идетъ объ образованіи права, нравовъ и религіи) переданы слѣдующимъ образомъ: «вполнѣ чуждыя соціальныя группы, сталкиваясь въ цѣлесообразныхъ и насильственныхъ взаимодѣйствіяхъ, вырабатываютъ форму и содержаніе». Откуда взялось выраженіе «чуждыя», куда дѣвалось характерное слово Not? (русск. стр. 28, нѣм. 14). Вообще переводчикъ очень безцеремонно обращается съ философскими терминами и суетъ выраженіе «абсолютъ», «субстанція», «субстратъ» туда, гдѣ въ нѣмецкомъ текстѣ и помину объ нихъ нѣтъ. Насъ очень разсмѣшила фраза: «опять приходится призадуматься надъ тѣмъ обстоятельствомъ, что существуютъ реальности, такъ сказать, по ту сторону отдѣльныхъ субъектовъ, хотя онѣ, очевидно, не имѣютъ, независимо отъ послѣднихъ, никакихъ средствъ къ существованію» (стр. 31). Реальности, не имѣющія никакихъ средствъ къ существованію! Это положеніе трагическое. Въ нѣмецкомъ текстѣ сказано: «gewisse Realitäten jenseits der Einzelnen existieren und doch offenbar, abgesehen von diesen, nichts haben, woran sie existieren könnten» (стр. 17). Это значитъ, что хотя въ обществѣ и «существуютъ нѣкоторыя реальности кромѣ отдѣльныхъ индивидуумовъ, но все-таки, очевидно, что независимо отъ послѣднихъ онѣ не имѣютъ никакихъ основаній

для существованія». Свободно эту глубоко важную мысль можно выразить такъ: реальность общества не исчерпывается суммой индивидуумовъ, но независимо отъ индивидуумовъ въ обществѣ нѣтъ никакой реальности. Уже достаточно очевидно, что мы должны еще ждать появленія на русскомъ языкѣ «Соціальной дифференціаціи».

Зиммель занимаетъ видное мѣсто въ современной философско-соціологической литературѣ и для оцѣнки его дѣятельности потребовалась бы цѣлая статья. Соціологическая литература отличается такою пустотою, что, какъ бы ни относиться къ направленію Зиммеля, нельзя не отмѣтить, что онъ выдѣляется на общемъ фонѣ своихъ собратьевъ по наукѣ. Оригинальность его заключается въ томъ, что онъ приложилъ методъ практической теоріи познанія къ общественной наукѣ и указалъ на задачи *соціологической гносеологіи*. Въ этомъ отношеніи за Зиммелемъ надо признать большія *формальныя* заслуги, такъ какъ до сихъ поръ слишкомъ мало обращали вниманія на анализъ конечныхъ понятій соціологіи. Теоретикопознавательныя и методическія основанія матеріалистическаго положенія исторіи совсѣмъ почти не разработаны и пополненіе этого пробѣла нельзя не признать важною задачей. Самъ Зиммель даетъ намъ мало положительнаго: его попыткамъ расшатать монизмъ мы совсѣмъ не склонны сочувствовать, но у него можно найти много любопытныхъ замѣчаній и отдѣльныхъ истинъ. Первая глава «Соціальной дифференціаціи» посвящена задачамъ теоріи познанія общественной науки; тутъ Зиммель разрушаетъ понятія, принимаемыя наивно-догматическимъ мышленіемъ, остальныя же главы это—этюды объ одномъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ соціологіи, который въ русской литературѣ, получилъ радикально ложное освѣщеніе. Особенно интересна была бы третья глава «Die Ausdehnung der Gruppe und die Ausbildung der Individualität», такъ какъ въ ней затрогивается вопросъ объ отношеніи между дифференціаціей общества и индивидуума, основной мотивъ всей почти литературной дѣятельности замѣчательнѣйшаго изъ русскихъ субъективистовъ г. Михайловскаго, но все это было бы интересно тогда, если бы существовалъ приличный переводъ Зиммеля, пока для незнающихъ нѣмецкаго языка Зиммель есть terra incognita. Зиммель не даетъ вполнѣ удовлетворительнаго рѣшенія вопроса объ отношеніи дифференціаціи общественной и индивидуальной, но толкаетъ мысль въ направленіи не индивидуалистическаго рѣшенія этого вопроса, а для насъ это весьма важно, такъ какъ у насъ замѣчается еще переживаніе міровоззрѣнія, поставившаго во главѣ угла абстрактную личность, находящуюся въ вѣчномъ антагонизмѣ съ общественнымъ развитіемъ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА,

съ 15-го мая по 15-е іюня 1899 года.

М. Б. Карскій. Пушкинъ въ Тавридѣ. Монографія. Изд. 2-е. Симферополь. 1899. Ц. 25 к.

А. А. Венкстернъ. А. С. Пушкинъ. Біограф. очеркъ. Москва. 1899. Ц. 60 к.

В. Харціевъ. Чтеніе объ А. С. Пушкинѣ въ 100-лѣтнюю годовщину его рожденія. Изданіе Харьк. Комит. народныхъ чтеній. 1899. Ц. 4 к.

Избранныя стихотворенія Пушкина въ переводѣ на еврейскій языкъ Д. Фришмана. Съ портр. и біогр. Пушкина. Спб. 1899.

А. Рождественъ. А. С. Пушкинъ. Первый русскій народный поэтъ. Казань. 1899. Ц. 20 к.

А. С. Пушкинъ. Въ сельскомъ населеніи и школѣ Ярославской губ. Труды Яросл. статист. губ. комитета. Вып. X.

А. С. Пушкинъ. Русланъ и Людмила. Роскошное юбилейное изданіе Мамонтова. Съ рисунками въ краскахъ Малютина. Москва. 1899.

— Сказка о царѣ Салтанѣ. Изд. Мамонтова. Москва. 1899. Ц. 25 к,

— Капитанская дочка. Изд. Мамонтова. Москва. 1899. Ц. 25 к.

Сборникъ Пушкину. Изд. Кіевскаго педаг. Общества. Кіевъ. 1899. Ц. 1 р. 50 к.

А. С. Пушкинъ. Избранныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Съ портр. и краткимъ біограф. очеркомъ подъ редакц. Трапани. Кишиневъ. 1899. Ц. 1 р. 50 к.

— Бахчисарайскій фонтанъ. Иллюстрир. В. Я. Суреньянцъ. Москва. 1899. Ц. 6 р.

Дж. Гобсонъ. Общественные идеалы Рёскина. Ред. Д. Протопопова.

И. Левитовъ. Ближайшія задачи русской промышленности на крайнемъ Востокѣ. Спб. 1899.

Сборникъ. Поможемъ, чѣмъ можемъ. Въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Казань. 1899. Ц. 40 к.

Я. Б. Зельдовичъ. На чуму. (Впечатлѣнія). Спб. 1899.

Г. С. Десятовъ. Башкирскіе припущенники Пермь. 1899.

Богородицкій. О преподаваніи русскаго языка. Изд. 2-е. Казань. 1899. Ц. 25 к.

И. П. Котляревскій. Вергилева Энеида на малор. языкѣ. Кіевъ. 1898.

N. Z. Гигіена купающихся. II изд. подъ ред. д-ра Лаура. Спб. 1890. Ц. 20 к.

Арт. Шопенгауеръ. О женщинахъ. Спб. 1890. Ц. 30 к.

В. П. Синькевичъ. Грѣхъ. Бытовая комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

Максъ Нордау. Докторъ Конъ. Современная гражданская комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Пер. А. Бурдъ. Харьковъ. 1890. Ц. 1 р.

Г. О. Коварскій. Какъ вскармливать дѣтей до 3-хъ-лѣтняго возраста? Вильна. 1899

Воробьевъ. О выгодахъ травосѣянія на крестьян. надѣльн. земляхъ. Кострома. 1899.

М. Ротшильдъ. Коммерческая энциклопедія. Подъ ред. С. Григовьева. Изданіе Эд. Э. Форселлеса. Вып. III и XII. Спб. Цѣна по подпискѣ 10 р.

С. Н. Терпигоревъ. (С. Атава). Собраніе сочиненій. Ред. С. Н. Шубинскій съ біографич. очерк. и портретомъ автора. Въ 6 т. Изд. Маркса. Спб. 1899. Ц. по подпискѣ 8 руб.

Свѣточи русской поэзіи. Изд. Мамонтова. Москва. 1899. Ц. 40 к.

В. Сысоевъ. Дѣдъ Миронычъ. Изд. Мамонтова. Москва. 1899. Ц. 8 к.

Картины изъ русской природы и быта. Изд. Мамонтова. Москва. 1899. Ц. 15 к.

Ю. Кречетовъ.—В. Сысоевъ. Бѣлочка.—Плотничка. Изд. Мамонтова. Москва. 1899. Ц. 8 к.

У чернокожихъ дикарей. Путешествіе къ источникамъ Нила С. Бэкера съ женой. Съ 34-мя рис. въ текстѣ. Изд. Мамонтова. 1899. Ц. 25 к.

І. Д. Трайль. Общественная жизнь Англіи. Т. VI. Съ 1815 г. до общ. выборовъ 1885 года. Изд. К. П. Солдатенкова. Москва. 1899. Ц. 3 р.

А. Гобсонъ. Джонъ Рёскинъ какъ соціальный реформаторъ. Пер. съ англ. П. Ни-

колаева. Изд. К. П. Солдатенкова. Москва. 1899. Ц. 1 р.

А. Торсое. Исторія нашего столѣтія. 1815—1863, Т. I и т. II 1863—1899 г. Перев. съ дат. М. В. Лучицкой. Изд. С. В. Кульженко. Кіевъ. 1899. Ц. I т.—1 р. 75 к.

Г. Бойезенъ. «Фаустъ» Гёте. Комментарій къ поэмѣ. Переводъ Н. В. Арскаго. Спб. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 к.

Л. Гумплowичъ. Основы соціологіи. Изд. Поповой. Спб. 1899. Ц. 1 р. 30 к.

М. Л. По поводу экзаменовъ. Москва. 1899. Ц. 25 к.

Эл. Реклю. Земля и люди. Вып. V. Британскіе острова. Полн. пер. съ франц. подъ ред. Коропчевскаго. Изд. Поповой. Спб. 1899. Ц. 2 р.

А. Строевъ. Помирилъ. (Шутки съ куплетами). Н.-Новг. 1899. Ц. 50 к.

А. Клоссовскій. Физическая жизнь нашей планеты на основаніи современныхъ воззрѣній. Одесса. 1899.

Къ дѣлу умиротворенія, вовбужденнаго нотою 12 августа 1898 г. Воронежъ. 1899 Ц. 10 к.

Отчетъ Полтавскаго Общества содѣйствія физич. воспитанію дѣтей за 1898 г. Полтава. 1890.

Отчетъ о состояніи Нижегородскаго Кулиб. ремесл. училища за 1898 годъ. Н.-Новгородъ. 1899.

Отчетъ Пензенской, Общественной библіотеки имени М. Ю. Лермонтова. Пенза. 1899.

Отчетъ Полтавской Общественной библіотеки за 1898 г. Полтава. 1899.

Отчетъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ за 1897 г. Спб.

Обзоръ Бакинской нефтяной промышленности за 1898 г. Съ прилож. 9-ти діаграммъ, 3-хъ картъ и 3 разр. буровыхъ скважинъ.

Отчетъ о дѣятельности и суммахъ Московскаго Общества грамотности за 1896—1897 г. Москва. 1898.

Д. Кайгородовъ. Наши зимніе пернатые гости. Со мног. рис. Изд. Суворина. Спб. 1899. Ц. 20 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*The soul of a People*» *by H. Fielding* (*Benttey and Lou*). (*Душа одного народа*). Книга во многихъ отношеніяхъ заслуживающая вниманія. Авторъ ея обнаруживаетъ большія симпатіи къ буддизму и къ народу, исповѣдующему эту вѣру. Онъ имѣлъ возможность хорошо изучить этотъ народъ, такъ какъ ему пришлось въ теченіе многихъ лѣтъ управлять имъ. Глава «преступленіе и наказаніе» заключаетъ въ себѣ много полезныхъ свѣдѣній для тѣхъ, кому приходится имѣть дѣло съ восточными народами; но для тѣхъ, кто въ особенности интересуется буддизмомъ самую поучительную часть книги, представляетъ та, которая посвящена буддійскимъ монахамъ и монастырямъ. Авторъ, прожившій долго въ Бирманіи, съ большою теплотою отзывается о буддійскихъ монастыряхъ, которые служатъ хранилищемъ знанія, воспитательнымъ учрежденіемъ для дѣтей и чѣмъ-то вродѣ клуба для ихъ родителей, гдѣ они могутъ собираться для бесѣды о разныхъ научныхъ и религіозныхъ предметахъ.

(Athaeneum).

«*Mad. Humanity*» *By Z. Forbes. Wonslow* (*Arthus Tearson*). (*Безумное человѣчество*). Извѣстный спеціалистъ по душевнымъ болѣзнямъ, Форбесъ Уинслоу, разсказываетъ въ этой книгѣ свои личныя воспоминанія. Отдѣльныя главы посвящены изслѣдованію отношеній между геніемъ и помѣшательствомъ и связи, существующей между душевными болѣзнями и преступленіями, а также вліяніе пола на психическія заболѣванія. Книга написана очень популярно, такъ что вполнѣ доступна большому кругу читателей.

(Literary World).

«*The Land of the Pigmies*» *by Guy Burrows. With introduction by N. Stanley.* (*Pearson*). (*Страна пигмеевъ*). Авторъ этого путешествія, служившій въ Конго, посѣтилъ такія мѣста Африки, куда еще не вступалъ ни одинъ бѣлый человѣкъ. Племена, населяющія эту область,—каннибалы, за исключеніемъ пигмеевъ, очень страннаго племени маленькихъ людей, ростомъ не болѣе четырехъ футъ. Очень немногимъ изъ путешественниковъ удавалось видѣть ихъ, но автору посчастливилось въ этомъ отношеніи, такъ какъ онъ прожилъ съ ними довольно долго и имѣлъ возможность основательно познакомиться съ этимъ страннымъ племенемъ, его обычаями и характеромъ.

(Literary World).

«*Les Congrès ouvriers en France, (1876—1896) par Léon de Seilhac.* (*Armand Collin*). (*Рабочіе конгрессы во Франціи*). Эта книга можетъ служить прекраснымъ руководствомъ для всѣхъ, интересующихся исторіей рабочаго движенія во Франціи, такъ какъ она представляетъ подробный анализъ преній, рѣчей и вопросовъ, поднимавшихся на рабочихъ конгрессахъ.

(Journal des Débats).

«*The Morality of Marriage and other Essaysenthe Destiny and Status of Woman. By Mona Caird* (*George Redmay*). (*Нравственность брака; изслѣдованіе судьбы и положенія женщины*). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ авторъ этой книги, мистриссъ Мона Кэрдъ, возбудила на столбцахъ газеты «Daily Telegraph» вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли считать бракъ ошибкой? Общественное мнѣніе занялось этимъ вопросомъ и обнаружило многія темныя стороны брака, какъ государственнаго учрежденія. Въ своей книгѣ мистриссъ Мона Кэрдъ подвергаетъ всестороннему изслѣдованію вопросъ о бракѣ и положеніи женщины въ семьѣ и передъ закономъ.

(Literary World).

«*Indian Village Folk; their works and Ways*» *Being a Seriès of Sketches of Life in the Villages of India. By T. B. Tandian* (*Elliot Stock's*). (*Сельское населеніе въ Индіи*). Авторъ этой книги—индусъ, но христіанинъ. Его очерки сельской жизни въ Индіи чрезвычайно интересны и написаны очень живо.

(Literary World).

«*The Encyclopedia of Social Reform*» *by W. Bliss* (*Funk and Wagnalls*). (*Энциклопедія соціальной реформы*). Чрезвычайно полезная книга, заключающаяся на 1400 страницахъ компактнаго текста самыя подробныя свѣдѣнія обо всемъ, что касается соціальныхъ движеній и вопросовъ, интересующихъ всѣ цивилизованные народы. Вотъ вкратцѣ перечень вопросовъ, которымъ посвящены статьи «Энциклопедіи»: политическая экономія и политика, соціализмъ, криминологія, законы о бѣдныхъ, рабочіе союзы (Trade Union), монетный вопросъ, женскій вопросъ, протекціонизмъ и свобода торговли, негритянскій вопросъ и т. д.

(Literary World).

«*The Romance of Colonisation*» (*S. W. Tartridge and C°*). (*Романъ колонизаціи*). Два новыхъ тома этой серіи заключаютъ въ себѣ исторію колонизаціи Америки и Индіи, написанную очень популярно и интересно. (Literary World).

«*Journalism for Women*» *a practical Guide. By E. A. Bennett* (*John Zane*). (*Журнализмъ для женщинъ*; *практическій руководитель*). Авторъ этой небольшой книги даетъ практическіе совѣты женщинамъ, готовящимся выступить на поприщѣ журналистики, посвящаетъ ихъ во всѣ тайны этой профессіи, знакомитъ съ пріемами журналистовъ, съ требованіями современнаго журнализма и со всѣмъ тѣмъ, что необходимо знать для успѣха въ журналистикѣ.

(Literary World).

«*The Dungeons of old Paris: Being the Story an Romance of the most celebrated Prisons of the Monarchy and the Revolution. By Tigne Hopkins.* (*Putnam's Sons*). Чрезвычайно любопытная исторія наиболѣе знаменитыхъ старинныхъ тюремъ временъ французской монархіи и революціи. Авторъ, на основаніи историческихъ документовъ, сообщаетъ разные эпизоды и описываетъ ужасы тюремъ Бисетръ, Бастиліи, Сентъ Пелажи и др. Разсказы эти полны драматизма и читаются съ захватывающимъ интересомъ. (Literary World).

«*Les religions comparées au point de rue sociologique*» *par Masul de Grasserie.* (*Религіи съ соціологической точки зрѣнія*. Авторъ разсматриваетъ религію какъ науку и находитъ, что вмѣстѣ съ философіей и синтезомъ позитивныхъ наукъ, она должна завершить серію наукъ и увѣнчать ее. Религія, по его мнѣнію, представляетъ высшую соціологію, которая охватываетъ обширнѣйшую область, куда входятъ и люди и космическія тѣла, поэтому авторъ называетъ религію «космосоціологіей». Оригинальность выводовъ и точки зрѣнія автора придаетъ его книгѣ особенный интересъ.

(Journal des Débats).

«*The Battle of the Press, as told in the story of the Life of Richard Carlile*» *by his daughter Theophila Carlile Campbell. London* (*Aand H. B. Bonnes*). *Битва печати разсказанная въ исторіи жизни Ричарда Карлейля*). Въ этой біографіи Ричарда Карлейля, написанной его дочерью, разсказывается исторія борьбы за торжество идей либерализма въ Англіи. Трудно представить себѣ теперь, когда свобода слова окончательно установлена въ Англіи, чтобы въ 1842 г. могли сажать въ тюрьму на основаніи совершенно неопредѣленныхъ обвиненій въ атеизмѣ. Такая участь постигла мистера Голлока, единственнаго изъ остающихся въ живыхъ бывшихъ товарищей Ричарда Карлейля, но Ричарду Карлейлю пришлось не разъ за свою жизнь испробовать сладость тюремнаго заключенія. Въ 1819 году онъ былъ посаженъ въ тюрьму за опубликованіе рѣзкаго памфлета противъ Манчестерскихъ убійствъ и за изданіе сочиненій Томаса Пена. Во второй разъ его обвинили въ атеизмѣ и засадили въ тюрьму на шесть лѣтъ. Его дочь яркими чертами изображаетъ эту постоянную борьбу, которую велъ ея отецъ съ торійскою реакціей и очень трогательно описываетъ его домашнюю жизнь. Чтобы имѣть возможность говорить публично на открытомъ воздухѣ, Карлейль записался въ проповѣдники. Это было не болѣе какъ военною хитростью и хотя усилило предубѣжденія противъ него, но также усилило его и популярность; онъ сдѣлался настоящимъ героемъ романа, о которомъ распространялись легенды. Но толпа его слушателей относилась къ нему съ величайшимъ уваженіемъ и даже обожаніемъ. (Daily News).

«*Weltgeshichte*» *heraus gegeben von Hans Helmolt. I. Die Vorgeschichte der Stille Ocean. von D-r Helmolt, D-r Kohler, Prof. Ratzel, Prof. Kanke, Prof. Haebler, Graf Wilczek, D-r K. Weule. Leipzig und Wien. Bibliographisches Institut. 1899.* (*Исторія міра. Часть первая*: *Первобытная исторія Тихаго Океана*). Всеобщая исторія, изданіе которой предпринято Гельмольтомъ, отличается отъ всѣхъ подобныхъ изданій по обширности своего плана и замысла, такъ какъ эту исторію предполагается сдѣлать наиболѣе полной и наиболѣе научной. Исторія коснется всего человѣчества и начнается съ самыхъ отдаленныхъ временъ. Первый томъ занимается въ началѣ появленіемъ на землѣ человѣка и резюмируетъ всѣ наши современныя познанія о періодѣ, который носитъ названіе доисторическаго. Слѣдующія главы посвящены сѣверной и южной Америкѣ и Тихому Океану. Чтобы не забыть ни одной расы и ни одного народа авторы строго придерживаются географическаго порядка въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ.

(Frankfurter Zeitung).

«*Les morts qui parlent*» *par E. M. de Vogué.* (*Мертвые говорятъ*). Авторъ изображаетъ подъ видомъ романа всю исторію современной Франціи, описывая дѣйствительныя событія, но заставляя дѣйствовать вымышленныхъ лицъ. Всѣ его герои являются воплощеніемъ соціальныхъ и политическихъ группъ, идей, возмущающихъ современное общество и отражающихся на трибунѣ и порою въ уличныхъ демонстраціяхъ. Передъ читателемъ развертывается картина исторіи современной Франціи и онъ слышитъ какъ «Мертвые говорятъ». Вымышленные герои дѣйствительныхъ событій—это живыя лица, заинтересовывающія читателя и заставляющія его переживать вмѣстѣ съ ними всевозможныя перипетіи французской жизни.

(Revue de Paris).

«*Among the Celestials*» *by Captain Francis Younghusband* (*John Murray*) *London* (*Среди жителей Небесной Имперіи*). Авторъ описываетъ свое путешествіе по Китаю, очень богатое всякаго рода инцидентами. Европейскому путешественнику приходится подвергаться многимъ испытаніямъ въ этой интересной странѣ и запастись мужествомъ и терпѣніемъ, чтобы переносить всѣ лишенія и опасности, которыя встрѣчаютъ его на пути. Европейцу приходится много страдать и отъ назойливаго любопытства, и отъ враждебности низшихъ классовъ населенія Небесной Имперіи, и не меньше отъ всякаго рода насѣкомыхъ, изобилующихъ въ лѣсахъ, и отъ недостатка хорошей пищи, такъ какъ китайскій столъ разсчитанъ далеко не на всѣ вкусы. Высшіе классы въ Китаѣ, однако, отличаются большою вѣжливостью съ иностранцами, но обнаруживаютъ въ то же время замѣчательное невѣжество въ отношеніи всего, что находится за предѣлами ихъ страны и не имѣютъ никакого понятія о Европѣ и европейскихъ дѣлахъ, но зато чрезвычайно любятъ ученые диспуты о философскихъ предметахъ. (Athaeneum).

«*Myth, Ritual and Religion*» *by Andrew Lang, in two volumes* (*Longmans, Green and C°*) *New edition.* (*Миѳъ, обрядность и религія*). Въ предисловіи къ этому новому изданію своего сочиненія авторъ отвѣчаетъ на нѣкоторыя возраженія, сдѣланныя ему критиками. По его мнѣнію вопросъ о происхожденіи религій до сихъ поръ остается открытымъ, но несомнѣнно, что у всѣхъ дикихъ первобытныхъ народовъ можно отыскать во всѣхъ миѳахъ и суевѣріяхъ ядро сравнительно чистыхъ, хотя и не ясно выраженныхъ религіозныхъ вѣрованій. Человѣчество всегда имѣло склонность примѣшивать разныя фантастическія легенды къ первоначальной религіозной идеѣ и совершенно заслонять такимъ образомъ ея происхожденіе. Для этнологовъ и фольклористовъ книга Эндрью Линга представляетъ громадный интересъ, такъ какъ въ ней собранъ очень богатый матеріалъ по всѣмъ этимъ вопросамъ. (Literary World).

«*Viaggio di un fisiologo intorno al mondo*» «*Guilio Fano*», *Milan.* (*Путешествіе физіолога вокругъ свѣта*). Итальянскій физіологъ Фано описываетъ свое кругосвѣтное путешествіе, примѣшивая къ наблюденіямъ туриста выводы и заключенія ученаго. Особенный интересъ представляютъ страницы, посвященныя Индіи и, главнымъ образомъ, Бенаресу. (Revue Internationale).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

стр.

14. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** На голодѣ.—Ожидаемый неурожай этого года.—Неурожай въ Сибири.—Откликъ окраинъ на народную нужду.—Дѣло о безпорядкахъ на фабрикѣ т-ва В. Морозова.—Состояніе народнаго просвѣщенія въ Петербургѣ.—Учрежденія въ память Пушкина.—В. Г. Бать. . . . 25
15. НА ГОЛОДѢ. (Письмо въ редакцію). **Ек. Нелидовой.** 37
16. **За границей.** Негритянскіе выборщики и защитники черной расы въ Соединенныхъ Штатахъ.—Конгрессъ нѣмецкихъ рабочихъ синдикатовъ во Франкфуртѣ.—Европейцы и туземные кустарные ремесленники въ Индіи.—Interview съ Матильдой Серао.—Австрійскій кризисъ.—Бельгійская антарктическая экспедиція.—Сады рабочихъ. 43
17. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** «Revue des Revues».—«Revue Scientifique».—«Wide World Magazine».—«Vita internazionale». 56
18. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. О природѣ антагонизма между токсинами и антитоксинами.—**Зоологія.** 1) Защитительный аппаратъ жука бомбардира. 2) Память рыбъ.—**Медицина.** Болѣзнь и раса.—**Микробіологія.** 1) Дѣйствіе дождя на количество бактерій въ водѣ для питья. 2) Микробы цвѣтовъ.—**Демографія и соціологія.** Количество рожденій въ европейскихъ странахъ.—**Геологія.** Недавнія вулканическія явленія въ Исландіи. **Н. М.**—Астрономическія извѣстія. **К. Покровскаго** 61
19. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Русскія и переводныя книги: Беллетристика.—Критика и исторія литературы.—Публицистика.—Соціологія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. 73
20. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 98

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

21. ЭКИПАЖЪ ДЛЯ ВСѢХЪ. **Эдмонда де-Амичиса**. Переводъ съ итальянскаго **Ел. Колтоновской.** 1
22. МИКРОКОСМОСЪ, ИЛИ МІРЪ ВЪ МАЛОМЪ ПРОСТРАНСТВѢ, описанный **Морицомъ Вилькомомъ**, покойнымъ профессоромъ пражскаго университета. Переводъ съ нѣмецкаго **Н. М. Могилянскаго** и **Д. Н. Нелюбова**. Съ многочисленными иллюстраціями въ текстѣ. (Продолженіе). 205

При этомъ номерѣ приложено объявленіе «Журнала для всѣхъ».

„МІРЪ БОЖІЙ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(25 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

для

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ *Печковской,* Петровскія линіи и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) *Рукописи,* присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны* снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей.

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ, редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица,* адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.

5) Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала присылаются въ редакцію *не позже двухъ-недѣльнаго срока* съ обозначеніемъ № адреса.

6) ***Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.*** Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

7) При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ городскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адр съ того-же разряда 14 копѣекъ.

8) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ*, отъ 2 до 4 час., *кромѣ праздничныхъ дней.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **8** руб., безъ доставки **7** руб., за границу **10** руб. Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C042636783

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C042636783